

2023 № 3

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

3(25)
2023

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2023

3 (25)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук
Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов

А. Б. Алаев

А. К. Аликберов

В. М. Алпатов

С. Э. Бабкин

А. Г. Белова

В. Я. Белокреницкий

С. А. Бурлак

А. В. Воронцов

А. В. Демченко

А. Ю. Другов

Д. В. Дубровская

А. О. Захаров

Т. А. Карасова

Е. А. Катасонова

А. И. Кобзев

В. А. Кузнецов

Ю. В. Любимов

Н. М. Мамедова

С. Е. Малых

Д. В. Микульский

Д. В. Мосяков

В. Н. Настич

В. В. Наумкин

К. В. Орлова

Н. Г. Романова

А. В. Сарабьев

В. Н. Саутов

Т. А. Шаумян

Верстка текста и дизайн обложки номера

И. В. Федулов

На обложке: Езидский зиккурат «Алиш». Провинция Духок, Регион Курдистан, Ирак.

Фото Ю. Р. Дасни, сделано во время научной экспедиции в составе научных сотрудников ИВ РАН в Иракский Курдистан в марте 2019 г.

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2023

3 (25)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

L. B. Alaev

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

Design text and cover

Ilia Fedulov

On the cover: Yezidi ziggurat “Lalish”. Duhok Province, Kurdistan Region, Iraq. Photo by Yury Dasni, taken during a scientific expedition as part of the researchers of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences to Iraqi Kurdistan in March 2019.

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2023

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Ж. В. Кагазев.</i> Сражения у Аданы (1485–1486 гг.): причины и последствия	10
<i>Mustafa Debqan.</i> Reading Bidlīsi Through Al-Şaḥīḥayn: a Ḥadīṭ in Hašt Biḥišt VI	21
<i>А. А. Козлова.</i> Демография Дели в XVIII – первой половине XIX в.: динамика численности населения	25
<i>А. П. Цвижба.</i> Судьба опального Константина Шервашидзе, брата владельца Абхазии (документы о жизни и смерти)	34
<i>Т. А. Филиппова.</i> На периферии истории и географии: образ Турции на сатирических картах мира эпохи Первой мировой войны	58
<i>С. А. Кузьмин.</i> О ликвидации феодалов как социальной группы в Монголии после революции 1921 г.	72
<i>В. Э. Молодяков.</i> К истории колониальной модернизации: по поводу книги Т. Ватанабэ «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань»	86

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

<i>А. А. Зайцев.</i> Вишва хинду паришад в 1960-1970-е годы: становление организации и основные направления деятельности	95
<i>С. В. Прожогина.</i> Терроризм и литература (из опыта франкоязычных магрибинцев)	107
<i>Т. А. Боков.</i> «Оружие и позиция»: сарха как системообразующий элемент хуситского движения в 2000-х гг.	118
<i>М. В. Кирчанов.</i> Мусульманский либерализм в современной Индонезии	126

СОЦИУМ

«Живые чучела» в Непале: из переводов Кришны Пракаша Шрестхи	136
--	-----

КУЛЬТУРЫ

<i>Ю. Р. Дасни.</i> Езидский зиккурат	150
<i>С. Е. Малых.</i> Керамика из гробницы Каемнефрета в Гизе: к истории оригинального и вторичного использования древнеегипетских погребальных конструкций	163

ФИЛОЛОГИЯ

- А. А. Блинов.* Академия арабского языка в Каире: комитеты и административная структура 184
- А. В. Костыркин, А. С. Шварц.* Проблемы описания омографических связей в китайских словарях 199

ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- И. В. Федулов.* Дорога Баку – Тбилиси – Карс: прошлое и настоящее 208
- И. Ю. Авдаков.* Особенности первой промышленной и второй технологической революций на транспорте Японии 220
- Ю. А. Макеев.* Риск заморозки зарубежных активов Китая: оценка возможных масштабов и последствий 227

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- М. В. Ефименко, Н. И. Матвеева.* Школа молодого автора 20 лет спустя 235
- В. Я. Белокреницкий, И. Н. Серенко.* Круглый стол «Год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа: итоги и перспективы» 241
- М. Т. Степаняни.* Российско-пакистанские философские связи 263
- Б. У. Китинов.* Буддийский вектор Индии 270
- С. А. Кузьмин.* Международная конференция «Монгольская независимость и монголо-российский договор 1912 г.» 279
- И. В. Масюкова.* Новые вызовы, новые горизонты: XV конгресс антропологов и этнологов России (КАЭР) 282

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- М. С. Каменева.* Лучший среди первых. К 100-летию со дня рождения Ю. А. Рубинчика 290
- Т. Н. Загородникова.* Памяти учителя 296

CONTENTS

HISTORY

- Zh. V. Kagazezhev.* The Battles of Adana in 1485–1486: Causes and Consequences 10
- Mustafa Dehqan.* Reading Bidlīsī Through Al-Ṣaḥīḥayn: a Ḥadīṭ in Hašt Bihišt VI 21
- A. A. Kozłova.* Delhi's Population Dynamics in the Eighteenth – First Half of the Nineteenth Century 25
- L. I. Tsvizhba.* The Fate of the Disgraced Konstantin Shervashidze, the Brother of the Ruler of Abkhazia (Documents of Life and Death) 34
- T. A. Filippova.* On the Periphery of History and Geography: the Image of Turkey on the Satirical World Maps of the First World War 58
- S. L. Kuzmin.* On the Elimination of Feudal Lords as a Social Group in Mongolia After the Revolution of 1921 72
- V. E. Molodiakov.* Towards the History of Colonial Modernization: About T. Watanabe's Book “The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan” 86

IDEOLOGY AND POLITICS

- A. A. Zaitsev.* Vishva Hindu Parishad in the 1960-1970s: Formation of the Organization and Main Activities 95
- S. V. Projogina.* Terrorism and Literature (From the Experience of the Francophone Maghrebians) 107
- T. A. Bokov.* “Weapon and Position”: Sarkha as a Key Element of the Huthi Movement in the 2000s 118
- M. V. Kyrchanoff.* Muslim Liberalism in Modern Indonesia 126

SOCIUM

- “Living Dummies” in Nepal: from the Translations by Krishna Prakash Shrestha 136

CULTURES

- Y. R. Dasni.* Yezidi Zikkurat 150
- S. E. Malykb.* Pottery from the Tomb of Kaemnefret in Giza: to the History of the Ancient Egyptian Original and Secondary Burial Structures 163

PHILOLOGY

- A. A. Blinov.* Arabic Language Academy in Cairo: Committees and Administrative Structure 184
- A. V. Kostyrkin, A. S. Schwarz.* Problems of Arranging Homographic Relations
in Chinese Dictionaries 199

ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS

- I. V. Fedulov.* Baku – Tbilisi – Kars Railway: the Past and the Present 208
- I. Yu. Avdakov.* Peculiar Features of the First Industrial and Second Technological Revolutions
in Japanese Transport 220
- Yu. A. Makeev.* The Risk of a Freeze of China` s Foreign Assets:
Assessing the Possible Scale and Consequences 227

ACADEMIC LIFE

- M. V. Efimenko, N. I. Matveeva.* Young Author School 20 Years Later 235
- V. Y. Belokrenitsky, I. N. Serenko.* One Year of Shehbaz Sharif's Government in Power: Results
and Prospects 241
- M. T. Stepanyants.* Russia-Pakistan Philosophical Relations 263
- B. U. Kitinov.* Buddhist Vector of India 270
- S. L. Kuzmin.* International Conference “Mongol Independence
and Mongolian-Russian Treaty of 1912” 279
- I. V. Masynkova.* New Challenges, New Horizons: the XVth Congress of Anthropologists
and Ethnologists of Russia: (CAER) 282

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

- M. S. Kameneva.* The Best of the First:
on the Occasion of the 100th Anniversary of Yu. A. Rubinchik 290
- T. N. Zagorodnikova.* My Teacher: in Memoriam 296

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-010-020

СРАЖЕНИЯ У АДАНЫ 1485–1486 гг.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2023

Ж. В. Кагазежев¹

В статье исследуется важная страница мамлюко-османской войны 1485–1491 гг., посвященная ее первому этапу и охватывающая причины конфликта между двумя державами и сражения у г. Аданы в 1485–1486 гг. Указанному событию в современной российской историографии уделяется мало внимания. В большинстве работ, посвященных истории Ближнего Востока, сражения у г. Аданы в 1485–1486 гг. рассматриваются в общем русле событий, без необходимой детализации произошедшего, либо замалчиваются как исторический факт. В то же время западные и восточные историки считают эти сражения очень значимыми, рассматривают их как один из определяющих факторов, повлиявших на итоги мамлюко-османского противостояния 1485–1491 гг. Данные факты подчеркивают актуальность изучения рассматриваемых событий в отечественной историографии. Новизна исследования заключается в детальном изучении проблемы и ее раскрытии с привлечением отечественных, европейских, арабских и турецких историографических данных. Многие из них впервые вводятся в научный оборот в отечественной историографии. В статье рассматриваются личность султана Мамлюкской державы Кантбая и действия командующего мамлюкской армией Азбека, незаурядные личные качества которых сыграли важную роль в отражении агрессии османского султана Баязида II. Анализ доступных источников позволяет сделать вывод о высокой боевой подготовке армии Мамлюкской державы, победы которой сдержали османскую экспансию на Ближнем Востоке на десятилетия.

Ключевые слова: Ближний Восток, Мамлюкская империя, туркменские бейлики, Османская держава, Кантбай, Баязид II, статус ведущей исламской державы, военные действия, Азбек, сражения у г. Аданы

Для цитирования: Кагазежев Ж. В., Сражения у Аданы 1485–1486 гг.: причины и последствия. Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 3. С. 10–20. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-010-020

THE BATTLES OF ADANA IN 1485-1486: CAUSES AND CONSEQUENCES

Zhiraslan V. Kagazezhev

The proposed article examines an important page of the Mamluk-Ottoman war of 1485–1491, dedicated to its first stage, covering the causes of the conflict between the two powers and the battle of Adana in 1485–1486. Little attention is paid to this event in modern historiography. In most studies devoted to the history of the Middle East, the battles near Adana in 1485–1486 are considered in the general course of historical events, without the necessary details of what happened, or are hushed up as a historical fact. And this is happening despite the high importance attached to the battles at the Adans in 1485–1486 by western and Eastern sources.

¹ Кагазежев Жираслан Валерьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик; jiraslan@mail.ru

Kagazezhev Zhiraslan Valerievich, PhD in History, Leading Researcher, Kabardino-Balkarian Scientific Center RAS, Nalchik; jiraslan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0508-3493

The battles of Adana in 1485–1486 were one of the determining factors that influenced the results of the Mamluk-Ottoman confrontation in 1485–1491. These facts emphasize the relevance of studying the events in question in Russian historiography. The novelty of the research lies in the detailed study of the problem, and its disclosure with the involvement of domestic, European, Arab and Turkish historiographical data. Many of them are being introduced into scientific circulation for the first time in Russian historiography. The article examines the personality of the Sultan of the Mamluk state Kaitbay and the actions of the commander of the Mamluk army Azbek, whose outstanding personal qualities played an important role.

Keywords: Middle East, Mamluk Empire, Turkmen Beyliks, Ottoman Empire, Kaitbai, Bayazed II, status of the leading Islamic power, military operations, Azbek, battles near the city of Adana

For citation: Kagazhezh Z. V., The battles of Adana in 1485–1486: causes and consequences. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 3. Pp. 10–20. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-010-020

В последней четверти XV в. на Ближнем Востоке разразилось противостояние, благодаря которому Европа получила передышку от крупных наступлений Османской империи. Мамлюко-османский конфликт, вылившийся в войну 1485–1491 гг., ввиду последующих успехов Османской державы не получил должного освещения в современной историографии. Между тем ей придавалось большое значение в арабской, османской и европейской историографии XV–XVII в. как событию, от итогов которого зависело изменение геополитической ситуации на Ближнем Востоке. Мамлюко-османская война (1485–1491) проходила при мамлюкском / черкесском султани Каитбае (Аль-Малик Абу аль-Наср Сайф ад-Дин аль-Ашраф Каитбай) (1468–1496) (рис. 1.), являвшимся выдающимся государственным деятелем Ближнего Востока. Арнольд фон Харфф отмечает черкесское происхождение Каитбая, который фигурирует у него как султан Катуби (Sultan Cathubie) [Harff, 1946, p. 121]. Важные сведения о происхождении и становлении султана Каитбая оставил знатный миланец Пьетро Казола. По его данным, Каитбай и его ровесник Азбек были черкесами, которых вместе доставили в Мамлюкскую империю [Casola's, 1907, p. 280]. Незаурядные личные качества позволили Каитбаю стать командующим мамлюкской армией. Впоследствии при поддержке Азбека, пользовавшегося огромным авторитетом в армии, Каитбай был провозглашен султаном, а сам Азбек стал командующим армией [Casola's, 1907, p. 280]. Указанное событие, переросшее в целую историческую эпоху, произошло 31 января 1468 г., когда Каитбаю было 54 года. Каитбай для подданных стал порядочным, благочестивым и одновременно жестким, умным и дальновидным султаном. Египетский историк черкесского происхождения Мухаммед ибн Ияс подчеркивал, что правление Каитбая прошло в атмосфере неоспоримой славы и величия [Ибн Ияс, 2022, с. 373]. Мухаммед ибн Ияс дал подробное описание личных качеств Каитбая, который являлся спокойным, достойным и всегда держащимся подобающим образом человеком. Своим благородным поведением он всегда импонировал окружающим, на официальных торжествах «расточал вокруг себя ауру величия». Каитбай оказался искусным, одаренным исключительным умом и здравомыслием

Портрет султана Мамлюкской империи Каитбая (1468–1496) из книги Паоло Джовио (1483–1552). Рисунок взят из открытых источников

монархом; великолепно разбирался в государственных делах, «так как в совершенстве ведал, как и когда их решать». . . Он был известен своей храбростью, прекрасно держался в седле и отличался во всех военных искусствах, особенно во владении копьём [Ибн Ияс, 2022, с. 373–374].

В период правления султана Каитбая (1468–1496) Мамлюкская империя вела многочисленные войны. Наиболее опасным противником Каитбая был Османский султанат, ставший одной из мировых держав позднего Средневековья. По мере роста могущества султаната он все больше претендовал на роль ведущей исламской державы, что противоречило интересам Мамлюкской империи, считавшейся сильнейшим мусульманским государством с XIII в. Туркменские бейлики Анатолии могли политически развиваться благодаря сюзеренитету Мамлюкской империи, сыгравшей важную роль в выдавливании из региона монгольского государства Хулаидов (Ильханов). Османское государство в XIV в. обладало политическим статусом бейлика, как и другие туркменские владения в Анатолии. Победы на Балканах и быстрый рост территории Османского бейлика превратили его в могущественное государство уже к концу XIV в. Развитие мамлюко-османских отношений можно проследить по эволюции титулатуры османских правителей, которые в свое время укрепились на политической карте Ближнего Востока в том числе благодаря признанию политического верховенства мамлюкских султанов. В 1392 г. правитель Османского государства Баязид I (1389–1402) для укрепления своего политического статуса обратился с просьбой даровать ему титул «Султан Рума» к аббасидскому халифу аль-Мутаваккилю (1362–1406), находившемуся под опекой мамлюкских султанов в Каире [Har-El, 1995, р. 73, 74; Илюшина, 2019, с. 55]. В конце января 1392 г. султан Баркук (1382–1389, 1390–1399) отправил Баязиду I подписанную халифом инвеституру о даровании ему титула «Султан Рума». Принимая делегацию и новый титул, Баязид I назвал себя «рабом мамлюкского султана и с почтением подтвердил, что во всем будет подчиняться его воле» [Har-El, 1995, р. 74; Илюшина, 2019 с. 55].

Важным событием, сыгравшим определяющую роль в исторической судьбе Ближнего Востока, стало взятие Константинополя османами в 1453 г. Османское государство превратилось в признанную державу. Престиж осман возвысился во всем мире. В последующем они стали идеологическими соперниками мамлюкских султанов, защитников ислама и покровителей священных городов — Мекки, Медины и Иерусалима, занимавших главенствующую роль в мусульманском мире. Мехмед II как новый правитель византийской столицы провозгласил себя «правителем двух континентов». 27 октября 1453 г. в Каир прибыл посланник Мехмеда II с поздравлениями и подарками мамлюкскому султану Иналу (1453–1461) в связи с вступлением на престол, а также с сообщением о взятии Константинополя. Мехмед II не отходил от предыдущей традиции османов, обращаясь к султану Иналу с изъявлениями «наипочтительнейшей покорности» в дипломатических посланиях [Илюшина, 2021, с. 306]. По мнению М. Ю. Илюшиной, такие взаимоотношения приносили ощутимую выгоду внешней политике осман, обезопасивших свои восточные границы от противодействия мамлюков [Илюшина, 2021, с. 307].

С приходом к власти в Мамлюкской империи султана Хушкадама (1461–1467) отношения между мамлюками и османами кардинально изменились. Хушкадам не являлся черкесом и был избран султаном как переходная фигура в процессе борьбы за власть между черкесскими партиями. Весь период своего правления Хушкадам провел в попытках самоутверждения и лавирования между мощными черкесскими группировками, для многих из которых он оставался временным правителем. Данный факт наряду с внешнеполитическими обстоятельствами негативно отразился на политическом престиже султана Мамлюкского государства: Хушкадам не пользовался признанным авторитетом его предшественников. В 1464 г. прибывший

к султану Хушкадаму османский посланник не стал целовать землю у ног мамлюкского правителя, как это было традиционно принято. Хушкадам был оскорблен и не стал отправлять Мехмеду II ответное посольство [Нар-Ел, 1995, р. 79]. Если Мехмед II величал мамлюкского султана Инала подчеркнуто «подданныческими» словами — «нашему преподобному, султану Харемейна (владелец святых мест)», то к мамлюкскому султану Хушкадаму (1461–1467) он обращался как к равному себе: «наш брат, слуга Харемейна» [Аккуş Yiğit, 2017, р. 235, 236]. Смена дипломатической риторики со стороны османского правителя свидетельствовала о новом политическом курсе государства, которое больше не признает верховенство в исламском мире Мамлюкской державы и готово к соперничеству с ней.

Первый этап мамлюко-османского противостояния проходил в южноанатолийском бейлике Дулкадир, являвшемся ключом к северным владениям мамлюков в Киликии и Сирии. Османы поддерживали правителей Дулкадира, стремившихся выйти из-под вассалитета Мамлюкской империи. В результате войн 1467–1472 гг. и 1483–1484 гг. правители Дулкадира потерпели поражение. Попытки османов одержать победу над мамлюками с использованием сил Дулкадира полностью провалились. В условиях поражения в «гибридной» войне османский правитель Баязид II (1481–1512) начал готовиться к непосредственной войне с Каитбаем. До начала боевых действий в юго-восточной Анатолии османы заключили мирные соглашения с Венецией, Венгрией и другими европейскими государствами. Политика, проводимая Баязидом II с европейскими странами в период войны с Каитбаем, была вынужденно миролюбивой. Османы предприняли значительные меры для подрыва военного потенциала Мамлюкской державы. Пользуясь географическим положением государства на важных торговых путях, османы блокировали импорт стратегически необходимых товаров в Мамлюкскую державу. Они наложили запрет на приобретение и доставку молодых рекрутов для корпуса мамлюков, закупавшихся в основном в Черкесии. Османский султан Мехмед II и его сын Баязид II, готовясь к войне с черкесскими султанами Мамлюкской державы, боевые действия открыли непосредственно на их родине, в Черкесии, которая явилась основной базой для пополнения военного могущества мамлюков. Потенциал мамлюкской армии зависел от поставок большого количества молодых рекрутов из Черкесии. Крупные походы османов в Крым в 1475 г. и Черкесию в 1475, 1479, 1484 гг. привели к нарушению поставок новобранцев в Египет [Ланда, 2005; Waterson, 2008, р. 65; Кагазежев, 2015, с. 122, 123, 125]. В нападении на Черкесию османы активно пользовались помощью своих вассалов — крымских татар [Waterson, 2008, р. 262]. Дмитрий Кантемир считал одной из основных причин османской активности в Крыму и на Кавказе желание ослабить Мамлюкскую империю. Как он подчеркивал, Баязид II начал эту «бесплодную» войну с мыслью о том, что «господство черкесов в Египте невозможно было сокрушить силой оружия и что эта процветающая империя останется несокрушимой до той поры, пока страна под названием Черкесия будет сохранять свою силу: единственное средство ослабить Каитбая — заградить проход тем многочисленным солдатам, которые все эти годы переправлялись в Египет и способствовали возрождению его мощи» [Сантимир, 1743, р. 132]. В результате похода 1484 г., осуществленного Баязидом II, османы пытались нанести большой урон людским и материальным ресурсам Черкесии [Кагазежев, 2015, с. 123, 125]. Были разгромлены основные центры рекрутирования для пополнения мамлюкского войска.

Султан Каитбай понимал неминуемость войны с Османским султанатом и был готов к военным действиям. В 1477–1478 гг. он совершил поездку в Сирию для инспекции городов, укреплений, гарнизонов и армейских частей [Илюшина, 2022, с. 33]. Основная цель инспекции состояла в том, чтобы оценить положение тех крепостей, городов, населенных пунктов,

которые находились близко к границе Османского государства. Эта поездка носила полусекретный характер и продлилась четыре месяца. В ней Каитбая сопровождал небольшой отряд в двадцать пять мамлюков, около десяти чиновников, служащих невысокого ранга, и несколько эмиров. В результате был создан детальный отчет и обзор событий каждого дня этого путешествия, дополненный описанием почтовых служб, городов и деревень. В них также содержались сведения о некоторых представителях военно-политической элиты, улемах (знатоках права и богословия) и чиновниках, занимавших важные государственные посты. Инспекция султана Каитбая собрала полные данные о социально-политической ситуации и военном состоянии северных владений мамлюков. Эта информация была использована для принятия эффективных мер, способствующих укреплению обороноспособности Мамлюкской империи. В условиях нарастающей внешней угрозы в конце 1470-х гг. султан Каитбай провел масштабные экономические, военные и административные реформы. В проведении реформ непосредственную помощь ему оказывали его соратники во главе с главным давадаром (управляющим делами султанского двора) Йашбеком мин Махди. Реформы Каитбая по реорганизации управления финансовыми ведомствами, формированию новой политической элиты и усилению обороноспособности страны эффективно сказались на укреплении общей мощи Мамлюкской державы.

В 1484 г. произошел инцидент, ставший поводом для переломного обострения отношений между мамлюками и османами [Ибн Ияс, 2022, с. 248]. В Джидду прибыли индийские купцы, которые везли драгоценные подарки от султана Бахманийского султаната (Деккан) Махмуд Шаха (1470–1518) для османского султана Баязида II. Мамлюкской префект аравийского г. Джидды задержал купцов и конфисковал подарки, которых затем доставили в Каир. Среди подарков был кинжал с рукояткой, оправленный драгоценными камнями, — его Каитбай оставил себе [Ибн Ияс, 2022, с. 248]. Узнав, что кинжалом, предназначенным для него, владеет султан Каитбай, Баязид II был оскорблен. Такое действие вряд ли можно назвать случайным. Каитбай как опытный политик осознавал возможные последствия инцидента с «индийским кинжалом». По сути в сложившейся напряженной обстановке он испытывал на прочность Баязида II, от реакции которого зависел растущий великодержавный статус осман. Каитбай действовал с позиции владетеля ведущей исламской империи, который демонстративно забрал у своего мнимого «подданного» то, что ему «понравилось». Ему необходимо было восстановить ореол непобедимости мамлюкской армии, престиж империи, победив признанную в мире военную державу — Османское государство. Несмотря на предыдущие пятнадцать лет тяжелых войн с дулкадиритами, поддержанными османами, Ак Коюнлу и мятежными бедуинскими племенами, после проведенных реформ Каитбая армия мамлюков была готова к полномасштабной войне с османами.

В связи с тем, что престиж Османской державы среди мусульман резко возрос после взятия Константинополя, побед над христианскими государствами Балкан и крестоносцами, немаловажное значение имела идеологическая составляющая предстоящего противостояния. Благодаря умелой идеологической пропаганде и внешней политике османы обладали немалым количеством сторонников в мусульманских странах. После «инцидента с индийским кинжалом», где Каитбай выступал «зачинщиком» конфликта, необходимо было убедить мусульманский мир в справедливости и правоте мамлюков. Каитбай отправил к Баязиду II посольство во главе с Джанибеком Хабибом с целью заключения мирного соглашения. Для Баязида II было подготовлено также послание от халифа с инвеститурой, призывавшее к миру. Не прислушался Баязид II и к еще одному посланию, уже от имени аббасидского халифа, направленному ему из Каира, в котором содержался призыв погасить разгоревшийся огонь фитны (смуты) [Зеленев, Илюшина, 2021, с. 65]. В грамоте от халифа османский правитель назначался помощником мамлюкского султана

в Анатолии и других завоеванных им территориях [Фильштинский, 1999, с. 199]. Таким образом, Каитбаем были предприняты действия, чтобы охарактеризовать конфликт между мамлюками и османами как фитну, в котором мамлюкский султан вместе с халифом выступали поборниками восстановления справедливости и мира между мусульманами. Баязид II, назначаемый халифом как «помощник султана Каитбая», при дальнейшей эскалации становился «ослушником». Нужно также обратить внимание, что в грамоте абассидского халифа османский правитель ставился подчеркнута ниже мамлюкского султана. Наполненный идеями великодержавности и исключительности осман, владетель могущественного османского государства, Баязид II не хотел быть «помощником Каитбая» и был решительно настроен на военное решение конфликта.

В план Баязида II входил захват Киликийской равнины, лежащей между горами Тавра и Средиземным морем и имеющей важное географическое и стратегическое значение. В Киликии были расположены города Адана, Тарс, Сис, Айас и др. Здесь находился вассально зависимый от Мамлюкской державы бейлик Рамадан и туркменские племена тургут и варсак, оттесненные османами с северных склонов гор Тавра. В случае военного успеха Баязид II хотел развить наступление на юг, в сторону Сирии. Уверенность Баязида II основывалась на большом численном превосходстве османской армии и военного флота, которые были лучше оснащены огнестрельным оружием. К тому же османская армия имела значительный опыт боевых действий. Ее возглавляли военачальники, прославившиеся в войнах с европейскими государствами, разгромившие совсем недавно и туркменскую державу Ак Коюнлу в сражении у Отлукбелли. Выгодной для осман оказалась и обстановка в Сирии, где были сосредоточены ближайšie к Киликии крупные воинские контингенты мамлюков. Их перебросили от границы на подавление мятежей бедуинов. Баязид II узнал из разведывательного отчета, отправленного из Сирии османским шпионом Иясом, что египетская армия, которая сражалась с Дулкадиром, отступила в Алеппо и вскоре после этого вернулась в Каир, несмотря на попытку губернатора Дамаска оставить их на некоторое время в Сирии [Har-El, 1995, с. 141]. Согласно отчету османского шпиона, туркменские племена Сирии возобновили грабежи в сельской местности. Активные разбойные действия распространились и среди бедуинов. Племена Бани Кумар аль-Хаввари разграбили провинцию Фаюм в Верхнем Египте. Бедуины Сирии своими набегами перерезали главную дорогу между Египтом и Сирией. Генерал-губернатор Дамаска в промежутке 17 февраля — 17 марта 1485 г. собрал войска для отпора бедуинам. Позже, в августе 1485 г., Ибн-Тюльун сообщал, что генерал-губернатор не смог эффективно противостоять бедуинам, заполонившим сельскую местность, окрестности Дамаска и его дороги [Har-El, 1995, р. 142]. Османский шпион убеждал Баязида II воспользоваться общим ухудшением состояния мамлюкских владений и «послать несколько кораблей в Триполи (Сирия), а затем и в Искандарун (Александреттский залив), поскольку этого будет достаточно, чтобы подчинить Мамлюкский султанат» [Har-El, 1995, р. 142].

В начале 1485 г. Османское государство было готово к войне с Мамлюкской державой. Мир с европейскими государствами позволял направить значительную часть вооруженных сил осман против мамлюков. Вдохновленный разведанными о внутреннем кризисе в Мамлюкской империи Баязид II решил перейти на стадию активных боевых действий с целью захвата Киликии. В османском дворе указанную цель решили реализовать силами подчиненного бея Карамана, подкрепленного османскими войсками, которым должен был оказать содействие Дулкадир. Были выделены также значительные суммы для подкупа и привлечения на свою сторону туркменских владетелей Киликии. Официально заявленной причиной обострения конфликта со стороны осман стала защита паломников и торговцев от мятежных племен туркмен, а также «разнузданность» христианского населения в Киликии. В мае 1485 г. без объявления войны бей Карамана

Карагёз Мехмед-паша пересек мамлюкскую границу, после чего последовали боевые действия [Har-El, 1995, p. 142]. Обезопасив Киликийские ворота, где был взят замок Гюлек, Карагёз Мехмед-паша спустился с гор Тавр на Киликийскую равнину у г. Тарс. При известии о приближении османской армии мамлюкский гарнизон Тарса с губернатором Кансухом аль-Гаури эвакуировался в г. Алеппо [Har-El, 1995, p. 142]. Карагёз Мехмед-паша захватил города Киликии, находившиеся в районе г. Адана — Тарс, откуда ушли мамлюкские гарнизоны в сторону Сирии для соединения с основной мамлюкской армией. Захватив без существенных потерь основную часть Киликии, Карагёз Мехмед-паша, выполнил задачи, поставленные ему Баязидом II. Несмотря на то, что османы так и не столкнулись с основной мамлюкской армией, Стамбул был доволен результатами похода Карагёза Мехмед-паши. Видимо, османы решили, основываясь на своих разведданных, что мамлюки не готовы к войне и полная победа над ними является вопросом времени. Отремонтировав и укрепив недавно завоеванные крепости, Карагёз Мехмед-паша, следуя повелению султана, отбыл в Караман, оставив часть войска с военачальниками — субаши и кавалерией тимариотов во главе с зятем Баязида II Фархад-беем. Его поддерживали санджакбеи: Анкары — Муса-бей; Кайсери — Бег-бей; Трабзона — Али-бей [Har-El, 1995, p. 146; Fisher, 1948, p. 37].

Согласно сведениям Ибн Ияса, известие из Алеппо об османском вторжении в Киликию достигло Каира в августе 1485 г. [Ибн Ияс, 2022, с. 253]. В сообщении генерал-губернатор Алеппо Уздамур ас-Сайфи просил помощи и призывал Каитбая воспользоваться возможностью для оперативного нападения на османские части в Адане. Просьба о помощи поступила и от бея Рамадана Рамазаноглу Омер-бея, который не мог выждать, пока его подданные один за другим присоединялись к османскому лагерю [Har-El, 1995, p. 145]. В условиях открытой войны с османами Каитбай действовал решительно. Своим вассалам — туркменским племенам Киликии отправил в помощь деньги и провизию, обещав скорую военную поддержку и призвав к дальнейшей борьбе с османами [Har-El, 1995, p. 145], в присутствии командующего мамлюкской армии Азбека мин Татаха провел общий смотр войск. В целях увеличения количества готовых к боевым действиям воинов был проведен дополнительный набор в мамлюкскую армию. Были призваны старые мамлюки и резервисты, а уволенные с военной службы предоставляли себе замену с полной экипировкой и конем или платили за ее финансирование [Ибн Ияс, 2022, с. 254].

Тем временем османы продолжили завоевание туркменских племен Киликии. Они совершили поход на местность Месах близ р. Джейхан, где были разбиты туркмены рамадан и варсак во главе с Гюндюзоглу Мехмед-беем, Рамазаноглу Омер-беем и Озероглу Мекки-беем. Гюндюзоглу Мехмед-бей был убит, а Рамазаноглу Омер-бей взят в плен и доставлен в Стамбул [Har-El, 1995, p. 146]. Развивая успех, Ферхад-бей продолжил покорение туркменских племен Киликии. После завершения похода османские войска вернулись в г. Адану, где они предались праздной жизни [Fisher, 1948, p. 37]. Баязид II, захватив Киликию, попытался провести переговоры с Каитбаем. В качестве доводов Баязид II обвинял туркменские племена тургуд и варсак, которые своими набегами на Караман спровоцировали ответные действия, в результате которых Карагёз Мехмед-паша вынуждено занял Киликию [Fisher, 1948, p. 36]. При этом якобы Карагёз Мехмед-паша действовал независимо от Баязида II и занял земли христиан Киликии, которые чувствовали себя слишком «вольготно» в мусульманской стране. В итоге суть сообщения сводилась к тому, что Карагёз Мехмед-паша подарил «освобожденные земли» Баязиду II для общего блага мусульман.

В сложившейся ситуации султан Каитбай не был склонен к переговорам — он настроился на разгром османских войск. В октябре 1485 г. армия мамлюков подготовилась к походу. Мамлюкский экспедиционный корпус, направленный против осман, возглавил Азбек мин Татах,

которому султан Каитбай предоставил 3000 султанских мамлюков, разделенных на два полка, а также девять из 15 эмиров тысячи общей численностью 12 000 воинов [Ибн Ияс, 2022, с. 255]. Мамлюкский экспедиционный корпус прошел торжественным строем по Каиру. Шестеро эмиров тысячи шли первыми по двое в следующем порядке: эмир аудиенций Аздамур и Тагриберди; военный министр Тимраз Шамси и Азбек Юсуфи; командующий гвардией Барсбай Кара и Танибак Джамали [Ибн Ияс, 2022, с. 255]. Опытный военачальник Тимраз Шамси являлся сыном сестры султана Каитбая. Именно он разгромил дулкадиро — османские войска в 1484 г., в результате чего османский военачальник Якуб-паша спасся бегством, а бей Дулкадира Алаудаула вынужден был изъявить покорность султану Каитбаю. Баязид II, узнав о действиях Каитбая, отправил посольство к Алаудауле, сообщив о военных передвижениях мамлюков и потребовав, чтобы военные силы Дулкадира были готовы к воссоединению с османской армией в провинции Руме или Карамане. В своем ответе великому османскому визирю Коджа Давуд-паше Алаудаула подтвердил сообщение о передвижениях мамлюкских войск из Алеппо и выразил готовность отправиться со своими войсками в г. Кебан. Он указал, однако, что его посетил посланник Каитбая и аббасидского халифа, который сообщил, что между мамлюками и османами может быть заключен мир. Далее в своем письме Алаудаула пообещал подождать в г. Кебане, а затем принять решение в зависимости от действий, предпринятых мамлюкскими войсками, сконцентрировавшимися у границы Дулкадира [Har-El, 1995, p. 147]. Достигнув Сирии, Азбек отправил часть войск с амиром Ахуром Хамсами к г. Айнтабу для предотвращения выступления Дулкадира на стороне осман. Согласно отчету османской разведки, Ахур Хамсами встретился с Алаудаулой в Бозаргуг-овасле, и последний, впечатленный боевыми порядками мамлюкской армии, согласился проявить верность Каитбаю, несмотря на сопротивление его сына Касима и части беев Дулкадира [Har-El, 1995, p. 147]. Видимо, в его памяти были свежи воспоминания о поражении, нанесенном ему значительно меньшим мамлюкским корпусом, несмотря на поддержку осман в 1484 г. Пока шли переговоры с Алаудаулой, мамлюкская армия разбила лагерь в г. Алеппо. После завершения набора пехотинцев (мушат) из арабских крестьян и полукочевников под предводительством Халила ибн-Исмаила, шейха Джабала Набулуса, мамлюкское войско, состоящее из египетской армии, а также армии Дамаска и Алеппо под командованием Каджмаса аль-Ихалга и Уздамура ас-Сайфи, покинули Алеппо и направилась в Киликию [Har-El, 1995, p. 147]. Мамлюки перешли Бейланский проход и разбила лагерь у г. Аяса, укрепив его артиллерией и сделав дальнейшей базой для наступления. Часть войск была отправлена вперед для ремонта моста Миссис через р. Джейхан. Собрав разведывательную информацию о расположении и состоянии османской армии, Азбек двинулся на г. Адану. Зимой 1485 г. мамлюкское войско прибыло к Адане, пересекло мост через р. Джейхан и расположилось для открытия боевых действий. После того, как послание Азбека о капитуляции было проигнорировано Ферхад-беем, мамлюки начали атаку на османские позиции, расположенные за городскими стенами Аданы, и легко разбили их [Fisher, 1948, p. 37]. Санджакбей Муса, Ферхад-бей и Миллафа-бей были казнены, а остальная часть их войска была уведена в плен [Fisher, 1948, p. 37]. Османские войска, согласно всем османским источникам, проявили чрезвычайную слабость и не смогли оказать действенного сопротивления [АккуŞ YiGiit, 2017, p. 243]. Азбек далее осадил г. Адану и начал ее штурм с помощью пушек, осадных орудий — мангонелей и баллист. Как только сообщения о сосредоточении армии мамлюков в Алеппо достигли османского двора, Баязид II отправил Карагёза Мехмед-пашу с войском обратно в Киликию и приказал подготовить новый поход, назначив своего зятя Херсекоглу Ахмед-пашу командующим (сердаром) над экспедиционным корпусом. Находящийся на османской государственной службе

Ахмед Херсек-оглу являлся сыном Степана Вукпича Косича, герцога Боснии. Под его командованием находились янычары, османские войска Анатолии, к которым присоединились войска губернатора Румелии Хизироглу Мехмед-паши и Карамана. В составе войска было значительное количество высших османских военнослужащих и знатных людей.

Между тем Карагёз Мехмед-паша с войском в срочном порядке двинулся в Киликию. 11 марта 1485 г. он расположился лагерем в однодневном пути от г. Аданы и был готов начать атаку на мамлюкское войско, осаждавшее город. На следующий день Карагёз Мехмед-паша потерпел поражение от мамлюков в первом сражении [Yinanç, 1988, р. 80–99]. К нему на помощь не подоспели и войска Дулкадира. Несмотря на призывы осман о помощи, Алаудаула не принимал участия в боевых действиях, каждый раз находя отговорки [Har-El, 1995, р. 148]. В ноябре того же года османская армия опять потерпела поражение, потеряв большую часть Киликии [Yinanç, 1988, р. 80–99]. 9 февраля 1486 г. Карагёз Мехмед-паша был разгромлен в битве у г. Аданы, а сам спасся бегством [Har-El, 1995, р. 148]. Около 800 османских военных были взяты в плен, в том числе 17 командиров, которых провели по улицам Дамаска, Алеппо и Каира. Война продолжалась, а в Киликию в конце зимы 1486 г. двинулась османская армия Херсекоглу Ахмед-паши, которая 7 марта 1486 г. прибыла в г. Эрегли, находящийся на мамлюкской границе, и разбила лагерь [Har-El, 1995, р. 148]. Оставшиеся войска Карагёза Мехмеда пополнились и присоединились к османской армии под командованием Херсекоглу Ахмед-паши. Когда Херсекоглу приблизился к армии мамлюков, его разведывательный отряд, шедший в авангарде, был разбит. Выжившие донесли ему, что у мамлюков менее 15 000 воинов, а Адана, несмотря на осаду, хорошо защищена османским гарнизоном [Har-El, 1995, р. 149]. Данные османского разведывательного отряда о численности мамлюкского войска близки к сведениям о численности мамлюкского экспедиционного корпуса, приводимым Ибн Иясом. Скорее всего, часть мамлюкской армии оставалась сконцентрированной на границе с Дулкадиром, готовая в случае внезапного удара Алаудаулы отразить его. Османская же армия значительно превосходила мамлюкскую по численности, что еще больше вдохновило Херсекоглу Ахмед-пашу на генеральное сражение с Азбеком мин Татахом. Османская армия под командованием Херсек-оглу объединилась с Карагёзом Мехмед-пашой, и вместе они двинулись к г. Адане. При известии о приближении османской армии солдаты османского гарнизона в Адане предприняли вылазку, но были отбиты. 15 марта 1486 г. мамлюкские войска Азбека мин Татаха сошлись в битве у г. Аданы с объединенным османским войском, куда входили армии Карамана Карагёза Мехмед-паши, Румелии Хизироглу Мехмед-паши и армия Анатолии, поддержанная частями янычар Херсекоглу Ахмед-паши, который осуществлял общее руководство османской армией [Har-El, 1995, р. 148]. Азбек взял инициативу и атаковал османскую армию. В результате мамлюкская конница опрокинула армию Карагёза Мехмед-паши, которая побежала [Har-El, 1995, р. 149]. Армия Румелии тоже была разбита, а их командующий Хизироглу Мехмед-паша, не выдержав натиска мамлюков, спасся бегством [Har-El, 1995, р. 149]. Армия Анатолии и янычары во главе с главнокомандующим Херсекоглу Ахмед-пашой была окружена. Оставшись без своих военачальников, Херсекоглу Ахмед-паша мужественно сражался, но был окружен вместе с двумя сотнями янычар, охранявшими его. Во время сражения мамлюкский офицер, эмир Судун ал-Алаи спас жизнь османскому главнокомандующему Ахмад-паше и взял его в плен. За указанный поступок Судун ал-Алаи получил похвалу и признание мамлюков как обладатель высокой степени фурусийа (рыцарства). Османские летописцы возложили вину за поражение на Карагёза и Хизироглу, которые обратились в бегство на ранней стадии битвы [Har-El, 1995, р. 149, 150]. Карагёз бежал в г. Нигде вместе с Синан-беком из Трабзона, Ахмед-беком из Анкары и другими санджакбеями [Har-El, 1995;

Ибн Ияс, 2022, р. 149]. Османские войска были полностью разгромлены, а Херсекоглу Ахмед-папа уведен в плен, как и большое количество осман. Согласно Ибн Иясу, потери османской стороны составили 40 000 солдат [Ибн Ияс, 2022, с. 261]. Впервые со времени нашествия Тимура и битвы у Анкары 1402 г. османы потерпели такое крупное поражение. Западными авторами того времени битва у г. Аданы описывалась как величайшее из поражений, которые когда-либо потерпел османский дом [Waterson, 2008, р. 269]. После разгрома Херсекоглу Ахмед-папы гарнизон г. Аданы из 1500 осман, потеряв надежду на деблокирование, сдался. Султан Каитбай вернул под свой контроль города в районе Адана — Тарс и все владение Рамадана. Мамлюки захватили большие трофеи, в т. ч. 120 османских знамен [Ибн Ияс, 2022, с. 262]. Все османские пленные были собраны и увезены в цепях из одного города в другой через Сирию. Пленных во главе с Херсекоглу Ахмед-папой и 17 военачальниками провели парадом в г. Дамаске, Алеппо, а позже и в Каире. Среди пленных были также сын покойного везира Мустафа-паша, Кирабоглу, сын Исфендияр-оглу Кизии Ахмед, Санджакбей Кенгли Ахмед-бек и главный султанский кладовщик (килерджибай) Сулейман-ага [Har-El, 1995, р. 149, 150]. Возглавляемый Каитом мин Акбаем, первый мамлюкский контингент вернулся в Каир в мае 1486 г. Спустя полгода, в ноябре 1486 г., мамлюкская армия совершила триумфальное возвращение в Каир. Впереди войска шли закованные в цепи и железные ошейники османские военнопленные, их флаги несли повернутыми верхушкой вниз [Ибн Ияс, 2022, с. 271]. Как пишет С. Фишер, Херсекоглу был доставлен в цепях в Каир, и его «заставили поцеловать ноги Каитбая и с ним обращались как с неверным» [Fisher, 1948, р. 38]. В честь победы у Аданы в Каире в 1495–1496 гг. был построен мавзоль с колодцем (цистерной) Якуба-шаха (Ya'qub Shah al-Mihmandar), уникальным декоративным элементом которого является надпись, идущая вдоль всего фасада и восхваляющая султана Каитбая и мамлюкское войско: «Он [т. е. султан Каитбай] послал Победоносные армии в страну Рум, чтобы отразить их: армии [т. е. османов]; и когда две армии встретились, Победоносные армии набросились на врага, как львы сурово, окружили их, чтобы никто не мог ускользнуть, и обратили их в бегство, как испуганных ... Они [т. е. мамлюки] захватили в плен главного командира их армий Ибн Херсека [то есть Херсек-оглу] ... Они [т. е. мамлюки] привели пленников в цепях и оковах, их знамена теперь валяются перевернутыми в султанском дворе. Такого дня никогда не было зафиксировано в истории прежних владык» [The sabil, 1992, р. 147].

Разгром большой османской армии, которая доселе считалась непобедимой, и пленение ее главнокомандующего произвели огромное впечатление на население Мамлюкской державы, европейских стран и исламского мира. Поражение в сражениях у г. Аданы 1485–1486 гг. оказало большое политическое и психологическое влияние на дальнейший ход мамлюко-османской войны 1485–1491 гг. Мамлюкская армия, главной ударной силой которой являлась не знавшая себе равных кавалерия, во главе с главнокомандующим Азбеком мин Татахом продемонстрировала полное доминирование над османской армией и ее командующими. Пятилетняя война закончилась победой султана Каитбая над Баязидом II. В итоге Османское государство вынуждено было отказаться от экспансии на Ближнем Востоке на десятилетия.

Литература/References

Зеленев Е. И., Илюшина М. Ю. Джихад в Черкесском султанате (1382–1517): феномен добровольчества в контексте мамлюко-османского противостояния. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2021. Т. 23. № 1. С. 55–71 [Zelenev E. I., Ilyushina M. Y. Jihad in the Circassian Sultanate (1382–1517): the phenomenon of volunteerism in the context of the Mamluco-Ottoman confrontation. *Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2: Humanities*. 2021. T. 23. No. 1. Pp. 55–71 (in Russian)].

Ибн Ияс. *История черкесских мамлюков. Султанат Малика Ашрафа Абуль-Нафа Саифа аль-Дина Каитбая Махмуди Захири*. Нальчик; СПб., 2022. 408 с. [Ibn Ias. *History of the Circassian Mamelukes. Sultanate of Malik Ashraf Abul-Naf Saif al-Din Kaithbay Mahmudi Zabiri*. Nalchik; St. Petersburg, 2022 (in Russian)].

Илюшина М. Ю. Караман в политике Султаната мамлюков (XIV–XV вв.). *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2019. № 2 (45). С. 53–61. [Ilyushina M. Y. Karaman in the politics of the Sultanate of Mamelukes (XIV–XV centuries). *Bulletin of Perm University. Series: History*. 2019. No. 2 (45). Pp. 53–61 (in Russian)].

Илюшина М. Ю. Мамлюкская военная элита в свите султана Каитбая (по материалам записок Абу-л-Бака Ибн ал-Джидана о событиях 1477–1478 годов). *Вестник Пермского университета. История*. 2022. № 2 (57). С. 33–41 [Ilyushina M. Y. Mamluk military elite in the retinue of Sultan Kaithbay (based on the notes of Abu-l-Bak Ibn al-Jidan on the events of 1477–1478). *Bulletin of Perm University. History*. 2022. No. 2 (57). Pp. 33–41 (in Russian)].

Илюшина М. Ю. *Политическая история султаната мамлюков Бурджи (1382–1517): борьба за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия*. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2022 [Ilyushina M. Y. *Political history of the Mamluk Sultanate of Burji (1382–1517): the struggle for power in a non-dynastic system of succession to the throne*. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg, 2022 (in Russian)].

Кагазежев Ж. В. *Из этнической и политической истории средневековой Черкесии (XIV–XVII вв.)*. Нальчик, 2015 [Kagazezhev Z. V. *From the Ethnic and Political History of Medieval Circassia (XIV–XVII centuries)*. Nalchik, 2015 (in Russian)].

Ланда Р. Г. *История арабских стран*. М.: Восточный университет, 2005 [Landa R. G. *History of Arab Countries*. Moscow, 2005 (in Russian)].

Фильштинский И. М. *История арабов и Халифата (750–1517 гг.)*. М., 1999 [Filshtinsky I. M. *History of the Arabs and the Caliphate (750–1517)*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Canon Pietro Casola's *Pilgrimage to Jerusalem in the Year 1494*, by M. Margareth Newett. Manchester, 1907.

Cantimir D. *Histoire de l'Empire Othoman, où se voyent les causes de son agrandissement et de sa decadence*. Traduite en François par M. de Joncquières. Vol. I. Paris, 1743.

Fatma Akkuş Yiğit. Osmanlı-Memlûk Mücadelesinde Beş Yıl Savaşları / *Timurlu Tarihine Adanmış Bir Ömür 75. Doğum Yılında Prof. Dr. İsmail Aka'ya Armağan, Etkileşim Basımevi'nde 500 adet basılmıştır*. Ankara, 2017. Pp. 235–260 [Fatma Akkuş is valiant. A Lifetime Dedicated to the History of the Five Years Wars. *Timurlu in the Ottoman-Mamluk Struggle 75. In the Year of His Birth, Prof. Dr. Gift to Ismail Aka*. Ankara, 2017. Pp. 235–260 (in Turkish)].

Fisher S. N. *The Foreign Relations of Turkey, 1481–1512*. Champaign, Illinois, 1948.

Har-El S. *Struggle for Domination in the Middle East. The Ottoman-Mamluk War 1485–1491*. Leiden, New York, Koln, 1995.

Harff A. Ritter von. *The Pilgrimage of Arnold von Harff, Knight, from Cologne, through Italy, Syria, Egypt, Arabia, Ethiopia, Nubia, Palestine, Turkey, France and Spain, which he accomplished in the Years 1496 to 1499*. Transl. by M. Letts. London, 1946.

The sabil of Sultan Qaytbay (1479) and cistern of Yac qub Shah al-Mihmandar (1495/6). *Doris Bebrends-Abuseif, Islamic Architecture in Cairo: An Introduction, Studies in Islamic Art and Architecture, Supplements to Muqarnas*, Vol. 3. Leiden, 1992.

Waterson J. *Wojny mameluków*. Warszawa, 2008 [Waterson J. *The Mameluke Wars*. Warsaw, 2008 (in Polish)].

Yınanç R. *Dulkadir Beyliği*. Ankara, 1988 [Yınanç R. *The Principality of Dulkadir*. Ankara, 1988 (in Turkish)].

READING BIDLĪSĪ THROUGH AL-ŞAḤĪḤAYN: A ḤADĪT IN HAŞT BIHIŞT VI*

© 2023

Mustafa Dehqan¹

Many vague details are still surrounding the unpublished Persian text of *Hašt Bibišt* VI, which its author, Idrīs Bidlīsī (1457–1520), dedicated to the reign of Murād II (1421–1444, 1446–1451). An understanding of the state of affairs under Murād II before attempting textual criticism is vital in this context. Of significant advantage is the readiness of the sources to supply quite prolific material concerning sophisticated language of *Hašt Bibišt* VI. In a short time, *Hašt Bibišt*'s reading had somewhat changed and the former readings had been mostly forgotten, but there are, nevertheless, reports which do preserve them. This short article deals with a close scrutiny of these reports which enable us to form some conception of the readings given in the manuscripts of the *Hašt Bibišt*

Keywords: Idrīs Bidlīsī, *Hašt Bibišt* VI, Ottoman, *ḥadīṭ*, Murād II, Persian, *Şaḥīḥ*

For citation: Mustafa Dehqan. Reading Bidlīsī through al-ŞaḥīḤayn: A Ḥadīṭ in Hašt Bihīšt VI. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 21–24. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-021-024

ЧИТАЯ БИДЛИСИ С ПОМОЩЬЮ «АЛ-САХИХАЙН»: ХАДИС В ШЕСТОМ ТОМЕ «ХАШТ БИХИШТ»

Мустафа Дехкан

Много неясностей связано с неопубликованным персидским текстом шестого тома «Хашт бихишт» («Восемь раев»), который его автор, Идрис Бидлиси (1457–1520), посвятил правлению султана Мурада II (1421–1444, 1446–1451). В этом контексте для критического анализа текста жизненно важно понимание сути событий при Мураде II. Значительное преимущество состоит в наличии источников, содержащих огромный материал, помогающий понять изощренный язык «Хашт бихишт». Вскоре после завершения труда его понимание в определенной степени изменилось, прежние прочтения были забыты, но некоторые источники сохранили их. Краткая статья исследует эти сведения, что позволяет нам в какой-то мере понять смыслы, скрытые в «Хашт бихишт».

Ключевые слова: Идрис Бидлиси, «Хашт бихишт – VI», Османская империя, хадис, Мурад II, фарси, «Сахих»

Для цитирования: Мустафа Дехкан. Читая Бидлиси с помощью «Ал-Сахихайн»: Хадис в шестом томе «Хашт Бихишт». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 21–24. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-021-024

* I am obliged to Hossein Khandaqabadi and Christopher Melchert for their thoughtful advices about my readings and comments.

¹ Mustafa Dehqan, Independent Scholar, Tehran, Iran; mustafadehqan@yahoo.com
Мустафа Дехкан, независимый исследователь, Тегеран, ИРИ; mustafadehqan@yahoo.com

*To Sacha Alsancakli
dar ḥalqa ʿim bā tu u ʿun ḥalqa bar darīm*

INTRODUCTION

The *Hašt Bihišt* (The Eight Paradises) is a history of the first eight Ottoman sultans, written in a sophisticated and hyperliterate Persian by Idrīs Bidlīsī (1457–1520). This history provides the elegant and most detailed Persian account of the early history of the Ottomans, including the scattered accounts and references to their neighbouring political states. It describes the historical events whereby the Ottomans headed by ʿOsman became known as Ottoman sultanate, and depicts the activities of the Ottoman sultans up to the sixteenth century. The sixth volume is devoted to the reign of Sultan Murād II (1421–1444, 1446–1451) and includes a great deal of information on the *şulṭān Murād* phase of Ottoman history that sometimes supplements the information provided in the Ottoman Turkish chronicles².

In addition to the historical reports mentioned above, some cultural and social materials are also given in the *Hašt Bihišt*. These materials include, for example, invaluable accounts on the exclusive character of Murād II. The panegyric descriptions and traditions concerning Murād II can be used to investigate the collective memory of the Ottomans about him. Other oral traditions presented by Idrīs, namely *Murād II and Old Woman*, all enable us to gain a deeper understanding of the character of Murād II and his reign.

The *Hašt Bihišt* utilizes a wider range of original sources than have been used in previous Ottoman Turkish chronicles about the formative period of Ottoman history and the socio-political phenomenon of the Ottoman Empire. While Ottoman histories written in Ottoman Turkish provide the most detailed source of information for Idrīs, Arabic and Persian literary perceptions and concepts also offer a substantial amount of information to him. The Turkish contribution to the study of *Hašt Bihišt* has not been substantial even though there has been an increase in the publication of defective translations of *Hašt Bihišt* in the last decades. To me, the main reason is that the Turkish scholarship has been impaired by the limited understanding of the same Arabic and Persian difficulties of the *Hašt Bihišt* as an extremely sophisticated Persian text. Without claiming to understand this text, I stress that what follows is only a tiny attempt to comprehend one of the countless problems of this chronicle.

A PROPHETIC TRADITION: SOME VARIANT READINGS IN THE STORY OF MURĀD II AND HIS BROTHER

The sources now available to us for Şehzade Mustafa's rebellion against Murād II are far more numerous than those which Idrīs Bidlīsī, the late fifteenth and early sixteenth century scholar and statesman, had access to when writing *Hašt Bihišt* VI, about Şehzade Mustafa's execution³. But although we are in a position to have more details about Şehzade Mustafa (also known as Küçük Mustafa), Idrīs' brilliant analysis of the reasons why Murād II killed him still holds.

When Murād II was besieging Constantinople (entitled as ...*ğazā-yi Qusṭanṭāniya va ittifāq-i muḥāsara-yi āngā...* in *Hašt Bihišt* VI), the Byzantines encouraged 12-year-old Şehzade Mustafa (known as *Muştafā ʿĀlabī* in *Hašt Bihišt* VI) who was the governor of Hamid province to revolt. When the city

² About this work and its author, Idrīs Bidlīsī, see [Şükrü, 1931; Genç, 2019].

³ See for instance [Aşıkpaşazade, 1985, pp. 97–99; Müneccimbaşı, 2019, pp. 204–206].

was about to fall, the sultan lifted the siege and advanced on his rebellious younger brother. He caught Şehzade Mustafa and executed him before the situation became graver in 1423.

With regard to the much-quoted passage from Ottoman chronicles concerning Şehzade Mustafa's wish to replace the sultanate of Murād II with his own sultanate, Idrīs remarks that Şehzade Mustafa was an unlawful ruler by spreading a saying (*ḥadīṭ* 'news, story') traced back to the Prophet, according to which the revolt against the established ruler is unlawful hence should be dealt with sternly and forcefully to crush the rebellion:

idā buyi 'a li-ḥalīfatayn fa-uqtulū l-āḥir minhumā

If an allegiance was pledged to two caliphs, [do] kill the other one

Basing himself on the said *ḥadīṭ* recorded by several corpuses, especially Muslim ibn al-Ḥağğāğ in his *Şahīḥ* on the authority of Abū Sa'īd al-Ḥudrī, Idrīs then Islamicized the reason why Murād II killed his own brother. This *ḥadīṭ* must be read together with the verses 49: 9–10 where the believers are commanded to make truce among the warring factions of the *ummah*. Even the authentic *ḥadīṭ* reports are not transmitted verbatim in the Prophet's original wording, the wording in the said *ḥadīṭ*, in *Hašt Bihišt VI*, appears as wording coined by reporters⁴.

However, Idrīs is somewhat equivocal on the definition of the present *ḥadīṭ*. According to the earliest autograph manuscript, Esad Efendi 2199 (copied in c.1506), it is called *ḥadīṭ-i Şahīḥ/şahīḥ* ('a *ḥadīṭ* from *Şahīḥ*'/'an authentic *ḥadīṭ*')⁵. The second important autograph manuscript (copied in 1513–14) and two later manuscripts (copied in c.1520 and 1560 respectively) define the same *ḥadīṭ* as *ḥadīṭ-i maşāliḥ-i antumā* ('a *ḥadīṭ* for the benefit of you two')⁶. What do Esad Efendi reading and later readings imply for critical edition? Are early autograph readings and later readings antithetical to each other or can they supplement each other?

It may prove useful to compare the allusion to *ḥadīṭ-i Şahīḥ* with the Muslim ibn al-Ḥağğāğ's corpus which includes the same saying. I am only concerned with the meaning relating to the word *şahīḥ*. In other words, it is also possible to think that *ḥadīṭ-i şahīḥ* just means that in the writer's opinion, it is sound. It will not be a specific reference to Muslim's collection.

The second definition of the saying in the Nuruosmaniye manuscript and later variants is more problematic. Perhaps *maşāliḥ-i antumā* indicated a relation with *maşāliḥ al-'ibād* in the *uşūl al-fiqh* (The Principles of Islamic Jurisprudence)⁷. Accordingly, the dual plural *antumā*, which is used for a set of two people, refers to both Murād II and Şehzade Mustafa. That is, the benefit of sultan is to kill his younger brother. And younger rebellious brother's benefit is to be killed by sultan. The pronoun *antumā* would not need something following. It would be accepted not to attach a dual pronoun, that is *maşāliḥukumā* as we have a Persian expression here (not Arabic). We learn from the present reading that Idrīs provided legitimacy for Mustafa's murder as a *şerī'a* act. In this case, the execution of an Ottoman dynasty member strongly suggests that he was against the Muslims, moreover, that he probably refused to embrace Islam⁸.

⁴ Cited for instance in [Muslim ibn al-Ḥağğāğ, 1998, vol. vi, p. 23; Biyhaqī, 1999, vol. viii, p. 144; Ḥaṭīb Bağdādī, 1997, vol. i, p. 239].

⁵ Cited in [Bidlīsī, Esad Efendi, 2199, fol. 316v].

⁶ Cited in [Nuruosmaniye 3209, Hazine 1655, and Tabriz 1874].

⁷ For this and what is discussed in the following paragraph, see [Ibn Ḥazm, 2001, vol. i, pp. 422–423; al-Fayyāḍ, 1998, vol. i, p. 91].

⁸ For a useful study on the Ottoman family murders in this context, see [Tunç, 2014].

There is yet another possibility, which seems to be very close to the previous one. The last word of the definition given in the Nuruosmaniye manuscript and later variants can be read and understood as *intimā* ‘belonging, attribution’. The latter possibly suggests that Idrīs used a Persian adaptation of *maşāliḥ al-intimā* ‘the benefits of what belong [to the caliphate/nation]’. Perhaps *ḥilāfa/ummah* got lost through adaptation or assimilation⁹.

CONCLUSION

To close, the second definition of this saying can be corroborated by further evidence or by younger scholars. It can however be adopted only in a modified form emphasizing the relationship between Şehzade Mustafa’s murder and the Islamic law. If it is to the benefit of the Muslims there is no harm in undertaking this murder by Murād II, even if it is a family murder. However, in my opinion, until more evidence is obtained, the reading of the Esad Efendi 2199 is preferable. For now, the same should be considered for the main text and the subsequent readings should be left aside. Not only the *ḥadīṭ* but also its definition (*ḥadīṭ-i Şahīḥ/şahīḥ*) is probably influenced by *al-Şahīḥayn*.

Really, we made little progress as far as the textual facts connected to the *Hašt Bihišt* are concerned, but we have established that there are good reasons for reconstructing the variant readings. Every detail, no matter how trivial, is important in the edition of Idrīs’ Ottoman history, our knowledge of which is still rather inadequate.

Finally, the feeling that Idrīs changed some of his own accounts is unfounded. Idrīs did not innovate his earliest draft manuscript, Esad Efendi 2199. When the autograph Esad Efendi 2199 mentions something the next autograph Nuruosmaniye 3209 does not, this possibly means that the former chose, for whatever reason, to include a point which the latter chose to discard. This is not the author’s problem. This is the problem of the editor who has to decide which of these two to take to the main critical text and which to the margins.

References

- Aşıkpaşazade. *Aşıkpaşoğlu Tarihi*, Ed. N. Atsı. Ankara, 1985.
- Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Istanbul, Süleymaniye Kütüphanesi, Esad Efendi 2199.
- Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Istanbul, Süleymaniye Kütüphanesi, Nuruosmaniye 3209.
- Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Istanbul, Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, Hazine 1655.
- Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Tabriz, Kitābhāna-yi Markazī-yi Tabrīz, Mağmū‘a-yi H. Hussein Nakhdjvani, MS 1874.
- Biyhaqī, Abī Bakr Aḥmad ibn al-Ḥusayn ibn ‘Alī. *Sunan al-Kubrā*. Beirut, 1999.
- al-Fayyād, Muḥammad Ishāq. *Muḥāḍarāt fī Uşūl al-Fiqh*, Ed. A. al-Ḥu‘ī. Qum, 1998.
- Genç, V. *Acem’den Rum’a Bir Bürokrat ve Tariḥçi: İdrīs-i Bidlīsī (1457–1520)*. Ankara, 2019.
- Ibn Ḥazm, ‘Alī ibn Aḥmad. *al-Iḥkām fī Uşūl al-Aḥkām*. Beirut, 2001.
- Ḥaṭīb Bağdādī, Abī Bakr Aḥmad ibn ‘Alī. *Ta’rīḥ Bağdad*, Ed. ‘A. M. ‘Abd al-Qādir. Beirut, 1997.
- Müneccimbaşı Ahmed Dede. *Müneccimbaşı Tarihi/Sahaif-ül-Ahbar fī Vekayi-ül-A’sar*. Istanbul, 2019.
- Muslim ibn al-Ḥağğāğ. *Şahīḥ Muslim*, Ed. M. F. ‘Abd al-Bāqī. Cairo, 1998.
- Şükrü, M. Das Hešt Behešt des Idrīs Bitlīsī. *Der Islam*. 1931. 19. Pp. 131–192.
- Tunç, M. N. Osmanlı’da Hanedan İçi Katl. *Turkish Studies*. 2014. 9/4. Pp. 1133–1167.

⁹ Might انتما be a misreading of ائمه *aimmah* (plural of *imām*)? If it is *aimmah*, the reference is very doubtfully to the most distinguished scholars of *ḥadīṭ* in Islamic history, Muslim and Buḥārī, presumptively to rulers or leaders more broadly.

ДЕМОГРАФИЯ ДЕЛИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

© 2023

А. А. Козлова¹

Отличительная характеристика городов Индии – густота и многочисленность их обитателей. Рост численности народонаселения связывается со стабильностью в государстве и экономическим процветанием. В истории Индии XVIII – начало XIX вв. характеризуются как эпоха слабых преемников Великих Моголов, большинство из которых сменялись на престоле довольно быстро. Установление точного количества жителей Дели в этот период является сложной задачей. Тем не менее заметна убыль населения столичного города по сравнению с периодом правления падишаха Аурангзеба (пр. 1658–1707), когда империя находилась на пике своего могущества, а Дели славился своей многочисленностью. Население могольской столицы на 1659–1666 гг. могло составлять около 500 000 человек. После смерти Аурангзеба, с кризисом Могольской империи наблюдается депопуляция Дели. На начало правления падишаха Мухаммад-шаха Рангилы (1719–1748) численность обитателей Дели могла составлять около 400 000 чел. Далее депопуляция прогрессировала – перепись населения 1853 г. приводит цифру в 152 426 чел. Положительная тенденция в изменении количества жителей города наблюдается лишь со второй половины XIX в. Данная статья ставит целью проследить динамику численности населения Дели в эпоху пребывания у власти Поздних Моголов (1707–1857), а также рассмотреть факторы, повлиявшие на эти изменения.

Ключевые слова: Дели, Шахджаханбад, Могольская империя, Поздние Моголы, население, численность населения, демография

Для цитирования: Козлова А. А. Демография Дели в XVIII – первой половине XIX вв.: динамика численности населения. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 25–33. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-025-033

DELHI'S POPULATION DYNAMICS IN THE 18TH — FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES

Alexandra A. Kozlova

Population growth is associated with economic prosperity and stability in the state. During the reign of Aurangzeb (r. 1658–1707) the empire was still strong, powerful and prosperous and Delhi was rather crowded. The population of the Mughal capital in 1659–1666 could be about 500 000 people. After the death of Aurangzeb, with the crisis of the Mughal Empire, the depopulation of Delhi is observed. In the history of India 18 – early 19th centuries are characterized as the era of weak successors of the Great Mughals. It is a difficult task to establish the exact number of Delhi residents during this period. However the decline in the population of

¹ Козлова Александра Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, Москва; kaa-iaas@mail.ru

Alexandra A. Kozlova, PHD (History), Research Fellow, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IVRAN), Moscow; kaa-iaas@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3799-6086

the capital city is noticeable compared to the previous period. At the beginning of the reign of Muhammad Shah Rangila (1719–1748), the number of inhabitants of Delhi could number up to 400 000 people. In the following years the number of inhabitants continued to decline. According to the census of 1853 Delhi's population was about 152 426 people. Positive dynamics in the change in the number of city residents has begun only since the second half of the 19th century. This article aims to trace the dynamics of the population of Delhi during the era of the Late Mughals (1707–1857), as well as to consider the factors that influenced these changes.

Keywords: Delhi, Shahjahanabad, Mughal Empire, Late Mughals, population, population size, demography

For citation: Kozlova A. A. Delhi's population dynamics in the XVIIIth – first half of the XIXth centuries. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 3. Pp. 25–33. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-025-033

Крупные города Индии XVI–XVII вв. отличались большим количеством жителей, что было обусловлено стабильностью государства Великих Моголов и его экономическим процветанием. В период правления падишаха Аурангзеба (пр. 1658–1707) империя находилась на пике своего могущества, и Дели славился особой многолюдностью. В эпоху пребывания у власти слабых преемников Аурангзеба (1707–1857) ситуация сильно изменилась, что явилось следствием нескольких факторов, как внешних, так и внутренних.

Разные аспекты демографии Индии XVIII–XIX вв. рассматривались историками, экономистами и социологами в контексте городских исследований, однако ряд вопросов по-прежнему остается открытым, в частности, проблема численности населения Дели при Великих и Поздних Моголах. Основываясь на статистических данных, исследователи пытались количественно оценить население Индии на разных этапах истории Могольской империи, однако предлагаемые авторами цифры весьма заметно варьируются [См. *Habib Irfan, 1982, vol. I, pp. 164–167*]. Оценка численности населения столичного города Дели в могольскую эпоху является еще более трудной задачей — фокусные исследования демографии Дели весьма немногочисленны и практически не охватывают эпоху Поздних Моголов. Источники не называют конкретных цифр, оценочные характеристики даются разными людьми и не всегда корректны; многие авторы исторических сочинений и травелогов XIX в. не приводят точных цифр, ограничиваясь такой оценкой города как «обезлюдивший, разрушенный». Примером завышенной оценки численности населения города может служить сообщение англичанина Дж. Мэтэсона² о том, что в период правления Шах-Джахана (пр. 1627–1658) количество жителей Дели достигло высшей отметки в 2 млн чел. [Matheson, 1870, p. 355].

В могольскую эпоху Дели не был единой территориальной единицей, а представлял собой конгломерат поселений, основанных различными правителями, в том числе и в домогольскую эпоху³. В XVIII — первой половине XIX вв. центром могольских владений оставался Шахджаханабад, ныне известный как «Старый Дели»⁴ и его ближайшие окрестности. Шахджаханабад, окруженный с трех сторон кирпично-каменной стеной, занимал площадь около 7 миль (т. е. около 11,27 кв. км). За стенами Шахджаханабада лежали развалины так называемого «старого Дели», состоявшие из нескольких бывших городов и занимавшие площадь около 20 миль [Matheson, 1870, p. 355]. Эти территории были слабо заселены; особенно заметным этот контраст

² Дж. Мэтэсон — уроженец Глазго, работал в компании «William Stirling & Sons», а впоследствии — с 1872 г. — занял пост президента торгово-промышленной палаты в Глазго; приехал в Индию в 1862 г. и пробыл там около года. В 1869 г. опубликовал записки об этой стране (*прим. авт.*).

³ Наиболее известные из них: Индрапрастха (ок. 800 г. до н. э.), Лал Кот (1024 г.) Кила Радж Питхора (1170 г.), Сири (1302 г.), Тутлакабад (1320 г.), Джаханпанах (1334 г.), Ферозабад (1351 г.), Динпанах (1530 г.), Дил Шер Шахи (1542 г.), Шахджаханабад (1648 г.) (*прим. авт.*).

⁴ Шахджаханабад — город, построенный падишахом Шах-Джаханом ок. 1638–1648 гг. (*прим. авт.*).

стал после восстания 1857 г. [Matheson, 1870, pp. 355, 365, 367, 370, 373]. Одной из характерных черт Дели рассматриваемого периода является некоторое запущенное состояние города, в особенности его окрестностей. Член Королевского азиатского общества лейтенант Уильям Франклин после поездки по территории Индии в 1793 г. писал, что прежде процветавшая метрополия великого королевства лежала в руинах [Franklin, 1798, p. 435]. Окрестности столицы на северо-западе были наполнены остатками некогда роскошных садов и загородных домов знати. Данные территории ранее снабжались водой из канала, вырытого Али Мардан-ханом⁵, но в XVIII в. канал пересох и частично разрушился, что могло послужить одной из причин депопуляции этих мест [Franklin, 1798, p. 435].

Похожие картины разрушенной столицы нарисовал поэт Мусхафи (1750–1824):

Я вижу опустевший Дели, его руины в тяжком сне.

Его пустынные дворцы, безмолвные дома.

Я вижу сад, изломанный осенней бурей,

Тяжелые и мертвые деревья на земле.

Что спрашивать садовника, где житель сада — соловей:

В пыли лежит комочек перьев за оградой [См. Глебов Н. В., Сухочев А. С., 1967, с. 68].

Примерно оценить численность обитателей столичного города в позднегогольскую эпоху помогают косвенные данные, содержащиеся в сочинениях различных авторов. Французский путешественник Франсуа Бернье, служивший при дворе Аурангзеба, в своих записках упоминает о том, что Дели — такой же крупный город, как и Париж [Бернье, 2008, с. 331], т. е. его население во второй половине XVII в. могло составлять около 500 000 человек [Lough, J., 1961, vol. V, p. 246]. После смерти Аурангзеба с нарастанием кризиса Могольской империи прогрессировала и депопуляция Дели. По предположению исследователя Стивена Блейка, на начало правления Мухаммад-шаха Рангилы (пр. 1719–1748) численность населения Дели, возможно, составляла около 400 000 чел. [Blake, 1991, p. 175]. Вторжения иностранных захватчиков, голод, болезни, мятежи привели к резкому сокращению количества городских жителей. Могольскую столицу не обошли стороной и стихийные бедствия. Хронист Сайид Гхулам-хан приводит сведения о катастрофах, затронувших делийцев в XVIII в., в том числе описывает землетрясение, произошедшее в 1720/1 г. в могольской столице. Гхулам-хан сообщает о разрушениях в городе и о больших человеческих жертвах, однако точное количество погибших не называет. В хронике говорится, что землетрясение разрушило и сильно повредило многие здания в Шахджаханбаде и «Старом Дели», часть жителей погибла под обломками, часть была ранена и покалечена [Seid Gholam Hossein Khan, 1902, vol. I, pp. 164–165].

В «Истории Индии» Сайида Гхулам-хана также встречается упоминание о численности одного из кварталов Дели — Могулпура, оцениваемого хронистом в 50 тыс. человек [Seid Gholam Hossein Khan, 1902, vol. IV, p. 196]. Сведения об общем количестве обитателей Дели⁶, которые Гхулам-хан приводит со ссылкой на данные сторонних источников, представляются преувеличенными.

⁵ Али Мардан-хан (ум. 1657) — военачальник и администратор при шахе Персии Аббасе I (пр. 1587–1629) и Сефи I (пр. 1629–1642), позднее — высокопоставленный чиновник в Могольской империи при императоре Шах-Джахане (пр. 1628–1658). В качестве служащего при Великих Моголах руководил строительством и эксплуатацией водных каналов (*прим. авт.*).

⁶ Ок. 1 млн чел. в 1750 г. См: [Seid Gholam Hossein Khan, 1902?, vol. I, p. 187].

Наиболее негативно на демографию Дели повлияло вторжение в 1739 г. Надир-шаха Афшара (шаха Ирана в 1736–1747 гг.). Путешественник Леопольд фон Орлих писал, что к 1740 г. население Дели составляло около 500 000 чел., а после вторжения Надир-шаха в первые годы XIX в. количество жителей сократилось примерно до 100 000 чел. [Orlich, 1845, vol. II, p. 4]. В персидской хронике «История жизни Надир-шаха, короля Персии» отмечалось, что по приказу завоевателя «разъяренные персы разрушали каждое здание, уничтожая при этом всех, кто попадался им на пути». Эта ужасная бойня длилась несколько часов, и «когда самые богатые сооружения в Дели сровнялись с землей и около тридцати тысяч жителей были убиты, Великий Могол и его министры ходатайствовали перед Надир-шахом, вымаливая прощение для других жителей города» [The History of the Life of Nader Shah, King of Persia, 1773, p. 52].

Когда персы вошли в Дели, они поставили охрану у каждых городских ворот для того, чтобы помешать местным жителям как сбежать из города, так и унести от захватчиков свое добро [Dow Alexander, 1792, vol. II, p. 346]. Со временем в городе, отрезанном от остальной страны, возникла нехватка продовольствия, разразился голод и начались волнения. Делийцы, поверив в слухи о смерти Надира, убили около двух тысяч персов. В отместку разгневанный завоеватель приказал своим солдатам перебить все население Дели. Этот приказ «выполнялся с таким рвением, что уже к полудню около 100 000 человек без различия в возрасте, поле или положении валялись мертвыми в лужах собственной крови, причем меч успел коснуться не более одной трети обитателей города» [Dow Alexander, 1792, vol. II, p. 347].

Лейтенант У. Франклин, характеризуя состояние Дели в 1793 г., писал, что Надир-шах наблюдал за кровопролитием с мечети Роушан-уд-Доулы, находившейся у входа на улицу Чандни-Чоук, и с момента кровавой бойни квартал около этой мечети всегда был слабо заселен [Franklin, 1798, p. 441]. Этот же сюжет присутствует в записках Марии Наджент⁷, которая упоминает о том, что по приказу Надир-шаха, наблюдавшего с крыши мечети Роушан-уд-Доулы за тем, как солдаты его армии уничтожали жителей Дели, было истреблено до полумиллиона обитателей старого города, т. е. Шахджаханабада [Nugent, 1839, vol. I, p. 411]. Известно также, что Надир-шах ежедневно посылал отряды грабить поселения около Дели и вырезать всех их обитателей, в частности, в вышеупомянутом Могулпуре было убито 6000 человек. Один отряд был направлен на базар города Дели, где начиналось восстание против персов: отряду было приказано захватить любых 700 человек и отрубить им носы и уши [Minturn, 1858, pp. 348–349].

В 1740–1750-х гг. численность жителей Дели неуклонно снижалась также из-за оттока горожан, которые в поиске лучшей жизни перебирались в другие населенные пункты. Как только Надир разрешил открыть городские ворота, половина жителей города хлынула в деревни [Minturn, 1858, p. 350]. После ухода Надир-шаха из Индии положение усугубили грабительские набеги основателя Дурранийской державы Ахмад-шаха Дуррани/Абдали (ок. 1721–1773). В 1757 г. Ахмад-шах вторгся в Индию и, не встречая сильного сопротивления со стороны могольских военачальников, быстро захватил Дели. Падишах Аламгир II (пр. 1754–1759) попал в руки завоевателя и стал свидетелем того, как захватчики в течение двух месяцев разграбляли могольскую столицу. Уходя из Дели, Абдали по пути захватил Матхуру, вырезав ее население в наказание за попытку защитить как свои жизни, так и имущество [Dow Alexander, 1792, vol. II, pp. 387–388].

Трагедия повторилась при другом правителе, Шах-Аламе II (пр. 1759–1806). В 1761 г. Ахмад-шах снова пришел в Дели и потребовал от горожан выплаты огромной контрибуции.

⁷ Мария Наджент (1771–1834) — супруга британского офицера, фельдмаршала сэра Джорджа Наджента (1757–1849), оставила дневники о путешествии по Индии и Дели в период правления падишаха Акбара II (пр. 1806–1837) (*прим. авт.*).

Оказавших неповиновение жителей он приказал убить. «Резня длилась без перерыва семь дней, и не насытившиеся кровопролитием воины Дуррани продолжили бы свои бесчинства, если бы вонь от разлагающихся мертвых тел не изгнала их из города. После ухода армии Ахмад-шаха из Дели город фактически представлял собой кучу мусора: большая часть зданий обратилась в пепел, а тысячи людей, кому удалось избежать смерти от меча, сидели на дымящихся руинах собственных домов и медленно умирали в агонии от голода» [Dow Alexander, 1792, vol. II, pp. 395–396].

После ухода Абдали из Дели в город пришли маратхи и продолжили разорять его. Кроме того, в столице начал бушевать такой голод, что «люди бежали от своих близких и друзей, как от хищных зверей, из-за страха быть съеденными», многие женщины «пожирали своих детей, в то время как некоторые матери, более человечные, лежали мертвыми на улицах с присосавшимися к их груди младенцами» [Dow Alexander, 1792, vol. II, p. 397]. Маратхи терроризировали Дели и его окрестности несколько десятилетий, пока в 1803 г. армия британцев не одержала над ними верх, а могольский император не попросил защиты у главнокомандующего британскими вооруженными силами в Индии лорда Дж. Лейка (1744–1808) [Minturn, 1858, p. 241]. Когда падишах вместе с британскими военными направлялся к дворцу, улицы опустевшего Дели стали заполняться толпами народа — жители города надеялись увидеть возвращение на престол могольского правителя [Pearse, 1908, p. 201].

В период упадка империи Моголов, сопровождавшегося войнами, мятежами, вторжениями Надир-шаха и Ахмад-шаха Дуррани, произошло резкое сокращение платежеспособного населения и спроса на товары, что обусловило движение масс людей из города в деревни. Депопуляция когда-то многолюдных «традиционных» городов, в том числе Дели, продолжалась и в колониальный период, вплоть до конца XIX в. После победы англичан над маратхами Дели, находясь под защитой британцев, в течение довольно длительного периода времени наслаждался непрерывным спокойствием [Hunter, 1885, vol. IV, p. 194]. За это время город был тщательно укреплен и приведен в относительный порядок [Minturn, 1858, p. 242].

Об общем количестве кварталов Дели рубежа XVIII–XIX вв. можно судить по сообщению У. Франклина, который упоминает, что город был разделен на 36 кварталов (*мохаллы*). Каждый из кварталов был назван в честь проживавшего в нем определенного *амра*⁸ или в честь местных событий, связанных с данной локацией [Franklin, 1798, p. 443].

Филипп Сергеевич Ефремов (1750 — ум. после 1811), русский путешественник по странам Востока, в своей книге «Десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию» оставил описание города Дели, который, по его словам, мусульмане называли не иначе как Шахджаханабад. По сообщению путешественника, «город сей был весьма велик», однако после нашествия Надир-шаха от прежнего Дели не осталось и «третьей доли». Город «местоположение имеет ровное и почву сероватую; не укреплен; в окружности (равно и числом жителей) вдвое более против Казани, сверх сего за оным виднеются обширные каменные и глиняные развалины...» [Ефремов Ф. С., 1995, с. 240]. Причину опустошения города и его окрестностей Ефремов видел в непрекращающейся междоусобной брани, почти все города находились между собою в непрерывной распри, ссоры и сражения были непрестанны, а народ, который был малосилен и робок, не имел спокойствия [Ефремов Ф. С., 1995, с. 241].

⁸ *Омра* — (искаженное «умара», мн. ч. от «эмир»), высшие должностные лица мусульманского двора, в особенности в Могольской империи. В старых европейских повествованиях слово употреблялось для обозначения вельмож в ед. ч. (*прим. авт.*).

Трагичные события XVIII в. наложили определенный отпечаток на образ мыслей и характер творчества поэтов и писателей. Эмоциональные переживания и печали авторов того времени, страдания народа и недовольство положением дел в столице нашли отражение в новом жанре *шахр-е ашоб* — сочинениях о бедствиях и разрушениях города. В этом жанре творили такие известные поэты как Мухаммад Рафи Сауда (1713–1780), Шах Аят Аллах Джохури (1714–1796), Мир Мухаммад Таки Мир (1723–1810), Шейх Вали Мухаммад Назир Акбарабади (1739–1831), Гулам Хуссейн Расих (1749–1823) и другие. Поэты оплакивали былое величие города и царившие там порядки, они были хорошо осведомлены об изменениях, происходивших в обществе, и пытались описать и объяснить тот упадок, который, по их мнению, со временем только усиливался. Разрушилась старая система организации, мусульманская аристократия переживала тяжелые времена, люди теряли доход, работу, средства к существованию [Lehman F., 1970, p. 129]. Вынужденный покинуть Дели после разорительных набегов Надиршаха и Ахмад-шаха Абдали Мир Таки Мир поселился в Лакхнау, но продолжал тяжело переживать невзгоды, обрушившиеся на его родину. Руины Дели были ему намного милее богатых кварталов процветающего Лакхнау [См. Суворова А. А., 1995, с. 126]. Печалью проникнуты стихи Мира, рассказывающие о страданиях разоренных людей:

В деревне почти не осталось людей,
А те, кто ее еще не покинул, давно голодают.
Источены, измучены девушки-смуглянки,
Голод и нищета иссушили тела красавиц [См. Глебов Н. В., Сухочев А. С., 1967, с. 55].

В начале XIX в. Уолтер Гамильтон, член Королевского азиатского общества, в работе по описанию Хиндустана предпринял попытку дать оценку численности населения Дели. Он отметил, что никаких регулярных переписей в городе не проводилось. Учитывая обстановку в стране, Гамильтон предполагал, что общая численность обитателей Дели была между 150 000 и 200 000 человек — для такой великой столицы, как Дели, численность, по мнению автора, весьма малая. Гамильтон также сравнивал население могольской столицы с другими городами — так, Дели превосходил Агру, в которой, по предположению Гамильтона, проживало не более 60 000 чел. По своему размеру и численности населения Дели в XIX в. значительно уступал другому североиндийскому городу — Патне. Гамильтон, ссылаясь на данные Фрэнсиса Бьюкенена⁹, подсчитавшего на 1811 г. количество городских построек в Патне, оценил общее количество жителей города в 312 тыс. человек [Hamilton, 1820, vol. I, p. 262].

По сообщению Марии Наджент, путешествовавшей по Северной Индии в эти же годы, на расстоянии около 20 миль от Дели «ничто не указывало на близость великого города: поселения были редкими и малолюдными — деревни быстро приходили в упадок и представляли на всеобщее обозрение руины и нищету» [Nugent, 1839, vol. I, p. 405]. В отличие от окрестностей Дели, отмечала она, Шахджаханабад выглядел по-другому — поразительный вид ему придавало неисчислимое количество обитателей в ярких и пестрых одеждах, а сам город был обнесен стеной и довольно густонаселен [Nugent, 1839, vol. I, pp. 408–409].

Шотландский экономист Джон Рамсей МакКаллок (1789–1864) при описании Дели упоминает численность населения, равную примерно 200 тыс. человек. Он отмечал, что по мере упрочения власти британцев к 1803 г. на территории провинции Дели около 600 поселений

⁹ Фрэнсис Бьюкенен (1762–1829) — шотландский ученый, по заказу правительства Бенгалии в 1807–1814 гг. исследовал территории, которыми владела Ост-Индская компания (*прим. авт.*)

были заброшены, однако к 1821 г. часть жителей вернулась в свои деревни и стала вновь возделывать оставленные земли; как численность населения, так и доход в тот период значительно выросли [McCulloch, 1852, vol. I, p. 742].

Более точная информация о численности населения Дели (и других индийских городов) начинает появляться в британских источниках ближе к середине XIX в. Исследователь Персиваль Спепар, ссылаясь на данные анонимного информатора, писал, что в 1833 г. численность населения составляла около 120 000 чел., и эти данные были, вероятно, занижены [Spear, 2011, p. 194]. Результаты переписи, проведенной в 1845–1847 гг., показали, что общая численность населения города, пригородов и дворца составила около 166 000 чел. [Spear, 2011, p. 194]. Одно из самых ранних и точных упоминаний о количестве жителей могольской столицы приводит в работе по изучению уровня смертности в Индии капитан Х. Б. Хендерсон со ссылкой на *Delhi Gazette* 1833 г. (без указания номера): в 1833 г. в городе проживало 119 800 человек [Henderson, 1836, p. 191]. По половому составу численность населения различалась не сильно: 39 592 мужчины, 20 553 мальчика, 41 526 женщин и 18 189 девочек. Показатель количества смертей на 1833 г. превышал показатель рождаемости: 4248 смертей (2168 мужчин и 2080 женщин) на 3733 рождения (2002 мальчика и 1731 девочка) [Henderson, 1836, p. 191]. В данных отчета о переписи населения 1853 г. приводится цифра в 152 426 человек [Hunter, 1885, p. 195]. Саймон Фрейзер, британский индийский государственный служащий и агент в Дели (1853–1857), оценивал население города в 1856 г. в 152 000 жителей, что вместе с пригородами и дворцом могло бы дать в общей сложности около 182 000 чел. [Spear, 2011, p. 194].

Во время Сипайского восстания 1857–1859 гг. население столицы снова уменьшилось, хотя точных данных авторы не называют. Стоит отметить, что делийцы во время восстания несли потери как от рук мятежников, так и от «освободителей»-британцев. По сообщению путешественника Р. Минтерна¹⁰, во время восстания христианское население Дели, включая англичан, метисов и коренных жителей, сменивших вероисповедание, пряталось от мятежников и спасалось бегством. Все, кто был пойман, были убиты без сожалений [Minturn, 1858, p. 273].

После того, как Дели был взят британцами, мятежники в течение шести дней отступали из города. Большая часть из них отправилась в Лакхнау, другие бежали в разных направлениях. Остальные жители Дели делали то же самое — прятались или уносили с собой наиболее ценную часть своего имущества. Таким образом, на двадцатое сентября в пределах города не осталось ни одной живой души, кроме английских войск. Также в городе остались только немощные и раненые сипаи, которые не могли самостоятельно передвигаться. Однако и они прожили недолго, поскольку англичане безжалостно предавали их смерти [Minturn, 1858, pp. 276–277]. Гнев англичан обрушился не только на мятежников, но и на простых жителей — беззащитных и безоружных убивали без пощады [Dalrymple, 2007, p. 385].

Особо жестокой была резня в *мохалла* Куча-Челан. В этом квартале было вырезано около 1400 делийцев [Dalrymple, 2007, pp. 386–387]. По словам Минтерна, на улицах захваченной столицы не было ни души, повсюду царили тишина и опустошение, а город напоминал собой открытую могилу. Даже после того, как в городе был восстановлен порядок, мирные жители не спешили возвращаться в свои дома [Minturn, 1858, pp. 278–279].

После подавления восстания Дели находился под управлением военной администрации. Из-за множества убийств английских солдат из города была выдворена значительная часть

¹⁰ Роберт Минтерн-младший — сын крупного американского торговца из Нью-Йорка Роберта Минтерна, основателя и владельца «Grinnell, Minturn & Co», одной из ведущих трансатлантических судоходных компаний. По итогам многочисленных поездок, совершенных по делам компании, написал книгу о путешествиях по разным странам, в том числе и по Индии, где он находился в течение шести месяцев в 1857 г. (*цит. авт.*).

его населения. Впоследствии индусам было позволено вернуться, однако мусульмане не допускались в город вплоть до восстановления в Дели городской администрации в январе 1858 г. [Hunter, 1885, p. 195]. Минтерн также отметил, что при входе в город мусульмане должны были предъявлять письменный пропуск, разрешающий проход [Minturn, 1858, p. 279].

Что касается численного соотношения индусов и мусульман, то, как утверждал Р. Минтерн, больше половины населения являлось индусами [Minturn, 1858, pp. 244–245], хотя в городе преобладала мусульманская архитектура. Ф. Уайман в своих записках отмечал, что в мечети Джама-Масджид во время утренней или вечерней молитвы или же по особым событиям нередко собиралось от 4000 до 5000 молящихся [Wyman, 1866, p. 193].

Во второй половине XIX в. наблюдается положительная динамика в приросте населения города [См. Hunter, 1885, p. 195]. По данным переписей населения, в Дели в 1868 г. проживало 154 417 чел.; в 1876 г. — 160 553 чел. В 1877 г. средняя смертность по городам Индии составляла 33 чел.о на тысячу, причем в Дели было зафиксировано максимальное значение (52 на тысячу), а в Кохате¹¹ — минимальное (12 на тысячу) [Hunter, 1885, p. 671]. Удивительно, что смертность в столице была столь высока, и это при том, что многие англичане отмечали «благоприятную» атмосферу Дели. Ф. Уайман писал, что «Дели, в целом, намного здоровее, чем близлежащие станции Мирут, Агра, Карнаул и Амбала, из коих Агра наиболее плоха. Любой скептик в этом вопросе будет удовлетворен, если обратиться к ежегодным медицинским отчетам. Даже эпидемии наведываются в Дели в более мягкой форме, чем в другие места» [Wyman, 1866, p. 189].

В эпоху пребывания у власти Поздних Моголов Дели по численности населения сместился со своих лидирующих позиций, превратившись из густонаселенной величественной столицы в город со средним количеством жителей. За относительно небольшой период в полтора века, с 1707 по 1857 гг., количество обитателей Дели сократилось с 400–500 тыс. до примерно 150 тыс. человек. Сокращение количества обитателей происходило за счет как истребления населения в ходе нашествий иностранных завоевателей, так и оттока жителей в другие места в поисках лучшей жизни. Негативно на населении Дели сказалось восстание 1857–1859 гг. Поскольку Поздние Моголы не отличались политическими и военными успехами, жители Дели не чувствовали себя в безопасности, хотя город в представлении индийцев оставался символом власти. Положительная динамика в росте населения Дели наблюдается с появлением в городе британцев, однако восстановительный период занял много времени.

Литература / References

Бернье Франсуа. *История последних политических переворотов в государстве Великого Могола*. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2008 [Bern'e Fransua. *Istorija poslednih političeskib perevorotov v gosudarstve Velikogo Mogola*. Moskva: Gosudarstvennaja publichnaja istoričeskaja biblioteka, 2008 (in Russian)].

Ефремов Ф. С. *Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора девятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда чрез Англию в Россию. Писанное им самим*. // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995 [Efremov F. S. *Rossijskogo unter-oficera Efremova, ныне kolležskogo asessora devjatiletnee stranstvovanie i priključenje v Buharii, Hive, Persii i Indii i vozvrašhenie ottuda chrez Angliju v Rossiju*. Pisannoe im samim. // Puteshestvija po Vostoku v jepohu Ekateriny II. М., 1995 (in Russian)].

¹¹ Кохат — город на севере современного Пакистана (провинция Хайбер-Пахтунхва) (прим. авт.).

Глебов Н. В., Сухочев А. С. *Литература урду. Краткий очерк*. М.: о «Наука», 1967 [Glebov N. V., Suhochev A. S. *Literatura urdu. Kratkij ocherk*. Moscow: «Наука», 1967 (in Russian)].

Суворова А. А. *Ностальгия по Лакхнау*. М.: АО Тадем, 1995 [Suvorova A. A. *Nostal'gija po Lakhnavu*. М.: АО Tadem, 1995 (in Russian)].

Blake Stephen P. *Shahjahanabad: The Sovereign City in Mughal India, 1639–1739*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Dalrymple William. *The Last Mughal. The Fall of a Dynasty, Delhi, 1857*. New Delhi: Penguin Books, 2007.

Dow Alexander, Esq., *Lieutenant-colonel in the Company's Service. The History of Hindostan, Translated from the Persian. The Third Edition in Three Volumes*. Vol. II, L.: M.DCC.XCII [1792].

Franklin W. *An Account of the Present State of Delhi // Dissertations and Miscellaneous Pieces, Relating to the History and Antiquities, the Arts, Sciences, and Literature, of Asia*. By the late Sir William Jones, and others. Volume IV. L.: Reprinted for Vernor and Hood, 1798.

Habib Irfan. Population // *The Cambridge Economic History of India*. Vol. 1: c. 1200 — c. 1750 / Ed. by Tappan Raychaudhuri, Irfan Habib, 1982.

Hamilton Walter. *A Geographical, Statistical, and Historical Description of Hindostan and the Adjacent Countries in Two Volumes*. L.: John Murray, 1820. Vol. I.

Henderson H. B. Results of an Enquiry Respecting the Law of Mortality, for British India, Deduced from the Reports and Appendices of The Committee Appointed by the Bengal Government in 1834, to Consider the Expediency of a Government Life Assurance Institution. *Asiatic Researches*, XX. Calcutta: Printed at the Bengal Military Orphan Press, 1836.

Hunter W. W. *The Imperial Gazetteer of India*. Vol. IV. L.: Trübner & Co, 1885.

Lehman Fritz. Urdu Literature and Mughal Decline. *Mahfil*. 1970. Vol. 6. № 2–3. Pp. 125–131.

Lough, J. France under Louis XIV. *The New Cambridge Modern History*. Vol. V. The Ascendancy of France 1648–88. Ed. by Carsten F. L.: Cambridge University Press, 1961.

Matheson John. *England to Delhi: a Narrative of Indian Travel*. L.: Longmans, Green, and Co, 1870.

McCulloch John Ramsay. *A Dictionary, Geographical, Statistical, and Historical, of the Various Countries, Places, and Principal Natural Objects in the World*. N. Y.: Harper & Brothers, 1852. Vol. I.

Minturn Robert B., Jr. *From New York to Delhi, by Way of Rio de Janeiro, Australia and China*. N. Y.: D. Appleton & Co, 1858.

Nugent Maria. *A Journal from the Year 1811 till the Year 1815, including a Voyage to and Residence in India, with a Tour to the North-Western Parts of the British Possessions in that Country, under the Bengal Government*. In Two Volumes. L.: Printed by T. and W. Boone, MDCCCXXXIX [1839].

Orlich, L. von. *Travels in India*. In 2 vols. 1845. Vol. II.

Pearse H. *Memoir of Life and Military Services of Viscount Lake, Baron Lake of Delhi and Laswaree, 1744–1808*. Edinburgh and London: William Blackwood and Sons, 1908.

Seid Gholam Hossein Khan. *Seir Mutaqberin or View of Modern Times, Being an History Of India, from the Year 1118 to the Year 1194 (this year answers to the Christian year 1781–82) of the Hedjrab; containing, in general, the reigns of the seven last emperors of Hindostan, and in particular, an account of the English wars in Bengal*. Trans. by Nota-Manus. Calcutta, [1902?]. Vol. I, IV.

Spear Persival. *History of Delhi under the Late Mughals*. Delhi: Low Price Publications, 2011.

The History of the Life of Nader Shah, King of Persia. Extracted from an Eastern Manuscript, with an Introduction, and an Appendix, by William Jones, Esq. L.: Printed by J. Richardson, MDCCLXXIII [1773].

Wyman F. F. *From Calcutta to the Snowy Range; being the Narrative of a Trip through the Upper Provinces of India to the Himalayas, Containing an Account of Monghyr, Benares, Allahabad, Cawnpore, Lucknow, Agra, Delhi, and Simla*. L.: Tinsley Brothers; Calcutta: Wyman & Co, 1866.

**СУДЬБА ОПАЛЬНОГО КОНСТАНТИНА ШЕРВАШИДЗЕ, БРАТА
ВЛАДЕТЕЛЯ АБХАЗИИ
(ДОКУМЕНТЫ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ)**

© 2023

Л. И. Цвижба¹

Брат владельца Абхазии Михаила Шервашидзе – Константин Георгиевич Шервашидзе (1810(11) – 1883) был выпущен из Пажеского корпуса в чине прапорщика в 1831 г. и зачислен в Нижегородский драгунский полк. Уволен в отставку по болезни в чине ротмистра в 1853 г. Несмотря на то, что Константин по службе имел только положительные характеристики, отпраляя в отставку, его посылают на жительство в г. Ярославль под строгий секретный надзор. В 1856 г. с него будет снят полицейский надзор и дана возможность жить, «где пожелает», но с рядом ограничений. В 60-х гг. какое-то время он жил в Тифлисе и был привлечен к работе по подготовке абхазского букваря. В январе 1865 г. произведен в майоры и состоял в 84-м пехотном Ширванском полку до увольнения от службы в 1867 г. Будучи в отставке, он проживал в разных городах России. Умер в 1883 г. в подмосковной деревне Фили. В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) хранятся документы о его службе; о бедственном положении, сопровождавшем его всю жизнь; переписка его родной тети княгини Марии с должностными лицами империи по вопросу разрешения его финансовых проблем, определенных в 1000 рублей. Прошения Константина по вопросам о службе, об обвинениях в его адрес. Документы о смерти Константина в 1883 г.; о временном захоронении в Московском Покровском монастыре его душеприказчиком Давидом Грузинским, который, выполняя последнюю волю умиравшего, получает разрешение на перезахоронение на родине в 1884 г. При этом, как и в молодые годы Константин, возникают финансовые проблемы, которые связаны с перевозкой тела. Цена вопроса и в данном случае определена в 1000 рублей.

Ключевые слова: Михаил и Константин Шервашидзе, Абхазия, служба, увольнение, надзор, финансовые проблемы, княгиня Мария, смерть, Давид Грузинский, перевозка тела из Москвы в Абхазию

Для цитирования: Цвижба Л. И. Судьба опального Константина Шервашидзе, брата владельца Абхазии (Документы о жизни и смерти). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 34–57. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-034-057

**THE FATE OF THE DISGRACED KONSTANTIN SHERVASHIDZE,
THE BROTHER OF THE RULER OF ABKHAZIA.
(DOCUMENTS ON LIFE AND DEATH)**

Larisa I. Tsvizhba

¹ Цвижба Лариса Исиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; laratas@mail.ru
Larisa I. Tsvizhba, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; laratas@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6085-1964

The brother of the ruler of Abkhazia Mikhail Shervashidze – Konstantin Georgievich Shervashidze (1810(11) – 1883) was released from the Page Corps with the rank of ensign in 1831 and enlisted in the Nizhny Novgorod Dragoon Regiment. He was dismissed due to illness with the rank of captain in 1853. Despite the fact that Konstantin had only positive characteristics in his service, nevertheless, when he was dismissed, he was settled in Yaroslavl under strict secret supervision. In 1856, police supervision will be removed from him and he will be given the opportunity to live «wherever he wants», but with a number of restrictions. In the 60s he lived for some time in Tiflis and was involved in the preparation of the Abkhazian primer. In January 1865, he was promoted to major and was in the 84th Infantry Shirvan Regiment before being discharged from service in 1867. Being retired, he lived in different cities of Russia. He died in 1883 in the village of Fili near Moscow. The funds of the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) contain documents about his service; about the plight that accompanied him all his life; correspondence of his aunt Princess Maria with officials of the empire on the issue of resolving his financial problems, defined in 1000 rubles. Konstantin's petitions on questions about the service, about accusations against him. Documents about the death of Konstantin in 1883; about the temporary burial in the Moscow Pokrovsky Monastery by his executor David Gruzinsky, who, fulfilling the last will of the deceased, receives permission to be reburied at home in 1884. At the same time, as in Konstantin's younger years, financial problems arise that are associated with the transportation of the body. The price of the issue in this case is determined in 1000 rubles.

Keywords: Mikhail and Konstantin Shervashidze, Abkhazia, service, dismissal, supervision, financial problems, Princess Maria, death, David Gruzinsky, transportation of the body from Moscow to Abkhazia

For citation: Tsvizhba L. I. The fate of the disgraced Konstantin Shervashidze, the brother of the ruler of Abkhazia (Documents on life and death). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 3. Pp. 34–57. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-034-057

Константин Георгиевич Шервашидзе (1810(11) — 1883), брат владельца Абхазии Михаила Шервашидзе, был выпущен из Пажеского корпуса в чине прапорщика в 1831 г. и зачислен в Нижегородский драгунский полк. Уволен в отставку по болезни в чине ротмистра в 1853 г. Несмотря на то, что Константин по службе имел только положительные характеристики, отправляя в отставку по болезни, его поселяют на жительство в г. Ярославль под строгий секретный надзор. Будучи под надзором, он в 1855 г. напишет «Записку о положении в Абхазии», предлагая дельные советы по поводу высадившейся на Черноморской береговой линии турецкой армии Омара Паши. В 1856 г. с него будет снят полицейский надзор и дана ему возможность жить «где пожелает», но с рядом ограничений, в том числе запретом на проживание в Кавказском и Закавказском краях. В 1858 г., возможно, последовало смягчение над ограничениями по перемещениям Константина, и он возвращается в Абхазию, где назначается управляющим Сухумским округом и Абхазским княжеством по причине болезни владельца Михаила. В 60-х гг. какое-то время жил в Тифлисе и был привлечен к работе по подготовке абхазского букваря под руководством П. К. Услара, затем и И. А. Бартоломея. В январе 1865 г. произведен в майоры и состоял в 84-м пехотном Ширванском полку до увольнения от службы в 1867 г. После ликвидации Абхазского княжества по окончании Кавказской войны (1864) и восстания в Абхазии 1866 г., вызванного проведением крестьянской реформы, члены владетельской семьи, признанные неблагонадежными, были лишены возможности жить на родине. Константин, стесненный финансово, до кончины своей проживал в разных городах России. В 1883 г. он умер от тяжелой болезни в подмосковной деревне Фили. В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) хранятся документы о его службе; о бедственном положении, сопровождавшем его всю жизнь; переписка его родной тети

княгини Марии в 1831 г. с должностными лицами империи по вопросу разрешения его финансовых проблем, определенных в 1000 рублей. Прошения Константина по вопросам о службе, об обвинениях в его адрес. Документы о смерти Константина в 1883 г.; о его временном захоронении в Московском Покровском монастыре душеприказчиком Давидом Грузинским, который, выполняя последнюю волю умиравшего, добивается разрешения на перезахоронение Константина в Абхазии в 1884 г. При этом, как и в молодые годы Константина, возникают финансовые проблемы, которые связаны с перевозкой тела. Цена вопроса и в данном случае определена в 1000 рублей.

Обстоятельная биографическая информация о Константине содержится в монографиях Г. А. Дзидзария [Дзидзария, 1975; 1979]; справочно представил биографию Константина в историко-генеалогическом исследовании Ю. Чиковани [Чиковани, 2007, с. 40, 43]; В. А. Бигуаа подготовил статью в Абхазском биографическом словаре [Бигуаа, 2015, с. 748]; о Константине Шервашидзе, выпускнике Пажеского корпуса, и сложном финансовом состоянии молодого офицера Российской императорской армии в начале его службы опубликована статья на абхазском языке в 1989 г. Л. Цвижба [Л. Цыць-цъха, 1989, ад. 7].

Ниже публикуются документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), связанные с жизнью и смертью Константина Шервашидзе. Это рапорты, донесения, записки, доклады о службе в частях Российской императорской армии; о запрете на жительство в Абхазии; о сложном финансовом положении, которое преследовало его всю жизнь; о смерти в Москве, переписка о перевозке тела в Абхазию. Среди документов есть подлинники письма самого Константина, владельца Абхазии Михаила Шервашидзе, имеретинской княгини Марии, душеприказчика и опекуна детей Константина Давида Багратовича Багратиона-Грузинского. Документы воспроизводятся в современной орфографии с сохранением особенностей языка оригинала, в том числе и подчеркивания отдельных слов.

Многие документы ранее использовались в исследованиях, но публикуются полностью впервые. Они расположены в хронологическом порядке, кроме формулярного списка Константина, составленного на 1847 г. Он представлен в начале публикации и дополнен биографическими сведениями.

№ 1

1847 г. — Формулярный список пехотного принца Карла прусского полка капитана Константина Шервашидзе

Из формулярного списка пехотного принца Карла прусского полка капитана князя Константина Шервашидзе, составленного на 1847 г., следует, что ему от роду 37 лет², он сын владельца Абхазии. Из Пажеского корпуса выпущен прапорщиком 2 мая 1831 г. (тогда ему было 20 лет) с определением в Нижегородский драгунский (позднее переименован в его королевского высочества принца Виртембергского) полк, к которому прибыл 15 сентября 1832 г. Переведен в гусарский его величества короля Виртембергского полк с производством в корнеты 19 ноября 1833 г., произведен в поручики 7 апреля 1836 г., в штабс-капитаны 17 марта 1841 г.

² Во всех публикациях о Константине Шервашидзе авторы указывают разные годы рождения: например, Г. Дзидзария — 1801 г. [Дзидзария, 1979, с. 26], В. Бигуаа, ссылаясь на Г. Дзидзария, также пишет 1801 г. [Бигуаа, 2015, с. 748], Ю. Чиковани указал 1813 г. [Чиковани, 2007, с. 40, 43]. Эти даты неверны, наиболее точными следует считать сведения из формулярного списка, по которым К. Шервашидзе родился в 1810 г. или в 1811 г. [РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 178. 1847 г. Л. 10–15].

Переведен: в Грузинский гренадерский (позднее переименован в его императорского высочества великого князя Константина Николаевича) полк 11 июня 1840 г.; в Нижегородский драгунский полк 10 апреля 1842 г.; в уланский его королевского высочества принца Фридриха Виртембергского полк с переименованием в штабс-ротмистры 24 апреля 1844 г.; в гусарский его величества короля Виртембергского полк 17 января 1845 г., но до отправления к названному полку возвращен обратно в полк 9 мая 1845 г., переведен в пехотный принца Карла прусского полк с переименованием в капитаны 15 ноября 1847 г.

Был в отпуске на 4 месяца в Абхазии по высочайшему приказу от 6 июля 1831 г. и по разрешению бывшего корпусного командира генерал-адъютанта барона Р. В. Розена. Ему было разрешено находиться в доме матери его княжны Тамары Кациевны Дадиани по 1 число марта 1838 г., по окончании которого явился в срок (в формулярном списке нет отметки, с какого времени воспользовался этим отпуском Константин — А. Ц.). Был уволен в Санкт-Петербург на 28 дней, отправился из полка 25 апреля, прибыл по назначению 6 июля, просрочил 1 месяц и 13 дней. Признали эту просрочку уважительной, требуется сведение из гусарского его величества короля Виртембергского полка. 10 октября того же года уволен по домашним обстоятельствам в Абхазию на 4 месяца, отправился из полка 10 ноября, но на срок не прибыл, а высочайшим приказом от 18 марта 1839 г. продолжал он этот отпуск по 10 мая того же года, прибыл ли от того отпуска на срок требуется сведение из полка (так в документе — А. Ц.). Приказом по Отдельному Кавказскому корпусу 10 августа 1842 г. был уволен в отпуск на 28 дней, но когда отгуливал неизвестно, а потому требуется сведение из гренадерского его величества Константина Николаевича полка³.

Отчеты по должности, какие имел, предоставляя в срок, жалобам начальства не подвергался. Слабым в исполнении обязанностей службы не замечен, беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал. Оглашаем и изобличен в неприличном поведении не был. Был женат на дочери коллежского секретаря Павла Васильевича Комарова девице Александре [РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 178. 1847 г. Л. 10–15].

Константин Шервашидзе по высочайшему повелению уволен от службы по болезни 27 августа 1853 г. в чине ротмистра и выслен (под строгим секретным надзором и «запретом без особого разрешения отправиться на Кавказ»⁴) в г. Ярославль на жительство с назначением ему содержания по 315 руб. в год [РГВИА. Ф. 395. Оп. 45. Д. 413. 1853 г. Л. 29–30 об.]. При всем жестком надзоре за ним и контроле за его «действиями» он в конце августа 1853 г. определен на службу в 15-й Тверской драгунский полк, «что не помешало императору сделать вновь распоряжение о строгом секретном надзоре за Константином» и «запретить ему выезд из города «без особого на то разрешения» [Дзидзария, 1979, с. 30].

Находясь под надзором полиции в г. Ярославле, Константин 20 декабря 1855 г. напишет «Записку о положении в Абхазии». В ней соображения автора об Абхазии во время Крымской (Восточной) войны, когда турецкая армия Омара Паши высадилась на Черноморской береговой линии. Автор со знанием ситуации на береговой линии пишет, в какие ловушки можно загнать турецкий десант и какую действительную роль могут сыграть подданные владельца Абхазии в изгнании врага с занятой территории⁵.

³ С отпусками Константина, как и с полками, в которых он служил, нет полной ясности, т. е. о сроках их завершения. Это связано, скорее всего, с делопроизводством в полках, в которых он служил.

⁴ Служебные характеристики Константина описаны как «долговременные и беспорочные», «слабым в исполнении обязанностей службы не замечен»..., но вне службы за ним множество проступков: побои, грубость, дерзость, за что попадал под аресты [РГВИА. Ф. 395. Оп. 290. Д. 76. 1854 г. Л. 9 об.].

⁵ Записка посвящена одному из периодов Крымской (Восточной) войны — на Черноморской береговой линии, поэтому считаю, что ее нужно публиковать отдельно — А. Ц.

В сентябре 1856 г. с Константина будет снят полицейский надзор. Ему разрешено жить «где пожелает», кроме столиц, Кавказского и Закавказского края, а также Новороссийского края, земли Войска донского и Астраханской губернии. Предположительно (в 1850 г.) он женится вторым браком на дочери профессора Данлуа — пианистке Наталье Матвеевне. Был судим за двоеженство, так как вторично женился, будучи не разведенным с первой живой женой Александрой Павловной Комаровой⁶ [Чиковани, 2007, с. 44, 46]. В 1858 г. он возвращается в Абхазию, где будет назначен управляющим Сухумским округом, кроме того, Константину поручено управление Абхазским княжеством в связи с затяжной болезнью владельца Михаила [Дзидзария, 1979, с. 30–31; История Абхазии, 1986, с. 86–87]. Здесь, скорее всего, повлияла болезнь владельца Абхазии, в связи с чем Константину дана возможность приехать на родину и исполнять возложенные на него административные функции по управлению не только одним из округов Абхазии, но и на определенное время всем княжеством.

К. Шервашидзе в 60-х гг. какое-то время жил в Тифлисе и был привлечен к работе по подготовке абхазского букваря под руководством лингвиста П. К. Услара в 1862 г. Параллельно с П. К. Усларом работала комиссия под руководством И. А. Бартоломея над составлением букварей и книг для горских школ. В 1865 г. вышел «Абхазский букварь», в работе над которым принимал также активное участие Константин [Дзидзария, 1979, с. 56–58].

Следует отметить, что Константин Шервашидзе знал российскую грамоту, закон божий, священную историю, рисование, черчение планов, географию, арифметику, алгебру, геометрию, полевую фортификацию, артиллерию, фронтную службу и фехтование, немецкий и французский языки, о чем сказано в его послужном списке [РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 178. 1847 г. Л. 10–15]. К знаниям Константина следует добавить и владение в совершенстве родным абхазским языком и, возможно, в таком же совершенстве грузинским, что отразилось в работе над абхазским букварем.

После окончания Кавказской войны (21 мая 1864 г.) Абхазское княжество было ликвидировано, владелец Михаил, признанный неблагонадежным, выслан в Воронеж. После восстания 1866 г. в Абхазии, вызванного проведением крестьянской реформы, владельческой семье, в том числе и Константину Шервашидзе, будет запрещено жить на родине.

В январе 1865 г. Константин произведен в майоры и состоял в 84-м пехотном Ширванском ЕИВ кн. Николая Константиновича полку [Список майорам по старшинству. СПб., 1867. С. 445]. После отставки в феврале 1867 г. он жил в Крыму, в Феодосии, где имел дом, но часто выезжал в Петербург, Москву, Тифлис⁷ [Дзидзария, 1979, с. 32, 60–62; РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 3–4].

У Константина от первого брака были дочь Мариам (1854-?). Во втором браке родились дети Дмитрий (1859–1888), Тамара (1863-?), Георгий (1865–1879), Александр (1867–1968), Нина (1869–1879), Константин (1871-?), Владимир (1873–1937) [Чиковани, 2007, с. 44, 46, 47]. «Рано распалась семья. Александр и младший брат Владимир остались с отцом. Материальное положение было тяжелым, — напишет о Константине и Наталье их внучка Русудана Александровна. Наталья Данлуа вышла замуж за преподавателя реального училища Николая Павловича Васильева-Яковлева и проживала в Киеве. Она пережила своего первого мужа Константина [Шервашидзе-Чачба Русудана Александровна, 30 июня 1984].

Константина Георгиевича Шервашидзе практически всю жизнь преследовали финансовые проблемы. При выпуске из Пажеского корпуса в офицеры в Нижегородский драгунский полк

⁶ Дальнейшую судьбу Комаровой Александры Павловны прояснить не удалось.

⁷ Кроме дома в Феодосии никакая другая недвижимость у Константина Шервашидзе в документах не прослеживается.

в 1831 г. он на обмундирование свое «задолжал разным мастерам» 1000 руб. Его родная тетя — имеретинская царица Мария обращалась к военному министру А. И. Чернышеву 12 мая 1831 г. с письмом, чтобы К. Шервашидзе выдали денежное пособие на уплату долга, или выдали бы пособие в счет жалованья, или в счет определенного матери его и родному брату владельцу Абхазии Михаилу Шервашидзе пенсионера. Вопрос этот после долгих обсуждений был решен положительно [Цыць-цха (Цвижба), 1989, ад. 7; РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г.].

Константин умер 18 ноября 1883 г. «от тяжелой и продолжительной болезни рака в печени» в подмосковной деревне Фили, «где жил в последнее время в одиночестве» [Шервашидзе-Чачба Русудана Александровна, 30 июня 1984 г.]. Организацией похорон занимался душеприказчик и опекун его детей, отставной полковник князь Давид Багратович Багратион-Грузинский. Константин был временно похоронен в Московском Покровском монастыре. По его предсмертному завещанию 31 мая 1884 г. гроб с телом был отправлен из Москвы в Абхазию через Севастополь, в местечко Гудаута [Дзидзария, 1979, с. 62; РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 18–18 об.].

После смерти Константина Шервашидзе вновь возникла финансовая проблема — деньги требовались для перевозки тела умершего в Абхазию. Решением ее занимался Давид Грузинский. Из предписания начальника Главного штаба генерал-адъютанта Н. Н. Обручева Главнокомандующему гражданской частью на Кавказе от 14 декабря 1883 г. следует, чтобы расходы по перевозке в Абхазию и погребению тела Константина Шервашидзе были организованы на счет казны [РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 5]. Вскоре деньги в сумме 1000 руб. серебром были выданы, и об этом сообщает Давид Грузинский помощнику начальника Главного штаба М. Ф. Мирковичу 1 мая 1884 г. [РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 23 об.].

№ 2

12 мая 1831 г. — Письмо имеретинской царицы Марии военному министру А. И. Чернышеву с просьбой об отпуске денег Константину Шервашидзе на обмундирование

Племянник мой Константин Шарвашидзе [Шервашидзе] абхазский, недавно выпущенный из Пажеского корпуса в офицеры в Нижегородский драгунский полк, на обмундировку свою задолжал разным здешним мастерам слишком на 1000 р., не имеет чем расплатиться. В нынешнее время я также не в состоянии снабдить его, а из дому выписывать ему деньги по причине скорого его отъезда равным образом невозможно. В таком случае вынуждаюсь обратиться к вашему сиятельству всепокорнейшею моею просьбою, нельзя ли будет отпустить ему от казны нужное количество денег или в счет жалованья его, или перевести на всемилостивейше определенные матери⁸ и родному брату его абхазскому владельческому князю Шарвашидзе [Шервашидзе] от казны пенсион. И о том снести с г[осподином] главнокомандующим в Грузии. Таковым спомоществованием князю Шарвашидзе [Шервашидзе] обяжете и меня чувствительнейшею благодарностью пребывающую с истинным к вам почтением и непременною преданностью.

Милостивый государь, вашего сиятельства покорная к услугам имеретинская царица Мария (подпись на грузинском языке)

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г. Л. 1–1 об. Подлинник.

⁸ Тамара, дочь владельца Мегрелии Каца Даднани, была замужем за владельцем Абхазии Сефер-беом (Георгием) Шервашидзе.

№ 3

4 июня 1831 г. — Письмо имеретинской царицы Марии дежурному генералу Инспекторского департамента Главного штаба А. Н. Потапову с просьбой ходатайствовать об отпуске денег Константину Шервашидзе на закрытие долгов, возникших при покупке обмундирования

Милостивый государь, Алексей Николаевич!

Племянник мой Константин Шарвашидзе [Шервашидзе] абхазский, недавно выпущенный из Пажеского корпуса в офицеры в Нижегородский драгунский полк, на обмундировку свою и другие покупки задолжал разным здешним мастерам около 1200 р., не имеет чем расплатиться. И я не могла изыскать к тому никаких средств, почему я просила пред сим графа Александра Ивановича Чернышева об отпуске ему от казны оных денег займообразно или в счет жалованья его, или с переводом на всемилостивейше определенный матери и родному брату его, абхазскому владетельному князю Михаилу Шарвашидзе [Шервашидзе] от казны пенсии, снесясь о том с г[осподином] главнокомандующим в Грузии.

Покорнейше прошу ваше превосходительство оказать и со стороны вашей содействие к скорейшему отправлению сего князя таковым средством, дабы долее не оставался он здесь понапрасну, чем обяжете и меня чувствительною благодарностию, и я ручаюсь, что от матери его, моей сестры и брата его без замедления возвращены будут по востребованию выданные ему деньги.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства к услугам покорная имеретинская царица Мария (подпись: на грузинском языке)

Резолюция: по окончании дела уведомить. 5 июня.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г. Л. 4. Подлинник.

№ 4

5 июня 1831 г. — «Доклад» дежурного генерала Инспекторского департамента Главного штаба А. Н. Потапова о выдаче произведенному из пажей в прапорщики в Нижегородский драгунский полк Константина Шервашидзе денежного пособия на уплату 1000 р. долга

Высочайшим приказом 2-го минувшего мая двора его императорского величества паж князь Шервашидзе произведен в прапорщики в Нижегородский драгунский полк, причем, согласно прежним примерам, выдано ему в единовременное награждение сто рублей серебром.

Ныне имеретинская царица Мария в письме вашему сиятельству изъясняя, что племянник ее, означенный князь Шервашидзе, по случаю производства его в офицеры задолжал разным здешним мастерам слишком 1000 рублей и не имеет чем расплатиться. Она же в нынешнее время не в состоянии снабдить его деньгами, также из дому выписывать ему деньги по причине скорого отъезда невозможно, почему просит отпустить ему от казны нужное количество денег или выдать таковое в счет жалованья его, либо перевести на всемилостивейше определенный матери и родному брату его, абхазскому владетельному князю Михаилу Шервашидзе от казны пенсии. И о том снести с командующим в Грузии.

Дежурный генерал Потапов (подпись)

Резолюция: Высочайше повелено снести с графом Паскевичем-Эриванским о том,

заслуживает ли князь Шервашидзе испрашиваемой
отдачи 1000 руб. на заплату сделанных им издержек.
Граф А. Чернышев. 19 июня

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г. Л. 5–5 об. Подлинник.

№ 5

**4 июля 1831 г. — Рапорт управляющего Главным штабом генерал-адъютанта
А. И. Чернышева главнокомандующему действующей армии генерал-фельдмаршалу
И. Ф. Паскевичу-Эриванскому о письме имеретинской царицы Марии
о долгах Константина Шервашидзе**

Имеретинская царица Мария в письме своем ко мне изъясняет, что выпущенный из пажей Пажеского корпуса прапорщиком в Нижегородский Драгунский полк племянник ее князь Шервашидзе, по случаю такового производства его в офицеры задолжал разным здешним мастерам слишком 1000 рублей и не имеет чем расплатиться, она же в нынешнее время не в состоянии снабдить его деньгами. Так же из дому выписывать ему деньги по причине скорого отъезда невозможно, почему и просила об отпуске ему от казны нужного количества денег либо перевести на всемилостивейшие определенные матери и родному брату его, абхазскому владельческому князю Михаилу Шарвашидзеу [Шервашидзе], от казны пенсии.

По докладу моему государю императору его величество повелеть соизволил просить мнение вашего сиятельства заслуживает ли князь Шервашидзе испрашиваемой выдаче ему 1000 руб. на заплату сделанных им издержек.

О сей монаршей воле донося вашему сиятельству, покорнейше прошу почтить меня уведомить о мнении вашем по означенному предмету.

Подписали генерал-адъютант граф Чернышев

и дежурный генерал Потапов

Верно: 12 класса (подпись)

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г. Л. 6–6 об. Копия.

№ 6

**18 июля 1831 г. — Письмо имеретинской царицы Марии управляющему
Главным штабом генерал-адъютанту А. И. Чернышеву с просьбой об ускорении
отправления Константина Шервашидзе к месту службы**

Милостивый государь, граф Александр Иванович!

Пред сим я утруждала вас покорнейшею моею просьбою об оказании пособия на отъезд племяннику моему князю Константину Шарвашидзеу [Шервашидзе] к назначенному ему месту службы в Нижегородский драгунский полк. Не имея донныне по сему предмету известия, между тем, как при нынешних опасных от болезни обстоятельствах тягостно и для меня и для него оставаться здесь понапрасну, вынуждаюсь утруждать вас, милостивый государь, вторично покорнейшею моею просьбою об ускорении отправления его князя Шарвашидзеа [Шервашидзе] к месту службы и о последующем почтить уведомлением остающуюся с истинным к вам почтением и совершенною преданностью.

Милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшая к услугам имеретинская царица Мария (подпись на грузинском языке)

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г. Л. 7. Подлинник.

№ 7

18 июля 1831 г. — Донесение генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича-Эриванского управляющему Главным штабом генерал-адъютанту А. И. Чернышеву о поддержке выдачи Константину Шервашидзе 1000 руб.

На отношение вашего сиятельства от 4-го июля за № 5075, честь имею ответить, что по описанным в оном обстоятельством прапорщик князь Шервашидзе, по мнению моему, заслуживает испрашиваемой выдачи ему 1000 руб. на заплату сделанных им издержек.

С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею быть
Вашего сиятельства покорный слуга граф Паскевич-Эриванский

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г. Л. 13. Подлинник.

№ 8

24 июля 1831 г. — «Записка» дежурного генерала Инспекторского департамента Главного штаба А. Н. Потапова, направленная управляющему Главным штабом генерал-адъютанту А. И. Чернышеву, о предоставлении отпуска Константину Шервашидзе

По письму имеретинской царицы Марии об ускорении разрешения просьбы ее об оказании пособия племяннику ее, князю Шервашидзе [Шервашидзе], назначенному на службу в Нижегородский драгунский полк, ваше сиятельство приказали представить справку, что по-прежнему письму ее последовало:

Справка:

Имеретинская царица Мария двумя письмами в прошедших мае и июне месяцах просила ваше сиятельство о выдаче произведенному из пажей в прапорщики в Нижегородский Драгунский полк племяннику ее, князю Шервашидзе денежного пособия на уплату 1000 руб. долга, или об отпуске такового пособия в счет жалованья, либо в счет определенного матери его и родному брату абхазскому владетельному князю Михаилу Шервашидзе [Шервашидзе] пенсионна.

О сем представлен был доклад, по которому высочайше повелено: снести с графом [И. Ф.] Паскевичем-Эриванским о том, заслуживает ли князь Шервашидзе испрашиваемой выдачи 1000 руб.

О сей высочайшей воле писано генерал-фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому 4-го сего июля.

Между тем прапорщику князю Шервашидзе по представлению начальника Штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта [Н. П.] Панкратьева, последовавшему по просьбе матери Шервашидзе, вдовы абхазской владетельницы Тамары высочайше разрешен отпуск на 4 месяца в Абхазию, о чем отдано в приказе 6-го июля.

Дежурный генерал Потапов

Помета: Представить справку. (К. ея ... — слово неразборчиво — А. Ц.) по сему делу

получен ответ графа Паскевича-Эриванского.
Граф А. Чернышев. 9-го августа.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г. Л. 8–9. Подлинник.

№ 9

**8 августа 1831 г. — «Доклад» дежурного генерала Инспекторского департамента
Главного штаба о выдаче произведенному из пажей в прапорщики
в Нижегородский драгунский полк Константину Шервашидзе
денежного пособия 1000 руб. на оплату долгов**

Высочайшим приказом 2-го минувшего мая Двора его императорского величества паж князь Шервашидзе произведен в прапорщики в Нижегородский драгунский полк, причем согласно прежним примерам, выдано ему в единовременное награждение сто рублей серебром.

Ныне имеретинская царица Мария, в письме вашему сиятельству изъясняя, что племянник ее, означенный князь Шервашидзе, по случаю производства его в офицеры задолжал разным здешним мастерам слишком 1000 рублей и не имеет чем расплатиться. Она же в нынешнее время не в состоянии снабдить его деньгами, также из дому выписывать ему деньги по причине скорого отъезда невозможно, почему просит отпустить ему от казны нужное количество денег или выдать таковое в счет жалованья его, либо перевести на всемилостивейше определенный матери и родному брату его, абхазскому владельческому князю Михаилу Шервашидзе от казны пенсии. И о том снести с командующим в Грузии.

По докладу о сем государю императору воспоследовало высочайшее повеление снести с генерал-фельдмаршалом графом [И. Ф.] Паскевичем-Эриванским о том, заслуживает ли князь Шервашидзе испрашиваемой выдачи 1000 руб. на заплату сделанных им издержек.

Ныне генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский отзываясь, что прапорщик Шервашидзе, по мнению его, заслуживает испрашиваемой выдачи ему 1000 р. на заплату сделанных им издержек.

Между тем прапорщику князю Шервашидзе по представлению начальника Штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта Панкратьева, последовавшему по просьбе матери Шервашидзе, вдовы абхазской владетельницы Тамары высочайше разрешен отпуск на 4 месяца в Абхазию, о чем отдано в приказе 6-го минувшего июля.

Дежурный генерал Потапов

Резолюция. Если прапорщик Шервашидзе нуждается в деньгах, то государь император изволит предоставить генерал-адъютанту Панкратьеву выдать жалованье или по переводу на определенной матери и брату его от казны пенсией. Граф А. Чернышев. 14 августа [1831 г.]

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г. Л. 10–11. Подлинник.

№ 10

**5 сентября 1831 г. — Донесение Инспекторского департамента Главного штаба
начальнику Штаба Отдельного Кавказского корпуса о прощении царицы Марии
об отпуске ее племяннику денежного пособия**

Имеретинская царица Мария просит г[осподина] управляющего Главным штабом ЕИВ об отпуске, произведенному из пажей Пажеского корпуса в прапорщики в Нижегородский драгунский полк, племяннику ее князю Шервашидзе, который в последствии по представлению вашего правительства высочайшим приказом 6 минувшего июля уволил в отпуск в Абхазию на 4 месяца, денежного пособия на уплату 1000 руб. долга или о выдаче такового в счет жалования его, либо перевести на всемилостивейше пожалованный матери и родному брату его, абхазскому владетельному князю Михаилу Шервашидзе, от казны пенсион.

По докладу о сем государю императору его величество высочайше повелеть соизволил предоставить вашему пр[восходительст]ву выдать помянутому прапорщику Шервашидзе, если он нуждается в деньгах, 1000 руб. в счет жалования или по переводу на определенный матери и брату его от казны пенсион.

О сей высочайшей воле уведомляя ваше пр(восходительст)во для зависящего от вас исполнения, имею честь присовокупить, что об оной вместе с сим извещена и имеретинская царица Мария.

Подписали: дежурный генерал Потапов
и за отсутствующего (далее подпись неразборчива)
Верно: За столонач[альника] (подпись)

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г. Л.14–14 об. Копия.

№ 11

**5 сентября 1831 г. — Письмо управляющего Главным штабом генерал-адъютанта
А. И. Чернышева имеретинской царице Марии о выдаче Константину
Шервашидзе денежного пособия на оплату его долгов**

Ваша светлость!

Письмо вашей светлости от 19 прошлого мая об отпуске произведенному из пажей Пажеского корпуса в прапорщики в Нижегородский драгунский полк племяннику вашему князю Шервашидзе денежное пособие на уплату 1000 руб. долга или о выдаче такового в счет жалования его, либо перевести на всемилостивейшее определенный матери и родному брату его абхазскому владетельному князю Михаилу Шервашидзе от казны пенсион, я имел счастье докладывать государю императору и его величество высочайше повелеть соизволил: предоставить начальнику Штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту [Н. П.] Панкратьеву выдать племяннику вашему прапорщику Шервашидзе, если он нуждается в деньгах, тысячу рублей в счет жалования или по переводу на определенный матери и брату его от казны пенсион.

О сей монаршей воле уведомил вашу светлость, имею честь присовокупить, что об оной вместе с сим сообщаю для исполнения генерал-адъютанту Панкратьеву.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашей светлости покорный слуга граф А. Чернышев.

Верно: за столоначальника (подпись)

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г. Л. 15–15 об. Копия.

№ 12

1848 г. — СВИДЕТЕЛЬСТВО о физическом состоянии Константина Шервашидзе

Пехотного принца Прусского [гусарского] полка капитан князь Шервашидзе [Константин Георгиевич] одержим с давнего времени ломотою в обеих нижних конечностях и при выданном ему свидетельстве военного госпиталя, подал по болезни в отставку. Ныне страдает он теми же болезненными припадками и по причине ожесточения боли в ногах не в состоянии отправиться к месту своего служения.

В чем свидетельствую по всей справедливости Московского ордонанс-гауза штаб-лекарь надворный советник Берск.

Московский комендант генерал от кавалерии (подпись)

16 июня 1848 г.

печать (неразборчива, повреждена — А. Ц.)

РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 178. 1849 г. Л. 3. Подлинник.

№ 13

17 января 1849 г. — Отношение главнокомандующего Действующей армией князя Варшавского⁹ военному министру А. И. Чернышеву о неприбытии капитана [Константина] Шервашидзе в пехотный принца Карла прусского полк по болезни

Пехотного принца Карла Прусского полка капитан князь Шервашидзе, переведенный в сей полк высочайшим приказом 5 ноября 1847 года из уланского его королевского высочества принца Фридриха Витрембергского полка, до сего времени по болезни к своему месту не прибыл.

По сему командир 1-го пехотного корпуса вошел ко мне с представлением об увольнении этого офицера от службы на основании 1352 статьи V тома Свода военных постановлений.

Перевод капитана князя Шервашидзе последовал по ходатайству его императорского высочества главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами, во внимание к недостаточному его состоянию содержать себя в кавалерии. Причем, как ваше сиятельство сообщили мне 12 ноября 1847 года за № 91987, всемилостивейшее повелено производить этому офицеру, сверх штатного жалованья негласным образом и продолжить иметь за ним секретного надзора.

Московский комендант, вследствие вопроса: действительно ли здоровье капитана князя Шервашидзе расстроено до такой степени, что он не может долее продолжить службы, доставив медицинское свидетельство о болезни его, препятствующей ему явиться к своему месту, уведомил, что увольнение сего офицера от службы, сколько ему, коменданту известно, может последовать тогда, когда изъявит на это свое согласие родной брат его, генерал-лейтенант князь Шервашидзе, который вследствие бывшей между ними ссоры, просил не увольнять брата ни в отставку, ни в отпуск.

К сему генерал от кавалерии [К. Г.] Стааль присовокупил, что в настоящее время капитан князь Шервашидзе, вступив в законный брак и получив после родственников жены своей значительное состояние, мог бы быть беспрепятственно уволен от службы, тем более, что домашние обстоятельства заставляют его преимущественно жить в Москве, не делая переездов.

⁹ И. Ф. Паскевич-Эриванский

Имею честь сообщить Вам, милостивый государь, о вышеизложенном представлении генерала от кавалерии [В. К.] Сиверса и отзыв Московского коменданта на зависящее распоряжение, прося покорнейше о последующем меня уведомить.

Формулярный список о службе капитана князя Шервашидзе и медицинское о болезни его свидетельство у сего прилагается.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности: Князь Варшавский.

17 января 1849 г.

Варшава. № 340.

Помета: Не уволен, о чем сообщено 27 апреля № 3978

РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 178. 1849 г. Л. 1–2 об. Подлинник.

№ 14

19 марта 1849 г. — Письмо владельца Абхазии Михаила Шервашидзе состоявшему в свите его величества генерал-майору И. И. Гогелю по вопросу об увольнении в отставку Константина Шервашидзе

Ваше превосходительство!

Милостивый государь Иван Иванович!

На письмо ваше от 12-го марта я имею честь уведомить вашего превосходительства, что к увольнению моего родного брата по положению в отставку, я не имею никакого повода препятствовать и для меня весьма странным кажется, что московский комендант сообщил дежурному генералу Главного штаба Его Императорского Величества, что я вследствие какой-то ссоры с ним просил не увольнять его ни в отставку, ни в отпуск, тогда как я никогда никого об этом не просил и никому не говорил, а если были между нами недоразумения, то никак не с моей стороны, потому что я никаких не имел причин враждовать против родного моего брата, искренне любя его, я его довольно часто выговаривал и делал замечания за шалости его, которые он в молодости делал и нисколько не полагал, что мои отеческие наставления, которые служили ему к пользе, были приняты за какую-то ссору, тогда как я его всегда истинно любил, и для меня весьма радостно было бы во всякие времена видеть у себя своего брата, которого я с полной готовностью всегда готов принять у себя.

С истинным почтением имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга к[нязь] Михаил Шервашидзе (подпись).

19 марта 1849 г.

в Тифлисе

РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 178. 1849 г. Л. 9–9 об. Подлинник.

№ 15

11 октября 1853 г. — Письмо князя Константина Шервашидзе дежурному генералу Главного штаба генерал-адъютанту А. А. Катенину с просьбой о разрешении носить ему мундир, будучи уволенным от службы

Ваше превосходительство!

Его императорского величества высочайшим приказом в 27 день августа сего года [1853] уволен я от службы без награждения следующим чином, пенсионом и мундиром.

В продолжение двадцати двухлетней офицерской моей службы я старался по силе и возможности быть полезным моему монарху и Отечеству. За то воспитание, которое я получил в Пажеском ЕВ корпусе и, руководясь этою священной для каждого мыслию, я гордился и горжусь именем русского офицера.

Ныне к душевному моему прискорбию, я лишен этого мундира по отставке, не говоря о том, что увольнение сделано независимо моего желания, ибо не позволяю себе рассуждать о распоряжениях высшего моего начальства, которое я привык ценить и уважать, я однако, не чувствую за собою ни одного деяния, которое могло бы потемнить честь мундира, который я имел счастье носить 22 года и которым по справедливости дорожу выше всего, приемлю смелость утруждать вас, ваше превосходительство, моею всепокорнейшей просьбой о благосклонном предстательстве вашем у августейшего нашего монарха о даровании мне милости — носить по отставке мундир. Предстательство это, тем более для меня дороже, что быв известен вашему превосходительству по служению моему в уланском его королевского высочества принца Фридриха Виртембергского полку в звании эскадронного командира и получая неоднократно личные изъявления благодарности вашего превосходительства. Я вполне убежден, что просьба офицера, прослужившего 22 года престолу и отечеству, найдет место в благородном сердце вашем.

Поручая себя вниманию вашего превосходительства, я льщу себя приятною надеждой, что вы не оставите без уведомления того, который почтет за особенное удовольствие быть вечно благодарным Вашему превосходительству.

Князь Константин Шервашидзе

11 октября 1853 г.

Херсонская губерния, г. Вознесенск

РГВИА. Ф. 395. Оп. 45. Д. 413. 1853 г. Л. 29–30 об. Подлинник.

№ 16

**18 ноября 1854 г. — Письмо Константина Шервашидзе дежурному генералу
Главного штаба генерал-адъютанту А. А. Катенину
о желании поступить вновь на службу**

Ваше превосходительство,
милостивый государь Александр Андреевич!

Взирая на вас как на справедливого и великодушного начальника и покровителя подчиненных, я осмеливаюсь прибегнуть к вашему превосходительству с всепокорнейшею просьбой.

По выздоровлении моем от болезни, желая посвятить силы и способности мои на службу государю и отечеству, письмом моим от 22-го февраля сего года, я просил господина Ярославского военного губернатора об исходатайствовании мне дозволения вступить в один из кавалерийских полков действующей армии, но к душевному моему прискорбию, получил отказ.

Я покоряюсь безропотно воле моего государя, но не могу скрыть, что отказ этот нанес мне глубокую душевную печаль! Тем более, что гнев моего августейшего монарха, которое имел я несчастье заслужить, основан на донесениях обо мне частных начальников, имевших в виду угодить брату моему, владельцу Абхазии, желающему только моего удаления.

В сущности же, я призываю в свидетели прах моих родителей, клянусь именем всемогущего бога, что не только делом, но и помышлениями не желал никогда вредить действиям правительства и не способен к чему-нибудь подобному по моим правилам и чувствам.

Находясь в положении, заслуживающем участие всякого сочувствующего несчастно, я не имею ни покровителей, ни участников и все мое упование на милосердие божие и справедливое покровительство вашего превосходительства.

Знаю, что ходатайство вашего превосходительства доставит мне счастье вступить в один из уланских полков 4-й легкой кавалерийской дивизии, хотя бы рядовым.

Если на то будет воля августейшего монарха, я с радостью надену мундир русского солдата и с гордостью стану в ряды защитников престола и Отечества и кровью своею оправдаю высокое покровительство вашего превосходительства.

С надеждою на бога и покровительство вашего превосходительства вечно буду молить создателя за вас.

Ротмистр князь Константин Шервашидзе

18 ноября 1854 г.

г. Ярославль

РГВИА. Ф. 395. Оп. 45. Д. 413. 1853 г. Л. 54–55 об. Подлинник.

№ 17

5 февраля 1854 г. — Отношение министра внутренних дел генерал-адъютанта Д. Г. Бибикова военному министру В. А. Долгорукову об отсутствии достаточных средств на содержание семьи, высланного под секретный надзор в Ярославль Константина Шервашидзе

(По просьбе князя Шервашидзе)

Начальник Ярославской губернии представил в Министерство внутренних дел просьбу к нему высланного в Ярославль под секретный надзор полиции отставного ротмистра князя Шервашидзе, который, объясняя, что он с женою и дочерью, кроме получаемого по высочайшему повелению государю императору пособия по 315 руб. сер. в год, не имеет более никаких средств к жизни, ходатайствует о приказании брату его, владетелю Абхазии князю Михаилу Шервашидзе назначить ему постоянное приличное содержание.

Имея в виду, что высочайшее повеление о высылке князя Шервашидзе в Ярославль и о назначении ему содержания по 315 руб. в год объявлена вашим сиятельством, я считаю долгом просьбу его, а равно и копию с представления начальника Ярославской губернии по настоящему предмету, препроводить на ваше усмотрение, покорнейше прося вас, милостивый государь, почтить меня уведомлением о последующем.

Министр внутренних дел генерал-адъютант (подпись)

РГВИА. Ф. 395. Оп. 290. Д. 15. 1854 г. Л. 1–1 об. Подлинник.

№ 18

15 января 1854. — Прошение отставного ротмистра Константина Шервашидзе, направленное начальнику Ярославской губернии генерал-майору А. П. Бутурлину об оказании ему с семьей помощи в их бедственном положении

Взирая на вас как на справедливого и великодушного начальника и покровителя подчиненных, я прибегаю к вашему превосходительству с всепокорнейшею просьбою.

Высочайшим приказом, последовавшим в 27 день августа прошлого 1853 года, уволенный в отставку от службы по болезни, я прибыл в г. Ярославль на жительство по воле государя императора и от щедрот августейшего ассигновано на содержание мое по 315 р. сер. в год.

Высоко ценю я благоденствие своего августейшего монарха и доволен его милостями, но, ваше превосходительство, я имею семейство — жену и дочь и не имею никакого средства не только обеспечить будущность их и содержать прилично, но даже доставить им необходимое для существования. А потому и прибегаю я к покровительству вашего превосходительства и всепокорнейше прошу не оставить сообщить о моем истинно бедственном положении начальнику кавказскому, дабы его сиятельство по великодушию своему и справедливости приказал родному брату моему владетелю Абхазии князю Михаилу Шервашидзе назначить мне постоянное приличное содержание, по долгу обязанности как родной брат, наследовавший всем именем отцовским, которым он с избытке пользуется более 25-ти лет, тогда как я родной брат его нуждаюсь в пропитании себя и своего семейства.

Уповаю на милосердие божие и справедливое покровительство вашего превосходительства, присоединюсь к тем, которые молят создателя за вас.

Подписал: отставной ротмистр князь Константин Шервашидзе
г. Ярославль.

15 января 1854 г.

Верно: Старший секретарь Н. Головач

РГВИА. Ф. 395. Оп. 290. Д. 15. 1854 г. Л. 2–3. Копия.

№ 19

22 февраля 1854 г. — Прощение отставного ротмистра Константина Шервашидзе начальнику Ярославской губернии генерал-майору А. П. Бутурлину с просьбой ходатайствовать перед императором об определении его на службу

Ваше превосходительство,
милостивый государь Алексей Петрович!

По выздоровлении моем от болезни, желая посвятить силы и способности мои на службу государю и Отечеству, я в сентябре месяце минувшего года просил его светлость господина наместника Кавказского дозволить мне вступить в один из полков вверенного ему корпуса, но не знаю по каким обстоятельствам я по распоряжению правительства отправлен на жительство в г. Ярославль.

Не смею пред лицом августейшего моего монарха оправдывать себя в прошедшем пустыми словами, а тем более доказывать неизменную преданность свою к долгу присяги и престолу великого государя, но в настоящее время мне предстоит еще возможность оправдать себя ни одними словами, а делом, и если милосердный Бог сподобит меня на исполнение священного долга моего, я ценою жизни искуплю полное прощение моего августейшего монарха и его, на изреченную милость для моего бедного семейства.

Вот почему я прибегаю к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою не оставить исходатайствовать мне у государя императора определение на службу в один из полков 4-й легкой кавалерийской дивизии.

С надеждою на Бога и покровительства вашего превосходительства присоединяюсь к тем, которые вечно молят создателя.

Отставной ротмистр князь Константин Шервашидзе
22 февраля 1854 года
г. Ярославль

РГВИА. Ф. 395. Оп. 290. Д. 76. 1854 г. Л. 3. Подлинник.

№ 20

17 августа 1854 г. — Доклад по Инспекторскому департаменту Военного министерства по просьбе отставного ротмистра Константина Шервашидзе по вопросу об определении его на службу

Уволенный из гусарского его королевского высочества принца Фридриха Карла прусского ротмистр князь Шервашидзе, находящийся, по высочайшему повелению под секретным надзором полиции в городе Ярославль, просит ныне об определении его на службу в один из полков 4-й легкой кавалерийской дивизии.

Служба. Князь Константин Шервашидзе, брат владельца Абхазии, исповедания православного, в службу поступил из пажей в 1831 году, в Нижегородский драгунский (ныне драгунский его королевского высочества наследного принца Виртембургского) полк.

Переведен в 1833 году в гусарский его высочества короля Виртембургского полк. В 1834 году в Грузинский гренадерский (ныне гренадерский его императорского высочества великого князя Константина Николаевича) полк. В 1842 году обратно в драгунский его королевского высочества наследного принца Виртембургского полк. В 1844 году в уланский принца Виртембургского полк. В 1845 году в пехотный принца Карла прусского полк, и, наконец, в 1849 году, в Ахтырский гусарский (ныне гусарский его королевского высочества принца Фридриха Карла прусского) полк.

Всего служил в офицерских чинах, за вычетом отпуска, 21 год 5½ месяцев, ротмистром 8 лет 5 месяцев, участвовал, в 1832 году в экспедициях против горцев и в походе войск в 1850 году в придунайские княжества.

Штрафы. В 1833 году, по случаю открытого в Тифлисе заговора против правительства высочайше повелено: князя Шервашидзе, служившего тогда прапорщиком в бывшем Нижегородском драгунском полку, перевести в гусарский его величества короля Виртембургского полк, с тем, чтобы без сношения с главным грузинским начальством, не позволять ему возвращаться в Закавказский край¹⁰.

В 1839 году находился под следствием за непростительные выражения против управлявшего Имеретию генерал-майора [Я. М.] Эспехо. Следствие прекращено по желанию генерала Эспехо.

В 1844 году, при переводе его в уланский принца Фридриха Виртембургского полк, высочайше повелено учредить за ним секретный надзор и производить ему, сверх штатных жалованья по чину, другой оклад, негласным образом, по 315 руб. сер. в год.

В 1850 году находился под следствием за неправильные настаивания вести свой экипаж четверкою почтовых лошадей; в причинение побоев станционному писарю, за грубость и дерзость, и приказчику безвинно, а также одному керченскому жителю, который защищал ямщика от побоев, наносимых ему прислугою князя Шервашидзе, в намерении ударить палкою

¹⁰ Раскрытый в декабре 1832 г. дворянский заговор, целью которого было восстановление грузинской государственности и возвращение на престол династии Багратионов.

почетного гражданина Деспотули и в произведении выстрела ему в лицо¹¹. Решением генерала от кавалерии графа [А. П.] Никитина в марте 1853 года, определено ротмистра князя Шервашидзе, во внимание долговременной беспорочной службы, и что по настоящему делу находился под арестом в г. Керчи 15 дней и под надзором полиции два месяца, арестован еще на один месяц, с содержанием на гауптвахте и, кроме того, за побои, нанесенные безвинно приказчику Керченской станции, взыскать с него вдвое сумму, равную той, какую обиженный платил в тот год в казну и в городской доход.

Другим штрафам не подвергался.

Высочайшим приказом 27-го августа 1853 г. уволен за болезнью от службы, с учреждением за ним во время отставки строгого секретного надзора с тем, чтобы без особенного разрешения, не дозволялось ему отправиться на Кавказ.

В октябре минувшего года главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом просил назначить князю Шервашидзе, по увольнении его в отставку, место жительства в одной из удаленных от Кавказа губерний, в том внимании, что при нынешних обстоятельствах присутствие его на Кавказе, по легкомысленности его характера и дурным наклонностям, могло бы послужить нам во вред, вследствие сего высочайше повелено было отправить его на жительство в Ярославль и при этом сообщено министру внутренних дел и шефу жандармов, чтобы кроме секретного надзора, приняты были меры к воспрещению ему выезда из Ярославля без особого разрешения.

Назначенные ему в 1844 году при переводе в уланский его королевского высочества принца Фридриха Виртембергского полк, в уважение заслуг брата его генерал-адъютанта князя [Михаила] Шервашидзе, сверх штатного жалования по чину негласное пособие по 315 руб. серебром в год, производится ему с высочайшего соизволения и в отставке.

Соображение. Принимая в соображение проступки ротмистра князя Шервашидзе, а в особенности то, что во время службы на Кавказе он отлучался к враждебным нам горцам, а равно и вышеизложенный отзыв о нем князя [М. С.] Воронцова, нельзя предполагать, чтобы князь Шервашидзе мог быть полезным для службы, тем более что по недавнему нахождению в Ярославле местное начальство не могло удостовериться в благонадежности его нрав и поведения.

Испрашивается разрешение.

Полезно ли будет отклонить просьбу отставного ротмистра князя Шервашидзе об определении его вновь на службу, оставив его на жительство г. Ярославля под строгим секретным надзором полиции, с тем чтобы без особенного разрешения не дозволялось ему отправиться на Кавказ.

Резолюция. Высочайше повелено: исполнить согласно испрашиваемому разрешению.

19 августа 1854 г. Князь Долгоруков [В. А.]

РГВИА. Ф. 395. Оп. 290. Д. 76. 1854 г. Л. 4–9об. Подлинник.

¹¹ Из этого доклада следует, что Константин Шервашидзе был вспыльчивым и легко ввязывался в конфликты. Возникает мысль, что все ограничения, содержание его под надзором вызваны больше его неуживчивостью и наговором недоброжелателей, в том числе чиновников русской армии на Кавказе.

№ 21

8 декабря 1883 г. — Доклад по Главному штабу о перевозке в Абхазию тела умершего в Москве князя Константина Шервашидзе

Проживавший в Москве сын бывшего владельца Абхазии князь Константин Шервашидзе выразил перед своей смертью желание быть похороненным в ногах своего отца, принявшего со всем своим народом христианство, и матери, урожденной княгини Дадриан, родной сестры супруги имеретинского царя Соломона 2-го, просил повергнуть на всемилостивейшее вашего императорского величества воззрение ходатайство его быть перевезенным на казенный счет и погребенным на родине в Абхазии, близ местечка Соуксу, что ныне Лихны [Лыхны] Бзыбского округа.

Главнокомандующий гражданской частью на Кавказе уведомил, что к погребению князя Константина Шервашидзе на месте его родины препятствий не встречается.

Справка. В 1878 и 1879 годах было несколько случаев высочайшего разрешения на перевозку на счет казны тел умерших или погибших в боях во время минувшей кампании генералов и штаб-офицеров, причем расходы по перевозке первоначально относились на общий по Интендантской смете кредит на перевозку войск и их тяжестей, а впоследствии на счет особой, отпускаемой его величеством суммы на вспомоществование раненым и их семействам.

Ходатайство покойного князя Константина Шервашидзе повергается на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение, причем, в случае, если вашему величеству благоугодно будет разрешить это ходатайство, то расходы по перевозке тела полагалось бы отнести не на смету Военного министерства, так как князь Шервашидзе с 1867 г. уже не состоял на службе по военному ведомству, а на общие средства государственного казначейства.

Испрашивается. Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству соизволить на принятие расходов по перевозке и погребению тела князя Шервашидзе на счет казны, с представлением министру финансов определения суммы, какую полагалось бы отпустить из государственного казначейства на этот предмет.

Помета: Его величество высочайше соизволил на испрашиваемое сим докладом разрешение.

9 декабря 1883 г. Генерал-адъютант Ванновский [П. С.]

РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 3–4. Подлинник.

№ 22

14 декабря 1883 г. — Предписание начальника Главного штаба генерал-адъютанта Н. Н. Обручева Главнокомандующему гражданской частью на Кавказе о расходах по перевозке в Абхазию и погребению тела Константина Шервашидзе на счет казны

Государь император высочайше повелеть соизволил: расходы по перевозке из г. Москвы и погребение тела умершего князя Шервашидзе на его родине в Абхазии близ местечка Соуксу, что ныне Лихны [Лыхны] Бзыбского округа принять на счет казны с представлением министру финансов определения суммы, какую показалось бы отпускать из государственного казначейства на этот предмет.

Об изложенном имею честь сообщить вашему сиятельству для сведения.

Начальник Главного штаба генерал-адъютант Обручев (подпись).
За начальника (2-го) отделения майор (подпись)

РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 5. Подлинник.

№ 23

18 декабря 1883 г. — [Письмо] отставного полковника Давида Грузинского помощнику начальника Главного штаба генерал-майору М. Ф. Мирковичу по вопросу о перевозке тела Константина Шервашидзе в Абхазию

Его превосходительству генерал-майору и кавалеру Мирковичу.

Ваше превосходительство, 16 сего декабря меня почтили телеграммой, что высочайше разрешено расходы по перевозке и погребению тела князя Шервашидзе принять на счет казны. Спешу сердечно принести глубокую благодарность его высокопревосходительству господину военному министру от себя и от имени малолетних за оказанную милость и внимание к памяти почившего князя Константина Шервашидзе, сына последнего независимого владетельного князя — просветителя Абхазии.

Ежели изволите найти удобным, то не откажите удостоить доложить господину министру это искреннее заявление и вас душевно благодарю за все участие и оповещение. Так как дети князя находятся один в Нижнем Новгороде, в кадетском корпусе гр[афа] Аракчеева, другой в г. Киеве на жительство, а третий в Москве и готовится к поступлению в кадетский корпус и естественно пожелают отдать последний долг своему родителю, то не найдете ли вы возможным, ваше превосходительство, оповестить меня заблаговременно о имеющем последовать распоряжение, дабы я имел возможным уведомить детей.

Душеприказчик и опекун отставной гвардии
полковник князь Давид Грузинский

Москва

18 декабря 1883 г.

Жит[ельство] Москва, Арбат.

Денежный переулок, д. Петерс.

Помета: (карандашная): 1. Военный министр читал. 21 дек.

2. Резолюция отдельно. 22 дек.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 8–8об. Подлинник.

№ 24

(?) февраля 1884 г. — Отношение помощника начальника Главного штаба генерал-майора М. Ф. Мирковича в Департамент Государственного казначейства Министерства финансов о стоимости перевозки тела Константина Шервашидзе в Абхазию

Вследствие отзыва Департамента государственного казначейства от 20 прошлого декабря за № 18709, Главный штаб, препровождая при сем подлинное письмо душеприказчика покойного князя Шервашидзе, князя Грузинского с упомянутым в нем приложением уведомляет, что перевозка тела умершего князя, по железным дорогам, от г. Москвы до Севастополя,

будет стоить с проводником, занимающим место во 2-м классе — 328 руб. 93 коп, а перевозка его по Черному морю, на судах Русского общества пароходства и торговли, от г. Севастополя до м. Гудаут или г. Сухума, — обойдется в 65 руб. и проезд проводника, также во 2-м классе с продовольствием, 23 руб., а всего, исключительно одна перевозка по железным дорогам и Черному морю будет стоить 416 р(уб). 95 коп. Если к стоимости перевозки прибавить необходимый расход на покупку металлического гроба и разные другие расходы по погребению, то, казалось бы, что отпуск денег на сей предмет мог бы быть ограничен одною тысячею рублей.

Помощник начальника Главного штаба свиты его величества генерал-майор Миркович.
Начальник отделения полковник Шепелев

РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л.17–17об. Подлинник.

№ 25

10 марта 1884 г. — Отношение министра финансов военному министру о выделении денег на перевозку тела Константина Шервашидзе в Абхазию

Государь император по докладу моему от 15 декабря минувшего года, в 9 день сего марта высочайше повелеть соизволил отпустить из Государственного казначейства 1000 руб. на перевозку из Москвы для погребения на родине тело скончавшегося 18 ноября 1883 г. сына предпоследнего владельца Абхазии князя Константина Шервашидзе.

Уведомляя Вас, милостивый государь, о таком высочайшем повелении, имею честь просить о сообщении сведений по какой смете Военного министерства, из какой кассы и в чье распоряжение надлежит ассигновать упомянутые деньги.

Помета: Ответ на № 2606

Министр финансов (подпись)

Директор (подпись)

РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 18–18об. Подлинник.

№ 26

1 мая 1884 г. — Письмо кн. Давида Грузинского помощнику начальника Главного штаба М. Ф. Мирковичу о получении 1000 руб. на перевозку тела Константина Шервашидзе в Абхазию

По распоряжению министерства финансов получен Московским обер-полицмейстером генерал-лейтенантом [А. А.] Козловым сумму в 1000 руб. сер[ебром] на перевоз тела Константина Шервашидзе. Могила Константина Шервашидзе находится в Московском Покровском монастыре.

Князь Давид Грузинский (подпись)

РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 23об. Подлинник.

№ 27

5 мая 1884 г. — Письмо Давида Грузинского помощнику начальника Главного штаба М. Ф. Мирковичу по вопросу о разрешении на «вырытие» и перевозку для захоронения тела Константина Шервашидзе в Абхазии

Милостивый государь, Михаил Федорович!

Московский обер-полицеймейстер генерал-лейтенант [А. А.] Козлов уведомил меня, что на основании высочайшего повеления господином министром финансов препровождены уже к нему тысячу рублей серебром для передачи мне, как ассигнование на расходы по перевозке на Кавказ тела почившего князя Константина Георгиевича Шервашидзе.

По существующим в Москве правилам — как вырытие тела князя Шервашидзе, временно похороненного в Покровском монастыре, так и беспрепятственный провоз его на Кавказ, могут быть разрешены не иначе, как с разрешения г[осподина] министра внутренних дел, должностящего последовать на имя г[осподина] московского генерал-губернатора.

На основании вышеизложенного имею честь почтительнейше просить ваше превосходительство не отказать поставить в известность господина министра внутренних дел о состоявшемся высочайшем повелении, дабы могло последовать на имя г[осподина] Московского генерал-губернатора разрешение на вырытие и перевозку тела князя Шервашидзе на Кавказ, а также и на имя г[осподина] Кутаисского военного губернатора с уведомлением о том, что высочайше разрешено похоронить тело князя Шервашидзе в Лыхненском храме близ местечка Гудауты в ногах его дорогих родителей, последнего независимого владетельного князя Абхазии, первого принявшего христианскую веру и его супруги, урожденной княгини Дадиани.

Примите, ваше превосходительство, уверение в моем искреннем к Вам почтении преданности.

Князь Давид Грузинский (подпись)

Москва, 5 мая 1884.

Жительство имею Арбат,

Денежный пер, д. Петерс,

Преч. ч. 1 уч.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 24об.-27об. Подлинник.

№ 28

18 мая 1884 г. — Отношение Министерства внутренних дел в Главный штаб о препровождении открытого листа на перевозку тела Константина Шервашидзе

Вследствие сообщения Департамента полиции, отношение от 8 мая [1884 г.], Департамент общих дел имеет честь препроводить при сем в Главный штаб открытый лист за № 14616 на перевезение тела князя Шервашидзе, присовокупляя при этом, что о разрешении Министерства на вскрытие могилы упомянутого лица вместе с сим сообщено Московскому обер-полицеймейстеру и канцелярии обер-прокурора Светлейшего Синода.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 28. Отпуск.

№ 29

22 мая 1884 г. — Отзыв помощника начальника Главного штаба М. Ф. Мирковича в канцелярию Московского обер-полицеймейстера о выдаче открытого листа на перевозку тела Константина Шервашидзе

В дополнение к отзыву от 5-го сего мая № 844 Главный штаб препровождает при сем для выдачи по принадлежности князю Давиду Грузинскому, доставленный Министерством внутренних дел открытый лист за № 14616 на перевезение тела покойника князя Шервашидзе.

Помощник начальника Главного штаба свиты его величества генерал-майор Миркович (подпись)

Начальник отделения полковник (подпись)

РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843. Л. 29. Подлинник.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Судьбы членов владетельской семьи Абхазии при всей их разности имеют и много сходств. Последний владетель Михаил (Хамут-бей) Георгиевич Шервашидзе умер в Воронеже в 1866 г., куда был сослан после ликвидации Абхазского княжества в 1864 г. Тело Михаила перевезено в Абхазию и захоронено в Моквском соборе, Константин Георгиевич жил в разных городах России и умер в 1883 г. в Москве. Был похоронен временно в Московском Покровском монастыре, в 1884 г. прах его перевезен в Абхазию. Один из сыновей Константина Георгиевича — известный художник Александр Шервашидзе (1867–1968), сценограф Петербургских императорских театров — Мариинского и Александринского, с 1920 г. художник-оформитель «Русского балета» Сергея Дягилева, жил и работал в Париже. Был похоронен на русском кладбище в Ницце, а в 1985 г. прах перевезен в Абхазию и предан земле в г. Сухум.

Литература / References

Бигуаа В. А. ЧАЧБА (Шервашидзе) Константин (Хурушидбей) Георгиевич // Абхазский биографический словарь. Под ред. В. Ш. Авидзба. Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гула АН Абхазии. Сухум, 2015 [Biguaa V. A. *Chachba (Shervashidze) Konstantin (Khurshid Bey) Georgievich*. Abkhazian Biographical dictionary. Sukhum, 2015 (in Russian)].

Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975 [Dzidzaria G. A. *Makhajirstvo and problems of the history of Abkhazia of the XIX century*. Sukhumi, 1975 (in Russian)].

Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979 [Dzidzaria G. A. *Formation of the pre-revolutionary Abkhazian intelligentsia*. Sukhumi, 1979 (in Russian)].

История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1986 [The history of Abkhazia. Study guide. Sukhumi, 1986 (in Russian)].

Список майорам по старшинству. СПб., 1867 [List of majors by seniority. SPb., 1867 (in Russian)].

Чиковани Ю. Род абхазских князей Шервашидзе (Историко-генеалогическое исследование). Тбилиси, 2007 [Chikovani Yu. *The family of the Abkhazian princes Shervashidze* (Historical and genealogical research). Tbilisi, 2007 (in Russian)].

Шервашидзе-Чачба Русудана Александровна. «Апсны, твой древний клич звучит, как звук далёкий» (рассказ об отце). Советская Абхазия. № 125. 30 июня 1984 г. [Shervashidze-Chachba Rusudana Alexandrovna. «*Apsny, your ancient cry sounds like a sound distant*» (a story about his father) // Soviet Abkhazia. No. 125. June 30, 1984 (in Russian)].

Цэыць-цэха Л. Асахъагыхыи иаб. Апсны аказара. Акуа, 1989 ш. На абхазском языке [Tsvizhba L. *The artist's father. / The Art of Abkhazia*. Sukhumi, 1989 (in the Abkhaz language)].

Архивные документы / Archive documents

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) [Russian State Military Historical Archive]. Ф. 395. Оп. 41. Д. 178. 1847 г.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 45. Д. 413. 1853 г.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 53. 1831 г.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 290. Д. 15. 1854 г.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 290. Д. 76. 1854 г.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4843.

НА ПЕРИФЕРИИ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ: ОБРАЗ ТУРЦИИ НА САТИРИЧЕСКИХ КАРТАХ МИРА ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2023

Т. А. Филиппова¹

Концентрируясь на образе Османской империи в европейской политической сатире Первой мировой войны, автор проводит сравнительное исследование ряда элементов двух исторических пластов визуальных источников — так называемых мифологических (символических) карт Средневековья и сатирических карт мира начала XX в.

В статье выявляются интеллектуальные и идейные корни трактовки метаисторической и политической реальности мира в эпоху глобального столкновения империй и наций методами образной картографии с помощью риторик символического изображения «Добра» и «Зла», «Друга» и «Врага» — как средствами средневекового, символического видения основных компонентов миро (христианская богословская традиция), так и визуальными методами политической сатиры начала «столетия войн и революций» (европейская карикатурная традиция).

Результаты исследования дают основание предполагать, что в самих историко-культурных «генах» художников-сатириков в определенной мере отложилась традиция мифологизированной, религиозной трактовки пространства обитания человечества — в окружении знакомого и неизвестного, земного и небесного, «внутреннего» и «внешнего», «соседа» и «врага», объекта или жертвы агрессии. Конкретный пример — образы Османской империи на политических картах эпохи — дает прекрасный, объемный и многозначный образец визуальной военной пропаганды. Важно отметить, что темы и риторики карикатуризации образа «турка» и Турции — как противника и союзника в столкновении великих держав в эпоху Первой мировой войны — выявляют амбивалентность и неоднозначность сатирических оценок.

И «вражеская», и «союзническая» риторика карикатуризации в этом случае обнаруживают сходный набор средств и методов изображения, критики, осмеяния и осуждения. Исследование традиций и особенностей конструирования сатирического образа Османской империи на картах Европы и Евразии имеет не только научное, но и общественно-политическое значение. Поскольку демонстрирует механизмы пропагандистской стратегии сатирической семантизации пространства Европы и Азии как одного из способов политического манипулирования, управления и властвования.

Ключевые слова: мифологическая картография, сатирическая картография, семантизация пространства, образы «Добра» и «Зла», Первая мировая война, сатирический образ Турции, европейская карикатура, риторика вражды

Для цитирования: Филиппова Т. А. На периферии истории и картографии: образ Турции на сатирических картах мира эпохи Первой мировой войны. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 58–71. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-058-071

¹ Филиппова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; filipova2006@yandex.ru

Tatiana A. Filippova, candidate of history, senior researcher of the Department of History of the Orient, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; filipova2006@yandex.ru
ORCID: 0009-0002-8030-7979

ON THE PERIPHERY OF HISTORY AND GEOGRAPHY: THE IMAGE OF TURKEY ON THE SATIRICAL WORLD MAP IN THE EPOCH OF THE FIRST WORLD WAR

Tatiana A. Filippova

Concentrating on the image of Ottoman empire in European satire of the First World war, the author conducts a comparative study of some elements of two historical types of visual sources — the so called mythological (symbolic) medieval maps of the Universe and the satirical maps of the World at the beginning of XXth century.

The article deals with the intellectual and idea roots of interpretation of metahistorical and political reality of the world in the epoch of global clash of empires and nations by methods of imaginative cartography, revealing the rhetorics of symbolic depicting of ‘the Good’ and ‘the Evil’, ‘Friend’ and ‘Foe’ — both by means of traditions of medieval, symbolic vision of the world space (Christian theological tradition) and by means of visual political satire in the ‘Age of wars and revolutions’ (European caricature tradition). The results of this case-study give the reason to suggest, that the tradition of mythological, religious interpretation of human habitat was to some extent deposited in the historical and cultural ‘genes’ of satirical artists — as a sphere of familiar and unknown, earthly and heavenly, ‘internal’ and ‘external’, ‘neighbor’ and ‘enemy’, subject or victim of aggression. A concrete example — the images of the Ottoman Empire on the political maps of the era — provide a voluminous and ambiguous sample of visual military propaganda. It is important to underline, that the themes and rhetorics, both from the side of the Entente countries and from the side of the Central Powers, reveal ambivalence and ambiguity of satirical assessments concerning the ‘Turk’ and Turkey in the world power clashes in the period of the World War I.

Both ‘enemy’ and ‘allied’ rhetorics of caricaturization in this case reveal a similar set of means and methods of depiction, criticism, ridicule and condemnation. The study of traditions and features of constructing a satirical image of the Ottoman Empire on the maps of Europe and Eurasia seems to have not only academic, but also public and political importance. Because it demonstrates the mechanisms of the propaganda strategy of satirical semantization of the space of Europe and Asia as one of the ways of political manipulation, control and domination.

Keywords: mythological cartography, satirical cartography, semantization of space, images of ‘the Good’ and ‘the Evil’, First World War, satirical image of Turkey, European caricature, rhetoric of hate

For citation: Filippova T. A. On the periphery of history and geography the image of Turkey on the satirical world map in the epoch of the First world war. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 58–71. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-058-071

Истории, в том числе интеллектуальной, свойственно повторяться дважды — от трагедии к фарсу. И лишь на первый взгляд неожиданным объектом такого повторения предстают карты мира, точнее, определенный сегмент этой сферы человеческого познания и интерпретации географического пространства. В интересующем нас случае изображение на географической плоскости исторической судьбы человечества — от Сотворения мира до Апокалипсиса, со свойственным средневековым картам высоким драматизмом — со временем возродилось в Новейшую эпоху. В виде жесткого, саркастического шаржирования политической реальности — от локальных конфликтов до глобальной войны — этот метасюжет занятно отразился в жанре сатирических карт мира, особенно тех, что были созданы художниками-карикатуристами в кризисную эпоху начала XX в.

Представляется, что взгляд на эти два пласта весьма своеобразных визуальных исторических источников выявляет основания для их смыслового сопоставления с целью выявления определенных традиций и визуальных стратегий образного «портретирования» тех или иных объектов символической «географии».

У истоков символического картографирования

Что касается средневековых карт с описанием устройства и судьбы мироздания, то определенный ракурс взгляда на этот специфический визуальный источник способен выявить его идейную и идеологическую предысторию, уходящую корнями в Античность. Особенно если взглянуть на эти карты в «оптике» меняющегося представления человечества о своем месте в большом *пространстве* внешнего мира, перенесенного на плоскость изображения. Можно предположить, что в самих историко-культурных «генах» картографирования окружающего мира у современного человечества в определенной мере отложилась традиция сказочной, мифологизированной, религиозной трактовки места собственного обитания — в окружении знакомого и неизвестного, земного и небесного, «внутреннего» и «внешнего», дружественного и враждебного. Со временем этот способ *семантизации пространства*, а, следовательно, интерпретации мира обретал более рациональные и куда менее духовные обоснования деления на очерченные государственными границами территории «своего», «иного», «чужого», «соседа», «врага», объекта или жертвы агрессии.

Для людей же предшествовавших эпох, живших по религиозной «вертикали», устремленной от земной юдоли к Божественной, диковинные существа, сказочные звери, Рай и Ад, воплощенные на символической (но в духовном смысле реальной) поверхности карт², вовсе не были условностью. Многие древние карты — этот как раз пример того, как в тогдашних представлениях о Мире соединялись (или существовали в изначальном синкретизме) священная география и история, символические проекции на плоскость исторических, мифологических, легендарных и актуальных мест и событий.

Целая серия подобных карт мира, получивших особое развитие в эпоху Средневековья — как правило, в так называемом формате Т-О или О-Т³, — вошли в культурную, интеллектуальную, духовную историю человечества как своего рода «учебные пособия» по истории мироздания, по духовной «географии» и «истории» мира земного и места человека в нём [Woodward, 1985, с. 512–514; Nordenskiöld, 1975, р. 9–14]. Создававшиеся для ориентации не столько на местности, сколько в мире духовных и мировоззренческих представлений, карты этого типа создали серьёзный источниковый компендиум и породившую им традицию их толкования и изучения⁴.

Как пример подобных карт, заложивших образцы антропоморфных и зооморфных приемов оформления географических изображений, приведем наиболее известную — Херефордскую

² Подробное описание, своего рода «энциклопедию» реальных и мифологических обитателей мироздания, встречающихся на античных и раннесредневековых картах см.: [Wilma, 1969; Harley, Woodward, 1987].

³ Т-О карты, или «Orbis Terrarum» («Круг Земли») имели несколько изначальных символических пластов: три известные части мира делятся как буквой «Т» священными водными пространствами — Средиземным морем, отделяющим Европу от Африки, рекою Дон (Танаис), отделяющей Азию от Европы, и рекою Нил, отделяющей Африку от Азии. Тройственное деление мира соответствовало библейскому разделению мира между сыновьями Ноя и также ориентировало на положение Востока вверху карты, подчеркивая духовную значимость источника Божественного света. Окружность (буква «О») символизирует океанские воды, окружающие земную твердь. Подробнее см.: [Нурминен, 2017, с. 32–33].

⁴ О традициях создания и толкования подобных карт подробнее см., к примеру, обобщающее исследование: [Harley, Woodward, 1987, р. 48–60].

карту мира (Hereford Mappa Mundi) (Рис. 1), хранящуюся в Херефордском соборе в Англии и датируемую концом XIII в., самую большую и хорошо сохранившуюся из средневековых карт, во многом продолжившую традицию мифологического картографирования, заложенного в Древности и в античные времена [Harvey, p. xvii–xxi.]. На карте, созданной группой монахов, дается проекция на плоскости библейской картины мира, по традиции с центром в Иерусалиме, с изображением легендарных городов, фантастических животных, повергающих в трепет драконов, злобных хищников, неизвестных и выдуманных рас, мифологических событий и мест, реальных и фантастических достопримечательностей [Нурминен, 2017, с. 50–52].

Примечательно, что на карте одновременно присутствуют античные и библейские подробности строения и истории мироздания, подчеркивая «наглядную» сверхъестественность мира, преемственность его мифологической метафоричности. Как и многие карты этого рода, карта из Херефордского собора ориентирована на Восток, поэтому соответствующим образом ориентированы и три известные тогда части света — Азия, Европа и Африка. Положение Востока (Азии) вверху рисунка для этого типа карт — более чем географический ориентир: это символический Верх, Небеса. Место не просто восхода Солнца, но источник блага, райского света, ожидаемого Второго Пришествия Христа, фигура которого также изображена в самом верху карты, символизируя метаисторическую перспективу движения человеческой истории...

Подобная яркая, образная картина Мира и места человека в нем (жизнь по духовной, ценностной «вертикали», но в реальном мире, между Добром и Злом) закладывала базовые идейные представления в умы нескольких поколений паломников и местных жителей, посещавших собор. Неудивительно, что сама Херефордская карта и ей подобные произведения становились священными реликвиями.

Особого внимания заслуживает традиция упоминания в текстовом и визуальном оформлении подобных карт «информации», ставшей на века символической для описания неведомых, опасных, несущих зло пространств: «Там живут драконы». Что отсылало к представлениям о дальних, непознанных, чуждых, пребывающих в грехе землях, где обитают эти средневековые инверсии библейского Змея-Сатаны. Пребывая на дальней окраине известного мира, драконоподобные существа не становятся от этого менее опасными, подчеркивая реальность демонических угроз человечеству со стороны сил Зла (Рис. 2).

Несколько менее драматичны, но не менее метафоричны другие средневековые карты, также созданные не для земного, а для духовного странствия [Нурминен, 2017, с. 59]. К примеру, своего рода наглядное пособие по курсу богословия — изображение мира в виде трилистника клевера, не только делящего землю на три известных части (Азия, Европа, Африка), но и подчеркивающего присутствие божественной Троицы как духовной основы мироздания (Рис. 3). Чрезвычайно любопытна и образная карта Азии, талантливой рукой мастера вписанная в силуэт мифологического Пегаса, головой которого становится Малая Азия, символически упирающаяся в устье Проливов (Рис. 4).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ САТИРИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ

Параллельно — стартовав от атласа Клавдия Птолемея, «портуланов» Средневековья и «проекции Меркатора» — исследовательское любопытство путешественников и торговцев («Библия в море не поможет»), потребности рационального познания мира, успехи географии, потребности экономики, цели политической и колониальной экспансии проявятся в развитии

рационально осмысленного, научного картографирования поверхности планеты⁵. Материальный мир, оказавшийся неизмеримо больше и разнообразней, чем представлялось религиозному сознанию, терял в ощущении «божественной гармонии», библейской предопределенности и эллинистического единства. Но при этом приобретал свою новую объектность, разделившись на метрополии и колонии, страны осваивающие и осваиваемые, территории империй и вольных городов.

Поделившись на «Старый» и «Новый свет», мир по большей части определился со своими физико-географическими абрисами. При том, что продолжал драматически меняться — под напором внешнеполитических реалий и геополитических эгоизмов — в очертании государственных границ. Впрочем, по наблюдению исследователя, образно-визуальная, «культурно-историческая информация сопутствовала и далее европейским картам», сопровождая все более точные силуэты открываемого мира «изображениями королей, флагов, государственных символов, знаков владения и мощи» [Нурминен, 2017, с. 19].

Занятно пронаблюдать, как по мере приближения к девятнадцатому столетию, «веку борьбы империй и наций», все явственней о себе напоминала — в формате картографической *мутации* и политико-культурного сарказма — тенденция образного, «оценочного» изображения географического пространства, разделившегося на соперничающие и воюющие друг с другом государственные образования. Возродившись на новом этапе политической истории и реализовавшись в одном из направлений разножанровой политической сатиры [Streicher, С. 436–439; Соуре, р. 89–95], эта традиция продолжила приписывать теперь уже государствам «положительные» и «отрицательные», звериные и антропоморфные, демонические и героические свойства. Став популярным инструментом пропаганды в политических спорах в XIX — начале XX столетий, сатирические карты мира отложились в ряде коллекций, подчас привлекая внимание историков, но еще нуждаясь в углубленном анализе⁶.

Как представляется, архаика дуалистического видения мира в черно-белых тонах, как областей Света и Тьмы, Добра и Зла, пережив смысловую инверсию, возродилась в жесткой прагматике политико-идеологических противостояний Новейшей истории. Характерно и то, что художники-сатирики, как бы следуя традиции средневековых монахов-картографов, исправно копировали в общих чертах (зачастую просто повторяли) удачные работы своих предшественников. Но при этом добавляли к общему смысловому пространству карт новые политические сюжеты, идеологические акценты и в зависимости от политической конъюнктуры меняли оценочные плюсы на минусы в интерпретации образов вражды или приязни [Опалин, 2022, № 2, с. 85–86; Опалин, 2022, № 3, с. 50–55].

При этом визуальные стратегии, используемые тогдашними европейскими и российскими художниками-сатириками при создании карт, в определенной мере повторяли соответствующие общие приемы сатирической графики, несколько раньше уже отработанные в журнальных и газетных карикатурах. *Гендерная* риторика визуализации образов друга или врага приписывала объекту женские или мужские внешние черты с соответствующими отсылками к активной, сильной (мужской) или пассивной, слабой (женской) роли в концерте великих держав; *эйджистская*

⁵ Впрочем, у ряда картографов даже в эпоху развития практического картографирования встречались любопытные примеры синтеза приемов и традиций. Так, у картографа XIV в. Опичина де Канистриса находим так называемые аллегорические карты ментального пространства мира, где символические фигуры мужчины и женщины — Африки и Европы — точно вписываются в реальные абрисы континентов, уже уточненные мореплавателями [Нурминен, 2017, с. 26–27].

⁶ О выявлении различных научных, богословских, художественных, идеологических традиций и тенденций в истории мировой картографии см. в обобщающих монографических исследованиях: [Нурминен, 2017; Woodward, 1985; Nordenskiöld, 1975; Brodersen, 2012 и пр.]

(«возрастная») риторика настраивала на восприятие противника как «дряхлого» и слабеющего в историко-политическом смысле или же как молодого, зрелого, полного сил и угроз в соперничестве с другими государствами. *Риторика «болезни», «ущербности», «травм»* призвана была подчеркнуть безнадежность усилий того или иного «партнера» по политической карте сохранить свое место в «концерте» великих держав⁷.

Популярность так называемых сатирических карт мира, источника яркого, эмоционально насыщенного, скачкообразно возрастала на протяжении XIX — начала XX вв., следуя за «пульсом» политических обострений, международных кризисов, военных конфликтов. Наряду с журнальной и газетной сатирической печатью [Soupe, 1969, p. 80–85; Streicher, 1967 p. 437–441] эти карты становятся все более популярным способом пропагандистской обработки общественного мнения, предлагая читателям яркую, наглядную в своей образности картину международной ситуации, сконструированную в соответствии с заданными политико-пропагандистскими целями. Создававшиеся в разных странах сатирические карты отражали и уже выработанные в пространстве культурного восприятия образы соседа, соперника и противника по геополитическому пространству Европы и мира [Голиков, Рыбачёнок, 2010, с. 8–35], и новые визуальные риторические шаржирования и карикатуризации соответствующих образов «врага».

Как справедливо отмечает исследователь, «от пропагандистского плаката подобные карты отличает большая насыщенность в сюжетах и оценках политической злобы дня, поэтому карта может стать самостоятельным объектом расследования политической коллизии в «концерте» великих держав» [Опалин, 2022, с. 83]. Добавим, что от газетных и журнальных карикатур сатирические карты отличала панорамная широта, разнообразие «репертуара» политических коллизий, многоадресность критического посыла, совмещение сразу нескольких стратегий изображения и осмеяния противника⁸.

По мере приближения 1914 г. закономерно нарастала степень агрессивности языка сатирических инвектив; современнее, жестче, наглядней становились изобразительные средства карикатуры [Баратов, Филиппова, 2014, с. 24–29]. Фобийный настрой авторов сатирических карт соответствовал накалу конфликтности межгосударственных отношений и ожесточению общественных настроений. Можно утверждать, что не только армии враждующих империй, но и их художники-сатирики встретили 1914 г. во всеоружии. Мировая же война — как катализатор развития любых технологий в XX в. — поспособствовала развитию и этого жанра визуальной сатиры⁹.

К моменту начала Первой мировой войны изобразительные метафоры при создании образов главных участников «концерта» великих держав в той или иной степени уже устоялись в изобразительном «языке» европейской сатиры [Голиков, Рыбачёнок, 2010, с. 152–228; Кочуков, Кочукова, 2022, с. 212–220]. Образы Великобритании («английский моряк», «лев в королевских регалиях», «английский бульдог»); Пруссии и Германии («оскаленное чудовище», «зловещий

⁷ Подробные теоретико-методологические разработки в сфере культурологической дешифровки сатирических «образов врага» в политической карикатуре на рубеже XIX–XX столетий на примере материалов отечественной журнальной сатиры см. в работах: [Баратов, Филиппова, 2014, с. 7–39, 101–165; Филиппова, 2016, с. 10–28, 245–248].

⁸ Надо отметить, что история сатирических карт во многом повторяла историю политической сатиры в целом, питаясь растущими пропагандистскими нуждами великих держав [Soupe, 1969, p. 81–92; Kemnitz, 1973, p. 89–92]. При этом к середине прошлого века популярность и распространенность сатирических карт значительно уменьшается, уступая место менее затратному и более оперативному пропагандистскому реагированию в виде моносюжетных карикатур, листовок и пропагандистских плакатов.

⁹ Авторство сатирических карт не всегда можно точно восстановить и требует отдельного исследования (чаще упоминалась фамилия издателя); значительная часть изображений делалась целыми коллективами художников; часто имели место «бродячие» сюжеты и откровенные анонимные копирования удачных карт сатириками-последователями, с небольшими актуальными дополнениями или изменениями. Что было неизменным, так это общественная популярность и пропагандистская востребованность подобных сатирических изображений.

кайзер»); Австрии и Австро-Венгрии (двуглавый имперский орел, дряхлый, но жестокий император); Франции (галльский петух, воинственная дева); России («русский медведь», «злобный казак», «надменный император», «паровой каток») — стали «завсегдатаями» журнальных страниц, плакатных листов и сатирических «карт вражды». Забегая вперед, отметим, что с образами Турции дело обстоит несколько иначе: они более, чем в случае с другими объектами карикатуризации, зависели и от синонимичного политического контекста, и от «адреса» происхождения той или иной карты.

Прежде чем непосредственно перейти к картам эпохи Первой мировой войны, обратим внимание на любопытный казус — карту «Великая война. 1914» (Рис. 5), созданную совсем недавно, в 2009 г., в качестве иллюстрации американского художника Кита Томпсона к фантастическому роману американско-австралийского писателя-фантаста Скотта Уэстфилда «Левиафан». Сюжет — 1914 г. Европа накануне войны, на пространстве которой машины выглядят как живые существа, а живые существа создаются, как машины¹⁰.

Выразительная в рисунке, красках и символизации образов, карта, как мы увидим, вобрала в себя «наследственность» сразу двух пластов мифологической картографии — средневековой риторики, где главный идейный посыл — трактовка земного мира как пространства борьбы Добра и Зла, обиталища диковинных, неизвестных, а потому опасных существ, и пропагандистской риторики начала XX в., разделившей мир на врагов и союзников с приписыванием противнику всех возможных негативных (вплоть до демонических) свойств. Характерно, что изображенные на британской карте участники глобального столкновения равно вызывают некоторую опаску — будь то союзники или противники. Как и на средневековых изображениях, на этой карте присутствует тревожное предощущение вселенской катастрофы, предвещающей Конец света...

В целом палитра карты вызывает ощущение угрозы и агрессии, точно отражая эксцессы милитаризма, свойственные XX столетию в целом. Пожалуй, наиболее наглядно и традиционно изображены «британский лев», а также «русский медведь» с оскаленной пастью, простершейся на все приграничное пространство между Россией и Германией с Австро-Венгрией. Что до Турции, то для нее не нашлось ни зоо-, ни антропоморфного облика: вся территория Малой Азии и Европейской Турции представлена как свалка оружия, боеприпасов и прочих «железо», поставляемых Османам Германией, вперемешку с пренебрежительным изображением символов «турецкости» — фески и боевого знамени с полумесяцем.

Этот набор изобразительных средств современной карты целиком унаследован из арсенала сатирической картографии, окончательно оформившегося в эпоху Первой мировой войны. Сама же карта настолько точно воспроизводит настроение, стилистику и дух эпохи, что попала в ряд собраний исторических карт в интернете как документ начала XX столетия! Эта ошибка датировки показательна для нас сама по себе, поскольку подчеркивает востребованность традиции мифологического картографирования мира с теми или иными актуально меняющимися задачами, а также интерес читателей к этому типу визуального источника.

«ТУРОК», «ГЕРМАНЕЦ» И «РУССКИЙ»: «ИГРА В КОРАБЛИКИ»

Возвращаясь к картам эпохи Первой мировой в контексте интересующего нас сюжета, сразу же отметим нечто общее: образу и роли Османской империи в общеевропейском контексте великих держав художники уделяли гораздо меньше места (а, следовательно, и значения), чем другим участникам глобального конфликта. Следуя европоцентристскому видению мира (в прямом и переносном смысле), сатирики помещают «турка» — как правило, «маленького»

¹⁰ См.: [Vestfeld S., 2009].

по сравнению со своими «соседями» и «жалкого» в своей политической роли — в правом нижнем углу карты, изображая только европейскую и кусочек азиатской части владений некогда «Блистательной Порты». Очевидно, что политическая роль пусть и ветшающей, но все еще внушительной по своей территории и многонациональному населению империи Османов не учитывалась (или сознательно игнорировалась) западными сатириками.

А меж тем именно в геополитическом и цивилизационном пространстве Балкан, Кавказа, Ближнего Востока и Средней Азии в начале «века войн и революций» сосредоточились острейшие противоречия между европейскими и евроазиатскими державами. Эти коллизии многократно усугублялись эксцессами процессов модернизации Османской державы, стартовавших в начале XX в. (Младотурецкая революция), неудачными для ветшающей империи Балканскими войнами и внутренними этнонациональными конфликтами. Германское и австрийское «участие» в модернизации страны сводилось, как правило, к ее милитаризации и росту финансовой и военно-политической зависимости от Запада.

Новый же виток обострения хронически воспаленного «восточного вопроса» вписался уже в реальность глобального конфликта, в котором после некоторых колебаний османские власти избрали сторону центральных держав. Турция, в начале августа 1914 г. заявившая о своем нейтралитете, уже в октябре была активно вовлечена в военные планы центральных держав. Тем более что и армия, и флот когда-то грозных Османов оказались к тому времени фактически под германским командованием [Шеремет, 2007, с. 52–64]. В октябре 1914 г. без объявления войны турецкий флот под командованием германского адмирала Сушона произвел двухдневный обстрел российских черноморских портов (Одессы, Севастополя, Феодосии и Новороссийска); части Кавказской отдельной армии получили приказ перейти границу и атаковать турецкие войска. С объявлением Россией войны Турции Кавказский фронт стал важным фактором мировой военно-политической ситуации.

Однако все эти коллизии до поры оказывались немного не в «фокусе» восприятия европейских сатириков, по-прежнему принижавших роль Турции в геополитическом раскладе¹¹. Для ряда европейских авторов, судя по сатирическим изображениям, давняя османская угроза на европейском континенте канула в Лету и осталась лишь «остаточным» раздражителем в связи с существованием «порохового погреба» Европы — досаждавшего европейским властям комплекса проблем на Балканах и в Проливах. Критические риторички европейской сатиры в этом геополитическом направлении лишь время от времени актуализировались кризисами во взрывоопасном регионе и стремлением западных элит воспользоваться ситуацией для усиления здесь своих позиций [Кочукова, Кочуков, 2022, с. 151–220]. Даже накануне глобального конфликта «вторичная» роль Турции как его участницы была своего рода «общим местом» для большинства создателей европейских сатирических карт. К этому настроению сатирики стран Антанты добавляли демонстрацию стремления ветшающей твердыни Османов избежать прямого участия в военных действиях — именно так на сатирических картах изображалась позиция Турции в глобальном конфликте империй и наций¹².

¹¹ Отметим, что для русских сатириков Мировая война в целом не была по преимуществу «германской» или «европейской». Роль Кавказского фронта, представление о значимости азиатских театров боевых действий отчетливо звучали в сатирических изданиях, создавая «восточное измерение» Великой войны [Баратов, Филиппова, 2014, с. 101–163].

¹² При этом если для Центральных держав значение Турции как союзника девальвировалось невозможностью с ней прямого сообщения — Средиземное море контролировалось Антантой, а связи между Османской и Габсбургской империями по суше препятствовали еще не захваченная Сербия и еще нейтральная Румыния, то для России обретение в лице Турции военного противника было существенным ударом — с ее вступлением в войну Россия лишалась наиболее удобного пути сообщения с союзниками — через Черное море и Проливы.

Так, на британской карте «Европейское ревю. Убейте этого орла!», изданной в самом начале мирового конфликта, художник изобразил «российского медведя»: в сопровождении казаков он эффективно расправляется с «германцем» и «австрийцем», тогда как испуганный «турок» показан маленьким человечком, изо всех сил пытающимся избежать вовлечения в военные действия с Россией, к которым его активно подталкивает энергичный германский союзник (Рис. 6).

То же желание «турка» всеми силами избежать прямого столкновения с противником не без раздражения обыгрывается на немецкой (казалось бы, «союзного» происхождения) «Юмористической карте Европы в 1914 году», где Турция изображена ленивым воякой, возлежащим на территории Малой Азии и курящим кальян. Он вообще отвернулся от картины схватки великих держав. Лишь плюмаж от вездесущей фески как символа «турецкости» расположился на европейской части османских владений (Рис. 7).

Один из популярных приемов «принижения» значения Турции на начальном этапе военных действий находим в ряде европейских сатирических карт того времени. Наиболее характерный пример — британская карта «Слушайте! Слушайте! Собаки лают» с ироничным изображением «турецких игр в кораблики» в зоне Проливов (Рис. 8). На грозном фоне схватки «псов войны» — великих европейских держав впадающий в детство старенький «турок» (султан?) мирно играет игрушечными корабликами в «лужицах» Черного и Эгейского морей...

Пройдет немного времени, и «игрушечные кораблики» превратятся в грозную метафору ситуации, сдетонировавшей в итоге выбором Османской империей германской стороны и началом боевых действий против России на Чёрном море. Речь идет о примечательном сюжете, когда германские линейный крейсер «Гёбен» и легкий крейсер «Бреслау», ускользнув летом 1914 г. из вод Средиземного моря от преследования французских и британских крейсеров, достигли Дарданелл. Несмотря на нейтральный статус Турции, ее младотурецкое руководство во главе с германофилом, военным министром Энвер-пашой, в нарушение норм международного права разрешило в августе 1914 г. войти кораблям воюющей стороны в Проливы. Этот случай показал и России, и миру всю степень близости отношений Германии и Турции и был критически интерпретирован как сочетание «восточной» хитрости и «западного» цинизма.

Формальное включение двух германских крейсеров в состав турецкого флота по сути привело к вынужденной декларации Турцией своих близких намерений вступить в войну на стороне Тройственного союза. Принуждение Турции к союзническим отношениям, добытое Германией методами военно-политической авантюры, вызвало в мире серьезную реакцию. Ситуация с подобными «играми» в «кораблики» на протяжении всего военного времени оставалась напряженной: присутствие на Черном море турецких крейсеров под германским руководством доставляло много проблем, причем не только России¹³.

Эксплуатация сатирического образа «игр в кораблики» усугубилась в связи с катастрофической для стран Антанты Дарданелльской операцией 1915 г.. План ее предусматривал прорыв англо-французской эскадры через Дарданеллы в Мраморное море с выходом к Стамбулу, разгром внешних фортов и укреплений, уничтожение минных заграждений. К концу августа провал операции, начавшейся в феврале, уже стал очевидным, но тяжелые для союзников боевые действия длились до января 1916 г., не приведя к победе. Последствия этих событий оказались серьезными. Союзные войска были эвакуированы из Галлиполи; Турция не вышла из войны

¹³ Лишь операция адмирала А. В. Колчака по минированию Босфора привела к прекращению набегов крейсеров. Англия же только в 1918 г., после перехода базы русского флота в Севастополе по Брест-Литовскому мирному договору под контроль Германии, в полной мере оценила опасность турецких «корабликов» на Черном море, столкнувшись с необходимостью держать специальную флотилию в Эгейском море. О геополитических коллизиях эпохи в связи с проблемой Проливов подробнее см. [Козлов, 2009, с. 210–219].

(а этого так опасалась Германия); Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав, сама же операция заняла важное место в национальной истории Турции.

С саркастическим злорадством на германской карте 1915 г. изображены сразу две неудачи союзников в этом году — отступление российской армии на Германском фронте и поражение англо-французской эскадры при Дарданеллах. Упирающегося из последних сил «русского мужичка» объединенными усилиями «германец» и «австриец» отпихивают назад, на восток, а довольный «турок», восседая «по-турецки», разделявает кинжалом «кораблики» Антанты и с аппетитом их поедает. Растерянным «соседам» остается лишь наблюдать за этим огорчительным действием... (Рис. 9).

Очередная германская карта, отразившая ситуацию на фронтах весны — лета 1915 г. (масштабное наступление германской армии на Восточном фронте начало угрожать захватом развитых промышленных регионов Российской империи, малорезультативные бои в Карпатах заставили прекратить русское наступление на этом направлении, события на Балканах также развивались не в пользу союзников), глумливо изображает большого, но жалкого «русского мужичка», наколовшегося ладонями на немецкие штыри (одна ладонь уже почти отрублена германским воином), а ногой опершегося на горы Кавказа. Тогда как молодежавый и бодрый «турок» (пример некоторой эволюции приемов изображения Турции) продолжает успешно «запирать» Проливы, о чем свидетельствует символический ключ от Дарданельского «замка» в его руках и все те же «кораблики» в Эгейском море (Рис. 10).

Двуликий «турок» — «злодей» и «жертва» Великой войны

Заметим: тяжелые бои на Кавказском фронте Первой мировой войны, где русская армия в 1914–1916 гг. одерживала в боях с турками трудные, но яркие победы (Сарыкамьшская, Алашкертская, Хамаданская, Эрзерумская операции), в прямом и переносном смысле находятся за рамками изображений европейских картографов. Хотя, казалось бы, события на театре военных действий, растянувшимся от Черного моря до озера Урмия полосой протяженностью 720 километров, давали им для этого обильный и яркий материал.

Немного больше внимания уделяли европейские сатирики ситуации на Балканах. В виде маленьких беспокойных человечков с их «маленькими» проблемами изображаются народы Балканского полуострова, зажатые имперским эгоизмом Габсбургской и Османской империй, ветшающих, но все еще активно присутствующих в регионе. Пример — французская «Символическая карта Европы в 1914 году» (Рис. 11). При этом Турция в своих сокращающихся европейских владениях представлена лишь «головой», упрямо занимающей пространство Балкан, но... отсеченной от туловища.

Эта линия портретирования «расчлененной» Турции развивала уже сложившуюся в европейской и отечественной карикатуре риторику «ущербности» и «травмированности» ее как противника, еще в предвоенные годы растерявшего части своих территорий¹⁴. Символическая линия, отделяющая «голову» Турции от «тела», многозначительно проходит по линии Проливов. Особенно наглядно подобное географическое «усекновение» головы «турка» отразилось на голландской сатирической карте «Сумасшедший дом». На ней, впрочем, как и в других сатирических образах противоборствующих сторон, подчеркивается физическая и умственная ущербность держав, обрушивших человечество в глобальную катастрофу мировой войны (Рис. 12).

¹⁴ Имеются в виду аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г., результаты Итало-Турецкой войны 1911–1912 гг., Первой Балканской войны 1912–1913 гг. и Второй Балканской войны 1913 г.

В разгар Первой мировой войны в оценочной трактовке образа Турции сатириками-картографами нашла отражение тема, вызвавшая особую тревогу и возмущение мировой общественности. Имеется в виду геноцид армянского населения 1915 г.

Неудачи турецкой армии на Кавказском фронте в 1914–1915 гг. и атаки франко-британскими силами Дарданелл в марте 1915 г. усилили антиармянские настроения турецких властей, побудив их искать источник своих поражений в присутствии христианского населения Закавказья и Анатолии как «пятой колонны». Аресты, реквизиция имущества, депортации, пытки, массовая резня армян показали, что османские власти решились воевать на двух фронтах — внешнем и внутреннем. Примечательно, что, соответствуя настроениям момента, образ трагедии армянского народа художники разных сатирических жанров сумели отразить не средствами карикатуры, но в духе более возвышенных визуальных риторик [Филишова, 2016, с. 252–255]. На французской «Карте европейской войны» изображены полные жестокости лица двух союзнических «визави», «турка» и «австрийца». С двух сторон, с запада и востока, они алчно взирают на балканские «объекты» своих вожделений, тогда как изображенные близ Южного Кавказа лица молящейся христианской женщины и ребенка устремлены взглядом к мощной фигуре России-заступницы в образе императора-воина, готовящегося нанести удар противникам (Рис. 13).

На завершающей стадии развития глобального конфликта появляется российская «Карта, поучительная для граждан российских. 1917», широко распространявшаяся как пропагандистский плакат. На карте старинный образ дракона как «мирового Зла» появляется особенно наглядно и выразительно. Отражающий ситуацию лета 1917 г. и созданный в риторике постфевральского «революционного патриотизма», этот образ стал квинтэссенцией отечественного сатирического символизма военного времени. Все три оскаленные головы «люттого змея» обращены на Юго-Восток, а его лапы хищно нависли над Францией и Бельгией на Западе и над Россией на Востоке. Особенно примечательна одна из трех глав: своей длинной шеей «змей» простерся по территории всей Малой Азии и Ближнего Востока. Карту в зарамочном оформлении сопровождает пояснительный рассказ, настраивающий зрителя-читателя на «волну» геополитической актуальности¹⁵. И если на западном направлении «германский змей» угрожает России потерей завоеваний Петра (выход к Балтике, обладание Курляндией и Литвой, пути общения с европейским миром), то на восточном направлении «чудовище германского милитаризма» угрожает экономическим и хозяйственным основам существования России. Сама же Турция изображается не более чем географическим «объектом», на территории которого реализуются геополитические устремления ее лукавого «союзника».

Приведем фрагмент из пояснительного текста к карте, стилизованного под былинный лад:

«А лютый змей — тут как тут — сторожит, наглухо закрывая двери за крепким замком: хочет — пустит, не хочет — не пустит крестьянский хлеб водой через проливы. А захочет — снимет замок, откроет двери и сам придет войной на наше Черное море. Залег змей поперек нашей дороги, а себе открыл широкий путь в теплые земли, в Персию и в богатую Индию. От Берлина до Багдада раскинулось длинное тело германского зверя. И австрийцы, и венгры,

¹⁵ Неудача выступления русской армии летом 1917 г., антивоенная пропаганда большевиков, тема «внутреннего предательства», сказавшегося на военных поражениях, кризис экономики из-за тягот военного времени, социальная и внутривластная нестабильность, запредельный уровень жестокости ведения боевых действий, продемонстрированный Германией на полях сражений, эксплуатация союзников в собственных военно-политических целях, прокладывание Германией по территории Турции Багдадской железной дороги, угрожавшей позициям России в регионе — все эти аспекты «своеобразия текущего момента» были идейно и творчески освоены отечественными художниками и отражены в разных сатирических жанрах и формах [Баратов, Филишова, 2014, с. 217–241].

и турки покорны его команде. Всем сядет враг на шею и всюду повезет свои одни товары. Он будет богатеть, а другие будут беднеть. Смотрите же, граждане, и знайте: вот что будет, если мы поддадимся на лстивые речи, бросим воевать и дадим врагу взять нас голыми руками» (Рис. 14).

Знаменательно, что под конец войны «турок» и «Турция» исчезают как персонифицированный объект вражды, как бы растворяясь в своем «географическом» пространстве, теряя свою субъектность как участника мирового конфликта. Так на карте войны под влиянием внутри- и внешнеполитической реальности на периферию восприятия и трактовки «сдвигается» фобийная составляющая образа «турка» и державы Османов, разделившей в итоге судьбу империи Романовых. А «враг с Востока» трансформируется в образ ритуальной жертвы западной цивилизации, жертвы, принесенной на алтарь внешнеполитических амбиций «кровожадных драконов» современности — великих держав¹⁶. Фактор же «германца» (Змея-искусителя) в судьбе «турка» видится как окончательный приговор Османской империи, «травмированной», «разорванной» на части на полях Первой мировой и в итоге обреченной исчезнуть с геополитической карты мира...

* * *

Опираясь на старые арсеналы карикатуризации основных «игроков» по политической карте, отрабатывая новые приемы в создании актуальных образов соседа и врага, художники-сатирики в эпоху Первой мировой войны во многом воспроизводили способы метафорической визуализации географического пространства и его обитателей, веками откладывавшиеся в «культурных депо» исторической памяти и культурной традиции. Не только диковинные люди, звери и мифические драконы, но и сами символы «Добра» и «Зла» населили пространство воюющего мира, причудливо вписавшись в его географические абрисы. Средневековые религиозные представления и культурные знания о мире в форме метафор и ценностных ориентиров преобразовались в критические риторические политические, пропагандистские инвективы.

На этом пути создатели сатирических карт в своих произведениях теряли в ощущении гармонии мира и его духовной составляющей, но сохраняли оценочную функцию, воспроизводя настроения вселенской катастрофы и представления о земном мире, лежащем во Зле войны. Семантизация пространства в метаисторическом времени — именно в этой роли выступали древние и средневековые карты. Тогда как сатирические карты периода Первой мировой войны «унаследовали» эту роль в формате карикатурного воспроизведения и трактовки современного им мира как места вражды между «своими» и «чужими», с приписыванием «своим» положительных свойств, а «чужим» — отрицательных, преступных, вплоть до демонических.

Сатирические карты начала XX в. — во всей противоречивости, неоднозначности и исторической контекстуальности — придавали смыслы современному им политическому пространству, как реальному (географическому и геополитическому), так и образному (интерпретированному сатирической трактовкой). Примечательнее всего то, сколь «полезной» и востребованной оказалась эта традиция на новом витке культурной истории, когда визуальные приемы средневековой критики, апологетики, морализаторства в изображении мира оказались восприняты с совсем иными целями и для решения иных задач. Анализ подобной *сатирической семантизации*

¹⁶ Для российской сатиры начала XX в. в целом характерно, что именно восточная тематика (главным образом турецкая) становится полигоном для отработки и продвижения в карикатуре нового образа германца как врага, образа, опосредованного столкновением интересов в южном, традиционно чувствительном «подбрюшье» Российской империи [Филиппова, 2016, с. 265–270]. Подробнее описание эволюции образа «турка» у русских журнальных и газетных сатириков см.: [Филиппова, 2016, с. 230–264].

пространства важен тем, что в разных исторических обстоятельствах помогает историку и культурологу выявить способы политического воздействия, управления и доминирования.

Представляется, что некоторая ограниченность политического и мировоззренческого «горизонта» создателей европейских сатирических карт (на примере образа «турка») отразилась в их восприятии именно «восточного измерения» Великой войны. Очевидно, что к началу XX столетия «Восток» в своем духовном символизме уже давно перестал быть источником «эдемского света», превратившись для многих европейских наблюдателей в досадное пространство мировой нестабильности. При этом сатирические карты Первой мировой войны как исторический источник отразили не только европоцентристское мышление политиков того времени, но и видимое сокращение пространства восприятия Азии, перемещение ее на периферию мира, тогда как в Европе происходят-де «главные» политические события. И это при том, что итоги Первой мировой войны и послевоенного развития Азии продемонстрировали всю мощь тектоники «пробуждающегося Востока».

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что даже один из ракурсов взгляда на сатирические карты эпохи Первой мировой войны в их «восточном измерении» подчеркивает значимость этого своеобразного визуального источника для лучшего понимания истоков и механизмов «языка вражды» военного времени.

Литература/ References

Баратов П. Н., Филиппова Т. А. *«Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны.* М., 2014 [Baratov P. N., Filippova T. A. *«Russia's enemies». Images and rhetorics of enmity in Russian satirical press in the Epoch of the First World War.* Moscow, 2014 (in Russian)].

Голиков А. Г., Рыбачёнок И. С. *Смех — дело серьёзное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре.* М., 2010 [Golikov A. G., Rybachonok I. S. *Laughter is a serious business.* Moscow, 2010 (in Russian)].

Козлов Д. Ю. *Странная война на Черном море (август — октябрь 1914 года).* М., 2009 [Kozlov D. Ju. *Strange War in the Black Sea (August — November, 1914.* Moscow, 2009 (in Russian)].

Кочукова О. В., Кочуков С. А. *Смех как оружие. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в российской и европейской сатирической печати.* М., 2022 [Kochukova O. V., Kochukov S. A. *Laughter as a weapon. Russo-Turkish War of 1877–1878 in Russian and European satirical press.* Moscow, 2022 (in Russian)].

Нурминен М. *Мир на карте. Географические карты в истории мировой культуры.* М., 2017 [Nurminen M. *World on the Map. Geographical maps in the history of the world's culture.* Moscow, 2017 (in Russian)].

Опалин П. Медведь, осьминог и злые мужики. Россия глазами соседей по сатирической карте. *Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества».* 2022. № 2. С. 78–87 [Opalin P. The Bear, the Octopus and angry men. *«Vorontsovo pole». Vestnik fonda «Istoria Otechestva».* 2022. No. 2. Pp. 78–87 (in Russian)].

Опалин П. «Паровой каток» на просторах Европы». *Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества».* 2022. № 3. С. 50–55 [Opalin P. «Steam roller» in the vastness of Europe. *«Vorontsovo pole». Vestnik fonda «Istoria Otechestva».* 2022. No. 3. Pp. 50–55 (in Russian)].

Сибгатуллина А. Т. Турция начала XX века в российской политической сатире. *Тезисы II Международной конференции «Архивное востоковедение».* М., 2011. С. 42–45 [Sibgatullina A. T. Turkey at the beginning of the XX century in Russian political satire. *Abstracts of the International Conference «Archival Oriental Studies».* М., 2011. Pp. 42–45 (in Russian)].

Филиппова Т. А. *«Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века.* М., 2012 [Filippova T. A. *«Enemy from the East». Images and rhetorics of enmity in Russian satirical press of the beginning of the XX century.* Moscow, 2012 (in Russian)].

Филиппова Т. А. «Больной человек» в эпоху войн и революций: Образ Турции в русской журнальной сатире, 1908–1918. М. — Спб., 2016 [Filippova T. A. «The Ill Man» in the Epoch of wars and revolutions: Image of Turkey in Russian satirical press, 1908–1918. Moscow — Saint Petersburg, 2016 (in Russian)].

Шеремет В. И. *Босфор, Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской разведки.* М., 2007 [Sheremet V. I. *Bosphorus, Russia and Turkey in the era of the First World War. According to the materials of Russian intelligence.* Moscow, 2007 (in Russian)].

Brodersen K. *Cartography. Geography in Classical Antiquity.* Cambridge, 2012.

Coupe W. A. Observations on a Theory of Political Caricature. *Comparative Studies in Society and History.* 1969. Vol. 11. Pp. 79–95.

Harley J., Woodward D. *The History of cartography.* Vol. I. Chicago, 1987.

Harvey P. *The Hereford World Map: Medieval World Maps and their Context.* London, 2006.

Kemnitz Th. M. The Cartoon as a Historical Source. *Journal of Interdisciplinary History.* 1973. Vol. 4. Pp. 87–99.

Nordenskiöld A. E. *Facsimile-atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries.* Translated from the Swedish original by Johan Adolf Ekelof and Clements R. Markham. New York, 1975.

Streicher L. H. On a Theory of Political Caricature. *Comparative Studies in Society and History.* 1967. Vol. 9. Pp. 427–450.

Vestfeld S. Leviathan. Ill. By Thompson K. New York, 2009. URL: <http://www.scottwestfeld.com>; дата обращения: 02.03.2023; URL: <http://www.keiththompsonart.com/pages/grandmap.html>; (дата обращения: 02.03.2023).

Wilma G. *Animals and Maps.* Berkeley, 1969.

Woodward D. Reality, Symbolism, Time, and Space in Medieval World Maps Author(s). *Annals of the Association of American Geographers.* Vol. 75. No. 4 (Dec., 1985). Pp. 510–521.

О ЛИКВИДАЦИИ ФЕОДАЛОВ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ В МОНГОЛИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1921 г.

© 2023

С. А. Кузьмин¹

До революции 1921 г. Внешняя Монголия была феодально-теократическим государством. В результате революции к власти там пришла Монгольская народная партия (МНП), действовавшая при направляющем влиянии руководства ВКП(б) и Коминтерна. На основе российских и монгольских архивных документов в данной статье анализируются меры по ликвидации феодалов как социальной группы в Монголии после революции 1921 г. Мероприятия по ослаблению влияния феодалов начались сразу по приходе к власти МНП летом 1921 г., но в первые годы они носили постепенный характер. МНП, переименованная в Монгольскую народно-революционную партию (МНРП), ускорила реформирование страны после кончины теократического монарха Монголии — Богдо-гэгэна VIII 20 мая 1924 г. Страна была объявлена Монгольской народной республикой (МНР), реформирование ее было направлено на переход к строительству социализма. Феодалы лишались административных и судебных функций, была ликвидирована законодательная основа их власти. В период «левого уклона» (1929–1932) давление усилилось, имущество феодалов конфисковалось, не только они, но и их родственники лишались некоторых гражданских прав. Массовое недовольство населения ликвидацией традиционализма и религии, методами строительства нового общества привело к резкому увеличению числа восстаний. Во время крупнейшего восстания 1932 г. в некоторых районах повстанцам ненадолго удалось восстановить отдельные феодальные структуры. Через несколько лет после победы над повстанцами и проведения «нового курса» в МНР начались массовые репрессии по сталинскому образцу, достигшие кульминации в 1937 г. Ламы и бывшие феодалы (в особенности высшие) стали одним из их главных объектов, хотя к тому времени уже потеряли власть и ее материальную базу.

Ключевые слова: Монголия, МНР, социальные системы, феодалы, ламы, теократия, социализм, МНП, МНРП

Для цитирования: Кузьмин С. А. О ликвидации феодалов как социальной группы в Монголии после революции 1921 г. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 72–85. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-072-085

ON THE ELIMINATION OF FEUDAL LORDS AS A SOCIAL GROUP IN MONGOLIA AFTER THE REVOLUTION OF 1921

Sergius L. Kuzmin

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, D. Sc. (Hist.), Ph.D. (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

Before the Revolution of 1921, Outer Mongolia was a feudal-theocratic state. As a result of revolution, the Mongolian People's Party (MPP) came to power in Outer Mongolia. The party acted under guiding influence of the Bolsheviks' and Comintern' leadership. This paper analyzes measures of the elimination of feudal lords as a social group in Mongolia after the revolution of 1921. Russian and Mongolian archival documents were examined. Measures to weaken the influence of feudal lords began immediately after the MPP came to power in the summer of 1921, but in the early years they were gradual. The MPP, renamed to the Mongolian People's Revolutionary Party (MPRP), accelerated the reforms in the country after the death of the Mongolian theocratic monarch, the 8th Bogd Gegeen, on May 20, 1924. The country was proclaimed Mongolian People's Republic (MPR), the reforms were directed towards the transition to socialism. Feudal lords were deprived of administrative and judicial functions, the legislative basis of their power was eliminated. During the period of the "left deviation" (1929–1932), the pressure intensified, property of feudal lords was confiscated; not only they but also their relatives were deprived of some civil rights. Mass people's discontent with the elimination of traditionalism and religion, methods of building the new society led to a sharp increase in the number of uprisings. During the largest rebellion of 1932, in some areas the rebels briefly managed to restore few feudal structures. Some years after the victory over the rebels in Mongolia, mass repressions began there on the Stalinist model, culminated in 1937. Lamas and former feudal lords (especially the higher ones) became one of the main targets, although by that time they had already lost power and its material base.

Keywords: Mongolia, MPR, social systems, feudal lords, lamas, theocracy, socialism, MPP, MPRP

For citation: Kuzmin S. L. On the elimination of feudal lords as a social group in Mongolia after the revolution of 1921. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 72–85. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-072-085

В 1921 г. во Внешней Монголии произошла революция, результатом которой стал переход от феодализма к социализму, минуя капитализм (если использовать формационную терминологию). Поскольку в отечественной литературе процесс ликвидации монгольских феодалов как социальной группы описан лишь в общих чертах (например, [История..., 1983]), представляет интерес его анализ. Основными источниками информации для этого являются монгольские и российские архивные документы. Важно отметить, что духовенство Монголии, в том числе высшие ламы, составляло отдельную социальную группу, и ее отнесение к феодалам неверно [Кузьмин, 2018а, с. 23–30]. В связи с этим в данной работе духовенство специально рассматриваться не будет.

После возникновения Китайской республики в 1912 г. Внешняя Монголия смогла добиться независимости и затем сохранить ее с помощью СССР. Остальные монгольские территории были оккупированы Китаем, не сумели воссоединиться с Монгольским государством, и траектории их дальнейшего развития сильно разошлись. В связи с этим в данной статье я рассмотрю лишь Внешнюю Монголию, позже переименованную в Монгольскую народную республику (МНР), ныне именующуюся государством Монголия.

В период существования маньчжурской империи Цин Внешняя Монголия находилась под феодальной властью. Высшие феодалы (нойоны) владели землей на правах вассалов цинского императора [Кузьмин, 2019, с. 39–54]. Их титулы были следующие (в нисходящем порядке): 1) чин-ван; 2) джун-ван; 3) бэйлэ; 4) бэйсэ; 5) тушэ-гун; 6) туслагч-гун. Шесть владельцев уделов носили титул хана: халхаские Тушэту-хан, Дзасакту-хан, Сэцэн-хан (Цэцэн-хан) и Сайн-нойон-хан, дэрбэтский Далай-хан и торгутский Унэн-Дзоригту-хан. Некоторые представители знати не имели титулов и назывались дзасак (монг. засаг) — владелец хошуна (удела). Феодалы, находившиеся на низших ступенях иерархии и не имевшие уделов или одного из приведенных шести титулов, именовались тайджи (монг. тайж) — дворянин с разделением на четыре степени.

В этот период влияние феодалов падало, буддийского духовенства — усиливалось. Ханы монгольских аймаков, хотя сохраняли титул, фактически стали обычными владельческими нойонами, а молодые аристократы в большинстве политикой не интересовались, предпочитая спокойную жизнь [Баранов, 1905, с. 14–16; Larson, 1930, p. 34]. Падение влияния феодалов было связано с проводившейся маньчжурской администрацией политикой их разделения, дробления Монголии на все большее число уделов, ростом зависимости феодалов от имперского центра. Ко времени коллапса империи Цин буддийское духовенство Монголии было уже не только влиятельнее феодалов, но и становилось центром консолидации монголов.

После провозглашения независимости от империи Цин и Китая в декабре 1911 г. во Внешней Монголии указанная выше система титулов сохранилась, но великим ханом (Богдо-ханом) государства стал Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII — глава ее буддийской церкви. Земля в теократической Монголии считалась общественной собственностью, однако ее фактическими распорядителями были Богдо-гэгэн, высшие ламы и князья [Майский, 1959, с. 119]. Следует отметить, что монгольскими князьями в отечественной литературе принято называть владельцев феодалов, хотя сам термин не имеет четкой привязки к конкретным титулам феодальной иерархии, приведенной выше.

В 1918 г. в теократической Внешней Монголии была проведена перепись. Ее результаты удалось получить экспедиции И. М. Майского, посетившей страну в 1919 г. По его данным, численность монголов составляла 542504 чел., из них феодалов («дворян и князей») — 5,7% [Майский, 1921, с. 27–29]. Известно, что данные этой переписи искажались из экономических соображений. Но очевидно, что феодалы составляли меньшинство, существенно уступая духовенству и простому народу (аратам).

Влияние духовенства продолжало усиливаться до самой революции 1921 г., в результате которой к власти пришла Монгольская народная партия (МНП, позже переименованная в Монгольскую народно-революционную партию — МНРП, затем — вновь в МНП).

Кружки, давшие начало МНП, изначально были созданы в монгольской столице Нийслэл-хурэ (которую европейцы называли Ургой) для изгнания китайских оккупантов, захвативших власть в автономной Внешней Монголии в 1919 г., но быстро перешли под влияние пробольшевистских сил. Уже 29 августа 1920 г., в период пребывания в РСФСР делегации монгольских революционеров, они под влиянием советских представителей написали документ, в котором, в частности, говорилось о планах «уничтожить наследственность князей, одновременно ведя усиление работы по популяризации народно-революционных идей в массах с распространением среди них европейской культуры и тем самым подготавливая почву для своего наступления для окончательного слома существующего порядка» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 3, л. 2–4об.].

В дальнейшем МНП/МНРП в своей деятельности руководствовалась рекомендациями Коминтерна и ЦК РКП(б), позже — ВКП(б). Уже на совещании монгольских делегатов 1–3 марта 1921 г. в приграничном с Монголией Троицкосавске в доме О. И. Макстенека (главы Кяхтинского консульства РСФСР в Дальневосточной республике), которое в 1924 г. было объявлено I учредительным съездом МНП, в утвержденной партийной платформе содержался пункт о том, что партия будет ликвидировать «традиции, обычаи и институты», которые являются «совершенно бесполезными... отжившими и вредными» [Роцин, 1999, с. 36].

Мероприятия по ослаблению власти феодалов начались почти сразу по приходе МНП к власти летом 1921 г. В октябре министрам монгольского правительства разрешили приходить на службу в обычных монгольских халатах, а ношение перьев на шапках (знаков отличия), начиная от князей и кончая их слугами, было отменено. По-видимому, в связи с этим 29 октября

1921 г. Богдо-хан издал указ о восстановлении парадной формы чиновников. Но 12 ноября ношение знаков различия в виде шариков на шапках и княжеских знаков почета вновь отменили [МУУТА, 1–1–1 — в кн.: Революционные мероприятия..., 1960, с. 97–99]. Это было призвано сыграть важную психологическую роль, если учесть большое значение церемониала при монархии.

Незадолго до этого, 1 ноября 1921 г., новое правительство Монголии приняло так называемый «Клятвенный договор», который лишил Богдо-хана светской власти. Этот договор называли «так сказать, первым конституционным актом в истории Монголии» [Монгольское законодательство..., 1928, с. IV], что неверно: это был односторонний документ правительства МНП, который лишь ограничивал власть Богдо-хана в ее пользу. Экземпляр с подписью или печатью Богдо-хана неизвестен. Нет доказательств того, что он был санкционирован Богдо-ханом. Кроме того, конституция определяет основы политической, правовой и экономической систем государства. «Клятвенный договор» не соответствует этим критериям [Кузьмин, 2015, с. 195].

В 1923 г. правительство издало постановление «О дзасаках и служилых князьях». Оно сыграло важную роль в ликвидации их наследственной власти, имеет важное значение для дальнейшего развития политики в отношении феодалов и пока не введено в научный оборот, в связи с чем его стоит привести полностью.

«Постановление Народного Правительства Монголии о дзасаках и служилых князьях».

Враги монгольского народа, монгольской государственности и желтой религии² до сего времени распространяют заведомо лживые сведения о том, что якобы Народное Правительство имеет своей целью уничтожение института княжества. Между тем прошел почти целый год со дня установления Народного Правительства в Монголии, и никто не знает, что тот или иной князь подвергался несправедливым гонениям и был лишен княжеского звания без всякого основания. Но зато всем известно, что некоторые князья, запятнавшие свое сословие гнусной изменой своей родине или уличенные несколько раз в беспутстве, пьянстве, присвоении казенных денег и угнетении подвластного им населения, были лишены хошунов и подвергнуты наказаниям, и что все остальные князья, которые не прерывали свою верную службу государству, до сих пор продолжают оставаться в своих хошунах на прежних основаниях; причем некоторых из этих князей, выявивших себя добрыми патриотами и преданными новому государственному строю и Богдо-хагану, правительство отличило и призвало на ответственные посты, как, например, Цэцэн-хана, Хатан-Батор-вана, Ёст-бэйлэ и др. Иначе и не могло быть, ибо Народное Правительство, как и Народная Партия, по существу своего основного суртала³ относится ко всем, и в том числе к княжеству, по справедливости: беспутных наказывает, а добрых одобряет и награждает. Кроме того, Народное Правительство, хотя и объявило, что будет проводить в народно-государственную жизнь новые начала взамен старых, но, тем не менее, оно не считало и не считает, что все старое вредно, а все новое — полезно, а засим оно также не думает забывать старые заслуги тех или иных лиц и слоев населения перед монгольским народом и государством, в частности, заслуги великого Чингис-хагана и некоторых его достойных потомков перед всеми монгольскими племенами. Но, с другой стороны, все должны согласиться, в том числе и монгольские князья, с тем, что, когда весь государственный строй Монголии перестраивается на новых началах народовластия и народоправия и когда во главе нашего государства

² Тибетский буддизм школы Гэлуг, преобладающий в Монголии.

³ Очевидно, монг. сургаал — учение.

стоит конституционный монарх⁴, положение хошунных дзасаков не может оставаться в прежнем виде без всяких изменений в духе нового государственного строя Монголии.

Народное Правительство Монголии, руководствуясь указанными выше указаниями и соображениями пользы народных масс и государства, постановило руководствоваться на будущее время по отношению дзасаков и служилых князей нижеследующими положениями:

1. Все хошунные дзасаки Халхи и Кобдоского округа утверждаются настоящим актом в занимаемых ныне должностях хошунных дзасаков и должны впредь именоваться в официальных актах, отношениях и т. п. «дзасак-даруга⁵». Причем в целях возвеличения достойных и устранения беспутных населению хошунов предоставляется право избрания новых дзасаков-даруг, если лица, занимающие ныне должности дзасаков-даруг, по мнению населения, не соответствуют своему назначению.

2. Хошунные дзасаки-даруги и служилые князья привлекаются к отнесению больших и малых государственных должностей наравне с лицами других состояний, сообразно их знаниям и служебному опыту.

3. Дзасаки-даруги, уличенные в угнетении и эксплуатации населения своих хошунов, позорящем образе жизни, взяточничестве, воровстве, подлоге, грабеже, разбое, учинении вреда религии, принципиальном порицании существующего государственного строя и измене, кроме лишения должности дзасака-даруги, подвергаются по суду положенным наказаниям.

4. Дзасаки-даруги, добровольно сложившие свою должность, переходят в разряд служилых потомственных князей, и им даруется по представлению Правительства повышение на одну степень.

5. В случае смерти дзасака-даруги или в случаях, указанных в статьях 1, 3 и 4, его заместитель избирается Народным Собранием соответствующего хошуна и утверждается Правительством.

6. В случаях, указанных в статьях 3 и 4, вместо устранившегося или устранившегося дзасака-даруги, а также в случае прекращения рода умершего дзасака-даруги, по прямой линии избирается народный даруга, который пользуется одинаковыми правами с дзасаком-даругой и также утверждается правительством.

Примечание. В случае, указанном в статье 1 настоящего акта, избрание дзасака-даруги или народного даруги предоставляется усмотрению хошунного Народного Собрания.

7. [В] хошунные дзасаки-даруги и народные даруги избираются лица совершеннолетние, вполне грамотные, преданные народным интересам и опытные в делах управления.

Примечание. Так как государственными делами должны вестись лишь люди вполне зрелые, справедливые и надлежащим образом подготовленные, то поэтому для лиц, избираемых в дзасаки-даруги или народные даруги, звание тайджи или состояние в прямом родстве с его предшественником совершенно необязательно.

8. Старшие сыновья дзасаков-даруг по смерти их вне зависимости от избрания или неизбрания их на должность дзасаков-даруг, а также старшие сыновья служилых потомственных князей наследуют титулы своих родителей; настоящая статья не распространяется на случаи, указанные в статье 3-й настоящего акта.

9. Хошунные дзасаки-даруги и народные даруги в силу основных принципов народного государства не имеют права разрешать подведомственные им дела единоличной властью; такие дела разрешаются на хошунных Народных Собраниях или на заседаниях чинов хошунного

⁴ Имеется в виду Богдо-хан, ограниченный во власти «Клятвенным договором».

⁵ Монг. дарга (даруга) — начальник, председатель.

управления по большинству голосов, причем на заседании чинов хошунного управления председательствует дзасак-даруга или народный даруга.

Примечание. Подробные указания, в пределах власти и прав хошунных Народных Собраний, хошунных управлений и дзасаков-даруг и народных даруг будут даны в законе о местном самоуправлении.

10. Служебные и прочие проступки и преступления дзасаков-даруг и народных даруг в силу важности занимаемого ими поста подлежат ведению Шухе Ямона⁶, а служилые князья и тайджи судятся на общих с аратами основаниях, смотря по важности преступления, в хошунных и вышестоящих судах.

11. В отношении отбывания наказания за преступные деяния и выполнения государственных и местных податей и повинностей дзасаки-даруги, служилые князья и тайджи никакими особыми преимуществами и привилегиями не пользуются» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 18, л. 24–25].

Это постановление было вызвано тем, что на местах власть МНП оставалась слабой. Например, в западном Кобдоском округе уполномоченным сайдом (министром, заместителем) правительства и командующим войсками был феодал Гомбо-Идшин-гун, его советниками — Джамбал-гун (помощник сайда) и советский бурят С. А. Шойжелов (Нацов) [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 18, л. 5–6об.]. Даже в северных районах Монголии под управлением уполномоченного МНП в п. Алтан-Булак реальная власть была у хошунных князей, которые были почти самостоятельны. В их руках находились ключевые вопросы: сдача земель в аренду, сбор налогов и арендной платы [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 39]. Для МНП было опасным резкое смещение властных элит на местах. Поэтому партия придерживалась курса на постепенное замещение их своими представителями.

Вместе с тем приведенное выше постановление утверждало существенные ограничения возможностей феодалов: теперь их власть определялась не происхождением или назначением, а избранием населением, причем правителем хошуна мог быть избран и незнатный человек; теперь не монарх (Богдо-хан), а контролируемое МНП правительство имело прерогативу повышения феодальной степени.

7 марта 1924 г. правительство приняло решение «приступить к выборам председателей хошунов, не дожидаясь совершеннолетия княжеских детей». Согласно решению МВД и ЦК МНП, занять должность председателя хошуна наследник хошунного князя теперь мог при достижении совершеннолетия «только при наличии вакансии и при условии избрания его хошунным хуралом на эту должность, причем обязательно с ведома МВД» [МУУТА, 4–4–4 — цит. по: Революционные мероприятия..., 1960, с. 74–75]. Это было дальнейшее усложнение наследования власти. Весной того же 1924 г. были переименованы все аймаки и хошуны [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 63–92], ранее называвшиеся по личным титулам их правителей. Затем их число и границы неоднократно менялись. Так было упразднено старое административно-территориальное деление страны по феодальным уделам.

После кончины Богдо-хана 20 мая 1924 г. МНП, переименованная в МНРП, ускорила реформирование страны. В том же году под влиянием большевиков Монголия была провозглашена народной республикой (МНР), столица переименована в Улан-Батор-хото («город Красного Богатыря»).

Феодалы стали все чаще отказываться от титулов. По-видимому, первым это сделал еще в апреле 1921 г. Сумъяа-бэйсэ [РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 8]. В 1924 г. от своего титула отказался Цэцэн-хан, затем — Хатан-Батор-ван Максаржав (титул которого теперь стал «Ардын

⁶ Монг. шүүх яам — министерство юстиции.

[народный] Хатан-Батор»), затем — туслагч-гун премьер-министр Б. Цэрэндорж. Эти люди занимали высокие посты в богдоханской административной системе, а затем перешли на сторону МНП.

Б. Цэрэндорж свой отказ от титула сопроводил покаянным письмом. Это примечательное письмо, выдержанное в старом стиле самоуничужения, следует привести полностью вместе с комментарием, написанным, очевидно, заведующим информационным отделом полпреда РСФСР в Улан-Баторе.

«Кающиеся дворяне (письмо Цэрэн-Дорчжи)»

Непрекращающийся, хотя и очень медленный, процесс выветривания феодализма в Монголии за последнее время принял оригинальную форму: некоторые князья стали добровольно отказываться от своих привилегий. Правда, привилегии эти носят главным образом внешний формальный характер, но, если иметь в виду консерватизм психики монгола, привитый ему китайским мандарином пиетет ко всему, что носит звание «благородства» и «почета», то наблюдающийся сдвиг довольно симптоматичен.

Первым отказался от своего ханского звания, от звания владетельного князя, и даже от должности министра внутренних дел прямой потомок Чингис-хана — Цэцэн-хан, глава одного из 4-х аймаков, на которые делится Внешняя Монголия.

За Цэцэн-ханом отказался от своего княжеского звания военный министр Хатан-Батор-ван. Последний заявил, что при установившихся в стране демократических порядках всякого рода дворянские звания являются вредным пережитком. Любопытно, что свое заявление военный министр Хатан-Батор-ван сделал после того, как вернулся (из первой в своей жизни) поездки в Верхнеудинск и Читту, — советско-европейские порядки, начиная с жел[езно]дор[ожного] сообщения и кончая организацией Красн[ой] армии — вообще произвели на него огромное впечатление.

Почти одновременно с Хатан-Батор-ваном выразил готовность отказаться от дворянского звания председатель Совета Министров Цэрэн-Дорчжи, самый крупный государственный работник страны. По происхождению середняк, почти плебей, Цэрэн-Дорчжи своим умом и работоспособностью добился самого ответственного поста в государстве. Несмотря на старческий возраст и консерватизм, Цэрэн-Дорчжи, несколько спотыкаясь, все же идет нога в ногу с молодой Монголией.

Ниже приводим перевод письма его в ЦК Монгольской Народной Партии. В этом письме председатель Совета Министров мотивирует свой отказ от княжеского звания «тусалакчи-гуна».

Я происхожу из среды аратов (простолюдинов), находился в среде шабинаров⁷ Богдо-хутхты. С малых лет я служил в разных должностях по гражданскому ведомству. Во время тройных переговоров в Кяхте (России, Китая и Монголии) я состоял в качестве помощника при полномочном представителе Автономной Монголии, за что по докладу председателя Совета Министров был награжден званием потомственного тусалакчи-гуна, с грамотою на шелку и с приложением печати Богдо-хана.

⁷ Шабинары (монг. шавь нар) — духовные ученики лам, неверно именовавшиеся «крепостными духовных феодалов» (подробнее см.: [Кузьмин, 2018а, с. 23–30]).

После уничтожения внутренних и внешних хархисов⁸ (черносотенцев) и империалистов, после организации конституционного Народного Правительства княжеские достоинства не только не были уничтожены, но, наоборот, постановлением возглавляемого мною Народного Правительства в прошлом году были даже подтверждены.

Я от рождения не обладал особенными способностями и, кроме того, воспитан в провинциальном духе. К тому же в последние годы, благодаря старческому моему возрасту, затмились у меня умственные способности, вот почему я мало уделял [внимания] духу времени, который царит теперь на земном шаре.

Между тем, в настоящее время отказ Цэцэн-хана Наваннэрэна от звания хана и от звания хошунного правителя послужил толчком к тому, что[бы] обсудить свое положение.

Цэцэн-хан является прямым потомком Чингис-хана и вторым крупным ханом во всей Халхе, поэтому поступок его заслуживает одобрения. В настоящее время княжеские и потомственные звания осуждены всеми народами мира.

Звания эти особенно не соответствуют принципам Монгольского Народного Правительства, они служат для монголов лишь большим тормозом к использованию полученной свободы.

Мне стыдно перед народом за то, что я до сего времени не расстался еще со своим званием. Теперь же я пользуюсь настоящим счастливым моментом и с удовольствием отказываюсь от звания потомственного «тусалакчи-гуна». При сем препровождаю свою шелковую грамоту.

Председатель Совета Министров Цэрэн-Дорчжи» [АВПРФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 5, д. 11, пор. № 11, папка 108, л. 54–56; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 117а-119].

Ко времени I Великого народного хурала (ноябрь 1924 г.) сложили титулы ванов, гунов и тайджи еще 69 чел. [Новая Монголия, 1925, с. XIV]. На заседании Хурала 26 ноября 1924 г. была принята Конституция. В ней речь шла уже не о добровольном, а о принудительном сложении титулов. В гл. 1, ст. 3.13 говорилось, что «отменяются звания ванов, гунов и тайджи», в гл. 3, ст. 35.3 — что «не избирают и не могут быть избраны... бывшие князья» [Монгольское законодательство..., 1960, с. 2–11]. Это означало законодательное закрепление поражения в гражданских правах по принципу социального происхождения.

В ноябре 1924 г. заведующий информационным отделом полпредства РСФСР в монгольской столице И. И. Генкин (В. Г. Дадияни) отмечал в «Бюллетене полпредства», что из двух устоев старого монгольского быта «ламаизм»⁹ еще крепко владеет умами населения, но этого уже не скажешь «про власть феодалов, ханов и князей»: они лишены административных и судебных функций, права иметь крепостных, взимать барщину, бесконтрольно распоряжаться местной казной и т. д. Теперь устраняется юридическая подоплека их власти. «Владетельный князь Дзасактуханского аймака — злостный реакционер и непримиримый противник демократических преобразований — заменен при выборах в хошунное управление простым аратом, т. е. простолюдином. Точно так же наследственный председатель Сайннйонханского хошунного управления, родовитый князь, сменен теперь и на его место избран простой смертный. Из двух остальных ханов один — Сэцэн-хан сочувствует, так или иначе, в той или иной степени, новым порядкам и даже состоит министром внутренних дел теперешнего правительства. Остается последний — четвертый владетельный князь Тушэту-хан, но и его судьба висит на волоске.

⁸ Монг. харгис — жестокий; при власти МНП слово стало получать новые, заемные значения: «феодал», «реакционер» и даже «черносотенец».

⁹ Неверный с точки зрения религиоведения термин, в прошлом применявшийся к тибетскому буддизму.

Всего «ликвидировано» в этом смысле, т. е. в смысле лишения их прежних прав и привилегий, 10 князей, среди них два хана» [АВПРФ, ф. Резидентура по Монголии, оп. 7, пор. № 11, папка 2, л. 293–295].

Упразднение власти феодалов в разных районах шло неравномерно. Согласно справке «Краткий очерк современного положения степной Монголии», составленной В. А. Козакевичем 10 февраля 1925 г., «феодалы Тушэтуванского хошуна держат в сильной экономической зависимости население, будучи богаты скотом. Но и на западе и юго-западе правителями хошунов часто являются старые чиновники (хошуны Джонон-ван, Тушэту-ван), но мелкие общественные единицы носят более революционный характер. В Кобдо Далай-хан дербетов, после упорного сопротивления, был заменен молодым олетом Лхамсурэном. Ячейки Партии и Ревсомола лучше представлены на севере и западе. Но в ряде хошунов Монголии нет партийных (хошун Мэргэн-вана, Ёст-бэйсэ, Эрдэнэ-Пандита-хутухты). В хошуне Тушэту-вана есть партячейка из 17 чел., большинство — феодалы и старые чиновники. На западе больше ячеек, партработа в разгаре: там было меньше дворянства» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 44, л. 1–28].

Большое значение имело «Положение о выборах в Великий народный хурал МНР», принятое в начале 1925 г. Согласно гл. 1, ст. 3 (3), бывшие князья лишались избирательного права наряду с душевнобольными, преступниками и т. п. [Монгольское законодательство..., 1960, с. 21] во исполнение Конституции МНР.

В целом основными мерами против феодалов в 1925 г. были «освобождение крепостных», дальнейшее ограничение прав феодалов — административных и судебных функций, права «барщины», распоряжения местной казной и т. д., лишение их титулов. 29 октября 1926 г. вышел циркуляр правительства № 1156, разъяснявший его отношение к феодалам и ламам. В нем сказано, что были «уничтожены титулы вана, гуна и тайджи и связанные с ними особые привилегии <...> бывшие ваны, гуны и тайджи, хотя очень недовольны создавшимся для них положением <...> вполне поняли и освоились с создавшимся новым положением», некоторые из них входят в МНРП и правительство, работают добросовестно. Их поведение нет нужды обсуждать» [Монгольское законодательство..., 1960, с. 43–44]. Тем не менее, согласно материалам VI съезда МНРП (22 сентября — 4 октября 1927 г.), из 162 делегатов там было лишь 9 бывших тайджи и 1 лама, не было ни одного теократа и крупного феодала [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 51, л. 2–4].

В период 1929–1932 гг. МНРП под руководством Коминтерна и ВКП(б) стала форсированно строить социализм. Этот курс после его отмены назвали «левым уклоном». Незадолго до его начала представители монгольских властей стали получать инструкции о том, что в МНРП наблюдается «правый уклон» и это следует исправить. Например, 26 января 1928 г. член политбюро ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарин направил письмо председателю ЦК МНРП Ц. Дамбадоржу, в котором говорилось, что главная опасность для МНРП — правая, необходимо решительно выдвигать на руководящие посты представителей сельской местности с левыми взглядами — «худонцев» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 62, л. 3–9]. В мае 1928 г. Ц. Дамбадорж прибыл в Москву и выступил в Восточном отделе исполкома Коминтерна (ИККИ). Он подчеркнул, что в партии нет никаких уклонов. Но ИККИ ознакомил его с проектом резолюции из 52 пунктов о принудительном отчуждении части скота лам и феодалов, борьбе с высшими ламами. Дамбадорж отказался принять ее, президиум ЦК МНРП одобрил это [Дашдаваа, 2011, с. 50]. 13 сентября политбюро ЦК ВКП(б) решило пересмотреть прежние формы связи МНРП с Коминтерном, прислать делегацию ИККИ на съезд МНРП, чтобы обследовать положение дел на месте и поддержать «худонцев» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 704, л. 4]. Во исполнение этого 14 сентября 1928 г. политсекретариат ИККИ принял резолюцию, в которой отмечалось, что руководство

МНРП склоняется на сторону капитализма и препятствует борьбе с буржуазными и феодальными тенденциями в МНР [Дашдаваа, 2011, с. 50].

Для участия в работе VII съезда МНРП в Улан-Батор прибыла делегация Коминтерна, которая сразу занялась там кадровыми вопросами и приняла участие в разработке «Платформы членов левого крыла партии» [Дашдаваа, 2011, с. 50] — «худонской оппозиции». Одним из главных положений ее была очистка страны от остатков «черных и желтых харгисов» и правых групп, уничтожение эксплуатации трудящихся со стороны феодалов и богатых лам [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 74, л. 5–12] — которой, однако, в действительности не было. «Реакционные желтые и черные феодалы», по мнению Коминтерна, были главной внутренней опасностью.

VII съезд МНРП (23 октября — 10 декабря 1928 г.) и последовавший за ним V Великий народный хурал (14 декабря 1928–23 января 1929 г.) приняли директивы о чистке госаппарата от «социально чуждых» элементов и частичной конфискации имущества феодалов. Во исполнение директив о «чистке» 13 марта 1929 г. появилась «Инструкция о приеме новых членов МНРП». В ней классовый подход распространился не только на бывших феодалов, но и на их родственников: «Прекратить прием в партию детей и жен бывших главарей хошунов; князей, имевших крепостных; низших дворян, относящихся к средней и высшей группе по имуществу». Не принимать усыновленных аратами детей князей и дворян, не успевших получить воспитание у аратов. Жен и детей князей и дворян, не имевших феодальных владений и не занимавших административные посты, но имевших заслуги до или после революции — принимать [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 90, л. 12].

В мае 1929 г. на совместном заседании ЦК МНРП, ЦКК и ЦК Ревсомола большинство высказалось за прямую экспроприацию скота у крупных хозяйств: она должна была коснуться в основном хозяйств бывших феодалов и индивидуальных хозяйств богатых лам. Были разработаны секретный проект и план конфискации. Президиум Малого хурала и правительство приняли совместное постановление о конфискации; в сентябре 1929 г. был разработан детальный регламент оценки имущества. В ЦК МНРП поступали подробные сведения о ходе конфискации [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 88, л. 11, 34–41; д. 92, л. 82–97, 112–118, д. 118, л. 33]. Прежде всего она проводилась у тех, кто участвовал в выступлениях против новой власти¹⁰.

Конфискация служила материальной основой для создания общественных хозяйств. Однако сами бывшие владельцы в эти хозяйства вступить не могли. «Правила о приеме и исключении членов колхоза» не разрешали принимать туда бывших феодалов, тайджи, крупных чиновников монархического времени, торговцев, монастырских лам, богачей и другие «эксплуататорские элементы» — наряду с подсудимыми и лицами, осужденными за корыстные и политические преступления [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 116, л. 60].

Китаевед Г. С. Кара-Мурза подготовил «Тезисы о социальных отношениях в Монголии» (датированы 11 февраля 1932 г.). В них он наметил три «линии феодальных противоречий». Ошибочность их выделения связана, прежде всего, с неверным отождествлением высших лам с феодалами, а также с переоценкой внутренних противоречий в монгольском традиционном обществе. Однако такое отождествление было важно для проведения курса партии. По мнению Кара-Мурзы, конфискацией у феодалов закончился процесс распада сословного феодализма, что было важно политически, но экономически дало мало [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 1–57]. Однако

¹⁰ Например, сообщение в ЦК МНРП о конфискации имущества 12 феодалов, участвовавших в контрреволюционном восстании в аймаке Чандмань-ула от 3 февраля 1931 г. [МУУТА, МАН-ын Баримтын Төв, х. 4, д. 4, х. н. 76, тал 4–6].

фактически сословная структура общества была ликвидирована раньше, и в период «левого курса» феодалы уже не имели власти.

«Левый курс» привел к дестабилизации обстановки в МНР, массовым откочевкам за границу, восстаниям. В 1932 г. произошло самое крупное восстание. Повстанцы взяли под контроль значительную территорию на севере и западе МНР, создали свои органы власти, на короткое время восстановили бывший хошун Далай-вана и создали его управление во главе с приемным сыном прежнего дзасака — Жигжидсурэном, а его помощником стал бывший тайджи Удайжав. Высшие посты в повстанческих структурах занимали феодалы. Кроме того, там были ламы и чиновники. Что неудивительно: это были представители самых просвещенных слоев населения страны (потому, кстати, именно их представители преобладали и в руководстве ранней МНП). Вместе с тем среди руководителей повстанцев были араты и государственные служащие [Кузьмин, Оюунчимэг, 2023].

Подавление народного восстания 1932 г. шло параллельно с введением «нового курса» на смену «левому» — с частичным допущением частной собственности и ослаблением давления на церковь. В постановлении чрезвычайного пленума ЦК и ЦКК МНРП в июле 1932 г., принятом согласно указаниям руководства ВКП(б), в частности, говорилось: «Мобилизовать трудящихся на решительную борьбу против к[онтр]-р[еволюционных] феодалов и реакционной верхушки ламства <...> в кратчайший срок подавить восстание, беспощадно уничтожая руководителей и организаторов восстания из феодалов и высшего духовенства» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 133. л. 370об.].

Через несколько лет после этого в МНР из СССР пришел проводившийся там курс массовых политических репрессий. В связи с ожидавшимся нападением Японии на МНР на 27 августа 1937 г. в МНР был запланирован ввод советских войск. Протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1937 г. (№ 637) включал пункт: «Обязать НКВД СССР послать с т. Мироновым группу чекистов для оперативной работы в МНР. Выписки посланы: тт. Ежову — все; Потемкину, Андрееву — 3» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 149]. 24 августа 1937 г. в МНР прибыли высокопоставленные чекисты: М. П. Фриновский — заместитель наркома внутренних дел Н. И. Ежова, руководитель главного управления государственной безопасности НКВД СССР и один из организаторов «большого террора» в СССР, П. А. Смирнов — начальник политического управления Красной армии и С. Н. Миронов — бывший начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю, назначенный полпредом в МНР. 28 августа они передали в МВД МНР «Список лиц из среды центральных и местных руководящих работников, на которых имеются компрометирующие материалы о причастности их к контрреволюционной организации», из 115 человек, датированный 27 августа (публикация списка: [Улс төрийн..., 2008, с. 130–136]). Почти все они обвинялись в шпионаже в пользу Японии. Основным «доказательством» в большинстве случаев служили показания других арестованных. С 10 сентября начались массовые аресты.

19 июля 1938 г. руководитель МНР Х. Чойбалсан, проводивший массовые репрессии в МНР по образцу сталинских, выпустил служебное письмо, в котором заявлял, что остатки феодалов могут поддерживать связи среди детей, родственников врагов народа, остатков белых и иностранных врагов, влиять на военных и политических деятелей Монголии — потому надо провести их чистку и уничтожить [Өлзийбаатар, 2004, с. 240–241]. В связи с этим репрессии, пик которых пришелся на 1937 г., не прекратились и позже. Например, в 1938 г. была арестована Н. Гэнэнпил — за то, что была «ханшей» и поддерживала буддизм. Дело в том, что после кончины 14 января 1923 г. супруги Богдо-хана — Ц. Дондогулам чиновники провозгласили Гэнэнпил его новой женой. Но он, щедро одарив ее, отправил домой. Там она вышла замуж

за земляка, родила троих детей. Ее расстреляли, хотя она была беременной [Сухбаатар, 2011]. Приговор вынесли в сентябре 1938 г. (решение Верховного суда МНР № 110, 28.06.1991 — в кн.: [Kaplonski, 2014, p. 207]).

На VIII Великом народном хурале МНР 22 июня — 5 июля 1940 г. была принята новая Конституция МНР, за образец которой взяли сталинскую Конституцию СССР 1936 г. Чойбалсан в своем докладе на Хурале констатировал, что класс феодалов ушел с исторической сцены [Роцин, 1999, с. 301]. Репрессиям в МНР подверглось 5% населения, или 10,9% мужской части населения. По данным монгольской Государственной комиссии по организации работ по реабилитации [Нарандалай, 2017, с. 22], на 2017 г. реабилитировано 2447 репрессированных служилых аристократов, в том числе 34 дзасака, включая четырех из шести ханов аймаков Внешней Монголии [Батбола, 2017, с. 69–81]. Учитывая, что в Богдо-ханской Монголии был 121 хошун [Lattimore, Isono, 1982, map 2], эти цифры представляются не очень значительными. Но пока точно неизвестно, сколько феодалов и, в частности, дзасаков там было ко времени начала репрессий (не в каждом хошуне мог быть дзасак: некоторые могли умереть, эмигрировать и т. д.). Можно предположить, что эта цифра должна расти в процессе работ по реабилитации.

Итак, придя к власти, МНП/МНРП с самого начала проводила политику неуклонного ограничения традиционализма и религии при направляющем влиянии РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна. Но первоначально она старалась укреплять свою власть политикой «единого фронта» с частью феодалов и лам и в то же время проводила демонтаж старых властных структур. После смерти Богдо-хана Монголии в 1924 г. направленные на строительство социализма реформы ускорились и стали более радикальными, особенно в период «левого уклона» в 1929–1932 гг. К началу «левого уклона» права феодалов были по большей части упразднены, но их традиционная харизма и имущество в основном сохранялись. Неприятие широкими слоями населения ликвидации традиционализма и религии, а также конкретных методов строительства нового общества привели к резкому увеличению числа восстаний и нарастанию их интенсивности, в результате чего в 1932 г. в некоторых местах повстанцы восстановили отдельные феодальные структуры. Через несколько лет после смены «левого курса» на «новый курс» начались массовые репрессии. Главными жертвами их стали ламы, все еще сохранявшие большое влияние на население. Репрессии же против бывших феодалов, которые к тому времени уже не влияли на ситуацию в стране, являлись лишь продолжением ликвидации этого класса общества.

Анализ механизмов трансформаций нескольких монархических систем Внутренней Азии (в Хиве, Бухаре, Монголии и Тибете) в социалистические показал наличие существенных признаков сходства [Кузьмин, 2018б, с. 188–245]. Все они были абсолютными монархиями; были зависимы от России, империи Цин или Китая; общество было традиционным. Революционеры, победившие в России и Китае, руководствовались марксистско-ленинской идеологией и ставили одну цель — построение коммунизма через социализм как его начальную стадию. Поскольку в указанных государствах Внутренней Азии не было сил, способных провести революции, им оказали в этом помощь коммунисты из-за границы. После победы революций и установления прокоммунистической власти власть феодалов там ликвидировалась первой, и лишь затем одним из главных объектов борьбы становилась церковь.

Источники и литература/ Sources and References

АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, Moscow].

Баранов. *Монголия. Барга и Халха*. Харбин. 1905 [Baranov. *Mongolia. Barga and Khalkha*. Harbin. 1905 (in Russian)].

Батболд Н. Угсаа залгамжилсан засаг ноёдыг хэлмэгдүүлсэн асуудал. *Улс төрийн хэлмэгдүүлэлт: шалтгаан, үр дагавар, сургамж*. Улаанбаатар, 2017. С. 69–81 [Batbold N. Issues of repressions against ruling poyons. *Uls turin kbelmegduulelt: shaltgan, ur dagavar, surgamj*. Ulaanbaatar, 2017. Pp. 69–81 (in Mongolian)].

Дашдаваа Ч. От демократизма к авторитаризму. *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2011. № 3. С. 43–56 [Dashdavaa Ch. From democratism to authoritarianism. *Vestnik Buryatskogo Nauchnogo Tsentra SO RAN*. 2011. No. 3. Pp. 43–56 (in Russian)].

История Монгольской Народной Республики. М., 1983 [History of the Mongolian People's Republic. Moscow, 1983 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Монархическое Монгольское государство в 1911–1924 гг. *Eurasia: statum et legem*. 2015. Т. 1. № 4. С. 187–198 [Kuzmin S. L. The monarchic Mongolian State in 1911–1924. *Eurasia: statum et legem*. 2015. V. 1.No. 4. Pp. 187–198 (in Russian)].

Кузьмин С. А. К вопросу о «крепостных церковных феодалов» в дореволюционной Монголии. *Восток*. 2018а. № 1. С. 23–30 [Kuzmin S. L. On the problem of the «serfs of clerical lords» in pre-revolutionary Mongolia. *Oriens*. 2018а. No. 1. Pp. 23–30 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX в. *Религия и общество на Востоке*. 2018б. № 2. С. 188–245 [Kuzmin S. Mechanisms of elimination of monarchies in the states of Inner Asia in the first half of the 20th Century. *Religiya i Obshchestvo na Vostoke*. 2018b. No. 2. Pp. 188–245, 331–332 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом. *Восток*. 2019. № 1. С. 39–54 [Kuzmin S. L. The Problem of vassalage in the West and the East: relations of the Qing Empire with Mongolia and Tibet. *Oriens*. 2019. No. 1. Pp. 39–54 (in Russian)].

Кузьмин С. А., Оюунчимэг Ж. 1932 оны Монгол дахь ардын бослого. Улаанбаатар, 2023 [Kuzmin S. L., Oyunchimeg J. *The people's rebellion of 1932 in Mongolia*. Ulaanbaatar, 2023 (in Mongolian)].

Майский И. М. *Современная Монголия*. Иркутск, 1921 [Maiskii I. M. *Modern Mongolia*. Irkutsk, 1921 (in Russian)].

Майский И. М. *Монголия накануне революции*. М., 1959 [Maiskii I. M. *Mongolia before revolution*. Moscow, 1959 (in Russian)].

Монгольское законодательство. Вып. 1. Основной закон и приложения. Улан-Батор-хото, 1928 [Mongolian legislation. Pt. 1. Main law and addenda. Ulan-Bator-khoto, 1928 (in Russian)].

МУУГА — Монгол Улсын Үндэсний төв архив, МАН-ын баримтын төв, Улаанбаатар [Mongolian state national archive, Center of the MPP documents, Ulaanbaatar].

Нарандалай П. Улс төрийн хилс хэрэгт хэлмэгдэгсдийг цагаатгах ажлын явц байдал. *Улс төрийн хэлмэгдүүлэлт: шалтгаан, үр дагавар, сургамж*. Улаанбаатар, 2017. С. 20–24 [Narandalai P. Status of the work on rehabilitation of victims of political repressions. *Uls turin kbelmegduulelt: shaltgan, ur dagavar, surgamj*. Ulaanbaatar, 2017. Pp. 20–24 (in Mongolian)].

Новая Монголия. Экономико-политическое и культурное состояние страны. Протоколы 1-го Великого хуралдана МНР. Улан-Батор-хото, 1925 [New Mongolia. Economic, political and cultural status of the state. Protocols of the 1st Great Khuraldan of the MPR. Ulan-Bator-khoto, 1925 (in Russian)].

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, г. Москва [Russian state archive of social and political history, Moscow].

Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Документы. М., 1960 [Revolutionary measures of the people's government of Mongolia in 1921–1924. Documents. Moscow, 1960 (in Russian)].

Рощин С. К. *Политическая история Монголии (1921–1940 гг.)*. М., 1999 [Roshchin S. K. *Political history of Mongolia (1921–1940)*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Сухбаатар Д. *Дондогдулам — «Мать-Дакини» Монгольского государства*. 2011. — <http://savetibet.ru/2011/07/10/mother-dakini-of-mongolia.html> (дата обращения: 18.04.2023) [Sukhbaatar D. *Dondogdulam, the Dakini Mother of the Mongolian state*. 2011. <http://savetibet.ru/2011/07/10/mother-dakini-of-mongolia.html>].

Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн намтрын товчоон. Боть 11 (ред. Ринчин М.). Улаанбаатар, 2008 [Timeline of the state repressions. V. 11. Ulaanbaatar, 2008 (in Mongolian)].

Өлзийбаатар Д. *Яагаад 1937 он?* Улаанбаатар, 2004 [Ulziibaatar D. *Why the year 1937?* Ulaanbaatar, 2004 (in Mongolian)].

Karlonski Ch. *The Lama Question. Violence, sovereignty, and exception in early socialist Mongolia*. Honolulu, 2014.

Larson F. A. *Larson duke of Mongolia*. Boston, 1930.

Lattimore O., Isono F. *The Diluv Khutagt: Memoirs and autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in religion and revolution*. Wiesbaden, 1982.

К ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПО ПОВОДУ КНИГИ Т. ВАТАНАБЭ «МЭЙДЗИЙСКИЕ ЯПОНЦЫ, СОЗДАВШИЕ СОВРЕМЕННЫЙ ТАЙВАНЬ»

© 2023

В. Э. Молодяков¹

Изучение колониального прошлого, прежде всего колониальной политики, наталкивается на серьезные препятствия в виде идеологем «политической корректности», «культуры отмены» и «новой этики». Обязательное моральное осуждение колониальной политики, противоречащей современным представлениям о должном и недожном, предписывает идеологизированное описание и трактовку событий прошлого, что является анахронизмом и входит в противоречие с принципом историзма – методологической основой исторического исследования. В связи с этим особое значение приобретают работы, авторы которых остаются верными принципу историзма. В статье рассматривается круг вопросов, связанных с колониальной модернизацией Тайваня под японским управлением, в связи с недавней книгой японского экономиста, историка и культуролога Ватанабэ Тосио «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань» (2020; английский перевод 2022).

Ключевые слова: Япония, Тайвань, Кодама Гэнтаро, Гото Симпэй, колониальная политика, модернизация, реформы

Для цитирования: В. Э. Молодяков. К истории колониальной модернизации: по поводу книги Т. Ватанабэ «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань». *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 86–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-086-094

TOWARDS THE HISTORY OF COLONIAL MODERNIZATION: ABOUT T. WATANABE'S BOOK 'THE MEIJI JAPANESE WHO MADE MODERN TAIWAN'

Vassili E. Molodiakov

The study of the colonial past, primarily of the colonial policy, encounters serious obstacles in the form of ideological patterns of «political correctness», «cancel culture» and «new ethics». The obligatory moral condemnation of colonial policy, which contradicts contemporary ideas about what is due and what is not, prescribes an ideologized description and interpretation of the events of the past, which is an anachronism and contradicts the principle of historicism – the methodological basis of any historical research. In this regard, research works whose authors remain faithful to the principle of historicism are of particular importance. This article examines a range of issues related to the colonial modernization of Taiwan under Japanese rule, in

¹ Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, Университет Такусёку (Токио, Япония), профессор; dottore68@mail.ru

Vassili E. Molodiakov, doctor of the political sciences, Takushoku University (Tokyo, Japan), Professor; dottore68@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5892-0473

connection with the recent book by the Japanese economist, historian and cultural critic Watanabe Toshio *The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan* (2020; English translation 2022).

Keywords: Japan, Taiwan, Kodama Gentaro, Goto Shimpei, colonial policy, modernization, reforms

For citation: Molodiakov V. E. Towards the history of colonial modernization: about T. Watanabe's book "The meiji Japanese who made modern Taiwan". *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 86–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-086-094

ИДЕОЛОГЕМЫ ПРОТИВ ИСТОРИЗМА: НОВЫЙ ВЫЗОВ

Изучение колониального прошлого, прежде всего колониальной политики, наталкивается на серьезные препятствия в виде идеологем «политической корректности», «культуры отмены» и «новой этики». Обязательное моральное осуждение колониальной политики, противоречащей современным представлениям о должном и недожном, предписывает идеологизированное описание и трактовку событий прошлого, что является анахронизмом и входит в прямое противоречие с принципом историзма — методологической основой исторического исследования.

«С точки зрения одного из отцов-основателей журнала “Анналы” Люсьена Февра, анахронизм — это “смертный грех для историка”, — напомнил в «Словаре историка» (2006; рус. пер. 2011) француз Э. Мазюрель, которого не упрекнуть в историографической «ереси». — По его мнению (Л. Февра — В.М.), нет ничего предосудительнее, чем приписывать обществу прошлого современные ценности. [...] Историк должен осознавать культурную дистанцию, отделяющую его от людей прошедших эпох. Следовательно, ему необходимо, прежде всего, отстраниться от привычных условий существования и, погрузившись в изучаемую эпоху, постараться понять верования, представления о мире, научные знания и способы чувствовать, свойственные людям прошлого» [Словарь историка, 2011, с. 15]. В другой статье этого издания, призванного, по замыслу составителей, «показать изучение истории и работу историка как профессиональную практику» [Словарь историка, 2011, с. 6], Н. Оффенштадт, также «политкорректный» автор, постулировал: «Историк ничего не дает позитивная или негативная оценка мотивов и поступков изучаемых им субъектов. Если, несмотря ни на что, подобные суждения все же появляются, они выглядят комичными, тем более, что высказывать их очень легко ввиду временной дистанции. Более того, давая свою оценку, историк легко впадает в анахронизм». Автор признает, что «историк и его труд неизбежно существуют во времени и более или менее явно зависят от его социального положения и личных взглядов» [Словарь историка, 2011, с. 118], но впадение в анахронизм ни при каких условиях не может быть достоинством исторического исследования. В коллективной статье «Объективность» авторы заявили: «От исследователя требуется не столько объективность, сколько дистанцирование и беспристрастность, подразумевающие, что он должен заглушить свои личные мнения и пристрастия, оставить в стороне оценочные суждения и избегать использования истории для обслуживания чьих-либо целей. В этом смысле история не трибунал; историк должен не судить людей прошлого, но пытаться понять их» [Словарь историка, 2011, с. 117–118]. Как известно, принцип «не судить, а понять» ставил во главу угла корифей французской историографии М. Блок.

Зачем повторять эти азбучные истины профессии, которые должен знать каждый первокурсник? Затем, что новый, переживаемый нами сейчас, виток идеологизации историографии с явной претензией на «введение единомыслия», особенно заметной в многонациональной

англоязычной литературе, наносит ущерб многим направлениям исследований. Игнорировать этот факт нельзя. Более того, господство «политкорректности», подкрепленное действиями академических структур, общественных институтов и СМИ, в числе прочего имеет целью маргинализацию оппонентов и выведение иных точек зрения за пределы научного поля. В меньшей степени это заметно во франкоязычной, русскоязычной и японоязычной литературе, однако в современном мире их роль несравненно меньше роли англоязычной литературы, стремящейся задавать тон в интеллектуальном и информационном поле. Тем большее значение приобретают работы ученых, чья точка зрения отлична от канонов «политкорректности», выпущенные на английском языке профильными издательствами.

ВАТАНАБЭ ГОСИО И ЕГО ВЗГЛЯД НА КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТАЙВАНЬ

В 2022 г. издательство «Lexington Books», базирующееся в Lanham (штат Мэриленд) и входящее в международную издательскую группу «The Rowman & Littlefield», выпустило монографию известного японского историка, экономиста и культуролога Ватанабэ Госио «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань» [Watanabe, 2022], выпущенную на японском языке двумя годами ранее, в переводе американского историка и политолога Роберта Эддриджа. Данная статья не является рецензией на книгу Ватанабэ в оригинале или переводе, но имеет целью рассмотреть точку зрения автора на колониальную политику Японии на Тайване в рамках теории колониальной модернизации, которую автор этих строк полагает наиболее адекватной в приложении к истории первой японской колонии.

Ватанабэ Госио (р. 1939) является одним из самых известных консервативных интеллектуалов современной Японии не только как популярный *opinion-maker*, но и как академический ученый, получивший признание в нескольких сферах. Выпускник университета Кэйо, доктор экономики Ватанабэ преподавал в университетах Канто гакуин, Цукуба, Токийском техническом институте (университете), в университете Такусёку, где занимал посты декана факультета международного развития, ректора и президента (в настоящее время почетный профессор и советник). Его профессиональная репутация основана на исследованиях в области экономики развития, в основном на материале азиатских стран, которые получили признание в Японии (автора неоднократно приглашали участвовать в государственных и парагосударственных исследовательских и аналитических проектах) и были переведены на ряд иностранных языков, включая монографию на английском языке [Watanabe, 1992]. Обладая редким для японской академической среды широким интеллектуальным кругозором, Ватанабэ сочетает анализ современных проблем с изучением их исторического «бэкграунда», причем не только в экономической и политической, но в цивилизационной и культурной сферах. Ему присуще комплексное видение новой и новейшей истории Японии. Его перу также принадлежит ряд книг о японской поэзии, имеющих, по оценке специалистов, не только научные, но и литературные достоинства.

В современной Японии Ватанабэ, автор десятков книг и популярный лектор, мнения которого по актуальным вопросам транслируют ведущие СМИ, является фигурой национального масштаба, однако его известность за границей следует признать незаслуженно малой. Именно поэтому выпуск на английском языке его книги о вкладе японцев в модернизацию Тайваня — точнее, о японской политике модернизации Тайваня в колониальный период — через два года после японского оригинала (обычно процесс затягивается на многие годы) можно только приветствовать.

Российскому читателю, интересующемуся данной проблематикой, взгляд Ватанабэ на модернизацию Тайваня известен по статье «Колониальный Тайвань как модель регионального развития» [Ватанабэ, 2016]. процитирую ключевые выводы, которые нашли развитие в его новой книге, доступной читателю за пределами Японии и, следовательно, подлежащей осмыслению в мировой историографии.

«Экономическое развитие немислимо без человеческого фактора. Кто внес в него больший вклад — население Тайваня или японские колониальные власти? Это деликатный вопрос, на который нет однозначного ответа. В Корею, например, сейчас идут ожесточенные споры по проблемам колониальной модернизации. В доколониальный период местного капитала для проведения модернизации явно не хватало. В колониальный период приток капитала из Японии сделал модернизацию возможной, но она проходила в условиях жесткого японского правления. Японское правление задало определенные векторы развития обеих стран. Именно приток японского капитала на Тайвань и на Корейский полуостров превратил продукцию местного производства в конкурентоспособный товар и вывел их на мировой рынок, включил в мировую торговлю. [...]

Полагаю, никто не оспорит общеизвестный факт, что японские колониальные власти на Тайване вложили огромные силы и средства в создание и развитие системы образования. [...] Признаюсь, не знаю другой страны в мировой истории, которая бы так заботилась о поставке образования в своих колониях. Непосредственно после “замирения” Тайваня японские власти разработали план создания там системы школьного образования, от начальной до средней школы второй ступени, и сразу приступили к его реализации. Так создавались квалифицированные интеллектуальные ресурсы — воспитывались люди, которые разработают новые технологии, применят их на месте и тем самым создадут необходимые условия для долговременного и успешного экономического развития. Я считаю, что это получилось. [...] Этика и культура не позволяют даже победителю присваивать себе все, что ему заблагорассудится. Не соблюдая правил самому, невозможно управлять другими людьми. Стоимость управления, издержки на управление могут быть очень велики. Но правила надо привести в систему, в том числе права конкретной личности. [...]

В первые годы колониального правления тайваньское генерал-губернаторство во главе с Гото Симпэй (гражданский губернатор / начальник гражданского управления в 1898–1906 гг. — В.М.) приложило огромные усилия не только к тщательному изучению того, что есть, но к анализу того, что необходимо изменить, и к выработке планов, как это сделать. Их работа стала основой всей дальнейшей модернизации Тайваня. Хочу подчеркнуть, что взгляды Гото на развитие в полной мере соответствуют тому, что сейчас называется наукой об экономическом развитии. [...] Программу, которую предложил Гото, можно сформулировать так. Сначала тщательно и непредвзято изучить имеющиеся стартовые условия, затем решить, что именно в них надлежит изменить для проведения модернизации, затем — как конкретно провести эти изменения. Политика Японии по управлению Тайванем основывалась на замысле и разработках Гото и проводилась, так сказать, по его дизайну.

Как экономист я считаю, что реализованная японцами на Тайване политика экономического развития в рамках одной страны была правильной, и постарался показать это. Ее достижения не только заложили основу послевоенного “тайваньского экономического чуда”, но и стали успешной моделью регионального развития в Азии».

«Изучение и учет важнейших ресурсов — демографических и земельных — позволили оценить стартовые условия для дальнейшего освоения острова, — отметил Ватанабэ там

же. — Только опираясь на результаты этих исследований, можно было приступать к выработке конкретных планов развития и создания инфраструктуры. Поэтому первой важной задачей японской администрации на Тайване в начале колониального периода было детальное изучение стартовых условий». Как это делалось на практике применительно к человеческому фактору, а именно к населению острова, показал В. Ц. Головачев, назвав соответствующую главу своего исследования «Этнологи на службе у политиков или этнология как основа «научного» колониального управления» [Головачев, 2018, с. 94–106]. Позднее японские этнологи-тайваневеды стали учитывать и «контекст мирового колониального опыта» [Головачев, 2018, с. 107–114], что также продолжало курс, намеченный Гото.

Книга Ватанабэ представляет собой не узкоакадемическое исследование частных вопросов, но дает обобщающую картину, основанную на японских источниках и адресованную не только специалистам. Для иностранного читателя книга ценна тем, что значительная часть содержащегося в ней материала впервые публикуется на английском языке. Автор посвятил отдельные главы самым ярким примерам материального вклада японцев в модернизацию и развитие Тайваня, сохраняющим значение поныне. Первый — работы Исо Эйкити, «отца сельского хозяйства на Тайване», прежде всего выведение высокоурожайного сорта риса «хорай», позднее сыгравшего заметную роль в экономике азиатских стран и в «зеленой революции» [Watanabe, 2022, p. 1–43]. Второй — строительство плотины Няошанью в провинции Гуансян под руководством инженера Хатта Ёити, в результате чего площадь сельскохозяйственных земель существенно расширились [Watanabe, 2022, p. 69–118]. Достойны внимания наблюдения автора о Тайване как «фронтире», в освоении которого приходилось сочетать амбициозные планы модернизации и стартовые условия в виде «старых обычаев» [Watanabe, 2022, p. 51–55]. Это легло в основу политики, которую Гото выработывал и проводил под руководством четвертого генерал-губернатора острова Кодама Гэнтаро.

КОДАМА ГЭНТАРО: «ВОИН И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ»

Шестая глава об «административном стиле Кодама и Гото» заслуживает особого рассмотрения, так как непосредственно затрагивает стратегию и тактику колониальной модернизации. В японской и в зарубежной литературе имеется тенденция приписывать основные успехи колонизации Тайваня в начальный период именно Гото как теоретика и практику «научного» управления, заслуг которого не отрицали даже советские авторы [Годер, 1978, с. 257–258, 265–282], а его начальник-военный как будто остался в тени подчиненного-интеллектуала. Ватанабэ показал подлинную роль Кодама, «воина и государственного деятеля с огромной силой и авторитетом» [Watanabe, 2022, p. 54], в модернизации Тайваня.

«Кодама обладал богатым концептуальным даром и умел быстро воплощать свои идеи на практике. Более того, он отбирал лучших людей для проведения своей политики. В современной истории Японии не так много лидеров со столь разнообразными талантами и сильным духом. Если бы Кодама не был назначен генерал-губернатором в начальный период управления, модернизация Тайваня могла закончиться сокрушительным провалом. Кодама, известный как военный стратег, был исключительным государственным деятелем, который в управлении Тайванем в полной мере продемонстрировал авторитет и силу, приобретенные благодаря военной политике» [Watanabe, 2022, p. 121]. Эта оценка Ватанабэ кажется более верной и историчной, чем представления о пусть даже способном генерале, под покровительством — в лучшем смысле слова — которого самостоятельно расцвел административный дар Гото.

«Кодама доверял людям, на которых остановил свой выбор. [...] Одним из его главных достижений был выбор Гото» — «бюрократа с невероятным воображением и способностью к воплощению замыслов» [Watanabe, 2022, p. 65, 121]. Переживший серьезные неприятности по службе, включая пятимесячное пребывание под стражей по ложному обвинению, Гото поначалу не хотел сотрудничать с Кодама даже в профессиональном качестве врача-гигиениста (речь о дезинфекции японской армии, вернувшейся на родину после войны с Китаем в 1895 г.), но затем согласился, поскольку «при полной поддержке Кодама получил возможность проявить свои способности, несмотря на отсутствие собственной политической базы в правительстве» [Watanabe, 2022, p. 123]. Это определило их совместную работу на Тайване. Полное доверие Кодама к своему гражданскому заместителю выразилось и в том, что он оставлял его «на хозяйстве», сохраняя за собой пост генерал-губернатора острова во время участия в правительстве и службы начальником штаба Маньчжурской армии в русско-японскую войну.

Выбор Кодама в пользу Гото позволил тандему преодолеть сопротивление как прямых военных, сторонников жестких мер в отношении местных «бандитов», так и ограниченных бюрократов в генерал-губернаторстве Тайваня, которые не придавали значения «стартовым условиям». Таковых они постепенно заменяли на способных и энергичных людей из метрополии, получивших возможность проявить себя. Хрестоматийный пример — Нитобэ Инадзо, не только автор «Бусидо», но и специалист в области сельского хозяйства, который по приглашению Гото возглавил одну из важнейших отраслей промышленности модернизируемого Тайваня — сахарную [Watanabe, 2022, p. 138–141]. «В истории нет другого примера того, как колониальное общество или страна продвинулись в сторону развития в таком большом масштабе за такой короткий период времени» [Watanabe, 2022, p. 54]. Возможно, в сказанном есть некоторое преувеличение, но масштаб и сроки модернизации Тайваня под руководством Кодама и Гото действительно имеют мало аналогов.

Обладавший способностями не только военного, но и администратора, Кодама согласился с предложениями Гото сочетать политику «кнута и пряника» в отношении замирения местного населения, сопротивлявшегося новым хозяевам, и в опиумной политике, что вызывало недовольство офицеров, предлагавших «рубить сплеча». «Трудно изменить сердца и умы чиновников и тайваньского населения одним лишь посланием от Вашего превосходительства. Точнее, это невозможно», — писал Гото генерал-губернатору в начале их сотрудничества [Watanabe, 2022, p. 125]. Тот внял советам и позже определил свою политику фразой «Мой долг — контролировать Тайвань, а не завоевывать его» [Watanabe, 2022, p. 128]. Ватанабэ также справедливо обратил внимание на то, что Кодама как военный лучше, нежели Гото, понимал тройное «геостратегическое значение Тайваня» для Японии: для укрепления могущества страны, сопротивления «великим державам» и экспансии в южном направлении [Watanabe, 2022, p. 65].

Гото Симпэй: «УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ БИОЛОГИИ»

«Управление колонией должно быть полностью основано на принципах биологии в соответствии с сегодняшними достижениями науки, — писал Гото в начале 1898 г., еще до назначения гражданским губернатором. — Что является основой биологии? Она заключается в содействии научно организованной жизни и в создании фундамента для производства, индустрии, санитарии, образования, транспорта, охраны порядка, чтобы они могли развиваться конкурентоспособно и реализовывать принцип выживания сильнейшего» [Watanabe, 2022, p. 130]. «В основе биологического принципа Гото лежал социал-дарвинизм», — делает

вывод Ватанабэ [Watanabe, 2022, p. 134], используя «страшное» для современной «политкорректности» слово. Спекулируя на нем, Гото можно объявить расистом, если не предшественником нацизма. Применение принципа историзма в сочетании с элементарным здравым смыслом и уважением к фактам показывает, что это совершенно не так.

«К моменту приезда на Тайвань у Гото уже сложились четкие принципы и представления» [Watanabe, 2022, p. 132–133]. Он исходил прежде всего из собственного профессионального опыта врача и управленца, доктора медицины Берлинского университета в области санитарии и бывшего начальника Бюро гигиены МВД, что в тогдашней административной системе Японии можно считать аналогом посту министра здравоохранения. В конце 1880-х и в первой половине 1890-х годов именно Гото составил программные документы и базовые учебные пособия по «гигиене» (яп. *эйсэй*). В это понятие он вкладывал широкий смысл, включавший профилактическую медицину, государственное здравоохранение и даже общественное благосостояние (он был поклонником социальной политики О. фон Бисмарка, методы и результаты которой изучал во время стажировки в Германии в 1890–1892 гг.). Неудивительно, что эта часть наследия Гото сейчас привлекает к себе большое внимание в Японии — в том числе в связи с проблемой коронавируса [Гото Симпэй 2023, с. 250–261].

Гото перешел на должность гражданского губернатора Тайваня с должности директора Бюро гигиены МВД, которую с 1896 г. сочетал с работой советником генерал-губернаторства по вопросам санитарии и гигиены. То, что Кодама выбрал своей «правой рукой» именно санитарного врача с опытом управленца, объясняли тяжелой эпидемиологической ситуацией, которую требовалось радикально исправить, прежде чем приступить к какому бы то ни было освоению острова. В этой узкоспециальной сфере Гото был одним из лучших профессионалов тогдашней Японии, однако его знания, компетенции и амбиции выходили далеко за ее пределы. «Гото хотел использовать улучшение ситуации со здравоохранением и гигиеной как символ хорошего управления Тайванем», — справедливо заключает Ватанабэ [Watanabe, 2022, p. 133]. Под «управлением на основе принципов биологии» Гото имел в виду и это.

Другой не менее показательный пример использования им «принципов биологии» относится к понимаю важности «старых обычаев» как части стартовых условий. «Он объяснял, что биологически невозможно просто пересадить живые организмы, выросшие в одном регионе, в другой регион. Они должны адаптироваться» [Watanabe, 2022, p. 125]. Речь шла не только о сельском хозяйстве, но прежде всего об администрации, праве и образовании. В начале колониального периода ретивые чиновники генерал-губернаторства полагали, что достаточно перенести на Тайвань японские законы, правила и принципы и применять их «как есть», то есть навязать их местному населению и силой добиться исполнения. К моменту назначения Кодама и Гото стало ясно, что такие действия если и дают результаты, то обратные желаемым.

По убеждению гражданского губернатора, «государственная власть не должна осуществляться в одностороннем порядке, игнорируя обычаи и институты, передававшиеся из поколения в поколение. Напротив, должно в полной мере принимать и учитывать обычаи и институты места, где эта власть осуществляется, и по возможности не вступать с ними в противоречие» [Watanabe, 2022, p. 135]. В статье «Глаза окуня и глаза камбаль» Гото писал:

«Глаза окуня расположены по обе стороны головы, глаза камбалы — только на одной, что довольно нелепо. [...] Природа позаботилась о том, чтобы у живых существ глаза были с обеих сторон, дабы обеспечить им необходимый обзор. То же самое важно и в политике. Существующие в обществе обычаи и его система возникли не просто так, но имеют свои причины и порождены длительной необходимостью. Каковы бы ни были эти причины, насаждение

в неразвитой стране культуры и политической системы цивилизованного государства может вызвать недовольство и отторжение. Этого нельзя допустить. Поэтому, приступив к управлению Тайванем, мы начали с тщательного, научного исследования существовавшей там прежней общественной системы и старых обычаев, а затем уже проводили политику в отношении местного населения, исходя из этого знания. Сразу ввести на Тайване законодательство метрополии, без каких-либо изменений и адаптации к местным условиям, было бы подобно [одностороннему] взгляду камбалы, а не окуня. Это было бы непониманием того, что есть настоящая политика» (цит. по [Ватанабэ, 2016, с. 15–16]).

«Биологизм» политики, предложенной Гото, выразился не в расовой дискриминации, напротив — в комплексном научном изучении местного населения. Оно началось еще до его прибытия на Тайвань, но именно при нем стало частью деятельности колониальной администрации и пользовалось ее покровительством. Поэтому более корректной — и без «страшного» слова «социал-дарвинизм» — представляется формулировка В. Ц. Головачева: Гото «считал, что курс всей политики, все планы управления нужно строить на основе этнологии» [Головачев, 2018, с. 94].

Конечно, Кодама и Гото были колониальными администраторами. Думая прежде всего об интересах метрополии, они в стратегической перспективе видели Тайвань ее частью, что более соответствует французской, а не британской модели управления колониями. Они хотели доказать, что не-«белая» и не-христианская Япония может успешно вести колониальную политику и «цивилизовать», как тогда выражались, «дикарей» не хуже «белых» христианских держав. Гото говорил об этом прямо. Этой цели, как отметил Ватанабэ, служили и его усилия сделать Тайвань независимым от метрополии в финансовом отношении, что он считал важным не только тактически, но и стратегически [Watanabe, 2022, p. 136].

Необходимо указать еще один принципиально важный момент, которого автор коснулся лишь в заключении, процитировав опубликованный в 1987 г. вывод американского историка М. Питти: «Присутствие и стиль жизни японцев в колониях выглядели по-западному. Однако структура колониальной *политики*, какой она сложилась в первой половине имперского периода, в большей степени моделировалась не по конкретным европейским образцам, а по исключительно успешному модернизационному рывку, который Япония предприняла в течение трех десятилетий после того, как мэйдзийское руководство сломало феодальный токугавский порядок, по программе реформ, которые в значительной части основывались, конечно, на западном примере. [...] Всё, что Япония делала в своих колониях в первую четверть века, было основано на опыте внутренних реформ периода Мэйдзи» [Watanabe, 2022, p. 136]. В этих внутренних реформах после консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868) так или иначе участвовали все «мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань». Их логику можно представить так: получилось в Японии — получится и на Тайване. В том, что в Японии «получилось», сомнений к началу периода колониального правления не было. Модернизация заморской колонии во многом отличалась от модернизации метрополии, но в самой мэйдзийской Японии деревню называли «внутренней колонией». В обоих случаях модернизация была связана с большими жертвами, но в целом шла по одному пути.

«С точки зрения экономического, социального и культурного развития японское управление Тайванем оказалось гораздо более успешным, чем любой колонией западных стран, — подытожил Ватанабэ. — [...] Японское управление Тайванем явно было нацелено не на эксплуатацию и ограбление, как колониальное правление других стран. Оно стало пересадкой японской модели современной цивилизации на Тайвань с учетом местных традиций и обычаев» [Watanabe,

2022, p. 153–154]. Сформулированный таким образом вывод выглядит апологетическим, особенно во второй фразе, но в целом отражает присущее японской историографии стремление противопоставить колониальную политику Японии колониальной политике западных стран, вплоть до тенденции именовать Тайвань «заморской территорией» (яп. *гайти*), а не «колонией» (яп. *сёкүминти*).

В дискуссиях с японскими историками, включая Ватанабэ, автор этих строк оспаривал тезис «Тайвань под японским управлением не был колонией», указывая, что с точки зрения мировой историографии он таковой, конечно, был. Японское правление на Тайване заслуживает дальнейшего изучения как в рамках сравнительно-исторического исследования колониальной политики, так и применительно к модернизации Японии. Книга Ватанабэ Тосио «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань», доступная благодаря переводу на английский язык широкой читательской аудитории, при спорности отдельных утверждений является полезным вкладом в это изучение. В 2021 г. автор выпустил книгу «Тайвань Гото Симпэй» [Ватанабэ, 2021], японский подзаголовок которой «Человек тоже одно из живых существ» он сам перевел на английский язык как «Улучшение колониальной администрации путем применения биологических принципов» (*Improving Colonial Administration Through the Application of Biological Principles*) [Watanabe, 2022, p. 161]. Ее тоже хотелось бы увидеть в переводе на английский язык.

Литература / References

Ватанабэ Т. Колониальный Тайвань как модель регионального развития // *Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования*. М., 2016. С. 8–16 [Watanabe T. Colonial Taiwan as a Model of Economic Development // *Taiwan Under Japanese Rule: New Materials and Studies*. Moscow, 2016, pp. 8–16 (in Russian)].

Ватанабэ Т. *Гото Симпэй-но Тайван. Дзинруй мо мата сэйбуцу-но хитоцу нари*. Токно, 2021 [Watanabe T. *Goto Shimpei's Taiwan. Man is also One of Living Beings*. Tokyo, 2021 (in Japanese)].

Головачев В. Ц. *Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII–XXI вв.* М., 2018 [Golovachev V. Ts. *Ethno-Political History of Taiwan in World Historiography XVII–XXI centuries*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Гото Симпэй. Эйсей-но мити. (Гото Симпэй. Путь гигиены). Токно: Фудзивара сэтэн, 2023 [Goto Shimpei. *Eisei-no michi*. Tokyo: Fujiwara shoten, 2023. *Goto Shimpei. The Way of the Hygiene*. Tokyo, 2023 (in Japanese)].

Словарь историка / Сост. Г. Дюфо, Э. Мазюрель, Н. Оффенштадт. М., 2011 [Historian's Dictionary. (Ed.) G. Dufaud, H. Mazurel, N. Offenstadt. Moscow, 2011 (in Russian)].

Тодер Ф. А. *Тайвань и его история (XIX в.)*. М., 1978 [Toder F. A. *Taiwan and Its History (XIXth century)*. Moscow, 1978 (in Russian)].

Watanabe T. *Asia: Its Growth and Agony*. Boulder CO: East-West Center, 1992.

Watanabe T. *The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan*. Translated by Robert D. Eldridge. Lanham MD: Lexington Books, 2022.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-095-106

**ВИШВА ХИНДУ ПАРИШАД В 1960–1970-е ГОДЫ:
СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСНОВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

© 2023

А. А. Зайцев¹

Вишва хинду паришад (ВХП) – одна из самых влиятельных в Индии индуистских националистических организаций, которая занимается консолидацией и укреплением индуистской общины в Индии и за ее пределами, защитой и пропагандой традиций и ценностей индуизма, поддержанием контактов с индийской диаспорой. Она была создана в 1964 г. на пороге больших политических потрясений в истории Республики Индия.

Основные элементы и направления деятельности этой организации достаточно подробно освещены в отечественной историографии, в частности в публикациях Б. И. Ключева, А. А. Куценкова и В. П. Кашина, а вот ее история, особенно первые годы ее существования, на данный момент изучены слабо. И это притом, что ВХП играет одну из ведущих ролей в утверждении индуистского национализма в Индии благодаря своей активности.

Целью статьи является освещение первых двух десятилетий деятельности ВХП. Главное внимание уделено организационному и идеологическому становлению организации, личностям и социальному составу ее основателей, а также результатам ее деятельности в этот период. Рассмотрены и предпосылки создания ВХП.

В исследовании использованы материалы с официального сайта организации – основного источника информации о мероприятиях, проводимых Вишва хинду паришад в обозначенный период. Изучение раннего периода деятельности ВХП позволяет получить более глубокое представление об одной из основных националистических организаций Индии и ее идеологической составляющей.

Ключевые слова: Вишва хинду паришад, Индия, хиндутва, национализм, Раштрия сваямсевак сангх, индуизм, диаспора

Для цитирования: Зайцев А. А. Вишва хинду паришад в 1960–1970-е гг.: становление организации и основные виды деятельности. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 95-106. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-095-106

**VISHWA HINDU PARISHAD IN THE 1960–1970s: FORMATION OF THE
ORGANIZATION AND MAIN ACTIVITIES**

Andrey A. Zaytsev

¹ Зайцев Андрей Алексеевич, аспирант 1-го года обучения Института востоковедения РАН, Москва; andrey.zaytsev1998@yandex.ru

Andrey A. Zaytsev, 1st year post-graduate student of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; andrey.zaytsev1998@yandex.ru

Vishva Hindu Parishad (VHP) is one of the most influential Hindu nationalist organizations in India, which is engaged in consolidating and strengthening the Hindu community in India and beyond, protecting and promoting the traditions and values of Hinduism, and maintaining contacts with the Indian diaspora. It was established in 1964 on the verge of great political upheaval in the history of the Republic of India.

The main elements and activities of this organization are covered in sufficient detail in Russian historiography, in particular, in the publications of B. I. Klyuev, A. A. Kutsenkov and V. P. Kashin, but its history, especially the first years of its existence, is currently moment is poorly understood. And this despite the fact that the VHP plays one of the leading roles in the establishment of Hindu nationalism in India through its activity. The purpose of the article is to cover the first two decades of the activities of the VHP, the formation of the ideology and the first events of this organization.

The main attention is paid to the organizational and ideological formation of the organization, the personalities and social composition of its founders, as well as the results of its activities in the first two decades of its existence. We will consider the main reasons and prerequisites for the creation of the VHP. The study used materials from the official website of the organization, which is the main source, which describes the main activities carried out by Vishva Hindu Parishad in the designated period. The study of the early period of the VHP allows you to get a deeper understanding of one of the main nationalist organizations in India and its ideological component.

Keywords: Vishva Hindu Parishad, India, Hindutva, nationalism, Rashtriya Swayamsevak Sangh, Hinduism, Diaspora

For citation: Zaitsev A. A. Vishva Hindu Parishad in the 1960–1970s: Formation of the Organization and main activities. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 95–106. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-095-106

Приход к власти в Индии в 2014 г. представителей Бхаратия джаната парти во главе с Нарендрой Модии ознаменовал утверждение индульского национализма в качестве государственной идеологии, которая в настоящее время во многом определяет внутреннюю и внешнюю политику республики.

Идеология индульского национализма зародилась в реформаторских движениях Индии второй половины XIX в., а окончательно сформировалась в период активного развертывания национально-освободительного движения в первой половине XX в. Первая политическая партия в Индии, отстаивавшая интересы ортодоксальных индульсов и противостоявшая светскому, «инклюзивному» национализму Индийского национального конгресса (ИНК), была создана в 1915 г. под названием Акхил Бхарат Хинду масахабха (Всеиндийский Великий союз индульсов) и существует до сих пор.

В 1923 г. идеология индульского национализма получила теоретическое обоснование в работе Винаяка Дамодара Саваркара «Hindutva: Who Is a Hindu?». Автор ввел понятие «хиндутьва» (индульскости) для определения национальной идентичности, которая отождествлялась им с религиозной принадлежностью к индулизму. Сам Саваркар рассматривал хиндутьву как критерий определения индульсов, в который включались мироощущение, культура и образ жизни. В его труде были обоснованы базовые понятия идеологии хиндутьвы, такие как «общая нация» (раштра), «общая раса» (джати) и «общая культура или цивилизация» (санскрити). Эта идеология взывала к патриотическим чувствам индульсов, поскольку для них Индия — святая земля, на которой находятся все индульские святыни.

Создание в 1925 г. Раштрии сваямсевак сангх (РСС, в переводе — Союз добровольных слуг родины) во главе с Кешаврао Балирамом Хедгеваром позволило идеологии хиндутьвы обрести четкие организационные формы. В задачи этой организации входили защита индийской

культуры и ценностей индийского общества, патриотическое воспитание индусов и распространение идеологии хиндутвы, чтобы «укрепить» индусское сообщество. Была определена и главная цель — формирование хинду раштры (индусской нации). Уже при Хедгеваре организация обрела четкую иерархическую структуру². Основой РСС являются прачараки (миссионеры) — профессиональные руководители, преданные делу индусского национализма. Прачараки давали обет безбрачия, обязывались вести образ жизни садху³ и полностью отдаться делу индусского возрождения. Прачараки сыграли важную роль в распространении организации по всей территории страны. В РСС на сегодняшний день входят около 2500 прачараков.

В первые годы своего существования РСС оставался замкнутой организацией, он представлял собой небольшую группу друзей и единомышленников Хедгевара. У него была узкая социальная база, которую составляли только брахманы и местная аристократия. С получением Индией независимости в 1947 г. деятельность РСС изменилась кардинальным образом: у него появилась возможность расширить свою социальную базу и привлечь большее количество сторонников. РСС провел масштабные преобразования своего кадрового аппарата, идеологии и организационной структуры, в него стали вступать индийские политики разного уровня, а его идеологи обратились к массовым слоям индийского общества — крестьянам, рабочим, зарождавшемуся среднему классу, ремесленникам и т. д. [Куценков, 2010, с. 85]. В связи с расширением масштабов деятельности и на волне присоединения волонтеров РСС к различным социальным и политическим движениям в Индии, таким как движение Бхуда⁴, преемник Хедгевара на посту верховного лидера РСС Мадхав Садашив Голваркар в 1960-е гг. принимает решение создать сеть родственных структур под названием Сангх паривар (Семья Сангха), в которой каждой организации будет отведено определенное поле деятельности. Одной из таких организаций стала Вишва хинду паришад.

Вишва хинду паришад (विश्व हिन्दु परिषद; в переводе — Всемирный совет индусов) — самая авторитетная и массовая индусская организация, которая занимается консолидацией и укреплением индусской общины в Индии и за ее пределами, защитой и пропагандой традиций и ценностей индуизма и поддержанием контактов с индийской диаспорой. Она была основана 29 августа 1964 года в Мумбаи во время съезда РСС, на котором присутствовали лидеры всех религий, сложившихся на Индийском субконтиненте (их называют дхармическими), в том числе Далай-Лама XIV.

Инициатором ее создания стал Мадхав Садашив Голваркар. Именно он смог привлечь ряд религиозных лидеров в ВХП призывом о том, что они должны работать на благо единства индусского общества. Еще 12 августа 1964 г. Голваркар объяснял причину создания ВХП тем, что она сможет помочь индусам исполнить основную миссию националистов: «Настоящая проблема с нами в этой стране заключается в том, что перед нами нет великой цели, нет чувства миссии. Без такого чувства высокой миссии ни одна страна не может стать великой» [Shri Gurujī sahs, 1964, p. 5]. Также Голваркар отмечал, что давно назрела необходимость в переосмыслении

² Во главе стоял сарсангчалак (верховный вождь, первым верховным вождем РСС стал сам Хедгевар), за ним шли саркарьява (генеральный секретарь), сах-саркарьява (заместитель генерального секретаря), вичараки (идеологи).

³ Садху — аскеты, которые полностью посвящают свою жизнь достижению мокши — освобождения путем медитаций и познания Бога.

⁴ Бхудан — движение за земельные реформы 1950–1960-х гг., возглавляемое гандийцем Винодом Бхаве, в ходе которого пытались убедить богатых землевладельцев добровольно отдать часть своей земли безземельным крестьянам.

дхармашастр⁵ и пересмотре некоторых практик на фоне растущих вызовов — как внутренних, так и внешних — для индуусского общества и индуусской дхармы [Katju, 1998, p. 41].

РСС не стал самостоятельно решать такие задачи, его основная цель — укрепление национального духа и патриотизма индусов через вербовку юношей в свои ряды, а не вопросы, связанные с дхармой. Создание Вишва хинду паришад нужно было для удовлетворения вышеобозначенных религиозных потребностей и вовлечения в идеологию хиндутвы более широких слоев населения: индуусского духовенства, мелкой буржуазии, консервативной части интеллигенции. В итоге это помогло РСС увеличить число своих сторонников и распространить свою идеологию на более широкую аудиторию.

Помимо возвращения в индуизм тех, кто был обращен в христианство или ислам, и необходимости организовать связи с индусами по всему миру с предоставлением им необходимых условий для поддержания индуусской веры в их повседневной жизни, РСС поставил задачу привести всех санньясинов⁶ и ортодоксальных лидеров общественного мнения на общую платформу, чтобы их совместное влияние могло быть направлено на общее благо всего индуусского общества⁷. ВХП и стал такой платформой.

Причиной основания этой организации была активная деятельность христианских миссионеров и обращение индийского населения в христианство, особенно в северо-восточной Индии, в районе компактного проживания племен, где уже тогда были сильны сепаратистские настроения. В частности, вооруженное противостояние с правительством Индии шло в Нагаланде. Непосредственным поводом стало заявление Папы Римского Павла VI о созыве в Мумбаи в августе 1964 г. евхаристической конференции, в преддверии которой 250 индийцев были обращены в христианство [Кашин, 2011, с. 36]. Это заявление вызвало межконфессиональное обострение в Мумбаи. Павел VI отказался от проведения конференции, но индуусские националисты посчитали это попыткой разделить индуусское общество и поводом для создания организации по защите индуизма от наступления со стороны других мировых религий.

На съезде 29 августа 1964 г. президентом ВХП избрали Свами Чинмаянанду (настоящее имя — Балакришна Менон; 1916–1993), индуусского духовного лидера и учителя. До создания ВХП Чинмаянанда в 1951 г. основал миссию Чинмая — всемирную некоммерческую организацию для распространения знания Адвайта-Веданты, Бхагавад-гиты, Упанишад и других древних индуусских писаний. Чинмаянанда является автором 95 публикаций, включая комментарии к основным Упанишадам и Бхагавад-гите. Он был приглашенным профессором индийской философии в нескольких американских и азиатских университетах, а также проводил университетские лекционные поездки во многих странах. Подход Чинмаянанды характеризовался обращением к индийскому среднему классу с английским образованием и индийской диаспоре; он читал лекции и публиковал книги на английском языке.

Именно Свами Чинмаянанда сказал, что основной целью организации было «пробудить индусов и заставить их осознать свое гордое место в сообществе наций. Как только мы заставим каждого индуса осознать свою собственную идентичность, Паришад сделает свое дело, и мы почувствуем себя полностью вознагражденными» [Katju, 1998, p. 42].

⁵ Дхармашастры — древнеиндийские тексты, объясняющие религиозные правила поведения индусов. На сегодняшний день известно около 20 текстов.

⁶ Санньясины — странствующие монахи, отказавшиеся от материальной жизни и сосредоточившиеся на духовной, а также занимающиеся миссионерской деятельностью.

⁷ Vision and mission. Rashtriya Swayamsevak Sangh Website. <https://www.rss.org//Encyc/2012/10/22/rss-vision-and-mission.html> (дата обращения: 14.01.2023).

Более подробно разъяснили цели ВХП уже на первом собрании организации в 1964 г. два других основателя и идеолога — доктор Канхалаял Манеклал Мунши и Шива Шанкара Апте, первый генеральный секретарь организации.

Канхалаял Манеклал Мунши (1887–1971), гуджаратский брахман, был министром внутренних дел Бомбея в качестве члена партии ИНК. Он вышел из состава Конгресса в 1959 г. и стал одним из основателей партии Сватантра. Юрист по профессии, позже он стал писателем и политиком. Он хорошо известен в гуджаратской литературе. В 1938 году Мунши основал образовательный фонд Бхаратия Видья Бхаван, чья деятельность основана на учении «Бхагавад-гиты». Активный сторонник концепции Акханд Бхарат⁸, он при этом, в отличие от многих националистов, стоял за продолжение использования английского языка в Индии до тех пор, пока все части страны не примут хинди в качестве национального языка [Katiu, 1998, p. 45].

Шива Шанкара Апте (1907–1985), брахман из Махараштры, после окончания юридического факультета Бомбейского университета начал юридическую практику в качестве младшего юриста под руководством К. М. Мунши, после чего стал журналистом в «Хиндустан Самачар», первом полиязычном новостном агентстве Индии. Став прачаракон РСС, Апте организовал учредительную конференцию ВХП в 1964 г., занимался привлечением различных общественно-политических и религиозных лидеров в эту организацию.

Мунши и Апте свели цели ВХП к трем основным пунктам:

1. Принять меры по консолидации и укреплению индусского общества.
2. Защищать, развивать и распространять индусские ценности — этические и духовные — в контексте современности.
3. Установить и укрепить контакты с индусами за границей и оказать им необходимую помощь⁹.

Первые два пункта являются продолжением генеральной линии РСС, который поставил такие задачи задолго до основания ВХП. Однако лидеры последнего считают консолидацией индусского общества работу по унификации обрядов, ценностей индуизма, приданию им определенного единообразия [Клюев, 2002, с. 216].

Последний пункт объясняет смысл названия организации, он указывает на международный характер ее деятельности. По мнению идеологов ВХП, прежде всего Свами Чинмаянанды и Шивы Шанкары Апте, индусский мир — мир всех людей, которые верят, уважают и следуют принципам индуизма, и он не ограничивается территорией Индии. Чинмаянанда и Апте были серьезно обеспокоены состоянием индийской диаспоры, поскольку в ее среде не распространены сведения о религиозных и культурных ценностях Индии, особенно среди детей, которые в принципе не знакомы с индусскими ценностями и традициями. Апте писал: «За пределами нашей великой Республики проживает более 20 миллионов индусов, разбросанных примерно по 40 странам и королевствам, включая Непал и Пакистан. За исключением единственного суверенного королевства Непал, провозглашенного индусским государством и гордо сохраняющего свое индусское наследие, в каком шатком положении живут индусы, вызывает ужасное сожаление. Если оставить в стороне политические затруднения и проблемы, с которыми приходится сталкиваться нашим зарубежным братьям-индусам и от которых им приходится бежать, неужели мы даже не будем думать об их трудностях и нуждах как об индусах? Эти миллионы

⁸ *Акханд Бхарат* («Неделимая Индия») — это термин, обозначающий концепцию единой Великой Индии, состоящей не только из территории Республики Индия, но и включающей территорию Пакистана, Бангладеш, Непала, Бутана, Мьянмы, Мальдив, Шри-Ланки, Тибета, Афганистана. Активно поддерживается РСС и ВХП.

⁹ Inception of VHP. Vishva Hindu Parishad — Official Website. <https://vhp.org/organization/4/> (дата обращения: 10.01.2023).

наших братьев, которые переселились и осели в ближних и дальних странах, с одной стороны, теряют свое место, положение и политические права, и в этом вопросе никто, кроме нашего правительства, не может им помочь. Они также теряют свои связи и привязанность к религиозному, культурному и духовному наследию, к которому они испытывают крайнюю любовь и преданность и которое они искренне хотят укрепить. Обязанность общественных организаций — обеспечивать их потребности и удовлетворять их жажду духом и содержанием наших благородных жизненных ценностей» [Apte, 1964, p. 16]. Апте считал, что у каждого индуса есть определенные обязанности по отношению к древнему индуистскому наследию, наиболее важной из которых было «объединить различные веры и секты, вероучения и религии, возникшие в священном климате Бхараты, и объединить их бесчисленных приверженцев, сторонников и последовательниц, которые распространены здесь и за границей. Простого объединения их будет недостаточно, поскольку новое пробуждение должно быть внесено в их сердца, чтобы они лелеяли законную гордость за свою Дхарму, традиции, культуру и историю» [Apte, 1989, p. 57].

Главными врагами индуизма названы христианство, ислам и коммунизм, которые стремятся приобщить индусов к своим идеям. Среди националистов росло опасение, что заброшенная за пределы Индии часть индусского общества станет особой мишенью для обращения в свою веру со стороны христианских и мусульманских миссионеров, а индусские священнослужители отказывались принимать неиндусов в лоно индуизма под ложным представлением о том, что индусская дхарма этого не допускает [Katju, 1998, p. 41]. Отсюда необходимость в создании организации для поддержания контактов индусов по всему миру, чтобы они могли черпать вдохновение из культурного и духовного наследия Индии и уберечь их от влияния других идеологий и религий. Данный пункт стал новым словом в деятельности индусских националистов — индуизм предстал в их глазах не просто религией большинства индийцев, а одной из мировых религий, сопоставимой по масштабу с христианством и исламом, нуждающейся в защите и укреплении.

Апте высоко ценил роль предыдущих организаций, занимавшихся такой работой без обозначения их названий, однако подчеркнул, что их революционный порыв угас, они потеряли импульс в своей деятельности, поэтому не могут создать цельную программу, которую могли бы одобрить в правительстве Индии и других стран. ВХП, по его мнению, такую программу создать способен. Для Апте укрепление индусской солидарности по всему миру и материальное и духовное поощрение индусов поможет обогатить культуру стран их пребывания, что является для ВХП доминирующей идеей [Apte, 1964, p. 16].

Также Апте обосновал внедрение слова «индус» в название организации. Он считает, что в этом слове нет ничего грязного, обидного и оскорбляющего. Только оно способно объединить представителей всех дхармических религий. К тому же другие общеупотребимые термины в Индии, такие как «арья» и «Бхарат», потеряли свое первоначальное значение, политизировались и не смогут объединить индусов по всему миру. «Только слово индус обезоружило бы все подобные сомнения и страхи за границей. Отсюда и выбор» [Apte, 1964, p. 16].

Помимо М. С. Голваркара, С. Чинмаянанды, М. К. Мунши и Ш. Ш. Апте основателями и идеологами ВХП также считаются К. П. Рамасвами Айяр (1879–1966), мастер Тара Сингх (1885–1967), Хануман Прасад Поддар (1892–1971). Рамасвами Айяр — бывший член ИНК, один из секретарей этой партии. В 1955 г. он был назначен вице-канцлером Индусского университета Варанаси, а в 1961 г. — председателем комитета по реформе индусских храмов в РСС.

Мастер Тара Сингх был индийским сикхским политическим и религиозным деятелем первой половины XX в. Он стал лидером политической партии Широмани Акали Дал, главной

силой в сикхской политике, также был связан с Комитетом Широмаи Гурдвара Парбандхак¹⁰ — высшим органом, который имел дело с местами поклонения сикхов — гурдварами. Покинул партию, когда Акали Дал занял сепаратистские позиции. Участие сикха в организации ВХП имело важное значение, поскольку для националистов сикхи составляли органическую часть индусского общества вместе с джайнами и буддистами.

Хануман Прасад Поддар был членом Хинду Махасабха, позже стал членом ИНК и вошел в его правое крыло. Он был основателем издательства «Гита Пресс» в Горакхпуре, которое предоставляло упрощенные переводы, комментарии и интерпретации ведийских и постведийских писаний по номинальной цене. Типография, которая специализировалась на печати переводов древних санскритских текстов, сделала их понятными для говорящих на хинди слоев населения, преодолев разрыв между классическим санскритом и упрощенным разговорным хинди. Книги издания «Гита Пресс» впоследствии сыграли определяющую роль в формировании националистической концепции истории, которая сформировала современную идею о славном и некротимом индийском прошлом [Katu, 1998, p. 49].

Между учредительной конференцией ВХП и первой Всемирной конференцией индусов было проведено две встречи лидеров новосозданной организации. Первая из них состоялась 24 ноября 1964 г. в Нью-Дели, в Международной академии индийской культуры. На ней был избран новый президент организации, Джая Чамараджа Водеяр, бывший махараджа Майсура, новый вице-президент Ч. П. Рамасвами Айяр, генеральным секретарем остался Ш. Ш. Апте. Главное — было принято решение о проведении Всемирной конференции индусов в Аллахабаде (Праяге) во время Кумбха Мела¹¹ и подготовки к ней¹². Следующее заседание состоялось 27–28 мая 1965 г. в Майсуре, в Летнем дворце махараджи. На нем обсудили подготовку к Всемирной конференции индусов и было принято решение о необходимости создания аналогичных ВХП организаций за пределами Индии в тех странах, где проживает значительное индусское население, и оказания им помощи, при этом никоим образом не вмешиваясь в политические и иные процессы этих стран¹³.

Свое окончательное оформление Вишва хинду паришад получил на первой Всемирной конференции индусов в январе 1966 г. в Аллахабаде (Праяге). На ней присутствовали 25 тысяч делегатов. Среди них было много официальных лиц: губернатор штата Уттар-Прадеш Вишванатх Дас, губернатор штата Бихар Анантпайанам Ийянгар, губернатор Западной Бенгалии доктор Кайлашнатх Катджу, премьер-министр Непала Тулси Гири и многие другие, на ней присутствовал и М. С. Голваркар. Приветствие участникам конференции направил президент Индии Сарвепалли Радхакришнан. Кроме того, присутствовало большое количество делегатов из стран

¹⁰ Высший комитет управления Гурдвары.

¹¹ Кумбха Мела (в переводе — «праздник кувшина») — индусский праздник, справляемый раз в 12 лет в нескольких священных городах Индии. Праздник связан с мифом о пахтании (застывании) океана, при котором из вод явился сосуд (кумбха) с амритой, напитком бессмертия. Сначала сосуд был захвачен асурами (демонами), но затем похищен у них сыном Индры Джаянтой, принявшим облик птицы; 12 дней летал он, преследуемый асурами, и опускаясь отдохнуть поочередно в Праяге (Аллахабаде), Хардваре, Насте и Удждаши. Эти города, освященные прикосновением к их земле сосуда с амритой, стали тиртхами (священными местами, где есть источник, пруд, озеро, река или море, воды которых считаются святыми). Фестиваль отмечается ритуальным погружением в воду, но это также праздник общественной торговли с многочисленными ярмарками, религиозными беседами святых, массовыми собраниями монахов и развлечениями. Цит. по: Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. М., 1996. С. 249.

¹² Second Meeting of the Parishad. Vishva Hindu Parishad — Official Website. <https://vhp.org/organization/16/> (дата обращения: 10.01.2023),

¹³ Third Meeting of the Parishad. Vishva Hindu Parishad — Official Website. <https://vhp.org/organization/17/> (дата обращения: 10.01.2023).

Юго-Восточной Азии, Африки, Шри-Ланки, Тринидада и Тобаго, Фиджи, Великобритании, США, Таиланда и др., где сосредоточены крупнейшие индийские диаспоры.

Эта конференция проводилась ВХП для обсуждения тех целей, которые были утверждены за два года до этого. По ее итогам было принято 11 резолюций, но основополагающими были пять из них:

1. Резолюция о возвращении индусов в лоно индуизма. На конференции было принято важное решение относительно тех индусов, которые оставили свою дхарму из-за невежества. В резолюции очень четко упоминается: «Стало тем более важно, чтобы любой человек, который готов вернуться к Свадхарме (Дхарме своих предков) добровольно и без какого-либо принуждения, должен быть принят и ассимилироваться с другими индусами».
2. Резолюция о храмах. В соответствии с ней всем администраторам и попечителям храмов, матхов и ашрамов¹⁴ было предложено предпринять немедленные усилия для восстановления истинного значения этих мест путем проведения необходимых изменений и реформ. Священные места веками были защитными центрами индуистской дхармы и культуры. Но в силу некоторых случайных обстоятельств некоторые из них с течением времени утратили свой престиж и полезность. Следовательно, их древняя слава и социальное положение должны быть восстановлены еще раз, чтобы сделать их центрами социальных реформ в Индии.
3. Резолюция о запрете забоя коров. В ней сделан призыв к правительству Индии принять закон, запрещающий забой коров по всей стране без дальнейших промедлений, при должном уважении к религиозным чувствам индусов.
4. Резолюция о санскрите. В ней поручено правительству расширить возможности обучения санскриту внутри и за пределами Индии, чтобы укрепить единство среди индусов, рассеянных по всему миру; чтобы индусы, живущие за границей, могли свободно пользоваться своими дхармическими и культурными знаниями.
5. Резолюция о консолидации индусов за границей. Провозглашено, что индусы, живущие за границей, постепенно отчуждаются от своей родной земли и Дхармы. Точно так же они отрезаны от своих традиционных дхармических, социальных и культурных ценностей¹⁵.

После проведения данной конференции ВХП начал практическую деятельность. В обозначенную эпоху организация проводила свою работу тихо и незаметно, она практически не упоминалась в индийских СМИ и общественно-политических трудах того времени. ВХП еще не приобрел в 1960–1970-е гг. ореол воинственности, предпочитал решать вопросы мирным путем. Это во многом связано с неустойчивостью идеологической платформы ВХП, отсутствием четкого представления о том, что такое индуизм, и программы действий.

Также этому способствовала политическая обстановка в Индии, которая была на момент основания ВХП спокойной, хотя уже в середине 1960-х гг. начался внутренний кризис в правящей в то время партии Индийский национальный конгресс (ИНК) из-за многообразия различных идей развития страны и борьбы за власть после смерти Джавахарлала Неру, что привело в итоге к расколу в 1969 г. Во многом поэтому самые консервативные силы, которые были внутри ИНК, стали переходить на сторону националистов, в том числе и ВХП, потому что

¹⁴ Матхи — индусские монастыри, ашрамы — обители отшельников-индусов.

¹⁵ World Hindu Conference 1. Vishva Hindu Parishad — Official Website. https://vhp.org/world_hindu_conference/1/ (дата обращения: 11.01.2023).

посчитали его формирование ответом правых сил на крупномасштабную трансформацию экономики и социальной структуры Индии в соответствии с социалистическими реформами Неру. Тогдашнее руководство ВХП рассматривало религиозность как силу, способную остановить волну социализма, которая, как считалось, была очень безответственно обрушена Конгрессом на массы [Katju, 1998, p. 36].

В первые два десятилетия своего существования ВХП действовал в двух направлениях: работа с диаспорой и борьба с распространением христианства в Индии. Что касается последнего, то ВХП непосредственно не участвовал в подавлении сепаратистских настроений в Нага-ленде — он занимался только пропагандистской работой по недопущению превращения этого штата в исключительно христианский регион. В Индии считалось, что племена, находящиеся на периферии индусского общества и оторванные от знания своего «индусского происхождения», к которым относились и нага, стали легкой жертвой для обращения в христианство. Миссионеры там заманивали население деньгами, доступным образованием и здравоохранением. ВХП потребовал выслать всех христианских миссионеров из Индии, отменить все льготы представителям зарегистрированных каст и племен после перехода в христианство и скорректировать закон о свободе вероисповедания, заявив: «Христиане могут подражать толерантному отношению индусов в той мере, в какой индусы могут впитывать дух служения из христианства... но если бы христиане начали обращать индусов под видом социального служения, это создало бы социальную дисгармонию... Преобразования и империализм были уважаемыми в определенный период в прошлом. Но в настоящее время, точно так же, как и территориальная экспансия, обращение в свою веру является оскорблением» [Perajar, 1979, p. 14].

В области работы с диаспорой ВХП в этот период преуспел больше. В 1970 г. было создано первое отделение организации за пределами Индии — в США. Американское отделение впоследствии станет крупнейшим и самым влиятельным из всех зарубежных отделений ВХП, поскольку именно оно задало на Западе тенденцию к проведению региональных и национальных конференций по социальным, духовным и культурным вопросам, затрагивающим индусов. В 1972 г. открылось отделение в Великобритании. Перед этими организациями поставили задачу консолидировать индусское общество в странах пребывания, мобилизовать местную диаспору и реализовывать такие же социальные программы, как и в Индии. Здесь ВХП добился определенных положительных результатов. В частности, в США была запущена программа «Тысяча семей», оказывающая индусским семьям различную помощь [Кашин, 2011, с. 39], а также программа «Поддержки ребенка». В канадском Ванкувере в 1973 г. открыли индусский храм. Это было только начало активного вовлечения индийской диаспоры в идеологию *хиндутвы*, распространяемую ВХП.

1970-е гг. для ВХП прошли относительно тихо и спокойно, ни в каких крупных протестных компаниях, которые происходили в Индии в тот период, его активисты не участвовали, поскольку религиозные вопросы они не затрагивали. Во многом поэтому, в отличие от РСС, ВХП не запретили в период чрезвычайного положения в Индии в 1975–1977 гг.

Приход к власти коалиционного правительства во главе с партией Джана Сангх в 1977 г. воодушевил ВХП. Новое правительство стало выделять деньги на социальные программы организации, в частности, в районах проживания племен и зарегистрированных каст. И при этом ВХП по-прежнему не вмешивался в политические процессы в Индии. Таким образом, на раннем этапе своего существования ВХП рассматривал проблемы борьбы с обращением бедных людей в Индии в христианство или ислам, устранения неприкасаемости, массового социального неравенства и угнетения как религиозные, а не политические, поскольку существовал скрытый

страх, который сохраняется до настоящего времени, что эти проблемы могут привести к неправоначальному ослаблению индугов как сообщества и индуизма как религии [Katiu, 1998, p. 52]. Важная особенность этого периода заключается в том, что мусульманин или христианин не противопоставлялся идеологически индусу. Цель возмездия христианам и мусульманам не ставилась, об этом говорил М. С. Голваркар: «Это не потому, что христиане и мусульмане действуют против нас, что мы должны работать на благо нашего общества и Дхармы... Ибо помните, что даже если бы не было ни одной христианской миссии или мусульманского медреса, которые работали бы против нас; всегда было бы необходимо работать на благо нашей религии, общества и нации, с этой позитивной идеей появилась ВХП» [Katiu, 1998, p. 55]. Определение индува было в первую очередь сосредоточено вокруг внутренних маркеров самой индувской религии и культуры, а не определялось отсутствием тех негативных характеристик, которые присутствовали у мусульманина или христианина [Katiu, 1998, p. 52].

25–27 января 1979 г. ВХП организовал вторую Всемирную конференцию индугов в Аллахабаде (Праяге). В ней участвовало более 50000 делегатов из 18 стран, что в два раза больше, чем на первой конференции. Было принято 13 резолюций по таким темам, как искоренение кастовости и неприкасаемости, защита коров и их потомства, защита интересов индугов в тех областях, где они остались в меньшинстве и т. д. Кроме того, был представлен и обсужден проект религиозного кодекса индува, состоящего из 6 пунктов:

- Солнце — вечный бог. Делайте ему вандан (поклон) каждый день.
- Ом — общепринятый символ божественности. Следовательно, все индувы должны носить на шее знак Ом. Произнесите Ом перед любой работой, например, напишите это на книге, записной книжке, дневнике, транспортном средстве и т. д.
- Бхагавад-гита — это не сектантское писание индувского общества. Он содержит сущность индувской философии жизни. Следовательно, каждая индувская семья должна держать дома копию Гиты.
- Изображение или символ своего иштадэваты¹⁶ необходимо иметь в каждой индувской семье и по мере возможности читать молитвы каждый день.
- Туласи — известное лекарственное растение¹⁷. Следовательно, в каждом индувском доме должно быть растение Туласи как символ чистоты и святости.
- Насколько это возможно, регулярно посещайте Дхарма Кендру (центр нашей веры) с энтузиазмом для даршана (главной цели индува — лицезрения образа бога или святого) и молитв¹⁸.

¹⁶ Иштадэвата (абхиштадэвата) — личное божество, которому поклоняется индув наряду с божествами местным (грамадэвата) и семейным, или родовым (куладэвата). Индув выбирает божество сам из общего пантеона той ветви индуизма, какой он принадлежит. Поклонение иштадэвате совершается в домашнем алтаре, в изоляции даже от близких родственников; изображение личного божества скрывают от чужих глаз; небольшие по размеру изображения хранят при себе. Цит. по: Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. С. 37.

¹⁷ Туласи/тулси (в переводе с санскрита — «несравненная»), он же базилик тонкоцветный (*Ocimum tenuiflorum*) и базилик священный (*Ocimum sanctum*) — кустарник, имеющий большое ритуально-магическое значение в индуизме, особенно в вишнуизме. Туласи является символом Вишну и самостоятельным объектом поклонения, ему поклоняются как воплощению Лакшми — богини благополучия, изобилия, процветания, богатства, удачи и счастья в форме растения. По мифу, Туласи первоначально — заколдованная Вишну жена демона-асура Джаландхара; позже начинает считаться любимой женой самого бога. Специально выращивается верующими в садах, дворах, горшках. Широко используется в кулинарии и в лечебных целях, в особенности в аюрведической медицине. Из веток туласи вытачивают бусы (кантхимала), священный атрибут вишнуитов, и четки (джапамала). Цит. по: Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. С. 423.

¹⁸ World Hindu Conference 2. Vishva Hindu Parishad — Official Website. https://vhp.org/world_hindu_conference/2/ (дата обращения: 11.01.2023).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Вишва хинду паришад был создан лидером РСС М. С. Голваркармом и его сподвижниками для решения главной задачи индуистских националистов — вовлечь в идеологию хиндутвы как можно большее количество людей, и не только в Индии. ВХП нужен был для дальнейшей консолидации индуистского общества, защиты и распространения индуистской культуры, усиления патриотических настроений, национального и религиозного самосознания в индийском обществе. Благодаря его созданию резко расширилась социальная база националистов за счет ортодоксальных религиозных лидеров и разочаровавшихся в идеологии и социалистических реформах Неру–Ганди консервативных членов ИНК.

ВХП в 1960–1970-е гг. не выделялся на фоне других движений в этот бурный и беспокойный для Индии отрезок времени. Организация в первые два десятилетия своего существования сделала акцент на развитие религиозного самосознания индийцев, создание собственных образовательных и социальных программ, таких как «Тысяча семей» в США, стремилась мирными методами защитить индуизм от наступления христианства и ислама в Индии, в том числе через агитацию в сепаратистском Нагаленде против засилья там христианских миссионеров, начала активную работу за рубежом среди диаспоры, открывая отделения в США и Великобритании.

При этом ВХП в тот период времени еще не придерживался радикального религиозного антагонизма, поскольку был занят разработкой собственной идеологической платформы. Для этого были проведены две Всемирные конференции индуистов в Аллахабаде (Праяге), где были обсуждены и приняты основные пункты идеологической платформы ВХП, которую он будет активно продвигать в следующие десятилетия. В идеологическом плане союз следует генеральной линии своей материнской организации РСС, при этом развивая ее религиозную составляющую, о чем свидетельствует проект религиозного кодекса индуиста и акцент на законодательном запрете забоя священных коров, обязательном изучении санскрита и пропаганде индуизма среди диаспоры.

Можно сказать, что период 1960–1970-х гг. был самым мирным в истории этой организации из-за отсутствия большой политической активности, но достаточно продуктивным, так как в этот период ВХП начал выполнять задачи материнской РСС по росту количества сторонников индуистского национализма и началу работы с индийской диаспорой. Однако изменившаяся политическая обстановка в Индии, начиная с рубежа 1970–1980-х гг., привела к радикализации деятельности ВХП и превращении его в ту организацию, которая нам известна на сегодняшний день.

Литература / References

- Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского. М., 1996 [Hinduism. Jainism. Sikhism: Dictionary / Ed. by M. F. Albedil & A. M. Dubyansky. Moscow, 1996 (in Russian)].
- Кашин В. П. Что такое Всемирный совет индуистов? *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 9. С. 36–41 [Kashin V. P. What is the World Council of Hindus? *Asia and Africa today*. 2011. No. 9. Pp. 36–41 (in Russian)].
- Клюев Б. И. *Религия и конфликт в Индии*. М., 2002 [Klyuev B. I. *Religion and Conflict in India*. Moscow, 2002 (in Russian)].
- Куценков А. А. Многоликая хиндутва. Часть 1. *Восток (Oriens)*. 2010. № 2. С. 79–94 [Kutsenkov A. A. Many faces of Hindutva. Part 1. *Vostok (Oriens)*. 2010. No. 2. Pp. 79–94 (in Russian)].
- Apte, S. S. Why Vishwa Hindu Parishad? *Organiser*. Diwali Issue. 2 Nov. 1964. Pp. 15–16.
- Apte, S. S. VHP, the Confluence of Hindu society. *Hindu Vishwa*. January 1989. P. 57.
- Katju, M. The Early Vishva Hindu Parishad: 1964 to 1983. *Social Scientist*. May — Jun., 1998. Vol. 26. No. 5/6. Pp. 34–60.
- Perajar, S. Religious conversions are relict of imperialist days. *Organiser*. 27 May 1979. P. 14.
- Shri Guruji says. *Organiser*. 15 August 1964. P. 5.

Электронные ресурсы / Electronic resources

Inception of VHP. Vishva Hindu Parishad — Official Website. <https://vhp.org/organization/4/> (дата обращения: 10.01.2023).

Second Meeting of the Parishad. Vishva Hindu Parishad — Official Website. <https://vhp.org/organization/16/> (дата обращения: 10.01.2023).

Third Meeting of the Parishad. Vishva Hindu Parishad — Official Website. <https://vhp.org/organization/17/> (дата обращения: 10.01.2023).

Vision and mission. Rashtriya Swayamsevak Sangh Website. <https://www.rss.org//Encyc/2012/10/22/rss-vision-and-mission.html> (дата обращения: 14.01.2023).

World Hindu Conference 1. Vishva Hindu Parishad — Official Website. https://vhp.org/world_hindu_conference/1/ (дата обращения: 11.01.2023).

World Hindu Conference 2. Vishva Hindu Parishad — Official Website. https://vhp.org/world_hindu_conference/2/ (дата обращения: 11.01.2023).

ТЕРРОРИЗМ И ЛИТЕРАТУРА (ИЗ ОПЫТА ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ МАГРИБИНЦЕВ)

© 2023

С. В. Прожогина¹

В статье, содержащей отклик тунисского поэта Тахара Бекри на недавний теракт в Тунисе, дается анализ причин, породивших радикализацию политического исламизма во Франции и в странах Магриба, пристально освещенных в творчестве многих франкоязычных писателей-североафриканцев, хорошо знающих реальность жизни и в своих странах, и в Европе, особенно во Франции, где начиная с XX в. и по сей день свершается противостояние коренного населения и эмигрантов, поток которых усилился в постколониальную эпоху.

Ключевые слова: постколониальность, терроризм, исламизм, свидетельства в литературе магрибинцев, теракт на Джербе, стихотворение Тахара Бекри

Для цитирования: Прожогина С. В. Терроризм и литература (из опыта франкоязычных магрибинцев). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 107–117. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-107-117

TERRORISM AND LITERATURE (FROM THE EXPERIENCE OF THE FRANCOPHONE MAGHREBIANS)

Svetlana V. Prozhogina

The paper, reflecting the response by the Tunisian poet Tahar Bekri to the recent terrorist act in Tunisia, discusses the reasons for radicalization of political Islamism in France and in the countries of Maghreb. Those reasons are well denoted by many Francophone writers from North Africa, who know well the realities of life both in their home lands and in Europe, especially France, where starting from the twentieth century till nowadays there has been a confrontation between the native population and the emigres, whose flow has grown up in the post-colonial epoch.

Keywords: postcolonial, terrorism, Islamism, Maghreb literature evidences, the Djerba terrorist act. Tahar Bekri poetry

For citation: Projogina S. V. Terrorism and literature (from the experience of the francophone maghrebians). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 107–117. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-107-117

Пережив Великую Отечественную войну, помня тяжесть работы матери в военном госпитале и радость, когда вернулся с фронта отец в мае 1945-го, я не думала, что узреть войны новые, разного рода конфликты, сеющие тревогу за будущее. Случалось в 60-е годы XX в. пережить сложности постколониальной реальности в странах Магриба,

¹ Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.projogina@mail.ru

Svetlana V. Projogina, D. Sc. (Philology), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; svetlana.projogina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-0289

особенно в Алжире, исполненном военных переворотов уже в достигшей независимости от французского колониализма стране. Да и в 70-е гг. не могу сказать об опыте жизни и работе в Италии как о периоде благополучном, несмотря на установившееся торжество общества потребления в Европе: террор «красных бригад» оставил надолго свой страшный след в памяти, исполненной не только красот, но и знания жестких внутренних противоречий этой страны.

А все 90-е наблюдала жуткое противостояние уже укоренившихся во Франции североафриканских и других эмигрантов из Северной Африки и Востока в целом, частые теракты в метро и бесконечные громкоговорители в подземных туннелях, предупреждающие «об опасности приближения к урнам», где могут лежать взрывные устройства, и совершенно особенное явление в виде усиления «полиции нравов», охраняющей по своим, а не республиканским законам жизни восточных и африканских поселенцев на огромной территории, где когда-то располагались в столице Франции так называемые ее «пролетарские кварталы», а сегодня кипящие абсолютно различно от французов живущими гражданами Республики (явление, свойственное всем большим городам Франции), колониальная вина которой не забыта ими и не прощена до сих пор (последнее предупреждение от Алжира, к примеру, было зимой этого года о том, чтобы Франция официально попросила прощения за 130 лет ее присутствия на захваченной когда-то ею земле алжирцев).

Но ведь противостояние прорывалось наружу уже давно и во вспышках ненависти самого Запада ко всему проникшему в него незападному уже после Первой и Второй мировых войн, что проявилось в обратном ответе тех, кто в эту страну был не только перемещен или приглашен в качестве трудовой необходимой эмиграции из Северной Африки, начиная с 10-х гг. XX в. Эта тенденция особенно усилилась в 40-е, 50-е, 60-е гг. (я еще помню эти призывные лозунги, висевшие повсюду в странах Магриба, приглашавших людей на работу на заводы, фабрики и шахты Франции). И ничего удивительного, что особого рода шовинизм французов, проявлявшийся в осознании своего превосходства как «принимающего общества», преобразовался в тот способ противостояния, который подчеркивал и этническую особость, и свое право на исповедание североафриканцами, как и другими мусульманами, перебравшимися в эту страну, своей религии, постепенно набиравшей, надо заметить, и радикальные обороты. И Запад в целом в этом виноват. Потому неудивительно, что существующая в мусульманских кварталах больших городов, особенно в столице, «полиция нравов» защищает от проникновения в эти кварталы несоответственно одетых или себя ведущих европейцев, а также предотвращает прямые вспышки ненависти и в метро, и в католических храмах, и на городских площадях во время демонстраций и праздников, которые сродни уже настоящим терактам, особо усилившимся в XXI веке.

Но ведь уже в 50-х, 60-х, 70-х гг. в литературе франкоязычных магрибинцев, как и во всех государственных СМИ, фиксировались процессы различения в Республике «своего/чужого» в недрах общества, вроде бы по необходимости собственной открывавшего свои двери навстречу людям из бывших колоний и зависимых стран. Республика, нуждаясь в рабочей силе, даже думая о возможности «интеграции» эмигрантов в недра своей цивилизации, как-то забывала о том, что в потоке прибывавших на ее землю были не только нуждающиеся в куске хлеба бедные и несчастные люди, но и множество политэмигрантов из среды интеллигенции, недовольной постколониальной политикой своих стран, их политическим устройством, забывших о лозунгах борьбы за национальное освобождение от колониализма. Кстати, эти лозунги, которые, идя из глубин эпохи Просвещения, во многом были сопряжены с теми, которые когда-то провозглашала сама Франция, поведав их всему миру как Свободу, Равенство и Братство, как цель существования человечества, в самой Республике, начиная с конца XVIII в., нарушались неоднократно,

особенно по отношению к этническим меньшинствам конфессионального свойства, довольно плотно населявшим Францию.

Книги марокканца Д. Шрайби 50-х гг. пока только свидетельствовали об ужасе ощущения своей *второсортности* североафриканцами, приехавшими во Францию в поисках работы, а книги его соотечественника Т. Бенджулуна 70-х гг. уже показывали реальные причины «самого глубокого одиночества» и даже «одиночного заключения» североафриканских эмигрантов во Французской Республике. Писатель был еще и известным социопсихологом, имеющим и свой Центр по исследованию проблем беженцев во Франции [Chraïbi, 1956; Benjelloun, 1976; 1977].

А алжирец Р. Буджедра уже демонстрировал истоки характера соответствия французского шовинизма как «обыкновенного фашизма», запечатлев обычный теракт в метро (имевший широкое оповещение в СМИ) против араба, блуждающего в поисках выхода в глубоком и мрачном подземелье и надоевшего со своими расспросами фашиствующим молодчикам, убившим его велосипедной цепью [Boudjedra, 1975]. Тунисец С. Бхири, наоборот, в 80-е гг. запечатлел убийство арабом мешающего ему и издевающегося над ним француза-прораба на строительстве железной дороги, сделав одновременно и свой литературный перифраз знаменитого романа А. Камю «Чужой», где, наоборот, француз убивает араба, мешающего ему на пляже «видеть солнце» [Bhiri, 1982]. Роман тунисца С. Бхири имел не только литературный успех как своеобразный «ответ Камю», но и как свидетельство о все чаще случающихся фактах «отмщения» арабами за свою униженность на той земле, которая обещала им Свободу и Равенство.

А с начала 2000-х и вплоть до наших дней алжирец Б. Сансаль постепенно запечатлевал и не перестает свидетельствовать уже о нарастающем арабо-мусульманском радикализме, уподобляя его неонацизму, и даже позволил создать своеобразную антиутопию наступления торжества исламизма и в его родной стране, пережившей в 90-е гг. гражданскую войну с восторжествовавшей тогда в ней партии сторонников «Фронта исламского спасения», а в 2018-м напомнил Европе о небесполезном страхе ее перед «нашествием исламизма», которое уже угрожает сегодня в целом создавшемуся миропорядку [Sansal, 2008; 2015; 2018].

Но ведь с начала 2000-х, когда уже случилась трагедия в Америке, тунисец А. Мемми, замечательный писатель, философ, публицист, снискавший заслуженную славу в своем глубоко философском эссе «Портрет деколонизованного», тоже предупреждал Европу о том, почему и как *ex-colonisé*, и ныне живущий в обществе **неравных прав и свобод**, будет вечно мстить «тем, кто когда-то захватил их земли», навязав ему свое господство, да и сейчас пытаюсь показать степень своего цивилизационного превосходства над теми, кто «непричастен к корням» той земли, где зародился дух Просвещения и Гуманизма [Memmi, 2006]. (Небезынтересно, что алжирский классик М. Диб в своей книге «Лаэцца», посмертно изданной в тот же год, что и книга А. Мемми, предрекает роль «американского колониализма», пытающегося подчинить своему господству весь земной шар².)

Но если вчитаться в огромный объем свидетельствований самих магрибинцев и примеры причин (и социального, и этнического, и конфессионального, и психологического свойства), перерождающих комплекс колониальной неполноценности в комплекс своего превосходства (религиозного хотя бы — крайности сходятся), доказывающих «правоту» только своей веры и «чистоту» своих традиций, завещанных когда-то предками (чаще всего тоже сопряженных с религиозными догмами), то приходится признать, что фактор тревоги за будущее, в том числе и своих стран, не напрасен повсюду.

² См. о ней подробнее: [Прожогина, 2023]

Упорно подмечаемое художественной литературой как своеобразным пульсом общественного сознания явление реальной угрозы радикализации любой веры, любой Традиции, если они направлены на деструкцию и искоренение других, кому-то кажущихся «чужими», интерпретируется магрибинскими писателями как факт неприемлемый в реальности свершающихся процессов развития современного мира.

Но если перечислять только художественные свидетельства такого рода процессов, в том числе происходящих и в недрах самих мусульманских стран Магриба, давно получивших независимость, то библиография займет несколько страниц; книг — множество, и я просто сошлюсь на обширный их список, представленный в моей недавней работе [Прожогина, 2023а].

При этом надо сказать, что проанализированные в разных аспектах, в том числе и западных, и восточных, проявления терроризма, осуществленные как в национальном, так и в транснациональном пространстве, трактуются писателями-магрибинцами на основе глубокого знания и своей, и западной реальности и подтверждены сегодня небезразличными яркими откликами на преступление в Тунисе, свершившееся в мае 2023 года. Обязательно надо заметить, что толкование самими писателями различного рода преступлений в виде актов устрашения, этноконфессиональных нападений, убийств и т. п. неоднозначно как просто оценка «бесчеловечности» поступка, лишившего человека жизни. В творчестве Р. Буджедры, к примеру, факт убийства араба во всем известном лабиринте душного, темного и грязного французского метрополитена фашиствующими молодчиками, естественно, европейцами, которым надоели «грязные арабы», показан в его романе «Идеальная топография для характерной агрессии» как подтверждение все еще длящейся и процветающей в Европе идеологии фашизма, как акт не просто убийства по причине «назойливости присутствия», «неадекватности поведения» или какого-то другого «неудобства» для французского обывателя, но именно отрицания ими элемента, абсолютно чуждого их «цивилизации», пытающего *внедриться* (подземелье!) в общество тех, кто принадлежит «расе хозяев».

А тоже реальный и тоже зафиксированный факт публичного убийства арабом-алжирцем, повстанцем, участником национально-освободительного движения предателя своего народа — шейха, сотрудничавшего с французскими колонизаторами и присутствовавшего на французском стадионе во время футбольного матча Франция — Алжир, показан тем же Р. Буджедрой в его романе «Обладатель кубка» как акт **законного возмездия** алжирского народа предателям его национальных интересов [Boudjedra, 1980]. И праведный суд, должный свершиться над убийцей шейха выстрелом в упор, по самому способу показа в книге алжирским писателем подан как грядущий триумф или торжество Справедливости, ожидаемые его родиной как цель освобождения от колониализма (хотя и в этом романе можно отметить некий своеобразный ответ тому же А. Камю, но без экзистенциального философствования с его героем из романа «Чужой», которого, наоборот, ожидает позор и мать которого умирает в одиночестве после суда над сыном). Вспомним, что А. Камю покинул Алжир, где он родился, и уехал во Францию в годы начавшейся национально-освободительной революции, сказав, что в минуты опасности он выбирает между матерью физической — родиной и матерью духовной, поселившись во Франции...

Похож на героя «Обладателя кубка» (как идеального героя, как метафоры противостояния народов и возмездия за угнетение) и герой тунисца С. Бхири: ведь, несмотря на ожидаемую расправу за убийство французского бригадира, он получает письма с родины и от своей матери, и от своей сестры, и от своих друзей, поддерживающих его поступок и ожидающих справедливого суда в стране, когда-то провозгласившей великие лозунги и позвавшей арабов помогать им в строительстве своих железных дорог, заводов, работать на шахтах и т. д. Отметим, что

С. Бхири был уже просто франкоязычным писателем тунисского происхождения, давно живущим на этой земле и позволявшим себе, как и многие другие североафриканские иммигранты, считать себя «французским гражданином» по праву почвы, что давало ему еще возможность надеяться на торжество лозунгов Просвещения и Гуманизма, высеченных в камне на стенах всех муниципальных зданий Французской Республики: *Liberté, Égalité, Fraternité*...

Рашид Буджедра уже просто рисковал жизнью, скрываясь от преследований алжирских исламистов, давно и особо пристально следивших за его творениями и за его высказываниями, за подлинность показа внутриафриканских противоречий и конфликтов постколониальной реальности, мстивших ему и даже издавших свою фетву, приговоривших его к смерти. Напомню, что его лекция в начале 90-х о том, что такое «Фронт исламского спасения», публично прочитанная в центре французской столицы во дворце Тюильри и охраняемая французской полицией от возможных бесчинств исламских радикалов, вызвала огромный резонанс общественности, как и его книга «Фронт ненависти» [Boudjedra, 1992].

Так что акты терроризма в литературе магрибинцев запечатлены разнообразно, не стандартно, только как акты насилия или устрашения, поскольку связаны и с сугубо личностными оценками происходящего, и с осознанием многих возможностей подобных процессов и даже реальных прогнозов, исходя из знания фактов окружающей их реальности даже в родных странах, где продолжают жить и работать некоторые писатели, несмотря ни на что, как, к примеру, Б. Сансаль, по образованию экономист, доктор наук, преподающий в университете Бумердеса. Он продолжает создавать художественные произведения, предупреждая о радикализации ислама как об угрозе современному общественному мироустройству, и настаивать на том (начиная с его получившего все возможные литературные премии романа «Деревня немца» и вплоть до конца второго десятилетия XXI в.), что политический исламизм и фашизм — «кровные братья»...

Быть литературоведом-современником, фиксировать, анализировать, исследовать литературный процесс как таковой — вещь не только трудоемкая, но и по-настоящему трудная, а порой и печально невозможная по причине либо отсутствия информации, либо избытка ложной, не всегда совпадающей с реальностью художественного творчества, а показывающей лишь элементы в потоке рыночной литературы. Есть и другие объективные трудности, не всегда позволяющие освежить публикации, порой запаздывающие в своей актуальности или даже необходимой злободневности, — ибо литературный процесс в любой стране нередко сопряжен с некими сенсациями, не всегда только с премиальными.

Мне это порой удавалось, и я почти хроникально, по годам, а потом и по десятилетиям пыталась шагать в ногу со временем, отмечая особенности разных этапов литературного процесса в странах Магриба, хотя делать это становилось все тяжелее не столько по причине истощения сил физических, что естественно, сколько по причине порой воздвигаемых искусственных препятствий, возникающих не только в литературоведении, но и в извечно существующей парадигме «политкорректности», «осторожности» и прочих разнородных условий компромиссности, вызывающих недоговорки, недомолвки, уловки уйти в сторонку, прикрываясь в лучшем случае заштампованными классификациями или каркасом терминологии, возникающим чаще всего в болоте англицизмов и разных случайно найденных так называемых «нарративов эпохи». Мне все это не душе, для меня знание реальности — главное, и это остается постулатом по сей день. Поэтому и сейчас без всяких уступок новомодным теориям «демократизации исламских порядков» в странах Северной Африки, в частности (имеется в виду не только Египет, но и Тунис), но и, конечно, тупиковости изучения поэтики «цветных революций», порой просто романтизирующих обыкновенные бунты, приводящие к еще большим беспорядкам

и радикализации ислама, стремлюсь изучать не только целеположения и смыслы реальных фактов в процессах постколониальности, в том числе и в ее литературе, всегда определявшей особый пульс общественного сознания той или иной эпохи.

Сегодня не могу обойти вниманием теракт, случившийся 10 мая 2023 года в Тунисе на острове Джерба, у стен синагоги, и совершенный тунисским силовиком. Факт, вопиющий не только по своей устрашающей убийственной сущности (пострадавших были десятки, но могли быть и сотни, учитывая сезон паломничества европейцев-иудеев к своим святым местам, в частности, к синагоге Джербы, где хранится Тора VI в.; да и сам остров — особая достопримечательность Туниса, поскольку заселен евреями, перебравшимися сюда еще до прихода арабов в эту страну), но и свидетельствующий, на мой взгляд, о несостоятельности на сегодняшний день теорий «демократизирующегося» исламизма.

...Я не стану приводить ужасы расправ исламистов Алжира с почти всей интеллигенцией страны во время гражданской войны там 1990-х — начала 2000-х гг., о которой и до сих пор стыдливо умалчивают некоторые наши политологи, как не буду вспоминать книгу марокканца Тахара Бенджеллуна «Это ослепляющее отсутствие света» [Bendjelloun, 2001] (о ней — отдельное повествование в моей работе «Взятие слова» [Прожогина, 2022]) или книгу не устающего бороться с исламизмом знаменитого Буалема Сансаля, попытавшегося даже создать жестокую антиутопию наступления эры исламизма в своей стране («2084, или Конец света»). Сошлюсь только на книгу знаменитой алжирки, члена Французской и Бельгийской академий изящной словесности, лауреата многочисленных литературных премий Ассии Джебар, составившей огромной мартиролог в произведении, названном ею «Саван Алжира» [Djebar, 1996]. И просто напомним всем тем, кто любит и знает многоликий Тунис, что это страна хоть и маленькая, но особая, сумевшая сохранить на своей земле соприкосновение разных цивилизаций, разных этносов, разных конфессиональных различий и надолго сберечь свою культуру в ее исторически сложившемся созвучии и сопричастности многих народов одной земле.

Никакие диктатуры, полицейские порядки, «цветные революции» (известный акт самосожжения тунисца, протестующего против социальной несправедливости, а потом и возникшие по всей стране волнения и бунты 2010–2011 гг., названные впоследствии «жасминовой революцией», — свидетельство лишь бесполезности такого рода навязываемых очевидно извне государственных изменений, которые приводят только к последующему усилению вспышек радикального ислама, якобы защищающего истоки и традиционные ценности) не способны отнять этого свойства у Туниса.

Тунис, несмотря ни на что, продолжает хранить следы и пунической, и римской, и арабской, и османской цивилизаций, как сумел сохранить останки Карфагена и поспособствовал процветанию андалусийских кварталов в северных городах страны, свидетельствующих о проникновении цивилизации бывшего арабо-берберского величия Аль-Андалус на территорию Испании и Южной Европы, как сохранил и римский Колизей почти в нетронутом виде в Эль-Джеме на юге страны, почти в пустыне, и великий Кейруан — город, мечеть которого стала не только идеалом мусульманских храмов, но и местом паломничества всех верующих в ислам со всего мира; как сохранил и следы других цивилизаций, в том числе русский след в культуре, оберегая в городе Бизерта православный храм и те места, где жили и творили русские писатели и художники³.

Однако исламистов это не устраивает, и начиная с 2015 г. уже неоднократно свершающиеся в том числе и на острове Джерба теракты — сигналы того, что существуют попытки

³ Подробнее см. в многочисленных работах Крыловой Н. А. о русских эмигрантах в странах Африки, в том числе и в Тунисе, а также [Сологубовский, 2023].

разрушения единства многоликости и многообразия страны. Хотя оно сегодня, как и во всей постколониальной реальности Туниса, увы, используется лишь в своей туристической привлекательности, но, однако, имеет многочисленные ресурсы и для другого своего развития, нуждающегося, очевидно, в разных социальных и политических преобразованиях. Но именно свойство многогранности, многоликости, многослойности страны, ее историко-культурных богатств, ее не исчерпанные еще до конца возможности показать примеры духовного синтеза разных цивилизаций во имя «гармонии человеческого существования», во имя «торжества только света» в родной стране привлекает многих современных поэтов⁴ к воспеванию страны как земли, где существует разное во имя **единства**, а не **противостояния**. «Песни во имя Туниса» — так назвал свой недавний сборник араб-тунисец Тахар Бекри, хотя и давно живущий в политэмиграции во Франции после заключения его в тюрьму в Тунисе в связи с участием в студенческих волнениях против диктатуры Х. Бургибы [Bekri, 2023]⁵, но все свое творчество посвятивший надежде на обновление своей Отчизны, избавление ее от «заблуждений», воспеванию ее оазисов, дарующих образ возможности расцвета жизни даже в пустыне [Bekri, 2019].

В этих «Песнях», появившихся за несколько дней до свершившегося в Тунисе акта религиозного преступления, еще звучало только страстное желание, даже потребность поэта «внушить всем людям земли любовь к его родной стране». Это стало мотивом тех многочисленных интервью, которые последовали сразу же после публикации его новой книги: и в Европе, и в Тунисе уже привыкли к его поэтическим откровениям, исполненным тоски не только от невозможности жить и творить в родной стране, но и от жестоких обстоятельств его личной судьбы, надолго связавшей его с женой-художницей и музой поэта, прикованной давно болезнью к дому, в чем сыграла трагическую роль ее собственная семья бретонцев-французов, отказавшихся признать ее брак с арабом. Но тяготы жизни поэта на чужбине, скитания по разным странам, морям и океанам, где оставались только «осколки его сердца», порой позволяли ему забыть ледяной ветер Франции, где он, араб, всегда был и останется «чужим», несмотря на то, что он — лауреат всех возможных литературных премий и почетный профессор Университета Нантера, где читал курс истории арабской литературы и защитил докторскую диссертацию о поэзии алжирца Малека Хаддада. В «Песнях во имя Туниса» звучит еще и искренняя гордость за великие имена прошлого его родной страны, за подвиги предков, всех боровшихся с чужеземцами, за священные для Истории тунисские города, сохранившие следы всех цивилизаций этой земли, коснувшихся или даже укоренившихся в ней; за великую поэзию, рожденную в годы формирования национального самосознания тунисцев⁶; за осознание способности своей страны стать образцом сосуществования «всех языков, всех наречий и всех культур». Сам поэт, пишущий по-арабски и по-французски, переводящий всеобщую для всех арабов средневековую классику и даже исследовавший русскую классическую поэзию⁷, Тахар Бекри не только был потрясен терактом, совершенным на Джербе, но не мог не создать свой новый стих — манифест или декларацию, — настолько он публицистичен, в защиту своей страны от преступников, ее компрометирующих, ее очевидной предназначенности совсем иному. И в ночь на 11 мая я получила этот

⁴ О формировании и эволюции современной тунисской поэзии на арабском и французском языках см. подробнее в коллективном труде ИВ РАН [Ализаде, Асадуллин, Прожогина, Юнусов, 1993].

⁵ О творчестве этого поэта см. подробнее в моих работах: [Прожогина, 2016; 2021; 2022a], а также антологию его творчества [Прожогина, 2002].

⁶ Тахар Бекри особо чтит память тунисского поэта Абу-эль Касима аш Шабби (1909–1934), чьи стихи неоднократно были переведены им с арабского на французский как примеры высокопатриотической гражданской лирики, манифестирующей основы формирования новой поэзии и национального самосознания тунисцев.

⁷ Комментарии Т. Бекри к переводам великих русских поэтов — Пушкина и Лермонтова неоднократно публиковались в тунисской газете «Capitalis» в 2020–2022 гг.

стих, уже опубликованный в специальном выпуске тунисской газеты «Capitalis», издающейся как один из органов национальной печати, предназначенный пропагандировать культурное наследие разных народов, на языке французском, связующем и до сих пор многие этносы, живущие на этой земле, языке, глубоко усвоенном в Тунисе не только во времена французского там «присутствия», но и в связи с его ролью одного из языков мировой культуры.

Вот это стихотворение.

Nous voulons bâtir une Tunisie
Fraternelle tolérante hospitalière
Respectant la foi la croyance de chacune et chacun
Nous voulons vivre ensemble l'entente
La paix la haine la violence l'esprit mortifère
Nous voulons être du côté de la vie
Non semer la terreur ériger la mort
Faire couler le sang
Nous voulons étendre la lumière
Elever les Lumières
Non l'obscurité le fanatisme la raison meurtrière
Non en mon nom
Je dénonce la folie dèmons
Je compatis à la perte des vies humaines
C'est un jour de peine
A Djerba comme ailleurs
Je voudrais te consoler paix
Enlever aux brutes les néfastes ornières
Venir à ton secours
Avec mon visage et ma main te défendre
Contre le bruit des canonniers

Я могу дать только смысловой перевод этого так называемого «белого стиха» без ярко выраженных ритмов и без рифм (что по-русски, в отличие от французского интонирования, сопряженного с произнесением конечных «немых гласных» и кажущегося более соразмерным поэзии, звучит не совсем точно). Однако попытаюсь передать его смысл, преодолев форму, что тоже бывает необходимым.

Мы строить хотим Тунис
Гостеприимный, толерантный и братский.
Веру любых уважать.
Вместе хотим жить согласно.
Взаимопомощь и диалог утверждать,
А не насилие, ненависть, дух смерти несущих.
Хотим сторону жизни избрать,
А не сеять ужас и страх, кровь проливать,
Но свет солнца зажечь
И мрак рассеять извечный.
Нет фанатизму! Нет мракобесию, логике войн!
Нет, нет и нет!
Буду разоблачать
Безумье демонов смерти.

Буду я сострадать
Людским потерянными жизнями
В этот несчастья день, произошедший на Джербе,
Как и в странах других.
Я хотел бы утешить всех
Миром надежды.
Я хотел бы отнять у безумцев жестоких оружие смерти,
Я хотел бы на помощь прийти
Всем страдальцам земли,
С открытым лицом,
С рукой, закрывающей дуло у пушек.

Париж, 10 мая 2023 г.

Можно сказать, что это просто благие намерения Поэта, да еще и написанные вдали от любимой им Отчизны, что проще всего выражать надежду на мир, на благоразумие людей, на торжество света над мраком, держа в руке «перо», а не «пштык», забывая, однако, при этом, что творческое *созидание* — тоже оружие тех, кто еще может себя назвать гуманистом, тем более и тем громче и острее звучащее именно потому, что послано из одного из эпицентров, как сейчас говорят, «коллективного Запада», где теракты стали давно уже делом обыденным, а уж для радикальных исламистов — и делом вполне безразличным по отношению к тому, на что направлено их оружие смерти, будь то храм католический, как, к примеру, в Ницце или Париже, или синагога, как сегодня на Джербе, или обычное здание республиканской газеты, критиковавшей исламистов, или простая халяльная лавочка в каком-нибудь глухом предместье французской столицы или другого большого города, и т. д. и т. п., случившиеся только за последние пять лет.

Тахар Бекри знает, что такое тюремное заключение на родине, за свободу которой он тоже боролся, и «одиночное заключение» (или «самое глубокое одиночество») там, где, казалось бы, расцвела пышная корона его поэтического творчества. Главное, что он, как Человек, знает и чувствует боль «отрезанных корней» и любит свои корни, глубоко ушедшие в родную ему тунисскую землю.

В одном из своих многочисленных за последнее время интервью, случившихся после выхода его «Песен во имя Туниса», поэт сказал: «Тунис живет во мне и в моих книгах, и я исполню его дыхание... Его истории, его богатого культурного наследия, его красоты, живущей в памяти моей о детстве и юности, о годах моего взросления, когда мне открылись все его лики, его пейзажи, его необъятный свет, идущий из самих недр этой прекрасной земли и льющийся с неба, благословившего ее красоту... Я хочу, чтобы мою страну любили все любовью прекрасной, но и требовательной...»⁸

Когда его попросили уточнить, что означают эти его последние слова, поэт сказал: «Сегодня есть опасность отрезать от нашей истории ее извечную борьбу за свободу, а потом и за настоящую демократию. Опасность фанатического обскурантизма, затмевающего истинное знание о том, что наше многообразие — это наше единство, наша сущность и наша сила. И нельзя от имени одной религии уничтожать и уничтожать другие верования, не противоречащие самому духу нашей земли. Нет презрению, неуважению дружбы, только защита наших фундаментальных и всеобщих ценностей достойны Власти, способной охранить и обеспечить

⁸ См. выпуск от 30 апреля 2023 г. бюллетеня ТАР — тунисского агентства печати — с интервью с Тахаром Бекри, взятым С. Бельгит после презентации его книги «Chants pour la Tunisie», <https://editmanar.com/editions/livres/chants-pour-la-tunisie/> (дата обращения: 10.05.2023).

защиту всех жизней, всех вер и идеологий. И это тоже является уделом Поэта, его мировидения. Он должен жить на стороне Света Жизни, а не мрака, ее разрушающего...»⁹

Данное почти накануне свершившегося теракта на Джербе, это интервью сегодня кажется пророческим: свобода, видимо, страной завоевана еще не до конца, если представители сил, призванных «обеспечивать порядок в стране», сами разрушают ее мироустройство.

Но об этом судить политологам и аналитикам «текущих событий» современного мира. А литературовед только фиксирует частоту биения пульса сознания той части международного общественного мнения, которое всегда на стороне правды жизни, ибо литература, не забудем слова великого Стендаля, — это «зеркало, стоящее на ее дороге»¹⁰.

Литература/References

Ализаде Э. А., Асадуллин Ф. А., Прожогина С. В., Юнусов К. О. *История национальных литератур стран Магриба*. Кн. 3. *Литература Туниса*. М., 1993 [Alizade E. A., Asadullin F. A., Projogina S. V., Yunusov K. O. *History of the National Literatures of the Maghreb Countries*. Book 3. *Tunisian Literature*. Moscow, 1993 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Поэзия Тахара Бекри (франко-русская антология)*. М., 2002 [Projogina S. V. *The Poetry of Tabar Bekri (A Franco-Russian Anthology)*. Moscow, 2002 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Тунисская элегия*. М., 2016 [Projogina S. V. *The Tunisian Elegy*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Время не жить и время не умирать*. М., 2021 [Projogina S. V. *Time Not to Live and Time Not to Die*. Moscow, 2021 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Взятие слова (о творчестве марокканца Тахира Бенджеллуна)*. М., 2022 [Projogina S. V. *Taking the Word (on the Works of the Moroccan Tabir Benjelloun)*. Moscow, 2022 (in Russian)].

Прожогина С. В. «...*Души прекрасные порывы...*» (франкоязычная поэзия магрибинцев колониальной и постколониальной эпохи) М., 2022а [Projogina S. V. 'Soul's Beautiful Impulses' (*The Francophone Poetry of Colonial and Post-Colonial Maghreb*). Moscow, 2022а)].

Прожогина С. В. Автопортрет в экстерьере (эссе о последней книге Мухаммеда Диба). *Вестник Института востоковедения РАН*. № 2. 2023. С. 81–94 [Projogina S. V. A Self-Portrait in Exterior (an Essay on the last Book of Mohammed Dib). *Journal of the Institute of Oriental Studies*. 2023. No. 2. Pp. 81–94 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Свой путь (Магриб: к проблеме самоопределения во франкоязычной литературе)*. М., 2023а [Projogina S. V. *One's Own Way (Maghreb: Towards the Problem of Self-Assessment in the Francophone Literature)*. Moscow, 2023а (in Russian)].

Сологубовский Н. Александр Рубцов в Русском музее: долгое возвращение домой. *Международная жизнь*. Февраль 2023. С. 37–44 [Sologubovsky N. Alexander Rubtsov in the Russian Museum: a Long Way Home. *Mezhdunarodnaya Zhizn (The International Affairs)*. February, 2023. Pp. 37–44 (in Russian)].

Bekri T. *L'invocation du desert*. Paris, 2019.

Bekri T. *Les Chants por la Tunisie*. Paris, 2023.

Benjelloun T. *La réclusion solitaire*. Paris, 1976.

Benjelloun T. *La plus haute des solitudes*. Paris, 1977.

Benjelloun T. *Cette aveuglante absence de lumière*. Paris, 2001.

⁹ Там же.

¹⁰ Но о том, почему именно в литературном франкоязычии магрибинцев как естественном производном от эпохи французского колониализма в странах Магриба проявляется этот пульс эпохи чаще, чем в других формах национальной словесности, — разговор особый. Подробно см. об этом в моей работе: [Прожогина, 2023а].

- Bhiri S. *L'espoir était pour demain*. Paris, 1982.
Boudjedra R. *La topographie idéale pour une agression caractérisée*. Paris, 1975.
Boudjedra R. *Le vainqueur de coupe*. Paris, 1980.
Boudjedra R. *FIS de la baine*. Paris, 1992.
Chraïbi D. *Les boucs*. Paris, 1956.
Djebar A. *Le blanc de l'Algérie*. Paris, 1996.
Memmi A. *Portrait du décolonisé*. Paris, 2006.
Sansal B. *Le village de l'Allemand*. Paris, 2008.
Sansal B. *2084 ou la fin du monde*. Paris, 2015.
Sansal B. *Le train d'Erlinger (ou la métamorphose du Dieu)*. Paris, 2018.

**«ОРУЖИЕ И ПОЗИЦИЯ»:
САРХА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ХУСИТСКОГО
ДВИЖЕНИЯ В 2000-х гг.**

© 2023

Т. А. Боков¹

В настоящей статье впервые в российском и западном востоковедении проанализирована *сарха* — лозунг йеменских хуситов, сформулированный в 2002 г. их лидером Хусейном аль-Хуси. Продемонстрирована ее прямая связь с призывом «Смерть Америке!» Исламской революции в Иране, а также созвучность другим аналогичным слоганам, характерным для Ближнего Востока начала XXI в. в связи с неприятием арабской «улицей» агрессивной внешней политики США в регионе.

Показано, что в *сархе* отражены основные положения идеологии хусизма — неразделимость ислама и политики, необходимость использования Корана в качестве главного инструмента анализа действительности и максимальная субъективизация политического процесса, подразумевающая личную ответственность индивида за свою позицию перед Богом и обществом.

Отмечено, что *сарха* на первых порах являлась для хуситов основным средством ведения политической борьбы. Ее скандирование в мечетях после пятничных проповедей (прежде всего — в Большой мечети Саны), включая резонансный инцидент с участием президента Йемена А. Салеха, стало главным поводом для начала государственных репрессий против сторонников Х. Аль-Хуси в 2002–2004 гг.

Рассмотрены причины высокой политической эффективности *сархи*. Среди них — резонанс с антиамериканскими настроениями значительной части йеменцев; отсутствие прямых коннотаций с каким-либо конкретным направлением ислама; одновременно тесная имплицитная связь с зейдизмом, в т. ч. с идеей Х. Аль-Хуси о богоизбранности последователей этого мазхаба, а также с концепцией хуруджа — восстания против несправедливого правителя; четкое маркирование «чужого» (США и Израиль), придававшее лозунгу дополнительную консолидирующую силу; сильное положительное воздействие на психологическое состояние скандировавших; мощное невербализованное внутривосточное наполнение, нацеленное против властей страны, поддерживавших США.

Ключевые слова: Йемен, хуситы, хуситское движение, Хусейн аль-Хуси, сарха

Для цитирования: Боков Т.А. «Оружие и позиция»: сарха как системообразующий элемент хуситского движения в 2000-х гг. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 118–125. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-118-125

**‘WEAPON AND POSITION’: SARKHA AS A KEY ELEMENT OF THE HUTHI
MOVEMENT IN THE 2000s**

Timofey A. Bokov

¹ Боков Тимофей Александрович, первый секретарь Посольства России в Сирии; timofejbokov@gmail.com
Timofey A. Bokov, First Secretary, Embassy of the Russian Federation to the Syrian Arab Republic; timofejbokov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8477-6639

This article, for the first time in Russian and Western Middle Eastern studies, analyzes *sarkha* — the main motto of the Yemeni Huthism, formulated by its founder Husayn al-Huthi in 2002. It is demonstrated that *sarkha* is directly connected with the «Death to America» slogan of the Islamic Revolution in Iran and goes in accordance with other similar appeals, that at the beginning of the XXI century were especially characteristic of the Arab World since most of its population rejected aggressive US foreign policy in the region.

It is shown that main ideas of the Huthi ideology found its reflection in *sarkha*: inseparability of Islam and Politics; need to use the Quran as the main tool to analyze the reality; maximal subjectivization of the political process, which is based on the personal responsibility of each individual for his or her political position to God and society.

It is pointed out that during the first stage of the existence of the Huthi Movement *sarkha* was its main political mean. It was exactly the regular chanting of this motto in the mosques (especially in the Big Mosque of Sanaa), including one important incident with the participation of Yemen's President Ali Saleh, that led to the repressions against the Huthis in 2002–2004.

The main reasons of the high political effectiveness of *sarkha* are considered. Among them: its resonance with the anti-American feelings of a significant part of Yemenis; absence of direct connotations with any particular branch of Islam; at the same time its close though implicit connection with Zaydism, both through the H. Al-Huthi's idea of Zaydis as a community chosen by God and conception of «khuruuj» — a rebellion against an unrighteous ruler; clear labelling of «the Other» (the USA and Israel), which gave *sarkha* additional consolidating power; positive effect on the mental state of those chanting it; strong implicit meaning in the context of the Yemen's internal policy, aimed at the official authorities who supported the USA.

Keywords: Yemen, Huthis, Huthi Movement, Husayn al-Huthi, sarkha

For citation: Bokov T.A. “Weapon and position”: sarkha as a key element of the huthi movement in the 2000s. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 3. Pp. 118–125. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-118-125

Лозунг хуситов, т. н. «сарха» (ар. «крик»), гласящий «Бог велик! Смерть Америке! Смерть Израилю! Проклятие иудеям! Победа — исламу!» — едва ли не единственное, что известно о них (помимо собственно названия и того, что они действуют в Йемене) аудитории за пределами профессионального востоковедного сообщества. В своей стандартной визуализации (первая и последняя строки написаны зеленым шрифтом, а три средних — красным, в зеленом окаймлении; см. рис. 1) он является одним из самых известных символов современных ближневосточных политических организаций. На контролируемых хуситским движением (ХД) территориях *сарху* можно увидеть повсюду — ее рисуют на стенах зданий, изображают на всевозможных предметах, включая оружие, вешают в рамках на стенах чиновничьих кабинетов и т. д.

Несмотря на свою известность, *сархи* еще не становилась объектом отдельного научного исследования², возможно, из-за кажущейся понятности ее содержания. Данная статья призвана исправить это упущение, продемонстрировав, что этот лозунг можно без преувеличения назвать системообразующим элементом ХД (особенно на ранних этапах его существования). Неслучайно основатель движения и автор *сархи* Хусейн аль-Хуси в заглавии одной из своих лекций назвал ее «оружием и позицией» [Аль-Хуси, 2010 (2)].

² В одной из своих предыдущих статей я посвятил несколько страниц анализу *сархи* [Боков, 2017, с. 192–195], однако этого явно недостаточно для формирования полного понимания ее значимости для истории и современности хуситского движения.

Впервые Х. Аль-Хуси произнес *сарху* 17 января 2002 г.³ в ходе прочитанной им в Сааде лекции⁴ «Крик в лицо возгордившимся» (с тех пор его последователи отмечают эту дату как «День *сархи*» — один из главных праздников хуситского календаря). В то время наблюдался, пожалуй, пик антиамериканских настроений на Ближнем Востоке. После терактов 11 сентября 2001 г. США объявили т. н. «Войну против терроризма». В ее рамках они уже в октябре вторглись в Афганистан, что было встречено в регионе бурей общественного негодования. Поэтому призыв «Смерть Америке!», прекрасно резонировавший с настроениями арабской «улицы», был общим местом региональной политики, и Йемен здесь не был исключением (в первую очередь речь идет об оппозиционных силах, поскольку пространство для маневра у официальной Саны, зависевшей от помощи Вашингтона, было ограничено).

При этом следует отметить, что в контексте хусизма слова «Смерть Америке!» являются осознанным заимствованием главного лозунга Исламской революции в Иране, которая в свое время дала серьезный импульс развитию т. н. «зейдитского⁵ возрождения»⁶ в ЙР. Уже в 1980-х гг. отдельные религиозные авторитеты Саады обсуждали со своими учениками иранский опыт. Есть определенные основания полагать, что с конца 1980-х гг. и особенно в следующее десятилетие зейдиты Йемена установили прямые контакты (в первую очередь интеллектуального характера) с некоторыми шиитскими деятелями из Ирана. Неудивительно, что Х. Аль-Хуси, чье мировоззрение формировалось в подобной обстановке (в 1979 г. ему было 20 лет), был хорошо знаком с интеллектуальным наследием аятоллы Хомейни и часто цитировал его в своих лекциях, в частности, называл Америку «большим шайтаном», а Израиль — «раковой опухолью на теле уммы» [Аль-Хуси, 2010 (4), с. 6; 2010 (3), с. 3].

Однако так же, как разработанная Х. Аль-Хуси идеология не является банальным переложением хомейнизма на йеменский лад⁷, *сарха* не является просто лозунгом, основанным на одном из главных призывов иранской Исламской революции. Ее смысл намного глубже: по сути, она представляет собой краеугольный камень всего хусизма. В ее пяти строках отражены основные постулаты этой идеологии:

1. Неразделимость ислама и политики: с прославлением Бога и ислама («Бог велик!», «Победа — исламу!») в *сархе* соседствуют конкретные политические требования («Смерть Америке!», «Смерть Израилю!»);
2. Необходимость использования Корана в качестве основного инструмента постижения окружающей реальности. В ряде своих лекций Х. Аль-Хуси последовательно при помощи

³ Утверждение А. Люкса, согласно которому Х. Аль-Хуси сформулировал *сарху* в сентябре 2000 г. под впечатлением от печально знаменитых кадров, запечатлевших гибель палестинского мальчика Мухаммада ад-Дурры на руках своего отца от предположительно израильской пули [Лух, 2009, р. 390], не подтверждается источниками и потому представляется несостоятельным.

⁴ В 2001–2003 гг. Х. Аль-Хуси — видный зейдитский политик и идеолог — прочел в Сааде больше ста лекций, в которых сформулировал основные положения хуситской идеологии.

⁵ Зейдизм — наиболее умеренное направление шиизма, последователи которого составляют около трети населения Йемена. Его придерживается большинство жителей северо-запада ЙР, в т. ч. базовой для хуситов провинции Саада.

⁶ Пришедшие к власти после свержения в 1962 г. имамата республиканцы проводили политику маргинализации зейдитов, и конкретнее — представителей социальной страты сейидов (потомки Пророка Мухаммада), одновременно поощряя распространение суннизма (прежде всего салафизма и движения «Братья-мусульмане»). Такая линия была обусловлена тем, что фактически каждый сейид, в соответствии с положениями зейдизма, является, при соответствии ряду требований, легитимным претендентом на верховную власть в умме и, следовательно, все они представляли опасность для нового правительства. В качестве ответа на дискриминацию на рубеже 1970–1980-х гг. на северо-западе ЙР началось т. н. «зейдитское возрождение» — деятельность ряда йеменских зейдитских активистов по сохранению своей религиозно-культурной идентичности.

⁷ Хотя определенное влияние хомейнизма на хусизм представляется бесспорным.

священной книги мусульман обосновал, что США и Израиль являются главными врагами уммы на данном историческом этапе — этот его вывод и нашел отражение в *сархе*.

Здесь следует отметить, что Х. Аль-Хуси, судя по всему, относился к содержащимся в *сархе* требованиям скорее метафорично. В лекции «Лозунг: оружие и позиция», прочитанной полгода спустя после «Крика в лицо возгордившимся», он пояснял: **«Призыв «смерть Америке» — не попытка оскорбления... это заявление о нашей позиции: мы расцениваем их как врагов»** [Аль-Хуси, 2010 (2), с. 1]. С этим тезисом согласен и йеменский специалист по хуситскому движению М. Аш-Шалафи, в комментарии газете «Йемен Таймс» утверждавший, что посредством *сархи* Х. Аль-Хуси прежде всего стремился выразить свое отрицательное отношение к процессам американизации и глобализации, не имея в виду необходимости реального физического уничтожения США и Израиля [Abolohoom, 2013];

3. Максимальная субъективизация политики, основанная на представлении о личной ответственности всякого человека перед Богом и обществом за свою религиозную, а следовательно, и политическую — ибо, как уже было сказано выше, для Х. Аль-Хуси ислам и политика неразделимы — позицию и за свои действия. По сути Х. Аль-Хуси призвал своих сторонников использовать *сарху* в качестве главного инструмента политической борьбы, скандируя ее в публичных местах, прежде всего — в крупных мечетях после пятничных молитв. «Разве эта *сарха* не легка? Разве не каждый может крикнуть ее? Делай так в ходе наших встреч и после пятничных молитв, и ты поймешь, что эта *сарха* — действенный лозунг, увидишь, как задрожат тут и там лицемеры и те, кто сеют ложные слухи» [Аль-Хуси, 2010 (1), с. 7].

Вскоре после первого произнесения *сархи* отдельные сторонники Х. Аль-Хуси начали открыто скандировать ее, поначалу, как правило, в крупных мечетях г. Саада. С учетом того, что на молитвах в значимых мечетях всегда присутствовали агенты йеменских спецслужб «в штатском», произнесение лозунга — как того и требовал Хусейн от своих последователей — превращалось в политический акт, декларацию индивидом своей позиции.

Собственно говоря, только с момента появления *сархи* мы и можем говорить о начале формирования ХД: именно ее принятие и скандирование означало согласие человека с идеями Х. Аль-Хуси и принадлежность к складывавшемуся движению.

Благодаря *сархе* на ХД почти сразу обратили самое пристальное внимание власти ЙР. Наиболее резонансными стали два инцидента с ее произнесением, произошедшие в 2003 г.

- В январе президент Йемена А. Салех направлялся в Мекку, сделав по пути остановку в г. Саада. После молитвы в Большой мечети города он собирался обратиться к присутствовавшим с речью, однако несколько человек принялись выкрикивать *сарху*, вынудив главу государства спешно покинуть собрание. Считается, что лидер ЙР воспринял случившееся как личное оскорбление.
- В сентябре во время одной из пятничных молитв в Большой мечети Саны, которая в прямом эфире транслировалась по местному телевидению, сторонники Х. Аль-Хуси растянули баннер с написанной на нем *сархой*, таким образом продемонстрировав свой лозунг широкой йеменской аудитории.

О той важной роли, которую играло пропагандирование *сархи*, особенно в столице страны (там ХД начало активные действия по крайней мере осенью 2003 г. или даже ранее), красноречиво свидетельствует название посвященного тем событиям двухсерийного документального фильма прохуситского телеканала «аль-Масира»: «Первая битва» [Аль-Маарака аль-уля 1, 2].

Довольно быстро против хуситов начались репрессии. В Сааде скандировавших было, как правило, достаточно много, и задерживать их всех у силовиков не было возможности. Потому

«крикунов» чаще всего просто избивали палками на выходе из мечети. А вот в Сане, куда сторонники Х. Аль-Хуси в силу финансовых и логистических трудностей редко добирались группами больше 10 человек, их почти поголовно арестовывали. К июню 2004 г. (в этот месяц начался вооруженный конфликт между йеменскими властями и ХД, продлившийся до 2010 г.) за скандирование *сархи* в заключении находилось, по разным источникам, от 640 до 800 человек [Arrests of protestors continue; Шабакат аль-Фуркан].

В тюрьмах арестованные содержались подолгу (иногда — годами) безо всякого суда и следствия в крайне тяжелых условиях (переполненные камеры без систем кондиционирования и отопления, редкие и нерегулярные свидания с родственниками и т. п.). Там от них требовали отречься от своих убеждений, в первую очередь — от *сархи*, причем такие «предложения» обычно сопровождались побоями, лишением сна и пищи, длительным сковыванием и т. д. Что характерно, судя по всему, число поступивших своими принципами даже в таких трудных обстоятельствах было невелико. В основном заключенные, напротив, только глубже утверждались в своей правоте и продолжали в камерах скандировать *сарху* [Аль-Маарака аль-уля (2)].

В чем же был секрет такой действенности этого лозунга как инструмента политической борьбы? Представляется, что его эффективность была обусловлена рядом присущих ему свойств.

1. Как уже отмечалось выше, *сарха* оказалась весьма созвучна настроениям арабской и конкретно йеменской «улицы» того времени, поскольку отражала ее яркий антиамериканский и антиизраильский⁸ настрой.

2. Лозунг, лишенный видимых коннотаций с каким-либо конкретным направлением ислама, обладал исключительным объединительным потенциалом, что было важно для Йемена как страны, в которой издавна сосуществуют друг с другом сунниты (преимущественно — шафииты), зейдиты и исмаилиты⁹.

3. При этом он все же имел скрытую, но прочную связь с зейдизмом, очевидную для сторонников ХД. Во-первых, ее устанавливал уже сам по себе тот факт, что лозунг этот был предложен по сути главным зейдитским авторитетом рубежа XX–XXI вв. А с учетом того, что одним из базовых постулатов идеологии Х. Аль-Хуси является богоизбранность мусульманского сообщества и конкретно зейдитов, для последних сарха превращалась в своего рода «символ веры». Принятие этого лозунга манифестировало их принадлежность к зейдизму, причем именно в том виде, в каком его понимал Хусейн: всякий, кто заявлял таким образом о своей позиции, автоматически становился «избранным», «идущим по верному пути».

Плюс ко всему одно из основных положений зейдитского мазхаба — концепция хуруджа, подразумевающая, что претендент на имамат обязан возглавить вооруженное выступление против несправедного правителя. Вплоть до прихода хуситов к власти в ЙР (2014–2015) выкрикивание *сархи* представляло собой своего рода персональный хурудж, позволяя каждому человеку самому по себе «восстать» против зла и несправедливости. Таким образом, благодаря *сархе* Х. Аль-Хуси удалось превратить буквально каждого своего сторонника в актора политического процесса. То есть последователи Хусейна представляли собой не аморфную массу, но сплоченный коллектив единомышленников, каждый из которых отчетливо ощущал свою общественную значимость.

4. В развитие предыдущего тезиса необходимо отметить, что четкое маркирование сархой «чужого» (США и Израиль), которому противопоставлялись ее адепты, придавало ей дополнительную консолидирующую силу.

⁸ Необходимо отметить, что на фоне шедшей с 2000 г. в целом неудачной для палестинцев Интифады аль-Аксы в тот период наблюдался очередной подъем антиизраильских настроений на Ближнем Востоке, включая, конечно, и Йемен.

⁹ Исмаилиты составляют лишь 1–2% от населения ЙР, однако значительная их часть проживает именно на северо-западе страны, где активнее всего действуют хуситы.

5. Важно указать на еще одну черту лозунга — мощное позитивное воздействие на психологию скандировавших. Так, по замечанию авторов одного из документальных фильмов о ранних этапах истории ХД, *сарха* «**разрушила стену молчания и ломала преграду страха**» [Маа аш-шахид аль-каид]. Эти слова, хотя и несколько высокопарные, очень точно описывают эмоции, которые испытывали выкрикивавшие ее люди. Один из последователей Х. Аль-Хуси, произнесший слоган в Большой мечети Саны (и тут же задержанный), вспоминал, как некоторое время перед акцией находился в подавленном состоянии. Однако сразу после произнесения лозунга, несмотря на арест, его «сердце покинули всех страхи и беспокойства» [Аль-Маарака аль-уля (2)]. Здесь уместно будет вспомнить и про описанное выше скандирование *сархи* заключенными в камерах, явно придававшее им моральные силы.

6. На первый взгляд, *сарха* была направлена исключительно «вовне», но на самом деле обладала важным внутривластным содержанием, которое без труда считывалось современниками. Дело в том, что А. Салех был одним из первых арабских лидеров, заявивших о полной поддержке США в их «Войне против терроризма». В подтверждение своей лояльности он предоставил Штатам право наносить удары по целям на территории ЙР. Когда Вашингтон в ноябре 2002 г. впервые воспользовался им¹⁰, ликвидировав в провинции Мариб предполагаемого организатора атаки на эсминец ВМФ США «Коул» в порту Адена в 2000 г., йеменское общество было, попросту говоря, шокировано: их правительство позволило иностранцам убивать собственных граждан!

В своих лекциях Х. Аль-Хуси регулярно клеймил не только США и Израиль, но и арабских лидеров (впрочем, не называя имен), которые оказывали им содействие в том или ином виде. Соответственно лозунг, гласивший «Смерть Америке! Смерть Израилю!», нес хотя и имплицитный, но очень мощный антиправительственный заряд. Он был тем более ощутим, что скандировавшими были зейдиты, предыдущие двадцать лет находившиеся под тяжелым прессингом республиканских властей. По всей видимости, именно этим фактором было обусловлено столь быстрое начало довольно масштабных репрессий (пусть сперва и относительно «вегетарианских») против адептов *сархи*¹¹.

Таким образом, в начале 2000-х гг. *сарха* позволила Х. Аль-Хуси и его сторонникам успешно перевести усилия зейдитов по сохранению собственной идентичности, ранее в основном носившие характер разного рода просвещенческих активностей, в политическое русло¹². При этом они не выступали с открытой критикой руководства страны, что ставило правительство в сложное положение: репрессии против хуситов было невозможно обосновать, не прибегая к прямым подтасовкам фактов. Их разоблачение же могло нанести удар по престижу властей, а также вызвать сочувственное отношение к хуситам у некоторой части общества.

Внутриполитическое наполнение лозунга не утратило актуальности и после ухода А. Салеха с поста президента в результате событий «арабской весны». В частности, сегодня его мишенью являются любые антихуситские силы, пользующиеся поддержкой внешних игроков, так или иначе

¹⁰ В следующий раз США нанесли удар по цели на территории ЙР только в 2009 г., однако и одного инцидента хватало, чтобы вызвать бурю негодования в йеменском обществе.

¹¹ А. Видин полагает, что недовольство властей *сархой* было обусловлено тем, что они воспринимали ее скандирование как чуждую йеменскому обществу практику, заимствованную у шиитов-двенадцатеричников Ирана и Ливана [Wedeen, 2008, p. 153]. Однако, как представляется, если такое отношение к *сархе* со стороны правительства и имело место, то лишь как одна из составляющих общего неприятия лозунга, связанного в первую очередь с его очевидным, пусть и «не проговоренным вслух», антиправительственным наполнением.

¹² В ЙР функционировали две зейдитские политические партии — «аль-Хакк» и «Союз народных сил». Деятельность обеих следует признать неудачной: лишь однажды, в 1993 г., два члена «аль-Хакка» (один из них — Х. Аль-Хуси) избрались в парламент ЙР. К началу 2000-х гг. обе партии были фактически маргинализированы и не играли сколько-нибудь заметной роли в йеменском политическом процессе. При этом они принципиально продолжали работать в очерченных А. Салехом рамках дозволенного, не рискуя выходить за них.

связанных с США и/или Израилем. Среди таковых, к примеру, салафиты, получающие помощь из Эр-Рияда, который хуситы расценивают как марионетку Вашингтона.

Помимо собственно антихуситских репрессий правительства о важности *сархи* как инструмента политической борьбы свидетельствует еще ряд фактов. Так, брат Х. Аль-Хуси Яхья (один из видных деятелей ХД, в 2000-х гг. отвечавший за его международные связи) вспоминал, что за некоторое время до начала в июне 2004 г. властями ЙР военной операции против хуситов А. Салех через доверенных лиц предложил Хусейну убедить своих сторонников прекратить скандировать этот лозунг. Лидер ХД ответил на просьбу президента отказом, заметив, что слоган не запрещен законом [Аль-Хивар]. Получается, что в то время прежде всего выкрикивание *сархи* вызывало недовольство главы государства хуситами.

Характерно также, что и в 2006 г., когда вооруженное противостояние правительства и хуситов длилось уже два года, успев за это время распространиться на соседние с Саадой провинции и привести к тысячам (если не десяткам тысяч) жертв среди участников противостояния и мирных жителей, а также масштабным разрушениям инфраструктуры, скандирование *сархи* оставалось одной из важных претензий властей к ХД. Об этом, в частности, говорят условия, на которых был завершён третий этап конфликта. Согласно им хуситы взяли на себя ряд обязательств: покинуть свои опорные пункты, подтвердить приверженность конституции ЙР и, наряду с этим, прекратить выкрикивать *сарху* в мечетях и крупных городах [Brandt, 2017, p. 184–191].

Итак, *сарха* действительно была и остается — по меткому выражению ее автора — «оружием и позицией» ХД. За кажущейся простотой этого лозунга скрывается целый набор идей и качеств, которые позволили ему стать главным политическим инструментом движения, особенно на ранних этапах существования. С одной стороны, *сарха* отражает ключевые положения идеологии Х. Аль-Хуси и таким образом является своего рода «символом веры» для сторонников ХД, служа эффективным средством их консолидации. С другой — этот лозунг, благодаря имеющейся у него серьезной внешне- и внутриполитической смысловой нагрузке, использовался и продолжает использоваться хуситами как орудие идеологической борьбы против оппонентов.

Рис. 1. Сарха

Литература / References

Аль-Хуси Х. (1). *Ас-сарха фи ваджх аль-муस्ताкбарин* (Крик в лицо возгордившимся). Расшифровка лекции, прочитанной Х. Аль-Хуси 17 января 2002 г. Б.м., 2010. 10 с. [Al-Huthi H. *Scream into the Face of the Arrogant Ones*. Transcript of H. Al-Huthi lecture delivered on January 17, 2002. Place of publishing is unavailable, 2010. 10 p. (in Arabic)].

Аль-Хуси Х. (2). *Аш-шар, силх ва-маукаф* (Лозунг — оружие и позиция). Расшифровка лекции, прочитанной Х. Аль-Хуси 16 ноября 2002 г. Б.м., 2010. 23 с. [Al-Huthi H. *Motto — Weapon and Position*. Transcript of H. Al-Huthi lecture delivered on November 16, 2002. Place of publishing is unavailable, 2010. 23 p. (in Arabic)].

Аль-Хуси Х. (3). *Хатр духуль Амрика аль-Таман* (Опасность прихода Америки в Йемен). Расшифровка лекции, прочитанной Х. Аль-Хуси 3 февраля 2002 г. Б.м., 2010. 15 с. [Al-Huthi H. *Danger of America's Arrival to Yemen*. Transcript of H. Al-Huthi lecture delivered on February 3, 2002. Place of publishing is unavailable, 2010. 15 p. (in Arabic)].

Аль-Хуси Х. (4). *Паум аль-Кудс аль-алям* (Всемирный День Иерусалима). Расшифровка лекции, прочитанной Х. Аль-Хуси 13 декабря 2001 г. Б.м., 2010. 27 с. [Al-Huthi H. *International Day of Jerusalem*. Transcript of H. Al-Huthi lecture delivered on December 13, 2001. Place of publishing is unavailable, 2010. 27 p. (in Arabic)].

Боков Т. А. Практики политической репрезентации хуситского движения (историко-социологический анализ). *Ислам в современном мире*. 2017. Т. 13. № 2. С. 187–204 [Bokov T. A. Practices of Political Representation of Houthi Movement (Historical and Sociological Analysis). *Islam in Modern World*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 187–204 (in Russian)].

Abolohoom A. Who was Hussein Al-Houthi? *Yemen Times*. June 17, 2013.

Brandt M. *Tribes and Politics in Yemen. A History of the Houthi Conflict*. New York: Oxford University Press, 2017. 466 p.

Лух А. Yemen's last Zaydi Imam: the shabab al-mu'min, the Malazim, and 'hizb Allah' in the thought of Husayn Badr al-Din al-Huthi. *Contemporary Arab Affairs*. 2009. Vol. 2. No 3. Pp. 369–434.

Wedeen L. *Peripheral Visions. Publics, Power, and Performance in Yemen*. Chicago and London, 2008. 300 p.

Arrests of protestors continue. *Yemen Times*. June 3, 2004.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Аль-Маарака аль-уля. Аль-халака аль-уля (джамия аль-Имам аль-Хади) (Первая битва. Первая серия (мечеть имама аль-Хади)) // URL: <https://clck.ru/tXyeF> (дата обращения: 21.08.2022) [The First Battle. First Part (Prison). TV Channel «al-Masira» Documentary (in Arabic)].

Аль-Маарака аль-уля. Аль-халака ас-санья (ас-сидажн) (Первая битва. Вторая серия (тюрьма)). Д/ф телеканала «аль-Масира» // URL: <https://clck.ru/tXz3A> (дата обращения: 21.08.2022) [The First Battle. Second Part (Prison). TV Channel «al-Masira» Documentary (in Arabic)].

Аль-Хивар. Кадыят ва-хивар. Харб Саада. Маа Яхья Бадреддин аль-Хуси (Проблема и разговор. Саадская война. [Встреча с — Т.Б.] Яхьей Бадреддином аль-Хуси). Интервью Я. Аль-Хуси телеканалу «Аль-Хивар», 11 января 2010 г // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=676abisbMdU> (дата обращения: 21.08.2022) [The Problem and the Talk. Saada War. [A meeting with — T.B.] Yahya Badr al-Din al-Huthi. TV Channel «al-Hiwar» interview with Mr. Yahya al-Huthi, January 11, 2010 (in Arabic)].

Маа аш-шахид аль-канд (Вместе с мучеником-лидером). Д/ф телеканала «аль-Масира» // URL: <https://clck.ru/tXuAo> (дата обращения: 21.08.2022) [With the Martyr-Leader. TV Channel «al-Masira» Documentary (in Arabic)].

Шабакат аль-Фуркан ас-сакафия. Иттисаль аш-шахид аль-канд ас-сейид Хусейн Бадреддин аль-Хуси маа Хасан Зейд фи аль-харб аль-уля 2004 (Телефонный разговор мученика-лидера сейида Хусейна Бадреддина аль-Хуси с Хасаном Зейдом в ходе первой войны 2004 г.). Телефонное интервью Х. Аль-Хуси радио «Би-Би-Си», опубликованное на канале культурной организации «аль-Фуркан» // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WQAcQnKqsI0> (дата обращения: 21.08.2022) [Shabakat al-Furqan al-thaqafiya. Telephone talk of leader and shaheed sayyid Husayn Badr al-Din al-Huthi with Hasan Zayd during the first war 2004. Telephone interview of H. al-Huthi to the BBC radio, published on the YouTube channel of cultural organization «al-Furqan» (in Arabic)].

МУСУЛЬМАНСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ

© 2023

М. В. Кирчанов¹

В статье анализируются особенности развития и основные векторы трансформации политической идеологии мусульманского либерализма в современной Индонезии. Показано, что активность либеральных мусульманских интеллектуалов содействует формированию и развитию уникального дискурса в современной индонезийской политической культуре. Предполагается, что этот дискурс актуализирует ценности политического ислама, синтезируя их с принципами индонезийского гражданского национализма. Автор анализирует вклад интеллектуалов либерального течения в современной умме в развитие идей политической модернизации общества. Предполагается, что мусульманские интеллектуалы активно используют религиозную аргументацию для политической мобилизации, используя ислам как своеобразное прикрытие для продвижения ценностей, прав и свобод человека в мусульманском обществе. В статье показана роль идеологических противоречий в плюралистическом индонезийском социуме, которые существенно влияют на стратегии либеральных мусульманских интеллектуалов как участников процессов социальной и политической трансформации. Предполагается, что политическая модель мусульманского либерализма в современной Индонезии основана на нескольких нарративах:

1) активность мусульманских либеральных интеллектуалов стала результатом процессов политической модернизации и секуляризации, содействуя формированию политически привлекательного образа ислама как современной и терпимой религии;

2) важным компонентом современного политического воображения является идея прав и свобод, что содействует актуализации в индонезийском социально-политическом дискурсе проблем религиозных меньшинств страны, которые являются жертвами дискриминации; 3) предполагается, что попытки продвижения принципов толерантности являются системной характеристикой современного мусульманского либерализма в Индонезии. В целом в представленной статье показано, что мусульманские либералы в современной Индонезии генерируют альтернативные политические концепции, основанные на защите модернизации и секуляризации, последовательной критике и осуждении традиционализма и исламского радикализма.

Ключевые слова: ислам, Индонезия, политическое воображение, политический ислам, мусульманский либерализм, модернизм, секуляризм

Для цитирования: Кирчанов М. В. Мусульманский либерализм в современной Индонезии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 126–135. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-126-135

¹ Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж; maksymkyrchanoff@gmail.com

Maksym W. Kyrchanoff – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University, Voroneg; maksymkyrchanoff@gmail.com
ORCID: 0000-0003 -3819-3103

MUSLIM LIBERALISM IN MODERN INDONESIA

Maksym W. Kyrchanoff

The article analyzes the features of development and the main vectors of transformation of the political ideology of Muslim liberalism in modern Indonesia. It is shown that the activity of liberal Muslim intellectuals contributes to the formation and development of a unique discourse in modern Indonesian political culture. It is assumed that this discourse actualizes the values of political Islam, synthesizing them with the principles of Indonesian civic nationalism. The author analyzes the contribution of liberal intellectuals of the modern Ummah to the development of the ideas of political modernization of society. It is assumed that Muslim intellectuals actively use religious arguments for political mobilization, using Islam as a “mask” for promoting values, human rights and freedoms in Muslim society. The article shows the role of ideological contradictions in the pluralistic Indonesian society, which influence significantly the strategies of liberal Muslim intellectuals as participants in the processes of social and political transformation. It is assumed that the political model of Muslim liberalism in modern Indonesia is based on several narratives, including 1) the activity of Muslim liberal intellectuals became the result of processes of political modernization and secularization, contributing to the formation of a politically attractive image of Islam as a modern and tolerant religion, 2) an important component of the modern political imagination is the idea of rights and freedoms, which contributes to the actualization in the Indonesian socio-political discourse of the problems of religious minorities in who became victims of discrimination, 3) it is assumed that attempts to promote the principles of tolerance have a systemic characteristic of modern Muslim liberalism in Indonesia. In general, the presented article shows that Muslim liberals in modern Indonesia generate alternative political concepts based on the defense of modernization and secularization, consistent criticism and condemnation of traditionalism and Islamic radicalism.

Keywords: Islam, Indonesian, political imagination, political Islam, Muslim liberalism, modernism, secularism

For citation: Kyrchanoff M. W. Muslim liberalism in modern Indonesia. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 126–135. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-126-135

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире Индонезия представляет собой самую густонаселенную мусульманскую страну. Исторически индонезийский ислам приобрел уникальные характеристики и особенности, которые во многом отличали его от остального мусульманского мира. Ислам в Юго-Восточной Азии вобрал в себя местные доисламские культурные и этнические традиции, что способствовало относительно умеренному и терпимому его характеру. Индонезийский ислам пересекается с местными этническими особенностями, характерными для различных локальных групп и сообществ, проживающих на территории Индонезии. Другой особенностью индонезийского ислама, помимо уникального культурного облика, является его институциональная структура, связанная с представленностью ислама в политических пространствах.

Индонезийский ислам институционализирован и представлен многочисленными организациями, часть из которых может быть определена как либеральные. Активность подобных групп ограничена формированием позитивного образа ислама как умеренной и современной религии, являющейся основой динамично развивающейся и изменяющейся индонезийской государственности. Подобные мусульманские группы включают научные и академические

фонды и движения, сосредоточенные на защите прав человека, чем занимаются группы, склонные развивать и продвигать в публичных пространствах Индонезии ценности и принципы гражданского общества, основанного на проповеди ислама. Цели и задачи таких мусульманских групп связаны с формированием и продвижением умеренной исламоцентричной модернизации индонезийского общества.

Цель и задачи

В центре внимания автора в данной статье находятся исламские организации, ограниченные умеренными мусульманскими либералами. Целью данной статьи является анализ идеологических предпочтений либералов как одного из сегментов современного политического ислама в Индонезии. Задачи автора ограничены изучением основных характеристик и направлений деятельности умеренных либералов как мусульманской организации, анализом идеологических предпочтений либеральных течений как сегмента современного индонезийского общества, выявлением перспектив идеологического развития политического ислама в современной Индонезии через призму деятельности мусульманского либерализма.

Мусульманский «либерализм» в Индонезии

Современные либеральные мусульмане в Индонезии представлены различными группами, которые стремятся синтезировать ценности ислама с принципами западного либерализма. Подобный синтез в индонезийской политике фактически является неизбежным, так как любая общественная активность в стране неизбежно ведет к «демонстрации приверженности к исламу» [Hasan, 2014]. Исламский либерализм гетерогенен. В отличие от 2000–2010-х гг., когда основным выразителем модернистского и радикально реформистского взгляда на религию была Сеть либерального ислама², современные сторонники нетрадиционалистского и неконсервативного ислама стали не только более разобщенными, но и стремятся артикулировать умеренные идеи, понимая и принимая во внимание растущее влияние исламского консерватизма.

Маргинальность мусульманских либералов в современной Индонезии стала следствием перемен в политической культуре 2010-х гг., когда «качество демократии в Индонезии ухудшалось в течение многих лет, так как при президентах Сусило Бамбанг Юдойоно³ и Джоко Видодо⁴ институты и нормы, защищающие гражданские свободы, права меньшинств и женщин⁵, а также право свободно выражать свои убеждения и мнения, были подорваны власть

² Сеть либерального ислама (Jaringan Islam Liberal) — неформальное объединение индонезийских мусульманских интеллектуалов либеральной ориентации, которое существовало с 2001 по середину 2000-х гг., выступая с программой реформ ислама. Фактически представляло собой дискуссионный клуб, в рамках деятельности которого обсуждались проблемы прав человека, религиозных меньшинств и адаптации ислама к вызовам современности.

³ Сусило Бамбанг Юдойоно (индон. Susilo Bambang Yudhoyono) — президент Индонезии с 2004 по 2014 г.

⁴ Джоко Видодо (индон. Joko Widodo). Родился 21 июня 1961 г. Имя при рождении — Мульоно (индон. Mulyono). Известный под прозвищем Джокови (индон. Jokowi). Президент Индонезии с 20 октября 2014 г.

⁵ Индонезия представляет собой мусульманскую страну, где власти уделяют внимание проблеме соблюдения прав женщин. Индонезия подписала Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в 1980 г., ратифицировав ее в 1984 г. Новейшая история страны знает примеры активного политического участия женщин. Мегавати Сукарнопутри занимала пост президента Индонезии с 2001 по 2004 г. В настоящее время женщины занимают посты в кабинете министров: Шри Мульяни Индравати (министр финансов), Ида Фаузия (министр трудовых ресурсов), И Густри Аю Бинтанг Дармавати (министр по расширению прав и возможностей женщин и защите детей), Сити Нурбая Бакар (министр окружающей среды и лесного хозяйства), Три Рисмахарини (министр социальных дел) и Ретно Марсуди (министр иностранных дел). Ранее Суси Пуджиастути, которая

имущими, а также консервативными общественными группами» [Warburton, 2019], связанными с традиционным исламом и поэтому критикующими мусульманский либерализм. Мусульманские либералы не только стали маргиналами, но и превратились в заложников «политики идентичности», так как последняя стала «не только средством борьбы, но и превратилась в инструмент борьбы политических элит за власть, за голоса на выборах, создавая в обществе чувство страха и ненависти к своим политическим оппонентам» [Ramadhani, 2023]. Объектом таких политических и идеологических манипуляций стал либеральный ислам в современной Индонезии.

В сложившейся идеологической ситуации либеральные мусульмане в большей степени стремятся актуализировать социальные и экономические проблемы современного индонезийского общества⁶, интерпретируя их через призму веры. Теоретиками и современными форматами либерального дискурса в исламе инклюзивность меньшинств в индонезийское общество воспринимается как одна из основных проблем. Общим местом в идеологии либерального ислама в современной Индонезии стала коллективная вера в необходимость построения «конкурентоспособного гражданского общества, основанного на честности, доверии, бережливости, трудолюбии и гармонии»⁷.

Современными умеренными мусульманскими либералами в Индонезии признается, что три сообщества являются уязвимыми в условиях усиления исламизма. Эти сообщества — ахмадийя⁸, шииты⁹ и христиане, так как, по мнению либеральных авторов, именно против них направлена критика сторонников радикального ислама [Kholiludin, 2020]. Специфика ситуации состоит в том, что и либералы, и традиционалисты апеллируют к одному источнику — Корану, одинаково воспринимая его как то культурное и религиозное пространство, из которого они заимствуют идею о справедливости, хотя последняя понимается ими крайне различно¹⁰. Именно из Корана и радикалы, и либералы в современной индонезийской умме заимствуют принцип радикального единобожия, которое, по их мнению, проявляется в «социальном, политическом, экономическом и культурном поведении и борьбе за отстаивание общечеловеческих ценностей»¹¹.

Исследователями индонезийского ислама подчеркивается, что эти две группы стали заложниками новой ситуации, сложившейся в Индонезии в результате модернизации, которая изменила положение и статус «религиозных авторитетов, воспринимавшихся как лица или учреждения, обладающие компетенцией в определенных областях, связанных с религией»

представляла бизнес-сообщество, занимала пост министра морского и рыбного хозяйства. Проблемы прав женщин и восприятия их в исламском дискурсе Индонезии отражены в исследованиях И. Рияни [Riyani, 2020] и Р. Хэфнера [Hefner, 2017].

⁶ В современной историографии предложено несколько интерпретаций роста и усиления радикального ислама в Индонезии. Среди точек зрения, которые могут быть локализованы в рамках исторической и политической науки, интеллектуальной и культуральной истории, особое место занимают попытки анализировать процессы реисламизации индонезийского общества через призму социальной истории и актуальных процессов, связанных с миграцией и урбанизацией. «Социальные» объяснения исламизма представлены в ряде работ [Formichi, 2015; Fogg, 2019; Huda, 2019], выводы авторов которых, к сожалению, не получили известности и распространения в российском индонезиеведении, что указывает на необходимость применения «социального» подхода и в отечественных исследованиях политического ислама в Индонезии.

⁷ Visi, misi, strategi. URL.: <https://ldii.or.id/tentang-ldii/> (accessed: 15.05.2023).

⁸ На территории Индонезии проживает около 400 000 мусульман, которые относят себя к общине ахмадийя, что составляет 0,2% от населения страны. Индонезийские сунниты не считают общину мусульманской, полагая, что эта группа отвергает центральный принцип ислама, согласно которому Мухаммад являлся последним пророком.

⁹ Индонезия является страной, где большинство населения составляют мусульмане-сунниты. Шииты представляют собой религиозное меньшинство численностью от 1 до 3 млн человек.

¹⁰ Qur'an bagi yang Tertindas. *Elsa Online*. 2021. Maret 30. URL.: <https://elsaonline.com/quran-bagi-yang-tertindas/> (accessed: 15.05.2023).

¹¹ Sembilan Nilai Utama Gus Dur. URL.: <https://gusdur.net/sembilan-nilai-utama-gus-dur/> (accessed: 15.05.2023).

[Kholiludin, 2021]. В индонезийском обществе достигнут консенсус, основанный на восприятии радикального ислама как угрозы существующей системе¹². В этом отношении либеральные мусульмане солидарны с правящими элитами, хотя по другим проблемам подобный компромисс не достигнут. Кахионо, один из современных лидеров мусульманских либералов, связывает рост исламского радикализма с демократизацией, начавшейся в 1998 г., которая фактически институционализовала ситуацию религиозного плюрализма, содействуя «десекуляризации религии», чем в первую очередь воспользовались не либералы, а традиционалисты и фундаменталисты, понявшие, в отличие от своих либеральных оппонентов, что не политическая идеология, но «религия является сильным магнитом для привлечения людей» [Cahyono, 2014].

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И ПРОБЛЕМЫ МЕНЬШИНСТВ

Мусульманские либералы, начиная с середины 2010-х гг., смогли ощутить свою маргинальность в обществе, что частично и толкает их на защиту близких по положению сообществ. В 2018 г. Джоко Видодо накануне президентских выборов 2019 г. в качестве кандидата в вице-президенты выбрал Мааруфа Амина¹³, известного мусульманского консерватора, что продемонстрировало «продолжающееся влияние консервативных групп на политику, так как Джокови, плюралист и националист, должен был выбрать консервативного священнослужителя своим напарником. Выбрав Маруфа, Джокови обратился к растущей исламской среде, которая доминирует в политическом ландшафте. Это решение удовлетворило консервативные группы» [Arifianto, 2018], полностью проигнорировав интересы либерального течения в индонезийском исламе.

В условиях кризиса концепта «толерантность» в Индонезии Теди Холилудин полагает, что истоки антихристианской риторики традиционалистов следует связывать с тем, что активность христианского сообщества в Индонезии стимулирует рост гражданской сознательности среди женщин, которые начинают требовать равного доступа к занятию как государственных, так и религиозных должностей, что является неприемлемым для сторонников радикального ислама [Kholiludin, 2022]. Отношение к меньшинствам зависит от настроений в обществе в целом, что отягощено негативным социальным и историческим опытом второй половины XX в., когда в политической сфере статус доминирующей обрела культура, «глубоко укоренившаяся среди государственных чиновников, основанная на сохранении «социального порядка большинства», при котором группа большинства (будь то в соответствии с религией, этнической принадлежностью, социальным классом или другой принадлежностью) может обладать определенными полномочиями или может принимать решения для всего общества» [Suryana, 2021], игнорируя интересы и права меньшинств, если таковые вообще признаются.

Радикалы и либералы воспринимают ислам в современной Индонезии крайне различно. Если первые активны в реисламизации и шариатизации общества, то вторые, наоборот, настаивают на важности актуализации «миролюбивых и толерантных исламских ценностей»¹⁴. Вместе

¹² В представленной статье автор не останавливается на борьбе с крайними формами политического ислама и его дерадикализации, так как они нашли отражение в ряде предшествующих публикаций [Кирчанов, 2023а; Кирчанов, 2023б; Кирчанаў, 2022].

¹³ Мааруф Амин (индон. Ma'ruf Amin, род. 11 марта 1943 г.) — верховный лидер Нахдатул Улама (2015–2018), крупнейшей в Индонезии исламской общественной организации, председатель Совета улемов Индонезии (2015–2020), с 2019 г. — вице-президент Индонезии.

¹⁴ Tentang The WAHID Institute. URL.: <http://www.wahidinstitute.org/wi-id/tentang-kami/tentang-the-wahid-institute.html> (accessed: 15.05.2023).

с тем «спустя два десятилетия после Реформации¹⁵ идея умеренного индонезийского ислама и его соответствия либерально-демократическим ценностям все больше теряет свои позиции, хотя в начале 20 века исламские группы, открытые для индонезийских традиций, и группы, ссылавшиеся на ближневосточные взгляды, соперничали за влияние» [Arditya, 2020]. Современная динамика, наоборот, развивается в направлении одностороннего усиления традиционалистов, что неизбежно ослабляет либералов. В этом отношении активность мусульманских либералов в Индонезии является не более чем ответной реакцией индонезийского гражданского общества на «рост исламского радикализма и религиозной нетерпимости» [Mudhoffir, 2017]. Несмотря на отторжение таких идей, либералы настаивают, что и в дальнейшем будут активно заниматься развитием умеренных тенденций в исламе, основанных не на радикализме, но на толерантности¹⁶.

Либералами признается опасность усиления радикального ислама, так как, по их мнению, «воинствующие группы могут быстро расти и развиваться в тех областях, где религиозные лидеры и их институты недостаточно сильны, а конкуренция за религиозный авторитет между отдельными лицами или институтами является жесткой» [Kholiludin, 2021]. В современном индонезийском обществе сложилась неформальная иерархия, в рамках которой либеральные мусульмане сильны в университетской и академической среде, а консерваторы активно действуют в среде обычных верующих, содействуя не только их реисламизации, но и радикализации. Либеральные мусульмане склонны вписывать в эту иерархию ценности и принципы национализма как гражданского, так и этнического, что проявляется в периодических апелляциях к образу Индонезии как унитарного государства и индонезийскому языку в качестве основы идентичности нации¹⁷.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Индонезийскими либералами признается угроза собственной маргинализации, так как в современных условиях религиозное образование в Индонезии, мусульманское и христианское, «движется в направлении гетто, так как когда в 1998 году произошли серьезные политические изменения, большинство теологов остались на прежних позициях, не зная, что делать в такой ситуации. Это стало очень заметно, когда режим Сухарто пал» [Titaley, 2014]. Именно эти различия в восприятии ислама и внешних контекстов, в которых он существует, определяют отношение индонезийских мусульман к меньшинствам.

Факторы изменения социальных и экономических условий современного индонезийского общества содействуют маргинализации либеральных мусульман. Если воспринимать сторонников исламского либерализма как наследников мусульманского национализма, то «в настоящее время городская мусульманская община менее заинтересована в политической борьбе. Они считают проблемы, с которыми им приходится сталкиваться каждый день, более насущными. Их беспокоит, например, ограниченный доступ к образованию и медицинскому обслуживанию и другие социальные проблемы» [Fansuri, 2022]. В такой ситуации идеологически

¹⁵ Термин «Реформация» (индон. Reformasi) в индонезийском научном и общественно-политическом дискурсе обозначает реформы, связанные с демократизацией политической жизни, которые начались в 1998 г. после отстранения от власти президента Сухарто.

¹⁶ Tentang The WAHID Institute. URL.: <http://www.wahidinstitute.org/wi-id/tentang-kami/tentang-the-wahid-institute.html> (accessed: 15.05.2023).

¹⁷ 8 pokok pikiran LDII untuk pembangunan berkelanjutan jangka Panjang. URL.: <https://ldii.or.id/8-pokok-pikiran-ldii-untuk-pembangunan-berkelanjutan-jangka-panjang/> (accessed: 15.05.2023).

выверенная риторика либералов выглядит маргинально в одинаковой степени для традиционалистов и новых поколений, позитивно воспринимающих модернизацию. Если первыми либеральный дискурс воспринимается негативно и отторгается как чуждый исламу, то вторые уже не в состоянии найти в нем ничего нового, что могло бы стимулировать их политическую мобилизацию.

Либеральные мыслители настаивают на необходимости отказа от последовательного «проведения различий между мусульманами и немусульманами как юридическими категориями» [Kiru, 2021], указывая на то, что в современной Индонезии и первые, и вторые являются не более чем гражданами. Если либералы настаивали на важности развития «умеренной исламской мысли, продвигающей демократию, мультикультурализм и терпимость среди мусульман в Индонезии и во всем мире»¹⁸, то их консервативные оппоненты сделали ставку на религиозный радикализм. Несмотря на то, что шииты в современной Индонезии предоставляют собой «лишь небольшую общину», по мнению мусульманских либералов, «нельзя отрицать существование мусульман-шиитов как части индонезийской мусульманской уммы» [Kholiludin, 2011], так как те поставлены суннитским большинством в неблагоприятные условия.

Внедрение толерантного отношения к религиозным меньшинствам, на необходимость чего указывают немногочисленные мусульманские либералы, не встречает ни понимания, ни поддержки в современном индонезийском обществе. Политические элиты в большей степени интересуются проблемами сохранения собственного положения, а не статусом меньшинств, предпочитая применять методы «подавления внутривнутриполитического инакомыслия», что фактически ведет к «легитимациям автократических действий государства, ущемляющим права групп гражданского общества» [Fealy, 2023], включая представителей шиитского меньшинства и других миноритарных групп в современной Индонезии.

Реформисты признают важность мониторинга прав религиозных меньшинств, призывая верующих информировать либеральные мусульманские организации, например Институт Вахида¹⁹, о «случаях насилия, нетерпимости и дискриминации по признаку религии, культуры и расы»²⁰, с которыми сталкиваются индонезийцы. Эта активность стимулируется тем, что «уровень дискриминации со стороны государства, религиозного законодательства и общества в Индонезии является одним из самых высоких в исламском мире» [Sumaktoyo, 2020], что ставит религиозные меньшинства в неблагоприятное положение. Индонезия воспринимается как «общество, которое не может принять людей, сомневающих в своей религии, не говоря уже об атеистах» [Duile, 2017]. Либералы указывают на важность и необходимость реализации инклюзивной модели в отношении религиозных меньшинств, которые, по их мнению, должны стать частью индонезийского гражданского общества. Сторонниками либерального понимания ислама подчеркивается, что умма должна координировать свои усилия ради создания «конкурентоспособного гражданского общества, продолжая развивать отношение братства между людьми, мусульманской общиной, а также нацией и государством»²¹.

Маргинализация умеренных верующих стала следствием усиления радикалов. Последнее стало следствием «укрепления исламских ценностей в индонезийском обществе» [Oktafiana,

¹⁸ Tentang The WAHID Institute. URL.: <http://www.wahidinstitute.org/wi-id/tentang-kami/tentang-the-wahid-institute.html> (accessed: 15.05.2023).

¹⁹ Институт Вахида — научно-исследовательский центр, занимающийся изучением ислама и его места в обществе. Основан в 2004 г. бывшим президентом Индонезии Абдурахманом Вахидом (1999–2001).

²⁰ Bagaimana saya bisa mendukung program dan kegiatan-kegiatan the Wahid Institute? URL.: <http://www.wahidinstitute.org/wi-id/tentang-kami/faq.html> (accessed: 15.05.2023).

²¹ Visi, misi, strategi. URL.: <https://ldii.or.id/tentang-ldii/> (accessed: 15.05.2023).

2022] в результате сближения элит и исламистов, которое предшествовало падению режима «нового порядка». В сложившейся ситуации исламскими либералами признается факт дискриминации представителей как религиозных меньшинств, так и атеистов, которые сталкиваются со сложностями при поступлении на государственную службу²². Либеральные авторы оказываются вынужденными защитниками принципов панчасилы²³ и идеологии светского индонезийского национализма²⁴, так как именно их доктринальные положения используются ими в полемике со сторонниками радикального ислама. Актуальная ситуация фрагментации ислама, с одной стороны, и его последовательной радикализации вследствие усиления исламистов стала результатом растущей «напряженности между консервативно-фундаменталистскими исламскими группами и националистически-плюралистическими и господствующими исламскими группами» [Oktafiana, 2022] умеренных мусульманских интеллектуалов, к числу которых принадлежат мусульманские либералы.

Выводы

Современные мусульманские либералы занимают особое место в организационной и идеологической структуре индонезийского ислама. В сравнении с консервативными группами и традиционалистами либералы формально проигрывают по числу своих сторонников. Тем не менее, либеральные настроения в исламе и их роль в современной интеллектуальной истории и эволюции идей, которые разделяются представителями уммы, в первую очередь мусульманскими интеллектуалами, связанными с исследовательскими фондами и университетами исламской ориентации и направленности, развиваются в условиях тенденций к их постепенному усилению.

Либералы в Индонезии отличаются значительным разнообразием с точки зрения идеологических предпочтений, их объединяет модернистское и реформистское восприятие ислама. По мнению современных мусульманских либералов в Индонезии, ислам не противоречит политической, экономической, социальной и культурной модернизации страны. Некоторые представители проанализированных в статье групп пытаются примирить ценности и принципы ислама с вызовами и альтернативами, которые в современном индонезийском обществе генерируются в рамках процессов секуляризации. Мусульманские современные либералы выступают в качестве второстепенных союзников, правящих политических элит. Институционализация современного либерального ислама на организационном уровне в современной Индонезии была связана с деятельностью и активностью двух президентов, которые правили страной после отстранения от власти Сухарто.

Либеральный ислам в индонезийском обществе оказывается в более выгодном положении в сравнении с традиционалистскими и консервативными течениями, так как его связи с правящим политическим классом являются более устойчивыми и заметными. В отличие от консервативных трендов в индонезийском исламе мусульманские либералы чувствуют свою слабость

²² Social Resilience of «Penghayat Kepercayaan». *Elsa Online*. 2023. May 2. URL.: <https://elsaonline.com/social-resilience-of-penghayat-kepercayaan/> (accessed: 15.05.2023).

²³ Панчасила (индон. Pancasila) — официальная идеологическая доктрина в современной Индонезии, сформулированная в 1945 г., основными положениями которой являются 1) вера в единого Бога; 2) справедливая и цивилизованная гуманность; 3) единство страны; 4) демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства; 5) осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии.

²⁴ Pancasila sebagai «Milestone» Pluralitas Bangsa Indonesia. *Elsa Online*. 2014. Januar 6. URL.: <https://elsaonline.com/pancasila-sebagai-milestone-pluralitas-bangsa-indonesia/> (accessed: 15.05.2023).

в контексте поиска и обретения новых сторонников, так как либеральные идеи, разделяемые ими, основанные на правах и свободах человека, необходимости построения и развития гражданского общества, остаются чуждыми для значительной части индонезийских мусульман. Либеральный ислам в современной Индонезии обречен на то, чтобы играть роль второстепенного, зависимого и подчиненного союзника правящих светских политических элит. Функция ислама, представленного проанализированными в данной статье группами, будет сводиться к легитимации тех политических решений, которые будут приниматься и реализовываться правящими политическими элитами.

Вместе с тем не следует приуменьшать роль и значение либерального тренда в исламе Индонезии. Одновременное и параллельное соразвитие и софункционирование либеральных, консервативных и радикальных тенденций в современной истории индонезийского ислама указывает как на актуальность их дальнейшего изучения, так и на необходимость расширения методологических границ, что позволит интерпретировать политический ислам не только в контекстах политического анализа, но, например, и через призму социальной истории. В сложившейся ситуации, таким образом, не представляется возможным исключать, что в период электорального цикла 2024 г. либеральный ислам может быть использован правящими политическими элитами для консолидации электората с целью укрепления своего положения в условиях конкуренции с консервативными тенденциями в умме, представители и сторонники которых активно продвигают ценности политического традиционализма.

Литература / References

Кирчанов М. В. Hilafatul Muslimin как организация радикальных исламистов в Индонезии *Государство, религия и церковь в России и зарубежом*. 2023а. № 2. С. 240–261 [Hilafatul Muslimin as an organization of radical Islamists in Indonesia. *State, religion and church in Russia and abroad*. 2023a. No. 2. Pp. 240–261 (in Russian)].

Кирчанов М. В. Исламское Государство Индонезия в современной индонезийской культуре памяти [The Islamic State of Indonesia in modern Indonesian culture of remembrance (in English)]. *Minbar. Islamic Studies*. 2023b. No. 2. Pp. 337–358.

Кірчанаў М. В. Гісторыя ісламу як аб'ект палітыкі памяці ў Інданезіі [The history of Islam as an object of the politics of memory in Indonesia (in Belarusian)]. *Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Історыя* [Journal of the Belarusian State University. History]. 2022. No. 3. Pp. 82–92.

Arditya A. Tidak hanya berdampak pada praktik politik, menguatnya konservatisme juga bisa menentukan arah republic. *The Conversation*. 2020. Agustus 14. URL.: <https://theconversation.com/tidak-hanya-berdampak-pada-praktik-politik-menguatnya-konservatisme-juga-bisa-menentukan-arah-republik-144424> (accessed: 15.05.2023).

Arifianto A. 'Arus konservatif' masih akan berlanjut pada pilpres 2019. *The Conversation*. 2018. Agustus 13. URL.: <https://theconversation.com/arus-konservatif-masih-akan-berlanjut-pada-pilpres-2019-101436> (accessed: 15.05.2023).

Cahyono, Agama dan Kapitalisme Pasar. *Elsa Online*. 2014. Maret 20. URL.: <https://elsaonline.com/agama-dan-kapitalisme-pasar/> (accessed: 15.05.2023).

Duile T. Kaum sekuler dan ateis Indonesia hidup di bawah bayang-bayang stigma. *The Conversation*. 2017. September 13. URL.: <https://theconversation.com/kaum-sekuler-dan-ateis-indonesia-hidup-di-bawah-bayang-bayang-stigma-79662> (accessed: 15.05.2023).

Fansuri H. Riset: dua alasan mengapa pengaruh NU dan Muhammadiyah berkurang di masyarakat perkotaan. *The Conversation*. 2022. Februari 12. URL.: <https://theconversation.com/riset-dua-alasan-mengapa-pengaruh-nu-dan-muhammadiyah-berkurang-di-masyarakat-perkotaan-176888> (accessed: 15.05.2023).

- Fealy G. Selective moderation: Indonesia — UAE religious diplomacy. *New Mandala*. 2023. April 17. URL.: <https://www.newmandala.org/selective-moderation-indonesia-uae/> (accessed: 15.05.2023).
- Fogg K. W. *Indonesia's Islamic Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 259 p.
- Formichi Ch. (Re) Writing the History of Political Islam in Indonesia. *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*. 2015. Vol. 30. No. 1. Pp. 105–140.
- Hasan P. Why Islam matters in Indonesian politics. *The Conversation*. 2014. July 10. URL.: <https://theconversation.com/why-islam-matters-in-indonesian-politics-28915> (accessed: 15.05.2023).
- Hefner R. W. Islamic Law and Muslim Women in Modern Indonesia. // Cesari J., Casanova J. (eds.), *Islam, Gender, and Democracy in Comparative Perspective*. Oxford: Oxford Academic, 2017. Pp. 82–112. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198788553.003.0005>
- Huda N. *Islam nusantara: sejarah sosial intelektual Islam di Indonesia*. Yogyakarta: Ar-Ruzz Media, 2019. 508 h.
- Kholiludin T. Syi'ah dan Proses Islamisasi di Nusantara. *Elsa Online*. 2011. December 1. URL.: <https://elsaonline.com/syiah-dan-proses-islamisasi-di-nusantara/> (accessed: 15.05.2023).
- Kholiludin T. Anti Syiah, Anti Salib dan Isu Teranyar Para Laskar. *Elsa Online*. 2020. August 9. URL.: <https://elsaonline.com/anti-syiah-anti-salib-dan-isu-teranyar-para-laskar/> (accessed: 15.05.2023).
- Kholiludin T. Otoritas Keagamaan dan Asumsi-asumsi tentang Pergeserannya. *Elsa Online*. 2021. Januar 26. URL.: <https://elsaonline.com/otoritas-keagamaan-dan-asumsi-asumsi-tentang-pergeserannya/> (accessed: 15.05.2023).
- Kholiludin T. Silih Puntangan, Silih Caangan, Silih Elingan: Gereja Kristen Pasundan dan Kepemimpinan Perempuan. *Elsa Online*. 2022. Juli 22. URL.: <https://elsaonline.com/silih-puntangan-silih-caangan-silih-elingan-gereja-kristen-pasundan-dan-kepemimpinan-perempuan/> (accessed: 15.05.2023).
- Kuru A. T. How the world's biggest Islamic organization drives religious reform in Indonesia — and seeks to influence the Muslim world. *The Conversation*. 2021. September 23. URL.: <https://theconversation.com/how-the-worlds-biggest-islamic-organization-drives-religious-reform-in-indonesia-and-seeks-to-influence-the-muslim-world-165064> (accessed: 15.05.2023).
- Mudhoffir A. M. Should we worry about Islamism in Indonesia? *The Conversation*. 2017. May 12. URL.: <https://theconversation.com/should-we-worry-about-islamism-in-indonesia-77480> (accessed: 15.05.2023).
- Oktafiana S. How Indonesian Islamic politics shape mandatory hijab rules and uniform policies in schools. *The Conversation*. 2022. August 12. URL.: <https://theconversation.com/how-indonesian-islamic-politics-shape-mandatory-hijab-rules-and-uniform-policies-in-schools-188595> (accessed: 15.05.2023).
- Ramadhani N. F. Politik identitas tidak akan laku dalam Pemilu 2024, tapi paslon tetap akan siapkan strategi ini. *The Conversation*. 2023. Mei 14. URL.: <https://theconversation.com/politik-identitas-tidak-akan-laku-dalam-pemilu-2024-tapi-paslon-tetap-akan-siapkan-strategi-ini-205624> (accessed: 15.05.2023).
- Riyani I. *Islam, Women's Sexuality and Patriarchy in Indonesia: Silent Desire*. NY.: Routledge: Routledge Press, 2020. 252 p.
- Sumaktoyo N. G. Riset: diskriminasi dalam beragama di Indonesia salah satu yang tertinggi di dunia Islam. *The Conversation*. 2020. Juni 10. URL.: <https://theconversation.com/riset-diskriminasi-dalam-beragama-di-indonesia-salah-satu-yang-tertinggi-di-dunia-islam-139218> (accessed: 15.05.2023).
- Suryana A. Obsesi Indonesia untuk menjaga ketertiban sosial menjadi penghalang perlakuan setara terhadap pemeluk agama minoritas. *The Conversation*. 2021. Agustus 24. URL.: <https://theconversation.com/obsesi-indonesia-untuk-menjaga-ketertiban-sosial-menjadi-penghalang-perlakuan-setara-terhadap-pemeluk-agama-minoritas-166637> (accessed: 15.05.2023).
- Titaly J. A. Indonesia Harus Menjadi Konteks Berteologi. *Elsa Online*. 2014. May 13. URL.: <https://elsaonline.com/indonesia-harus-menjadi-konteks-berteologi/> (accessed: 15.05.2023).
- Warburton E. Indonesia's pro-democracy protests cut across deep political cleavages. *New Mandala*. 2019. October 3. URL.: <https://www.newmandala.org/indonesias-pro-democracy-protests/> (accessed: 15.05.2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-136-149

«ЖИВЫЕ ЧУЧЕЛА» В НЕПАЛЕ: ИЗ ПЕРЕВОДОВ КРИШНЫ ПРАКАША ШРЕСТХИ

Публикация представляет собой рассказы и стихотворения непальских авторов в переводе Кришны Пракаша Шрестхи (1937–2021), литератора и исследователя, знакомящего русскоязычного читателя с непальской литературой, а соотечественников — с русской. Подборка произведений объединена темой домашней прислуги, наиболее бесправной и угнетаемой части непальского общества.

Ключевые слова: Непал, Кришна Пракаш Шрестха, домашняя прислуга, литература, перевод

Для цитирования: «Живые чучела» в Непале: из переводов Кришны Пракаша Шрестхи. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 136–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-136-149

“LIVING DUMMIES” IN NEPAL: FROM THE TRANSLATIONS BY KRISHNA PRAKASH SHRESTHA

Publication of short stories and poems by Nepali authors translated into Russian by Krishna Prakash Shrestha (1937–2021), a writer and scholar, who had familiarized Russian readers with Nepali literature and his Nepali compatriots with Russian classics. The selection is centered on the topic of domestic servants, the most oppressed and humiliated part of the Nepali society.

Keywords: Nepal, Krishna Prakash Shrestha, domestic servants, literature, translation

For citation: “Living dummies” in Nepal: from the translations by Krishna Prakash Shrestha. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2023. No. 3. Pp. 136–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-136-149

Два года назад эпидемия коронавируса унесла Кришну Пракаша Шрестху — непальского писателя, переводчика, исследователя, верного друга нашего института. Он родился в 1937 г. в непальском Тханкоте, окончил факультет журналистики МГУ и долгое время работал на непальской студии Иновещания — в то время наше радио вещало на десятках языков Азии и Африки, противопоставляя свою точку зрения западной пропаганде. Обосновавшись в Москве, он создал здесь семью, но никогда не забывал о родной стране. Одаренный литератор, Кришна перевел на непальский язык немало шедевров русской литературы, познакомив соотечественников с «Цыганами», «Повестями Белкина», «Дубровским», «Алыми парусами», многими другими произведениями. Параллельно с этим в русских переводах Кришны русскоязычные читатели открывали для себя сочинения непальских классиков и современников, например, «Муну и Мадана» Девкоты, «Друга хромого» Бангдела и т. д. Выступая как исследователь, Кришна публиковал на русском языке книги о литературе, культуре и религиях Непала. Член Союза писателей России, он являлся также советником Всемирной федерации непальской литературы, нередко устраивал литературные вечера, приглашая русскоязычных и непальских поэтов обмениваться стихами и идеями. Не обладая официальным дипломатическим статусом, Кришна участвовал как переводчик

во многих переговорах высокопоставленных руководителей двух стран: и русские, и непальцы видели в нем подлинного друга, посвятившего жизнь укреплению российско-непальской дружбы.

Так получилось, что в наш институт Кришна передал для публикации одну из своих последних работ — перевод трех рассказов и стихотворения, объединенных одной темой: положение домашней прислуги. В Непале, как и в других странах Южной Азии, без слуг не обходятся, особенно в городах, даже небогатые семьи. Выходцы из беднейших и социально приниженных слоев, эти, как правило, неграмотные или малограмотные, голодные, забитые люди не просто эксплуатируемы — они унижены, лишены элементарных прав, о коих и не подозревают. Это, как озаглавлен один из рассказов — «живые чучела», единственная доступная форма протеста для которых, уверена героиня другого, — «не рожать слуг для богачей».

К сожалению, в нашей стране непалистика, некогда весьма плодотворное направление востоковедения, практически сошла на нет. Публикуя переводы Кришны Пракаша Шрестхи, журнал не только отдает дань благодарной памяти ушедшему другу и коллеге, но надеется внести хотя бы скромный вклад в давно назревшее возрождение научного интереса к Непалу — стране с драматичной историей, самобытной культурой и, в силу географического положения, немаловажной геополитической ролью.

Е. Ю. Ванина

*Кришна Пракаш Шрестха
(1937–2021)*

Сунита Раи КАНДАНГВА

МОЕ ПОЛОЖЕНИЕ¹

Служанка я, тружусь весь день, не покладая рук.
Кручусь как стрелка на часах, которых слышен стук.
Часы красивые висят, их стрелок вечен бег.
И я как стрелки на часах. Но я же человек!
Я бегаю туда-сюда, мечусь я целый день.
И по земле Терая все моя мелькает тень.
Как битва Махабхарата² — дел бесконечен круг.
Чтоб переделать сразу все, мне надо сотню рук.
А их лишь две, и потому тружусь я день и ночь.
И устаю ужасно я, но некому помочь.
Я как истертый половик, как тряпка жизнь моя.
И кажется, в любой момент могу порваться я.
Мои ступни несут меня по краю бытия.
Мне в тягость труд, и боль души, и даже жизнь моя.
По жизни грузно я иду, мне тяжело ступать.
Ступни горят, на сердце боль, но некуда бежать.
Я часто думаю, грустя о близких и родных.
Наверно, больше никогда я не увижу их.
Смогу ль свободно я вздохнуть еще когда-нибудь?
Но безысходности тиски мою сжимают грудь.
Люблю веселье, праздник я, и стол чтоб был богат.
Чтоб каждый, сидя за столом, и весел был, и рад.
Так мы на Родине моей сидели всей семьей.
Сидели, радуясь всему. Теперь расклад иной.
Сидят хозяева с детьми, а я готовлю им,
И сладости преподношу я деткам не своим.
Им нравится, они едят, все веселы кругом.
Но я грущу, ведь праздник тот не в мой нагрел дом.
Хозяйка любит погостить, меня с собой берет.
А место я в чужом дому уж знаю наперед.
Хозяйка — в зал, она за стол, а мне быть у дверей.
Сижу и жду, и жду, и жду, домой бы уж скорей!
Мне унижительно сидеть, как кошка у двери.
Всем весело, а мне тоска такая — хоть реви!
А то бывает, что порой мне хуже во сто крат.
Как по зеленым по росткам бьет злой, колючий град.

¹ Перевод с языка непали Кришны Пракаша Шрестхи. Стихотворный перевод Нелли Копейкиной.

² Махабхарата — мифическая битва между братьями Пандавов и Кауравов, о которой повествуется в древнеиндийском эпосе «Махабхарата». Иносказательно этим словом обозначается также и неизмеримо трудная работа.

Хозяйка, уходя гулять с семьей куда-нибудь,
Меня за двери гонит прочь, готова даже пнуть.
Притворно-ласкова сама у прочих на виду.
С улыбкой милой говорит: «Ты погуляй в саду.
Мы будем где-то через час, а может, через пять.
Тебе же, милая моя, даем мы погулять.
Но далеко не уходи, у дома будь всегда.
Чтоб у двери ждала нас ты, вернемся мы когда».
И я слоняюсь у двери, и слезы душу жгут.
Как перестать служанкой быть? Как вырваться из пут?
Мне тяжело так дальше жить, страдаю я душой.
Но как, сломав свою судьбу, вернуться мне домой?

Ишвар БАЛЛАБХ³

ЖИВОЕ ЧУЧЕЛО⁴

Перед тем, как начать свой рассказ, Хридай Прасад сказал:

— Это не повесть, не очерк. Это зарисовка — человек, его внешний облик, поступки, характер.

Герой мой неказист с виду: как обычно, две руки и две ноги. Да, только маленькие, тонкие, будто сделанные из бамбукового шеста. Одет он в старый пиджак, а под ним — свитер и рубашка, на голове — *непали-топи*⁵. Страх перед смертью, страх перед жизнью, уйма работы, немногословие, душа, уставшая от постоянных упреков. Некоторые из сохранившихся воспоминаний — сиротство, юношеская увлеченность, желания, гнев и зависть — сливаются в его сознании воедино. Это чучело, *бункхьяча*⁶. Только чучело, которое ставит крестьянин на своем поле, стоит себе без движения, спокойно и смиренно, тогда как это живое чучело приносит воду, ест рис, выслушивает ругань. Единственное, что еще осталось у него от человека, — это желание жить. Мгновение жизни пролетает мимо, не задевая его.

Однажды я спросил, как его зовут, и он ответил: «Балбахадур Бишта Кшетри». Сокращенно — Бале. Если кто-нибудь из читателей узнает себя в моем герое, он может считать это случайным совпадением. А если вдруг совпадет и имя, то это лишний раз докажет правдивость моего повествования. Я люблю своего *бункхьяча*, а тот, кто сочтет себя оскорбленным, может подать на меня в суд. Я же считаю, что это право принадлежит только моему *бункхьяча*.

³ Ишвар Баллабх (1937–2008) — известный непальский поэт, один из представителей литературного движения «Третье измерение» в непальской поэзии, начатого в 1963 году. За сборник стихов «То ли цветы из огня, то ли цветы не из огня» (Катманду, 1974) был награжден престижной литературной премией Непала «Мадан-пураскар» (1975)

⁴ Название в оригинале: *Jīdo būkhyācā*. Перевод с непали Кришны Пракаша Шрестхи. Литературная обработка и редактирование Жанны и Марины Шрестха.

⁵ Непали-топи (*nepālī topī*) — «непальская шапка», национальный головной убор в виде высокой пилотки.

⁶ *Бункхьяча* (неварский *bū* — «поле», *khyā* — «страшило», а *cā* — уменьшительный суффикс) — пугало на поле, т. е. чучело.

Если у него и есть мечты, они так мизерны и никчемны! Конечно, у великих людей все велико: и желания, и мысли, и гнев, и идеалы, а мой *бунксхьяча* даже не помышляет о таких вещах. Бедный *бунксхьяча*... Раз я спросил его:

— Что такое идеал?

— Не знаю...

— Кем бы ты хотел быть?

— Не знаю...

— Не хочешь ли ты быть, например, врачом?

Он засмеялся.

— А юристом?

Снова смех.

— А миллионером?

Он прямо покотился со смеху.

Реального значения этих слов он не понимает. А может быть и понимает, но только подсознательно. Когда он голоден, то думает о еде, когда зябнет — об одежде, когда же холод усиливается, то ни о чем не думает, а съезживается в комок, и зубы его начинают выбивать характерную дробь.

— Эй, Бале,— зовет хозяин.

— *Хаджур!*⁷..

— Рис приготовил?

— Готовлю,— и уходит.

— Эй, Бале,— зовет хозяйка.

— *Хаджур!*..

— Высушил одеяло?

— Сушу...

— Эй, Бале,— зовет зять хозяина.

— *Хаджур!* — покорно отзывается он.

У него выработалась привычка терпеливо выслушивать все крики и упреки. Сделает одно дело — на очереди другое: работа, работа и работа. А постоянные упреки привычны, как подливка к рису.

— Дайте немного крепкого чаю,— попросил он однажды.

— Да какой тебе еще чай?! И так крепкий...

Ему очень хотелось выпить хоть раз крепкого чая.

Его душа не понимает, чем она подавлена, он не знает этого. Тридцать семь лет своей жизни он прожил так. А чего достиг? Какие у него права? Может быть, о правах пишут только в книгах? А идеалы? Может быть, о них сказано в конституциях?..

За те восемь дней, что слуга лежал больным, хозяин израсходовал на него, по его же подсчетам, десять рупий: восемь за двухразовую еду в день и две за крепкий чай. Такова была цена трудов Бале, потраченных им сил: еда два раза в день, «крепкий» чай напоследок.

Хозяин узнал о 10 рупиях в тот день, когда Бале ушел от него, и то потому, что 10 рупий оказались убытком. Но если учесть постоянные упреки и пинки, то никто никому ничего не остался должен. Если бы Бале подал в суд за унижение достоинства, пришлось бы израсходовать в три раза больше.

⁷ *Хаджур* (непал *hajūr*, хиндустан *huzūr*) — господин, также формула ответа слуги хозяину («Слушаюсь», «Что прикажете?»).

А как же плата за труд? Она, поскольку проводится политика централизации, централизована в высотных зданиях, богатых виллах, урожайных плантациях, богатых украшениях. *Бункхьяча* — один человек, а в мире таких, как он, наберутся миллионы. Однако сила всех *бункхьяча* мира не собрана воедино.

Однажды во время работы упала и помялась кастрюля. Хозяин закричал:

— Так-то ты бережешь чужое добро! Его отец твой, что ли, покупал?

Конечно, отец Бале не мог приобрести для него имущества, иначе он не стал бы *бункхьяча*. Но...

Бале уже отработал тридцать семь лет. Он отдавал и жизнь, и силы обогащению хозяина.

Когда-нибудь счет будет предъявлен, но до этого еще далеко. Балбахадур Бишга Кше-три не доживет до этого времени. Сейчас желание жить все еще велико в *бункхьяча*, хотя надежды на лучшее нет никакой. Хозяева тоже хотят жить, у них есть надежда: они хотят построить новую виллу.

Как это ни назвать, Бале и хозяева противостоят друг другу. И смириться с тем, что жизнь — неравенство, не так-то легко.

Однажды *бункхьяча*, воткнув в *непали-топи* куриное перо, сказал:

— Я король.

Подул ветер, перо слетело, и он сказал:

— Я *бункхьяча*. Где ведро? Надо идти за водой.

Бункхьяча взял ведро и пошел к источнику. Он притащил пять ведер воды и присел погреться немного на солнце, растирая занемевшие пальцы рук. Из дома кто-то позвал:

— Бале! Где ты?

Он нехотя встал и пошел в дом. Так и не пришлось ему отдохнуть под солнечными лучами.

Целыми днями он чистил посуду, мыл стаканы и чашки, а к вечеру руки пухли от воды, на них появлялись цыпки. Разглядывая однажды свои натруженные руки, он заметил на ладонях множество линий, в том числе и линию жизни. Вот почему он живет так долго! Линия жизни у него такая длинная. И тут же в его воображении вдоль всей этой линии жизни выстроились бесконечные ряды чашек, плошек, стаканов... Он вздрогнул от этих мыслей, ему стало трудно дышать. Так вот зачем он живет?! Стремление к жизни отпало само собой, однако пути к смерти он не знал. Умереть хотелось легко...

Однажды он пошел за водой; подставив ведро под струю, вытащил из кармана листок из старого английского журнала и стал вглядываться в изображенную на нем кинозвезду: «Очень красивая, но бесстыдница! Кто же выставляет напоказ голые ноги?»

Он поднял картинку высоко над головой и стал разглядывать ее, задрав голову кверху.

— Эй, Бале,— окликнул его Кхампу, другой такой же *бункхьяча*.— Что это у тебя?

— Фото.

— Чье фото?

— Моей жены.

— Это твоя жена? — Кхампу со смехом отобрал у Бале листок и, рассмотрев, сказал:

— Красотка! Где нашел? Отдай это мне. Я приклею на стенку и буду разглядывать перед сном.

Бункхьяча не захотел отдать листок, началась потасовка. Кхампу одержал верх, но листок порвался, и у него в руках оказалась только половина фотографии. Выбросив обрывок на землю, Бале сказал:

— Эх ты, оторвал половину моей женщины!

Кхампу поднял вторую половину и, сложив вместе два обрывка, улыбнулся и начал целовать фото. Бале ничего не сказал.

Вечером у него разболелся живот, и он не смог работать. Хозяин, думая, что он притворяется, обругал Бале. Лежа в постели, Бале думал: «И ему, моему желудку, хочется умереть... Вот были бы все люди одинаковы: у всех одинаковые будни, и счастья поровну — ни больше, ни меньше...»

Однажды такая страна приснилась ему во сне. «Значит, это возможно?» — спросил он, проснувшись, у самого себя. И всем другим рассказывал про свой удивительный сон.

Как-то пришел он ко мне и попросил:

— Напишите, пожалуйста, письмо.

— Кому?

— Моей матери.

— А где твоя мать? — спросил я.

— Умерла, — ответил он.

Я улыбнулся, и он понял, что просит о чем-то невозможном.

А однажды утром он остановился передо мной и спросил:

— Почему все называют меня дохлятиной?

Я молчал.

— Хотя я и тощий, но ведь работаю. Так?

— Да, — ответил я.

— Разве можно упрекать человека за то, что он мало ест?

— Нельзя, — согласился я.

— Ну, я пойду, — сказал Бале, стерев рукой выступившие на глазах слезы.

— Ступай.

Балбахадур Бишта Кшетри никогда не менял хозяина, — так закончил свой рассказ Хридай Прасад. Он умер от болезни желудка. Перед смертью Бале попросил крепкого чая. Хозяин сам приготовил и принес ему крепкий чай...

Кедар САНКЕТ

СЛУГА И ХОЗЯИН⁸

Слуга любил писать чего-то, украдкой на заре писал.

Хозяин же жалел бумагу и страсть слуги не одобрял.

А парню так писать хотелось, наружу рвался стих всегда.

Хозяин не давал бумаги, да и ругался, вот беда!

А тот поэт — слуга-садовник, прекрасной девушкой любим,

Той, что ему безмерно верит, судьбу делить готова с ним.

Ему она на день рожденья преподнесла подарок свой:

Пакет со сладостями, фрукты и подала своей рукой

⁸ Перевод с языка непали Кришны Пракаша Шрестхи. Стихотворный перевод Нелли Копейкиной.

Тетрадь и карандаш в придачу. И попросила в ней писать
Свои раздумья и тревоги, то, что в душе не удержать.
И он писал, черкал и правил, тетради душу изливал.
Чтоб высказать яснее мысли, он добавлять рисунки стал.
Писал о жизни, о любимой, писал о счастье, о беде.
Стихи его все полюбили, читали те стихи везде.
Стихи печатались в газетах, и стал народный он поэт.
Он стал любим своим народом, хотя ему немного лет.
И вот однажды в жаркий вечер курил хозяин свой кальян
И, увидав слугу с экрана, опешил просто как болван.
Глазам своим он не поверил: слуга его — и вдруг поэт!
Еще художник он при этом! Ему же только двадцать лет!
К тому ж он бедный, работяга, чего он может написать?
Что может знать он в этой жизни? Он простолюдин, так сказать!
Хозяин кинулся к прислуге: «А ну-ка, парень, ты шалишь!»
Слугу на месте не застал он. А на столе записка лишь.
Поэт с хозяином прощался. Еще такое написал:
«Я сам своей судьбы хозяин! Народным я поэтом стал!»

Сунита Рай КАНДАНГАВА⁹

Я И МОЯ ХОЗЯЙКА¹⁰

— Говори громче! Ты же знаешь, что я плохо слышу. Подойди поближе и покажи, что купила. Знаешь ведь, что я плохо вижу! Относись ко мне с уважением! Вот когда тебе стукнет столько же лет, сколько мне сейчас, тогда поймешь!

Как же надоедают эти ежедневные наставления! Но приходится спокойно выслушивать. И я молчу. А заговорю погромче, то сразу же слышу упреки:

— Ты что меня, старушку, обижаешь?

Заговорю тихо — снова жалоба:

— Ты же знаешь, что я плохо слышу!..

При этом она слышит даже тихий шорох. И пылинку на полу видит. А газеты читает с помощью лупы. Память у нее куда лучше, чем у меня, прожившей на свете три десятка лет. Ей уже минуло девяносто три года. А активна не по-стариковски! Ум острый, горда, ни дать ни взять — молодая. Только физически слабовата: все-таки годы.

При всем развитии технического прогресса она переписывается со своими близкими друзьями по-старому. И от них письма получает. Просто удивительно, какая активная! Ведь

⁹ Сунита Рай Кандангава — поэтесса, генеральный секретарь Всемирного центрального комитета Глобальной федерации непальской литературы, родилась в Окхалдхунге, в настоящее время живет в Израиле.

¹⁰ *Ma ra merī māliknī*. Перевод с непали Кришны Пракаша Шрестхи.

по телефону все чувства не передашь, которые в письме можно высказать. Раньше письма огромную роль играли, да и теперь не меньше.

Правда, в последнее время она уже не в силах писать письма, получает их и благодарит по телефону. Возраст все-таки дает себя знать. Тем не менее мысли она излагает четко, как и прежде, тверда в своих намерениях. У нее нисколько не уменьшилась жажда жизни. Наверное, удовлетворение растущих потребностей — естественное свойство человека, и он рождается в мире именно ради достижения этой цели. Тайну жизни невозможно раскрыть, как ни старайся. Может быть, поэтому некоторые философы советуют жить в настоящем.

Будда учил, что в мире все быстротечно, никто вечно не живет. Поэтому нужно победить свою гордыню и стараться никого не обижать. Когда глядишь на мою хозяйку, то кажется, что она в молодости, когда шла по улице, других прохожих толкала. И сейчас она такая же, когда уходит куда-нибудь. Ей нельзя ни в чем возражать — сразу упрекать начинает. Стоит с ней поспорить, она всегда остается побежденной, произнося при этом: «Ты зачем старушку обижаешь?» Что на это скажешь? Кого она обидела, тот сам просит у нее прощения и уступает дорогу. Всякий раз, как вижу такое, становится не по себе. Но, чтобы разрядить обстановку, я улыбаюсь и иду дальше.

Самое удивительное то, что она прекрасно видит, слышит, и память у нее тоже отличная, но в любом споре всегда готова обвинить другого. Не смогу смириться с ее притворством. Например, она прекрасно видит, какое время на часах. Но непременно показывает свои часы и спрашивает: «Посмотри, который час?» Она также прекрасно знает, по какому каналу идет такая-то программа. Но при этом время от времени спрашивает меня:

— Скажи, пожалуйста, эта передача на каком канале?

Где бы в тот момент я ни находилась, я должна быстро зайти к ней и сказать, какой канал. Она прекрасно знает, как звонить по телефону, но именно я должна набрать нужный ей номер. Она прекрасно себя чувствует до тех пор, пока меня не видит. Но как только она видит меня, то сразу начинается:

— Это не так! Не так надо! Здесь то и то... Там — так, а тут этак...

Будто все неправильно, все не так! ... Часто думаю: все хозяева одинаковы? Душа болит, но я вынуждена терпеть. Нет у меня другого выхода. На барометре моей нужды погода не меняется, поэтому я должна терпеть все капризы хозяйки.

Вспоминаю родных, живущих далеко от меня, и грудь словно тиски сжимают. Не с кем делить душевную боль в темную ночь. А в дни праздников, когда все родственники хозяйки собираются вместе, мне вообще плохо. Я чувствую себя одинокой в этой среде. Я ведь простая служанка, должна обслуживать их. Нужда и обстоятельства обрекли меня на эту роль. И сердце, и мозг в напряжении: неизвестно, когда хозяйка позовет. Кажется, что я только для того и существую, чтобы ее приказы выполнять. Утром и вечером, когда я массирую ее ноги, вспоминаю родителей. Ведь дома мне не приходилось даже майки родительские стирать. Мама мне не давала даже касаться грязной одежды и говорила:

— Грешно заставлять дочку стирать!

Я смотрю в окно, вижу сад, где цветут цветы, и думаю: «Насколько эти цветы чище, счастливее и свободнее меня! Я — человек, но я заточена в четырех стенах!» Такие мысли еще больше ранят мою душу.

— Ты же знаешь, что я плохо вижу! Зачем этот стакан рядом со мной поставила?..

Ворчание отвлекает меня. Я встаю, поднимаю опрокинутый стакан и вытираю со стола разлитый фруктовый сок. Если бы можно было очистить свою судьбу, как этот стол, с каким бы

удовольствием я это сделала! Я бы ушла из этого дома, сказав хозяйке: «До свидания!» Но я сажаю ее в инвалидное кресло для прогулки на свежем воздухе... Она сидит впереди, а я толкаю сзади...

Порой она выглядит утомленной от долгой жизни, рассматривая ее с высоты прожитых лет. В такие моменты я говорю ей:

— Если вспомнить прошлое, то весь мир кажется театром, а мы словно герои пьесы. Каждое творение мира — прекрасно! Подумайте! Не кажутся ли вам загадочными все повороты жизни? Чем больше мы стараемся разгадать эту тайну, тем сложнее она становится! Разве не так?..

— Хватит! Не читай мне лекцию! Запомни, я старше тебя на пятьдесят девять лет!..

После этого мы молчим долго... и отправляемся назад.

Я молча вынимаю ее из кресла и сажаю на кровать. Как бы мы ни спорили между собой, она никогда не забывает мне сказать:

— Спасибо!

Кажется, так принято в цивилизованном обществе. В последние дни она больше молчит и мало говорит. Да, теперь она на самом деле плохо видит. В те дни, когда она четко видела предметы, всегда говорила раздраженно и даже грубо обращалась со мной, смотря на меня свысока. Проявляя свое превосходство хозяйки, не скупилась на попреки:

— Разве ты не знаешь, что я плохо вижу?!..

Но теперь она совсем прекратила выражать недовольство, перестала упрекать даже «своего» Бога! Мне кажется, что она уже признала свое поражение от жизни. Теперь я уже совсем не слышу от нее:

— Я плохо вижу!

Нилам Карки Нихарика¹¹

ЗАЧЕМ РОЖАТЬ СЛУГ ДЛЯ БОГАЧЕЙ¹²?

Одним из основных источников рекрутирования домашней прислуги в Южной Азии являются разорившиеся крестьяне. Не имея возможности выплатить долг (традиционному ростовщику или банку), они теряют права на свои земельные участки. Одни остаются в деревне батрачить, другие отправляются в города и, самовольно установив на какой-либо пустоши, у рек или в парках хижинки из подручного материала, пытаются заработать на пропитание — полиция часто разгоняет этих скваттеров и сносит их поселки. Те, кому повезет, устраиваются чернорабочими на стройки, возчиками, рикшами и часто домашними слугами; менее удачливые уходят в нищенство и криминал. В Непале таких жителей трущоб называют сукумбаси¹³. Недавно правительство страны приняло программу легализации участков под хижинами сукумбаси, закрепив за ними территорию их поселков; инициирован ряд программ помощи этим обездоленным людям. А на политическую арену даже вышла Непальская партия сукумбаси (демократическая). До большинства сукумбаси, как обычно, все эти меры не доходят: они продолжают жить в своих хижинах, служить богачам и рожать для них будущих слуг. Или не рожать...

¹¹ Нилам Карки Нихарика (род. 1974) — лауреат престижной литературной премии Непала «Мадан-пураскар» (2018), поэтесса, писательница, автор нескольких сборников рассказов и романов.

¹² Название в оригинале *Dhanikā logi naukar kin janmāune?* Перевод с непали Кришны Пракаша Шрестхи.

¹³ Сукумбаси (*sukumbāsī*) — точная этимология неизвестна. Второй его корень (*bāsī*) означает «живущий», «поселившийся». Первый иногда возводят к названию индийского штата Сикким, куда активно мигрировали непальцы, иногда к *sukun* — «мирный, благополучный».

Мрак сгущается. Сверкает молния, гремит гром. Черные тучи распирают свои владения. Небо темнеет. С сильным порывом ветра началась буря. Ливень хлынул на землю.

Весь город во тьме. Электричества нет. Ветер погасил керосиновые лампы, и в хижинах темно. Сахинли¹⁴ возилась на кухне, готовя ужин. В кипящей воде подвешенного над очагом горшка подпрыгивали зернышки риса. Сильный порыв ветра ворвался в кухню через дверь, и Сахинли тут же вылила в очаг всю воду из *амхора*¹⁵, чтобы искры не разлетелись, а то не миновать пожара. Горящий очаг зашипел и погас.

Сахинли попыталась закрыть дверь, но порывистый ветер мешал ей. Да, дверь — одно название, куда ей противостоять сильному ветру и ливню! Женщина убрала постель в дальний угол. С крыши капли воды сочились прямо в спальню. Сахинли попыталась что-то подставить под водяные струи. В конце концов все сосуды в доме переполнились, но дождь все равно заливал комнату.

Женщина уселась на краю кровати, надеясь, что ливень быстро кончится, но он хлынул с новой силой. Вода уже не только капала с крыши, но просачивалась через дверные щели. Сахинли отодвинулась, чтобы не мокнуть. Но в комнате уже не было сухого места. Сахинли уперлась спиной в стенку. Медленно опустив ноги с кровати, обнаружила лужу на полу. Быстро открыла дверь и позвала:

— Эй, сестра-соседка! Эй, сестра-соседка!

Ее голос потонул в шуме ливня.

Вместо стола в комнате была доска, поставленная на четыре камня. На ней находились все пожитки Сахинли. Она нащупала вещи и перенесла их на кровать. Вспотела, хоть и промокла до нитки. Женщина с нежностью погладила жестяной сундучок — подарок мужа на годовщину их свадьбы.

Появился отец Далле¹⁶ с фонарем в руке.

— Ливню конца нет, — сказал он. — В доме сухого места и для кунжутного зернышка не сыщешь, все залито. Народ уже давно в *дхармашале*¹⁷ собрался. Хлынет река сюда — беды не миновать. Давай, быстро! Пошли к храму!..

Сахинли стояла молча. Отец Далле настаивал:

— Нельзя медлить ни минуты! Все уже поднялись к храму, только мы да кое-кто из соседей остался. Не думай ты о вещах! Шевелись!

Сверкнула молния. Рис в горшке остался сырым. На тахте лежал обшарпанный металлический сундучок, а на кровати — куча мокрого постельного белья и одежды.

Промокшие до нитки люди шли к храму. Кто раньше пришел, сумел устроиться и уже лечь спать. А опоздавшие довольствовались тем, что хотя бы укрылись от дождя. Их тела были облеплены промокнувшей одеждой...

Дети громко кричали и плакали, родители пытались их успокоить, иногда колотушками. Но они кричали все громче, казалось, от их воплей лопнет земля.

В *дхармашале* собралась и беременные женщины, и роженицы с младенцами. Там было множество маленьких детей, были юноши и девушки, новобрачные, пожилые... Кого только не было — наемные рабочие, косари, рикши, чистильщики, дровосеки, каменщики, разносчики газет, слуги и даже повитухи... Собралась те, кто жил в хижинах, расположенных вдоль

¹⁴ Сахинли (*sāhinlī*) — в непальских семьях третья дочь или жена третьего сына (*sāhinlo*).

¹⁵ *Амхор* (*amhor*) — сосуд для воды.

¹⁶ В непальских и индийских семьях муж и жена, а также соседи часто называют друг друга «отец/мать такого-то» (по имени ребенка). Отец Далле — сосед героини.

¹⁷ *Дхармашала*, *дхарамшала* — постоянный двор для паломников при храме.

реки. Это были люди, не имевшие ни клочка своей земли и кое-как ставившие свои хижины на ничьей. Все называли их пришельцами — *сукумбаси*! Сейчас их выгнали из хижин сильный ливень и наводнение.

Муссонный дождь не угрожает высоким и крепким домам. Ливень и наводнение их обитателям не страшны, наоборот, приятны. Они лежат на теплой постели, наслаждаясь прохладным ветром. Сверкающая молния и раскаты грома для них — необыкновенная природная музыка. Набухшая от наводнения река — прекрасный танец.

Дождь лил не переставая. Уставшие от плача дети уснули, но к утру начали капризничать. Некоторые даже стали требовать:

— Хочу кушать!

Одна женщина в ту страшную ночь лишилась своего новорожденного ребенка. Дитя, которому еще не дали имя, покинуло эту землю безымянным. Несколько человек, забрав бездыханное тело новорожденного, отправились к месту кремации — *гхату*.

— Бедняжка! Холод забрал душу ее малыша!

— Ну и слава богу. Мучиться на земле не будет!

— Каково-то ей, ведь первенец!

— Несчастливая мать!

— Разве легко детей растить? Сколько мучений! Хорошо Сахинли, детей нет. Заботы никакой — ешь, пей, одевайся — не о чем беспокоиться!

— Когда же перестанет дождь? Льет и льет!..

— Ужас! Как бы не унесло нашу хижину!

— Вечно в страхе живем! То пожар, то наводнение. А хуже всего полиция! Придут и разрушат наши хижины! Даже ночью приходят нас гонять. Ни минуты нет покоя: ни днем, ни ночью!

— Вот бы нам земли, хоть два локтя. Была у нас неорошаемая земля в деревне, и то пьяница свекор пропил. Нам одни долги оставил, от ростовщиков бежать пришлось!

— Мы — потомственные сукумбаси. И наши внуки, и правнуки останутся такими же нищими. Родились в нищете, нищими и умрут!

Так изливали свое горе женщины. Ливень все же решил сменить гнев на милость. Вернулись те, кто ходил за едой. Мать Далле дала Сахинли два куска хлеба, и та осторожно вернула их в край своего сари.

С храма был виден бурный поток набухшей от наводнения реки. У самого берега реки стояли хижины с соломенными крышами. Ряд высоких деревьев отделял поселение бедняков от города, его высоких домов.

А вот и первый луч солнца, река и городская улица засверкали, как бы насмехаясь над хижинами бедняков.

Люди потянулись вниз, к реке. Один Сахинла со свертком в руке поднимался вверх.

— Что ж поделаешь! На хозяина работал. Они дочку замуж выдавали, как работу оставишь? Дома беда — все равно. От хозяина зависит наша судьба! А мне хозяйский повар Бхансебадже отдал этот сверток: «кушай, мол».

Сахинла отдал сверток Санхили, она спросила:

— Ты сам-то поел?

— Да! Ночью со свадебного ужина. Я сыт, ты кушай!

Мокрые одежды Сахинли уже высохли. Муж и жена, Сахинла и Сахинли, медленно спустились вниз, к своей хижине.

На полу маленькой однокомнатной хижины с соломенной крышей образовался водоем. Сахинла и Сахинли попытались просушить пол, вычерпывая воду кружкой. Горшок с недоваренным рисом, другая посуда, постель — все было залито водой. Рис в горшке перемешался с глиной, и Сахинли рассказала мужу, что не успела его доварить. Высушив глиняный пол, Сахинли стала его равнять, а Сахинла начал чистить стену хижины.

Они зажгли огонь в очаге, но мокрые дрова только дымили. Постель попытались высушить над очагом, но она и к вечеру осталась мокрой и пахла дымом. Пришлось коротать ночь у очага...

Утром, когда Сахинла проснулся, ему было не по себе. Тем не менее он встал и отправился к хозяину за коляской. Сахинли молвила:

— Пойду-ка я к подруге. Схожу с ней в лес за хворостом. Надо закрыть дыру на крыше. На завтрак кое-что оставлю, придешь — покушай.

Сахинла, кивнув головой в знак согласия, отправился в путь.

Он занял коляску у хозяина, раза четыре перевез вещи и, поставив коляску под деревом *ним*, размял табак на ладони и угостил приятеля.

Тот взял щепотку и спросил:

— Сахинла, ты что, болен?

— Уже несколько дней простуда и кашель донимают. Промок, да и устал. И жар есть. Но работа есть работа! Не будешь же сидеть сложа руки, хотя и болен? Кто же за меня будет работать?

— Что же ты женился, а детей до сих пор нет? Были бы взрослые дети, как у меня — мог бы, если болен, и дома отдохнуть. Ведь дети — это опора в старости!

— Что подделаешь? Такова судьба! — глубоко выдохнув, сказал Сахинла.

— Да ну тебя! Что ты мелешь? Разве ты не мужчина?

Сахинла почувствовал сильную усталость. Ноги онемели, и он был не в силах крутить педаль. Кое-как приволок коляску к хозяину, отдал заработанные деньги и молча отправился домой.

Сахинли сушила дрова у очага. Увидев мужа, возвратившегося с мрачным лицом так рано, сбросила полена на пол и встала ему навстречу.

— Ты что так рано? На тебе лица нет. Захворал, что ли? Я сегодня не пошла в лес. Говорят, после вчерашнего ливня в лесу оползень был. Кто в лес идет, полиция штрафует. Надо будет завтра до петухов сходить, пока полицейские будут спать!

С этими словами она приблизилась к Сахинле и коснулась ладонью его лба.

— Ой, да у тебя жар! Как же быть теперь? Отдохни! Лечиться тебе надо. Мне придется подыскать какую-нибудь работу. Попрошу у лавочницы, она поможет...

Вдруг Сахинла заорал на нее:

— Что ты мелешь? Где это слыхано? При живом муже жена станет служанкой в чужом доме! Только этого не хватало! Надо было, как другие, родить сына! Работал бы он сейчас, когда я хвораю! Теперь, по-твоему, я должен за твой счет жить? Никогда!..

— Что же теперь вспоминать? — примирительно ответила Сахинли. — Не горюй, что было, то было, прошлого не вернешь. О настоящем думать надо! Руки есть, на жизнь зарабатую, а это главное.

Сахинла еще громче раскричался в ответ:

— Не могла сына родить! Вот и говоришь так! Человек не должен умереть, не оставляя потомка после себя!

Сахинли не выдержала:

— Что же делать? Ты не понял? Кто себя прокормить не может, должен еще один лиш- ний рот произвести? Если тебе нужен сын, то женись на той, которая тебе его родит. А на меня не рассчитывай!

— Понадобится — и женюсь! Подумаешь! Что за упреки? Я что, живу за счет твоих родителей? Твой хлеб ем? Ишь, ты, какая гордячка наплась!

Бормоча, Сахинла вышел из хижины. Сахинли, не зная, что делать, грустно сидела без движения у очага. Она не хотела ворошить прошлое, которое давно заперла на замок, но про- тив воли снова начала бродить в лабиринтах воспоминаний...

Хозяин отправил сына с дедом и бабушкой в город, и Сахинли с Сахинлой отослали туда же своего: хозяин обещал устроить его в вечернюю школу. Они верили, что мальчик нау- чится грамоте и станет человеком. Сын их был почти ровесником хозяйского внука и поселился с ним вместе в городской квартире. Мальчик-слуга убирал комнаты, мыл посуду, стирал оде- жду и т. д. Всем этим он занимался с утра до вечера без отдыха. Учиться было некогда. Стоило хозяевам увидеть, что он ничем не занят, тут же посылали его в магазин или приказывали сти- рать одежду. Раз, выстирав постельное белье, он понес его сушить на крышу¹⁸, поскользнулся и упал с четвертого этажа: бедняга даже «мама!» крикнуть не успел. В огромном городе некому было проводить его в последний путь.

Сахинли к этому времени уже родила второго. С сыном на спине она вынуждена была таскать кирпичи, камни или дрова, чтобы заработать на пропитание. Малыш, понятное дело, был хилым. Скоро он заболел дизентерией и последовал за старшим братом. Никому до сих пор не рассказывала Сахинли о пережитом. Когда речь заходила о детях, она просто заявляла:

— Зачем рожать слуг для богачеев?

Сахинли больше не хотела пережить все это снова. Сдерживая сердечную боль и слезы, она молча чистила посуду¹⁹ в доме хозяина. На поверхности вычищенной до блеска посуды она четко видела лица своих умерших сыновей, и боль становилась невыносимой...

Сахинли открыла ключом дряхлый жестяной сундук, вытащила мешочек, а оттуда — дет- скую одежду. Разгладив руками рубашонку и штанишки, бережно положила на крышу, чтобы высушить. Эта одежда, купленная для первенца, служила и второму малышу. Она помнила, как, беременная, она экономила на еде, чтобы купить ее. Эти тряпки должны были согреть малы- шей в зимнюю стужу. Она вытерла слезы рукавом, чтобы не ронять их на пол...

Сахинли почувствовала запах самогона — *факси*. Ее муж Сахинла подошел и подал жене бумажный сверток с жареной соей и мелкими кусками сушеного мяса — *сукути*. Взглянув на дет- скую одежду, он глухим голосом молвил:

— Сахинли! Ты что, до сих пор хранишь все это барахло?

¹⁸ Крыши непальских и индийских домов плоские, на них отдыхают и сушат одежду.

¹⁹ Индийцы и непальцы традиционно используют металлическую посуду, которую хозяйка или служанка чистит песком и полирует до блеска.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-150-162

ЕЗИДСКИЙ ЗИККУРАТ

© 2023

Ю. Р. Дасни¹

В данном исследовании, посвященном езидской святыне и основанном на повествовании о Сотворении мира, как изложено в священном писании «Черная Книга» и других источниках, представлена идея о божественном творении зиккурата, архитектурные элементы которого соответствуют солнцу, небу и земле, как бы связывая мир земной с миром небесным. Присутствие подобной храмовой символики в зиккurate Лалиш, пронизанной культовыми мотивами, в этой работе не случайно. Оно основано на религиозном учении, тексты которого предлагают альтернативное, идеализированное видение земного храма как места постоянного невидимого присутствия Бога на Земле. Верховный архангел Малик Таус представлен как верный последователь священнического служения, покровитель езидской общины и защитник их святилища, получающий откровение об истинном от самого Всевышнего. Величественный миф веры в Святая Святых, в божественное творение зиккурата, представший перед первоезидами в начале Сотворения мира, служит цели представления зиккурата Лалиш как архетипического образа, которому Бог придал «идею священства» и которому езиды поклоняются на протяжении многих тысячелетий. Мотивы зиккурата и его священства, содержащиеся в езидском священном писании и других исторических сочинениях, оказывают важное влияние на развитие езидской религиозной традиции, в которой изложены откровения об идеализированном храме.

Ключевые слова: зиккурат, зиарат, Лалиш, езидский храм, езидская святыня, езиды, курды

Для цитирования: Дасни Ю. Р. Езидский зиккурат. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 150–162. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-150-162

YEZIDI ZIGGURAT

Yury R. Dasni

In this study dedicated to the Yezidi shrine, based on the narrative of the Creation of the world, set forth in the holy scripture “Black Book” and other sources, the idea of the divine creation of a ziggurat, whose architectural elements correspond to the sun, the sky and the earth, that connect the earthly world with the heavenly world, is presented. The presence of such temple symbols in the Lalish ziggurat, permeated with cult motifs, in this work is not accidental. It is based on the Yezidi religious teaching, the texts of which offer an alternative, idealized vision of the earthly temple as a place of permanent invisible presence of God on Earth. The Supreme Archangel Malik Taus is presented as a faithful follower of the priestly ministry, the patron of the

¹ Дасни Юрий Романович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; yudasny@gmail.com

Yury R. Dasni, PhD (Politics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; yudasny@gmail.com
ORCID: 0009-0001-1463-3592

Yezidi community and the defender of their sanctuary, receiving revelation about the truth from the Almighty himself. The majestic myth of faith in the Holy of Holies, in the divine creation of the ziggurat, which appeared before the first Yezidis at the beginning of the Creation of the world, serves the purpose of presenting the Lalish ziggurat as an archetypal image to which God gave the “idea of the priesthood” and which the Yezidis have worshipped for many millennia. The motives of the ziggurat and its priesthood contained in the Yezidi Holy Scriptures and other historical writings have an important influence on the development of the Yezidi religious tradition, which contains revelations about an idealized temple.

Keywords: ziggurat, ziarat, Lalish, Yezidi temple, Yezidi shrine, Yezidis, Kurds

For citation: Dasni Y.R. Yezidi Ziggurat. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 3. Pp. 150–162.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-150-162

Религия неразрывно связана с мировой историей и по сегодняшний день является одной из важнейших частей общественной жизни человечества. Во все времена храмы являлись наиболее значимыми сооружениями любой религиозной общины, которые к тому же строились сообща, так сказать, «всем миром». На сегодняшний день каждая из религий имеет свои религиозные сооружения, которые отличаются своеобразием архитектуры, и по их облику легко определить, какой конфессии принадлежит тот или иной храм.

Езидизм² — одна из древнейших религий мира. Это монотеистическая религия, и ее последователи известны как езиды. Религия основана на учении о Сотворении мира Богом при помощи семи Великих Ангелов. Приверженцы езидизма верят, что Бог возлюбил их общину и назначил им в покровители своего верховного ангела Малика Тауса³, что в переводе означает Ангел Солнца и Луны, или же Ангел Света и Тьмы. Испокон веков езиды считают себя «народом Малика Тауса», то есть своего ангела-покровителя.

С глубиной древности по сей день у езидов есть свои святыни с уникальным архитектурным стилем, которые называют «*зиккурат*» (курд. зиярат)⁴, что в переводе с курдского означает

² По мнению самих езидов и многих курдов, большая часть курдов-мусульман до того, как они были обращены в ислам, исповедовали езидизм. Такой же точки зрения придерживаются многие исследователи и известные ученые, например, Н. Я. Марр [Марр, 2011].

³ Известно, что некоторые названия и имена на разных языках часто имеют разное написание и произношение. Например, курдское самоназвание «êzdi» по-русски пишут «езид», по-английски «Yezidi», по-французски «Yézidis», по-немецки «Yeziden». В частности, по-курдски произносят «Melek Tawus», по-русски слово «melek» известно как «малик» — отсюда произношение «Малик Таус».

⁴ Некоторые востоковеды придерживаются мнения, что термины «*зиккурат*» и «*зиярат*» не идентичны. Такого мнения, в частности, придерживается ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН К. В. Вертяев. Действительно, езиды сегодня называют свои святыни «зиярат», но неизвестно, как они называли их в древние века. Известно, что слово «зиккурат» шумеро-вавилонского происхождения, и первые такие башни появились в долине Тигра и Евфрата предположительно в IV тысячелетии до н. э. Но езиды живут на этой земле испокон веков (это мнение подтверждается многими известными учеными, в частности, Минорским В. Ф., Марром Н. Я., Орбелли И. А., Лазаревым М. С.) и считают себя потомками шумеров и вавилонян. Известно также, что языки находятся в постоянном движении и на протяжении веков слова и их значения трансформируются и меняются с каждым поколением. Возможно, раньше курды называли свои храмы «зиккурат», возможно, это слово имеет иноязычное происхождение, но в любом случае научные исследования по этимологии этого термина не проводились и в русском языке общепринятым названием ступенчатого храма является «зиккурат», поэтому автор предлагает использовать в данной работе термин «*зиккурат*», а не известный русскому читателю «*зиярат*».

Также есть мнение, что слово «зиярат» вошло в курдский язык из арабского и означает «посетить». На самом деле это слово иранского происхождения и означает «посещение и поклонение святому месту». В качестве подтверждения можно привести довод, что когда арабы в VII в. пришли в Месопотамию, то «зияраты» там уже были. И, скорее всего, это слово перешло в арабский через курдов, которые приняли ислам, но продолжили посещать и поклоняться святым местам их прежней религии. До сих пор есть курды-мусульмане, которые посещают езидскую святыню Лалиш. Через курдов-мусульман поклонения святым местам — «зияратам» распространилось среди

«святое место», предназначенное для посещения верующих в единого Бога, совершения ими богослужений и религиозных обрядов. Термин «*зиккурат*» имеет более широкое понятие, чем храм, и включает в себя землю, культовое сооружение, называемое «кубе (курд. Qube)»⁵, а также другие сооружения, предметы, растения и даже камни, расположенные на этой земле. В священном писании «кубе» представляется как «дом для собрания верующих» или «дом молитвы», и его даже называют «дом Господа (курд. Mala Xwedê)». Согласно учению, в храме всегда присутствует невидимый для человека Бог в окружении ангелов и святых.

В священном писании езидам даны пояснения от Всевышнего, каким должно быть место для богослужений и каким по архитектуре должен быть храм (Qube). Езидский зиккурат представляет собой ступенчатое сооружение в виде пирамиды, в основе которого стоит прямоугольное или четырехугольное ступенчатое сооружение, на поверхности которого возвышается конусовидный купол с острыми гранями. Езидское духовенство — шейхи и пиры (далее по тексту священники) объясняют это так: «Четыре угла здания символизируют четыре стороны света, количество ступеней (уровней) может быть от трех до семи, но наиболее примечательная часть езидского храма — купола, которые являются самой главной особенностью сооружения: конусовидная форма с широким основанием и зауженной вершиной символизирует устремленность вверх, к Богу; острые грани куполов символизируют лучи солнца; навершие купола, увенчанное медным шаром, символизирует земной шар, а направленный ввысь заостренный наконечник символизирует, что все на земле подвластно Богу». Каждый купол традиционно посвящается одному из почитаемых в общине святых⁶ или какому-то важному для общины памяtnому событию. Если куполов несколько и они имеют разную величину, то подобно иерархии езидского общества больший по размеру купол посвящается наиболее старшему по чину почитаемому святому.

Снаружи стены езидского храма просты, без каких-либо украшений. Интерьер его также прост, в нем нет никаких изображений, икон или мозаики. Как объясняют езидские священники, подобный интерьер зиккурата — это древняя традиция. Зиккурат — это особое место нахождения человека пред Богом. Когда человек находится в зиккурате и обращается к Богу, его ничто не должно отвлекать от молитвы, он должен быть полностью сосредоточен на общении со Всевышним. Когда человек приходит в храм и предстает перед Богом с молитвой, ему надо думать над тем, что он хочет сказать Богу, что хочет Ему открыть или о чем просить. В храме надо пребывать в молитве, а не в разговорах или в восторгах от увиденного.

Из мировой истории известно, что зиккураты существовали во многих городах Месопотамии⁷. Подобные сооружения возводились в древних государствах — Шумере, Мидии, Египте, Вавилоне и Сасанидской империи. В них собирались верующие для вознесения молитв во время постов и религиозных праздников, в них выступали цари, учили религиозные гимны, обсуждались общественные дела. По своему архитектурному облику и назначению современные езидские зиккураты очень напоминают шумерские и вавилонские зиккураты — ступенчатые сооружения с широким основанием и узкой пирамидальной вершиной. Немаловажным фактом, свидетельствующим об отношении езидов к этим цивилизациям, является и то, что, зная современный

других мусульман. Далее по тексту будем придерживаться общепринятого написания в русском языке личных имен и названий.

⁵ Кубе, то есть купол (лат. cupula, уменьшит. от cupa), — пространственное конусовидное покрытие зданий и сооружений, которое в основном применяется в религиозных сооружениях и общественных зданиях.

⁶ Так, например, в Лалише главный купол посвящен шейху Ади.

⁷ Месопотамия или Междуречье — буквально земля между двумя реками, Тигром и Евфратом, которые берут начало с гор современного этногеографического Курдистана. На этой земле курды живут испокон веков.

курдский язык, можно расшифровать множество древних терминов, например, Гильгамеш (человек-бык), Навуходоносор (красное божество), Вавилон (отечество) и т. д. Известно, что вавилоняне называли себя «мер бабили», что в переводе с курдского буквально означает «мужчины Вавилона». Есть еще много других оснований считать езидов потомками вышеназванных цивилизаций. Например, сохранившееся у них кастово-теократическое устройство общества, поклонение солнцу, похожие ритуалы, обычаи и т. д. Но самое главное — это автохтонное проживание на этой земле и историческая память народа, которая связывает их с древними государствами.

Как видим, современный езидский зиккурат, как и его предшественник в древней Месопотамии, представляет собой многоступенчатое культовое сооружение, типичное для шумеро-вавилонской архитектуры — башню из поставленных друг на друга усеченных пирамид — от 3 у шумеров до 7 у вавилонян⁸, устремленных ввысь к Богу и имеющих классический интерьер без всяких украшений. Известно, что главный вавилонский храм, который был построен царем Набу, назывался храмом Эзида. У езидов цифра «7» до сих пор является сакральной и связана с числом Великих Ангелов, которых, как известно, семь. Весьма интересное определение зиккурата содержится в Библии [Бытие, глава 11:1–9], где, в частности, говорится, что «после Всемирного потопа человечество было представлено одним народом, который разговаривал на одном языке. В Междуречье (в нижнем течении Тигра и Евфрата), в городе Вавилон, люди решили построить башню, которая, по их замыслу, своей вершиной должна была достать до неба. Строительство башни было прервано Богом: чтобы усмирить их гордыню, он дал людям разные языки, тогда они перестали понимать друг друга и не смогли продолжить строительство башни, из-за чего рассорились и разошлись по всей земле».

Примечательно, что библейское предание о Вавилонской башне, строительство которой вело на небеса, но привело к появлению языковых барьеров, показывает, что люди всегда стремились подойти поближе к Богу. Ведь не зря архитектура зиккурата символизирует вертикаль, связывающую мир земной с миром небесным, и как бы считается «лестницей в небо». Жорж Ру пишет: «В глубоко религиозном сознании шумеров эти огромные, но в то же время удивительно воздушные сооружения были «молитвами из кирпичей» (по аналогии с готическими соборами, ставшими «молитвами из камня»). Они служили постоянным приглашением богам спуститься на землю и в то же время выражением одного из важнейших стремлений человека — подняться над своей немощностью и вступить в более тесные отношения с божеством» [Жорж Ру, 2016, с. 81].

Точно так же в религиозном сознании современных езидов храмы лестничного типа служат постоянным приглашением богам спуститься на землю и в то же время желанием любого глубоко верующего человека подняться выше, так сказать, поближе к Богу. Примечательно, что в некоторых современных езидских зиккуратах, как и в древнем Вавилоне [см. Геродот, 1972, с. 68, п. 182], предусмотрено специальное ложе, а в деревнях во всех домах езидов до сих пор сохраняется обычай содержать в доме отдельно застланную постель, называемую «стер», которая, по преданию, предназначена для Бога и ангелов, на случай если они захотят посетить их дом и провести ночь на этом ложе.

Возможно, поэтому с тех пор идея «лестницы в небо» от шумеро-вавилонских зиккуратов и египетских пирамид не перестает встречаться в самых разных архитектурных сооружениях по всему миру — от культовых, которые, по замыслу их создателей, должны быть выше

⁸ Шумеры строили их трехступенчатыми в честь верховной троицы своего пантеона — бога воздуха Энлиля, бога воды Энки и бога неба Ану. Вавилонские зиккураты были уже семиступенчатыми. Видимо, это связано с преданием о семи великих Ангелах и желанием людей при помощи Ангелов подойти поближе к Богу.

остальных зданий в округе, до современных небоскребов. Такой архитектурный подход сложился в глубокой древности, когда считалось, что на это воля Бога или божеств, и представление такое укоренилось в подсознании людей на многие тысячелетия.

Зиккурат Лалиш

С древних времен по сегодняшний день одним из главных зиккуратов езидской общины является храмовый комплекс Лалиш. Время возникновения зиккурата Лалиш точно не известно. С точки зрения езидской мифологии, Лалиш — не что иное, как божественное чудо, явленное езидам самим Творцом в ходе Сотворения мира, храм построен людьми по замыслу Творца и выступает символом его постоянного присутствия на земле. Согласно преданию, изложенному в священном писании «Черная Книга»⁹, мир был сплошным океаном. В начале Сотворения мира Бог отправил ангела Гавриила (курд. Джабраил) на то место, где сейчас находится Лалиш. Он опустил в воду закваску, после чего создалась твердь и образовалась суша, а от океана на этом месте остался источник «Кания Спи (Белый источник)», считающийся святым. После этого Бог с семьей Великими Ангелами сошел на землю и поселился на горе Лалиш, а затем вместе с ними приступил к Сотворению мира. В Лалише есть участок земли, который считается «гупом земли». По преданию, на этом месте находился Эдем, здесь из четырех стихий (земля, воздух, огонь и вода) был сотворен первочеловек Адам, здесь появились на свет первые люди. Святость Лалиша упоминается во многих религиозных гимнах езидов, в частности в «Afrindina Kîniatê (Сотворение мира)», «Zebûna Meksûr (Зарождение)», Medhê Xwedê (Восхваление Бога), Şehda Dîn (Свидетельство веры) и др.

Святой Лалиш находится в горной долине в 53 километрах от города Духок (в некоторых источниках — Дейок¹⁰), который в средние века являлся столицей езидского царства Дасни, образованного езидами после распада Сасанидской империи, а в XII в. н. э. преобразованного шейхом Ади в княжество Шехан. Наряду с Богом и святыми ангелами зиккурат Лалиш является единственным рукотворным сооружением, обязательным для поклонения у езидов. Это главное место в езидской жизни — здесь совершаются богослужения, проводятся все религиозные обряды и праздники; здесь издаются каноны, обязательные для всех езидов; сюда верующие приходят молиться, исповедоваться и каяться.

Зиккурат Лалиш — главный центр езидской религии. Для езидов он — как Ватикан для христиан или Мекка для мусульман. Езиды верят, что образ их святыни был создан на небесах, и свыше было указано место, где он по сей день находится. По преданию, именно на этом месте находился легендарный библейский «Райский сад». Земля, вода, каждый камень, каждое дерево, куст и даже воздух считаются здесь святыми до такой степени, что рубка деревьев, охота, несогласованное строительство и тому подобное не только на территории Лалиша, но и в близлежащей округе запрещены. Вся утварь обладает святостью, поскольку служит священным целям, религия регламентирует правила их использования, к ним обязует относиться бережно и сохранять для потомков. Езидский тарикат (религиозный закон) гласит: *«Держите это место в чистоте для молитв, повиновения, терпимости и прощения»*.

Лалиш представляет собой храмовый комплекс из множества построек, расположенных на святой земле и огороженных каменным забором. Зиккурат включает в себя площадь для

⁹ «Черная Книга» относится к XIII в., ее автором считается племянник шейха Ади — Хасан ал-Басри (Шамс ал-дин ал-Хасан, прозванный ал-Басри). Она повествует о Сотворении мира, о потопе, об Адаме и Еве, о рождении Езида (от которого произошли езиды), о некоторых правилах приема пищи, Нового Года и браков [Семенов А. А., 1927].

¹⁰ Вероятно, это название связано с именем первого царя древней Мидии. По Геродоту, Дейок — первый царь Мидии, который правил в 670–647 гг. до н. э.

торжественных мероприятий, несколько храмов с традиционными куполами, кельи священнослужителей (шейхов и пиров), алтарь для совершения ритуальных жертвоприношений, жилые комнаты для служителей (монахов). Также здесь есть зал для приема гостей, жилые комнаты для паломников, кухня для приготовления и приема пищи, подсобные и другие помещения. Самое святое, что есть в любом храме, — это комната для хранения священных свитков и санджака¹¹. В эту комнату вход ограничен даже для посвященных. К зиккурату примыкают двор и несколько строений, служащие местом отдыха паломников во время постов и праздников. На территории зиккурата два святых источника — «Каниа Спи» и «Замзам», воду из этих источников применяют для освящения (крещения) детей, омовения и других ритуальных целей.

Зиккурат доступен для всех езидов, независимо от сословия или личных взаимоотношений в любое время, и никто не вправе запрещать или ограничивать туда доступ верующих. Любой езид может прийти в зиккурат к священнику (пиру или шейху) с просьбой или за советом, например, если хочет знать, как ему поступать в той или иной ситуации или за помощью. В зависимости от его ситуации священник либо помогает ему советом, либо указывает пути решения проблемы — то есть всегда подсказывает, как поступить в том или ином случае. В зиккурате могут прийти и иноверцы с добрыми помыслами. На территории зиккурата все должны соблюдать тишину и спокойствие. Категорически нельзя использовать святыню для низменных целей, например, для выяснения отношений, решения каких-либо личных проблем или для коммерческих сделок.

Езидский тарикат требует, чтобы человек приходил в зиккурат *«с чистой душой, чистым телом и в чистой одежде»*. Учение гласит: «Xwedê hes ji mirovê raqij dike (Бог любит чистых людей)». Одежда должна быть скромной и благопристойной, лучше всего придерживаться светлых тонов¹². В зиккурат следует заходить без обуви. По всей территории зиккурата независимо от погоды или времени суток в знак уважения к святой земле следует ходить босиком. Почти до середины XX века в зиккурах женской части не было, их туда просто не допускали. Позже женщины стали допускаться, но для них было отведено отдельное помещение. Почти до конца XX в. мужчины и женщины молились отдельно. В последнее время это ограничение снято, но женщины в зиккурате, как правило, располагаются позади мужчин. Находиться в зиккурате женщинам можно только в платье или юбке ниже колен и с покрытой головой — чаще всего это платок. В священном писании есть указание на то, что женщина должна приходиться в храм в соответствующей ее полу одежде в знак смирения перед Богом и покорности своему мужу. По езидской традиции мужчинам также следует находиться в зиккурате с покрытой головой в знак смирения и покорности Всевышнему. Как правило, на голову надевают мужской национальный платок, Теперь это может быть и другой головной убор, но в последнее время можно увидеть женщин, в основном из Европы, которые приходят в дом божий в брюках, и мужчин без головного убора. Езидское духовенство смиренно закрывает на это глаза, считает такое поведение этикой данного человека и допускает его в храм. Простыми словами это отношение можно выразить так: «Пришли — добро пожаловать! Участвуйте в богослужении, молитесь, исповедуйтесь, Господь вам судья».

Главный храм состоит из двух куполов разного размера, каждый из которых имеет свое символическое предназначение. Большой купол посвящен известному богослову XII в.

¹¹ Санджак — это символ веры, важнейшая реликвия езидов, представляет собой статуэтку из литой бронзы на высокой подставке с изображением ангела в виде птицы-павлина. Всего их семь, в честь семи Великих Ангелов, которых выносят во время праздников и ритуальных шествий.

¹² Некоторые правила касательно цвета одежды обозначены в священном писании «Черная Книга».

и реформатору езидской религии шейху Ади бин Мусафиру [Подробнее о шейхе Ади см.: Омархали Ханна, 2005, с. 45; Пирбари Дима, 2003, с. 19; *Ēzdînas* 2, 2016, с. 20]. Войти в главный храм можно через ворота, называемые «ворота Шихади». Справа от входа на стене в виде извилистой линии вылеплена скульптура змеи, направленной головой вверх. С чем связан этот образ, точно неизвестно. Но известно, что змеи играют важную роль в системах мироздания различных народов мира, их рассматривают с самых разных точек зрения. В езидской мифологии змея имеет исторически важное значение. По одной версии, именно она была причиной грехопадения и изгнания первых людей — Адама и Евы из Райского сада, когда они нарушили запрет Бога и вкусили плоды от Древа познания добра и зла. И, таким образом, изображение змеи перед входом является постоянным напоминанием человеку о необходимости не грешить. Примечательно, что у езидов до сих пор соблюдается старинный свадебный обычай: когда жених приводит невесту домой, ему подают яблоко, которым он слегка бьет невесту по голове. Это — символ предупреждения от совершения греха. По другой версии у езидов змея считается символом спасения жизни на земле. Согласно езидскому преданию, описанному в «Черной книге», во время Всемирного потопа ковчег Ноя столкнулся со скалой, в борту образовалась пробоина, судно стало заливать водой, и ковчег стал тонуть. Змея (она была в числе животных, указанных в том числе в Библии (Повествование о Всемирном потопе), погруженных Ноем на судно) мгновенно свернулась в клубок и заткнула собой эту пробоину. Протечка была остановлена, ковчег двинулся дальше и остановился на горе Джуди (в Турецком Курдистане). Исходя из этого мифа, змея считается спасителем жизни на Земле, а легкое прикосновение рукой к этой скульптуре на стене храма считается знаком приветствия и благодарности.

Входя через главные ворота, нельзя наступать на порог — следует почтительно переступить его. Переступая порог, верующий может с почтением дотронуться до дверной рамы или ручки. Ворота и порог священны, их целуют и на порог кладут добровольные пожертвования. Таким поступком паломник получает предварительное благословение. В зиккурате несколько залов, каждый из которых имеет свое назначение. Через главные ворота попадаешь в просторный колонный зал прямоугольной формы, называемый также залом заседаний. Слева от входа в верхней части этого зала на возвышении находится трон — место монарха (курд. Мир), где он заседает во время торжественных церемоний. На этом троне, согласно преданию, заседал шейх Ади, здесь и по сей день иногда проводятся заседания. Из зала заседаний через коридор направо по узкой лестнице попадаешь в подземную пещеру, где находится святой источник Замзам, образующий небольшую речку глубиной около 20 сантиметров; налево попадаешь в зал-мавзолей шейха Ади, где находится гробница с его мощами, далее в зал «загадывания желаний» с так называемой «Стеной счастья» и другие помещения.

Езидский храм Лалиш отличается простотой интерьера. Стены отделаны обтесанным камнем, полы выложены каменной плиткой — и никаких изображений, мозаики, статуй и мебели. Геродот в своей книге так описывает вавилонский зиккурат: «На последней башне воздвигнут большой храм. В этом храме стоит большое, роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. Да и ни один человек не проводит здесь ночь, за исключением одной женщины, которую, по словам халдеев, жрецов этого бога, бог выбирает себе из всех местных женщин» [Геродот, 1972, с. 68, п. 181]. Точно так же и сегодня в храме Лалиш нет изображений и постоянно находится одна женщина, которую зовут «матушка Факрая». Езидские священники объясняют, что все должно быть в «оригинале», как задумал Творец, и ничто не должно отвлекать паломника от молитвы. Примечательно также, что езидский зиккурат, как и шумеро-вавилонские зиккураты, не обязательно может быть в виде

помпезных архитектурных зданий; может быть маленьким неприметным зданием пирамидального типа в виде небольшого однокупольного «кубе» — это, как правило, пустые от какой-либо утвари постройки, лишённые всяких украшений и предназначенные исключительно для проведения молитв и жертвоприношения. Вокруг него не делают оград. В таком «кубе» нет алтаря и нет служителей, члены общины ведут литургию сами.

Согласно учению, в езидизме молитвы, покаяние и исповедь возносятся напрямую Богу. Заметим, что у езидов нет пророков, идолов или икон, нет также культа поклонения чудотворным мощам (иногда почитаются гробницы святых, например, шейха Ади или пира Исебиа, но это скорее всего проявление дани уважения к памяти праведников, чем ожидание небесного заступничества), поэтому езиды в своей молитве или покаянии обращаются напрямую к Богу.

Как указывалось выше, термин «зиккурат» имеет более широкое понятие, чем храм, — это прежде всего святая земля. Езидская религия устроена так, что зиккуратом для езидов может вовсе не являться храм — это может быть любое место, признанное общиной святым, например, помещение в общественном здании или одна из комнат в доме езидского священника, или даже просто определенное место в горах или в поле. Кроме того, для молитвы человеку не всегда нужен священник. Езиды, находясь вдали от храма, могут совершать молитву в любом месте и в любое время, обратив свой взор в сторону солнца или неба. Однако учение настоятельно проповедует, чтобы каждый езид хотя бы раз в жизни совершил паломничество в Лалиш, чтобы прикоснуться к святой земле и совершить омовение святой водой «Кания Спи» и тем самым получить божественное благословение. Это важно, так как согласно учению после смерти душа езидов сначала попадает в Лалиш и через находящийся там мост «Сират»¹³ в зависимости от его участи попадает в рай или ад.

Таким образом, зиккурат Лалиш для езидов является самым главным местом на Земле, заветным местом предков, духовной родиной езидского народа с того момента, как Бог закончил Сотворение мира и ниспослал езидам этот божественный дар. Лалиш на протяжении многих веков был и остается главным храмом езидской общины, местом общественного богослужения и центром религиозной жизни всех езидов независимо от их места проживания. Лалиш оказывает влияние не только на сохранение основ религии, но и на соблюдение адептами религиозной традиции, и вообще имеет огромное духовное значение в езидской жизни.

Что значит зиккурат для езидов и Курдистана в целом

Зиккурат у езидов, как и у их древних предков, — это прежде всего место собрания единомышленников для коллективного поклонения Богу. Здесь для верующих выделено специальное пространство, а священнослужителями создается соответствующий настрой для молитвы или покаяния Богу; здесь утверждаются постулаты, являющиеся обязательными для всех членов общины; здесь принимаются религиозные каноны; здесь освящают детей, приносят жертвоприношения, учат молитвы, проводят всенародные праздники, посты и другие религиозные обряды.

Многие столетия рассеяния привели к небольшим расхождениям в порядке молитв, а также к некоторым различиям в обычаях езидских общин разных стран, в которых они компактно проживают. В частности, есть различия в текстах молитв и проведении религиозных праздников, но они весьма незначительны и заметны лишь тем, кто хорошо знает религию. В общем,

¹³ Согласно представлению езидов, путь в потусторонний мир идет через мост «Сират». Праведники по этому мосту проходят в рай, а грешники падают в ад.

порядок богослужения, основанный на устном предании, религиозные обряды и обычаи езидов вне зависимости от страны проживания практически одинаковы.

Согласно учению, езиды могут молиться не только в храмах, но и в любом месте, где есть свет божий. Езидская религия устроена так, что «храм» находится везде, где есть солнце. Солнце для езида, в отличие от многих, которые ошибочно считают его Богом, — не Бог, а блаженный свет, исходящий от Господа, и где бы ни находился езид, он с молитвой обращает свой взор к небу — каждое утро на восходе, днем — на солнце, вечером на закат солнца, ночью к луне, то есть к свету божьему. Конечно, исходя из этой традиции, верующие могут собираться в домах друг у друга или у своего священника, чтобы вместе молиться и учить гимны. Глобализация мировой экономики, постоянные военные действия на Ближнем и Среднем Востоке и связанная с ними массовая миграция населения за последние десятилетия привели к значительному изменению общественных отношений, кардинально изменили и образ жизни людей. Теперь для молитв лучше всего подходят специальные религиозные здания — храмы, которые функционально приспособлены и имеют все условия для коллективных собраний и исполнения религиозных обрядов.

Самое значительное событие в езидской жизни за последние десятилетия — это появление зиккуратов за пределами исторической родины, в толерантных христианских странах, где компактно живут езиды. Безусловно, в этом есть и заслуга зиккурата Лалиш, который не только оказал решающее влияние на сохранение езидизма как монотеистической религии, но и послужил основой для его развития, выработки норм и правил общественного отправления культа, поддержания традиционных ценностей общества и их защиты от внешних угроз. И несмотря на невероятные трудности и постоянные внешние угрозы, благодаря непоколебимости Лалиша удалось не только сохранить древнюю религию предков до наших дней, но и построить новые храмы.

Известно, что из-за рассеянности по разным странам мира есть езиды, которые никогда не были в Лалише, но все они искренне верят в зиккурат Лалиш и стремятся туда попасть. Потому что само понятие «Лалиш» для езида нечто большее, чем просто храм, и означает не только дом молитвы, но и святую землю, заветное место предков, первый и главный храм, место для проведения богослужений, где собираются верующие езиды со всех концов мира для совместной молитвы и общения. Хотя езидская религия не обязывает своих приверженцев постоянно посещать зиккурат, каждый езид сам мечтает хотя бы раз в жизни совершить паломничество в Лалиш. К сожалению, в силу разных житейских обстоятельств не каждый имеет такую возможность.

В результате возросла роль местных зиккуратов как общинного центра диаспоры. Любой зиккурат в соответствии со своим предназначением является местом встреч единоверцев, проведения религиозных обрядов, собраний, религиозных праздников и торжеств. Часто здесь проходят заседания правления духовного совета (курд. *Divana Rohanie*). Духовные советы, как правило, располагают фондами для оказания помощи особо нуждающимся единоверцам. Таким образом, зиккурат также является и местом благотворительности.

Для рассеянных по многим странам мира езидских общин зиккураты стали центром не только религиозной, но и светской жизни. Зиккураты в Армении и Грузии упорядочили езидскую жизнь в этих республиках. Для местных езидов зиккурат не просто святой дом, а общинный духовный центр, место молитвы и изучения закона, здесь люди собираются, обсуждают и решают насущные проблемы и разные житейские вопросы, проводят ритуалы, венчание и панихиды. Но самое главное, зиккураты сохраняют традиционные морально-нравственные

нормы в общине и противостоят появлению всякого рода экстремистских и антиобщественных явлений или течений.

Но из всех зиккуратов Лалиш был и остается главным местом поклонения и центром религиозной жизни для езидов всего мира, так как он объединяет своих приверженцев вне зависимости от места проживания в единую общность, регулирует их социальное поведение для поддержания и сохранения традиционных ценностей, а также препятствуют нарушению установленных в нем на протяжении многих тысячелетий правил и норм. Большинство езидов каждый год отправляются в паломничество именно в Лалиш. Не в каждом зиккурате есть такая возможность одновременно проводить все обряды — посвящения, омовения святой водой, обрезания, жертвоприношения и т. п. Местные езиды регулярно и охотно посещают святыню по всем религиозным поводам для совершения своих ритуалов. Можно сказать, что по святости Лалиш уступает только Богу. Все остальные зиккураты и религиозные сооружения независимо от их местонахождения являются святынями в обычном понимании. Если бы не Лалиш и преданность езидов зиккурату после их изгнания с исторической родины, разлука неминуемо привела бы к тому, что езидский народ постепенно растворился в других этносах. Но этого не произошло в большей степени из-за основ вероучения и постулатов религии.

За долгую историю езидского народа не раз случалось так, что когда мусульмане напали на езидов, зиккураты становились в прямом смысле этого слова цитаделями веры, местом, где езиды мужественно защищали свои святыни и без сожаления отдавали свои жизни ради веры. За эти столетия ни один зиккурат иноверцами не был разрушен. Несколько раз захватывали Лалиш силой и превращали его в исламские школы. Несмотря на это, езиды каждый раз прилагали все усилия, чтобы вернуть свою святыню. На протяжении многих столетий зиккураты были и остаются примером стойкости езидского духа. Одним из ярчайших примеров самоотверженной защиты своей святыни за последнее время может служить езидский зиккурат Шарфадин в Синджаре (курд. Шингар). Когда 3 августа 2014 года армия Исламского государства напала на Синджар с целью массового истребления езидов и захвата их исконной территории, основная масса мирного населения бежала, другая часть, кто не успел, была зверски убита и похищена, остались мужчины, которые сконцентрировались вокруг святыни. Боевики ИГ не раз предпринимали массированные атаки с целью уничтожить езидский храм, но каждый раз встречали мужественное сопротивление езидов, которые, несмотря на малочисленность и плохое вооружение, не отступили от своего храма и сумели его сохранить. Когда я спросил у одного из командиров езидского отряда Хайдара Шешо, который был с визитом в Москве в 2016 году: «Как вам удалось отстоять храм?», он ответил: «С помощью Малика Тауса, мы постоянно ощущали его поддержку».

Примечательно, что военная операция по освобождению Синджара от армии ИГ, начатая 10 ноября 2015 г. объединенными курдскими вооруженными силами (в операции принимали участие вооруженные отряды всех курдских партий, в том числе отряды ДПК и ПСК Ирака, РПК Турции, YPG Сирии, а также ДПИК иранских курдов при поддержке с воздуха ВВС Международной коалиции) под руководством командования пешмерга правительства Иракского Курдистана, была названа «Гнев Малика Тауса». В результате совместных боевых действий коалиция разгромила войска ИГ в Синджаре. 13 ноября 2015 г. президент Иракского Курдистана Масуд Барзани, лично командовавший операцией, на вершине горы Синджар выступил с речью, на которой официально объявил об освобождении города от боевиков террористической группировки ИГ. В частности, он сказал: «Я здесь, чтобы объявить об освобождении Синджара.

Синджар для нас является очень важным местом, поскольку он стал символом несправедливости по отношению ко всем курдам».

Курды-мусульмане, несмотря на то что некоторые из них очень давно приняли ислам, по-прежнему продолжают соблюдать некоторые свои доисламские (езидские) обычаи, которые называют обычаями предков, в частности верят в зиккурат, поклоняются солнцу, почитают огонь, празднуют «Науруз»¹⁴ и Хидир Наби¹⁵ и др. Самое очевидное то, что вся жизнь курдов — как езидов, так и мусульман так или иначе расписана вокруг солнца, а зиккурат считается святым местом для всех курдов независимо от вероисповедания [Подробно Рашид Сабри Рашид, 2003, с. 46]. И тут надо заметить, что в истории было немало случаев, когда дело касалось зиккурата, курды-мусульмане если не открыто, то скрытно помогали своим соотечественникам-езидам. Курды-мусульмане, хотя и исповедуют отличную от езидизма религию, относятся к зиккурату Лалиш как к своему историческому и культурному наследию. В Иракском Курдистане езидская религия признана государственной религией, есть специальная правительственная программа по поддержке зиккурата Лалиш. Лалиш был и остается источником вдохновения для многих курдских поэтов, пишущих на курдском, арабском, персидском и других языках. Это, например, Аль-Шейх Зайн Аль-Дин, Аль-Джазири Терез, Адриис Чеелки, Маллае Джизири, Абдул-Рахман Дурра и многие другие [An Introduction on Izidians And Lalish, 2009, с. 23–24]. Лалиш и, безусловно, другие зиккураты являются объектами архитектурного, исторического и культурного наследия для всех курдов и для Курдистана в целом. Это то, что представляет курдов независимо от религии как один из древнейших народов мира, который обладает уникальной религией, богатой древней культурой и на протяжении многих тысяч лет хранит свою историю, культуру и религию.

Образование у езидов долгое время оставалось прерогативой исключительно религиозных лидеров, и в отличие, например, от иудеев, христиан или мусульман, где ребенок даже из самой бедной семьи обязательно посещал школу или медресе при мечети, рядовым членам общины почти до середины XX в. было запрещено образование. Грамотный езид в те времена был большой редкостью, тогда как многие люди в Европе имели высшее образование. Сегодня зиккурат выступает активным проповедником всеобщего образования, охотно дает толкование текстов религиозного учения и ответы на вопросы по религии, одобряет проведение научных исследований по истории и религии общины и написание достоверных научных работ.

На главной обложке книги «Экскурс в езидизм» [سفر الايزيدية من منشورات مركز لالش الثقافي] под редакцией Пир Хидира Слеман написано: «Они (езиды) всегда были гонимы из своего религиозного фанатизма и много раз погибали только за то, что хотели сохранить свою древнюю монотеистическую религию. Их убивали только за то, что они не рассматривали исламскую религию как альтернативу своей религии.

И они приносили в жертву реки крови, чтобы сохранить свою веру и сохранить то, что передали нам наши великие предки. Наша вера всегда укрепляла и до сих пор укрепляет нашу решимость. И мы должны сделать так, чтобы наши религиозные тексты и древнее наследие были в пределах досягаемости беспристрастных исследователей, намеревающихся писать о езидах».

¹⁴ «Науруз» в переводе с курдского означает «новый день» и изначально связан с курдской традицией, по которой отмечался шумерами и вавилонянами в день весеннего равноденствия по солнечному календарю, затем был заимствован персами и другими иранскими и соседними народами.

¹⁵ Праздник Хидир Наби (праздник исполнения желаний) отмечается в третью среду февраля по григорианскому календарю (в первую среду по солнечному календарю), имеет тысячелетнюю историю и, вероятно, связан с вавилонским божеством Набу (бог судьбы). Его храмом был семиступенчатый зиккурат Эзида в Борсиппе, называемый «Дом вечности».

Рис. 1, 2. Купол и орнаменты на стенах зиккурата Лалиш. Фото автора

Литература / References

Библия, Книга Бытие [Bible, Genesis (in Russian)].

В поисках забытого прошлого: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Институт востоковедения РАН, 2018 [In Search of the Forgotten Past: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2018 (in Russian)].

Веллард Джеймс. Вавилон. Расцвет и гибель города Чудес. М.: Центрполиграф, 2004 [Wellard James. *Babylon. The Rise and Fall of the City of Wonders*. M.: Centerpoligraph, 2004 (in Russian)].

Геродот. История в девяти книгах. Ленинград: «Наука», 1972 [Herodotus. *History in nine books*. Leningrad: «Наука», 1972 (in Russian)].

Дандамаев М. А. Храм Эзида и культ бога Набу в Вавилонии I до н. э. *Вестник древней истории*. 2009. № 3. С. 87–95 [Dandamaev M. A. The temple of Ezid and the cult of the god Nabu in Babylonia I BC. e. *Bulletin of Ancient History*. 2009. No. 3. Pp. 87–95 (in Russian)].

Дасни Ю. Р. Путешествие из Москвы в Курдистан. М.: Восточная книга, 2010 [Dasni Y. R. *Journey from Moscow to Kurdistan*. M.: Eastern book, 2010 (in Russian)].

Дьяконов И. М. История Древнего Востока. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983 [Dyakonov I. M. *History of the Ancient East. Part 1. Mesopotamia*. M., 1983 (in Russian)].

Езидские священные книги: «Черная Книга», «Откровение» [Yezidi sacred books: «Black Book», «Revelation» (in Russian)].

Езидские священные гимны: Qewle Xerqe, Medhê Xwedê, Qewlê Padşa, Qawle Mîre Ezîd, Şehda dîn, Qewle Tausî Melek, Dua sibê, Dirozge и др. [Yazidi sacred hymns: Qewle Xerqe, Medhê Xwedê, Qewlê Padşa, Qawle Mîre Ezîd, Şehda dîn, Qewle Tausî Melek, Dua sibê, Dirozge, etc (in Kurdish)].

Жорж Ру. Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия. Царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг. до н. э. М.: Центрполиграф, 2016 [George Ru. *Great civilizations of Mesopotamia. Ancient Mesopotamia. Kingdoms of Sumer, Akkad, Babylonia and Assyria. 2700–100 AD BC e*. M.: Centerpolygraph, 2016. (in Russian)].

Курдоев К. К. *Об авторстве и языке религиозных книг курдов-езидов XI–XII в.* VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР, 1971 [Kurdoev K. K. *On the authorship and language of the religious books of the Yezidi Kurds in the 11th-12th centuries.* VII annual scientific session of Leningrad Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1971 (in Russian)].

Марр Н. *Еще о слове «челеби»* (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии). Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 20. 1910. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912 [Marr N. *More about the word «chelebi»* (On the question of the cultural significance of the Kurdish people in the history of Western Asia). Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. T. 20. 1910. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1912 (in Russian)].

Омархали Ханна. *Ѓезидизм из глубины тысячелетий.* СПб.: Изд-во СПб.-университета, 2005 [Omarchali Khanna. *Yezidism from the depths of millennia.* St. Petersburg University Press, 2005. (in Russian)].

Пирбарни Дима. *На пути к истине — Езидизм.* Тбилиси, 2003 [Pirbari Dima. *On the way to the truth — Yezidism.* Tbilisi, 2003 (in Russian)].

Рашид Сабри Рашид. *Этноконфессиональная ситуация в современном Курдистане.* СПб.: «Наука», 2003 [Rashad Sabri Rashad. *Ethno-confessional situation in modern Kurdistan.* St. Petersburg: «Nauka», 2003 (in Russian)].

Семенов А. А. *Поклонение сатане у переднеазиатских курдов-езидов.* Труды Вост. факультета Среднеазиатского гос. университета. Ташкент: Уэполиграфтрест, 1927 [Semenov A. A. *Worship of Satan among the Near Asian Yezidi Kurds.* Trudy Vost. Faculty of the Central Asian State University. Tashkent: Wepoligrafrest, 1927 (in Russian)].

Выступление президента Иракского Курдистана Масуда Барзани, Бои за Синджар. <https://www.svoboda.org> 13.11.2015 г. (дата обращения: 27.03.2023) [Speech by the President of Iraqi Kurdistan Massoud Barzani, Fighting for Sinjar. <https://www.svoboda.org> November 13, 2015 (retrieved: 03.27.2023) (in Russian)].

Курды отбили у ИГИЛ стратегически важный город. <https://www.mk.ru/politics/2015/11/13/kurdy-otbili-u-igil-strategicheskii-vazhnyi-gorod.html>. 13.11.2015 (дата обращения: 27.03.2023) [The Kurds recaptured a strategically important city from ISIS. <https://www.mk.ru/politics/2015/11/13/kurdy-otbili-u-igil-strategicheskii-vazhnyi-gorod.html>. 11/13/2015 (retrieved: 03.27.2023) (in Russian)].

Harriet Crawford, *Sumer and the Sumerians.* New York: Cambridge University Press, 1993.

Layard A. H. *Nineveh and Its Remains.* London: J. Murray, 1849.

Layard A. H. *Discoveries in the ruins of Nineveh and Babylon, whith travels in Armenia, Kurdistan and the desert.* Vol. 1. London, 1853.

Emînê Evdal. *Bavermendîyên Kurdên Êzîdî, Weşanxaneyê LÎS.* Ankara, 2020 [Emine Evdal. *Beliefs of the Yezidi Kurds.* LIS Publishing House. Ankara, 2020 (in Kurdish)].

Êzdînas 2. *Kovara Navenda Lêkolînên Êzîdnasiyê.* Oldenburg, 2016 [Ezdinas 2. Journal of the Center for Yezidi Studies. Oldenburg, 2016 (in Kurdish)].

Pir Khidir S. Khalil. *An Introduction on Izzidians and Lalish.*, Duhok: Khani press, 2009.

Pir Xidir Silêman. *Êzîdiyatî 1. Dengê Êzîdiyan — Oldênburg.* Hejmar 2, 2001 [Pir Khidir Sleman. *Ezidiati 1. Voice of the Yezidis — Oldenburg.* Number 2, 2001 (in Kurdish)].

Pir Xidir Silêman. *Êzîdiyatî No. 1, 2, 3, 4, 5, 6.* Binge Laliş Duhok [Pir Khidir Sleman. *Ezidiati No. 1, 2, 3, 4, 5, 6.* Lalish cultural center (in Kurdish)].

من منشورات مركز لالش الثقافي والاجتماع سفر الإيزدية.. تالیف: پیر خدر سلیمان متابعه وإعداد: خدر خلات بحرانی سلسلة رقم (٩). دهوك ٢٠٠٩ [From the publications of the Lalish Cultural and Public Center. Excursion to Yezidism. Author: Pir Khidir Sleman. Lalish Foundation Series No. 9. Duhok, 2009 (in the Arabic)].

زنجیرا وه شانین بنگه هی لالش ژماره (١٠) ئیزیدییه کان له ناو تابلوی روژه لاتنسه کاندایه لوبوم د. فه رهاده پیربال [Yezidis in the photographs of orientalists. Compiled by: Fah Rahad Pirbal. Lalish Foundation Series. No. 10. Publishing house «Khavar, Duhok, 2011 (in Kurdish)].

КЕРАМИКА ИЗ ГРОБНИЦЫ КАЕМНЕФРЕТА В ГИЗЕ: К ИСТОРИИ ОРИГИНАЛЬНОГО И ВТОРИЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

© 2023

С. Е. Малых¹

В статье анализируется керамический материал, обнаруженный в ходе археологических исследований скальной гробницы древнеегипетского чиновника Каемнефрета (LG 63), расположенной на северо-восточной оконечности Восточного плато некрополя Гиза. Исследования проводились в 2015–2019 гг. силами Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН. В результате была собрана репрезентативная коллекция керамических сосудов от середины 3-го тыс. до н. э. до современности, иллюстрирующая различные этапы бытования памятника. В эпоху Древнего царства и Позднего периода назначение вырубленных в скале помещений гробницы было погребальным: они использовались для оригинальных и вторичных захоронений, однако пережили несколько проникновений древних грабителей. Начиная с греко-римского времени гробница стала служить временным жилищем, периодически подвергаясь очередным ограблениям, в результате которых заполнение пяти погребальных шахт было перемешано, захоронения сильно повреждены или полностью разрушены, а в комплексы попали фрагменты поздних керамических изделий бытового назначения, включая черепки римских и византийских винных амфор, средневековый кувшин-фильтр для воды и др. Тем не менее по косвенным признакам удастся отнести часть более раннего материала — Древнего царства (XXVIII–XXII вв. до н. э.) и Позднего периода (664–332 гг. до н. э.) к оригинальному погребальному инвентарю и, соответственно, определить время его появления — вторая половина V и VI династии (ок. XXIV–XXII вв. до н. э.) для оригинальных погребений и саисское (664–525 гг. до н. э.) и персидское время (525–332 гг. до н. э.) для вторичных.

Ключевые слова: Древний Египет, некрополь Гиза, скальные гробницы, древнеегипетская керамика, Древнее царство, Поздний период, греко-римский период, Российская археологическая экспедиция ИВ РАН в Гизе

Для цитирования: Малых С. Е. Керамика из гробницы Каемнефрета в Гизе: к истории оригинального и вторичного использования древнеегипетских погребальных конструкций. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 163–183. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-163-183

¹ Малых Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела искусства и материальной культуры Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. Malykh, PhD (History), Senior Research Fellow, Department of Art and Material Culture, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2077-7285

POTTERY FROM THE TOMB OF KAEMNEFRET IN GIZA: TO THE HISTORY OF THE ANCIENT EGYPTIAN ORIGINAL AND SECONDARY BURIAL STRUCTURES

Svetlana E. Malykh

The article analyzes the ceramic material discovered during archaeological research of the rock-cut tomb of the ancient Egyptian official Kaemnefret (LG 63), located on the north-eastern edge of the Eastern Plateau of the Giza Necropolis. The studies were carried out in 2015–2019 by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. As a result, a representative collection of ceramic vessels from the middle of the 3rd millennium B.C. to the modern times was collected, illustrating the various stages of the existence of the tomb. In the Old Kingdom and Late Period, the purpose of the premises of the tomb was funerary, used for original and secondary burials, but with traces of several thieves' penetrations. Starting from the Graeco-Roman time, the tomb began to serve as a temporary dwelling, periodically robbed, as a result the filling of five burial shafts was mixed, the burials were badly damaged or completely destroyed, and fragments of late household pottery infiltrated, including shards of Roman and Byzantine wine amphorae, a medieval filter-jug for water, etc. However, by indirect evidence, it is possible to attribute a part of the earlier material of the Old Kingdom (28–22 centuries B.C.) and the Late Period (664–332 B.C.) to the original grave goods. This is allow to determine the time of their construction to the second half of the Dynasty V and VI (c. 24–22 centuries B.C.) for the original burials and the Saitic (664–525 B.C.) and Persian times (525–332 B.C.) for the secondary ones.

Keywords: Ancient Egypt, Giza Necropolis, rock-cut tombs, ancient Egyptian pottery, Old Kingdom, Late period, Graeco-Roman period, Russian Archaeological Mission at Giza

For citation: Malykh S. E. Pottery from the Tomb of Kaemnefert in Giza: To the History of the Ancient Egyptian Original and Secondary Burial Structures. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 163–183. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-163-183

Древнеегипетская скальная гробница чиновника царской администрации Каемнефрета находится на северо-восточной оконечности Восточного плато некрополя Гиза, в 300 м к востоку от пирамиды Хуфу (Хеопса греков), на скальном обрыве, во времена строительства пирамид использовавшемся как каменоломня. Гробница была известна еще с середины XIX в., когда прусский исследователь К. Р. Лепсиус присвоил ей номер LG 63 [Lepsius, 1897, S. 87]. Она находится в ряду других вырубленных в скале гробниц, но имеет наиболее сложную архитектуру в своей группе. В специальной литературе она датирована широко — временем правления V и VI династий [Porter, Moss, 1974, p. 208].

Гробница состоит из трех помещений: первого культового помещения с тремя погребальными шахтами, обозначенными цифрами 1, 2 и 3, его стены декорированы скальными статуями и раскрашенными рельефами; второго культового помещения с двумя дополнительными шахтами 4 и 5 и т. н. сердаба (Рис. 1). Внимание ранних исследователей концентрировалось на оформлении культового помещения гробницы — поминальной часовни (см., например, [Lepsius, 1856, Bl. 91; 1897, S. 88; Junker, 1938, S. 48; Badawy, 1976, p. 25–33, pl. 25–36]), тогда как погребальные шахты остались нераскопанными и были изучены Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН (руководитель — д. и. н. Э. Е. Кормышева) в 2015–2019 гг.

В ходе археологических работ в пяти шахтах гробницы и их камерах было выявлено 4683 фрагмента керамики, относящихся как к эпохе Древнего царства (XXVIII–XXII вв. до н. э.), так и к более поздним историческим периодам. Количественное распределение керамических образцов по шахтам было следующим: 402 в шахте 1, 652 в шахте 2, 976 в шахте 3, 450 в шахте 4, 2383 в шахте 5.

КЕРАМИКА ИЗ ШАХТЫ 1 ГРОБНИЦЫ КАЕМНЕФРЕТА

В заполнении шахты 1 и ее погребальной камеры 1А было обнаружено 402 фрагмента керамических сосудов, из них 6 — диагностических (Рис. 2). Заполнение помещений имеет перемешанный характер, поэтому определить первоначальное название найденных фрагментов сосудов проблематично. Более того, из слоя 4 заполнения шахты 1 происходит фрагмент алабастрона 15/63-1/4 Позднего периода (664–332 г. до н. э.), другой фрагмент этого же сосуда 16/63-5/23 был найден в заполнении саркофага погребальной камеры 5А (шахта 5).

Попадающее большинство керамических образцов датируется эпохой Древнего царства — 92,55%; керамика Позднего периода занимает вторую позицию по количеству (6,45%). В числе найденного примечателен венчик мешкообразной чаши 15/63-1/2 (Рис. 2) из слоя 3 заполнения шахты 1; этот тип часто называют «goldfish bowl» и датируют т. н. Персидским временем (525–332 г. до н. э.) [Aston, Aston, 2010, p. 217, pl. 10–11 (nos. 70, 74, 76); Aston, 2011, p. 50–51, fig. 1.5]. Подобные чаши нередко обнаруживают в «тайниках бальзамировщиков», содержавших остатки от процесса мумификации тел, однако в нашем случае следов бальзамирующих растворов на сосуде не выявлено, поэтому невозможно установить, сопровождал ли предмет вторичное погребение (их остатки были обнаружены в шахтах 4 и 5) или использовался для мумификации. Находки фрагментов сосудов греко-римского (332 г. до н. э. — 395 г. н. э.) и византийского времени (395–641 г. н. э.) единичны (например, донце краснолакового лекифа 15/63-1/1²) и сконцентрированы в верхней части заполнения шахты 1, свидетельствуя, что наиболее позднее проникновение грабителей в этот погребальный комплекс имело место в V–VII вв. н. э.

Среди керамики эпохи Древнего царства доминируют пивные кувшины (81,6%), другие типы представлены единичными образцами. Показательно, что три фрагмента стенок пивных кувшинов, залежавшие в слое 4 на дне шахты и в засыпке погребальной камеры, имели стертые края — вероятно, использовались древними грабителями для раскапывания грунта. Также в слое 4 (нижняя часть заполнения шахты 1) была найдена вотивная тарелочка 15/63-1/3 (Рис. 2) грубой формовки, с четырьмя насечками на внешней поверхности, сделанными до обжига и, вероятно, являвшимися гончарной меткой. По технологическим признакам — присутствию выступа на внутренней части донца — ее следует датировать второй половиной V–VI династии (ок. XXIV–XXII вв. до н. э.) [Малых, 2018, с. 67–68].

Примечателен венчик т. н. винного кувшина 16/63-1/1 (Рис. 2) из аллювиальной глины, его поверхность покрыта желтовато-белым ангобом. Он был обнаружен в верхней части заполнения углубления под тело в погребальной камере 1А. Аналогичные сосуды, происходящие из Гизы, Саккары, Абусира, Дахшура, восточной Дельты и Восточной пустыни, обычно изготовлялись из мергельной или смешанной глины и в основном бытовали при IV династии [Faltings,

² Аналоги Птолемеевского периода см.: [Coulson, 1996, p. 36–37, fig. 17 (no. 724); Ballet, Poludnikiewicz, 2012, p. 125, fig. 535; Kormysheva et al., 2018, p. 63, fig. 42 (16/22-2/14)]. Аналоги Римского периода см.: [Jacquet-Gordon, 2012, p. 344, fig. 142h].

1989, S. 148, 150, Abb. 12c; Bárta et al., 2010, p. 91–92, fig. 3.3.4 (no. AS33 05); Guyot, Marchand, Petit, 2018a, p. 92, fig. 12j; Guyot, Marchand, Petit, 2018b, p. 193, fig. 6l, 8d], но продолжали употребляться и при V и VI династиях [Reisner, Smith, 1955, p. 70, fig. 82 (14-2-115, 25-12-69); Rzeuska, 2006, p. 124–125, 392, pl. 41, fig. 135; Verner, Bárta, Benesovska, 2006, p. 34, pl. V (DW); Myśliwiec, 2013, p. 478, fig. 163 (form 241)].

Временем правления IV–V династий (XXVII–XXIV вв. до н. э.) следует датировать пивной кувшин 16/63-1/2³ (Рис. 2), обнаруженный вместе с упомянутым выше венчиком винного кувшина 16/63-1/1. Другие фрагменты сосудов этого типа по морфологическим признакам более характерны для V и VI династий. Таким образом, выявленный в заполнении шахты 1 и ее погребальной камеры 1А керамический материал позволяет лишь в общих чертах предположить время устройства оригинального погребения — вероятно, при V или же в начале VI династии.

КЕРАМИКА ИЗ ШАХТЫ 2 ГРОБНИЦЫ КАЕМНЕФРЕТА

Заполнение шахты 2 и ее погребальной камеры 2А было перемешано по всей глубине и содержало разновременной керамический материал от эпохи Древнего царства до современности, в том числе сосуды с зеленой поливой XV–XIX вв. Несмотря на то, что шахта 2 — наименее глубокая в этой гробнице, количество фрагментов керамики здесь больше, чем, например, в шахте 1, однако преобладают мелко битые черепки (652 фрагмента, из них только два — диагностические), свидетельствуя о неоднократном человеческом проникновении в этот погребальный комплекс, что также устанавливается по присутствию в нижней части заполнения шахты и в погребальной камере фрагментов сосудов Позднего периода и греко-римского времени. Среди последних верхняя часть кувшина с ручкой 16/63-2/2 (Рис. 3), точных аналогий которому найти не удалось, поэтому его датировка предложена в широких хронологических границах — от конца Позднего периода до птолемеевского времени. В то же время доля керамики эпохи Древнего царства велика и составляет 92%: традиционно доминируют фрагменты пивных кувшинов, некоторые из которых первоначально содержали нильский ил (т. н. «ложное содержимое»⁴), характерные комки которого, по форме повторяющие внутреннюю часть этих сосудов, выявлены в нижней части заполнения шахты (на глубине 40,05–40,45 м) и на полу погребальной камеры (на глубине 39,80–39,90 м). Вероятно, в состав инвентаря, сопровождавшего оригинальное погребение Древнего царства, для которого и была вырублена камера 2А, входило некоторое количество пивных кувшинов с «ложным содержимым». В нижней части заполнения камеры найден фрагмент подставки 16/63-2/1 (Рис. 3) времени правления V династии [Verner, Bárta, Benesovska, 2006, p. 324, pl. L1b (M)], возможно, также относившейся к погребальному инвентарю, что косвенно может указывать на время совершения захоронения в камере 2А.

КЕРАМИКА ИЗ ШАХТЫ 3 ГРОБНИЦЫ КАЕМНЕФРЕТА

В заполнении шахты 3 и ее погребальной камеры 3А было обнаружено 976 фрагментов керамики, из них 24 — диагностических (Рис. 4–5). Лишь 4,1% принадлежит керамическим типам от Позднего периода (в частности, донце светлоглиняного арибаллического лекифа 19/63-3/7⁵ и две стенки эгейских амфор, по глине определяемых как импорт с островов Хиос

³ Аналоги см.: [Hawass, Senussi, 2008, p. 85–86, fig. 274–275; Marchand, Thiers, 2021, p. 118, fig. 4.8].

⁴ Подробнее о «ложном содержимом», вероятно, имитировавшем пиво или вино, см.: [Rzeuska, 2006, p. 440–442].

⁵ Аналоги V в. до н. э. см.: [French, Bourriau, 2018, p. 152–153, fig. 28i (no. 1113)].

и, предположительно, Самос) до византийского времени, в том числе фрагменты египетских винных амфор типа *Late Roman 7*, сконцентрированные преимущественно в погребальной камере 3А и маркирующие время позднейшего ограбления данного комплекса. Здесь же находился венчик неангобированного кратера 19/63-3/23 со следами бытового использования (Рис. 5), по морфологическим признакам датируемый второй половиной III — началом II вв. до н. э. [Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 91, fig. 342; Lecuyot, 2016b, p. 218, 220, fig. 1.12; Marchand, Chang, Nannucci, 2018, p. 134, fig. 24].

Керамический материал эпохи Древнего царства доминирует (95,9%), при этом лидирующую позицию традиционно занимает тип пивных кувшинов. Обнаруженные морфологические разновидности в основном относятся ко времени правления V династии⁶ (Рис. 4: 19/63-3/1, 19/63-3/3, 19/63-3/8, 19/63-3/9, 19/63-3/22), реже — к поздней V и VI династиям⁷ (Рис. 4: 19/63-3/4, 19/63-3/20). Несколько стенок пивных кувшинов из нижнего слоя заполнения погребальной камеры 3А имеют заглаженные края — по-видимому, они использовались грабителями для раскапывания захоронения. Несмотря на это, некоторые сосуды можно предположительно отнести к оригинальному погребальному инвентарю: две votivные тарелочки 19/63-3/10 и 19/63-3/11 (Рис. 4), судя по особенностям глины, происходящие из одной гончарной партии, т. е. сделанные одновременно в одной мастерской; тонкостенный и аккуратный votivный сосудик 19/63-3/18, votivная тарелочка 19/63-3/12 (Рис. 4). Все они находились в нижней части заполнения шахты либо в погребальной камере 3А. По аналогиям или технологическим признакам перечисленные предметы можно отнести ко второй половине V–VI династиям⁸, что указывает на время устройства погребения в камере 3А. Возможно, к погребальному инвентарю следует отнести коническую хлебную форму 19/63-3/6 времени V династии [Barta et al., 2010, p. 301, 303, fig. 4.4.18 (12.AS35.09)] без следов копоти, т. е. не имеющую следов бытового использования, а также подставки⁹ под круглодонные сосуды (Рис. 4: 19/63-3/2, 19/63-3/5, 19/63-3/16, 19/63-3/19).

Наиболее примечательный керамический образец залегал в нижней части заполнения шахты 3, в слое 4, который заходил и в погребальную камеру 3А. Это фрагмент верхней части краснолощеной мейдумской чаши 19/63-3/15, по форме характерной для интервала IV–V династий [Op De Weeck, 2004, p. 267 (тип В3а)]. Внутри наблюдался сильный слой нагара и золы. Отсутствие даже минимальных следов копоти снаружи говорит о том, что горение происходило непосредственно внутри чаши, и оно, судя по особенностям черного слоя, было однократным, не имеющим ничего общего с использованием чаши для воскурения благовоний или в качестве лампы. Вероятно, мы имеем дело со следами проведения т. н. «сожженной жертвы» — особого

⁶ Аналогии см.: [Adams, 2007, p. 329, 331, pl. 27.5; Hawass, Senussi, 2008, p. 29, 56, 63, 77, 104, 118, fig. 5, 76, 104, 140, 244; El-Senussi, 2021, p. 302, 305, 307, 317, 333–334, 341, no. 10, 58–59, 74; Bárta et al., 2010, p. 29, 32, fig. 2.5.3 (32.AS20.99); Vymazalová et al., 2011, p. 66, 73, 75–76, fig. 6.1 (24–3.AS38.2010, 25–2.AS38.2010), 6.8 (22–3.AS38.2010); Krejčí et al., 2014, p. 110–111, 118, fig. 4.12 (327.AC26.09); Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 96, 205, fig. 43 (00/50/60), 93 (00/43/117); Kormysheva et al., 2015, p. 59, 174, fig. 28, 65 (08/12-5/21, 11/17-5/11)].

⁷ Аналогии см.: [Reisner, Smith, 1955, p. 71, fig. 85 (30–12–14); Rzeuska, 2006, p. 102, pl. 30 (no. 87); Hawass, Senussi, 2008, p. 92, 96, fig. 9, p. 63, fig. 141, p. 105, fig. 8; Köpp, 2009, S. 68, Abb. 6 (Z712); Kormysheva et al., 2015, p. 122, fig. 45 (08/15-2/5); Kormysheva et al., 2018, p. 182, fig. 82 (16/58-4/1); Lecuyot, 2016a, p. 132, fig. 1 (S.P. 468)].

⁸ Аналогии votivному сосуду 19/63-3/18 происходят из Гизы и Дахшур и датированы как V, так и VI династиями: [Junker, 1929, S. 128, Abb. 15.6; Reisner, Smith, 1955, p. 78, fig. 103 (25–12–144, 29–12–265); Faltings, 1989, S. 137–138, 142–143, Abb. 3a (Nr.182), 7 (NOE36, 37); Weeks, 1994, p. 83, fig. 130 (25–12–144)]. О датировке votivных тарелочек второй половиной V–VI династиями, донце которых срезано с гончарного круга острым предметом, см.: [Малых, 2018, с. 67–68].

⁹ Аналогии см.: [Charvat, 1981, p. 243, pl. 24 (I 431); Bárta et al., 2010, p. 104–106, fig. 3.3.10 (28.AS33.05); Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 41, fig. 16 (05/64/3); Wodzińska, 2013, p. 177–178, fig. 10.3; El-Senussi, 2021, p. 301, 316, no. 8].

древнеегипетского ритуала, проводившегося в момент похорон и представлявшего собой сжигание различных жертвенных даров, связанных с поминальным пиром (гризной).

Согласно исследованиям польско-египетской археологической миссии в Саккаре, сожжение различных растений, реже — мясных подношений производилось на стороне, в основном — перед гробничной часовней. Визуально аналогичные места сожжения были обнаружены нашей экспедицией в Гизе перед скальной гробницей Ченти I, в центральной зоне российской концессии.

Угли и зола от «сожженной жертвы» в Саккаре были сложены в пивные кувшины и запечатаны, а затем помещены на дно шахт, у входа в погребальные камеры. Исследование под микроскопом семи зольных проб из Саккары показало наличие в них фрагментов костей животных, красноощенной керамики и растений. Среди последних доминировали зерна пшеницы и ячменя, реже — овса, сорго и люпина. Присутствовали репрезентативные части канареечника (фалариса), скорпионницы колючей, инжира, винограда, зизифуса, земляного миндаля (чумы, циперуса), сельдерея, черного тмина, баланитеса, календулы, мака, целозии, голубинового гороха (кайна), цикория, льна обыкновенного, ромашки аптечной, резеды душистой, сафлора красильного. В некоторых пивных кувшинах также наблюдались обгоревшие остатки древесины акации и пальмы, возможно, служившие топливом для горения. Набор растений в пробах из разных комплексов не был одинаков и скорее демонстрировал сезонный характер [Rzeuska, 2006, p. 469–474].

За неимением возможности сделать анализ сгоревшего содержимого из мейдумской чаши 19/63-3/15 из гробницы Каемнефрета мы можем лишь гипотетически предположить, что она использовалась в ритуале сожжения жертвенных даров в момент похорон рядом с гробничной часовней, а затем была помещена на дно шахты 3, рядом с погребением, но впоследствии была разбита грабителями.

Что касается времени совершения оригинального захоронения в погребальной камере 3А, его следует ограничить интервалом от V до VI династии, однако обилие керамических типов времени V династий и форм с длительной историей бытования позволяет допустить более узкую датировку второй половиной V династии.

КЕРАМИКА ИЗ ШАХТЫ 4 ГРОБНИЦЫ КАЕМНЕФРЕТА

В заполнении шахты 4 и ее погребальной камеры 4А было обнаружено 450 фрагментов керамических сосудов, из них 33 — диагностических (Рис. 6–7). Примечательно, что процент керамики Древнего царства здесь несколько ниже — 68,7%, чем в других шахтах гробницы Каемнефрета. На поздний материал, соответственно, пришелся 31,3%: здесь присутствуют фрагменты сосудов Позднего периода, включая стенки и донца клазоменских и книдских амфор VI–IV вв. до н. э., римскую и византийскую кухонную и тарную керамику (в том числе стенки египетских винных амфор типов *AE*, *Late Roman 7*, фрагменты восточносредиземноморских (вероятно, кипрских) амфор типа *Late Roman 1*), кувшины позднего византийского — раннего арабского времени (до IX в. н. э.).

Среди керамических сосудов Позднего периода примечателен небольшой остродонный кувшин 15/63-4/3 (Рис. 7), найденный целым рядом с фрагментами человеческого скелета, фаянсовым амулетом-джед и фрагментом миниатюрной фаянсовой фигурной чаши в виде рыбы. Небольшие остродонные кувшины характерны для VI–IV вв. до н. э. и бытовали преимущественно в Мемфисском регионе и Дельте в качестве погребального инвентаря или для

хранения остатков от мумификации (т. н. «тайники бальзамирощиков»)¹⁰, однако на поселениях их находки единичны [Fischer, 1965, p. 145, pl. 59 (no. 429)]. Особенно много таких сосудов в Саккаре — в «Некрополе священных животных» и Анубейоне [Aston, Aston, 2010, p. 152, pl. 44 (no. 393); French, Bourriau, 2018, p. 79–80]; в восточной части Гизы также собрана репрезентативная коллекция этого керамического типа [Malykh, 2015, p. 115, fig. 7; Kormysheva et al., 2018, p. 113, 134, 142, fig. 55 (09/23-1/4), 63 (верхний ряд); Kormysheva et al., 2021, p. 100, fig. 54 (17/19-10/1)]. Археологический контекст кувшина 15/63-4/3 позволяет отнести его к погребальному инвентарю захоронения в шахте 4, разрушенного древними грабителями.

Аналогичный ареал и датировку можно предложить для светильника 15/63-4/6 на тонкой ножке (*Рис. 7*) и со следами копоти внутри, широко представленного в некрополях Саккары и Гизы (как в погребениях, так и в «тайниках бальзамирощиков»), в меньшей степени — в Дельте [Hassan, 1953, p. 121, pl. LA; French, 1990, p. 12, fig. 2; French, Ghaly, 1991, p. 123–124, fig. 113; French, Bourriau, 2018, p. 116–117, fig. 22c–d (no. 1064); Gallorini, 2007, p. 794, fig. 2 (no. 1024); Aston, Aston, 2010, p. 183–184, fig. 47] и практически не встречающегося в Верхнем Египте. Примечательно, что в литературе дискутируется вопрос о его назначении — светильник или кубок для питья [French, Bourriau, 2018, p. 116–117], однако гизехский материал указывает на первый вариант, так как во всех найденных нами сосудах присутствуют следы копоти на внутренней поверхности, а в одном случае — частицы горючей смолообразной субстанции с запахом канифоли [Malykh, 2015, p. 115, fig. 8; Kormysheva et al., 2018, p. 143, fig. 66 (12/40/9)].

С погребальным инвентарем или «тайником бальзамирощиков» можно связать арибаллические лекифы 15/63-4/4, 5, 15/63-4/14, 15, крупную мешкообразную чашу 15/63-4/8 (в специальной литературе этот тип периодически именуют «goldfish bowl» [Defernez, 2001, p. 281–284, pl. LXII (no. 175); Aston, Aston, 2010, p. 132–136, fig. 132 (no. 328); Aston, 2011, p. 66–69, fig. 3.6; French, Bourriau, 2018, p. 65–67, fig. 6d (no. 956); Laemmel, 2021, p. 377, pl. 102 (no. 1)]), а также две похожих небольших чаши 15/63-4/1 и 16/63-4/100 на кольцевом поддоне (*Рис. 7*), близких по глине (различия лишь в незначительных нюансах). Известные им аналоги датируются персидским временем [Hassan, 1953, p. 18, pl. XVII.B; French, Ghaly, 1991, p. 108, fig. 35; Defernez, 2001, p. 333, pl. LXXIII (nos. 212a–212b); Gallorini, 2007, p. 792–793, fig. 1b (no. 1054); Aston, Aston, 2010, p. 218, 235, pl. 12 (no. 81), 29 (no. 249); Aston, 2011, p. 66–69, fig. 39; Malykh, 2015, p. 114, fig. 5 (12/40/16); Kormysheva et al., 2015, p. 165, fig. 60 (11/17-1/36); Kormysheva et al., 2018, p. 145, fig. 63 (12/40/16); Laemmel, 2021, p. 385, pl. 110.6–7]. Хронологически синхронен им и небольшой продолговатый кувшин 15/63-4/10 со смолой внутри и загрязнениями смолой снаружи. Подобное содержимое указывает на принадлежность его «тайнику бальзамирощиков», т. к. остатки смолы, использовавшейся при мумификации тела, могли собирать в различную тару и прятать недалеко от тела или непосредственно рядом с ним.

Донце амфоры 15/63-4/13 (*Рис. 7*) со следами смолы внутри можно датировать, согласно морфологическим признакам, серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 102–103, табл. 71.6 (тип I-B)] и по глине отнести к продукции гончарен малоазийского города Книд. Примечательно, что нижняя часть тулова этого сосуда сформована из средне-тонкого плотного глиняного теста, а утолщение ножки — из его средне-грубого варианта. В Египте обнаружены также имитации подобных книдских амфор, датированные несколько позже — III в. до н. э. [Defernez, Marchand, 2006, p. 86, 94, fig. 19g; Defernez, 2007, p. 594, 601, fig. 9.28,

¹⁰ [French, Ghaly, 1991, p. 121–122, fig. 100–104, 106; Gallorini, 2007, p. 792–793, fig. 1b (no. 1101); Dhennin et al., 2014, p. 54, fig. 2d]. Типы финальной части Позднего периода и начала птолемеевского времени см.: [Ledain, 2000, p. 331–335, fig. 5–11, 18; Laemmel, Simony, 2016, p. 245, fig. 5 (01/113)].

19.63; Marangou, Marchand, 2007, p. 262–263, fig. 112–115; Knoblauch, Bestock, 2009, p. 238–239, fig. 11d; Schreiber, 2016, p. 273, fig. 54].

К Птолемеевскому периоду следует отнести венчик кратера 15/63-4/9 (*Рис. 7*) [Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 91, fig. 345; Jacquet-Gordon, 2012, p. 320–321, fig. 133e], однако его нахождение в средней части заполнения шахты 4 (слой б) скорее обусловлено деятельностью древних грабителей, нежели принадлежностью к какому-либо погребальному комплексу.

Примечательно, что на дне шахты, в скальном разломе, были выявлены шесть фрагментов чаши 15/63-4/12 с коническим туловом и прямым венчиком (*Рис. 6*). Этот тип появляется в Египте лишь в конце Древнего царства [Bárta et al., 2010, p. 99, 102, fig. 3.3.9 (13.AS33.05); López Grande, 2011, p. 588–592, fig. 4b, 4d], а пик бытования приходится на Первый переходный период, постепенно исчезая к расцвету Среднего царства (время правления XII династии, XX–XVIII вв. до н. э.) [Defernez, 2004, p. 74–76, 80, fig. 7 (S11 I); Bader, 2009, p. 16–17, fig. 2c; Le Provost, 2014, p. 135, fig. 2.7; Jeuthe, Le Provost, Soukiassian, 2013, p. 212–213, fig. 15.9]. По нашему мнению, присутствие такой чаши в скальном разломе на дне шахты не было связано с похоронными действиями, а скорее маркировало наиболее ранние следы ограбления оригинального погребения, закономерно пришедшиеся на эпоху политической и экономической нестабильности в стране, имевшую место в конце Древнего царства и Первом переходном периоде.

Что касается керамики Древнего царства, то ее датировка вписывается в интервал от V до VI династии с возможностью гипотетического сужения до второй половины правления V династии (XXIV–XXIII вв. до н. э.): кроме многочисленных фрагментов грубых пивных кувшинов, редких фрагментов винных кувшинов, чаш, чанов, подставок и жаровен для приготовления круглых лепешек, здесь обнаружено донце формы для выпечки конического хлеба 15/63-4/2 и миниатюрная вотивная керамика — сосудик 15/63-4/11 и тарелочка 16/63-4/101¹¹ (*Рис. 6*). Последняя по ряду технологических признаков не может быть датирована ранее второй половины V династии¹². Несмотря на бытовой характер перечисленной керамики (кроме вотивных моделей), она часто помещалась рядом с телом покойного, поэтому найденную керамику следует рассматривать как погребальный инвентарь. Исходя из этого, устройство оригинального погребения в камере 4А гробницы Каемнефрета следует отнести ко времени правления V–VI династии с возможностью сузить дату до второй половины V династии.

Также можно констатировать, что в Поздний период (точнее — в персидское время), камера 4А была вторично использована для одного или нескольких захоронений, включая «тайник бальзамировщиков», однако уже в 1-м тыс. н. э. эти комплексы прошли через неоднократные проникновения грабителей, в результате чего археологические слои, погребальные и вещевые комплексы были перемешаны и частично уничтожены.

КЕРАМИКА ИЗ ШАХТЫ 5 ГРОБНИЦЫ КАЕМНЕФРЕТА

В заполнении шахты 5 и ее погребальной камеры 5А было обнаружено 2383 фрагмента керамических сосудов, из них только 29 — диагностических (*Рис. 8–10*). Подавляющую часть (97,3%) составляет керамика эпохи Древнего царства, тогда как на поздний керамический материал приходится лишь 2,7%, включая материал от Позднего периода до раннеарабского времени,

¹¹ Аналогии см.: [Verner, Callender, 2002, p. 42, pl. IX (Bf26, нижний ряд); Hawass, Senussi, 2008, p. 86, fig. 280; Arias Kytarová, 2011, p. 220–221, fig. 13 (S3); Vymazalová et al., 2011, p. 66, 72, fig. 6.1 (6–4.AS38.2010); Marchand, Thiers, 2021, p. 118, fig. 4.6; Marchand, 2022, p. 199, fig. 20 (A.V. 60)].

¹² О датировке вотивных тарелочек с ребристыми стенками и внутренним выступом второй половиной V–VI династиями см.: [Малых, 2018, с. 66–68].

в том числе кувшин-олла (*olla* или *qulla*, арабск.) 16/63-5/12 для воды с фильтром в горле и отбитым носиком (Рис. 10), шесть фрагментов которого было найдено в верхней части заполнения шахты 5 (слой 2). Аналоги ему, но с ручками, происходят из Келлии и датируются концом VII — началом VIII вв. н. э. [Ballet, Bosson, Rassart-Debergh, 2003, p. 123–124, fig. 14 (nos. 90–91)]. К Византийскому периоду относятся фрагменты восточносредиземноморских и египетских винных амфор типов *Late Roman 1* и *Late Roman 7*, сконцентрированные в проходе в погребальную камеру. Все это указывает на время финального проникновения грабителей в камеру — во второй половине 1-го тыс. н. э.

Римским периодом датируются немногочисленные стенки египетских винных амфор типа *AE*, залежавшие в верхней части заполнения шахты 5. Керамика птолемеевского времени также редка и представлена двумя фрагментами чаш 16/63-5/2 и 16/63-5/21¹³ (Рис. 10).

Материал Позднего периода более репрезентативен и встречается во всех слоях заполнения шахты и погребальной камеры. Вероятнее всего, первоначально он был приурочен к вторичному погребению (или нескольким погребениям) в камере 5А, от которого здесь сохранились не только черепки сосудов из обожженной глины, но и фаянсовый амулет в виде богини Бастет 16/63-5/f4, миниатюрные амулеты в виде сидящих кошечек 16/63-5/f1, 16/63-5/f5 и 16/63-5/f6, фаянсовые и сердоликовые бусины и раковины-каури. Диагностические образцы керамики представлены фрагментами мешкообразных чаш 16/63-5/6 и 16/63-5/7 (без следов содержимого)¹⁴ (Рис. 10) и стенкой алабастрона 16/63-5/23 с линейным декором коричневого цвета¹⁵; все они характерны для времени правления XXVI (Саисской) и XXVII (Персидской) династий. Однако датировка амулета в виде богини Бастет XXVI династией, основанная на особенностях иконографии и манере изготовления предмета, позволяет ее сузить. Вторичное погребение было уничтожено древними грабителями, а материал из него (фрагмент 15/63-1/4 от алабастрона 16/63-5/23 и амулет в виде кошки 16/63-2/f1) попал в заполнение шахт 1 и 2 соответственно.

Что касается оригинального погребения эпохи Древнего царства, то оно было разрушено в ходе неоднократных проникновений грабителей и в процессе устройства вторичного погребения в саисское время. Тем не менее можно предположить, что погребальный инвентарь включал пивные кувшины, а также другие типы кувшинов, чаш, подставок, конических хлебных форм, жаровен и миниатюрных вотивных моделей (Рис. 8–9). Кроме керамики, здесь находились каменные орудия, небольшая кальцитовая чаша и фрагменты от двух известняковых каноп и крышек к ним.

Традиционно тип грубых пивных кувшинов занимает верхнюю строчку статистических данных по керамическому материалу из заполнения шахты 5 и ее погребальной камеры 5А и составляет 2013 фрагментов (84,5%). При этом, основываясь на количестве донец — наиболее сохранных частей для этого типа керамики — по предварительным оценкам число пивных кувшинов в погребальной камере составило 30, еще 28 находилось в стволе шахты и проходе в погребальную камеру. Как минимум, несколько из них первоначально залежало в камере в качестве сопроводительного инвентаря и содержало нильский ил (т. н. «ложное содержимое»), куски которого с отпечатками стенок и донец сосудов были обнаружены исключительно в самой камере.

¹³ Аналоги для 16/63-5/2 см.: [Jacquet-Gordon, 2012, p. 331, fig. 138n (из гончарен Асуана); Thomas, 2013, p. 15, fig. 40–41]. Аналоги для 16/63-5/21 см.: [Ballet, Poludnikiewicz, 2012, p. 47, fig. 111–113; Jacquet-Gordon, 2012, p. 337, fig. 139; Hudson, 2014, p. 35, fig. 7].

¹⁴ Это не позволяет говорить в данном случае о связи этих двух чаш с «тайниками бальзамировщиков», скорее они входили в состав погребального инвентаря. Аналоги для 16/63-5/6 см.: [Aston, 2011, p. 50–51, fig. 1.5]. Аналоги для 16/63-5/7 см.: [Pesenti, Saleh, 2018, p. 24, fig. 8 (no. 8022.12); Masson, 2011, p. 277, fig. 47].

¹⁵ Вероятно, форма как у сосудов XXVI–XXVII династии из Балаата и Мемфиса: [Castel, Pantalacci, 2005, p. 527, fig. 9.5.5 (C 170); Laemmel, 2021, p. 341, pl. 66.15].

Для своего типа необычен аккуратной лепкой пивной кувшин 16/63-5/17 (Рис. 8), форма которого больше соответствует винным кувшинам. Его следует датировать временем правления V династии. Другой пивной кувшин — 16/63-5/20 (Рис. 8) — имеет более позднюю форму, бытовавшую при VI династии [Rzeuska, 2006, p. 84–85, 108–109, pl. 21 (no. 51), 33 (no. 98); Kormysheva et al., 2018, p. 68, fig. 45 (14/22-4/13, 14/22-4/23, 25)]. Снаружи он покрыт желтовато-белым пигментом, что, вероятно, связано с ритуальным очищением предметов, помещаемых в сакральные зоны гробницы¹⁶. Аналогичное покрытие имеют и три жаровни-*ḥprt* 16/63-5/13, 16/63-5/18 и 16/63-5/19 (Рис. 9) для выпечки лепешек, также частый предмет египетского погребального инвентаря эпохи Древнего царства не только в столичном регионе, но и в провинции [Junker, 1950, S. 15–17, Abb. 6B (Mastaba Шегун); Vallogia, 1987, pl. LXXXVIII (nos. 132, 260); Wenke et al., 1988, p. 23–24, 27, fig. 10d; Ballet, Picon, 1992, p. 178; Rzeuska, 2006, p. 176–177, pl. 67; Hawass, Senussi, 2008, p. 109, fig. 18; Arias Kytarová, 2011; Wodzińska, 2013, p. 168, 170, fig. 4.3; Kormysheva et al., 2021, p. 79, fig. 41 (10/19-2/17, 18); Marchand, 2017; Marchand, 2022, p. 193, fig. 17 (UF 863–1)].

Широким интервалом V и VI династий можно датировать четыре миниатюрные вотивные тарелочки 16/63-5/1, 16/63-5/3, 16/63-5/16 и 16/63-5/24, коническую хлебную форму-*bdʒ* 16/63-5/11, чашу с профилированным венчиком 16/63-5/15, мешкообразную чашу 16/63-5/22, чан 16/63-5/9, подставки 16/63-5/5 и 16/63-5/10¹⁷ (Рис. 8–9).

Более узко — временем правления VI династии — датируются чаша со сливом на венчике 16/63-5/14 [Reisner, Smith, 1955, p. 82, fig. 114 (24-12-183); Simpson, 1978, fig. 71 (24-12-183); Bárta et al., 2010, p. 40–41, fig. 2.5.8 (2.AS20.99)] и шарообразный кувшин 16/63-5/4 (Рис. 8). Форма последнего появляется в финальной части Древнего царства и продолжает бытовать на протяжении Первого переходного периода и Среднего царства [Vallogia, 1987, pl. XCI (no. 516); Ballet, Picon, 1992, p. 167; Labrousse, 1996, p. 73, fig. 125; Castel, Pantalacci, 2005, p. 491, 516–517, fig. 9.5.1 (C62), 9.5.2 (C138); Jeuthe, Le Provost, Soukiassian, 2013, p. 212–213, fig. 17.7]. Однако венчик кувшина 16/63-5/4 трудно считать хронологическим маркером для оригинального погребения в камере 5А, так как он был выявлен в верхней части заполнения шахты, в слое 2, хотя стенки аналогичного сосуда находились и в камере 5А, как и фрагмент чаши 16/63-5/14. Здесь же был найден фрагмент конической хлебной формы-*bdʒ* 16/63-5/8, по морфологическим признакам характерной для IV и V династий [Bárta et al., 2010, p. 282–283, fig. 4.4.3 (1.AS51.09); Arias Kytarová, 2011, p. 220–221, fig. 13 (S3); Krejčí et al., 2014, p. 176, 178, fig. 4.56 (52.AC26.06); Marchand, Thiers, 2021, p. 118, fig. 4.6; Marchand, 2022, p. 199, fig. 20 (A.B 60)].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что оригинальное захоронение в камере 5А было совершено при V–VI династиях, но осторожно предположить, что это событие скорее имело место в правление VI династии.

Подводя итог, следует сказать, что керамический комплекс из древнеегипетской скальной гробницы Каемнефрета уточняет датировку оригинальных погребений, определяет время

¹⁶ Подробнее см.: [Малых, 2015, с. 20–27].

¹⁷ Аналоги для 16/63-5/11 см.: [Junker, 1950, S. 15, 17, Abb. 6C (G 4271); Arias Kytarová, 2011, p. 211, fig. 8 (F-1b); Vymazalová et al., 2011, p. 66, 71, fig. 6.1 (24–2.AS38.2010); Krejčí et al., 2014, p. 178, 185, fig. 4.56 (50.AC26.06); Marchand, 2017, p. 225, fig. 1a]. Аналоги для 16/63-5/15 см.: [Hawass, Senussi, 2008, p. 76, fig. 239; Köpp, 2009, S. 68, Abb. 4 (Z244); Vymazalová et al., 2011, p. 67, 73, fig. 6.2 (25–4.AS38.2010); Krejčí et al., 2014, p. 162–163, fig. 4.45 (270.AC26.08); Marchand, 2022, p. 197, fig. 19 (A.B 19, A.B 49)]. Аналоги для 16/63-5/22 см.: [Kromer, 1972, S. 21–22, 36, Tf. III.1; Rzeuska, 2006, p. 320–321, 324–325, pl. 139 (no.706), 141 (no. 714); Adams, 2007, p. 324, 328, pl. 26.5; Hawass, Senussi, 2008, p. 51, 174, fig. 64, I 71]. Аналоги для 16/63-5/9 см.: [Kaiser, 1969, S. 73, Nr. 227; Wenke et al., 1988, p. 25, fig. 11b; El-Khouli, 1991, p. 44, pl. 49 (no. 11); Rzeuska, 2006, p. 322–323, pl. 140 (no. 711); Hawass, Senussi, 2008, p. 29, 55, 173, fig. 99, I 64; Bárta et al., 2010, p. 101–103, fig. 3.3.9 (17AS33.05); Kormysheva et al., 2015, p. 125, fig. 46 (09/15-2/25)]. Аналоги для 16/63-5/5 и 16/63-5/10 см.: [Rzeuska, 2006, p. 346–347, pl. 152 (no. 775–776)].

создания вторичных захоронений и этапы их разрушения. Наличие в коллекции не только египетской, но и привозной керамики иллюстрирует развитость торговых связей Египта с Эгеидой, Малой Азией и Восточным Средиземноморьем.

Литература / References

Малых С. Е. Символика белого цвета в древнеегипетском погребальном обряде и поминальном культе эпохи Древнего царства. *Восток (Oriens)*. 2015. № 2. С. 20–32 [Malykh S. E. Symbolism of the white color in ancient Egyptian funerary rites and cult of the Old Kingdom. *Vostok (Oriens)*. 2015. No. 2. P. 20–32 (in Russian)].

Малых С. Е. Древнеегипетская votивная керамика из Гизы: особенности изготовления как датирующий признак. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 1. С. 62–69 [Malykh S. E. Egyptian Old Kingdom Votive Pottery from Giza: Manufacturing Properties as Dating Features. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018. No. 1. P. 62–69 (in Russian)].

Монахов С. Ю. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. М., Саратов, 2003 [Monakhov S. Yu. *Greek amphorae in the Black Sea. The typology of the leading exporting centers of goods in ceramic containers: A manual catalogue*. Moscow, Saratov, 2003 (in Russian)].

Adams M. J. *The Early Dynastic through Old Kingdom Stratification at Tell er-Rub'a, Mendes*. PhD Thesis in History. Philadelphia, 2007.

Arias Kytarová K. Chronological relevance of bread baking forms — A case study of the Abusir South cemetery. In: Bárta M., Coppens F., Krejčí J. (eds.). *Abusir and Saqqara in the year 2010*. Prague, 2011. Pp. 200–222.

Aston D. A. *ἱερὸν ὑπόγειον*. The Saqqara Embalmers' Caches Reconsidered; Typology and Chronology. In: Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S. (eds.). *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven, Paris, Walpole, 2011. Pp. 45–79.

Aston D. A., Aston B. G. *Late Period Pottery from the New Kingdom Necropolis at Saqqâra. Egypt Exploration Society — National Museum of Antiquities, Leiden, Excavations 1975–1995. (Excavation Memoir 92)*. London, Leiden, 2010.

Badawy A. *The Tombs of Iteti, Sekhem'anekh-Ptah, and Kaemnofert at Giza*. Berkeley, 1976.

Bader B. The Late Old Kingdom in Herakleopolis Magna? An Interim Interpretation. In: Rzeuska T. I., Wodzińska A. (eds.). *Studies on Old Kingdom Pottery*. Warsaw, 2009. Pp. 13–41.

Ballet P., Bosson N., Rassart-Debergh M. *Kellia II. L'ermitage copte QR 195*. Le Caire, 2003.

Ballet P., Picon M. *Balat II. Le mastaba d'Ima-Pépi*. Le Caire, 1992.

Ballet P., Poludnikiewicz A. *Tebtynis V. La céramique des époques hellénistique et impériale. Campagnes 1988–1993. Production, consommation et réception dans le Fayoum méridional*. Le Caire, 2012.

Bárta M., Coppens F., Arias Kytarová K., Vymazalová H. et al. *Abusir XIX. Tombs of Hetepi (AS 20), Tombs AS 33–35, and AS 50–53*. Prague, 2010.

Bárta M. Pottery Inventory and the Beginning of the IV-th Dynasty. *Göttinger Miszellen*. 1995. Vol. 149. Pp. 15–24.

Castel G., Pantalacci L. *Balat VII. Les cimetières est et ouest du mastaba de Kbentika. Oasis de Dakbla*. Le Caire, 2005.

Charvat P. *The Mastaba of Ptahshepses. The Pottery*. Prague, 1981.

Coulson D. E. *Ancient Naukratis*. Vol. II. *The Survey at Naukratis and Environs*. Part 1. *The Survey at Naukratis*. Oxford, 1996.

Defernez C. *La céramique d'époque perse à Tell el-Herr. Étude chrono-typologique et comparative*. Lille, 2001.

Defernez C. La céramique d'Ayn Soukhna: observations préliminaires. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2004. Vol. 7. Pp. 59–89.

- Defernez C. Le mobilier amphorique provenant d'un édifice monumental découvert sur le site de Tell el-Herr (Nord-Sinaï). *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2007. Vol. 8. Pp. 547–620.
- Defernez C., Marchand S. Imitations égyptiennes de conteneurs d'origine égéenne et levantine (IVe s. — IIe s. av. J.-C.). In: Mathieu B., Meeks D., Wissa M. (eds.). *L'apport de l'Égypte à l'histoire des techniques. Méthodes, chronologie et comparaisons*. Le Caire, 2006. Pp. 63–99.
- Dhennin S., Marchand S., Marchand J., Simony A. Prospection archéologique de Kôm Abou Billou / Térénouthis (Delta) — 2013. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2014. Vol. 24. Pp. 51–68.
- El-Khouli A. *Meidum*. Australian Centre for Egyptology. Reports 3. Sydney, 1991.
- El-Senussi A. Statistical and Stylistic Study of Pottery. In: Handoussa T., Brovarski E. (eds.). *The Abu Baker Cemetery at Giza*. Atlanta, 2021. Pp. 299–364.
- Faltings D. Die Keramik aus den Grabungen an der nördlichen Pyramide des Snofru in Dahchur. Arbeitsbericht über die Kampagnen 1983–1986. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institut, Abteilung Kairo*. 1989. Bd. 45. S. 133–154.
- Fischer H. G. The Pottery. In: Anthes R. et al. *Mit Rabineh 1956*. Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania, 1965. Pp. 143–161.
- French P. Saqqara (Anubieion). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 1990. Vol. 14. Pp. 11–13.
- French P., Bourriau J. *The Anubieion at Saqqara IV. Pottery of the Late Dynastic Period with Comparative Material from the Sacred Animal Necropolis*. London, 2018.
- French P., Ghaly H. Pottery Chiefly of the Late Dynastic Period, from Excavations by the Egyptian Antiquities Organization at Saqqara, 1987. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1991. Vol. 2. Pp. 93–124.
- Gallorini C. Late Period and Ptolemaic pottery from the work of Saqqara Geophysical Project. In: Goyon J.-Cl., Cardin Ch. (eds.). *Proceedings of the Ninth International Congress of Egyptologists. Grenoble, 6–12 septembre 2004*. Leuven, Paris, Dudley, 2007. Pp. 789–798.
- Guyot F., Marchand J., Petit C. Early Old Kingdom Pottery from Tell el-Nashed (Eastern Delta, Sharqia Governorate). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2018a. Vol. 28. Pp. 81–113.
- Guyot F., Marchand J., Petit C. The 4th Dynasty Flint Quarries in the North Galala Plateau. A Ceramic Approach. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2018b. Vol. 28. Pp. 183–210.
- Hassan S. *Excavations at Giza 1935–1936*. Vol. VII. Cairo, 1953.
- Hawass Z., Senussi A. *Old Kingdom Pottery from Giza*. Cairo, 2008.
- Hudson N. Preliminary Report on the Pottery at Tell Timai (Thmuis). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2014. Vol. 24. Pp. 15–49.
- Jacquet-Gordon H. *Karnak-Nord X. Le trésor de Thoutmosis Ier. La céramique*. Le Caire, 2012.
- Jeuthe C., Le Provost V., Soukiassian G. Ayn Asil, palais des gouverneurs du règne de Pépy II. État des recherches sur la partie sud. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 2013. Vol. 113. Pp. 203–238.
- Junker H. *Giza I. Die Mastabas der IV. Dynastie auf dem Westfriedhof*. Wien, Leipzig, 1929.
- Junker H. *Giza III. Die Mastabas der fortgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof*. Wien, Leipzig, 1938.
- Junker H. *Giza IX. Das Mittelfeld des Westfriedhofes*. Wien, 1950.
- Kaiser W. Die Tongefäße. In: Ricke H. *Das Sonnenheiligtum des Königs Userkaf. II. Die Funde*. Wiesbaden, 1969. S. 49–82.
- Knoblauch C. V., Bestock L. D. Four Thousand Years in Abydos: A Preliminary Report on the Architecture and Ceramics of the 2004–05 Excavations in the North Cemetery, West. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institut, Abteilung Kairo*. 2009. Bd. 65. Pp. 211–252.
- Köpp H. Die Rote Pyramide des Snofru in Dahschur — Bemerkungen zur Keramik. In: Rzeuska T. I., Wodzińska A. (eds.). *Studies on Old Kingdom Pottery*. Warsaw, 2009. Pp. 61–69.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufubotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015.

- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow, 2018.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis V. Tombs of Perinedju and Nefersesekhptah*. Moscow, 2021.
- Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow, 2012.
- Krejčí J., Arias Kytnarova K., Vymazalová H., Pokorná A., Beneš J. *Abusir XXIV. Mastaba of Werkaure*. Vol. I. *Tombs AC 26 and AC 42 — Old Kingdom Strata*. Prague, 2014.
- Kromer K. *Österreichische Ausgrabungen in Giseh (VAR). Vorbericht über die Frühjahrskampagne 1971*. Wien, 1972.
- Labrousse A. *L'Architecture des Pyramides A Textes. IFAO. Mission Archéologique de Saqqara III*. Vol. III. *Saqqara Nord*. Cairo, 1996.
- Laemmel S. A. *Kom Tuman II: Late Period to Graeco-Roman Pottery*. Oxford, 2021.
- Laemmel S., Simony A. Early Ptolemaic and Ptolemaic Pottery from the Tomb of Harwa (IT 37). *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2016. Vol. 10. Pp. 241–266.
- Le Provost V. Fouilles récentes d'un habitat à Tell Edfou, la céramique de la fin de la Première Période Intermédiaire au début de la XIIe dynastie: une séquence de transition. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2014. Vol. 24. Pp. 131–150.
- Lecuyot G. Poteries de l'Ancien Empire provenant du secteur du mastaba d'Akhetetep. Fouilles du musée du Louvre à Saqqâra. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2016a. Vol. 26. Pp. 131–141.
- Lecuyot G. Les avatars du Ramesseum. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2016b. Vol. 10. Pp. 215–239.
- Ledain C. La céramique du secteur du Bâtiment aux papyrus. In: Brissard Ph., Zivie-Coche C. (eds.). *Tanis: travaux récents sur le Tell Sân el-Hagar II, MFFT 1997–2000*. Paris, 2000. Pp. 327–347.
- Lepsius C. R. *Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien; Nach d. Zeichnungen d. von Seiner Majestät d. Koenige von Preußen Friedrich Wilhelm IV. nach diesen Ländern gesendeten u. in d. Jahren 1842–1845 ausgeführten wiss. Expedition auf Befehl Seiner Majestät*. Abt. I. *Tafelwerke*. Bd. IV. Abt. II. Berlin: Nikolaische Buchhandlung, 1856.
- Lepsius C. R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Text*. Bd. I. *Unteraegypten und Memphis*. Leipzig, 1897.
- López Grande M. J. Field Notes from Dra Abu el-Naga on the First Intermediate Period / Early Middle Kingdom Pottery. In: Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S. (eds.). *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven, Paris, Walpole, 2011. Pp. 575–602.
- Malykh S. E. Unusual ceramic complex in the Eastern Giza: Problems of dating and interpretation. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2015. Vol. 25. Pp. 113–125.
- Marangou A., Marchand S. Conteneurs importés et égyptiens de Tebtynis (Fayoum) de la deuxième moitié du IVe siècle av. J.-C. au Xe siècle apr. J.-C. (1994–2002). *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2007. Vol. 8. Pp. 239–294.
- Marchand S. Remarques sur les moules à pains et les plaques de cuisson dans l'Égypte ancienne. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. Vol. 27. Pp. 223–250.
- Marchand S. Vases découverts dans les magasins et l'habitat: complexe funéraire royal de Rêdjedef à Abou Rawash. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2022. Vol. 31. Pp. 167–199.
- Marchand S., Chang R.-L., Nannucci S. Amphores égyptiennes locales *AE 1* en pâte calcaire. Époque ptolémaïque, seconde moitié du IIIe s. av. J.-C. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2018. Vol. 28. Pp. 125–154.
- Marchand S., Thiers Ch. Ermant à l'Ancien Empire. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2021. Vol. 30. Pp. 105–136.
- Masson A. Persian and Ptolemaic Ceramics from Karnak: Change and Continuity. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2011. Vol. 9. Pp. 269–310.

- Myśliwiec K. (ed.) *Saqqara V.2. Old Kingdom Structures between the Step Pyramid Complex and the Dry Moat. Part 2. Geology. Anthropology. Finds. Conservation.* Varsovie, 2013.
- Op de Beeck L. Possibilities and Restrictions for the Use of Maidum-bowls as Chronological Indicators. *Cahiers de la Céramique Égyptienne.* 2004. Vol. 7. Pp. 239–274.
- Pesenti M., Saleh R. Le secteur 8 du site côtier de Plinthine (Maréotide). Un espace multifonctionnel d'époque saïte et perse? *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne.* 2018. Vol. 28. Pp. 5–49.
- Porter B., Moss R. L. B. *Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings. III. Memphis. Part 1. Abū Rawāsh to Abūšīr.* Oxford, 1974.
- Reisner G. A., Smith W. S. *A History of the Giza Necropolis. The Tomb of Hetep-heres the mother of Cheops.* Vol. II. Cambridge, 1955.
- Rzeuska T. I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs.* Varsovie, 2006.
- Schreiber G. Ptolemaic Pottery from the el-Khokha Cemetery. *Cahiers de la Céramique Égyptienne.* 2016. Vol. 10. Pp. 267–282.
- Simpson W. K. *Giza Mastabas.* Vol. 3. *The Mastabas of Kawab, Khafkhefu I and II.* Boston, 1978.
- Thomas R. Ptolemaic, Roman and Byzantine pottery. In: Villing A., Bergeron M., Bourogiannis G., Johnston A., Leclère F., Masson A., Thomas R. *Naukratit: Greeks in Egypt.* London, 2013. Pp. 2–25.
- Vallogia M. *Balat I. Le mastaba de Medou-Nefer.* Le Caire, 1987.
- Verner M., Bárta M., Benesovska H. *Abusir IX. The Pyramid Complex of Raneferef. The Archaeology.* Prague, 2006.
- Verner M., Callender V. G. *Abusir VI. Djedkare's Family Cemetery.* Prague, 2002.
- Vymazalová H., Arias Kytmarová K., Beneš J., Bezděk A., Březinová H., Pokorná A., Šůvová Z., Šuláková H., Varadzin L., Zedníková Malá P. *Abusir XXII. The Tomb of Kaiemtjenenet (AS 38) and the Surrounding Structures (AS 57–60).* Prague, 2011.
- Weeks K. R. *Giza Mastabas.* Vol. 5. *Mastabas of Cemetery G 6000.* Boston, 1994.
- Wenke R. J., Buck P. E., Hamrourh H. A., Kobusiewicz M., Kroeper K., Redding R. W. Kom el-Hisn: Excavation of an Old Kingdom Settlement in the Egyptian Delta. *Journal of the American Research Center in Egypt.* 1988. Vol. 25. Pp. 5–34.
- Wodzińska A. Domestic and Votive Pottery from Giza. A View from Heit el-Ghurab Settlement and Khentkawes Town. In: Bader B., Ownby M. F. (eds.). *Functional Aspects of Egyptian Ceramics in their Archaeological Context. Proceedings of a Conference held at the McDonald Institute for Archaeological Research, Cambridge, July 24th – 25th, 2009.* Leuven, Paris, Walpole, 2013. Pp. 165–184.

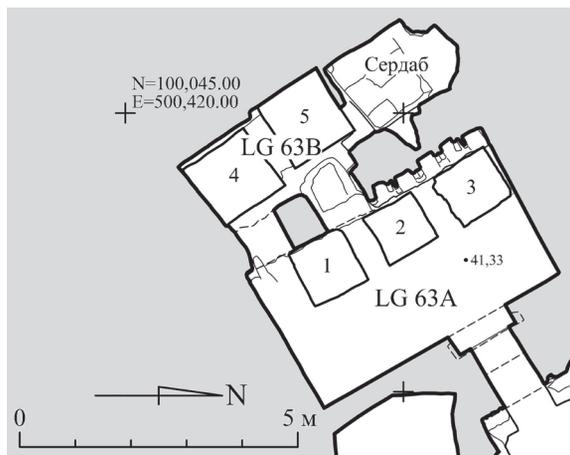

Рис. 1. План скальной гробницы Каемнефрета (LG 63) в Гизе. Рис. С. В. Ветохова

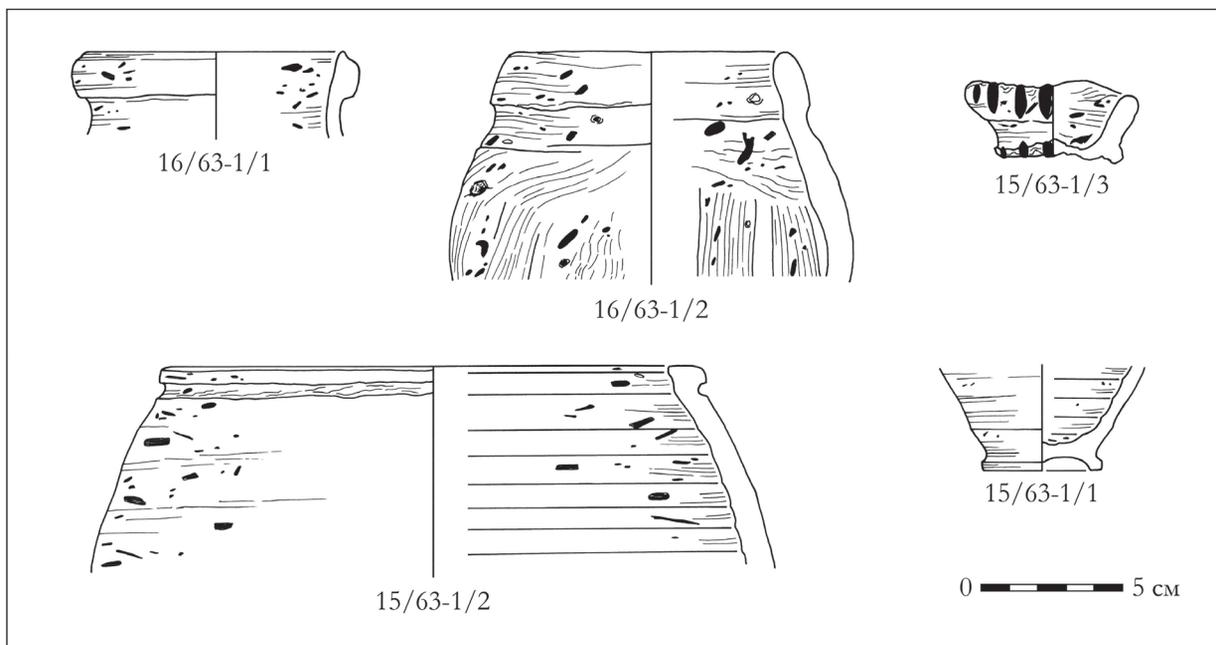

Рис. 2. Керамика из шахты 1 гробницы Каемнефрета в Гизе. Рис. автора

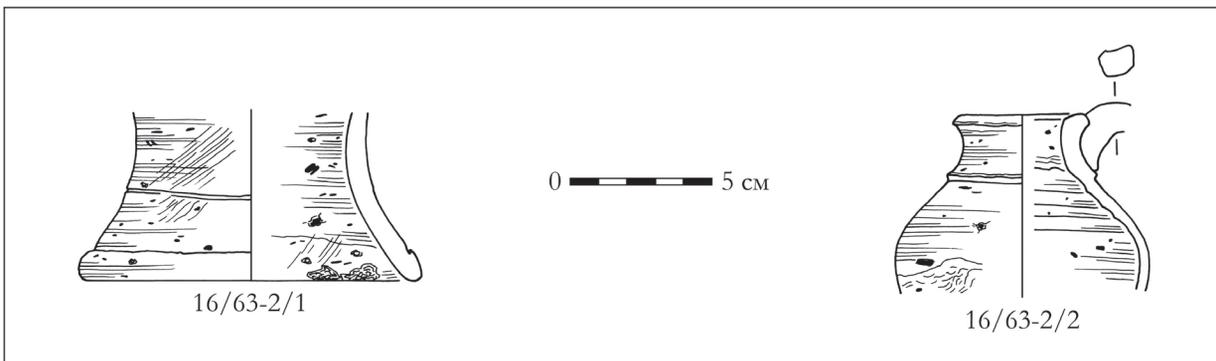

Рис. 3. Керамика из шахты 2 гробницы Каемнефрета в Гизе. Рис. автора

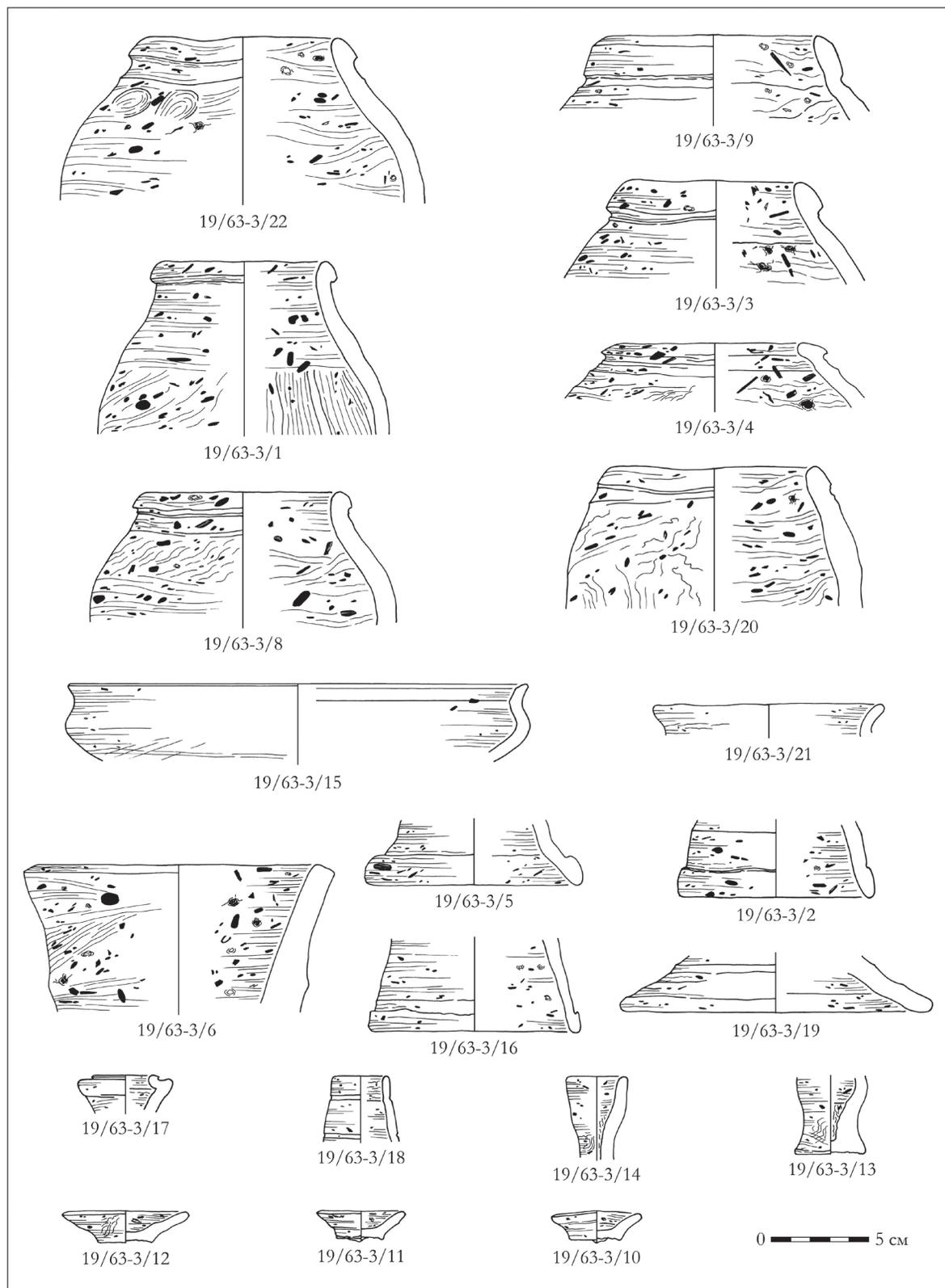

Рис. 4. Керамика Древнего царства из шахты 3 гробницы Каменнефрета в Гизе. Рис. автора

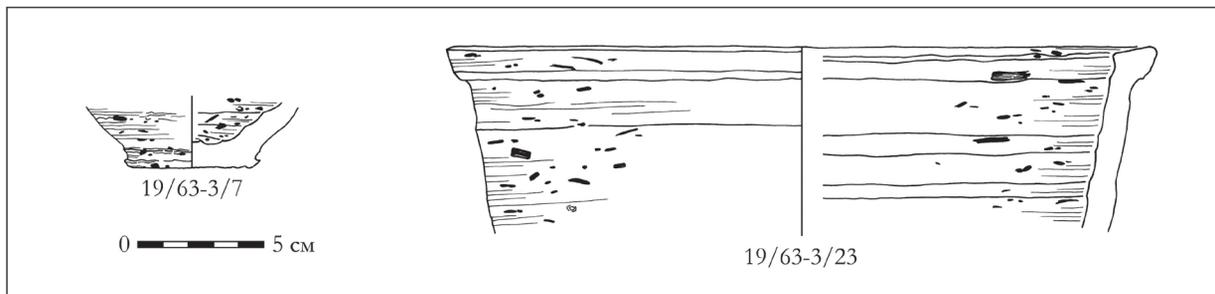

Рис. 5. Поздняя керамика из шахты 3 гробницы Каемнефрета в Гизе. Рис. автора

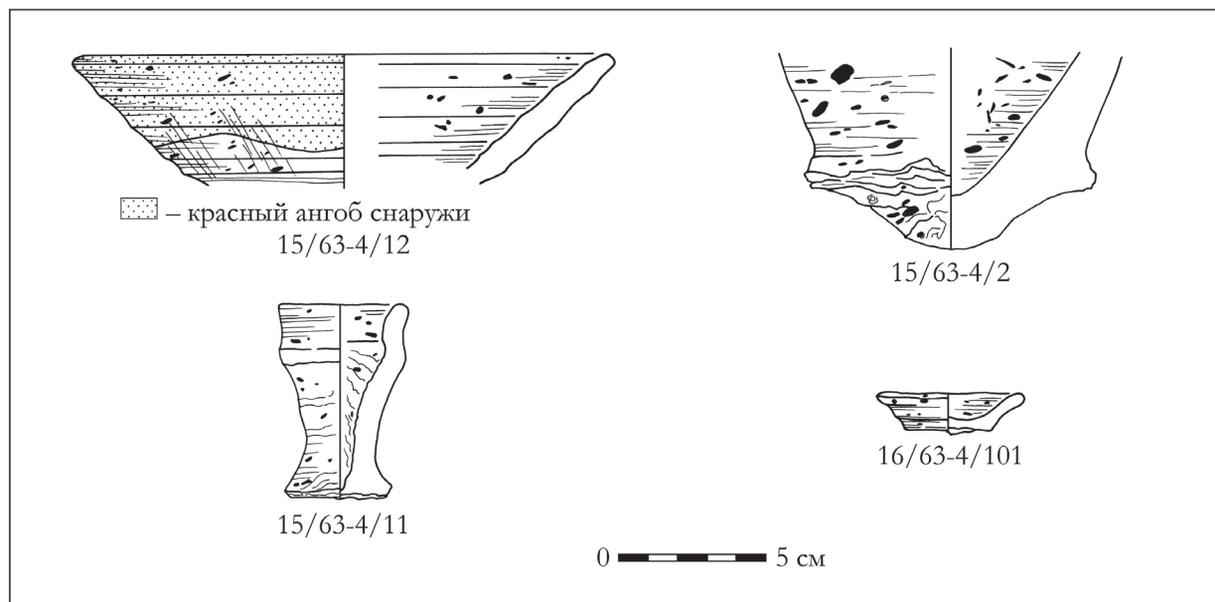

Рис. 6. Керамика Древнего царства из шахты 4 гробницы Каемнефрета в Гизе. Рис. автора

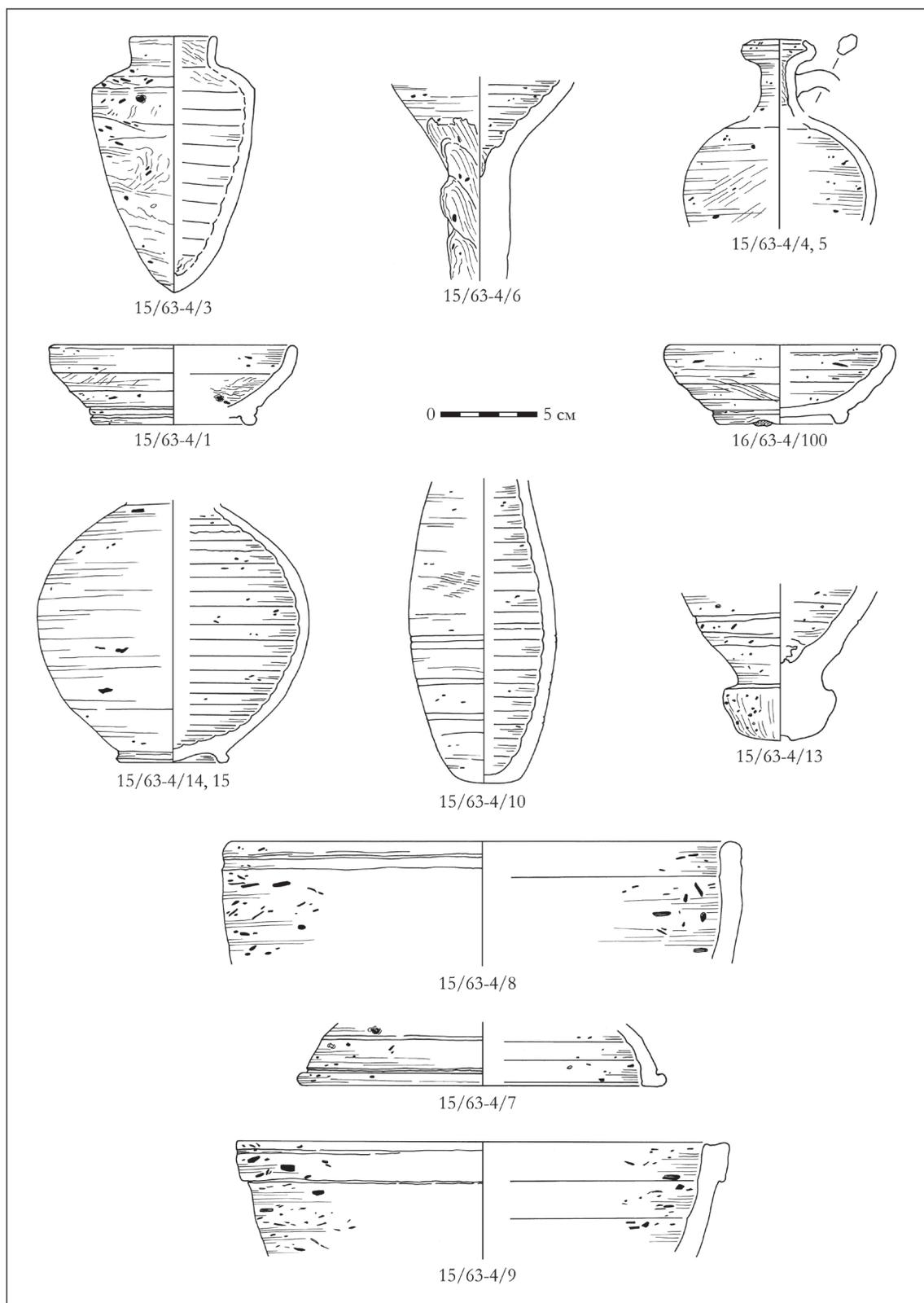

Рис. 7. Поздняя керамика из шахты 3 гробницы Каемнефрета в Гизе. Рис. автора

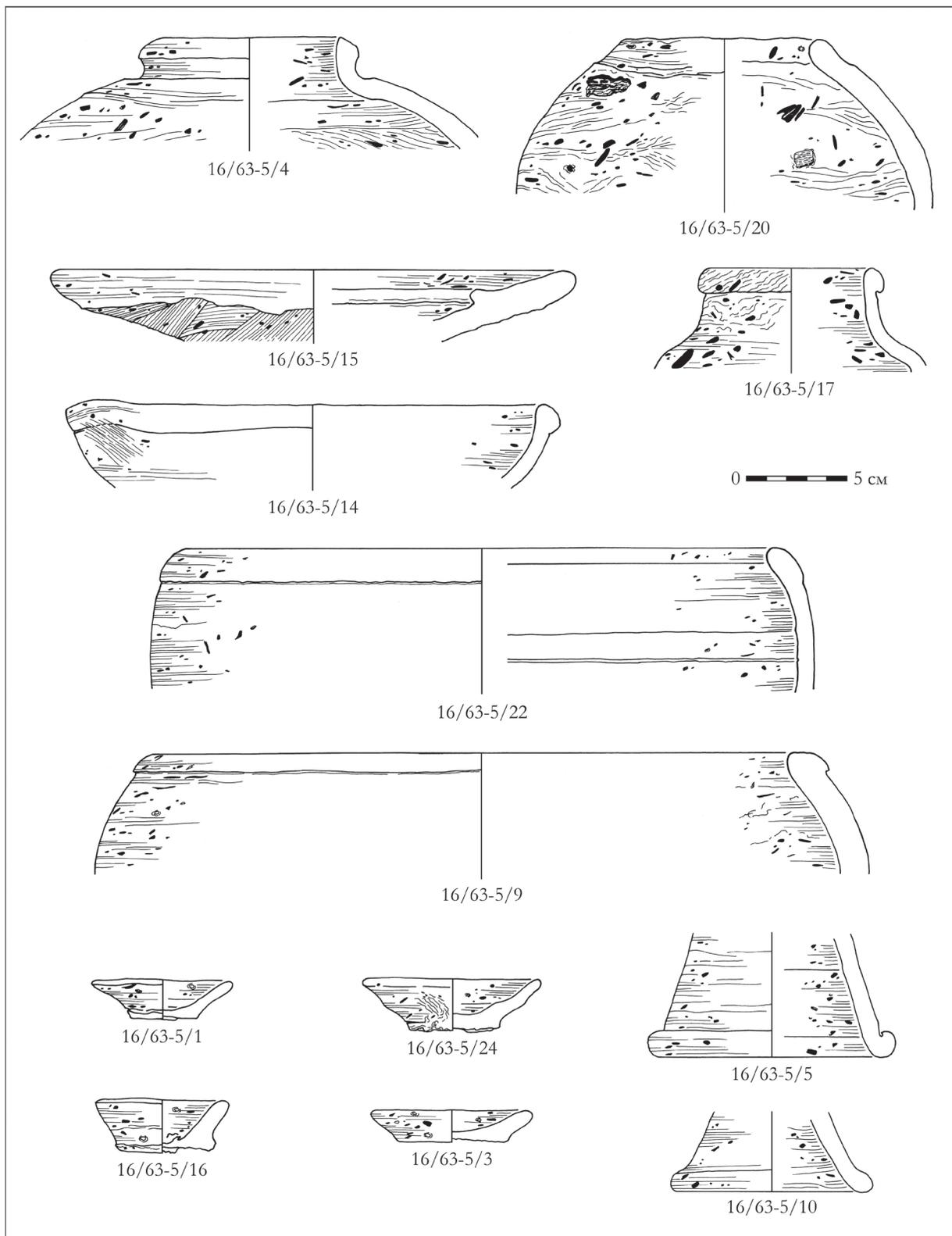

Рис. 8. Керамика Древнего царства из шахты 5 гробницы Каменфрета в Гизе. Рис. автора

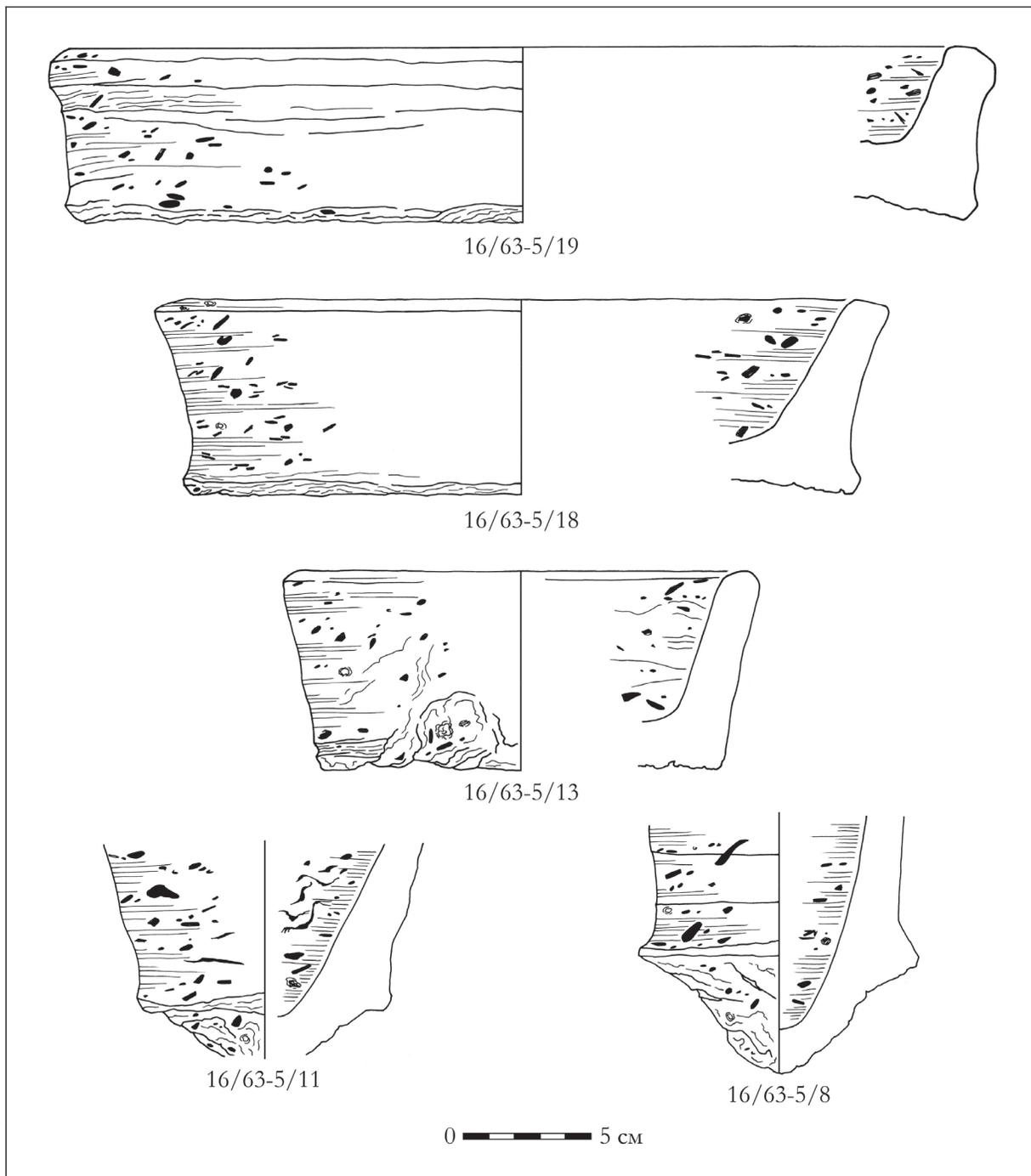

Рис. 9. Керамика Древнего царства из шахты 5 гробницы Каемнефрета в Гизе. Рис. автора

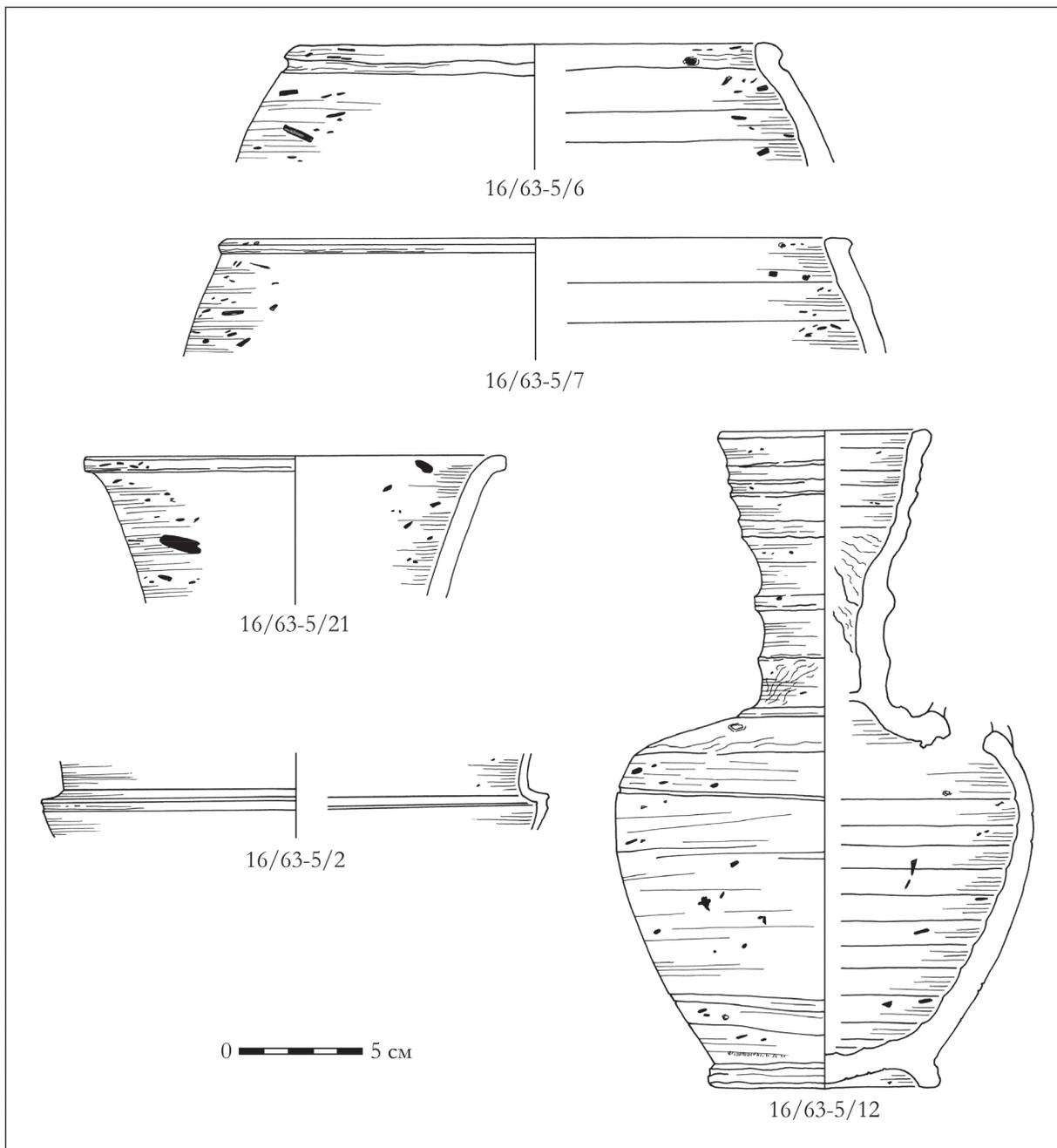

Рис. 10. Поздняя керамика из шахты 3 гробницы Каемнефрета в Гизе. Рис. автора

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-184-198

АКАДЕМИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В КАИРЕ: КОМИТЕТЫ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТРУКТУРА

© 2023

А. А. Блинов¹

Настоящая работа является продолжением цикла статей, посвященных ведущим организациям-регуляторам арабского языка на Арабском Востоке. В рамках этого исследования автором предпринята попытка обобщить все имеющиеся сведения об Академии арабского языка в Каире: изложить ее цели, описать входящие в ее состав комитеты и подробно проанализировать ее административную структуру.

Комитеты Каирской академии были изначально созданы для реализации поставленных перед нею задач и могут быть объединены в три большие группы: языковые комитеты, научные комитеты и комитеты общественных наук. Языковые комитеты изучают важнейшие лингвистические аспекты, такие как слова и выражения, происхождение арабского языка, кораническая лексика и т. д., а также занимаются составлением трех основополагающих словарей арабского языка. Научные комитеты организованы для исследования научной, технической, литературной и культурной терминологии, а также иностранных заимствований с целью их унификации среди говорящих на арабском языке. Третья группа в составе Каирской академии изучает различные социальные науки. Кроме того, в статье подробно рассмотрена административная структура Академии арабского языка в Каире, включая ее правление, совет и конгресс, порядок назначения и избрания академиков, технический и административный персонал. При этом особое внимание уделено нормативно-правовым актам Египта, регулирующим функционирование центральных административных органов в Академии. Также отдельный раздел отведен библиотеке Академии, в которой собрана богатейшая коллекция книг, справочников и энциклопедий, насчитывающая свыше 50 000 изданий. Ввиду обширности и уникальности собранного материала история создания Академии арабского языка в Каире с характеристикой ее основных прообразов станет предметом отдельной статьи.

Ключевые слова: арабский язык, Академия арабского языка в Каире, Каирская академия, арабский мир, правление Академии арабского языка в Каире, совет Академии арабского языка в Каире, конгресс Академии арабского языка в Каире

Для цитирования: Блинов А. А. Академия арабского языка в Каире: комитеты и административная структура. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 184–198. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-184-198

ARABIC LANGUAGE ACADEMY IN CAIRO: COMMITTEES AND ADMINISTRATIVE STRUCTURE

Andrey A. Blinov

¹ Блинов Андрей Андреевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; progrock1@yandex.ru

Andrey A. Blinov, PhD in Linguistics, Senior Research Fellow of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; progrock1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9694-8706

This paper continues a series of articles focused on the leading Arabic language regulators in the Arab world. As part of this study, the author has attempted to sum up all existing information about the Arabic Language Academy in Cairo, including the presentation of its purposes, description of its constituent committees and detailed analysis of its administrative structure. The committees of the Cairo Academy have been initially formed to implement its tasks and can be united into three large groups: linguistic committees, scientific committees and committees of social sciences. Linguistic committees examine the most important language aspects such as words and expressions, the origin of Arabic, Quranic lexicon, etc. as well as compile three fundamental Arabic dictionaries. Scientific committees are organized to study the scientific, technical, literary and cultural terms as well as foreign borrowings to unify them among Arabic speakers. The third group within the Cairo Academy addresses various social sciences. Besides, the paper details the administrative structure of the Arabic Language Academy in Cairo, including its board, council and congress, the procedure for the nomination and election of academicians, technical and administrative staff. Furthermore, special attention is paid to the laws and regulations of Egypt that govern the operation of central administrative bodies in the Academy. A special section is also dedicated to the library of the Academy that includes a rich collection of books, guides and encyclopedias consisting of more than 50,000 publications. Due to the extensive and unique character of collected materials, the creation history of the Arabic Language Academy in Cairo with its main prototypes being characterized will be covered in a separate paper.

Keywords: Arabic language, Arabic Language Academy in Cairo, Cairo Academy, Arab world, the board of the Arabic Language Academy in Cairo, the council of the Arabic Language Academy in Cairo, the congress of the Arabic Language Academy in Cairo

For citation: Blinov A. A. Arabic Language Academy in Cairo: Committees and Administrative Structure. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 184–198. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-184-198

ВВЕДЕНИЕ

Академия арабского языка в Каире, учрежденная в 1932 г., стала второй организацией подобного рода на Арабском Востоке после Дамасской академии арабского языка, созданной в 1919 г. Ее появление было восторженно встречено местной интеллигенцией и явилось ответом на нестабильную ситуацию, сложившуюся с арабским языком в этот период под влиянием целого ряда факторов.

Во-первых, на протяжении долгого времени арабский язык в Египте испытывал усиливающееся давление со стороны иностранных языков колониальных держав, особенно английского, который употреблялся на страницах газет и журналов наряду с арабским. Также арабские слова нередко соседствовали здесь с французскими и итальянскими лексемами. Более того, количество заимствований, буквально наводнивших периодические издания Египта, не поддавалось подсчету и увеличилось до такой степени, что арабский язык не успевал их осваивать и подчинять законам своего грамматического строя. Все это приводило к «экзотизации» классического арабского языка, что вызывало раздражение арабских ученых-богословов и требовало принятия срочных мер языкового регулирования для поиска адекватных эквивалентов таким неологизмам и замены их подходящими арабскими аналогами в соответствии с традициями пуризма, укоренившимися в арабском языкознании.

Во-вторых, ускоренные темпы развития науки и техники привели к тому, что классический арабский язык, основывающийся на тексте Священного Корана, уже не мог эффективно обозначать новые реалии и нуждался в оперативной модернизации и преобразовании.

Одновременно с этим стремление к усовершенствованию арабского языка, озвученное арабскими учеными-реформаторами, наталкивалось на неприятие арабских теологов-консерваторов, считавших арабский язык неизменным и не подлежащим изменению или обновлению. Последние не были готовы жертвовать сакральным статусом арабского языка, являющегося неотъемлемой частью многовековой арабской культуры, ради соответствия требованиям времени. Напротив, идея о создании академий арабского языка заключалась в том, чтобы сделать арабский язык пригодным для использования в современном мире. Поэтому давно назрела потребность в выработке новой терминологии и составлении улучшенных словарей, для чего усилий нескольких ученых было явно недостаточно — требовалось создание отдельного языкового регулятора, мощной организации, способной расширить лексикон и упростить грамматическую структуру арабского языка, с одной стороны, и вернуть ему былое величие и славные традиции, с другой стороны, чтобы он смог занять достойное место среди других крупнейших языков мира.

В-третьих, определенную угрозу для классического арабского языка в Египте представлял египетский диалект, который настолько отдалился от устойчивой литературной нормы, что некоторые лингвисты, включая даже европейцев, призывали ввести его в письменный оборот вместо литературного, поскольку, по их мнению, только в этом случае местное население могло с легкостью понять написанное на своем родном языке, используемом для общения в быту и семье. В то же время подобный подход был отринут большей частью арабского научного сообщества, которое подчеркнуло необходимость своевременного открытия академий арабского языка, призванных отстаивать позиции именно арабского литературного языка, обезопасить его от воздействия обиходно-разговорных форм и успешно контролировать процесс диглоссии.

Кроме того, основание Академии арабского языка в Каире оказалось логическим завершением деятельности целого ряда предшествовавших ей организаций, которые совершали первые попытки (чаще всего неудачные) в деле регулирования арабского языка. Нам известно несколько таких учреждений, начиная с первой Академии арабского языка (1799 г.), основанной французами во время Египетского похода Наполеона Бонапарта, и частной Академии арабского языка (1892 г.) и заканчивая Обществом возрождения арабских наук (1900 г.), Организацией развития арабского языка (1901 г.) и Клубом дома знаний (1907 г.). Последней в череде подобных организаций стала Первая академия арабского языка (1916 г.), однако она, как и все предыдущие академии, просуществовала недолго и вскоре была закрыта, оставив после себя обширный фонд возможных лексических вариантов для обозначения вновь возникающих понятий, обусловленных развитием научно-технического прогресса.

Таким образом, учреждение Академии арабского языка в Каире явилось закономерным итогом формирования сложной и многогранной языковой ситуации, наблюдавшейся в Египте в начале XX в.

КОМИТЕТЫ АКАДЕМИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В КАИРЕ

Академия арабского языка в Каире была открыта 13 декабря 1932 г. после выхода королевского указа об ее учреждении. В нем были вкратце сформулированы исходные цели Каирской академии: 1) сохранение целостности арабского языка и превращение его в язык, соответствующий требованиям научного и технического прогресса и отвечающий общим жизненным потребностям в современную эпоху; закрепление в словарях, специальных справочниках и других материалах тех слов и выражений, которые необходимо использовать или, наоборот,

которых следует избегать в определенных ситуациях; 2) составление исторического словаря арабского языка и распространение точных исследований по истории некоторых слов и изменению их значений; 3) организация научного изучения современных диалектов арабского языка в Египте и других арабских странах [as-Saḡā, 1934, p. 45–46].

Для выполнения вышеперечисленных целей Академия арабского языка в Каире сформировала ряд комитетов, некоторые из которых действовали непрерывно в течение года, а другие собирались на нерегулярной основе. Таким образом, в состав Каирской академии вошли семь постоянных комитетов:

1. Комитет математических наук, занимавшийся изучением терминологии в области алгебры, геометрии, арифметики, механики, астрономии и т. д.
2. Комитет естественных и химических наук, занимавшийся изучением терминологии в области оптики, электродинамики, магнетизма, химии и т. д.
3. Комитет биологических и медицинских наук, занимавшийся изучением терминологии в области минералогии, ботаники, зоологии, физиологии, медицины и т. д.
4. Комитет общественных и философских наук, занимавшийся изучением терминологии в области юриспруденции, экономики, политологии, управления, этнографии, психологии, логики, этики, суфизма², богословия, теологии и т. д.
5. Комитет литературы и изящных искусств, занимавшийся изучением терминологии в области истории, географии, урбанистики, архитектуры, промышленности, ремесел, рисования, фотографии, скульптуры, резьбы по дереву, музыки, театра, кино, поэзии и т. д.
6. Комитет лексикографии, занимавшийся составлением исторического словаря.
7. Комитет диалектологии, занимавшийся научным изучением современных арабских диалектов в Египте и других странах Арабского Востока [as-Saḡā, 1934, pp. 48–50].

Следует отметить, что пять из вышеприведенных комитетов специализировались только в языковых вопросах, стремясь подобрать адекватный эквивалент для постоянно появляющихся терминов в различных областях знаний. На начальном этапе становления Академия арабского языка в Каире сосредоточила свои усилия на том, чтобы определить состав комитетов, распределить функции между ними и преодолеть стоящие перед ними лингвистические трудности, тем самым заложив основу для дальнейшей регуляторной деятельности. Работа в комитетах осуществлялась членами комитетов при поддержке профильных экспертов из числа профессоров университетов и крупнейших исследователей, занимавшихся определенной тематикой. Результаты их деятельности передавались для рассмотрения и утверждения действительному члену Академии, ответственному за контроль данного направления. Число комитетов постепенно разрасталось вместе с развитием современной цивилизации, что привело к последующему разветвлению и усложнению терминологического аппарата во всех сферах науки и техники.

Уже в наши дни количество комитетов значительно увеличилось и достигло 34: 1) Комитет возрождения арабского наследия; 2) Комитет литературы; 3) Комитет подготовки к конгрессу; 4) Комитет языковых консультаций и жалоб; 5) Комитет экономики; 6) Комитет слов и выражений; 7) Комитет культурной программы; 8) Комитет истории и памятников; 9) Комитет перевода; 10) Комитет юридических наук; 11) Комитет химии и фармацевтики; 12) Комитет арабского языка в обучении; 13) Комитет арабского языка в средствах массовой информации; 14) Комитет арабского языка и искусственного интеллекта; 15) Комитет диалектов

² Аскетически-мистическое направление в исламе, предназначенное для совершенствования духовных качеств и духовного воспитания личности.

и лингвистических исследований; 16) Комитет медицинских терминов; 17) Комитет физических терминов; 18) Комитет инженерных терминов; 19) Комитет электронной обработки данных (информатики); 20) Комитет «Большого словаря» (5 подкомитетов); 21) Комитет библиотеки; 22) Комитет координирования «Большого словаря»; 23) Комитет социологии и антропологии; 24) Комитет биологии и сельского хозяйства; 25) Комитет экологии; 26) Комитет журнала Академии; 27) Комитет педагогических и психологических терминов; 28) Комитет географических терминов; 29) Комитет геологических терминов; 30) Комитет математических терминов; 31) Комитет культурных терминов; 32) Комитет исламских философских терминов; 33) Комитет нефтяных терминов; 34) Комитет словаря арабского поэтического языка³.

Все эти многочисленные комитеты можно объединить в три большие группы: языковые комитеты, научные комитеты и комитеты общественных наук.

Языковые комитеты

Языковые комитеты изучают важнейшие лингвистические аспекты, такие как слова и выражения, происхождение арабского языка, кораническая лексика и т. д. Кроме того, они занимаются составлением трех основополагающих словарей арабского языка, разработка которых была поручена Академии еще в 1932 г., когда вышел королевский указ об ее основании. «Краткий словарь» включает конструкции, имеющие широкое хождение и предназначенные для учеников средней школы и аналогичных учебных заведений. «Средний словарь» расширяет «Краткий словарь» с помощью оборотов, используемых в литературной речи и достаточных для проведения промежуточных исследований студентами университетов и аналогичных учебных заведений. «Большой словарь» прослеживает связь арабского языка с его ближайшими соседями по семито-хамитской макросемье: аккадским, арамейским, угаритским, ассирийским, абиссинским и ивритом [al-Amawi, 2008, p. 553]. Это общее собрание арабской лексики, демонстрирующее расширение значений слов и развитие их семантики на различных стадиях языкового процесса, которое может стать ключом к созданию исторического словаря арабского языка, что является одной из первоначальных целей основания Каирской академии.

Языковые комитеты отличаются от научных комитетов характером своей работы. Исследователи, назначенные Академией, готовят материалы, редактируют и анализируют материалы, а затем представляют их на рассмотрение членам и экспертам комитета для обсуждения и оценки. Среди них выделяются следующие комитеты: комитет слов и выражений, комитет «Большого словаря», комитет «Среднего словаря».

Комитет слов и выражений

Комитет слов и выражений был образован одним из первых для отслеживания новых языковых явлений и изменений в словоупотреблении, особенно в том, что касается соответствия неологизмов правилам арабского языка либо их отклонения от привычных стандартов. По результатам проведенных лингвистических проверок он определял, какие из этих форм являются верными, а какие — нарушением арабской грамматической традиции. Работа данного комитета представляет изрядный интерес для лингвистов, поэтому в этой связи имеет смысл более подробно осветить слова и выражения, получившие его одобрение.

³ *Mağma 'u l-luğati l-'arabiyyah li-l-qāhirah*. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

Так, комитет считал допустимым использование слова *'abadan* («никогда») во фразе *lam 'af'al haḏā 'abadan* «я никогда этого не делал», в то время как некоторые грамматиканы указывали на возможность его применения только в настоящем или будущем времени (например, *lā 'af'alu haḏā 'abadan* «я никогда не делаю этого» или *lā sa-'af'alu haḏā 'abadan* «я никогда не сделаю этого»), а для прошедшего времени настаивали на необходимости использования частицы *qaṭṭu* (*lam 'af'al haḏā qaṭṭu* «я никогда этого не делал»). После всестороннего анализа комитет обнаружил несколько примеров употребления слова *'abadan* со значением прошедшего времени, как в пословице *ḫāla l-'abad 'alā lubad* «на веки веков» (досл. «прошла вечность для Лубада⁴») или в изречении легендарного арабского поэта Аль-Мутанабби *lam yaḥluq ar-raḥmān miṣla muḥammad 'abadan wa ḏannī 'annahu lā yaḥluqu* «Милосердный⁵ никогда не сотворил никого, подобного Мухаммаду, и я думаю, что никогда больше не сотворит»⁶.

Еще одним камнем преткновения для Академии стал термин *madyūniyyah* «задолженность». Когда он только появился, многие арабские лингвисты возражали против его применения, аргументируя это тем, что данное слово образовано от неправильной формы причастия страдательного залога *madyūn*, хотя по правилам причастием страдательного залога от пустого глагола *dāna* «давать в долг» является слово *madīn*. Следовательно, более корректно было бы использовать вариант *madīniyyah*, а не *madyūniyyah*. Комитет слов и выражений выяснил, что форма *madyūn* является употребительной у некоторых арабских племен и считается ими правомерной, поэтому она присутствует в словарях. По этой причине Каирская академия разрешила использование термина *madyūniyyah* в литературных источниках.

Кроме того, Комитет слов и выражений иногда рассматривал вопросы глагольного управления, как в случае со словосочетанием *'istaḡma 'a qiwāhu* «собраться с силами» (досл. «собирать силы»), когда академики обсуждали наличие прямой переходности у глагола X породы *'istaḡma 'a* «собираться» в данном примере, сравнивая его с глаголом I породы *ḡama 'a* «собирать» и указывая на совпадение значений многих арабских глаголов X и I породы: *'istaftaḥa* «открывать» и *fataḥa* «открывать», *nasaha* и *'istansaha* «копировать».

Также Комитет слов и выражений нередко оценивал приемлемость новых лексических единиц, появляющихся в различных узкоспециализированных областях. Например, он одобрил для включения в универсальные словари словосочетание *si'ru t-taklifah* «себестоимость», прошедшее из языка коммерческой документации, а также слово *munāwarah* в значении «маневр», употребляемое в военной или политической сфере. Последнее особенно примечательно тем, что оно стало результатом арабизации английского слова *maneuver* «маневр» вплоть до его полного освоения и адаптации к строю арабского языка в форме масдара III породы глагола *nawara*. Помимо этого, целый ряд местных лексикографов отмечали у слова *munāwarah* исконно арабское значение «хитрость, обман, ловкий прием»⁷.

КОМИТЕТ «БОЛЬШОГО СЛОВАРЯ»

Комитет «Большого словаря» начал свою работу в 1946 г. Помимо основной обязанности — подготовки «Большого словаря» он также приступил к разработке научной методологии для его составления. С самого начала руководство Каирской академии отчетливо осознавало, что

⁴ Один из семи орлов мудреца Лукмана, сумма возраста которых после их смерти определяет долголетие хозяина.

⁵ Один из эпитетов Аллаха.

⁶ *Maḡma 'u l-luḡati l-'arabiyyah li-l-qāhirah*. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

⁷ *Maḡma 'u l-luḡati l-'arabiyyah li-l-qāhirah*. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

сбор такого объемного лексикографического материала представляет собой трудоемкое дело, которое может занять несколько лет и даже десятилетий (что оказалось недалеко от истины, поскольку словарь до сих пор не завершен), и чтобы не нарушить общий стиль его оформления различными поколениями редакторов с течением времени, требуется организация устойчивой и единообразной словарной структуры. При этом учитывались три важнейших аспекта:

Методологический — точное расположение лексических единиц, их последовательное деление на словарные статьи и незыблемость буквенного порядка в рамках собранного языкового материала, отражающего природу арабского языка и его флективный строй.

Лингвистический — полное описание арабского языка путем обобщения и подробной классификации всей арабской лексики, обращения к первоисточникам, опоры на письменные памятники, поэтические и прозаические тексты для поиска малоупотребительных и необычных слов и выражений.

Энциклопедический — представление информации в словаре о людях и местах, их краткое определение и значение в истории человеческого общества, а также включение необходимых терминов, проиллюстрированных с помощью рисунков, фотографий и карт по мере возможности [al-'Aziz, 1997, p. 231].

Первая часть «Большого словаря», посвященная букве «хамза», была опубликована Каирской академией в 1956 г. и содержала примерно 500 страниц. После этого увидели свет еще десять частей словаря вплоть до выхода 11-го издания о букве «зейн», выпущенного в 2019 г.

Невзирая на титанические усилия, приложенные комитетом «Большого словаря» для его публикации, нельзя не заметить, что эта работа продвигается слишком медленно, ведь подготовка только 11 из 28 букв арабского алфавита заняла у академиков без малого 70 лет. Поэтому в 2019 г. руководство Каирской академии арабского языка во главе с ее президентом Хасаном аш-Шафии разработало план по ускорению хода работ и сокращению сроков завершения словаря. Этот план подлежит реализации в двух направлениях: во-первых, расширение числа комитетов «Большого словаря» от одного до пяти, а также добавление к ним Комитета координации «Большого словаря»; во-вторых, увеличение количества этапов, через которые проходит словарный материал, для его более тщательного и качественного отбора.

КОМИТЕТ «СРЕДНЕГО СЛОВАРЯ»

Комитет «Среднего словаря» — это собирательное название комитетов, которые в разные годы осуществляли улучшение и доработку этого словаря, чтобы он отвечал веяниям времени и пополнялся новой терминологией в области науки и техники. К ним относятся Комитет языкового контроля и редактирования, Комитет решений Академии, слов и выражений, Комитет регистрации обновленных слов и Комитет научных терминов. После окончания работы этих комитетов их деятельность была объединена под эгидой одного высшего Комитета «Среднего словаря». Он вносит необходимые поправки в словарь, методологию его составления и правила сбора языкового материала, чтобы достичь близкого к идеалу результата. Его деятельность предусматривает следующие шаги:

Введение новых лексических единиц в «Средний словарь», которые отсутствовали в его предыдущих изданиях.

Упрощение языка словарных статей и замена сложных слов, которым требуется самостоятельное определение в словаре, на общепонятные.

Включение в словарь различных научных и технических терминов, появившихся после его разработки.

Добавление латинских эквивалентов к тем разделам, эффективное толкование которых невозможно без их указания.

Исключение из текста словаря малоупотребительных лексем и архаизмов.

Регулирование методологии составления словаря и ее пересмотр в случае необходимости путем перестановки корней, которые оказались в неподходящем месте.

Размещение пояснительных изображений к некоторым словам, нуждающимся в уточнении.

Включение новых конструкций, утвержденных другими комитетами, такими как Комитет происхождения языка и Комитет слов и выражений⁸.

Таким образом, благодаря предложенным нововведениям ожидается, что в скором времени Академия арабского языка в Каире завершит работу над новым изданием «Среднего словаря» с учетом внесенных исправлений и дополнений и представит его на суд взыскательной публики.

Научные комитеты

Научные комитеты были организованы для исследования научной, технической, литературной и культурной терминологии, а также иностранных заимствований с целью их унификации среди говорящих на арабском языке. Деятельность этих комитетов является движущей силой арабизации науки. К их числу относятся следующие комитеты: Комитет медицинских терминов, Комитет биологии и сельского хозяйства, Комитет химии и фармацевтики, Комитет геологических терминов, Комитет инженерных терминов, Комитет математических терминов и многие другие. Подготовка материалов для комитетов осуществляется профильными экспертами, которые выносят их на обсуждение в присутствии всех действующих членов Академии. В ходе последующей дискуссии все сделанные предложения и принятые решения фиксируются техническим редактором в протоколе заседания.

Комитет информатики

Комитет информатики играет заметную роль среди всех научных комитетов. Руководство Академии арабского языка в Каире понимает, что информационные технологии имеют первостепенное значение для жизни современного человека, поэтому оно уделяет им неустанный интерес в качестве неотъемлемой составляющей развитого общества. Комитет компьютерной терминологии был образован еще в 1985 г., что отражало растущий интерес широкой общественности к техническим и программным средствам, а также способам их обозначения в арабском языке. Непрерывные усилия комитета привели к постепенному накоплению компьютерных терминов, результатом чего стало создание расширенных лексических баз. Первая из них была выпущена в 1987 г., вторая — в 1995 г., третья — в 2003 г. и четвертая — в 2012 г., причем каждая новая версия учитывала произошедшие изменения в компьютерной лексике и предусматривала необходимые корректировки для вышедших из употребления терминов. Последняя версия на сегодняшний день включает 3171 термин и снабжена предметным указателем на двух языках — арабском и английском.

⁸ *Mağma 'u l-luğati l-'arabiyyah li-l-qāhirah*. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

КОМИТЕТ ИНЖЕНЕРНЫХ ТЕРМИНОВ

Комитет инженерных терминов развернул масштабную деятельность на фоне ускорения темпов технологического прогресса и возникновения новых явлений, требующих поиска адекватных эквивалентов в арабском языке. За время своей работы члены комитета обсудили свыше 2000 инженерных терминов, предоставив по каждому из них подробное объяснение и толкование для исследователей, инженеров, студентов египетских и арабских университетов и объединив их в специальный справочник, который был впервые издан Академией в 1998 г. Ниже приведены некоторые термины, утвержденные комитетом, и их определение согласно выпущенному справочнику:

'iḡhād ḥarāriyyu (heat stress) «тепловое напряжение» [машиностроение] — напряжение, вызванное неравномерным сжатием изделий во время их охлаждения из-за неравномерного распределения температуры этих изделий;

manzūmatu l-'iṣārāti l-hādiyāh (block signal system) «система блокировочных сигналов» [управление] — система автоматического управления железнодорожным движением, основанная на разделении линии на элементы в составе электрических цепей для обнаружения исчезнувших поездов или транспортных средств;

fārah (block plane) «торцевой рубанок» [техническое проектирование] — небольшой рубанок для выравнивания деревянного бруска перпендикулярно направлению его волокон;

mu'ādalatu "fānning" (Fanning equation) «уравнение Фаннинга» [гидродинамика] — уравнение, показывающее, что падение давления жидкости в трубе зависит от значения числа Рейнольдса, средней скорости потока, ускорения силы тяжести, длины и диаметра трубы⁹.

КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Эта группа в составе Каирской академии изучает различные социальные науки и представлена следующими комитетами: Комитет литературы, Комитет возрождения арабского наследия, Комитет психологических и педагогических терминов, Комитет исламских философских терминов, Комитет истории и памятников, Комитет социологии и антропологии, Комитет юридических наук, Комитет географических терминов и т. д. Некоторые из этих комитетов (например, Комитет литературы, Комитет возрождения арабского наследия) проводят оценку и отбор участников конкурсов, организованных Каирской академией, определяют лауреатов наград и подводят итоги вручения премий. Видное место среди них занимает Комитет арабского языка в обучении.

КОМИТЕТ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ОБУЧЕНИИ

Одним из первых шагов, предпринятых комитетом с момента его основания, стало осуществление углубленного анализа положения арабского языка на различных ступенях образования, начиная с начальной школы и заканчивая университетами, в результате чего члены комитета пришли к выводу, что уровень обучения арабскому языку значительно ухудшился и достиг критической отметки. Однако после обстоятельного обсуждения причин такой плачевной ситуации и способов ее исправления комитет принял решение о создании Центра развития обучения на арабском языке при Министерстве образования Египта, что уже было успешно апробировано

⁹ *Maḡma 'u l-luḡati l-'arabiyyah li-l-qāhirah*. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

ранее в случае некоторых иностранных языков. Комитет видел своей основной задачей регулярное проведение учебных курсов среди преподавателей с привлечением ведущих профессоров вузов в целях распространения научных знаний, повышения квалификации, совершенствования умений и навыков.

Комитет также предложил создать Центр арабизации науки при Высшем совете университетов, который должен был оказывать поддержку научным комитетам Академии в переводе узкоспециальной терминологии с иностранных языков на арабский в таких областях, как математика, инженерное дело, медицина и др. Это также позволило бы наладить непосредственные контакты с профессорами и студентами университетских факультетов, заинтересованными в подобном начинании, и значительно обогатить их запас знаний.

Практическая деятельность комитета предусматривает периодическую проверку учебников на арабском языке. Так, в 2014 г. члены комитета приняли участие в редактировании учебника для второго класса начальной школы и первого класса средней школы за первый и второй семестр, представив в последнем случае сводный отчет о выявленных несоответствиях на 80-й сессии Каирской академии, состоявшейся в 2014 г. Министерство образования Египта оперативно отреагировало на отмеченные недостатки и недоработки и внесло необходимые изменения в следующее издание учебника. Аналогичная проверка была проведена членами комитета и при подготовке учебника для второго класса средней школы за первый и второй семестр 2014/2015 гг.: они устранили множество ошибок в пилотном выпуске и существенно переработали окончательную версию.

Кроме того, комитет отвечает за контроль любых учебников по арабскому языку на всех ступенях довузовского образования и направляет свои замечания в министерство образования. Он также следит за качеством учебной программы, по которой ведется обучение арабскому языку в системе общего образования, поэтому регулярно запрашивает в министерстве документацию, на основе которой разрабатываются текущие учебные планы и курсы. Нередко комитет обращается в частные иностранные и международные школы на территории Египта, в которых учатся египтяне, для ознакомления с их программами преподавания арабского языка, а также учитывает процент подобных школ от всего количества учебных заведений начального и среднего обучения в Египте для принятия экстренных мер в случае превышения допустимого соотношения.

В дополнение к проблемам, напрямую касающимся арабского языка в обучении, комитет занимается также рядом смежных вопросов, например, выступает за создание международного сертификата арабского языка по аналогии с другими языками (английским, французским и т. д.). Этот вопрос уже обсуждался советом Академии арабского языка на ее 80-й сессии в 2014 г. и получил широкое одобрение, однако впоследствии работа по нему была приостановлена на неопределенный срок. Также комитет содействует популяризации Международного дня арабского языка, который отмечается 18 декабря, и организует его празднование в других странах, таких как Италия. Он также внес весомый вклад в разработку законопроекта о защите арабского языка, принятие которого ожидается в Египте в ближайшем будущем. Многие из материалов, подготовленных им для государственных органов, успешно прошли обсуждение на совете Каирской академии, а затем были переданы в Народное собрание Египта и министерство юстиции¹⁰.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТРУКТУРА АКАДЕМИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В КАИРЕ

В 1982 г. был принят Закон № 14 о реорганизации Академии арабского языка в Каире, в котором устанавливалась особая иерархическая структура Академии, состоящая из правления,

¹⁰ *Mağma 'u l-luğati l-'arabiyyah li-l-qāhirah*. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

совета и конгресса. В статьях этого закона подробно разъяснялись порядок работы указанных органов и необходимые требования к их деятельности.

ПРАВЛЕНИЕ АКАДЕМИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В КАИРЕ

Статья 19 Закона № 14 от 1982 г. гласила, что правление Академии арабского языка в Каире состоит из президента, его заместителя, генерального секретаря и еще четырех лиц, которые избираются из числа ее членов большинством голосов на четырехлетний срок. Также в этой статье был очерчен круг полномочий правления, заключающихся в следующем: а) управление финансовой и административной деятельностью Академии, реализация принятых ею решений и контроль за их исполнением; б) регулирование, сохранение и инвестирование денежных средств Академии; в) рассмотрение проекта бюджета и балансового отчета Академии; г) определение вознаграждений специалистов и других лиц, сотрудничающих с Академией для выполнения делегированных им задач.

Устав правления был сформирован только через четыре года, в 1986 г., когда увидело свет Постановление Министерства просвещения Египта № 990, устанавливающее правила внутреннего распорядка в этом органе. В частности, отдельного внимания заслуживали следующие положения:

Статья 15. Выдвижение кандидатов на выборах членов правления, о которых говорится в статье 19 Закона № 14, должно производиться не позднее чем за неделю до заседания избирательной комиссии.

Статья 16. Правление организует регулярные заседания в соответствии с установленным им распорядком. Для достижения кворума требуется присутствие как минимум четырех членов правления.

Статья 17. Правление выбирает секретаря из числа высокопоставленных членов Академии, который составляет повестку дня с учетом точки зрения председателя правления, ведет протоколы заседаний и подписывает их у председателя, после чего они утверждаются на следующем заседании.

Статья 18. Повестка дня с приложенными к ней необходимыми материалами, касающимися содержащихся в ней вопросов, направляется членам правления не позднее чем за три дня до даты проведения заседания, если не предусмотрено иное.

Статья 19. Правление определяет вознаграждение лиц, участвующих в деятельности Академии, путем проведения исследований, сохранения культурного наследия, подготовки словарных статей и выполнения других работ в области науки, техники и книгопечатания, а также организует периодические конкурсы, одобренные советом Академии, для стимулирования выпуска лингвистических, философских и литературных сочинений и присуждает награды победителям.

Статья 20. Правление Академии договаривается о приглашении членов конгресса, не являющихся египтянами, и других лиц в соответствии с положениями статьи 17 Закона № 14, а также оценивает размер расходов на проезд и проживание во время проведения конгресса¹¹.

Статья 21. Правление Академии осуществляет надзор за работой комитета библиотеки и утверждает установленные им правила в отношении ее администрирования, использования и обеспечения историческими источниками, редкими рукописями и публикациями.

Статья 22. В соответствии с положениями Закона № 14 правление Академии выполняет функции Комитета по кадровым вопросам, как предусмотрено статьей 4 Закона о гражданском

¹¹ Данное положение также применяется к лицам, приглашенным советом Академии на иных основаниях.

персонале, находящемся на государственной службе; это касается персонала класса А1 и выше. В таком случае в состав комитета включается один из членов профсоюза (при его наличии), а директор Академии по кадровым вопросам берет на себя полномочия технического секретаря комитета без права голоса.

Статья 23. Правление Академии определяет ее организационную кадровую структуру с приложением должностной инструкции каждого работника, указанием его обязанностей и сфер ответственности и описанием обязательных требований, которым тот должен соответствовать.

СОВЕТ АКАДЕМИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В КАИРЕ

Совет Академии арабского языка в Каире состоит из 40 членов-египтян, однако во время проведения ежегодного конгресса это количество увеличивается до 60 за счет включения еще 20 человек, представляющих другие страны, как закреплено в статье 5 Закона № 14 от 1982 г. Кроме того, на заседаниях совета и конгресса могут выступать почетные члены и члены-корреспонденты Академии, представляя свои исследования перед собравшимися, а также участвовать в дискуссии с согласия ее президента.

Совет Академии собирается с определенной периодичностью согласно действующему внутреннему уставу и самостоятельно определяет свой годовой цикл работы, число заседаний и их сроки. Его активная деятельность ежегодно приостанавливается в период с 1 июня по 30 сентября. Кворум считается достигнутым только при наличии не менее 50% членов; в других случаях, когда требуется специальное большинство, решения совета принимаются абсолютным большинством присутствующих на собрании, а при равенстве голосов принимается решение, за которое проголосовал президент Академии.

Полномочия совета Академии арабского языка в Каире распространяются на следующее:

- а) рассмотрение каждого материала, относящегося к целям и средствам Академии;
- б) формирование постоянных и временных комиссий из членов Академии для проверки ее работы и включение в их состав экспертов по предложению специализированных комитетов;
- в) рассмотрение деятельности или решений постоянных и временных комиссий;
- г) рассмотрение предложений постоянных и временных комиссий в Египте и за его пределами, связанных с целями Академии;
- д) утверждение повестки дня конгресса, составляемой генеральным секретарем;
- е) делегирование представителей Академии для участия в конференциях, симпозиумах и научных форумах;
- ж) выборы членов Академии, ее президента и заместителя, генерального секретаря и членов правления Академии;
- з) рассмотрение вопроса о принятии пожертвований, предоставляемых Академии в виде вакуфов¹², завещанного имущества, подарков или других материальных ценностей, при условии, что они не противоречат целям Академии. Такая помощь может быть принята только после получения одобрения министра образования, а в случае пожертвований, поступивших от иностранных учреждений или организаций, — только после выхода соответствующего указа президента Египта¹³.

¹² В мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

¹³ aš-Šarbīnī N. Ta'arruf 'alā 'iḥtišāsāt mağma' i l-luğati l-'arabiyyah wa l-liğāni t-tābi'ah lahu. *El Balad News*. 12.10.2019. URL: <https://www.elbalad.news/4014976> (дата обращения: 14.09.2022).

КОНГРЕСС АКАДЕМИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В КАИРЕ

Конгресс Академии арабского языка в Каире включает действительных членов и членов-корреспондентов из Египта, а также других арабских и зарубежных стран в соответствии со статьей 17 Закона № 14 от 1982 г. Его роль заключается в оценке достигнутых результатов Академии с точки зрения языковой и научной работы, а также анализе исследований и предложений, представленных на ее рассмотрение, как предписывается статьей 18 Закона № 14.

Конгресс собирается один раз в год в течение двух недель и может быть продлен на более долгий срок по решению президента Академии. Как правило, его работа начинается в последний понедельник февраля и продолжается 15 дней. Первое заседание конгресса является открытым, другие проходят уже за закрытыми дверями. Во время их проведения члены конгресса пристально изучают работу комитетов Академии, санкционированную ее правлением, и обсуждают подготовленные академиками исследования. Кроме того, конгресс может также организовывать другие открытые заседания, в ходе которых некоторые из его членов дают публичные лекции.

Участники конгресса стремятся поднять в своих исследованиях и лекциях множество вопросов и тем, имеющих огромное значение для науки, литературы и искусства. Среди затрагиваемой ими проблематики выделяются следующие важнейшие направления: упрощение грамматики и арабского письма, язык науки, язык средств массовой информации, арабский литературный язык и диалекты, современный арабский язык, арабская научная терминология, арабское наследие, географические флаги и исторический словарь арабского языка. Повестка дня также включает в себя отчет о научной деятельности совета Академии между двумя сессиями конгресса, который представляет генеральный секретарь во время вступительного заседания. По итогам работы конгресс выносит свои решения и дает рекомендации, которые доводятся до сведения мечетей, университетов и министерств культуры, образования и информации по всему арабскому миру [Hāfiẓ, 2014, p. 8].

ТЕХНИЧЕСКИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СОСТАВ АКАДЕМИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В КАИРЕ

Проект Академии арабского языка в Каире с самого начала предусматривал создание целого ряда технических отделов и структур, включающих исследователей и редакторов различного профиля, богатый опыт которых мог стать ценным подспорьем в работе Академии. Такие подразделения и штатные единицы классифицируются по следующим группам согласно внутреннему уставу Академии:

1. Технический (университетский) персонал. Это технические работники, занимающие должности главного научного сотрудника, старшего научного сотрудника, научного сотрудника или младшего научного сотрудника в Академии. Они подпадают под действие Закона о системе организации университетов № 49 от 1972 г., а их функции и названия должностей соответствуют указанным в данном законе. Такие сотрудники находятся в непосредственном подчинении президента Академии, полномочия которого в их отношении совпадают с полномочиями ректора университета, при этом заместитель исполняет обязанности президента в случае его отсутствия. Совет Академии принимает на себя такую же ответственность за ее технических работников, что и университетский совет. В круг задач данного персонала входят участие в разнообразных комитетах в качестве секретарей, подготовка, редактирование и рецензирование материалов для узкоспециальных словарей, составление магистерских и докторских диссертаций, а также представление результатов исследований на соискание звания доцента или профессора.

2. Отдел словарей и возрождения культурного наследия. В отделе работают технические редакторы, занимающие должности третьего редактора, второго редактора, первого редактора или главного редактора, на которых распространяется Закон № 47 от 1972 г. (в отношении государственных служащих). Этот отдел находится в непосредственном подчинении заместителя министра образования. Основные задачи данного подразделения заключаются в подготовке разнообразных языковых словарей, публикации книг, посвященных арабо-мусульманскому наследию, а также предоставлении ответов на языковые вопросы и жалобы, поступающие в Академию.

3. Отдел редактирования, регистрации и культуры. В отделе работают технические редакторы, занимающие должности третьего редактора, второго редактора, первого редактора или главного редактора, на которых распространяется Закон № 47 от 1972 г. (в отношении государственных служащих). Этот отдел находится в непосредственном подчинении заместителя министра образования. Данное подразделение занимается составлением узкоспециальных словарей научной терминологии, таких как словарь физических терминов, словарь медицинских терминов, словарь геологических терминов и т. д., для обеспечения повсеместного проникновения арабского языка в научный инструментарий. Кроме того, оно управляет журналом Академии, а также научными и культурными семинарами, организует ее ежегодный конгресс, формирует повестку дня для еженедельных заседаний совета Академии, регистрирует обсуждения, проходящие между его членами, и фиксирует их результаты.

4. Эксперты. На основании статьи 12 Закона № 14 от 1982 г. (пункт б) допускается привлечение экспертов со стороны по предложению комитетов, которые те представляют на рассмотрение совета Академии. Каждый из таких экспертов разъясняет термины и дает их определения перед комитетами, а затем перед советом и конгрессом Академии. Эксперты избираются из числа профессоров университетов, ученых и исследователей институтов¹⁴.

Административный аппарат Академии представлен главным управлением по финансовым и административным вопросам, состоящим из нескольких подразделений, важнейшими из которых являются следующие: отдел кадров, бухгалтерия, бюджетный отдел, отдел выплаты заработной платы, отдел контроля за посещаемостью, присутствием на работе и отпусками, отдел безопасности, пенсионный отдел, архивный отдел, отдел документооборота и т. д. Работа в этих подразделениях ведется сотрудниками главного управления в соответствии с положениями Закона № 47 от 1972 г.

Библиотека Академии арабского языка в Каире

Каирская академия также располагает обширной библиотекой, в которой собрана богатейшая коллекция книг, справочников и энциклопедий по языку, литературе, науке и различным видам искусства, ставшая настоящим украшением Академии благодаря покупке, приобретению и получению в дар ценных изданий в различных отраслях знаний. Фонды библиотеки насчитывают более 50 000 единиц хранения: книг, журналов, газет, справочников, словарей, печатных, рукописных и фотографических материалов на арабском и других языках, как лингвистических, так и научных. Все экземпляры расположены согласно принципу десятичной классификации и индексированы по теме и названию. Они охватывают важнейшие исследования в области фундаментальных и прикладных наук, включая коранистику, тафсир¹⁵, хадисо-

¹⁴ *Mağma 'u l-luğati l-'arabiyyah li-l-qāhirah*. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

¹⁵ Толкование Корана и сунны, дисциплина исламского богословия.

ведение, фикх¹⁶, суфизм, философию, логику, морфологию и грамматику. Руководство Академии надеется в скором времени начать оцифровку этих документов и разместить их в открытом доступе в Интернете в рамках своей текущей программы развития, что даст возможность всем желающим ознакомиться с лучшими образчиками арабо-мусульманского наследия [Hāfiẓ, 2014, p. 8].

* * *

Ниже приводится фонетическая транскрипция арабских букв на латинской графической основе с добавлением ряда дополнительных диакритических знаков.

Транскрипция, используемая в работе

Согласные звуки

ب — b	ز — z	ق — q
ء — ’	س — s	ك — k
ت — t	ش — š	ل — l
ث — ṯ	ص — ṣ	م — m
ج — ġ	ض — ḍ	ن — n
ح — ḥ	ط — ṭ	ه — h
خ — ḫ	ظ — ḏ	و — w
د — d	ع — ‘	ى — y
ذ — ḏ	غ — ġ	
ر — r	ف — f	

Гласные звуки

Краткие:	Долгие:
a, i, u	ā, ī, ū

Литература / References

- al-Amawi A. An-naṣru l-‘azīz ‘alā l-mu‘ġami l-waġīz. *Mağallatu multaḳā ‘ahli l-luġah*. 2008. 6. Pp. 553–555.
- al-‘Azīz M. *Mašādiru l-baḥṣi l-luġawiyy fī l-‘aṣwāt wa ṣ-ṣarf wa n-naḥw wa fiqhi l-luġah ma‘a namāziġ šāriḥah*. Cairo, 1997.
- as-Saqā M. Maġma‘u l-luġati l-‘arabiyyati l-malakiyy: mu‘āwanatuhu ‘alā taḥqīqi ‘aġrāḍihi. *ṣaḥīfatu dāri l-‘ulūm*. 1934. 2. Pp. 45–53.
- Hāfiẓ M. *Maġma‘u l-luġati l-‘arabiyyah .. mūġaz ‘an ta‘rīḥihi wa ‘ingāzātihi*. Cairo, 2014.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- aš-Šarbīnī N. Ta‘arruf ‘alā ‘iḥtišāṣāt maġma‘i l-luġati l-‘arabiyyah wa l-liġāni t-tābi‘ah lahu. *El Balad News*. 12.10.2019. URL: <https://www.elbalad.news/4014976> (дата обращения: 14.09.2022).
- Maġma‘u l-luġati l-‘arabiyyah li-l-qāhirah*. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

¹⁶ Мусульманская доктрина о правилах поведения (юриспруденция), а также комплекс общественных норм (мусульманское право в широком смысле).

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ОМОГРАФИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В КИТАЙСКИХ СЛОВАРЯХ

© 2023

А. В. Костыркин, А. С. Шварц¹

Омография – универсальное явление письменности, которое традиционно находится на периферии внимания теоретической лексикографии. В современном китайском языке, по сравнению с языками с фонетической письменностью, ее описание осложнено необходимостью различения не двух, а трех уровней описания лексикографической единицы: семантики, графики и фонетики. Кроме того, лексикографическую проблему представляет разграничение омонимии и полисемии. Сравнив некоторые классификации омонимов и смежных явлений, мы можем выявить параметры, наиболее релевантные для установления отношений между омографами. Эту систему отношений назовем омографическим гнездом. На примере китайско-русского словаря мы показываем, что словарное описание таких отношений сильно ограничено фонетическим принципом его организации.

Ключевые слова: китайский язык, лексикография, омография, омографическое гнездо

Для цитирования: Костыркин А. В., Шварц А. С. Проблемы описания омографических связей в китайских словарях. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 199–207. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-199-207

PROBLEMS OF ARRANGING HOMOGRAPHIC RELATIONS IN CHINESE DICTIONARIES

Alexander V. Kostyrkin, Anna S. Schwarz

Homography is a universal phenomenon of writing, which traditionally lies beyond the focus of study in theoretical lexicography. Analyzing homography in modern Chinese, as compared to languages with phonetic writing systems, is complicated by the need to distinguishing three, and not two, layers of description of a lexicographic unit: semantics, graphics, and phonetics. Moreover, what sets another theoretical problem is differentiating homonymy from polysemy. Upon comparing classifications of homonyms and related words, we can identify the parameters most relevant for establishing relationships between homographs. We will call this system of relations a homographic nest. Taking a Chinese-Russian dictionary for an example, we will show that documenting such relationships within a dictionary is strongly limited by its structure being based on phonetic order.

Keywords: Mandarin Chinese, lexicography, homography, homographic nest

¹ Костыркин Александр Вячеславович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kost@ivran.ru

Alexander V. Kostyrkin, PhD (Linguistics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kost@ivran.ru

Шварц Анна Сергеевна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; a.shvarts@ivran.ru
Anna S. Schwarz, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; a.shvarts@ivran.ru
ORCID: 0000-0003-4647-5899

For citation: Kostyrkin A.V., Schwarz A.S. Problems of arranging homographic relations in Chinese dictionaries. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 199–207. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-199-207

Омография, т. е. использование одной графической репрезентации для разных по значению языковых единиц, — универсальное свойство письменных языков, одно из проявлений многозначности языкового знака. Виды омографии связаны одновременно со строем языка и природой его письменности. В языках с алфавитной и идеографической письменностью омография имеет свою специфику и получает различное словарное описание. Значение омографического параметра в словаре (в терминах лексикографических параметров Ю. Н. Караулова) в общей лексикографии зачастую недооценивается, омография относится к явлениям случайным и потому периферийным, описывается чаще по остаточному принципу как частный случай омонимии либо отождествляется с ней.

Послевоенные меры по ограничению числа иероглифов как в Китае, так и в Японии прямо конфликтуют с многовековой традицией создания иероглифов вслед за увеличением лексикона. Кроме того, современный китайский язык в сравнении с предыдущими ступенями его развития имеет существенно более скудный фонетический аппарат. В таких условиях рост омографии неизбежен. Но если в японском омография — это глобальное свойство языка, оказывающее влияние на все его подсистемы и речевую практику, получающее систематическое словарное описание и четко выделяющее его среди языков мира², то для китайского языка это явление менее регулярное и масштабное, а для китайской лексикографии это скорее некий системный «дефект», отступление от формально-логического идеала однозначного соответствия означающего и означаемого. Между тем вопрос об омографии в китайском невозможно обойти в ряде ключевых дискуссий. Это вопрос вариативности и тождественности иероглифов, установления тождества китайского слова, его парадигматических границ, проблема дифференциации омонимии и полисемии, языковая политика в области письменности. Интерпретация этих вопросов отражается на архитектуре словаря, распределении информации между макро-, медиа- и микроструктурами. Это распределение отражает представления о звуковой и смысловой эквивалентности слов (*lexical equations*).

Китайский лингвист Ли Цзюнь [Ли, 2018, с. 1] в недавнем специальном исследовании иероглифической омографии говорит о недостаточной исследованности этого типа межсимвольных отношений (而同形字研究成果相對薄弱).

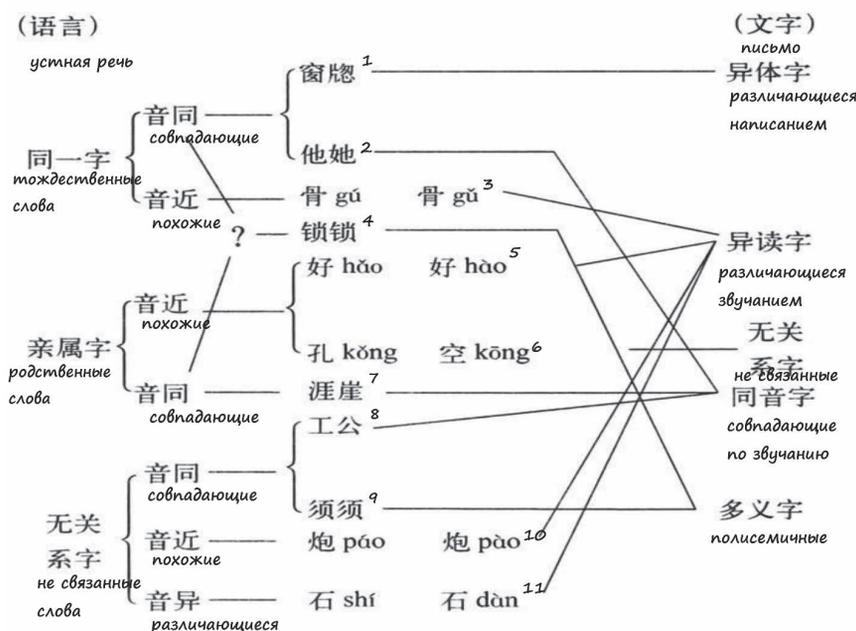
Изучение феномена омонимии в языке с иероглифической письменностью имеет свои особенности. Поскольку графический и фонетический облик слова в таком языке не связаны взаимно-однозначно и, как правило, не могут быть друг из друга вычислены, то вопрос совпадения/несовпадения языковых единиц решается с учетом трех, а не двух параметров: значения, звучания и написания. Поэтому схемы, хорошо применимые к материалу европейских языков (для которых в подавляющей части случаев не имеет смысла рассматривать звучание отдельно от написания: напр., случаи типа *замок–замок* в русском единичны) в случае с китайским, как и другими иероглифическими языками, требуют соответствующего расширения.

С другой стороны, если термин «омонимия» и «омография» как ее частный случай в применении к фонетическим, в первую очередь европейским, языкам традиционно

² В последнем издании японского иероглифического минимума 2010 г. 62% знаков (1330 из 2136) имеют более одного чтения, в версии 1946 г. таких было чуть менее 66% [Хаяси, 1982, с. 251]. В среднем одному знаку соответствуют два чтения, т. е. два разных корня, лексемы или значения (4388 чтений на 2136 знаков), больше всего чтений у знаков 下 (12), 生 (12), 明 (11), 上 (10), 交 (8).

противопоставляется термину «полисемия» (то есть слова с общей этимологией не относят к омонимам), то в китайской языковедческой традиции полисемия и омонимия зачастую описываются без строгого разделения. Возможно, это отчасти связано с тем, что слова общей этимологии чаще всего связаны графически и легче распознаются как родственные.

Вопросу полисемии и омонимии в китайском языке, в частности, посвящен фрагмент работы известного лингвиста Люй Шусяня [Люй, 1980]. Он строит схему (см. ниже) классификации совпадающих слов «относительно устной речи» и «относительно письменности» и внутри этих зон выделяет «одинаковые слова», «родственные слова» и «не связанные слова». По звучанию он делит их на три подкласса: «совпадающие», «похожие» и «различающиеся». Таким образом, его классификация учитывает четыре параметра: 1) звучание (фонетическое тождество, близость или различие), 2) написание (графическое тождество), 3) значение, 4) происхождение (этимологическое тождество). Левая часть таблицы классифицирует языковые единицы по фонетической форме, а правая — по графической.

1. 窗 [chuāng] окно; 牕 в.м. 窗
2. 他 [tā] он, 她 [tā] она
3. 骨 [gú] кость, [gǔ] кость
4. 锁 [suǒ] замок; запира́ть
5. 好 [hǎo] хороший, [hào] любить
6. 孔 [kǒng] отверстие, 空 [kōng] пустота
7. 涯 [yá] берег; край, 崖 [yá] обрыв, круча; скала; берег; край
8. 工 [gōng] работа, 公 [gōng] общий
9. 须 [xū] 1) необходимо 2) ждать, ожидать
10. 炮 [páo] вываривать; прожаривать, 炮 [pào] орудие; пушка
11. 石 [dàn] дань (мера объема), [shí] камень

Из российских исследований, посвященных обсуждаемой теме, известна работа А. А. Хаматовой [Хаматова, 2006, 1-е изд. 1977], которая адаптировала для китайского схему, изначально предложенную И. В. Арнольд [Арнольд, 1966] для английского языка и доработанную Л. В. Малаховским опять же для английского [Малаховский, 1974; Malakhovski, 1987]. В работе устанавливается место омографии внутри поля омонимии, при этом омография специально не исследуется. В отличие от схемы Люй Шусяна, в ней отсутствует этимологический параметр, т. е. омонимичные отношения определяются без учета диахронических данных.

Схема Арнольд–Малаховского, примененная А. А. Хаматовой к китайскому

Ф = Фонетика, Н = Написание, Л = Лексические инварианты, Г = Грамматические инварианты. Строчная буква обозначает тождество, заглавная — несовпадение.

I. фНЛг чисто лексические омофоны	IV. фнЛг чисто лексические фонетико- графические омонимы	VII. ФнЛг чисто лексические омографы	ФНЛГ
II. фНЛГ лексико-грамматические омофоны	V. фнЛГ лексико-грамматические фонетикографические омонимы	VIII. ФнЛГ лексико-грамматические омографы	ФНЛг
III. фНЛг чисто грамматические омофоны	VI. фнЛГ чисто грамматические фонетикографические омонимы	IX. ФнЛГ чисто грамматические омографы	ФНЛГ
фНлг	фнлг	Фнлг	ФНлг
омонимы в расширенном толковании			
омонимы в общепринятом толковании			
омофоны	омофоны или омографы как вид омонимов; фонетико- графические омонимы	омографы (различаются фонетически)	разные слова и синонимия

Здесь мы рассматриваем только зону в черной рамке, представленную шестью типами различий при тождестве форм. Нумерация случаев в работе [Малаховский, 1974] отличается от приведенной здесь. Ниже выборочно приведены примеры из описания А. А. Хаматовой (выделены полужирным шрифтом) и некоторые наши комментарии. Поскольку А. А. Хаматова не ставила задачи проследить этимологические связи значений и на этом основании отличить полисемию от омонимии, то для иллюстрации ее классификации лучше подходят максимально контрастные значения. В то же время современные словари содержат сведения, по которым можно проследить этимологическую связь многих из этих значений.

IV. фнЛг — чисто лексические фонетико-графические омонимы (с. 113)

相 [xiàng] **внешний вид; слон (шахм.);**

东 [dōng] **восток; хозяин**

起子 [qǐzi] **дрожжи в порошке³; толпа;**

³ Для этого диалектного значения, по-видимому, более точный перевод «закваска» [ШБКРС, 2009, с. 1599].

Значения «шахматный слон» и «внешний вид» связаны этимологически, к ним же относятся и «министр» [Schuessler, 2007, p. 531]. В то же время у 相 есть еще одна группа значений, которые можно отнести к чистым омонимам, это «фаза» (физ.); «фация» (геол.). Также этимологическая связь прослеживается между значениями 东 «восток» и «хозяин»: «в древности место хозяина было на восточной стороне, а гостей на западной» [Сяньдай ханьюй цыдянь, 2016, с. 310].

V. фнЛГ — лексико-грамматические фонетикографические омонимы (с. 113)

相 [xiāng] **приглядываться; вместе, сообща**⁴

刻 [kè] **жестокый; четверть часа**

大方 [dàfang] **авторитет; широкий**

Как и в примерах выше, этимологическая связь между приведенными значениями 相 и 刻 легко прослеживается.

VI. фнЛГ — чисто грамматические фонетикографические (с. 114)

录 [lù] **записывать; запись**

开始 [kāishǐ] **начало, в начале**

开支 [kāizhī] **расходовать; расходы**

Пример с 录 мы считаем не самым удачным, поскольку в функции существительного этот иероглиф употребляется только в сочетаниях [Сяньдай ханьюй цыдянь, 2016, с. 848].

VII. ФнЛг — чисто лексические омографы (с. 114)

а) различающиеся только тоном

看 [kān] **охранять; [kàn] смотреть**

倒 [dǎo] **упасть; [dào] перевернуть**

要 [yāo] **требовать; [yào] хотеть**

好 [hǎo] **выздоровливать; [hào] любить**

б) различающиеся составом фонем

差 [chà] **недоставать; [chāi] командировать**

便宜 [biànyí] **удобный; подходящий; [piányí] дешевый**

VIII. ФнЛГ — лексико-грамматические омографы

а) слова с разным тоном

难 [nán] **трудный; [nàn] авария, бедствие**

正经 [zhèngjīng] **честный**⁵; [zhèngjīng] **тринадцать книг конфуцианского канона**

Также показательным примером такого класса является слово 过去 (1 — [guòqù] *сущ.* прошлое, бывшее, 2 — [guòqu] *гл.* пройти, миновать, скончаться, 3 — [guoqu] *суб.* глагольный суффикс (транслатив-элатив))

б) различающиеся составом фонем

还 [hái] **(все) еще; [huán] возвращаться**

行 [xíng] **годиться, согласен, [háng] ряд; строка**

⁴ Перевод можно уточнить: «взаимно, друг друга; прикидывать, примерять на глаз»

⁵ Точнее перевести «серьезный», «такой, как следует».

IX. ФнлГ — чисто грамматические омографы

Оба приведенных А. А. Хаматовой примеры нам кажутся неудачными, поэтому предложим свой:

缝 [féng] *гл. шить*; [fèng] *суц. шов*

Две рассмотренные классификации — Люй Шусяна и А. А. Хаматовой — как видим, преследуют близкие цели, но отличаются набором параметров: Люй Шусян учитывает этимологический параметр, а А. А. Хаматова различает лексический и грамматический параметры.

Наличие или отсутствие общего происхождения представляется существенным параметром лексикографического описания и позволяет отличить полисемию от омонимии. Напротив, грамматический параметр представляется нерелевантным для китайского материала.

Отсутствие регулярных фонетических переходов, кодирующих смену части речи (например, смена тона при переходе из существительного в глагол), не позволяет рассматривать часть речи как один из параметров классификации. Рефлексы древних аффиксов, выполнявших такую функцию, есть, но они единичны. Распространенная в современном языке конверсия в толковых и переводных словарях имеет свои средства описания и заслуживает отдельной критики и проработки. Способность имени превращаться в глагол (и наоборот, или имени в свойство, или любой другой конверсии) в китайском языке если и ограничена, то семантикой этой лексической единицы, а не ее сочетаемостью.

Одним из способов описания конверсионных переходов в китайском языке является представление их в виде омонимов, ср. [Солнцев, Солнцева, 1979, с. 49], однако такое решение тоже не бесспорно [Коротков, 1963]: слова с общей фонетикой, но разной грамматической функцией в большинстве случаев имеют общую этимологию, что противоречит традиционному пониманию омонимов как слов неродственных. В противном случае термин «омонимия» должен быть расширен, что неизбежно приведет к экспансии этого понятия в зону полисемии.

Посмотрим, как в конкретном словаре решается проблема установления омографических отношений с учетом выделенных трех основных параметров — этимологического, семантического и фонетического. Обратимся к опыту последнего крупного проекта — Большого китайско-русского словаря 2009 г. шанхайского издательства [ШБКРС, 2009]). Этот словарь наследует по крайней мере двум серьезным традициям — собственной китайской и китаистической советской (вопрос о влиянии на этот словарь англоязычной традиции необходимо ставить и решать отдельно), но при этом вносит и определенные новации, что в совокупности заслуживает внимательной лексикографической оценки.

В статье «О пользовании словарем» [ШБКРС, 2009, с. 14–15] отдельный раздел посвящен принятым в словаре способам подачи двух и более заглавий с совпадающей графической формой. В самом словаре используется понятие «омографического заголовка» 同形的...条目, его содержание раскрывается в трех основных случаях (остальные три частных и касаются слов с общим слогом или отличающихся только тоном).

(1) Если формы совпадают, но различаются произношение и значения, они разносятся в отдельные словарные входы со ссылкой друг на друга:

重 chóng (повторение) *с.м.* 重 zhòng (тяжелый)

炮 pào (орудие) *с.м.* 炮 páo (выпекать), bāo 炮 (жарить)

调配 diàopèi (распределять) *с.м.* 调配 tiáopèi (сочетать)

便宜 piányi (дешевый) *с.м.* 便宜 biànyì (удобный)

(2) Если совпадают графическая форма и значение, но различается произношение, и при этом они распределены по контекстам, то их разделяют в различные словарные входы со ссылками друг на друга:

色 sè (цвет) см. 色 shǎi (цвет, окраска)
 削 xiāo (срезать 削铅笔) см. 削 xiē (укладывать на прокрустово ложе 削足适履)
 血 xuè (кровь 血迹) см. 血 xiě (окровавленный, 血淋淋)

(3) Если совпадают написание и звучание, но различаются значения, или они имеют различное происхождение, или им соответствуют разные полные иероглифы, то они объединяются в один словарный вход и помечаются арабской цифрой в правом верхнем углу:

象¹ xiàng (слон) — 象² xiàng (символ)
 果¹ guǒ (плод, фрукт) — 果² guǒ (решительный) — 果³ guǒ (в самом деле)
 后¹ (後) hòu (сзади) — 后² hòu (императрица 皇后)
 复¹ (複) fù (составной, двойной) — 复² (復) fù (повторять, возобновлять)
 口服¹ kǒufú (согласиться на словах 口头上信服) — 口服² kǒufú (принимать внутрь 内服)

Как видим, первые два класса имеют между собой нечеткую семантическую границу, в отличие от третьего класса, их противопоставление не включает этимологического параметра, а критерии определения семантического сходства и различия не заявлены. В то же время некоторые пары имеют настолько очевидные семантические связи, что на уровне словника напращивается общий узел, объясняющий это сходство. Например, часто используемая в качестве примера омографии пара 重 chóng «повторение» vs. zhòng «тяжелый», рассмотренная во всем комплексе значений обоих слов, очевидно, имеет все признаки общей деривационной истории, развивающей параллельно две стороны одного образа — «наложение предметов друг на друга» и «утяжеление, груз» — эта пара должна на определенном уровне описания восходить к общему заголовку. Назовем такие группы *омографическими гнездами*. Такая терминологическая новация логически продолжает понятие «омонимического гнезда», используемое в словарях омонимов, а также разрабатывавшуюся И. М. Опаниным концепцию «иероглифического гнезда» [Опанин, 1943]. Список омографических гнезд легко пополнить, обратившись к корпусу словаря:

臭 [chòu] вонючий, [xiù] запах
 哗 [huá] кричать, [huā] шум
 见 [jiàn] увидеть, 见 [xiàn] = 现 2 наличный
 看 [kàn] смотреть, [kān] смотреть
 传 [chuán] передавать, [zhuàn] жизнеописание, повествование
 中 [zhōng] центр, [zhòng] метко

В словаре ШБКРС они не восходят к общему узлу, а лишь снабжены взаимными перекрестными ссылками. Очевидно, что в значительной мере такие правила подачи омографов, игнорирующие семантические связи, диктует общий фонетический способ организации словаря, доведенный до своей крайности. Впрочем, в случае (3) эта крайность отчасти компенсируется привязкой традиционных форм знака к заголовкам загнездованных статей, где традиционная форма становится частью идентификатора языковой единицы. Это случай, где «фонетический» способ подачи не конфликтует с графическим, а графическая этимология используется как средство различения омографов, ср. [ШБКРС 2009, с. 661]:

复 (複¹、復^{2,3,4}) fù
 复¹ fù 复 I [动] (重复) повторять что (повторение) ...
 复² fù [动] ① (转回来) возвращаться (возвращение) ...
 复³ fù [动] ① (恢复) возобновить что (возобновление); восстановить что (восстановление) ...

复⁴ fù [副] (再, 又) вновь; снова; опять ...

Глобальный фонетический принцип организации словаря приводит к противоречивым и лингвистически не обоснованным решениям. Он вынуждает систематически и безусловно разрывать семантико-этимологические единства, доводя принцип дифференциации значений до крайности. В терминах английской лексикографии, где два лагеря лексикографов, ориентированных на дробление толкований и их объединения, неформально называются соответственно *splitters* и *lumpers* («расщепители» и «склеиватели»), составители ШБКРС, очевидно, будут причислены к первому лагерю.

Справедливости ради нужно заметить, что способ (3), в котором этимологически не связанные, но совпадающие графически и фонетически единицы перечисляются под нумерованными заголовками, оказывается более корректным, чем примененный в словарях [Баранова и др., 1980; Котов, 2004], где явные омонимы, графически совпавшие в результате реформы письменности [Schuessler, 2007, p. 279, 280], подаются как значения одного полисемического слова, ср.:

后 (後¹) hòu

后¹ hòu [名] ① (位置在后面或反面) зад; задняя (тыльная) часть ...

后² hòu [名] ① (皇后) императрица; царица ...

[ШБКРС, 2009, с. 860]

后 hòu (hòu) 1. задний; позади, сзади ... б. *книжн.* государь, правитель; императрица

[Баранова и др., 1980, с. 77]

后 (1, 2 後) hòu 1. задний; сзади, позади ... 3. императрица; королева

[Котов, 1990, с. 257]

В этих решениях ШБКРС 2009 не оригинален, а следует общей тенденции. Смещение фокуса внимания с идеографической графики на фонетическое слово, обозначенное важным для китайской лексикографии XX в. лексическим словарем «Гоюй цыдянь» 國語辭典 1948 г., усиленное реформами письменности и введением пиньиня, нашло воплощение в фонетико-ориентированной организации словаря. Аналогичные решения проводят новейшие толковые словари серии «Сяньдай ханьюй цыдянь» 现代汉语词典 и иероглифические словари серии «Синьхуа цыдянь» 新华字典, проявляющие особое внимание к морфологической и лексической семантике, стремясь устанавливать скорее различия, а не сходство. Такой неожиданный крен в сторону лишь одного из аспектов слова для языка с такой изобразительной письменностью, как китайский, несомненно имеет свои теоретические корни, их обнаружение должно стать предметом самостоятельного исследования.

Омография — одно из явлений, традиционно проблемных для лексикографии, может служить средством диагностирования лексикографических явных и неявных установок. Анализ показывает, что стратегия ШБКРС состоит в уходе от ряда семантических проблем китайской лексики и письма. В китайской лексикографии в будущем следует ожидать обратного движения, преодолевающего крайности движения фонетико-ориентированного.

Литература/References

Арнольд И. В. *Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования*. Л.: Просвещение, 1966 [Arnold I. V. *Word Semantic Structure in Contemporary English and Methods of its Research*. Leningrad: Prosveschenie, 1966 (in Russian)].

Баранова З. И., Гладцков В. Е., Жаворонков В. А., Мудров Б. Г. *Китайско-русский словарь*. Ред. Мудров Б. Г. М.: Русский язык, 1980 [Z. I. Baranova, V. E. Gladtskov, V. A. Zhavoronkov, B. G. Mudrov. *Chinese-Russian Dictionary*. Moscow: Russkii Iazik, 1980].

- Котов А. В. *Китайско-русский словарь-минимум*. 2 изд. М.: Русский язык, 1990 [Kotov A. V. *Chinese-Russian Dictionary — Minimum*. Moscow: Russkii Iazik, 1990].
- Коротков Н. Н. *Основные особенности морфологического строя китайского языка*. М.: Наука, 1963 [Korotkov N. N. *Main Features of the Morphological Structure of Chinese Language*. Moscow: Nauka, 1963 (in Russian)].
- Ли Цзюнь. *Исследование омографов в китайском языке*. Пекин: Шаньгу иньшугуань юсянь гунсы, 2018 [李军. 汉语同形字研究. 商务印书馆. 北京, 商務印書館, 2018. Li Jun. *A Study of Homonymy in Chinese*. Beijing: Shangwu Yinshuguan, 2018 (in Chinese)].
- Люй Шусян. *Филологические беседы*. 吕叔湘. 语文常谈. 中学图书馆文库, 1980 [Lü Shuxiang. *Philological Conversations*. Zhongxue tushuguan wenku (in Chinese)].
- Малаховский Л. В. *О возможностях сравнительно-типологического исследования омонимов (к вопросу о семантических универсалиях) / Проблемы семантики*. Отв. ред. В. М. Солнцев. М.: Наука, 1974. С. 275–277 [Malakhovskii, L. V. *On Perspectives of Comparative and typological studies of homonyms / Issues in Semantics*. Chief Ed. Solntsev V. M. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 275–277 (in Russian)].
- Ошанин И. М. *Происхождение, развитие и структура современного китайского письма*: дис. ... канд. филол. наук. М., 1943. 147 с. [Oshanin I. V. *Origin, Development and Structure of Modern Chinese Writing*. Phd thesis. Moscow, 1943 (in Russian)].
- Солнцев В. М., Солнцева Н. В. *Теоретическая грамматика современного китайского языка. Проблемы морфологии. Курс лекций*. М., 1979 [Solntsev V. M., Solntseva N. V. *Theoretical Grammar of Contemporary Chinese Language. Problems of Morphology*. Moscow, 1979 (in Russian)].
- (Сяньдай ханьюй цыдянь) *Словарь современного китайского языка*. 7 изд. Пекин: Шаньгу иньшугуань юсянь гунсы, 2016 [现代汉语词典. 商务印书馆, 2016; Contemporary Chinese Dictionary. 7th ed. Beijing, Shangwu Yinshuguan, 2016 (in Russian)].
- Хаматова А. А. *Омонимия двусложных слов современного китайского языка // Китайское языкознание. Изолирующие языки. XII международная конференция. Материалы*. Москва, 22–23 июня 2004 г. М., 2004. С. 352–356 [Khamatova A. A. *Homonymy of Binomes in Contemporary Chinese / Proceedings of the XII International Conference: Linguistics of Chinese Language. Isolating Languages*. Moscow, June 22–23. 2004 (in Russian)].
- Хаматова А. А. *Омонимия в современном китайском языке*. М.: Восток–Запад, 2006. 1-е изд. 1977 [Khamatova A. A. *Homonymy in contemporary Chinese*. Moscow: Vostok–Zapad, 2006 (in Russian)].
- Хаяси Оки. *Японский язык в схемах*. Токно: Кадокава-сэтэн, 1982 [林大. 図説日本語, 東京, 角川書店. 1982. Hayashi Oki. *Japanese Explained in Diagrams*. Tokyo: Kadokawa-shoten, 1982 (in Japanese)].
- (ШБКРС) *Большой китайско-русский словарь*. Ред. Гу Болин. Шанхай: Шанхай вайюй цзяюй чубаньшэ, 2009 [汉俄大词典 顾柏林主编. 上海外语教育出版社. 2009; *The Comprehensive Chinese-Russian Dictionary*. Shanghai, 2009].
- Malakhovskii, L. V. *Homonyms in English Dictionaries / Burchfield, Robert W. (ed.). Studies in Lexicography*. Oxford: Oxford University Press, 1987. Pp. 36–51.
- Schuessler Axel (ed.). *ABC etymological dictionary of old Chinese*. University of Hawai'i Press, 2007.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-208-219

ДОРОГА БАКУ–ТБИЛИСИ–КАРС: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

© 2023

И. В. Федулов¹

В статье показаны значимость осуществленного в XXI в. регионального транспортного проекта «Баку–Тбилиси–Карс», его место во взаимоотношениях Турции со странами Закавказья, позиции стран — как непосредственных участников этого проекта, так и соседних, в том числе России, и позиции стран, находящихся далеко от региона (ЕС и США). В историческом обзоре обозначено, что железнодорожная связь Закавказья и востока современной Турции была установлена во времена Российской империи в конце XIX в. Автор дает анализ сложных финансовых и геополитических проблем, возникших при строительстве дороги «Баку–Тбилиси–Карс». В работе приведена динамика изменения грузооборота. Автор приходит к выводу, что дорога «Баку–Тбилиси–Карс» за несколько лет существования доказала свою эффективность как с экономической точки зрения, так и с позиций укрепления безопасности в регионе.

Прогнозы об увеличении мощности проекта основаны на широком использовании как данных национальной статистики, так и полученных автором полевых материалов. В работе оценивается как высокая вероятность использования дороги «Баку–Тбилиси–Карс» для увеличения транзитной торговли России с Центральной Азией и Китаем, для сопряжения ее с МТК «Север–Юг», что объективно отвечает экономическим и политическим интересам нашей страны.

Ключевые слова: Турция, Азербайджан, Грузия, железная дорога, грузооборот, Армения, логистика, транзит

Для цитирования: Федулов И. В. Дорога Баку–Тбилиси–Карс: прошлое и настоящее. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 208–219. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-208-219

BAKU–TBILISI–KARS RAILWAY: THE PAST AND THE PRESENT

Ilia V. Fedulov

The article analyzes the transport project “Baku-Tbilisi-Kars”, its place in Turkey’s relations with the countries of Transcaucasia. Shows the relations of the countries as direct participants in this project, as well as neighboring countries, including Russia, and the positions of countries located far from the region: EU and USA. The historical review shows that the railway connection between Transcaucasia and the east of modern Turkey was established during the Russian Empire at the end of the 19th century. The author gives an analysis of the complex financial and geopolitical problems that arose during the construction of the «Baku–Tbilisi–Kars» road. The author comes to the conclusion that the road “Baku–Tbilisi–Kars” for several years of work has proved its effectiveness both from an economic point of view and from the standpoint of strengthening security in the region.

¹ Федулов Илья Викторович, кандидат технических наук, научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва; i.fedulov@ivran.ru
Ilia V. Fedulov, Ph. D. (Engineering), Scientific Researcher, Department of Economic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; i.fedulov@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-3621-8234

Forecasts about the increase in the capacity of the project are based on the wide use of both national statistics and field materials received by the author. The paper assesses as a high probability of using the Baku–Tbilisi–Kars road to increase transit trade with Central Asia and China, to connect it with the International North – South Transport Corridor, which objectively meets the economic and political interests of Russia.

Keywords: Türkiye, Azerbaijan, Georgia, railway, cargo turnover, Armenia, logistics, transit

For citation: Fedulov I. V. Baku–Tbilisi–Kars railway: the past and the present. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 208–219. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-208-219

ИСТОРИЯ ПРОЕКТА

Железная дорога, связывающая Закавказье с территорией современного турецкого региона Восточная Анатолия, была построена еще во времена Российской империи как железная дорога Тифлис²–Карс и введена в эксплуатацию в 1899 г. Она проходила через г. Александрополь (современный г. Гюмри) и строилась как военная. В будущем продолжение этой дороги из Карса в Сарыкамыш, построенное в начале XX в., сыграло одну из решающих ролей в победе русских войск в известном сражении с войсками Османской империи при Сарыкамыше зимой 1914–1915 гг. По нему доставлялись в зону боевых действий боеприпасы, орудия, перебрасывались войска.

Дорога Тифлис–Александрополь (Гюмри)–Карс имела широкую «русскую» колею (1524/1520 мм), и турецкий ее участок оставался таким же до начала 60-х гг. XX в., когда от Эрзерума до пограничной станции «Акьяка» на границе с СССР (Армянская ССР) она была «перешита» на европейскую колею шириной 1435 мм. Пограничная станция «Ахурян» (на территории Армянской ССР) являлась одним из ключевых звеньев в грузообороте между Турцией и СССР. Здесь происходила перевалка грузов из-за разницы ширины железнодорожной колеи, и до начала 90-х гг. станция поддерживалась в рабочем состоянии.

После оккупации Армянской части территории Азербайджана (1-я Карабахская война) Турция в 1993 г. закрыла границу с Арменией, в том числе и железнодорожную линию Карс–Гюмри. В результате прямое железнодорожное сообщение между Турцией и Грузией (как и с Азербайджаном) было прервано.

Необходимость обеспечения логистической связанности Турции, Грузии и Азербайджана, а также транзита грузов из Китая на Запад (увеличение этого грузопотока в перспективе стало понятно всем сторонам) привело к осознанию необходимости создания аналогичного транспортного маршрута. Поэтому в том же 1993 г. в Анкаре турецко-грузинской Объединенной транспортной комиссией был разработан проект железнодорожной магистрали Карс–Ахалкалаки–Тбилиси–Баку (КАТБ). Предполагалось, что этот маршрут станет важным участком спроектированного ЕС транспортного коридора Европа–Кавказ–Азия (TRASECA).

Основным инициатором проекта КАТБ стал Азербайджан, который помимо упрочения своего регионального влияния стремился повысить собственное участие и в решении проблем международного уровня. Поэтому с его стороны не было причин тормозить реализацию проекта.

Отметим, что дорога Баку–Тбилиси существовала, но требовала серьезной реновации.

Аналогично и у Турции не было ни политических, ни экономических резонов выступить против проекта. Официальный Тбилиси тоже поддерживал строительство дороги.

Объективно против могли быть Армения и Россия. Армения считала, что строительство КАТБ преследует исключительно политическую цель — изолировать Армению от региона.

² Название Тбилиси до 1936 г.

Россия считала, что новая магистраль сможет отобрать часть грузопотока по направлению Восток–Запад. С их точки зрения магистраль имеет больше не экономическое, а военно-политическое значение и необходима для укрепления связей между Турцией и Азербайджаном.

Как отмечали некоторые турецкие исследователи, уже тогда армянское лобби через США оказывало давление на Грузию, чтобы проект не был реализован [Üzümcü, Akdeniz, 2014, s. 190].

В силу различных причин осуществление задуманного откладывалось, и только в 2001 г. президент Грузии Э. Шеварнадзе заявил о китайском инвесторе, готовом взять на себя финансирование строительства, однако в реальности тот так и не объявился³.

28 сентября 2002 г. вновь собралась турецко-грузинская комиссия по ускорению строительства магистрали, и тогда же была озвучена сумма в 600 млн долл., необходимых для строительства дороги [Çelebioglu, 2005, s. 54–55].

Во время открытия нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан в мае 2005 г., видя успешное завершение сложного инфраструктурного проекта — транскавказского энергетического коридора, лидеры Азербайджана, Грузии и Турции вернулись и к идее строительства железной дороги.

В сентябре 2005 г. в Стамбуле произошла встреча министров транспорта трех стран — Турции, Грузии и Азербайджана, на которой была предпринята попытка привлечь к проекту Казахстан, в том числе и для решения финансовых вопросов. Но эта идея не получила дальнейшей практической реализации.

В это же время Армения не оставляла дальнейших попыток не допустить строительства железнодорожной магистрали. Так, в 2005 г. на совещании по расширенным европейским маршрутам при Комиссии по транспорту ЕС представитель Армении заявил: «Этот проект (БТАК — И. Ф.) не должен осуществляться на налоги, собранные в Европе. Есть линия, которая закрыта с 1991 года, пусть ее откроют». В ответ представители ЕС заявили, что строительство этой новой железнодорожной линии (БТАК — И. Ф.) не имеет прямого отношения к ЕС⁴.

Также в турецких СМИ прошла информация, что Армения воздействует на грузинскую бюрократию с помощью взяток для торможения проекта. В частности, грузинской стороной были «потеряны» карты, необходимые для составления технико-экономического обоснования⁵.

Сомнения в нужности магистрали для Грузии стали высказывать не только армянские эксперты⁶, но и грузинские чиновники. Так, госминистр Грузии Каха Бендукидзе скептически оценил перспективы этого проекта. Он заявил, что хотя проект весьма важен для Грузии, но до сих пор не существует точных расчетов, обосновывающих его экономическую привлекательность, поэтому о его реализации можно говорить лишь в отдаленной перспективе⁷.

Несмотря ни на что, в 2006 г. турецкой компанией «Yuksel Dononik» было сделано технико-экономическое обоснование (ТЭО) железной дороги КАТЬ. Согласно произведенным ею расчетам, стоимость проекта оценивалась в 360 млн долл. Протяженность дороги составляла 104 км, из них 29 км должны были пройти по территории Грузии, а 75 км — по территории

³ Мосаки Н. З. Проект железной дороги Баку — Тбилиси — Карс. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.imes.ru/rus/stat/2007/22-05-07a.htm> [кодировка: кириллица (windows)] (дата обращения: 06.06.2023).

⁴ «Kars-Tiflis-Bakü» Ermenileri çıldırttı. Haberler, Haber, Son Dakika Haberler, Gazeteler — Yeni Şafak. 4.06.2005. URL: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/kars-tiflis-baku-ermenileri-cildirtti-2743821> (дата обращения: 07.06.2023).

⁵ Erivan, Demir İpek Yolu'nu rüşvet vererek engelledi. Haberler, Haber, Son Dakika Haberler, Gazeteler — Yeni Şafak. 06.07.2006. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/erivan-demir-ipek-yolunu-rusvet-vererek-engelledi-2720944> (дата обращения: 06.06.2023).

⁶ См., например: Эксперт: Проект Карс–Ахалкалаки–Тбилиси–Баку противоречит интересам Грузии. ИА REGNUM. 28.12.2006. URL: <https://regnum.ru/news/762208> (дата обращения: 06.06.2023).

⁷ Мосаки Н. З. Проект железной дороги...

Турции. Т.е. речь шла в основном о новом участке железной дороги, который надо построить. Необходимо заметить, что трасса новой железной дороги между Карсом и Ахалкалаки должна была пройти в пустынных горных районах и на довольно большой высоте над уровнем моря. Например, город Карс располагается на высоте 1768 м над уровнем моря.

Согласно этому проекту, в первый год эксплуатации ожидалась загруженность линии в 2–3 млн т грузов с дальнейшим увеличением грузооборота до 5–8 млн т [Оганесян, 2012, с. 72]. Азербайджан одобрил проект полностью, но у грузинской стороны возникли вопросы к экономической и технической его частям.

В этом же 2006 г. Палата представителей Конгресса США проголосовала за то, что никакие американские фонды не будут использованы для содействия проекту железной дороги Карс–Ахалкалаки–Тбилиси–Баку, строящейся в обход Армении. Один из поддержавших документ (резолюция H.R. 5068) — конгрессмен Джозеф Коули заявил, что «эти меры будут способствовать стабильности на Южном Кавказе, в то время как финансирование подобного железнодорожного проекта противоречит интересам США»⁸. Участие армянского лобби в принятии этого документа представляется весьма вероятным.

Комментируя данное решение, министр экономического развития Грузии Ираклий Чогувадзе заявил: «Если США отказались финансировать проект, то это не проблема. Существуют другие страны и финансовые институты, которые могут принять участие в проекте. Потенциальными донорами в грузинском руководстве рассматриваются Казахстан и Китай, с которыми ведутся переговоры»⁹.

Однако возникла еще одна проблема: так как планировалось, что трасса дороги на территории Грузии пройдет по районам, населенным этническими армянами, местное население стало выступать против. Так, председатель земляческого союза грузинских армян «Джавахи» Ширак Торосян сказал, что несмотря на экономические выгоды, которые принесет для жителей района проект дороги, «...осознав, что строительство дороги не отвечает интересам родины — Армении, джавахицы выступают против этого»¹⁰.

Но уже в январе 2007 г. в Тбилиси представители госструктур Турции, Грузии и Азербайджана подписали рамочное соглашение по проекту строительства. Одновременно было подписано кредитное соглашение между Азербайджаном и Грузией, по которому Азербайджан выделял Грузии кредит в 200 млн долл. на 25 лет под 1%.

На территории Грузии было запланировано провести реабилитацию 192 км железнодорожного полотна и строительство новых 29 км дороги. Кроме того, в Ахалкалаки должны были создать пункт по переводу поездов с действующей в Грузии широкой «российской» колеи 1520 мм на «европейскую» 1435 мм. Стоимость всего проекта железнодорожной магистрали Баку–Тбилиси–Ахалкалаки–Карс оценивалась уже в 422 млн долл., а с учетом стоимости обустройства прилегающей инфраструктуры — около \$600 млн долл.¹¹

7 февраля 2007 г. в Тбилиси президентами Грузии и Азербайджана и премьер-министром Турции на трехстороннем саммите по региональному сотрудничеству была подписана

⁸ Маркедонов С. Железнодорожный Баку–Джейхан. Политком.Ру: информационный сайт политических комментариев. 14.12.2007. URL: <https://www.politcom.ru/5484.html> (дата обращения: 06.06.2023).

⁹ ЖД Карс–Ахалкалаки–Тбилиси–Баку: за и против. Грузия Online. Информационно-аналитический портал. 20.06.2006. URL: <https://www.apsny.ge/analytics/1150822399.php> (дата обращения: 06.06.2023).

¹⁰ Армяне «против» строительства железной дороги Карс–Ахалкалаки, но «за» «Вызовы тысячелетия». Новости России, СНГ и мира — ИА REGNUM. 14.06.2006. URL: <https://regnum.ru/news/656671> (дата обращения: 06.06.2023).

¹¹ Турция, Азербайджан и Грузия оформили пакет документов по региональному сотрудничеству // Новости России, СНГ и мира — ИА REGNUM. 07.02.2007. URL: <https://regnum.ru/news/779091> (дата обращения: 06.06.2023).

«Декларация о едином видении регионального сотрудничества». В документе говорилось о том, что «три страны приступили к длительным и прогнозируемым отношениям¹²». Также стороны подписали многочисленные рабочие документы, касающиеся в том числе и новой железной дороги. В ходе саммита было решено изменить название проекта на «Баку–Тбилиси–Карс» (БТК). Под этим названием он и работает по настоящее время. Новое название стало похожим на название нефтепровода «Баку–Тбилиси–Джейхан» и газопровода «Баку–Тбилиси–Эрзерум».

Позже в том же месяце президент Азербайджана Ильхам Алиев подписал указ «О реализации мероприятий в рамках проекта Баку–Тбилиси–Карс», открывший финансирование строительства со стороны Азербайджана.

На территории Грузии первый камень в основание будущей дороги был заложен уже в ноябре 2007 г., на церемонии присутствовали президенты Азербайджана, Турции и Грузии. Начало турецкого участка железной дороги было положено в городе Карсе 24 июля 2008 г. также тремя президентами: Абдуллой Гюлем, Михаилом Саакашвили и Ильхамом Алиевым¹³.

Ожидалось, что проект будет завершен в 2011 году. На первом этапе предполагалось, что по данному маршруту ежегодно будет перевозиться 1 млн пассажиров и 6 млн 500 тыс. тонн грузов¹⁴.

В августе 2010 г. в карсской газете были приведены слова министра транспорта Турции о том что «35% 76-километрового участка линии, проходящего через Турцию, завершены, а работы на 26-километровом участке, проходящем через Грузию, идут в соответствии с планом»¹⁵.

Следует отметить, что на участке Карс–Ахалкалаки граница между Турцией и Грузией проходит в строящемся тоннеле (2375 м тоннеля находятся в границах Турции и 2070 метров — в границах Грузии). Сам тоннель, как оказалось в процессе работ, расположен в очень сложных геологических условиях, что затормозило строительство и сдвинуло его сроки.

Из 76 км железной дороги на территории Турции 24 км проходят в тоннелях. Имеется 2 виадука общей длиной 550 м. Использование тоннелей вместо сооружения насыпей было выбрано для сохранения уникальной высокогорной природы Восточной Анатолии.

Работы продвигались медленно. В июне 2013 г. состоялась церемония сварки рельсов в селе Мезра около г. Карса. Характерно, что в ходе этой церемонии министр транспорта Б. Йылдырым отметил, что «в течение 10 лет, с 1993 г., в проекте не было никакого прогресса»¹⁶. В декабре 2016 г. были проведены тестовые проезды тепловозной нагрузки на последнем строящемся участке в Грузии до турецкой границы.

30 октября 2017 г. состоялось долгожданное официальное открытие железнодорожного маршрута Баку–Тбилиси–Карс в присутствии президента Турции Р. Эрдогана с женой, премьер-министра Грузии Г. Квирикашвили и президента Азербайджана И. Алиева (Рис. 1).

¹² Ухудшение отношений с Россией перекроет путь Грузии в НАТО: Обзор грузинских СМИ за неделю. Новости России, СНГ и мира — ИА REGNUM. 19.02.2007. URL: <https://regnum.ru/article/784932> (дата обращения: 06.06.2023).

¹³ Kars-Tiflis-Bakü demiryolu projesinin türkiye ayağının temeli atıldı. TCDD — Türkiye Cumhuriyeti Devlet Demiryolları. 09.04.2012. URL: <https://www.tcdd.gov.tr/haberler/kars-tiflis-baku-demiryolu-projesinin-turkiye-ayaginin-temeli-atildi> (дата обращения: 06.06.2023).

¹⁴ Hamdi A. Demirle dostluk ağlarını ördüler. Haberler, Haber, Son Dakika Haberler, Gazeteler — Yeni Şafak. 25.07.2008. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/demirle-dostluk-aglarini-orduler-130875> (дата обращения: 06.06.2023).

¹⁵ «Demir İpek Yolu»nda Tam Gaz. Kars Hüryurt Gazetesi. 04.08.2010. URL: <https://www.gazetekars.com/demir-ipek-yolunda-tam-gaz-1501h.htm> (дата обращения: 06.06.2023).

¹⁶ BTK için ilk ray. Haberler, Haber, Son Dakika Haberler, Gazeteler — Yeni Şafak. 27.06.2013. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/btk-icin-ilk-ray-536081> (дата обращения: 06.06.2023).

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ

Отметим некоторые технические особенности линии. Электрофицированные пути находятся на территориях Грузии и Азербайджана. На территории Турции электрификация железных дорог в 2022 г. заканчивается на ст. Диври (Divriği), которая находится западнее г. Эрзинджана. Дальше на восток в сторону г. Карса грузовые и пассажирские поезда передвигаются на тепловозной тяге.

Смена тележек грузовых вагонов (с «широкой» колеи на «европейскую») на ст. Ахалкалаки — не единственное препятствие для обеспечения полного оборота грузовых вагонов между странами. Сохраняется разница в габаритах грузовых вагонов, и некоторые грузовые вагоны Азербайджанской железной дороги не смогут безопасно выезжать за пределы Карса дальше на запад в сторону Стамбула.

Удивление вызывает и уровень путевой инфраструктуры на турецком участке. Так, в апреле 2023 г. автор видел на главном ходу по ст. Карс ручные стрелочные переводы, что для современных железнодорожных путей выглядит явно устаревшим.

Интересно отметить, что планировалось и пассажирское движение по этой линии. В качестве подвижного состава предполагалось использовать поезда швейцарской фирмы «Stadler», т. к. они могут изменять ширину колеи в процессе движения. Азербайджанские железные дороги закупили 30 вагонов различных классов обслуживания, в том числе и вагон-ресторан. Стоимость контракта составила 120 млн швейц. фр. В марте 2019 г. первые вагоны, прибывшие из Швейцарии в Стамбул, в составе пробного поезда совершили технический рейс из Стамбула в Тбилиси¹⁷. Планировались различные сроки начала запуска пассажирского движения, но на июнь 2023 г. пассажирское движение по линии Баку–Тбилиси–Карс отсутствует.

Общий объем грузоперевозок по железнодорожной линии Баку–Тбилиси–Карс приведен в Таблице 1.

Таблица 1. Объем грузоперевозок по железнодорожной линии Баку–Тбилиси–Карс, т.

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
I квартал	6527	21469	62083	92095	94682	48832
II квартал	21281	16321	95472	145501	131263	
III квартал	22776	23237	32441	137189	120001	
IV квартал	16809	49147	34948	102100	66419	
Всего	67393	110174	224944	476885	412365	

Источник: Грузовые перевозки на Азербайджанских железных дорогах. <https://freight.ady.az/media/statistik-melumatlar>.

Грузооборот по ст. Карс приведен в таблице 2.

Таблица 2. Грузооборот импорта и экспорта по ст. Карс в 2020–2022 гг.

Год	Месяц	Количество поездов		Количество вагонов		Грузы, нетто, т.		Грузы, брутто, т.	
		Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
2020	Январь	8	26	121	409	4219	21650	7251	31556
	Февраль	8	22	113	432	4678	20933	7329	31199
	Март	11	11	214	283	6436	12167	11567	18994

¹⁷ Первый пассажирский поезд прибыл в Грузию по ж/д Баку–Тбилиси–Карс. Trend — News from Azerbaijan, Georgia, Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan, Iran and Turkey. 26.03.2019. URL: <http://www.trend.az/business/3037322.html> (дата обращения: 06.06.2023).

Год	Месяц	Количество поездов		Количество вагонов		Грузы, нетто, т.		Грузы, брутто, т.	
		Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
2020	Апрель	18	21	516	542	15 012	26 580	27 308	39 669
	Май	20	25	425	496	13 819	23 643	24 721	36 458
	Июнь	14	13	251	265	7 741	13 444	13 653	19 826
	Июль	11	11	177	282	6 318	7 538	10 706	14 214
	Август	11	13	167	247	5 680	9 314	10 299	15 291
	Сентябрь	5	7	80	151	2 955	4 442	4 978	8 104
	Октябрь	7	6	146	94	4 335	3 315	8 136	5 683
	Ноябрь	5	5	124	117	3 890	3 788	6 896	6 880
	Декабрь	17	13	332	310	8 885	11 690	20 718	36 260
	ИТОГО:	135	173	2666	3628	83 968	158 504	153 562	263 934
2021	Январь	20	21	412	424	4 977	15 611	14 045	25 999
	Февраль	26	26	715	712	4 942	23 834	21 546	39 353
	Март	26	28	641	760	8 361	26 318	22 463	42 762
	Апрель	33	33	880	769	10 101	31 120	30 686	49 688
	Май	32	32	860	945	6 889	39 399	27 284	61 736
	Июнь	31	31	772	773	8 541	30 083	23 614	48 527
	Июль	33	33	929	1 063	8 930	39 817	29 319	63 603
	Август	32	33	803	812	4 519	28 879	13 966	62 503
	Сентябрь	39	41	911	986	11 246	35 133	30 493	58 334
	Октябрь	39	37	958	901	8 105	34 969	30 569	55 748
	Ноябрь	36	34	874	966	12 603	35 339	33 436	57 027
	Декабрь	28	31	738	830	9 203	28 977	27 112	48 547
ИТОГО:	375	380	9 493	9 941	98 417	369 479	304 533	613 787	
2022	Январь	27	27	420	657	14 665	19 613	30 848	35 388
	Февраль	29	29	180	703	7 023	24 258	24 215	41 385
	Март	25	24	243	713	7 368	15 015	21 902	25 755
	Апрель	22	23	318	536	10 194	18 943	22 036	32 586
	Май	31	32	410	770	13 983	35 397	31 602	54 804
	Июнь	33	35	305	965	10 901	42 129	34 691	66 081
	Июль	32	35	269	805	9 497	36 448	29 149	56 072
	Август	28	29	208	617	7 411	29 014	25 325	44 227
	Сентябрь	22	25	188	615	10 413	30 368	25 625	45 136
	Октябрь	24	26	159	705	5 574	35 185	20 688	52 246
	Ноябрь	18	19	199	452	5 552	15 304	14 832	26 851
	Декабрь	16	15	309	246	11 393	8 967	20 415	14 805
ИТОГО:	307	319	3 308	7 784	113 974	310 641	301 328	495 336	

Источник: получено автором у начальника ст. Карс

Из таблицы 2 видно, что средняя интенсивность движения поездов по магистрали БТК составляла чуть менее двух поездов в сутки в течение года. В 2020 г. перевозки импорта и экспорта составили 417,5 тыс. т брутто, в 2021 г. выросли до 918,3 тыс. т брутто, а в 2022 г. немного уменьшились — до 796,7 тыс. т брутто. Грузооборот в 2022 г. по сравнению с 2020 г. вырос на 90,82%.

В 2017 г. на восточной окраине г. Карса началось строительство логистического центра. Центр занимает площадь в 400 тыс. м², рассчитан на обработку 412 тыс. т грузов, имеет 19 путей и 5,5-километровую соединительную ветку к основной трассе БТК. Предусмотрены

мастерские для ремонта как грузовых, так и пассажирских поездов. Стоимость строительства была озвучена в 221,816 млн турецких лир.

В ноябре 2021 г. центр начал работу (Рис. 2). Всего в Турции к концу 2023 г. планируется довести количество работающих логистических центров до 15¹⁸.

По маршруту БТК перевозятся различные грузы — не только контейнеры, но, например, и такой специфический груз, как различные трубы.

За первые шесть месяцев 2021 г. было перевезено 11 084 контейнера в TEU¹⁹. За весь 2020 г. — 11 748 в TEU. Интересно отметить, что в 2020 г. 940-метровый грузовой поезд с контейнерами (рекорд для этой магистрали) отправился из Турции в Узбекистан через Каспий.

С 2021 г. по железнодорожной линии БТК на регулярной основе курсируют контейнерные поезда из Турции в Центральную Азию и Китай, а также из Китая в Европу. Контейнеры пересекают Каспийское море на фидерных судах, отправляясь из порта Баку в порт Актау и обратно. Транспортировка осуществляется в рамках Транскаспийского Международного Транспортного Маршрута (ТМТМ).

В Баку в апреле 2021 г. в рамках этого проекта прибыл первый контейнерный экспресс-поезд «ТУРКУАЗ». В тестовом поезде в двадцати одном 45-футовом контейнере в Азербайджан было доставлено 588 т груза из Турции. Контейнерный экспресс-поезд «ТУРКУАЗ» (TURKUAZ) — это логистический продукт, разработанный ООО «ADY Container» совместно с партнерами «Pasifik Eurasia Logistics» (Турция) и «GR Logistics and Terminals» (Грузия). Поезд осуществляет грузоперевозки два раза в неделю из Стамбула и Мерсина в Баку и в обратном направлении. Время в пути составляет около шести суток. Например, в июне 2021 г. в рамках проекта поезда «ТУРКУАЗ» из Азербайджана в Турцию было перевезено 2214 т груза, а из Турции в Азербайджан — 3780 т груза. В контейнерах в основном доставляли из Турции в Азербайджан химические продукты, строительные материалы и сахарный песок [Шурганова, 2021, с. 80].

Также в рамках проекта в 2022 г. только для компании «Азералюминий» было перевезено 486 контейнеров по маршруту Гянджа–Турция и 204 контейнера по маршруту Турция–Гянджа²⁰.

Важно отметить, что с 17 сентября 2021 г. в рамках этого проекта («ТУРКУАЗ») началось применение унифицированной накладной ЦИМ/СМГС. Применение этого документа помогает достичь экономии времени и затрат на транспортировку грузов.

В настоящее время узким местом БТК остается грузинский участок дороги, проходящий по горно-лесистой местности со сложным рельефом. На текущий момент необходимо провести дополнительные мероприятия для увеличения его пропускной способности и повышения безопасности перевозок. На участке Марабада–Карцахи ведутся необходимые работы, на 12 станциях осуществляются работы по электроснабжению, установке оборудования связи и сигнализации²¹, для чего с середины мая 2023 г. временно ограничена перевозка грузов. Инвестиции со стороны Азербайджана на работы по увеличению пропускной способности грузинского участка составят более 120 млн долл. США. Одновременно Азербайджан сообщил

¹⁸ Kars-Nahçıvan Demiryolu Projesi ile ilgili fizibilite çalışmalarının sürdürülmesi kararı alındı. Haberler, Haber, Son Dakika Haberler, Gazeteler — Yeni Şafak. 14.06.2021. URL: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/kars-nahcivan-demiryolu-projesi-ile-ilmli-fizibilite-calismalarinin-surdurulmesi-karari-alindi-3638178> (дата обращения: 06.06.2023).

¹⁹ TEU — от англ. *twenty-foot equivalent unit* — условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств.

²⁰ В Турцию отправлено 74 контейнера алюминиевой продукции. АЗЕРТАДЖ — Азербайджанское государственное информационное агентство. 16.12.2022. URL: <https://azertag.az/ru/xeber/2412839> (дата обращения: 06.06.2023).

²¹ БТК расширяют для привлечения большего количества грузов в Средний коридор. Новости и погода Азербайджана, Армении и Грузии — портал Day.Az. 26.05.2023. URL: <https://news.day.az/economy/1567907.html> (дата обращения: 07.06.2023).

о планах расширить пропускную способность торгового морского паромного терминала в Аляте (г. Баку) с 15 млн до 25 млн т и 1 млн. TEU, что в перспективе поможет увеличить грузооборот и экономическую привлекательность маршрута БТК.

Как отмечалось ранее, в восточной части Турции электрификация железной дороги заканчивается на ст. Диври. Также следует заметить, что трасса от ст. Диври в сторону г. Карса проложена через горные массивы с множеством тоннелей и маленькими радиусами кривых в плане на кривых участках пути. Особенно это видно на участке Карс–Эрзерум, где трасса проложена в начале XX в. еще военными инженерами Российской империи и мало отвечает современным скоростным требованиям перевозки грузов и пассажиров. Поэтому в рамках турецкой Президентской годовой программы на 2023 г. предусмотрены мероприятия по реконструкции линии Диври–Карс, будут привлечены иностранные кредиты и проведен строительный тендер. Реконструкция является частью общей программы по устранению узких мест на участке Карс–Эрзерум–Эрзинджан–Сивас–Малатья–Газиантеп и улучшению логистических процессов для обрабатывающей промышленности, горнодобывающей отрасли и транспортного коридора в регионе²².

Россия, в начале проекта отрицательно относившаяся к идее его реализации, к концу 2010-х гг. изменила свое мнение. Так, заместитель гендиректора ОАО РЖД Алексей Шило в марте 2019 г. заявил, что РЖД ищет новые экспортные направления и одновременно с уже работающей логистической схемой поставки угля в грузинский порт Поти готова рассматривать поставку угля и других товаров в Турцию по БТК²³.

В мае 2019 г. главы ОАО «РЖД», Азербайджанских и Турецких железных дорог подписали трехсторонний меморандум о сотрудничестве в области развития железнодорожных перевозок. Меморандум предусматривает совместные действия для обеспечения регулярных железнодорожных перевозок по маршруту Баку–Тбилиси–Карс, включая установление экономически обоснованных тарифов и привлечение новой грузовой базы.

В 2021 г. АО «РЖД Логистика» и турецкий логистический оператор «Pasifik Eurasia Logistics» организовали отправку первого контейнерного поезда из Турции в Россию по железнодорожному коридору Баку–Тбилиси–Карс. Поезд, груженный 15 сорокафутовыми контейнерами с бытовой техникой (посудомоечные машины и газовые плиты), 29 января отправился со станции Маршандиз (Анкара, Турция) до пограничной станции Ахалкалаки (Грузия). Там контейнеры были перегружены с платформ колеи 1435 на платформы колеи 1520 и далее проследовали по БТК транзитом через территории Грузии и Азербайджана до станции назначения в России — Ворсино (Калужская область)²⁴, куда прибыли 10 февраля 2021 г.

БТК может служить альтернативой доставки грузов из России в Турцию (и наоборот) посредством автотранспорта. Резкое увеличение грузопотока, следующего из Турции в Россию после введения санкций ЕС в отношении российского и белорусского автотранспортного сектора, проходящего через существующий пограничный переход между Грузией и РФ в районе с. Верхний Ларс, вызвало перегруженность этого пропускного пункта. Пункт пропуска «Верхний Ларс» реконструируется в последнее время, в июле 2022 г. открыты 24 полосы

²² Sanayi, demir yolu hatlariyla beslenecek. Anadolu Ajansi. 28.10.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/sanayi-demir-yolu-hatlariyla-beslenecek/2723070> (дата обращения: 06.06.2023).

²³ Наша «труба» — одного диаметра. Коммерсантъ: последние новости России и мира. 11.04.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3939205> (дата обращения: 06.06.2023).

²⁴ «РЖД Логистика» отправила контейнерный поезд из Турции в Россию по БТК. Infranews — портал о логистике и транспорте. 01.02.2021. URL: <https://infranews.ru/logistika/57479-rzhd-logistika-i-pasifik-eurasia-logistics-otpravili-kontejnernyj-poezd-iz-turcii-v-rossiyu-po-btk/> (дата обращения: 06.06.2023).

для выезда с российской стороны для легкового транспорта. В настоящее время заканчивается более масштабная реконструкция, в результате которой общее количество полос в пункте пропуска «Верхний Ларс» увеличится до 39, из них 15 полос будут работать на грузовое сообщение. К началу мая 2023 г., по данным Министерства транспорта РФ, основные работы уже были выполнены на 77%²⁵.

Другим узким местом до сих пор является участок дороги между Квешети и Коби в Грузии, на котором расположен Крестовый перевал. Обильные снегопады и угроза схода снежных лавин делают невозможным движение по данному участку в среднем на протяжении 100 дней в году. Новый объездной участок протяженностью 22,7 км с шестью мостами и пятью тоннелями начал строиться в 2021 г. на средства правительства Грузии и кредиты Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и Азиатского банка реконструкции (АБР) [Международный транспортный коридор..., 2022, с. 22]. Автомобильные пограничные пропускные пункты между Грузией и Турцией — в с. Сарпи (около г. Батуми) и в г. Пософ (около г. Ардахан). Если дороги при проезде через Сарпи современные и предназначены для грузового автотранспорта, то высокогорные сельские горные дороги при проезде через г. Пософ (население около 2 тыс. чел.) малопригодны для тяжелых грузовых машин. Так, в апреле текущего года после снегопада большегрузные автомобили с водителями из России не смогли проехать по заснеженной дороге, и пришлось вызывать помощь из близлежащих городов Карса и Ардахана (что имело резонанс в местных сегментах социальных сетей).

В перспективе, учитывая то, что в настоящее время Турция и Иран имеют железнодорожное сообщение, ожидаемая в ближайшие годы достройка участка железной дороги Решт–Астара в Иране позволит получить прямую связь коридора Баку–Тбилиси–Карс с международным транспортным коридором «Север–Юг».

«Скоростные железные дороги, которые будут построены в других областях Турции, соединятся с Баку–Тбилиси–Карс. Мы проложим линию от нашей станции Еркёй до Кайсери. Мы протянем эту линию до Эрзинджана, Эрзурума и Карса. А затем соединим с линией Баку–Тбилиси. Этой линией, именуемой «Железный шелковый путь», мы откроем в нашем регионе стратегический «дыхательный путь» мирового значения»²⁶, — сказал президент Турции Р. Т. Эрдоган на выступлении в г. Сивасе в мае 2023 г.

Таким образом, проект Баку–Тбилиси–Карс, как предрекали некоторые эксперты, не стал военной дорогой между Турцией и Азербайджаном. Несмотря на нейтральную позицию ЕС и отрицательную позицию США, при его реализации удалось преодолеть финансовые трудности и он стал реально работающим логистическим коридором, который способствует росту экономики не только стран-участниц (Турция, Грузия и Азербайджан), но также и соседних стран, в т. ч. России, и стран, находящихся на продолжении этого коридора, — стран Центральной Азии и Китая.

²⁵ Реконструкцию «Верхнего Ларса» обещают завершить к 15 июня. Trans.ru — Биржа автомобильных перевозок. 08.06.2023. URL: <https://trans.ru/news/rekonstruktsiyu-verhnego-larsa-obeschayut-zavershit-k-15-iyunya> (дата обращения: 08.06.2023).

²⁶ Эрдоган: мы будем развивать транспортную инфраструктуру с Азербайджаном. АЗЕРТАДЖ — Азербайджанское государственное информационное агентство. 23.05.2023. URL: <https://azertag.az/ru/xeber/2629181> (дата обращения: 06.06.2023).

Литература / References

Международный транспортный коридор «Север — Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Доклады и рабочие документы 22/2. Алматы, Москва: Евразийский Банк развития, 2022 [*International North–South Transport Corridor: Investments and Soft Infrastructure. Reports and working papers 22/2.* Almaty, Moscow: Eurasian Development Bank, 2022 (in Russian)].

Оганесян Г. Железнодорожный проект Карс–Ахалкалак–Тбилиси–Баку в контексте Турецко-Грузинских интересов. *21-й век: информационно-аналитический журнал.* 2012. Т. 3 [Hoganisyan G. Kars–Akhalkalak–Tbilisi–Baku railway project in the context of Turkish-Georgian interests. *21st century: information and analytical journal.* 2012. Vol. 3 (in Russian)] — EDN TRFFIT.

Шурганова А. Алятская свободная экономическая зона как важный стимул развития перевозок по коридорам Север — Юг и Восток — Запад. *Бюллетень ОСЖД.* № 4–5. 2021 [Shurganova A. Alyat free economic zone as an important incentive for the development of transportation along the North–South and East–West corridors. *OSJD Bulletin.* № 4–5. 2021 (in Russian)].

Çelebioglu T. 1990 sonrası Türkiye-Gürcistan İlişkileri. Yüksek Lisans Tezi / Tez Danışmanı: Yrd. Doç. Dr. Ali Karaca. İstanbul: T. C. Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, 2005 [Chelebioglu T. Türkiye–Georgia Relations after 1990. Master’s Thesis / Thesis Advisor: Assist. Assoc. Dr. Ali Karaja. İstanbul: T. C. Marmara University Institute of Turkish Studies, 2005 (in Turkish)].

Üzümcü A., Akdeniz S. Yeni İpek Yolu: TRACECA ve Bakü-Tiflis-Kars Demiryolu Projesi. *Avrasya etüdler.* 2014. No. 45 [Uzumju A., Akdeniz S. New Silk Road: TRACECA and Baku-Tbilisi-Kars Railway Project. *Eurasian studies.* 2014. No. 45 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Армяне «против» строительства железной дороги Карс–Ахалкалаки, но «за» «Вызовы тысячелетия». *Новости России, СНГ и мира — ИА REGNUM.* 14.06.2006. URL: <https://regnum.ru/news/656671> (дата обращения: 06.06.2023).

БТК расширяют для привлечения большего количества грузов в Средний коридор. *Новости и погода Азербайджана, Армении и Грузии — портал Day.Az.* 26.05.2023. URL: <https://news.day.az/economy/1567907.html> (дата обращения: 07.06.2023).

В Турцию отправлено 74 контейнера алюминиевой продукции. АЗЕРТАДЖ — Азербайджанское государственное информационное агентство. 16.12.2022. URL: <https://azertag.az/ru/xeber/2412839> (дата обращения: 06.06.2023).

ЖД Карс–Ахалкалаки–Тбилиси–Баку: за и против. *Грузия Online.* Информационно-аналитический портал. 20.06.2006. URL: <https://www.apsny.ge/analytics/1150822399.php> (дата обращения: 06.06.2023).

Маркедонов С. Железнодорожный Баку–Джейхан. *Политком.Ру:* информационный сайт политических комментариев. 14.12.2007. URL: <https://www.politcom.ru/5484.html> (дата обращения: 06.06.2023).

Мосаки Н. З. Проект железной дороги Баку — Тбилиси — Карс. *Институт Ближнего Востока.* URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/22-05-07a.htm> [кодировка: кириллица (windows)] (дата обращения: 06.06.2023).

Наша «труба» — одного диаметра. *Коммерсантъ: последние новости России и мира.* 11.04.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3939205> (дата обращения: 06.06.2023).

Первый пассажирский поезд прибыл в Грузию по ж/д Баку–Тбилиси–Карс. *Trend — News from Azerbaijan, Georgia, Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan, Iran and Turkey.* 26.03.2019. URL: <https://www.trend.az/business/3037322.html> (дата обращения: 06.06.2023).

Реконструкцию «Верхнего Ларса» обещают завершить к 15 июня. *Trans.ru — Биржа автомобильных перевозок.* 08.06.2023. URL: <https://trans.ru/news/rekonstruktsiyu-verhnego-larsa-obeschayut-zavershit-k-15-iyunya> (дата обращения: 08.06.2023).

«РЖД Логистика» отправила контейнерный поезд из Турции в Россию по БТК. Infranews — портал о логистике и транспорте. 01.02.2021. URL: <https://infranews.ru/logistika/57479-rzhd-logistika-i-pasifik-urasia-logistics-otpravili-kontejnernyj-poezd-iz-turcii-v-rossiyu-po-btk/> (дата обращения: 06.06.2023).

Турция, Азербайджан и Грузия оформили пакет документов по региональному сотрудничеству. Новости России, СНГ и мира — ИА REGNUM. 07.02.2007. URL: <https://regnum.ru/news/779091> (дата обращения: 06.06.2023).

Ухудшение отношений с Россией перекроет путь Грузии в НАТО: Обзор грузинских СМИ за неделю. Новости России, СНГ и мира — ИА REGNUM. 19.02.2007. URL: <https://regnum.ru/article/784932> (дата обращения: 06.06.2023).

Эрдоган: мы будем развивать транспортную инфраструктуру с Азербайджаном. АЗЕРТАДЖ — Азербайджанское государственное информационное агентство. 23.05.2023. URL: <https://azertag.az/ru/xeber/2629181> (дата обращения: 06.06.2023).

БТК için ilk ray (Первый рельс для БТК). Haberler, Haber, Son Dakika Haberler, Gazeteler — Yeni Şafak. 27.06.2013. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/btk-icin-ilk-ray-536081> (дата обращения: 06.06.2023).

«Demir İpek Yolu»nda Tam Gaz (Полный вперед на «Железном шелковом пути»). Kars Hüryurt Gazetesi. 04.08.2010. URL: <https://www.gazetekars.com/demir-ipek-yolunda-tam-gaz-1501h.htm> (дата обращения: 06.06.2023).

Erivan, Demir İpek Yolu'nu rüşvet vererek engelledi (Ереван заблокировал «Железный шелковый путь» взяточкой). Haberler, Haber, Son Dakika Haberler, Gazeteler — Yeni Şafak. 06.07.2006. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/erivan-demir-ipek-yolunu-rusvet-vererek-engelledi-2720944> (дата обращения: 06.06.2023).

Hamdi A. Demirle dostluk ağlarını ördüler (Хамди А. Они сплели железные сети дружбы). Haberler, Haber, Son Dakika Haberler, Gazeteler — Yeni Şafak. 25.07.2008. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/demirle-dostluk-aglarini-orduler-130875> (дата обращения: 06.06.2023).

Kars–Nahçıvan Demiryolu Projesi ile ilgili fizibilite çalışmalarının sürdürülmesi kararı alındı (Было принято решение продолжить технико-экономическое обоснование проекта железной дороги Карс–Нахичевань). Haberler, Haber, Son Dakika Haberler, Gazeteler — Yeni Şafak. 14.06.2021. URL: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/kars-nahcivan-demiryolu-projesi-ile-ilgili-fizibilite-calismalarinin-surdurulmesi-karari-alindi-3638178> (дата обращения: 06.06.2023).

Kars-Tiflis-Bakü demiryolu projesinin türkiye ayağının temeli atıldı (Заложен фундамент турецкого участка железной дороги Карс–Тбилиси–Баку). TCDD — Türkiye Cumhuriyeti Devlet Demiryolları. 09.04.2012. URL: <https://www.tcdd.gov.tr/haberler/kars-tiflis-baku-demiryolu-projesinin-turkiye-ayaginin-temeli-atildi> (дата обращения: 06.06.2023).

«Kars-Tiflis-Bakü» Ermenileri çıldırttı («Карс–Тбилиси–Баку» возбудил армян). Haberler, Haber, Son Dakika Haberler, Gazeteler — Yeni Şafak. 4.06.2005. URL: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/kars-tiflis-baku-ermenileri-cildirtti-2743821> (дата обращения: 07.06.2023).

Sanayi, demir yolu hatlarıyla beslenecek (Промышленность будет прирастать железнодорожными путями). Anadolu Ajansı. 28.10.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/sanayi-demir-yolu-hatlarıyla-beslenecek/2723070> (дата обращения: 06.06.2023).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ И ВТОРОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ НА ТРАНСПОРТЕ ЯПОНИИ

© 2023

И. Ю. Авдаков¹

Первая промышленная революция стала важнейшей переломной вехой в истории человеческого общества. Энергетической базой промышленного переворота стали паровые двигатели, которые внедрялись изначально в легкой промышленности. Переход от инструментального к машинному производству, от мануфактуры к фабрике начался в текстильной промышленности в конце XVIII в. в Англии. Затем он распространился на другие отрасли легкой и машиностроительной промышленности, некоторые виды транспорта, где было технически возможно использование паровых двигателей. Вторая технологическая революция началась в последней четверти XIX в. почти одновременно в нескольких западных странах.

Энергетической основой перевооружения экономики явились электроэнергия и продукты нефтепереработки. Новые виды энергии позволили широко применять новые двигатели в автомобильном, авиационном, морском и некоторых других видах транспорта. Быстрее стало развиваться транспортное машиностроение.

В Японии первая промышленная и вторая технологическая революции имели свои особенности. Первая промышленная революция началась в этой стране на полвека позже, чем в странах классического капитализма. Более того, переоснащение национального хозяйства началось не с легкой промышленности, а с железнодорожного транспорта. Это стало возможным благодаря импорту железнодорожной техники и технологии из западных стран, в которых уже была создана развитая по тем временам машиностроительная промышленность.

Хронологически первая промышленная и вторая технологическая революции в Японии проходили одновременно. Они явились результатом курса правительства Мэйдзи на вестернизацию. Железнодорожное строительство пережило два этапа в своем развитии: от импорта иностранной техники и технологий к сборке и самостоятельного производства железнодорожной техники. В результате первой промышленной и второй технологической революций железнодорожный и морской транспорт достигли мирового уровня. Однако новые виды транспорта, имманентные второй технологической революции, отставали от него. Причиной явилась милитаризация экономики, которая при ограниченности финансовых средств привела к тому, что приоритет в государственной поддержке был отдан железнодорожному и морскому транспорту. Тем не менее созданный уровень транспортного развития позволил Японии в ходе уже третьей научно-технической революции стать одним из главных драйверов развития транспорта в мире.

¹ Авдаков Игорь Юрьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; avdakovigor@yandex.ru
Igor Yu. Avdakov, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; avdakovigor@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3403-3479

Ключевые слова: первая промышленная революция, вторая технологическая революция, железнодорожный транспорт, морской транспорт, автодорожный транспорт

Для цитирования: Авдаков И. Ю. Особенности первой промышленной и второй технологической революций на транспорте Японии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 220–226. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-220-226

PECULAIR FEATURES OF FIRST INDUSTRIAL AND SECOND TECHNOLOGICAL REVOLUTIONS IN JAPANESE TRANSPORT

Igor Yu. Avdakov

The first industrial revolution was an important turning point in the history of human society. The energy base of the industrial revolution were steam engines, which were initially introduced in light industry. The transition from tool to machine production, from manufactory to factory began in the textile industry in England at the end of the 18th century. Then it spread to other branches of the light and engineering industries, some types of transport, where it was technically possible to use steam engines. The second technological revolution began in the last quarter of the 19th century almost simultaneously in several western countries. The energy basis of the new reequipment of the economy was electricity and oil products. New types of energy have made it possible to widely use of new engines in automobile, aviation, marine and some other modes of transport. Transport engineering began to develop faster.

In Japan the first industrial and second technological revolutions had peculiar features. The first industrial revolution began half a century later than in other countries of classical capitalism. Moreover, the re-equipment of the national economy began not with light industry but with railway transport. This became possible thanks to the import of railway equipment and technology from Western countries, in which the machine-building industry, developed at that time, had already been created. As a result of the first industrial and second technological revolutions the railway and maritime transport reached a high world level. But the new branches of transport that flourished during the years of the second revolution did not meet high Western standards. The reason was the Japanese policy of militarization of the economy, as a result of which priority was given to rail and maritime transport. Nevertheless, the created level of transport development allowed Japan, during the ensuing third scientific and technological revolution, to become one of the main drives for the development of world transport.

Keywords: the first industrial revolution, the second technological revolution, railway transport, maritime transport

For citation: Avdakov I.Y. Peculiar features of first industrial, and second technological revolutions in Japanese transport. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 220–226. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-220-226

Преобразование структуры современной экономики в результате бурного развития информационных технологий и их широкого применения в национальных хозяйствах представляется ярким проявлением четвертой промышленной революции. Цифровые технологии внедряются практически во все отрасли экономики, включая транспорт. Эти процессы происходят неодинаково в различных странах. Как и в ходе предыдущих промышленных революций, техническое переоснащение транспорта имело свои национальные особенности.

Во время первой промышленной революции, начавшейся в конце XVIII в. в Англии и затем распространившейся в целом ряде капиталистических стран, произошел переход

от инструментального к машинному производству, от мануфактуры к фабрике, от мускульной энергии к паровой. Российский экономист А. В. Акимов отмечал, что «радикальные технологические изменения, получившие название промышленных революций, начались в 60-х годах XVIII в. с изобретения парового двигателя. Его распространение в промышленности и на транспорте стало первой промышленной революцией» [Акимов, 2018, с. 93]. Техническое переоснащение транспорта в странах классического капитализма заняло более длительное время, чем механизация промышленности². Для производства новой транспортной техники необходима была развитая транспортная промышленность, которой не было изначально. Более того, потребности развития международной торговли настоятельно диктовали необходимость первоочередного развития морского судоходства. Техническое переоснащение морского транспорта произошло раньше, так как объем капиталовложений в его развитие был меньше, чем в железнодорожный транспорт, который развивался с чистого листа. Такова классическая модель перевооружения транспорта в ходе первой промышленной революции.

Вторая технологическая революция в передовых странах Запада началась в последней четверти XIX столетия. К этому времени широкое применение паровых двигателей на железнодорожном транспорте сопровождалось невиданно быстрым строительством инфраструктуры. Железнодорожное строительство было беспрецедентно стремительным. В судостроении произошёл переход к паровым стальным судам. Как справедливо отмечал советский и российский востоковед Г. К. Широков, «...появление новых двигателей позволило реализовать множество изобретений, накопившихся у человечества к концу XIX в. (автомобиль, самолет, трактор, экскаватор и пр.), которые не могли состояться при первой двигательной установке» [Широков, 1998, с. 49–50].

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

В Японии техническое перевооружение транспорта в ходе первой промышленной и второй технологической революций имело свои особенности. Первый промышленный переворот в Стране восходящего солнца начался на полвека позже, чем в странах классического капитализма, с развития железнодорожного транспорта и других путей сообщения. Известный российский японовед И. П. Лебедева отмечала: «Вскоре после начала реформ правительство приступило к коренной перестройке системы сообщений, столь необходимой для модернизации экономики страны» [Лебедева, 1998, с. 61].

В отличие от стран классического капитализма первоочередное развитие железнодорожного транспорта Японии стало возможным благодаря импорту железнодорожной техники и технологии из западных стран, в которых уже была создана развитая по тем временам машиностроительная промышленность.

Первый этап в развитии железнодорожного транспорта Японии и освоении западной технологии начался с открытия дороги Токио — Иокогама в 1872 г. Во второй половине 1870-х годов строительство дорог велось крайне медленно, что объясняется разразившимся в стране общеэкономическим кризисом. Разработанный еще в начале 1870-х годов проект строительства государственной железной дороги между Токио и Осака был отложен, а строительство железной дороги вдоль шоссе Накасендо, проходившего поперек крупнейшего японского острова Хонсю, началось лишь в 1883 г. В это время правительство Мэйдзи, проводившее с 1880 г. антикризисные экономические реформы, приступило к осуществлению плана форсированного

² Промышленная революция началась с технического перевооружения прежде всего легкой промышленности.

железнодорожного строительства вдоль Накасендо. Финансирование строительства осуществлялось в значительной мере за счет средств, поступавших от продажи железнодорожных бонов физическим и юридическим лицам.

Стоимость строительства в гористой местности превзошла самые худшие ожидания. Все работы велись медленно, но не только и не столько по финансовым причинам, сколько из-за возникших в ходе строительства инженерно-технических проблем. Но еще до завершения строительства этой железной дороги в ноябре 1886 г. началось строительство впоследствии самой известной дороги вдоль Токайдо. Продвигалось оно весьма быстро по тем временам [Eiichi Aoki, Mitsuhiro Imasiro, Sinichi Kato, 2000, p. 15].

К июлю 1889 г. дорога от Токио до Кобэ (ок. 600 км) была завершена. Это был крупный успех в железнодорожном строительстве Японии, учитывая то, что строительство дороги осуществлялось при самом активном участии инженеров — выпускников Осацкого колледжа по подготовке инженеров (Когисей Ёсэйдзё). Колледж был основан еще в мае 1877 г. и стал первым японским национальным образовательным учреждением в этой области. Выпускники колледжа также принимали участие в строительстве железной дороги между Киото и Оцу (продолжение линии Кобэ — Осака — Киото), включая прокладку 646-метрового туннеля в Осака-яма (завершен в 1880 г.) — первого горного туннеля, спроектированного и построенного японскими инженерами [Eiichi Aoki, Mitsuhiro Imasiro, Sinichi Kato, 2000, p. 13].

К 1890 г. завершился первый этап освоения японцами всего железнодорожного комплекса (включая производство подвижного состава и сигнальной техники). К этому времени строить железные дороги и управлять ими стали в основном японские специалисты, расписание составлялось тоже национальными кадрами, а локомотивами управляли только японцы уже с 1885 г. Однако все паровозы еще импортировались, национальный выпуск вагонов не отвечал в полной мере спросу. Сборка вагонов началась на государственном заводе в Кобэ в 1875 г. В 1880 г. появился вагоностроительный завод в Симбаси. Постепенно импорт вагонов из-за рубежа временно прекратился, но уже в конце 1890-х годов производственные мощности заводов в Кобэ и Симбаси стали недостаточны для выпуска такого числа вагонов, который отвечал бы увеличивающемуся на них спросу. С этого времени возобновился импорт вагонов из Англии и Германии [Eiichi Aoki, Mitsuhiro Imasiro, Sinichi Kato, 2000, p. 35].

Второй этап освоения японцами мировой железнодорожной техники и технологии начался, несмотря на экономический кризис, в первой половине 1890-х годов. В 1893 г. на заводе в Кобэ был собран в основном из импортных частей первый японский локомотив. В 1895 г. тендерный локомотив был выпущен на заводе в Темия, принадлежавшем «Хоккайдо Танко Тэцудо». С этого времени появляется целый ряд национальных паровозостроительных заводов, на которых по моделям английских и немецких паровозов и в основном из импортных компонентов собирались локомотивы.

Выпуск стали для отдельных частей локомотивов начался в Японии на образованном в 1901 г. сталеплавильном заводе в Явата. Однако качество выплавляемой стали не в полной мере отвечало потребностям локомотивостроительных заводов, и только отдельные детали, не требовавшие серьезной технологической обработки, изготавливались на местных заводах. Лишь с 1920-х гг. началось полномасштабное отечественное производство колес, труб и других, требующих специальной обработки, изделий из стали. С этого времени количество сложных изделий для локомотиво- и вагоностроительных заводов, производимых на национальных предприятиях, превысило число импортируемых деталей. Производство подвижного состава, рельсов, строительство и управление железными дорогами японцы взяли в свои руки, то есть

весь железнодорожный комплекс стал национальным [Eiichi Aoki, Mitsuhide Imasiro, Sinichi Kato, 2000, p. 34].

В конце 1890-х — начале 1900-х гг. началась электрификация железных дорог. Первая электрифицированная железная дорога протяженностью 6,9 км была построена между Киото и Фусими вдоль р. Ёдо. В феврале 1895 г. дорога начала функционировать, а впоследствии ее маршрут был продлен вглубь Киото. В Токио начавшая функционировать в 1882 г. конная железная дорога «Токё Бася Тэцудо» с 1900 г. перешла на электротягу и была переименована в трамвайную компанию «Токё Дэнси Тэцудо». В этот же год начинает действовать и другая трамвайная компания — «Токё Сигаи Тэцудо», в 1904 г. появляется еще одна компания — «Токё Дэнки Тэцудо». Все три трамвайные компании были объединены в 1906 г. и образовали самую крупную городскую трамвайную компанию в стране «Токё Тэцудо». В 1905 г. компания «Хансин Дэнтэцу» соединила г. Осака и Кобэ протяженной трамвайной линией, а уже к 1930 г. все частные пригородные компании перешли на электротягу [Eiichi Aoki, Mitsuhide Imasiro, Shinichi Kato, 2000, p. 25–26].

Итак, от появления первой железной дороги (на паровой тяге) до начала электрификации железных дорог прошло менее четверти века. По сути, промышленная и вторая технологическая революции на железнодорожном транспорте (как и во всей экономике) Японии проходили исторически почти одновременно, в то время как в Англии интервал между двумя революциями составил чуть ли не целый век. В области железнодорожного транспорта Япония начала переход от вестернизации к самостоятельному догоняющему развитию.

РАЗВИТИЕ МОРСКОГО ТОРГОВОГО СУДОХОДСТВА

В ходе двух первых технологических революций развитие японского торгового флота шло скачками, причем каждый скачок был связан с очередной войной. Уже в 1914 г. на долю Японии приходилось 3,8% мирового тоннажа, и она занимала шестое место. В 1930 г. суммарный тоннаж — 2060 крупных паровых и моторных судов (4,3 млн т) — составлял 6,3% мирового тоннажа, и Япония стояла уже на третьем месте после Англии и США, несколько впереди Германии. Рост торгового флота Японии привел к тому, что с конца XIX в. ее внешняя торговля все в большей мере обслуживалась ее собственными судами [Зиман, Шморгонер, 1931, с. 569].

Без иностранных судов обходились вся внутренняя торговля и $\frac{2}{3}$ внешнего грузооборота японских портов. Насколько высока эта норма, видно из того, что в 1928 г. внешний грузооборот Англии был обслужен ее собственными судами на 62,3%, Германии соответственно на 42,1%, США — на 39,2%. В то же время японские судоходные компании завоевали значительное влияние во внешней торговле других стран, особенно Китая и Индии. В 1928 г. 25% всего грузооборота в китайских портах и 6% внешнего грузооборота в индийских выполнено японскими судами. В 1931 г. японские пароходные фирмы совершали регулярные рейсы во все важнейшие порты мира [Зиман, Шморгонер, 1931, с. 569].

Быстрое развитие морского транспорта Японии в межвоенный период поставило ее если и не в один ряд с такой крупной морской державой, как Англия, то, бесспорно, на одну из лидирующих позиций в мировом судоходстве. Страна создала мощную судостроительную и судоремонтную индустрию, которая обеспечила собственное производство кораблей. Морские перевозки осуществлялись преимущественно отечественными судами. Японские судоходные монополии при поддержке государства стали мощным орудием продвижения страны на рынки морского фрахта. Уже в довоенное время Япония создала прочную научно-техническую основу,

на которой впоследствии стала лидером в мировом судоходстве. Произошел переход от паровой тяги к тепловой, от парового двигателя к двигателю внутреннего сгорания. Пароходы заменились теплоходами, а деревянные суда стальными.

СТАНОВЛЕНИЕ АВТОДОРОЖНОГО И АВИАЦИОННОГО ТРАНСПОРТА

Если в начале революции Мэйдзи основную роль в транспортировке грузов на большие и средние расстояния играло прибрежное судоходство, то в ходе преобразований первой промышленной революции главное значение приобрел железнодорожный транспорт. Тем не менее на малые расстояния грузы перевозились тягловым и гужевым транспортом, а людей доставляли на тележках, перевозимых рикшами.

Японское автомобилестроение зародилось лишь в 1902 г. с большим отставанием от индустриальных стран. Вслед за этим стали появляться все новые предприятия автопрома, но их число было незначительным, а технико-экономические показатели автомашин значительно ниже мировых. Продукция японских автомобилестроительных предприятий не могла конкурировать с автомобилями, грузовиками и автобусами производства США.

После Великого токийского землетрясения 1923 г. американские компании «Форд» и «Дженерал Моторс», разработавшие передовую технологию, современный маркетинг и совершенную ремонтную и автозаправочную базу, создали в 1925–1926 гг. свои филиалы в Японии и начали сборку грузовых и легковых автомобилей из импортных деталей. Всего в 1928/29 финансовом году в стране насчитывалось 40 281 пассажирских и 20 252 грузовых автомобиля. И хотя импортных легковых и грузовых автомобилей было меньше — 16 000, все же на них перевозилось больше грузов и людей [Зиман, Шморгонер, с. 592].

Вплоть до Второй мировой войны громадную роль в перевозках на незначительные расстояния сохраняли рикши. В 1928/29 финансовом году насчитывалось 2116000 тележек, перевозимых рикшами. Сохранение рикш наряду с трамваями и автомобилями объясняется их дешевизной [Зиман, Шморгонер, 1931, с. 594].

Одним из главных препятствий развитию автотранспорта Японии явилось нежелание центральных и местных властей вкладывать денежные средства в дорожную инфраструктуру. В итоге японский автомобильный транспорт значительно отставал от автотранспорта экономически более развитых стран. В 1934 г. в Японии насчитывалось 109 тыс. автомашин, что несопоставимо с количеством автомашин в США — 23,8 млн и Германией — 866 тыс. Число легковых автомашин на душу населения составляло менее 1% от аналогичного показателя для США и около 10% — Европы. Основу автопарка составлял общественный транспорт — автобусы и такси. Грузовой автотранспорт обслуживал военное производство и армию.

Еще труднее шло становление авиационной промышленности Японии. Первые шаги в этой отрасли были сделаны лишь после Первой мировой войны. В это время авиационность в передовых странах Европы и США уже бурно развивалась. В середине 1920-х гг. были сконструированы и построены первые японские самолеты, собранные на фирме Мицубиси — истребитель модели 13 (1924 г.) и модель 88 — разведывательный самолет фирмы Кавасаки. Обе модели были созданы по импортной технологии [Japan, 1933, p. 86].

Растущее отставание грузового и пассажирского автомобильного, а также авиационного транспорта во многом объяснялось тем, что в условиях милитаризации экономики власти основное внимание уделяли решению военно-транспортных задач. От значительных государственных капиталовложений гражданскому транспорту, за исключением имевших двойное

назначение железных дорог, доставалась лишь малая часть. В последующие годы в условиях демилитаризации экономики в послевоенной Японии стал быстро развиваться автомобильный транспорт, а позже и автопром, и автодорожный транспорт стали мировыми лидерами в своей области. Национальная авиапромышленность не развивалась в результате сперва запрета американских оккупационных властей, а затем и особенностей транспортной стратегии быстро развивающейся Японии.

В заключение следует отметить, что в результате первой промышленной и второй технологической революций в Японии была создана развитая транспортная инфраструктура. Она стала мощной основой для дальнейшего технического прогресса не только в области транспорта, но и других подразделений экономики. Эта прочная инфраструктурная основа позволила стране в ходе уже третьей научно-технической революции выйти в группу мировых экономических лидеров.

Литература / References

Акимов А. В. Четвертая промышленная революция и формирование новой системы производительных сил. *Страны Азии и Африки в XXI веке и научно-технический прогресс*. Отв. ред.: Акимов А. В., Дерюгина И. В. М., 2018 С. 93–101 [Akimov A. V. The Fourth Industrial Revolution and Formation of a New System of Productive Forces: Economic Development and Scientific Progress. *Asian and African Countries in the XXI Century: Economic Development and Scientific Progress*. Managing Editors: Akimov A. V., Derugina I. V. Moscow, 2018. Pp. 93–101 (in Russian)].

Зиман Л., Шморгонер Д. Япония. Экономический очерк (с. 569–611). *Большая советская энциклопедия*. М., 1931. Т. 65. С. 1–900 [Ziman L., Shmorgoner D. Japan. Economic essay (pp. 569–611). *Great Soviet Encyclopedia*. Moscow, 1931. Vol. 65. Pp. 1–900 (in Russian)].

Лебедева И. П. Роль государства в развитии промышленности / *История Японии*. Отв. ред. Жуков А. Е. М., 1998. С. 60–63 [Lebedeva I. P. The Role of the State in the Development of Industry / *The History of Japan*. Managing Editor Zukov A. E. Moscow, 1998. Pp. 60–63 (in Russian)].

Широков Г. К. *Парадоксы эволюции капитализма*. М., 1998. С. 1–214 [Shirokov G. K. *Paradoxes of the Development of Capitalism*. Moscow, 1998. Pp. 1–214 (in Russian)].

Eiichi Aoki, Mitsuhide Imashiro, Shinichi Kato, Yasuo Wakuda. *A History of Japanese Railways 1872–1999*. Tokyo, 2000. Pp. 1–256.

Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo, 1993. Pp. 1–1924.

Japanese Railway Technology Today. Tokyo, 2001. Pp. 1–226.

Иллюстрации к статье:

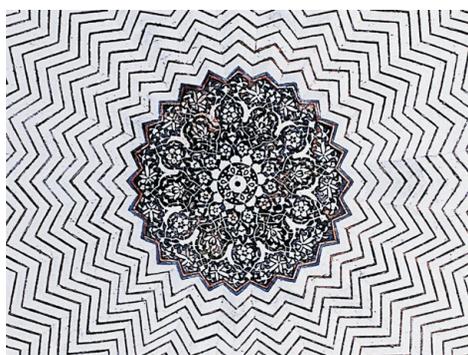
*А. А. Козлова. Демография Дели в XVIII — первой половине XIX в.:
динамика численности населения*

Рис. 1. Фероз-шах котла. Фото автора

Рис. 2,3. Усыпальница Хумаюна. Фото автора

*Рис. 4. Усыпальница Хумаюна,
внутренний декор. Фото автора*

*Рис. 5. Мечеть Иса-кхана,
декоративный элемент.
Фото автора*

Рис. 6. Общий вид на Дели, 1865 г. Фото Samuel Bourne. © The British Library Board. Источник: <https://www.bl.uk/onlinegallery/onlineex/apac/photocoll/g/019pho00000011u00064000.html>

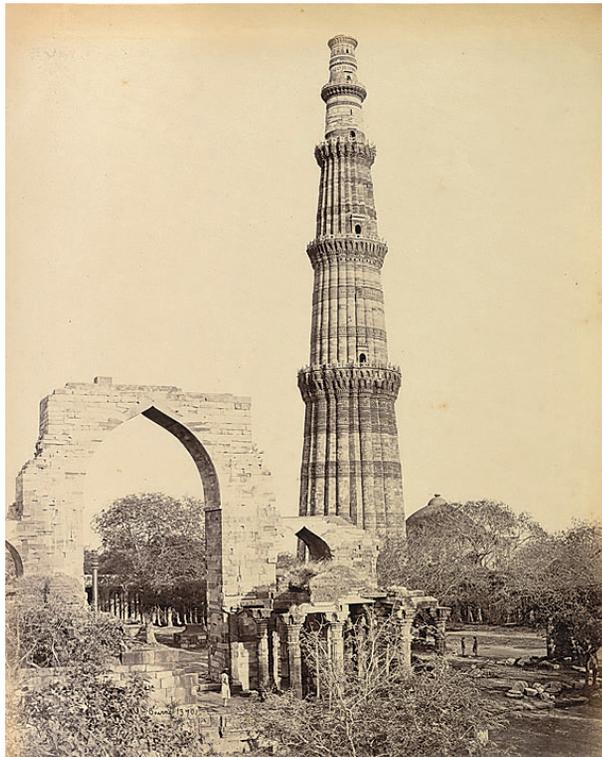

Рис. 8. Минарет Кутуб (Qutb) и арка, Дели. 1865 г. Фото Samuel Bourne. © The British Library Board. Источник: <https://www.bl.uk/onlinegallery/onlineex/apac/photocoll/t/019pho0000002s3u00077000.html>

Рис. 7. Вид на мечеть Джамма Масджид, Дели. 1865 г. Фото Samuel Bourne. © The British Library Board. Источник: <https://www.bl.uk/onlinegallery/onlineex/apac/photocoll/t/019pho00000011u00066000.html>

Иллюстрации к статье:

Т. А. Филиппова. На периферии истории и географии: образ Турции на сатирических картах мира эпохи Первой мировой войны

Рис. 1. Херефордская карта / Hereford Mappa Mundi, ок. 1300. Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Hereford-Karte.jpg#/media/File:Hereford_Mappa_Mundi.jpg

Рис. 2. «Here Be Dragons». The Psalter World Map / Карта мира Псалтири, ок. 1265. Источник: <https://www.worldhistory.org/image/14126/psalter-world-map>

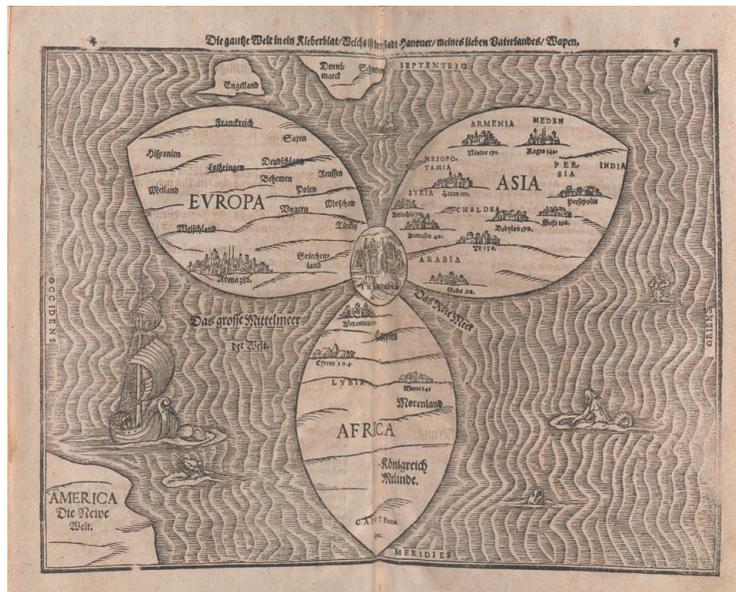

Рис. 3. Карта мира в виде Трилистника / Die gantze Welt in einem Kleberblat / Clover Leaf World Map. Книжная карта в: «Itinerarium Sacrae Scripturae». Magdeburg, 1589. Автор – Геинрих Бантинг. Источник: https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~347172~90114643:-Clover-Leaf-World-Map--Die-gantze-?sort=pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no&qvq=q:Pegasus;sort:pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no;lc:RUMSEY~8~1&mi=2&trs=80

Рис. 4. «Азия в виде Пегаса» / «Asia Secunda Pars Terræ in Forma Pegasir» / «Asia in the Form of Pegasus». Книжная карта в: «Itinerarium Sacrae Scripturae». Magdeburg, 1589. Автор – Гейнрих Бантинг. Источник: https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~347175~90114642:Asia-Secunda-Pars-Terræ-in-Forma-P?sort=pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no&qvq=q:Pegasus;sort:pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no;lc:RUMSEY~8~1&mi=5&trs=80

Рис. 5. «Великая война. 1914» / «The Great War 1914». Caricature Map of Europe. 1914 (Иллюстрация американского художника Кита Томпсона к роману американско-австралийского писателя-фантаста Скотта Уэстфилда «Левиафан».) Источник: <http://www.keiththompsonart.com/pages/grandmap.html>

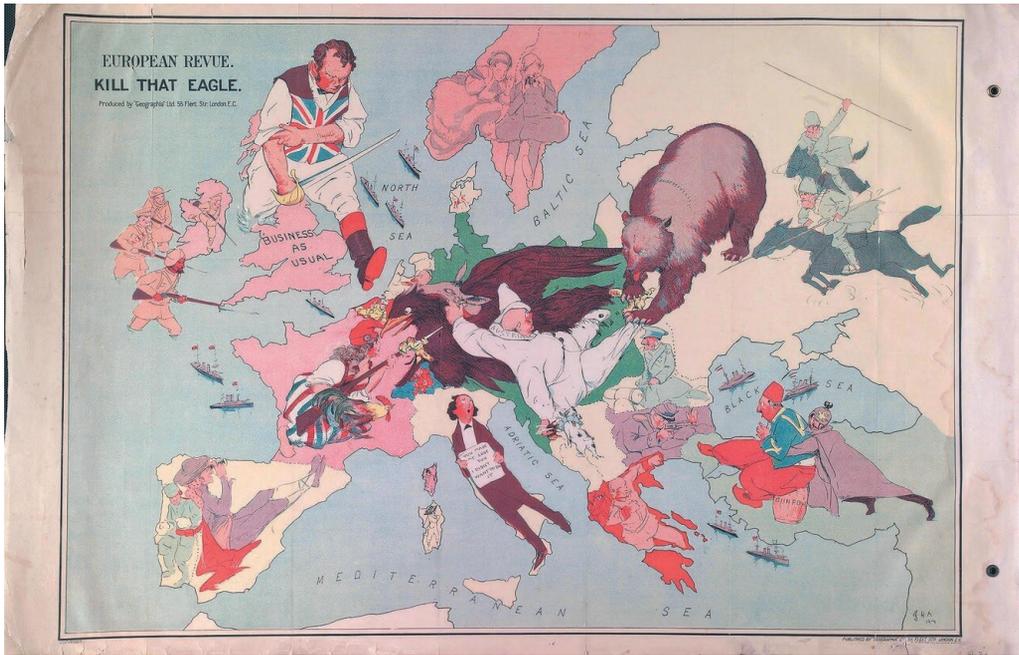

Рис. 6. «Европейское ревью. Убейте этого орла!» / «European Review. Kill that eagle». London, 1914. Автор – J.H. Amschewitz. Источник: https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~268586~90042817:European-Review--Kill-That-Eagle?sort=pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no&qvq=q:kill%20that%20eagle;sort:pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no;lc:RUMSEY~8~1&mi=1&trs=2

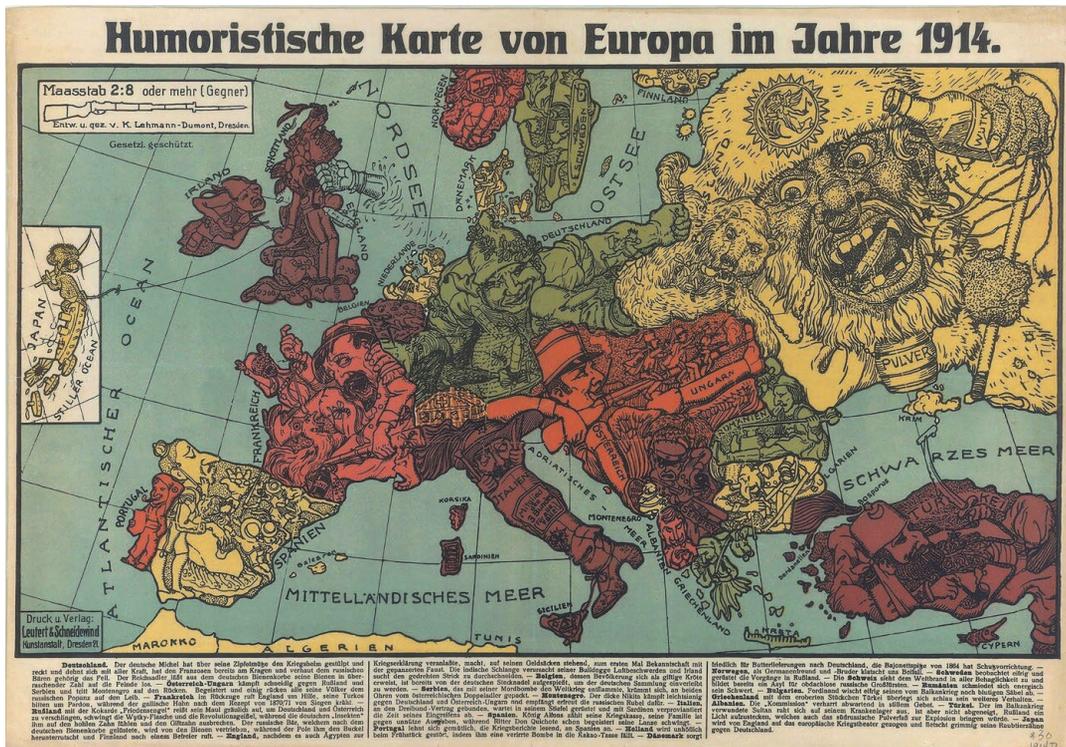

Рис. 7. «Юмористическая карта Европы в 1914 году». «Humoristische Karte von Europa im Jahre 1914». Dresden, 1914. Источник: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g8714

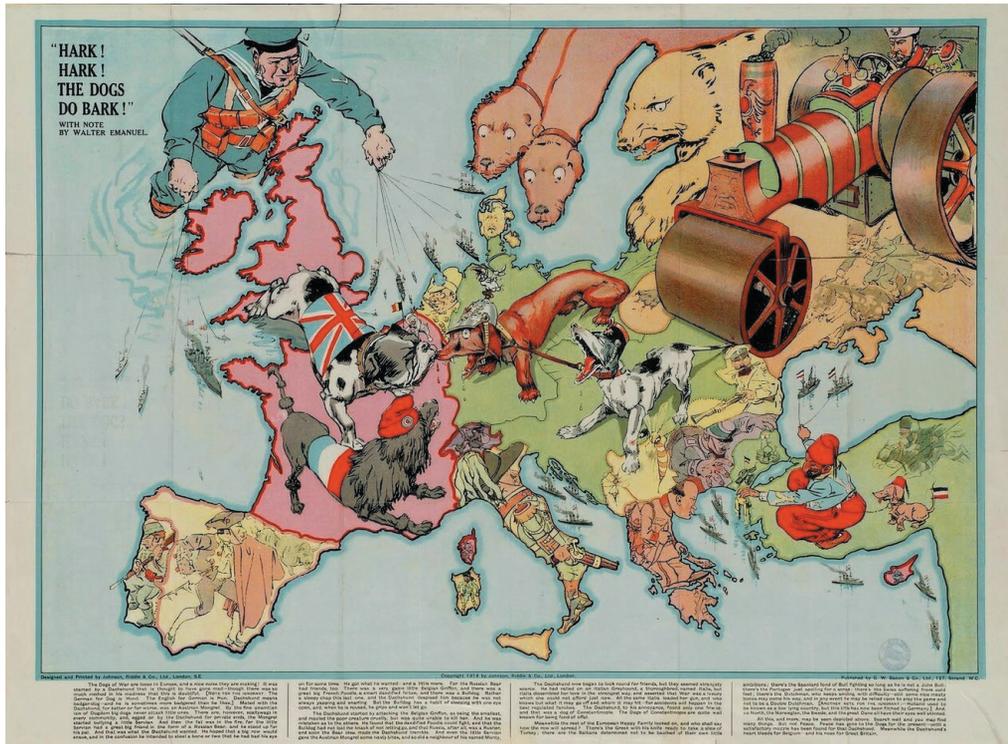

Рис. 8. «Слушайте! Слушайте! Собаки лают!» / «Hark! Hark! The dogs do bark!». Комическая карта Европы. London, 1914. Источник: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g8704

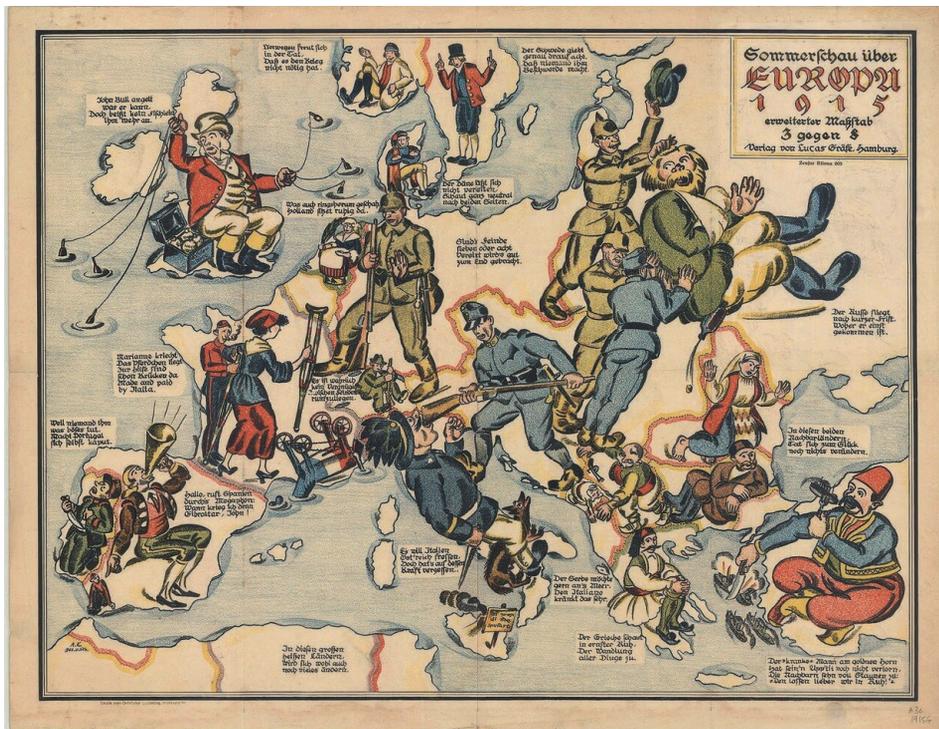

Рис. 9. «Европа летом 1915 года» / «Sommerschau über Europa 1915». Гамбург, 1915. Автор – А.К. Источник: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g8716

Рис. 10. «Краткий обзор Европы весной 1915 года» / «Gedrängte Frühjahrsübersicht von Europa im Jahre 1915». Гамбург, 1915. Автор – А.К.

Источник: <https://uvaerfgoed.nl/beeldbank/en/xview/?identifier=hdl:11245/3.333>

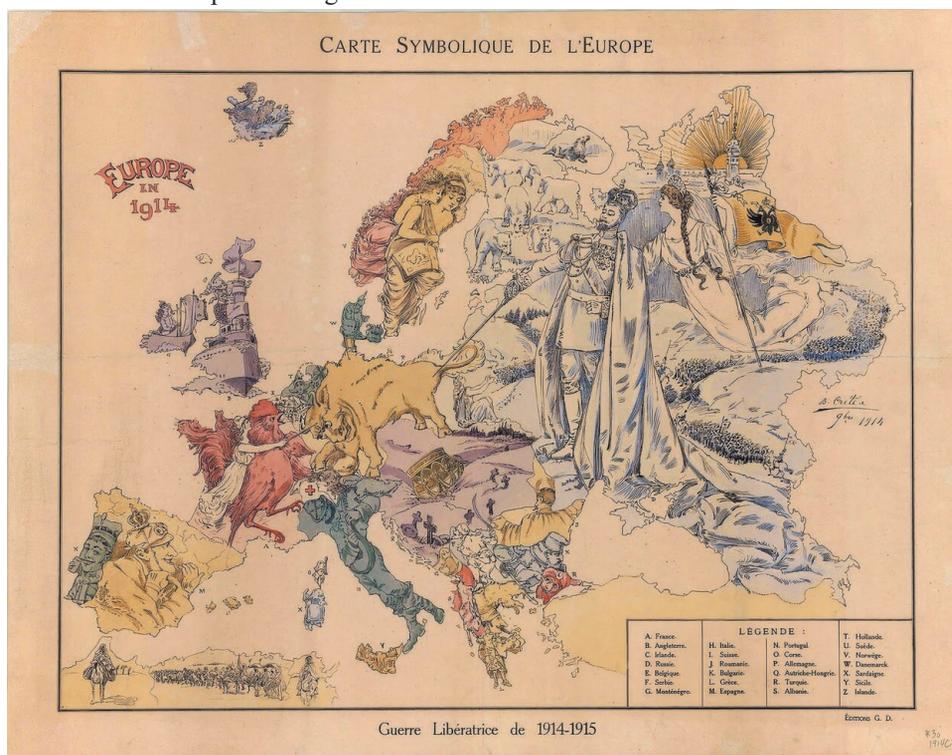

Рис. 11. «Символическая карта Европы в 1914 году» / «Carte symbolique de l'Europe. 1914». 1914.

Источник: <https://www.bnf.fr/fr/mediatheque/carte-symbolique-de-leurope-leurope-en-1914-1914>

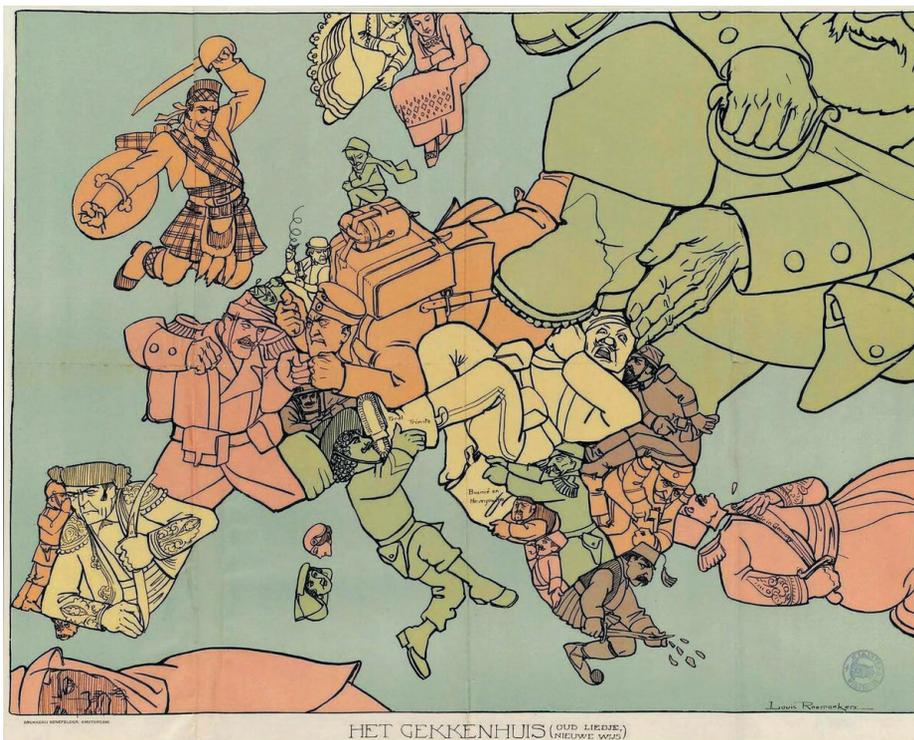

Рис. 12. «Сумасшедший дом» / «Het Gekkenhuis» (oud Liedje, Nieuwe Wijs). Нидерланды, 1915.
 Автор – Louis Raemaekers. Источник: <https://www.oldworldauctions.com/catalog/lot/142/402>

Рис. 13. «Театр европейских военных действий – 1914-1915». Франция – Швейцария, 1915.
 Автор – André Huguenin. Источник: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/13927>

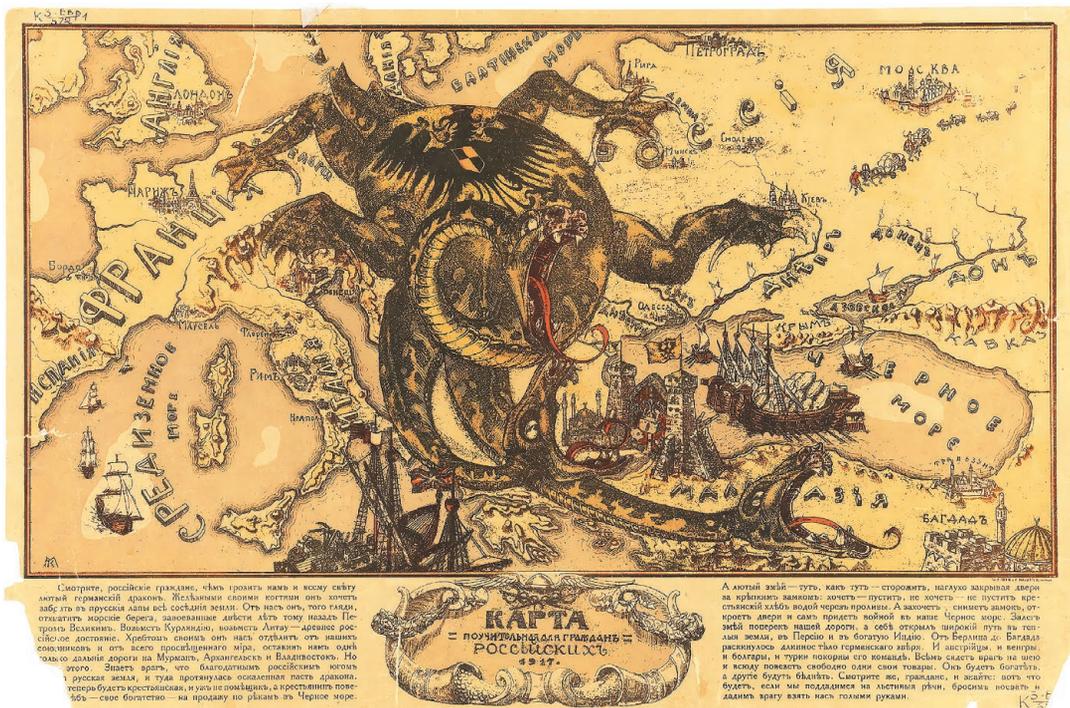

Рис. 14. «Карта, поучительная для граждан российских». Петроград, 1917.
 Источник: https://museum-online.moscow/entity/OBJECT/iss3_migm_199339

Иллюстрации к статье:
 Ю. Р. Дасни. Езидский зиккурат

Рис. 3. Врата Шихади — главный вход в зиккурат Лалиш. Фото автора

Рис. 4. Мост Сурат. Фото автора

Иллюстрации к статье:

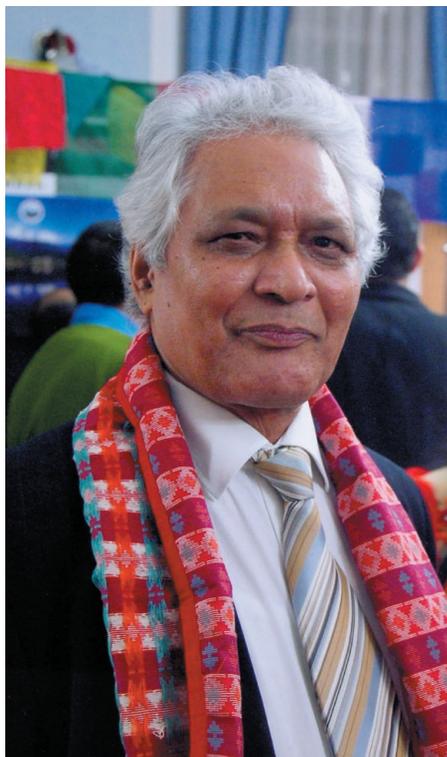
И. В. Федулов. Дорога Баку – Тбилиси – Карс: прошлое и настоящее

Рис. 1. Осмотр поездов лидерами Турции, Грузии и Азербайджана на церемонии открытия линии Баку–Тбилиси–Карс в г. Баку, 30 октября 2017 г. Источник: Baku-Tbilisi-Kars Railway represents new Silk Road's middle corridor // Daily Sabah. 08.11.2017. URL: <https://www.dailysabah.com/op-ed/2017/11/08/baku-tbilisi-kars-railway-represents-new-silk-roads-middle-corridor>

Рис. 2. Логистический центр в г. Карсе (Турция). Источник: <https://rayhaber.com/2021/12/kars-lojistik-merkezi-yuruyus-yolu-ve-aydinlatma-yapilmasi-isi/kars-lojistik-merkezi>

Кришна Пракаш Шрестха
(1937–2021)

Алаев Леонид Борисович
(1932–2023).
Рисунок Н. В. Винокуровой, 2022 г.

РИСК ЗАМОРОЗКИ ЗАРУБЕЖНЫХ АКТИВОВ КИТАЯ: ОЦЕНКА ВОЗМОЖНЫХ МАСШТАБОВ И ПОСЛЕДСТВИЙ

© 2023

Ю. А. Макеев¹

Реализовавшийся в ходе противостояния России и Запада сценарий заморозки российских зарубежных активов продемонстрировал наличие риска реализации аналогичного сценария и в случае обострения отношений между Китаем и западными странами. В статье проведен анализ характера и структуры различных внешних активов КНР. Основой для анализа послужили статистические данные международной инвестиционной позиции Китая. Интегрированность Гонконга в экономику Китая определила необходимость учета данных международной инвестиционной позиции специального административного района при оценке рисков заморозки внешних активов. Дополнительно анализируемые показатели были скорректированы с целью нивелирования эффекта так называемых круговых инвестиций. Круговые инвестиции, основанные на аккумулировании китайского по сути капитала в мировых оффшорных центрах, приводят к существенному искажению статистических данных по трансграничным потокам капитала. На основе скорректированных показателей международной инвестиционной позиции была произведена оценка наиболее вероятных направлений действий властей КНР с целью минимизации рисков возможной заморозки зарубежных активов. Скорректированные статистические показатели свидетельствуют о существенном занижении чистой международной позиции Китая. Действия властей, по всей видимости, будут способствовать репатриации ранее выведенного в оффшорные центры капитала. Увеличение притока капитала может в среднесрочной перспективе привести к росту валютных резервов и стимулировать активизацию инвестиций (прямых и портфельных) из Китая в дружественные страны. В целом риск заморозки зарубежных активов по итогам произведенного анализа был оценен как контролируемый, а негативные последствия в случае реализации риска – как поддающиеся минимизации.

Ключевые слова: Китай, конфликт КНР и Запада, риск заморозки зарубежных активов, международная инвестиционная позиция КНР

Для цитирования: Макеев Ю. А. Риск заморозки зарубежных активов Китая: оценка возможных масштабов и последствий. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 227–234. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-227-234

THE RISK OF A FREEZE OF CHINA`S FOREIGN ASSETS: ASSESSING THE POSSIBLE SCALE AND CONSEQUENCES

Yuri A. Makeev

¹ Макеев Юрий Анатольевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; j.makeev@ivran.ru
Yuri A. Makeev, PhD (Economy), Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; j.makeev@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-7117-1825

The scenario of freezing Russian foreign assets, which was realized during the confrontation between Russia and the West, demonstrated the risk of a similar scenario being realized in the event of an aggravation of relations between China and Western countries. The article analyzes the nature and structure of various external assets of the PRC. The analysis was based on statistical data on China's international investment position. The integration of Hong Kong into the Chinese economy determined the need to take into account the data of the international investment position of the Special Administrative Region when assessing the risks of freezing external assets. Additionally, the analyzed indicators were adjusted in order to level the effect of the so-called round-tripping investments. Round-tripping investments based on the accumulation of essentially Chinese capital in the world's offshore centers lead to a significant distortion of statistical data on cross-border capital flows. Based on the adjusted indicators of the international investment position, an assessment was made of the most likely directions for the actions of the PRC authorities in order to minimize the risks of a possible freezing of foreign assets. Adjusted statistics show a significant understatement of China's net international investment position. The actions of the authorities, most likely, will contribute to the repatriation of capital previously withdrawn to offshore centers. An increase in capital inflows may, in the medium term, lead to an increase in foreign exchange reserves and stimulate more investment (direct and portfolio) from China to friendly countries. In general, the risk of freezing foreign assets, based on the results of the analysis, was assessed as controllable, and the negative consequences in the event of the risk materializing as minimizable.

Keywords: China, conflict between China and the West, the risk of freezing foreign assets, China's international investment position

For citation: Makeev Yu. A. The Risk of a Freeze of China's Foreign Assets: Assessing the Possible Scale and Consequences. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 227–234. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-227-234

Одним из инструментов коллективного Запада (глобального Севера) в сдерживании России стала заморозка внешних активов — валютных резервов Центрального Банка РФ, зарубежных активов российских корпораций и частных лиц. В дальнейшем страны Запада не исключают изъятия (конфискации) замороженных активов с последующим их (или средств, вырученных от их реализации) использованием на цели, связанные с противодействием российским интересам в различных областях. До недавнего времени вероятность заморозки внешних активов крупнейших стран мира можно было оценить как крайне низкую. Развитие конфликта на Украине продемонстрировало, что сценарий заморозки внешних активов может быть использован Западом и в случае обострения отношений с другими странами, в частности, с Китаем. В этой связи представляется актуальным проведение анализа внешних активов КНР на предмет возможной их заморозки и оценка воздействия подобного развития событий на китайскую и мировую экономику, а, соответственно, на российско-китайские торгово-экономические связи и опосредованно на российскую экономику.

Наиболее точное представление о балансе и структуре накопленных той или иной страной внешних активов и обязательств дают статистические данные о международной инвестиционной позиции. Международная инвестиционная позиция представляет собой статистический отчет, отражающий стоимость финансовых требований резидентов к нерезидентам, обязательств резидентов перед нерезидентами, а также золота (в форме резервного актива). Данные о международной инвестиционной позиции КНР представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Международная инвестиционная позиция КНР (млрд долл. США, по данным на конец соответствующего года)

	2010 г.	2015 г.	2022 г.
Чистая международная инвестиционная позиция	1 484	1 699	2 531
Активы	4 142	6 223	9 258
1 Прямые инвестиции	339	1 156	2 795
1.1 Участие в капитале и паи/акции инвестиционных фондов	234	972	2 430
1.2 Долговые инструменты	105	184	364
1.a Финансовый сектор	Н.д.	Н.д.	391
1.b Нефинансовый сектор	Н.д.	Н.д.	2 403
2 Портфельные инвестиции	259	269	1 033
2.1 Участие в капитале и паи/акции инвестиционных фондов	65	169	590
2.2 Долговые инструменты	194	99	443
3 Производные финансовые инструменты (кроме резервов) и опционы на акции для работников	0	4	30
4 Прочие инвестиции	630	1 389	2 092
4.1 Прочее участие в капитале	0	0	10
4.2 Наличная валюта и депозиты	205	360	514
4.3 Ссуды и займы	117	457	840
4.4 Страхование, пенсионное обеспечение и стандартные схемы гарантий	0	17	26
4.5 Торговые кредиты и авансы	206	514	617
4.6 Прочая дебиторская задолженность	102	41	85
5 Резервные активы	2 914	3 406	3 307
5.1 Монетарное золото	48	60	117
5.2 Специальные права заимствования	12	10	51
5.3 Резервная позиция в МВФ	6	5	11
5.4 Валютные резервы	2 847	3 330	3 128
5.5 Прочие резервные активы	0	1	0
Обязательства	2 658	4 524	6 727
1 Прямые инвестиции	1 570	2 696	3 497
1.1 Участие в капитале и паи/акции инвестиционных фондов	1 471	2 496	3 169
1.2 Долговые инструменты	99	200	327
1.a Финансовый сектор	Н.д.	Н.д.	199
1.b Нефинансовый сектор	Н.д.	Н.д.	3 297
2 Портфельные инвестиции	451	858	1 781
2.1 Участие в капитале и паи/акции инвестиционных фондов	434	638	1 124
2.2 Долговые инструменты	18	220	657
3 Производные финансовые инструменты (кроме резервов) и опционы на акции для работников	0	5	18
4 Прочие инвестиции	637	964	1 432
4.1 Прочее участие в капитале	0	0	0

	2010 г.	2015 г.	2022 г.
4.2 Наличная валюта и депозиты	165	327	527
4.3 Ссуды и займы	239	329	403
4.4 Страхование, пенсионное обеспечение и стандартные схемы гарантий	0	9	27
4.5 Торговые кредиты и авансы	211	272	383
4.6 Прочая дебиторская задолженность	22	17	44
4.7 Специальные права заимствования	0	10	48

Источник: <https://www.safe.gov.cn/en/2018/0928/1459.html> (дата обращения: 03.06.2023)

По данным Государственного валютного управления КНР, китайское государство, его граждане и компании накопили значительные объемы зарубежных активов. По состоянию на конец прошлого года совокупные активы Китая, используемые при расчете показателя международной инвестиционной позиции, оценивались в 9,258 трлн долл. США. Следует отметить, что объем зарубежных активов Китая в абсолютном выражении демонстрирует устойчивый рост — по сравнению с 2004 г. данный показатель увеличился в 9,89 раза. При этом относительная величина накопленных активов за указанный период изменилась не столь значительно — отношение зарубежных активов к ВВП выросло всего на 3,2 процентных пункта — с 48,5% до 51,7%. Данные по динамике изменения основных показателей международной инвестиционной позиции Китая представлены на Рисунке 1.

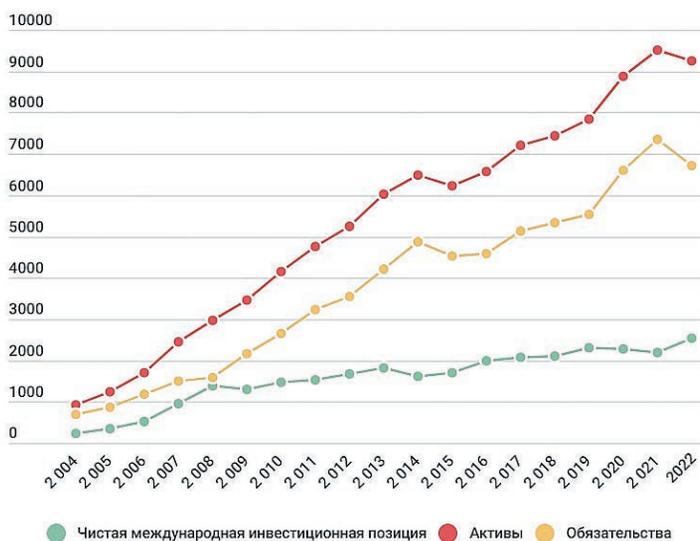

Рисунок 1. Международная инвестиционная позиция КНР (млрд долл. США, на конец соответствующего года).

Источник: <https://www.safe.gov.cn/en/2018/0928/1459.html> (дата обращения: 03.06.2023)

Одновременно с быстрым ростом зарубежных активов наблюдалось динамичное увеличение обязательств китайских резидентов к иностранным экономическим агентам. По состоянию на конец 2022 г. совокупные обязательства КНР перед нерезидентами достигли 6,727 трлн долл. США. По сравнению с 2004 г. показатель увеличился в 9,67 раза, относительная величина совокупных обязательств за тот же период выросла на 1,6 процентных пункта — с 36,0% до 37,6% от ВВП.

В рассматриваемом периоде совокупные зарубежные активы Китая всегда существенно превышали накопленные обязательства перед нерезидентами, позволяя тем самым сохранять значительный положительный объем международной инвестиционной позиции. С 2004 по 2022 г. чистая международная инвестиционная позиция Китая увеличилась в 10,5 раза, достигнув 2,531 трлн долл. США, или 14,1% от ВВП. В относительном выражении показатель увеличился на 1,6 процентных пункта (с 12,5% от ВВП в 2004 г.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что накопленные зарубежные активы Китая составляют существенную величину и в случае их заморозки последствия для экономики страны будут значительными. Однако следует отметить, что иностранные вложения в китайские активы тоже достигли значительных размеров. В такой ситуации ответная заморозка Китаем находящихся в стране активов нерезидентов способна в дальнейшем компенсировать большую часть прямого потенциально ущерба от недружественных действий стран Запада. Положительное сальдо между зарубежными активами Китая и обязательствами перед нерезидентами хотя и представляется существенным в абсолютном выражении, в относительном выражении выглядит довольно скромно. В целом величину потенциального ущерба от заморозки зарубежных активов Китая на первый взгляд можно оценить как контролируемую. Тем не менее для представления более полной картины сценария с заморозкой активов КНР следует подробнее проанализировать структуру и географическое распределения активов и обязательств, используемых для расчета международной валютной позиции Китая.

Резервные активы являются крупнейшей составляющей активов международной инвестиционной позиции Китая. Валютные резервы составляют 33,8% от всех активов. На монетарное золото приходится лишь около 1,3% от всех активов. Точный состав и географическое распределение валютных резервов Китая неизвестно. В 2019 г. Государственное валютное управление КНР сообщало о том, что доля доллара в валютных резервах снизилась с 79% в 2005 г. до 58% по состоянию на конец 2014 г.² По данным Министерства финансов США, по состоянию на конец первого полугодия 2022 г. вложения валютных резервов КНР в американские казначейские обязательства составляли 967,8 млрд долл. США³.

Очевидно, что основная часть валютных резервов КНР в настоящее время размещена в государственные облигации стран Запада. Государственные облигации западных стран долгое время считались наиболее ликвидным и надежным резервным активом. Однако, как показало развитие конфликта между Россией и Западом, данные вложения могут быть легко подвергнуты блокировке и поэтому вряд ли могут теперь рассматриваться как высоконадежные резервы.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) выступают в качестве второй по величине статьи в разделе активов и крупнейшей — в разделе обязательств инвестиционной позиции Китая. На долю прямых инвестиций приходится 52% обязательств Китая перед нерезидентами (3,497 млрд долл. США). При этом доля Гонконга в совокупном объеме накопленных к концу 2020 г. прямых иностранных инвестиций составляет 56,2%, Британских Виргинских островов — 7,5%, Японии — 5,1%, Сингапура — 4,8%, США — 3,9%, Южной Кореи — 3,7%, Тайваня — 3,0%, на прочие страны приходится 15,7% инвестиций⁴.

² China gives up two of its best-kept forex reserve secrets. *South China Morning Post*. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3020410/how-much-chinas-forex-reserves-us-dollars-beijing-gives-two2020> (дата обращения: 05.06.2023).

³ Foreign Portfolio Holdings of U. S. Securities. *Federal Reserve Bank of New York*. URL: <https://ticdata.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/shla2022r.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).

⁴ China Statistical Yearbook 2022. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsjsj/2022/indexeh.htm> (дата обращения: 05.07.2023).

В последние десятилетия прямые инвестиции КНР за рубежом росли опережающими темпами. С 2004 г. накопленный объем зарубежных инвестиций увеличился в 15,5 раза, достигнув 2,795 трлн долл. США (30,2% всех внешних активов). Внешние прямые инвестиции Китая распределены между Гонконгом (55,6% от всех инвестиций по состоянию на конец 2021 г.), Британскими Виргинскими островами (16,1%), Каймановыми островами (8,2%), США (2,8%), Сингапуром (2,4%), Австралией (1,2%), прочие страны являются получателями 13,7% капитала⁵.

В статистике ПИИ Китая обращает на себя внимание высокая роль Гонконга и оффшорных центров в экспорте и импорте капитала. В работах МВФ и китайских ученых отмечается значительная доля «фантомных» (круговых) инвестиций в ПИИ Китая. «Фантомные» инвестиции предполагают использование так называемых круговых схем (round-tripping) — схем вывода средств за рубеж (в т. ч. в оффшорные центры) и их последующего возвращения под видом иностранных вложений. По оценкам МВФ, в случае с Китаем на «фантомные» компании приходится 44,4% привлеченных ПИИ и 53,7% осуществленных внешних инвестиций⁶. При этом ученые из Академии общественных наук Китая оценивают показатель завышения привлеченных КНР ПИИ в 36,7% [XIAO Lisheng, XU Zitong, FAN Xiaoyun, 2022, p. 40–60]. Аналогичная оценка МВФ составляет 27,1%.

В связи с особой ролью Гонконга в привлечении ПИИ Китая следует рассмотреть статистику по международной инвестиционной позиции данного специального административного района. Чистая международная инвестиционная позиция Гонконга на конец 2022 г. составляла 13,7 трлн гонконгских долл.⁷ При этом активы составили 47,4 трлн гонконгских долл., внешние прямые инвестиции — 17,0 трлн гонконгских долл., обязательства — 33,7 трлн гонконгских долл., привлеченные прямые инвестиции — 17,3 трлн гонконгских долл.⁸ Следует отметить, что большая часть привлеченных Гонконгом ПИИ приходится на материковый Китай и оффшорные центры (Британские Виргинские острова, Бермуды, Каймановы острова). На основе вышеприведенных данных можно попробовать оценить примерный объем привлеченных и размещенных ПИИ материкового Китая и Гонконга совокупно. По всей видимости, эти показатели примерно равны и каждый из них не превышает 2 трлн долл. США.

Портфельные инвестиции Китая в акции составили 590,2 млрд долл. США на конец 2022 г., в долговые ценные бумаги — 443,3 млрд долл. США⁹. Вновь обращает на себя внимания высокая доля Гонконга, Каймановых и Британских Виргинских островов в общем объеме инвестиций (40,1%, 9,1% и 7,7%, соответственно). Крупными получателями портфельных инвестиций из Китая являются также США, Великобритания и Япония (23,4%, 3,1% и 2,3%, соответственно). Крупнейшими инвесторами в ценные бумаги Китая выступают Гонконг, оффшорные центры, США и другие страны Запада.

Среди прочих активов и обязательств следует обратить внимание на данные банковского сектора. Внешние активы банков Китая, номинированные в иностранной валюте, составляли

⁵ 2020 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. *Ministry of Commerce of the People's Republic of China*. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/www/202109/20210929084957284.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).

⁶ What Is Real and What Is Not in the Global FDI Network? IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/12/11/what-is-real-and-what-is-not-in-the-global-fdi-network> (дата обращения: 05.07.2023).

⁷ В Гонконге действует режим валютного коридора — изменение курса гонконгского доллара происходит в диапазоне 7,75–7,85 за долл. США.

⁸ Balance of Payments International Investment Position and External Debt Statistics of Hong Kong. *Census and Statistics Department*. URL: https://www.censtatd.gov.hk/en/data/stat_report/product/B1040001/att/B10400012022QQ04B0100.pdf (дата обращения: 05.07.2023).

⁹ China's External Portfolio Investment Assets at the End of 2022. *State Administration of Foreign Exchange*. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/2023/0526/2076.html> (дата обращения: 05.07.2023).

на конец прошлого года 1,2 трлн долл. США, обязательства в иностранной валюте — 0,73 млрд долл. США. В то же время значительная часть внешних активов и обязательств была номинирована в национальной валюте Китая¹⁰.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что чистая международная позиция Китая (включая Гонконг) может составлять не менее 4 трлн долл. США. Использование так называемых круговых схем прямых и портфельных инвестиций занижает показатель внешних инвестиций, одновременно завышая показатель привлеченных страной инвестиций. Внешние активы при этом концентрируются в компаниях, зарегистрированных в оффшорных центрах, конечными бенефициарами которых выступают резиденты КНР.

С целью минимизации рисков возможной заморозки внешних активов власти КНР, по всей видимости, будут в обозримой перспективе стимулировать реорганизацию цепочек владения активами собственными резидентами через оффшорные компании. Упрощение структуры владения активами будет способствовать репатриации ранее вывезенного из КНР капитала, завышая тем самым счет текущих операций платежного баланса. Тем самым будут созданы условия для роста валютных резервов Китая и снижения рисков ослабления юаня в среднесрочной перспективе. В то же время валютные резервы являются потенциально наиболее легко блокируемыми внешними активами. В такой ситуации КНР, вероятнее всего, постарается разместить значительную часть валютных активов в дружественных странах. Однако при этом валютные активы могут утратить характер резервных. Размещение валютных резервов в дружественных странах, по всей видимости, может происходить в форме прямых и портфельных инвестиций. Очевидно, что Китай при этом будет руководствоваться собственными национальными интересами. С другой стороны, интересы Китая во многом могут совпадать с интересами стран, выступающих реципиентами инвестиций.

Вероятнее всего, в долгосрочной перспективе Китай продолжит курс на использование национальных валют в двусторонней торговле с целью нейтрализации в будущем рисков, связанных с обострением отношений со странами Запада. Примечательным в этой связи представляется резкий рост использования национальных валют во внешнеторговых операциях между Россией и КНР, а также между нашей страной и дружественными государствами. По данным Центрального банка РФ, среди валют дружественных стран наиболее востребованной валютой в экспортно-импортных операциях стал китайский юань. «С марта 2022 г. по март 2023 г. российские экспортеры нарастили объем месячных операций в китайских юанях с 0,5 до 6,9 млрд долл. США, а импортеры — с 1,4 до 7,7 млрд долл. США. Доля китайского юаня в экспортно-импортных операциях значительно выросла на фоне сокращения доли «токсичных» валют в торговых расчетах: на март 2023 г. доля юаня в структуре экспорта составила 18%, а в структуре импорта — 27%»¹¹. Интернационализация юаня будет способствовать укреплению роли китайской валюты в качестве резервной, снижая тем самым необходимость сохранения большого объема валютных резервов. Очевидно, что интернационализация юаня — сложный и длительный процесс. Однако угроза конфронтации с Западом может выступить в качестве катализатора, способного ускорить процесс усиления роли юаня в мировой экономике.

В целом можно сделать вывод о том, что, пытаясь всеми способами предотвратить обострение отношений с Западом, Китай постарается минимизировать риски, связанные

¹⁰ External Financial Assets and Liabilities of China's Banking Sector (As of December 31, 2022). *State Administration of Foreign Exchange*. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/2023/0330/2059.html> (дата обращения: 05.07.2023).

¹¹ Обзор финансовой стабильности (IV квартал 2022 — I квартал 2023 года). *Центральный банк Российской Федерации*. URL: https://www.cbr.ru/analytics/finstab/ofs/4_q_2022_1_q_2023 (дата обращения: 05.07.2023).

с негативным сценарием развития событий. В настоящее время представляется, что риск «заморозки» внешних активов Китая вполне контролируем, и отрицательные последствия в случае его реализации можно значительно снизить.

Литература / References

XIAO Lisheng, XU Zitong, FAN Xiaoyun. Mainland China's Inward and Outward Foreign Direct Investment Stock: Evidence from Tax Havens and Round-Tripping Investment. *Journal of Financial Research*. 2022. No. 500(2). Pp. 40–60.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Обзор финансовой стабильности (IV квартал 2022 — I квартал 2023 года). Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/analytics/finstab/ofs/4_q_2022_1_q_2023 (дата обращения: 05.07.2023).

China gives up two of its best-kept forex reserve secrets. South China Morning Post. URL:

<https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3020410/how-much-chinas-forex-reserves-us-dollars-beijing-gives-two2020> (дата обращения: 05.06.2023).

Foreign Portfolio Holdings of U. S. Securities. Federal Reserve Bank of New York. URL: <https://ticdata.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/shla2022r.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).

China Statistical Yearbook 2022. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/nds/2022/indexeh.htm> (дата обращения: 05.07.2023).

2020 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/www/202109/20210929084957284.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).

What Is Real and What Is Not in the Global FDI Network? IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/12/11/what-is-real-and-what-is-not-in-the-global-fdi-network> (дата обращения: 05.07.2023).

Balance of Payments, International Investment Position and External Debt Statistics of Hong Kong. Census and Statistics Department. URL: https://www.censtatd.gov.hk/en/data/stat_report/product/B1040001/att/B10400012022QQ04B0100.pdf (дата обращения: 05.07.2023).

China's External Portfolio Investment Assets at the End of 2022. State Administration of Foreign Exchange. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/2023/0526/2076.html> (дата обращения: 05.07.2023).

External Financial Assets and Liabilities of China's Banking Sector (As of December 31, 2022). State Administration of Foreign Exchange. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/2023/0330/2059.html> (дата обращения: 05.07.2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-235-240

ШКОЛА МОЛОДОГО АВТОРА 20 ЛЕТ СПУСТЯ

© 2023

М. В. Ефименко, Н. И. Матвеева ¹

24–30 апреля 2022 г. в Суздале прошла юбилейная 20-я выездная Школа молодого автора. В ней приняли участие аспиранты и молодые ученые ИВ РАН. Под руководством заведующего Центром исследования общих проблем современного Востока ИВ РАН С. А. Панарина и приглашенных специалистов они в течение недели обучались навыкам академического письма, научного цитирования и речевого и стилистического оформления научного текста. Полученный опыт уже был применен участниками на практике и положительно сказался на их академической деятельности.

Ключевые слова: Школа молодого автора; академическое письмо; Суздаль; аспирантура ИВ РАН, Панарин С. А.

Для цитирования: Ефименко М. В., Матвеева Н. И. Школа молодого автора 20 лет спустя. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 235–240. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-235-240

YOUNG AUTHOR SCHOOL 20 YEARS LATER

Mariia V. Efimenko, Natalia I. Matveeva

In the past 20 years, since 2002, an informal community of young researchers has formed as a result of passing short-term writing courses at the Young Author School under the guidance of S.A. Panarin. The main task of the School is to teach novice authors (undergraduate students, postgraduate students and young scientists) to write academic texts of high quality in form and content. In 2022, graduate students of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences participated in the 20th anniversary Young Author School, which took place in Suzdal.

Keywords: Young Author School; academic writing; Suzdal; postgraduate study of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, S.A Panarin

For citation: Efimenko M. V., Matveeva N. I. Young author school 20 years later. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 235–240. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-235-240

¹ Ефименко Мария Владимировна, преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; efimenko.masha2012@yandex.ru

Mariia V. Efimenko, National Research university «Higher School of Economics», Moscow, Russia; efimenko.masha2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4168-0183

Матвеева Наталья Игоревна, к.и.н., научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения Российской академии наук, Москва; natalia.matveyeva@yandex.ru

Natalia I. Matveeva, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; natalia.matveyeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5116-7498

О ШКОЛЕ И НЕ ТОЛЬКО

24–30 апреля 2022 г. в Суздале прошла очередная, двадцатая выездная «Школа молодого автора». В работе юбилейной школы приняли участие аспиранты и молодые ученые Института востоковедения РАН.

Школа молодого автора задумывалась и создавалась в начале 2000-х гг. как выездная «краткосрочная, добровольная, внефакультетская форма специализированного образования третьей ступени» [Панарин, Дидковская, Дятлов, Липатова, 2012, с. 20], призванная научить «молодых авторов» — студентов, аспирантов, начинающих исследователей в различных областях гуманитарных наук — основным навыкам и приемам академического письма. Но, по словам самих участников, Школа молодого автора оказалась для них еще во многом и школой жизни [Панарин, Дидковская, Дятлов, Липатова, 2012, с. 15].

В основу работы Школы легли принципы обучающего участия и коллективной работы. Поэтому обучение в ней сосредоточено не столько на классическом формате «односторонних» лекций, сколько на стимулировании самостоятельной работы учащихся и взаимодействия в микрогруппах для выполнения заданий [Панарин, Дидковская, Дятлов, Липатова, 2012, с. 15].

Первая Школа состоялась в 2002 году. Она была проведена в два этапа и в двух разных локациях. Одна часть прошла в Царском Селе (ныне город Пушкин под Санкт-Петербургом) в историческом месте — особняке-даче князя В. П. Кочубея, поэтому эта школа была названа условно «европейской». Вторая была организована под Иркутском в бывшем ведомственном пионерлагере «Ёлочка», поэтому ее называли «восточной». Отбор заявок для участия в Школе проводился через конкурс заявок, которые включали резюме, рекомендацию кафедры/отдела или научного руководителя и небольшой текст тезисов на 2–3 страницы, максимально широкой тематики. Прошедшие отбор участники также должны были привезти с собой статью на 10–12 страниц для последующего редактирования. Конкурс оказался высоким, и участниками той, первой Школы смогли стать лишь 22–24 «школьника» на каждом из этапов.

Всего с 2002 по 2014 г. было проведено 45 школ разного типа (от региональных, организованных учениками школы, до общероссийских и зарубежных) — от самых крупных и продолжительных междисциплинарных «европейских» и «азиатских» школ базовой модели до узкоспециализированных, самых краткосрочных и немногочисленных школ для студентов и аспирантов философского факультета Томского университета, входивших в редколлекции молодежных сборников статей [Панарин, Дидковская, Дятлов, Липатова, 2012, с. 51]. Продолжительность также различалась — от 5 до 10 дней. Всего выпускниками этих школ стали 772 человека, заявок же было подано несколько тысяч. Рекордной оказалась «европейская» школа 2005 года: 25 заявок на одно место.

Ценность Школы молодого автора не только — а, возможно, и не столько — в тех материальных результатах, которые показали ее участники по окончании. Она — в общении, обмене опытом, нетворкинге. И речь не только о прямом обмене знаниями в рамках Школы: опыт, полученный в ШМА, «школьники» передают своим ученикам, а те, в свою очередь, своим ученикам, обеспечивая таким образом активную и непрерывную передачу знаний. И хотя представляется маловероятным измерить этот накопительный эффект Школы, зато можно измерить ее более материальные результаты. К примеру, сколько статей опубликовали участники Школы в течение двух лет по ее завершении. Как указывают авторы учебно-методического пособия «Как писать научный текст: опыт Школы молодого автора», были изданы четыре Альманаха Школы (100

статей), в «Вестнике Евразии» напечатано 67 статей и рецензий. Эти цифры, конечно, неполные — только то, что удалось зафиксировать, — однако и они дают представление о значимом вкладе, который вносит Школа в развитие карьеры молодых ученых.

Несомненно, ведущую роль в Школе играл и продолжает играть ее основатель — кандидат исторических наук, заведующий Центром исследования общих проблем современного Востока ИВ РАН Сергей Алексеевич Панарин. Именно он создал концепцию Школы, заложил ее основополагающие принципы, так что даже те Школы, которые проводились без его непосредственного участия участниками прошлых лет, все равно сохраняли дух Школы молодого автора. Но в 2022 году С. А. Панарин вновь встал у руля юбилейной Школы.

ФОРМАТ РАБОТЫ

Как уже отмечалось, основная задача Школы молодого автора состоит в том, чтобы научить ее участников — начинающих и/или молодых исследователей 18–30 лет — писать связный, адекватный и, самое главное, соответствующий по форме всем необходимым правилам академического письма текст, будь то диссертация, доклад, научная статья. Формат обучения достаточно прост: сначала теоретическая часть — лекции от признанных специалистов и состоявшихся ученых, а затем практическая — командная работа, чтение и редакция чужого текста на основании полученных знаний и навыков. Одновременно с чисто практическими навыками такой формат позволяет вырабатывать и тренировать и «interpersonal skills» — межличностные взаимодействия, командную работу и умение находить общий язык с людьми разных взглядов и позиций. Выездной формат Школы дает возможность полностью погрузиться в обучение, не отвлекаясь на другие дела, и сосредоточиться на занятиях. Помимо этого, длительность Школы — 5–6 дней — оптимальна для полного погружения в среду и атмосферу и вовлечения в занятия, но за это время участники не успевают утомиться и пресытиться новыми знаниями.

20 ЛЕТ СПУСТЯ

В 2022 г. выездная Школа молодого автора прошла 24–30 апреля в городе Суздаль Владимирской области в гостинице «Суздаль-Инн». В этом юбилейном выпуске приняли участие 10 человек из числа аспирантов и молодых ученых Института востоковедения РАН [Сайт Отдела аспирантуры ИВ РАН]. Изначально в Школах молодого автора было больше участников, и они имели различный бэкграунд — были школьниками, студентами, преподавателями различных направлений. То, что в этот раз все участники были из Института востоковедения, задавало тематику Школы — востоковедную. Тем не менее области исследований и научные интересы участников оказались крайне разнообразны. Среди них были исследователи, занимающиеся археологией, картографией, философией, политикой и экономикой Ближнего Востока, Центральной Азии, Индии, Камбоджи, Китая и Кореи.

В воскресенье 24 апреля участники и организаторы на заказном автобусе отправились от здания Института востоковедения в г. Суздаль. По приезду в Суздаль все разделились на пары для заселения в отель, и до вечера было время ознакомиться с городом.

С 10 утра понедельника 25 апреля и до середины дня пятницы, 29 апреля, проходили интенсивные занятия. В первый день состоялось открытие школы, на котором все участники официально поприветствовали друг друга, рассказали о себе, о том, чем они занимаются,

и приняли участие в командных играх, что способствовало знакомству и созданию дружеской и доверительной атмосферы.

Основатель и руководитель Школы молодого автора С. А. Панарин выступил с рассказом об истории возникновения и развития Школы, ее формате и методике обучения. Затем прочитал первую лекцию, в которой говорил о культуре научного исследования и академического письма и о задачах Школы молодого автора. После небольшого перерыва и экспресс-опроса на тему «Что такое новая этика?» С. А. Панарин продолжил лекционную часть дня рассказом о структуре научной статьи. В нем он обозначил основные элементы научной статьи и рассказал о возможных вариантах деления ее на разделы. Затем участников разделили на две группы по 5 человек и раздали задание на следующий день по пройденному материалу. Задание состояло в том, чтобы в опубликованном тексте статьи с заранее удаленными названием, разделами и подзаголовками проставить все удаленное и дать название статье.

Каким бы простым ни казалось задание, оно выявило ряд сложностей в коммуникации: затруднения с правильным пониманием идей друг друга внутри команды, ситуации, когда члены команды поддерживают противоположные мнения и не могут прийти к компромиссу ввиду высокой академической и общей культуры, и неготовность некоторых из участников идти на уступки. Таким образом, первое же задание, помимо применения на практике полученных новых знаний, стало и тренировкой навыков командной работы и умения искать компромисс — что также является одной из задач Школы молодого автора.

Во второй день утром С. А. Панарин подробно разобрал отчеты по первому заданию и объяснил, какие ошибки допустили команды при его выполнении. За разборами последовала лекция о принципах выделения ключевых слов в статьях, написания резюме и аннотации. После небольшого перерыва лекционная часть продолжилась лекцией одной из участниц прошлых Школ молодого автора — кандидата исторических наук, заведующей Отделом аспирантуры ИВ РАН Марианны Монге-Байыровой Харуновой об особенностях научно-справочного аппарата. Она рассказала о поисках источников для научной работы, правилах цитирования при написании диссертаций и статей и об особенностях системы ГОСТ.

По завершении лекций обе команды получили задание в уже прочитанных статьях выделить необходимые сноски и проставить их в тексте. Это задание вызвало наибольший интерес участников, однако оно же вызвало и наибольшие споры по вопросу места проставления ссылки, необходимости постановки сноски в конкретном месте текста. Тем не менее, участники хоть и с опозданием, но сдали задания, сумев прийти к компромиссу. Постепенную выработку этого ценного навыка — командной работы — отмечали затем и сами «школьники». По словам одного из них, «атмосфера в школе молодого автора является такой, какой и должна быть в научном коллективе: открыта для дискуссий, но конструктивных, без перехода на оскорбления».

Третий и четвертый дни были посвящены лекциям еще одной из выпускниц Школы, а ныне кандидата филологических наук, директора Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета Марины Борисовны Ташлыковой о речевом оформлении текста. Марина Борисовна была вынуждена подключиться к Школе онлайн из Иркутска, однако это не повлияло на содержательность и полноту информации. Приведем лишь один из отзывов: «Наибольшее влияние оказала, пожалуй, Марина Борисовна. Несмотря на удаленный формат работы, она сделала все возможное для полноценной передачи знаний касемо работы над текстом, в связи с чем хотелось бы выразить ей отдельную благодарность».

В эти дни были также проведены два круглых стола: по вопросам новой этики и политкорректности и критического отношения к информации. Модераторами выступили сами участники Школы. Обе темы оказались «горячими» для обсуждения, однако дискуссия завершилась плодотворно. Наибольший спор вызвали вопросы включения политкорректности в академическую науку и разбор некоторых случаев, например, интервью Орианы Фалаччи с аятоллой Хомейни [Dewey, 1981], когда журналистка не надела головной платок.

Параллельно с заданиями от С. А. Панарины команды также выполняли сложные и интересные задания от М. Б. Ташлыкковой, в которых требовалось проанализировать несколько текстов, переписать их своими словами, определить структуру текстов, выявить определенные речевые и грамматические маркеры структуры текста.

Участники позитивно восприняли эти задания. Вот один из отзывов: «В первую очередь хотелось бы отметить плотную работу над новым лично для меня типом заданий, когда мы придавали структуру обозреваемым текстам. Уже сама эта активность дала значительный объем новых знаний, которые на настоящий момент являются значительным подспорьем для работы над диссертацией».

В последний день занятий на них присутствовал также заместитель директора ИВ РАН по научной работе Валентин Цуньлиевич Головачев. Он поздравил учеников с успешным окончанием Школы и выразил надежду, что полученные знания помогут им в дальнейшей научной карьере. Он также принял участие в торжественном закрытии Школы и вручении памятных сертификатов ее участникам.

В последний день у «школьников» появилась возможность ближе познакомиться с историческими достопримечательностями Суздаля. Как заметила одна из участниц: «Программа школы оказалась крайне насыщенной, я бы даже сказала, она занимала почти все время, и не всегда удавалось перевести дух, но подобная насыщенность дает свои плоды!» Участники также выделили выездной формат Школы и то, что неформальная обстановка способствовала конструктивному рассмотрению многих сложных вопросов.

Итоги

Вот уже на протяжении двадцати лет Школа молодого автора не только учит своих слушателей приемам написания качественных научных текстов и способам их организации и редактирования, но и мотивирует на дальнейшее самостоятельное развитие полученных навыков в процессе исследовательской и научной работы. Многие выпускники Школ прошлых лет остались в академической среде, пользуясь опытом и знаниями, полученными в Школе, защитили диссертации, ведут активную публикационную деятельность. Кто-то из них сам реализовал образовательные проекты, а некоторые, как, например, принявшие участие в суздальской Школе М. Б. Ташлыккова и М. М. Харунова, и сами стали ее преподавателями, делясь собственным опытом. Такая преемственность поколений еще больше подчеркивает значимость Школы в жизни ее выпускников.

И юбилейная Школа молодого автора 2022 г. стала значимым событием и даже открытием для всех ее участников. По ее итогам они с благодарностью отмечали роль организаторов — С. А. Панарины и М. М. Харуновой, — которые позволили им под новым углом взглянуть на академическое письмо в целом и на собственные работы (статьи и диссертации) в частности.

На начальном этапе академической карьеры молодым ученым особенно важны поддержка и наставления старших коллег. У многих еще недостаточно опыта в написании научных статей

и проведении масштабных исследований. Об этом говорят и сами участники, отмечая, что «не все приходят в аспирантуру с хорошим багажом написанных статей», «условных тренингов по развитию навыков письма не всегда хватает», и Школа молодого автора как раз и позволяет закрыть этот пробел, а также взглянуть со стороны и критически оценить как свои, так и чужие тексты.

Участие в Школе молодого автора продуктивно сказалось на научных результатах тех, кто в ней занимался. За полгода, прошедших с окончания Школы, часть статей, привезенных участниками в Школу и получивших развернутый экспертный комментарий от организаторов, уже опубликованы или приняты к публикации в научных журналах. Участники также вели активную научную деятельность, успешно выступив на нескольких десятках всероссийских и международных конференций. К примеру, в прошедшей 14–15 декабря 2022 г. в ИВ РАН X Всероссийской научной конференции «История востоковедения: традиции и современность» приняли участие сразу пятеро «выпускников» Школы молодого автора-2022. Они выступали по тематике своих научных исследований с докладами об истории и характеристике коллекции месопотамских древностей в Йенском университете (Лидов А. А.), об особенностях экономического развития КНДР в 1950-х — 1960-х гг. (Матвеева Н. И.), о проблеме изучения истории индийского штата Трипура в зарубежных научных центрах (Заришова Л. Р.), об исследовании китайского трактата У-син в зарубежных институтах (Ли Шуньсин) и об изучении мегалитических памятников Кавказа эпохи бронзы и начала раннего железного века в современной археологии (Осипова Е. В.) [Сайт Отдела аспирантуры ИВ РАН].

Опыт, полученный в Школе, поможет участникам в написании диссертаций, статей и в дальнейшей академической (и не только) карьере. Как уже отметил один из участников Школы-2022: «Я искренне надеюсь, что когда-нибудь и сам смогу внести свою посильную лепту в развитие школь».

Пожалуй, такие отзывы участников красноречивее всего свидетельствуют об успехе Школы молодого автора, ее значимости для карьеры начинающих ученых и о необходимости сохранять, поддерживать и продолжать традиции, заложенные организаторами Школы двадцать лет назад.

Литература / References

Панарин С. А. (сост. и отв. ред.), Дидковская Н. А., Дятлов В. И., Липатова Н. В. *Как писать научный текст: опыт Школы молодого автора: учебно-методическое пособие*. Иркутск, 2012 [Panarin S. A. (ed. and comp.), Didkovskaya N. A., Dyatlov V. I., Lipatova N. V. *How to write a scientific text: the experience of the Young Author's School: a textbook*. Irkutsk, 2012 (in Russian)].

McDermott John J. (ed. John J). *The Philosophy of John Dewey*. Chicago, 1981.

Электронные ресурсы / Online Resources

Сайт Отдела аспирантуры ИВ РАН. URL: <https://aspirantura.ivran.ru/novosti?artid=210509> (дата обращения: 10.06.2022) [Website of the Postgraduate Department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://aspirantura.ivran.ru/novosti?artid=210509> (accessed: 10.06.2022) (in Russian)].

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ГОД ПРЕБЫВАНИЯ У ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ШЕХБАЗА ШАРИФА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

© 2023

В. Я. Белокреницкий, И. Н. Серенко¹

Данная статья представляет собой обзор круглого стола «Год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа: итоги и перспективы». Мероприятие проходило 24 апреля 2023 г. в Институте востоковедения РАН. В заседании круглого стола приняли участие ведущие эксперты российских аналитических и академических учреждений страны, представители Комитета по экономическому сотрудничеству со странами Азии и Океании, Делового совета по сотрудничеству с Пакистаном при ТПП РФ, а также Российского Дома международного научно-технического сотрудничества. Выступления и доклады многочисленных участников развернувшейся дискуссии охватывали широкий спектр актуальных проблем внутренней и внешней политики, с которыми пришлось столкнуться коалиционному правительству альянса партий «Пакистанского демократического движения» в течение годичного пребывания у власти в стране (2022–2023). Основное внимание докладчиков было уделено влиянию внутренних и внешних факторов на текущую ситуацию в Пакистане с выходом на региональную обстановку, в том числе на непростые отношения с соседними государствами на его западной и восточной границах. Были также рассмотрены возможные варианты экономического и политического характера по снижению напряженности между ними в условиях процессов региональной интеграции. При этом, исходя из Новой внешнеполитической концепции Российской Федерации (2023), были отмечены ориентиры Москвы на дальнейшее продвижение российско-пакистанских отношений по позитивной траектории в условиях перехода к многополярному миру со смещением центров экономической и политической активности с Запада в Азию, что способствует возрастанию стратегического значения евразийских интеграционных процессов. В результате проведенного комплексного ситуационного анализа по Пакистану эксперты выявили определенную степень преемственности внешнеполитического курса сменявших друг друга правительств во главе с Имран Ханом и Шехбазом Шарифом во взаимодействии с Москвой. Он определяется общностью геостратегических интересов двух стран на региональном и глобальном уровнях и детерминирует перспективы их долгосрочного многопланового сотрудничества в двустороннем и многостороннем форматах в различных евразийских структурах и объединениях, включая ШОС.

Ключевые слова: Евразийская интеграция, парламентские выборы, пакистано-российские отношения, «Пакистанский поток», талибы

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Круглый стол «Год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа: итоги и перспективы». *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 241–262. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-241-262

¹ Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, DSc (History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8471-928X

Серенко Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; serenko9@mail.ru

Irina N. Serenko, PhD (Education), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; serenko9@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4949-254X

ONE -YEAR OF SHEHBAS SHARIF'S GOVERNMENT IN POWER: RESULTS AND PROSPECTS

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, Irina N. Serenko

This article is a review of the round table «One year of Shehbaz Sharif's government in power: results and prospects». The event was held on April 24, 2023 at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The round table was attended by the leading experts of Russian analytical and academic institutions, staff members of the Committee for Economic Cooperation with Countries of Asia and Oceania, Business Council for Cooperation with Pakistan at the CCI of the Russian Federation, as well as the Russian House of International Scientific and Technical Cooperation. The speeches and reports of numerous participants in the unfolding discussion covered a wide range of relevant internal and external policy issues which the coalition government of the Pakistan Democratic Movement parties' Alliance had to face during its one-year stay in power in the country (2022–2023). The speakers focused on the impact of internal and external factors on the current situation in Pakistan with the overview on the regional situation, including the complicated relations with the neighboring states on its western and eastern borders. Feasible economic and political options to reduce tensions between them in the context of regional integration processes were also under discussion. Meanwhile, proceeding from the New Foreign Policy Concept of the Russian Federation (2023), Moscow's guidelines for further promotion of Russia–Pakistan relations on a positive trajectory were marked in the realities of transition to a multipolar world with the shift of the centers of economic and political activities from the West to Asia, which contributes to the increasing strategic importance of Eurasian integration processes. As a result of Pakistan comprehensive situational analysis, experts have identified a certain degree of succession in the foreign policy course of changing governments headed by Imran Khan and Shehbaz Sharif on cooperation with Moscow. It is defined from the common geostrategic interests of the two countries at the regional and global levels and determines the prospects of their long-term multidimensional cooperation in bilateral and multilateral formats in various Eurasian structures and associations, including SCO.

Keywords: Eurasian integration, parliamentary elections, Pakistan-Russia relations, “Pakistan stream”, Taliban

For citation: Belokrenitsky V. Y., Serenko I. N. Round table “One-Year Shehbaz Sharif's Government in Power: Results and Prospects”. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 3. Pp. 241–262. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-241-262

В Институте востоковедения РАН 24 апреля 2023 г. состоялся круглый стол на тему «Год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа: итоги и перспективы». Инициатором проведения состоявшейся дискуссии выступил сектор Пакистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН (ЦИС БСВ ИВ РАН). В данном мероприятии приняли участие научный руководитель ИВ РАН акад. В. В. Наумкин, ведущие эксперты российских аналитических и академических учреждений страны, представители Комитета по экономическому сотрудничеству со странами Азии и Океании, Делового совета по сотрудничеству с Пакистаном при ТПП РФ, а также Российского Дома международного научно-технического сотрудничества.

Работу круглого стола открыл заместитель директора по научной работе ИВ РАН В. А. Кузнецов. Он обратился к собравшимся участникам со вступительным словом, в котором расставил акценты дискуссионной тематики и призвал экспертов провести углубленный анализ внутренней и внешней политики Исламабада за истекший год пребывания у власти

правительства Шехбаза Шарифа с выходом на возможные сценарии дальнейшего развития Пакистана и выявлением имеющегося потенциала расширения российско-пакистанского сотрудничества. Совместно с заведующим ЦИС БСВ ИВ РАН В. Я. Белокреницким В. А. Кузнецов выступил также модератором состоявшейся аналитической дискуссии экспертов по Пакистану и сопредельным странам.

Белокреницкий В. Я. (ИВ РАН), открывая обсуждение насыщенной повестки круглого стола, осветил вопросы «Экономической политики правительства Ш. Шарифа и социально-экономического положения в стране». Он остановился на четырех вопросах. Первый из них — экономические итоги пребывания у власти кабинета Шехбаза Шарифа. В целом они крайне неутешительны. Инфляция оценивается в годовом исчислении в 35% округленно, цена продовольствия увеличилась на 47%, транспортные расходы — на 55%. Инвалютные резервы сократились до 3–4 млрд долл. США (далее — долл.), их хватает на оплату импорта в течение одного месяца, хотя еще в августе 2021 г. они равнялись 20 млрд долл. Внешний долг превышает 100 млрд долл. Значительная его часть состоит из наступающих в ближайшее время выплат, поэтому правительству требуется все время занимать деньги, чтобы расплачиваться с долгами.

Таким образом, результаты пребывания у власти нового кабинета министров в экономической сфере негативны и связаны как с глубинными причинами, так и с политическим кризисом, который развернулся с начала прошлого года. В динамике это хорошо заметно на обменном курсе национальной валюты. Еще в феврале прошлого года курс был на уровне 170 рупий за американский доллар, в начале апреля еще при Имран Хане — 184 рупии, а в мае упал до 193. Девальвация вдвое по сравнению с периодом пребывания у власти в 2013–2017 гг. правительства Наваза Шарифа — тогда был стабильный курс в 90–100 рупий. Летом прошлого года курс превысил 200 рупий. Когда во второй раз он пересек черту в 240 рупий в условиях сохраняющейся популярности Имран Хана, было принято решение заменить министра финансов Мифтаха Исмаила на Исхака Дара, автора политики твердого курса рупии. В сентябре Дар вернулся из Лондона, стал сенатором и немедленно министром финансов. Пытался поднять цену рупии, удалось до 220, но потом курс вновь пошел вниз и в апреле этого года достиг антирекорда в 288 рупий, почти 300, затем снизился до 284.

Второй вопрос, как подчеркнул В. Я. Белокреницкий, — это именно вопрос, ответ на который не вполне ясен: почему МВФ отказывает в размораживании программы расширенной льготной помощи, согласованной в мае 2019 г. правительством Имран Хана? Ведь еще в феврале 2022 г. МВФ предоставил Пакистану третий транш в размере 1,05 млрд долл. и тем самым перевел ему половину — 3 млрд из обещанных 6 млрд. Более того, согласно официальным сообщениям в печати, в течение следующих семи месяцев вся сумма должна была быть предоставлена в марте, июле и сентябре. Очевидно, что наступившая политическая нестабильность и смена правительства изменили дело.

Мифтах Исмаил, отметил докладчик, был поначалу настроен оптимистически. Ездил в Вашингтон, в штаб-квартиру МВФ и столицу США, которые, как известно, стоят за МВФ, но не договорился, затем туда ездил начальник штаба армии генерал К. Баджва, встречался с зам. госсекретаря Венди Шерманом, говорил, видимо, о том же — и вновь ничего. При этом Баджва старался откеститься от Имран Хана с его поддержкой Москвы после начала СВО, заявлял, что Россия должна прекратить войну. Все это опять же не помогло. Между тем акции правительства падали, популярность Имран Хана росла.

Летом в Пакистане начались дожди, с конца июня не прекращались до начала сентября, под водой оказалось до трети равнинных площадей. Произошло наводнение, сравнимое

только с наводнением 2010 г. Пострадало в этот раз до 15% населения — более 30 млн человек. Случилась настоящая гуманитарная катастрофа, ударившая по самым отсталым и бедствующим регионам страны — сельскому Синду, Белуджистану, Южному Панджабу и пуштунской провинции Хайбер-Пахтунхва. Ущерб от стихии оценивается в 20–30 млрд долларов.

В. Я. Белокреницкий высказал мнение, что наводнение было бы удачным предлогом для США укрепить своего союзника в регионе, дать передышку правительству Шехбаза, охладить пыл Имран Хана и его сторонников. Имран легко выиграл дополнительные выборы депутатов федерального и провинциальных собраний в октябре, хотя его немедленно дисквалифицировали. Но Исламабаду ничто не помогло добиться позитива от переговоров в рамках 7, 8 и 9-го пересмотров (ревью) ситуации с расширенной программой льготной помощи, хотя достигнута как будто договоренность об ее увеличении до 6,5 или 7 млрд долларов.

Аппарат МВФ в последнее время настаивает на получении Пакистаном заверений от дружественных стран в предоставлении финансовой поддержки в 3–4 млрд долл. Саудовская Аравия обещает 2 млрд, Объединенные Арабские Эмираты — еще 1 млрд. Китай тоже не отказывает в поддержке. При этом правительство и при Даре проводит рекомендуемую МВФ экономическую политику — отпустило рупию в свободное плавание, увеличило, и серьезно тарифы на импорт, сократило госсубсидии, подняло налоги, ввело новые налоги, уменьшив тем самым бюджетный и платежный дефициты, хотя и не ликвидировал их.

А между тем, отметил В. Я. Белокреницкий, экономика сжалась за счет существенного сокращения общего товаро- и грузооборота. Пакистан вывозит не столько товары и услуги, сколько рабочую силу, причем как малоквалифицированную, так и достаточно квалифицированную. Две трети мигрантов, по некоторым оценкам, направляются на Ближний и Средний Восток и около трети, в массе самых образованных, в США, Англию и ЕС.

Сжатие экономики привело к тому, что после года ковидного провала (сокращение ВВП на 1%) и двух лет высокого на уровне 6% прироста, в значительной мере фиктивного (нарисованного местными бюрократами), темп роста в нынешнем финансовом году, с июля 2022 г. по июнь 2023 г., ожидается на уровне 0,5%. То есть речь идет о сокращении душевого дохода, поскольку рост населения по-прежнему превышает 2% в год. И в среднем за последние четыре года прирост ВВП едва превышает прирост населения.

Третий вопрос, который осветил в своем выступлении В. Я. Белокреницкий, касался более глубинной темы о причинах экономического провала Пакистана. Ведь еще в 2000 г. он находился в достаточно благоприятном экономическом положении, немного обгонял даже Индию, не говоря о Бангладеш, по доходу на душу населения в сопоставимых ценах и с учетом покупательной способности валют. Однако за последние два с небольшим десятилетия ситуация серьезно изменилась. Пакистан сильно отставал на протяжении всего периода от Индии и Бангладеш. Душевой доход в Бангладеш превосходит ныне пакистанский на 63%. По величине ВВП Бангладеш (бывшая нищая Восточная Бенгалия) находится на 33-м месте в мире, а Пакистан — на 43-м.

За два десятилетия нынешнего века произошло сокращение доли индустрии (крупной обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, строительства и инфраструктуры) в структуре ВВП, т.е. деиндустриализация (19% ВВП). Доля сельского хозяйства также упала до 23%. Возрос удельный вес сферы услуг до почти 60%. По мнению докладчика, это преждевременные и экономически не обоснованные тенденции. Пакистан потерял свои позиции на рынке развитых стран, хотя в начале века ему предоставили большие льготы и возможности — после разворота Мушаррафа на борьбу с терроризмом сняли санкции и ограничения, предоставили

квоты на импорт и льготы. Всем этим частный сектор Пакистана не смог воспользоваться. Сказалась, на взгляд докладчика, слабость предпринимательского класса, отъезда из страны промышленников первого поколения после реформ З. А. Бхутто в начале 70-х гг. Вторая причина — это нехватка кадров: квалифицированные рабочие стали уезжать в 80-х гг. при Зия-уль-Хаке. Третья причина — недостаточное внимание государства к экономике, к индустриализации, главное его внимание привлекали проблемы безопасности и региональной геополитики.

Вследствие этого средств на социальные сектора, на образование и здравоохранение не хватало. Собираемость налогов, особенно прямых с физических лиц, была и остается крайне низкой, отсюда бюджетный, фискальный дефицит. Низкая собираемость налогов, освобождение от налогов владельцев земли, в том числе крупных землевладельцев и владельцев городской недвижимости, — коренные пороки пакистанской социально-экономической системы, обуславливающие низкую норму внутренних сбережений и инвестиций.

Последний вопрос, который затронул В. Я. Белокреницкий, — это общее социально-экономическое положение в стране спустя год после прихода к власти нового правительства. Из всего сказанного им вытекает, что оно в настоящий момент самое плачевное. Из Пакистана бегут. По оценке в пакистанской прессе, за год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа уехал миллион пакистанцев, а может быть, и миллионы. Уезжают, чтобы прокормить семью: работы нет, а цены растут. Средний городской класс, по оценкам, обеспечен хуже, чем в других странах с близким по величине душевым доходом. Среди пакистанцев распространены усталость, фатализм. Падает, по всей видимости, вера в Пакистан и будущее страны.

Замараева Н. А. (ИВ РАН), приступая к раскрытию темы доклада «Пакистан: генералитет и борьба политических партий в преддверии всеобщих выборов 2023 года», выдвинула тезис о том, что вотум недоверия и последовавшая отставка премьер-министра Имран Хана в апреле 2022 г. «оборвали» тенденцию смены гражданских правительств, отработавших полный конституционный срок (2008–2013 гг., 2013–2018 гг.); «вернулось» доминирование двухпартийной системы — Пакистанской мусульманской лиги-Наваз/ПМЛ (Н) и Пакистанской народной партии/ ПНП, которые в альянсе с небольшими партиями формировали центральные правительства и способствовали возвращению в большую политику традиционных кланов (Шарифы/ Бхутто-Зардари). При этом «хрупкое» коалиционное правительство с целью удержаться во власти избегает стратегических решений, что замедляет курс требуемых социально-экономических реформ. Вызовом для пакистанского общества остается отсутствие в стране новых национальных гражданских политических лидеров.

Докладчик отметила, что по итогам голосования в Национальной ассамблее в апреле 2022 г. к власти пришла коалиция из 13 партий, ключевые посты в ней принадлежат ПМЛ (Н) и ПНП. Премьер-министром был избран Шехбаз Шариф. Его брат — трижды экс-премьер-министр, трижды досрочно покинувший этот пост Наваз Шариф с 2019 г. проживает в Лондоне. Внешнеполитический блок возглавил сопредседатель ПНП Билавал Бхутто-Зардари.

В результате состоявшегося вотума недоверия Имран Хану депутаты от бывшей правящей партии Пакистанское движение справедливости (ПДС) покинули Национальную ассамблею (НА); численность депутатского корпуса сократилась, что затруднило процедуры принятия решений. Разногласия альянса ПМЛ (Н)/ПНП и бывшей правящей ПДС остаются непреодолимыми, поиск политических решений споров исключен.

Характеризуя стратегию «возвращения во власть» альянса ПМЛ (Н) /ПНП в 2022–2023 гг., докладчик остановилась на следующих пунктах ее повестки:

1. Политическая «казнь» И. Хана; судебное преследование, блокировка инициатив, направленных на проведение отдельных выборов в провинциях Панджаб и Хайбер-Пахтунхва;
2. Организация мер, направленных на блокировку «победы» И. Хана на всеобщих парламентских выборах в 2023 г.;
3. Сохранение власти до истечения срока полномочий депутатов НА в августе 2023 г. с целью одержать победу на всеобщих парламентских выборах в ноябре 2023 г.;
4. Достижение победы ПМЛ (Н) на всеобщих парламентских выборах; премьерство представителей клана Шарифов (Наваз Шариф, Марьям Наваз, Шехбаз Шариф).

При этом в стратегии экс-премьера И. Хана в 2022–2023 гг. докладчиком были выделены следующие цели:

- победа на дополнительных выборах в Панджабе;
- выборы в Хайбер-Патунхва и Панджабе по истечении срока полномочий депутатов провинциальных собраний;
- досрочные всеобщие парламентские выборы.

В докладе также отмечалось, что Пакистан в 2022–2023 гг. сталкивается с многоаспектным кризисом, который затронул большинство государственных институтов. Жесткая борьба политических оппонентов стала результатом противостояния:

- правящей администрации и оппозиционной ПДС («Техрик-и инсаф Пакистан»);
- законодательной власти и президента Арифа Алви;
- законодательной и судебной ветвей;
- исполнительных органов (т.е. Избирательная комиссия Пакистана) и Верховного суда.

В докладе было подчеркнуто, что наблюдаемая в стране поляризация политических сил проходит в сложных условиях при наличии ряда негативных факторов:

- глубокого экономического кризиса; спада промышленного производства, постоянных внешних заимствований (Китай, КСА, ОАЭ, МВФ);
- роста террористической активности запрещенных группировок вдоль линии границы на северо-востоке и во внутренних районах страны;
- гуманитарной катастрофы вследствие наводнения летом 2022 г., совокупная стоимость экономических потерь — 30 млрд долларов.

При этом, как отмечено в докладе, экс-премьер Имран Хан в качестве лидера оппозиции вступил в прямую конфронтацию с различными властными структурами: генералитетом (обвинения в поддержке оппозиционной кампании вотума недоверия), коллегией Верховного суда; Избирательной комиссией.

Его цель — провести досрочные парламентские выборы для возвращения во власть на фоне протестов (в мае и октябре 2022 г. оппозиция провела Длинные марши протеста на Исламабад).

В то же время действующий глава федерального кабинета министров Шехбаз Шариф с первых дней прихода к власти поспешил заручиться поддержкой генералитета: передал принадлежащей военным частной компании подряд на проект стоимостью 1 млрд рупий в апреле 2022 г.; предоставил Межведомственной военной разведке осуществлять контроль за государственными служащими (продвижение по службе) и назначение судей в высшие судебные органы, безоговорочно поддержал в ноябре 2022 г. кандидатуру военного истеблишмента на пост начальника штаба сухопутных войск генерала А. Мунира.

Докладчиком были выделены следующие основные этапы борьбы за власть правящей коалиции и политической оппозиции в 2022–2023 гг.:

- «обнуление» большинства законодательных актов, принятых депутатским корпусом в 2018 г. — начале 2021 г. (наиболее важный — Закон о поправках к выборам 2021 г.);
- законопроект о внесении поправок в Постановление о национальной подотчетности 1999 г., тем самым правящая администрация Ш. Шарифа демонстрировала отказ от проведения структурных социально-экономических реформ;
- судебное преследование экс-премьера И. Хана и его сторонников;
- попытки отмены всех судебных обвинений кланов Шарифов/ Бхутто-Зардари и их соратников;
- возврат во власть ПМЛ (Н) и ПНП своей команды, члены правительства Наваз Шарифа (статус июля 2017 г.) вновь получили свои министерские портфели в 2022 г.;
- «Шарифизация» — назначение на ключевые государственные посты преданных Шарифам/Бхутто-Зардари людей.

Далее Н. А. Замараева остановилась на первой схватке за Панджаб между ПМЛ(Н) и ПДС. Она отметила, что Хамза Шахбаз, сын премьера Шехбаза Шарифа, был избран главным министром провинции Панджаб, но Верховный суд отменил назначение. В итоге провинция столкнулась с конституционным кризисом. Победа партии И. Хана на дополнительных выборах осенью 2022 г. укрепила ее позиции в Панджабе. Дисквалификация лидера оппозиции Избирательной комиссией по делу Тошаханы не повлияла на его поддержку массами избирателей.

В выступлении были также отмечены такие факты, свидетельствующие о попытках правящей коалиции укрепить свои позиции, как «исключение имен» (клана Шарифов и членов бывшего правительства Наваз Шарифа) из Списка контроля за выездом (удалены имена лиц, причастных к коррупции и хищению, неуплате налогов).

Во внешнеполитической повестке правительства Ш. Шарифа докладчиком были выделены следующие основные направления:

- Нормализация отношений с США — один из главных внешнеполитических приоритетов правительства Ш. Шарифа. Вашингтон «вернул» посла США в Исламабад. Одна из целей — предоставление кредита в размере 6 млрд долларов и восстановление Программы МВФ, которая была приостановлена в конце срока полномочий И. Хана.
- Урегулирование (невоенным путем) с Индией нерешенных споров, включая Джамму и Кашмир.
- Ускорение развития проектов КПЭК совместно с Китаем; увеличение объема инвестиций в индустриализацию, сельское хозяйство и цифровые технологии.

В результате проведенного анализа Н. А. Замараевой были сделаны следующие выводы: победитель на предполагаемых выборах 2023 г. не будет в полной мере легитимен. Альянс ПМЛ (Н)/ПНП ставит цель политтехнологам «обеспечить» победу на всеобщих парламентских выборах в 2023 г. Но партия, ее «отработанные в прошлом» кадры не предлагают новой программы развития Пакистана, обновленного «видения»; у новых лиц ПМЛ(Н) — Марьям Наваз и Хамсы Шарифа, а также у Билавала Бхутто-Зардари нет такого стратегического видения.

Филимонова А. А. (ИСАА МГУ), выступая с докладом «Перспективы «Демократического движения Пакистана» через призму ситуации в Панджабе», рассмотрела двухэтапный политический кризис, начавшийся в марте 2022 г. и получивший новый импульс в январе 2023 г. Оба этапа, на ее взгляд, были спровоцированы действиями правившей в Панджабе партией «Пакистан тэхрик-и инсаф» (ПТИ, или ПДС). Утверждая, что первый микрокризис стал прелюдией

к отставке правительства Имран Хана, докладчик попыталась ответить на вопрос, станет ли второй из них по счету прелюдией к отставке правительства Шехбаза Шарифа?

В докладе, в частности, отмечалось, что в конце марта 2022 г. Имран Хан, будучи тогда еще премьер-министром (до вотума недоверия оставалось меньше двух недель), пошел на замену главного министра Панджаба. Член ПТИ Усман Буздар был заменен на лидера «Пакистанской мусульманской лиги-Каид» (ПМЛ-К) Первеза Элахи. Официальным мотивом было заявлено стремление укрепить альянс между ПТИ и ПМЛ-К на федеральном уровне. Однако, с учетом весьма незначительной представленности ПМЛ-К в Национальной ассамблее (5 мест), основной целью этого маневра Имран Хана было, видимо, не потерять Панджаб. Для ПТИ была жизненно важна коалиция с ПМЛ-К, т.к. в провинциальной ассамблее Панджаба у них было 184 места, а для большинства необходимо было иметь 186. И потому 10 мест ПМЛ-К были определяющими.

Замена главного министра Панджаба не прошла гладко: все свои ресурсы задействовала правительственная партия «Пакистанская мусульманская лига-Наваза» (ПМЛ-Н). На фоне отставки федерального правительства на эту должность был избран сын нового премьер-министра Хамза Шехбаз. Только через Верховный суд ПТИ удалось добиться перевыборов, утвердив все-таки на этом посту Первеза Элахи.

В январе 2023 г. ситуация в Панджабе получила дальнейшее развитие: Имран Хан приказал П. Элахи распустить панджабскую ассамблею, предварительно получив от нее 12 января вотум доверия. За роспуском ассамблеи в Панджабе 14 января последовал роспуск 18 января ассамблеи Хайбер-Пахтунхвы. Таким образом, в двух провинциях, где у ПТИ было большинство мест, партия осознанно дестабилизировала ситуацию. Эксперты расценили подобную политику ПТИ как составную часть стратегии партии, направленную на проведение в стране досрочных выборов.

Расчет на то, что досрочные выборы в Панджабе и Хайбер-Пахтунхве (ХП) спровоцируют досрочные выборы в Пакистане, по мнению докладчика, в целом пока не оправдался. При этом первая его часть близка к реализации, учитывая, что Верховный суд назначил на 14 мая 2023 г. выборы в Панджабе и Хайбер-Пахтунхве. Общефедеральные должны пройти в запланированный срок — 8 октября текущего года. Выполнимость постановления ВС в условиях нежелания федерального правительства считаться с ним остается под вопросом.

Но с другой стороны, как отметила А. Л. Филимонова, если они состоятся, то с большой долей вероятности предопределят исход ситуации с федеральными выборами. Аналитики расценивают панджабские выборы как вотум доверия правительству ПДМ в лице его основной партии — ПМЛ-Н. Важность Панджаба для пакистанской политики невозможно переоценить. Эта самая многонаселенная и экономически развитая провинция традиционно выполняет роль лакмусовой бумаги.

Очередным доказательством этого стала чехарда главных министров (четверо за последний год), представлявших попеременно то ПТИ, то ПМЛ-Н. Эта ожесточенная конкуренция за Панджаб представляется разминкой в преддверии федеральных выборов (вне зависимости от того, будут они досрочными или нет). Именно выборами в провинциальную ассамблею Панджаба откроется, если, конечно, откроется, череда досрочных выборов.

В случае поражения в Панджабе ПМЛ-Н (ведущая партия альянса ПДМ) потеряет многое: ее проигрыш докажет, что успех ПТИ на выборах 2018 г. не был случайностью. Докладчик отметила, что с момента отмены военного положения 9 апреля 1985 г. Панджаб оставался вотчиной семейного клана Шарифов. Но с 2018 г. там выясняют отношения сторонники Имран

Хана, семейства Шарифов и клана Чоудхури. В борьбе за Панджаб ПМЛ-Н проиграла уже дважды, уступив ПТИ на выборах в 2018 г. и не сумев отстоять Хамзу Шехбаза на втором голосовании 22 июля 2022 г. в качестве главного министра. Большую часть времени после 2018 г. Панджаб оставался в руках ПТИ.

Социологические опросы, проведенные после отставки Имран Хана, свидетельствуют о сильных позициях ПТИ в Панджабе, причем динамика также в пользу данной партии. Рейтинг ПТИ вырос с 46,8% в июле 2022 г. до 50,6% в апреле 2023 г. Одновременно уровень поддержки ПМЛ-Н упал с 39,5% до 34,8%. За год нахождения Шехбаза Шарифа в должности премьер-министра ПДМ не сумела вернуть себе Панджаб. При этом ПТИ извлекает из своего положения там всю возможную выгоду.

По мнению А. Л. Филимоновой, направление, выбранное ПТИ,— это путь малых побед, где каждый шаг — достижение, а каждый последующий шаг — большее достижение, чем предыдущий. Лишив провинции Панджаб и Хайбер-Пахтунхвы их ассамблей и правительств, создав там политический кризис, ПТИ задала условия «плохой игры». Однако в созданной ПТИ ситуации любой исход несет для нее политические выгоды. Сам факт досрочных выборов, даже только на провинциальном уровне, не говоря уже о федеральном, сыграет на руку ПТИ. Необходимость готовиться к выборам реформирует существующие политические договоренности, которые на данный момент не в пользу ПТИ. Так, ПМЛ-К с учетом происходящих событий уже лишилась президента: Чоудхури Шуджат Хуссейн (бессменный лидер партии с 2003 г.) поддержал ПМЛ-Н, что привело к его смещению и внутрипартийному кризису, который фактически приобрел черты семейного конфликта. Младший брат Чоудхури Шуджата Хуссейна — Чоудхури Ваджахат Хуссейн обратился с петицией в Высший суд (ВС) Лахора, требуя, чтобы избирательная комиссия Пакистана признала лидером партии именно его, а не Шуджата Хуссейна. ВС Лахора 22 марта 2023 г. согласился с позицией Ваджахата Хуссейна.

Предсказываемая экспертами победа ПТИ на досрочных выборах в Панджабе, как полагает докладчик, нанесет удар по позициям федерального правительства. ПДМ — весьма расплывчатый и условный альянс истинных участников и сочувствующих. Если главная партия альянса — ПМЛ-Н — продемонстрирует несостоятельность в Панджабе, это поставит под вопрос как ее лидерство в ПДМ, так и существование данной коалиции в принципе.

В результате проведенного анализа А. Л. Филимонова приходит к выводу, что даже если выборы не будут досрочными и пройдут одновременно на всех уровнях, как планировалось 8 октября 2023 г., ПТИ в любом случае окажется в более выгодной позиции, чем правящая коалиция. И как бы ни разрешилась сложившаяся в Панджабе ситуация, она со всей очевидностью будет иметь резонанс во всем Пакистане, а угрозы, которые она создает для правительства Шехбаза Шарифа, нельзя недооценивать.

Чекризова О. П. (ИВ РАН) в своем выступлении затронула вопрос о влиянии политики правительства Ш. Шарифа на положение религиозных меньшинств. Она подчеркнула, что в отличие от только что обсуждавшихся кардинальных для политической ситуации проблем ее тема является частной и не окажет сама по себе серьезного воздействия на борьбу политических сил. Вместе с тем сама проблематика религиозных меньшинств продолжает и при нынешнем правительстве привлекать к себе внимание. Дело в том, что она отражается на обстановке в сфере безопасности. Население Пакистана, напомнила докладчик, на 96% состоит из мусульман. Из 4% немусульман большинство составляют христиане Панджаба, индусы Синда, а также и считающие себя мусульманами ахмадийцы (члены секты ахмадийя). По Закону о богохульстве в конце XX в. пострадали многие ахмадийцы, но в последнее время отношение в Пакистане

к ним смягчилось. Нынешнее правительство продолжает политику более терпимого отношения к религиозным меньшинствам, стремясь подчеркнуть тот контраст, который, по распространенному в Пакистане мнению, существует между положением меньшинств в нем и в Индии, где мусульмане подвергаются дискриминации.

Серенко И. Н. (ИВ РАН), приступая к раскрытию темы доклада «Российско-пакистанские отношения в период правления правительства Шехбаза Шарифа», задалась вопросом о том, почему Пакистан, несмотря на столь сложное политическое и экономическое положение, фактически находящийся на грани дефолта, занимает во внешнеполитической повестке Москвы все больше места? Ответ, по ее мнению, можно найти в Новой внешнеполитической концепции Российской Федерации (2023), которая нацелена на «неприятие гегемонии в международных делах», на выстраивание многополярного мира в сложных условиях кризиса глобального миропорядка. Большое внимание в ней также отводится развитию широкого партнерства России как «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы», с дружественными ей странами на всем евразийском континенте с учетом национальных интересов и взаимовыгодного сотрудничества всех вовлеченных в многоплановые интеграционные процессы участников. На фоне усиления процессов региональной интеграции примером такого межгосударственного взаимодействия, по мнению докладчика, могут служить расширяющиеся российско-пакистанские связи, несмотря на сохраняющиеся сложные условия глобальной экономической и политической трансформации. Между двумя регионально близкими государствами наблюдается сохранение внешнеполитического курса Москвы и Исламабада на реализацию евразийских интеграционных процессов, учитывающих их национальные интересы и безопасность, общую заинтересованность сторон в урегулировании совместными усилиями ситуации в Афганистане для его подключения к многочисленным взаимовыгодным региональным проектам.

И. Н. Серенко далее сослалась на послание президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию 21 февраля 2023 г., где было указано на необходимость «расширять перспективные внешнеэкономические связи и выстраивать новые логистические коридоры» с учетом развития международного коридора Север–Юг, позволяющего создать «новые маршруты для делового сотрудничества с Индией, Ираном, Пакистаном, странами Ближнего Востока». Докладчик приходит к выводу о том, что Пакистан начинает рассматриваться Москвой в качестве важного участника процессов многоплановой евразийской интеграции. При этом ею было высказано сожаление о том, что начавшееся динамичное сближение между Пакистаном и Россией, которое наблюдалось в период правления правительства Имран Хана (2018–2022), не получило столь же стремительного развития с приходом к власти в апреле 2022 г. нового правительства во главе с Шехбазом Шарифом. На начальном этапе его внешнеполитической повестки отношения с Россией фактически отошли на второй план с учетом введенных антироссийских санкций и продолжавшегося давления на Пакистан с целью осудить специальную военную операцию Москвы на Украине. Свой первый официальный визит в статусе министра иностранных дел нового правительства Б. Бхутто-Зардари совершил 18–19 мая 2022 г. в США по приглашению вашингтонской администрации. Его встреча с американским госсекретарем Энтони Блинкеном состоялась «на полях» проходившего в Нью-Йорке форума по продовольственной безопасности. Исламабад попытался использовать эту возможность для восстановления пакистано-американских отношений, которые резко ухудшились при экс-премьере Имран Хане, выступавшем за активизацию взаимодействия с Москвой для обеспечения продовольственной и энергетической безопасности для более 220 млн населения Пакистана (в первую

очередь за счет российских поставок пшеницы и энергоносителей по льготным ценам), а также за достижение стабильности в регионе Южной и Центральной Азии, включая «постамериканский» Афганистан.

Выравнивание внешнеполитического курса Исламабада на Вашингтон, по мнению докладчика, способствовало определенному смещению приоритетов во внешней политике Пакистана. В качестве примера И. Н. Серенко привела перенос на январь 2023 г. очередного, 8-го, заседания российско-пакистанской межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которое ранее было запланировано на осень 2022 года. Хотя оно позже, с некоторым опозданием все-таки состоялось 18–20 января 2023 г. в Исламабаде. Стороны подтвердили свою приверженность прочному и всеобъемлющему взаимодействию в сферах энергетики, транспорта и логистики, промышленности, сельского хозяйства, банковского дела и таможен, информационных технологий, высшего образования и науки, а также борьбы с терроризмом и наркотрафиком. По утверждению докладчика, возникшая с приходом к власти правительства Шехбаза Шарифа пауза некоей неопределенности в двусторонних отношениях все же была прервана Исламабадом благодаря осознанию им общности своих стратегических интересов с Москвой в свете постепенного смещения мировых политических и экономических центров развития в Азию на фоне зарождения новой модели сотрудничества, основанной на принципах равноправия и многополярности мироустройства.

К основным вехам российско-пакистанского сближения за истекший год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа докладчиком была отнесена состоявшаяся 15 сентября 2022 г. встреча лидеров двух государств «на полях» Самаркандского саммита ШОС, где российским президентом В. В. Путиным было подчеркнуто, что Пакистан является «одним из наших приоритетных партнеров и в Юго-Восточной Азии, и в Азии в целом. Отношения между нашими странами складываются в абсолютно позитивном ключе». В ходе совместной встречи стороны обсудили широкий круг вопросов двусторонней и региональной повестки, включая развитие транспортно-логистических коридоров, энергетические маршруты поставок газа, в том числе через магистральный газопровод «Пакистанский поток» (МГП ПП) с перспективой его подключения к МГП ТАПИ, что сможет обеспечить взаимосвязанность энергетической инфраструктуры Центральной и Южной Азии. Лидерами двух государств обсуждалась также возможность поставок российского газа с помощью уже имеющейся для этого инфраструктуры в Казахстане и Узбекистане, а далее через Афганистан — в Пакистан. Пакистанский премьер Шехбаз Шариф подтвердил приверженность Исламабада сотрудничеству с Москвой на афганском треке в сфере обороны и безопасности и по другим направлениям двустороннего сотрудничества, включая торговлю, транспорт, энергетику, инвестиции и т.д.

Проблемы достижения мира, безопасности и стабильности на афганской территории для продвижения процессов региональной интеграции обсуждались на состоявшейся в Самарканде 13 апреля 2023 г. четвертой министерской встрече стран-соседей Афганистана. В ней приняли участие руководители внешнеполитических ведомств Ирана, Китая, Пакистана, России, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Они выразили готовность к дальнейшему сотрудничеству по созданию «мирного, единого, суверенного и независимого государства, свободного от угроз терроризма и наркотрафика», подключению Афганистана к крупным международным транспортно-энергетическим, коммуникационным и другим реализуемым соседними странами проектам для активизации социально-экономического развития афганского государства, его интеграции в региональную и мировую экономику. В докладе также отмечалось, что «на полях» этого важного мероприятия состоялись и переговоры главы российского

внешнеполитического ведомства С. В. Лаврова с Государственным министром иностранных дел ИРП Хиной Раббани Хар. В ходе беседы основное внимание участников было уделено состоянию двусторонних отношений, укреплению конструктивного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Обсуждались также проблемы региональной и международной повестки, успешное взаимодействие России и Пакистана на различных многосторонних площадках, включая ООН и ШОС. Стороны подтвердили приверженность достигнутым ранее договоренностям о расширении многопланового российско-пакистанского сотрудничества, включая афганский вектор взаимодействия.

И. Н. Серенко подчеркнула, что в ходе совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Пакистана Билавалом Бхутто-Зардари по итогам состоявшихся 30 января 2023 г. в российской столице официальных переговоров глава МИД РФ С. В. Лавров с удовлетворением выразил общее мнение сторон о том, что «российско-пакистанские отношения носят конструктивный, взаимовыгодный характер и не подвержены колебаниям международной конъюнктуры». Он также подчеркнул важность интенсификации политического диалога между двумя странами, в том числе на высшем уровне. При этом российский министр выразил признательность «пакистанским друзьям за их объективную взвешенную позицию по вопросам, которые под предлогом украинского кризиса вбрасываются в повестку дня международных организаций». Действительно, проводимая пакистанским руководством политика нейтралитета в российско-украинском противостоянии, спровоцированном США и их западными союзниками, проявилась при голосовании по всем шести антироссийским резолюциям ГА ООН по Украине, инициированным коллективным Западом с момента начала СВО 24 февраля 2022 года.

И. Н. Серенко напомнила, что, давая оценку двусторонним пакистано-российским отношениям в своей вступительной речи на международной научной конференции «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)», которая состоялась 26 сентября 2022 г. в Институте востоковедения РАН, посол ИРП в РФ Шафкат Али Хан также с удовлетворением отметил их возрастающую траекторию, которая, на его взгляд, не только позитивна, но и безупречна и не зависит от смены правительств. При этом почетный спикер, глава высокопоставленной пакистанской сенатской делегации, Председатель Постоянного комитета Сената Пакистана по правам человека, сенатор Валид Икбал подчеркнул необходимость дальнейшего развития многопланового сотрудничества между Пакистаном и Россией, выразил признательность и благодарность России за оказанную ею поддержку по вступлению Пакистана в ШОС. Он отметил важность реализации совместных пакистано-российских соглашений, включая флагманский двусторонний проект магистрального газопровода «Пакистанский поток», что, по его оценке, позволит поднять двусторонние отношения на новый уровень в условиях неизбежности «азиатского возрождения».

Российско-пакистанская проблематика в контексте региональной интеграции обсуждалась также и на представительной международной конференции «Пакистан и меняющийся глобальный миропорядок». Этот форум проходил 14–15 декабря 2022 г. в Карачи на площадке старейшего аналитического центра ИРП — Пакистанского Института международных отношений (Pakistan Institute of International Affairs — PIIA), отметившего свой 75-летний юбилей со дня основания. В нем приняли участие более 200 представителей дипломатических, сенатских, научных кругов из Великобритании, Индии, Китая, Непала, Пакистана, США, Шри-Ланки и России, включая сотрудников ИВ РАН. В выступлении почетного гостя данной конференции сенатора Мушахида Хуссейна, председателя Постоянного комитета Сената Пакистана по обзору тоже была выражена мысль о происходящих серьезных изменениях в глобальном балансе

сил, смещении политической и экономической активности в Азию, где Пакистану отводится важная роль благодаря его выгодному стратегическому положению. Сенатор отметил положительный факт продвижения внешней политики пакистанского государства после продолжительного 42-х летнего афганского кризиса по пути деидеологизации, укрепления связей с Китаем, Россией и странами Центральной Азии в условиях региональной интеграции. Он подчеркнул, что осуществляемая Вашингтоном внешняя политика, особенно после поспешного вывода войск из Афганистана, способствовала снижению авторитета США на Ближнем и Среднем Востоке и в мусульманском мире в целом.

Вместе с тем, подчеркнула И. Н. Серенко, это не снижает на практике финансовой зависимости Исламабада от Вашингтона и подконтрольных США международных финансовых структур, тем самым сковывая свободу действий Пакистана на внешнеполитической арене, где ему приходится в первую очередь балансировать на американском и китайско-российском направлениях. Поэтому вполне оправданными и небезосновательными являются опасения Москвы относительно попыток создания различного рода препятствий со стороны США в развитии плодотворных российско-пакистанских отношений, включая вовлеченность России и Пакистана в энергетическое сотрудничество. Так, в размещенном 15 марта 2023 г. на сайте американского посольства в Исламабаде совместном заявлении по американо-пакистанскому диалогу в области энергетической безопасности была подтверждена взаимная приверженность сторон к переходу на возобновляемые и экологически чистые источники энергии, безопасному и процветающему энергетическому будущему через углубление партнерства на основе американо-пакистанского «Зеленого альянса». В рамках Диалога по энергетической безопасности правительства двух стран взяли на себя новые обязательства по развитию сотрудничества в сфере энергетики для достижения Пакистаном использования до 60% возобновляемых источников энергии к 2030 году. При этом американцы постоянно напоминают нуждающемуся в закупке дешевых энергоносителей Пакистану о необходимости соблюдения потолка цен на нефть при заключении сделок с Москвой.

Вполне очевидно, что активизация усилий США на энергетическом треке взаимодействия с Пакистаном негативным образом сказывается на продвижении российско-пакистанской энергетической повестки сотрудничества. Возможно, с этим связана очередная задержка в подписании российско-пакистанского коммерческого соглашения по МТП «Пакистанский поток», а также отсрочка до мая запланированной на апрель текущего года поставки в страну морским путем первой пробной партии российской нефти в портовый город Карачи. В начавшемся российско-пакистанском сотрудничестве в сфере энергетики Исламабад все же видит возможность в кратчайшие сроки выйти из глубокого энергетического кризиса, заложив при этом на взаимовыгодной основе фундамент своей энергетической безопасности в долгосрочной перспективе благодаря имеющемуся для этого у России огромному потенциалу с выходом Пакистана на региональную транспортно-энергетическую взаимосвязанность. По заявлению министра нефти Пакистана Мусадика Малика, страна ежегодно закупает около 70 миллионов баррелей сырой нефти и хотела бы импортировать 35% от ее общего объема из России. Перспектива импорта российской нефти и газа позволит Пакистану, традиционно закупающему энергоносители в Саудовской Аравии и других странах Персидского залива, обрести новый источник в виде российских энергоносителей по доступным ценам. Обеспечение своей продовольственной безопасности Пакистан также связывает с поставкой российской пшеницы, импорт которой вырос за 8 месяцев 2022–2023 финансового года более чем в 8 раз. Пакистан поднялся на позицию пятого по величине импортера российской пшеницы.

Подводя итог сказанному, докладчик пришла к выводу о том, что российско-пакистанское сотрудничество в период правления правительства Шехбаза Шарифа основано на прорыве в двусторонних отношениях, достигнутом предыдущим руководством страны во главе с тогдашним премьер-министром Имран Ханом. Взаимодействие с Москвой отражает определенную степень преемственности внешнеполитического курса Исламабада на укрепление двусторонних связей. При этом наметившаяся интенсификация российско-пакистанских отношений определяется общностью геостратегических интересов двух стран на региональном и глобальном уровне в сложных условиях перехода к многополярному миру со смещением центров экономической и политической активности с Запада в Азию, что способствует возрастанию стратегического значения евразийских интеграционных процессов. Вовлеченность в них России и Пакистана совместно с дружественными региональными странами определяет перспективы их долгосрочного многопланового сотрудничества как на двусторонней, так и на многосторонней основах в различных евразийских структурах и объединениях, включая такие, как ШОС.

Топычканов П. В. (ИВ РАН; ИМЭМО) в докладе о военно-техническом сотрудничестве Пакистана в современных условиях остановился на некоторых его особенностях и тенденциях развития. Он особо подчеркнул важность крепнущего ВТС с Россией. К числу одного из существенных элементов этого сотрудничества докладчик отнес поставки из КНР в Пакистан самолетов-истребителей нового поколения Thunder JF-17, оснащенного мощным российским мотором. Хотя эти поставки не фигурируют в официальном списке поставок вооружений, они по стоимости занимают существенное место. Китайские истребители теснят аналогичную продукцию из США и других стран Запада. Вместе с тем в общем перечне государств, с которыми Пакистан поддерживает военно-технические связи, большое место занимают США, Англия, Франция, а также, особенно в последнее время, Турция. Развитие пакистано-турецких контактов в военно-технической области можно считать, по мнению докладчика, одним из заметных сдвигов в общем спектре ВТС Пакистана с другими странами. При этом эти подвижки происходят в условиях серьезной нестабильности в стране. П. В. Топычканов особо отметил, что, если у Пакистана есть запас прочности, то он состоит в высокой квалификации ее технических кадров, в том числе военных, в их достижениях в сфере высоких технологий и развитии современных коммуникационно-информационных сетей.

Мачитидзе Г. Г. (МГИМО МИД РФ) в своем выступлении «Афганская политика Пакистана в период правления Шехбаза Шарифа» подчеркнул важность афганской компоненты во внешнеполитическом курсе пришедшего к власти в апреле 2022 г. нового пакистанского руководства. Докладчик попытался ответить на вопрос о том, какое политическое наследие в этом смысле досталось Ш. Шарифу? Он, в частности, отметил, что после захвата талибами власти в Афганистане Исламабад рассчитывал на формирование в Кабуле лояльного Пакистану афганского правительства. Пакистанцы мечтали о том, чтобы в афганском правительстве доминировали не пуштунские националисты, а в большей степени исламисты. Однако этого не произошло. Более того, в Кабуле и Кандагаре правят люди, прекрасно сочетающие в себе пуштунский национализм с исламизмом, правда, в разной степени.

Иными словами, влияние Исламабада на правительство Афганистана уменьшилось, талибы стали меньше прислушиваться к указаниям некогда влиятельного соседа. Не сдвинулось с места решение одного из важнейших вопросов двусторонних отношений — признание линии Дюранда в качестве афгано-пакистанской границы. Как и при прежнем режиме в Кабуле, напряженность на границе сохраняется, возникают артиллерийские перестрелки, разрушаются пограничные заграждения. Не удалось также убедить новые афганские власти сделать необходимые

уступки международным требованиям в отношении управления страной и отказаться от поддержки «Движения талибов Пакистана» (ДТП).

Г. Г. Мачитидзе отметил, что, к большому неудовольствию пакистанцев, отношения между Кабулом и Нью-Дели стали менее враждебными. При этом афганские талибы рассчитывают, что в обозримом будущем Индия может предоставить необходимое финансирование для реконструкции и развития Афганистана, а это сведет на нет пакистанскую концепцию «стратегической глубины». Из-за нестабильности как в зоне Аф-Пак, так и в самом Афганистане Исламабад не смог открыть себе прямой путь в Центральную Азию для активизации торгово-экономических контактов с этими странами.

Докладчик заметил, что сложности возникли и в пакистано-американских отношениях. При этом он попытался ответить на вопрос, является ли Пакистан незаменимым партнером для США на афганском направлении? Как известно, американцы стараются напрямую взаимодействовать с режимом талибов. Определенное недоверие между Вашингтоном и Исламабадом сохраняется, учитывая долгую историю сотрудничества пакистанцев с наиболее радикальной частью движения «Талибан». В Исламабаде опасаются, что США будут опираться на «умеренных» руководителей Афганистана вроде Муллы Барадара, что может привести к укреплению позиций пуштунских националистов в противовес воинствующему исламу. Кроме того, в Конгрессе США раздаются голоса, требующие лишения Пакистана статуса «основного союзника США вне НАТО», который он имеет с 2004 г.

В то же время при Шехбазе Шарифе заметна положительная тенденция в отношениях с США. Исламабад уверяет, что политика так называемой «нулевой терпимости» к пакистанским талибам реализуется при поддержке США. Глава МИД Пакистана Билавал Бхутто-Зардари во время своего визита в США получил заверения от американских сенаторов относительно готовности предоставить Пакистану средства для отражения трансграничных нападений из Афганистана. Более того, администрация Байдена все чаще контактирует с правительством Ш. Шарифа и военным истеблишментом Пакистана вне зависимости от афганских дел. В частности, это касается использования пакистанской инфраструктуры для отслеживания ситуации в более обширном регионе. Так, осенью прошлого года в пакистанский аэропорт Шамси в Белуджистане было переброшено несколько различных типов американских беспилотных летательных аппаратов. С авиабазы Шамси США могут не только легко уничтожить определенные цели в Афганистане, но и контролировать приграничную территорию Ирана и Китая.

По мнению докладчика, опытные пакистанские политики ничего не делают даром. Исламабад выдвинул в ответ ряд требований, в частности, удалить Пакистан из «серого списка» ФАТФ (межправительственная организация по борьбе с финансированием терроризма), предоставить кредиты Международного валютного фонда, увеличить военную помощь для пакистанской армии. В итоге в октябре 2022 г. ФАТФ исключила Пакистан из списка стран, находящихся под усиленным наблюдением. Такое же решение принял и Европейский союз. Все это было сделано с подачи США.

Более того, отметил докладчик, в рамках программы военных продаж США с Исламабадом было заключено соглашение на поддержку и обслуживание парка пакистанских самолетов F-16 на сумму 450 млн долларов США. В Кабуле считают, что с приходом к власти в Пакистане Шехбаза Шарифа страна вернулась в орбиту американской политики.

Большим испытанием для премьер-министра Ш. Шарифа и для нового главнокомандующего армией Асима Мунира является эскалация террористических акций, которая ведет к растущей дестабилизации в стране, создаваемой такими запрещенными организациями, как

ДТП, «Освободительная армия Белуджистана» (ОАБ), «Белуджская националистическая армия» (БНА), «Народная армия Синдхудеша» (НАС), ИГИЛ-Хорасан и ИГИЛ-Пакистан. Причем ДТП ставит перед собой цель действовать на всей территории Пакистана.»Освободительная армия Белуджистана» и «Белуджская националистическая армия» проводят операции главным образом в провинции Белуджистан. Причем белуджские боевики зачастую объединяются с пакистанскими талибами. В действиях «Народной армия Синдхудеша», как и у белуджей, с которыми они взаимодействуют, очевидна антикитайская направленность их террористической деятельности.

ИГИЛ-Хорасан проводит операции не только в Афганистане, но и в провинции Хайбер-Пахтунхва. Еще одной проблемой для нынешнего правительства Пакистана является противодействие группировке ИГИЛ-Пакистан, которая подчиняется ИГИЛ-Хорасан и одновременно связана с ДТП. ИГИЛ-Пакистан несет ответственность за террористические акты в провинциях Панджаб и Белуджистан, хотя группировка имеет ограниченные возможности по сравнению с ИГИЛ-Хорасан и осуществляет меньше нападений.

В итоге в 2022 г. в Пакистане было совершено 512 террористических актов, направленных как против силовиков, так и против гражданских лиц. В результате терактов около 1000 человек погибли и 750 получили ранения. По сравнению с 2021 г. число погибших увеличилось почти на 15%.

Как подчеркнул Г. Г. Мачитидзе, наибольшие проблемы доставляет Движение талибов Пакистана, которое ориентировочно насчитывает до 6500 боевиков. ДТП пользуется большей свободой в использовании афганской территории, укрепляет свои позиции как в Афганистане, так и в Пакистане, где созданы многочисленные «спящие ячейки». Некоторые пакистанские эксперты считают, что афганские талибы являются в большей степени идеологической организацией и даже готовы испортить отношения с Исламабадом ради идеологического единства с ДТП. Но есть более важная причина, по которой афганские талибы терпят ДТП на своей территории,— это опасение, что в случае давления члены группировки могут перейти на сторону ИГИЛ-Хорасан.

ДТП надеется создать подобие Исламского эмирата в провинции Хайбер-Пахтунхва и в пуштунском поясе Белуджистана, добивается более строгого соблюдения исламских законов. Оно требует освобождения своих задержанных полевых командиров и боевиков, по-прежнему отказывается сложить оружие, а также ратует за сокращение пакистанского военного присутствия в провинции Хайбер-Пахтунхва. Боевики ДТП устанавливают контрольно-пропускные пункты в провинции, вымогают плату у путешественников, похищают полицейских и армейских офицеров, убивают правительственных чиновников, политических лидеров и племенных вождей, которые выступают против них. Испытывающие страх состоятельные жители провинции Хайбер-Пахтунхва платят ДТП деньги за гарантии безопасности.

Пакистанские талибы предупредили, что если власти объявят войну против ДТП, то группировка будет угрожать непосредственно Шехбазу Шарифу и Бхутто Зардари и их политическим партиям.

В выступлении отмечалось, что критические замечания премьер-министра Ш. Шарифа об Афганистане на 77-й сессии ГА ООН в сентябре 2022 г. усугубили размежевание между Исламабадом и Кабулом. Шариф высказал озабоченность в отношении угрозы, которую представляют собой основные террористические группировки, действующие с территории Афганистана, в том числе «Аль-Каида» и «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ). Министерство иностранных дел Афганистана назвало эти обвинения беспочвенными.

Несмотря на все противоречия и сложности, Исламабад, как полагает Г. Г. Мачитидзе, по-прежнему считает своих бывших афганских союзников основным инструментом сохранения позиций Пакистана в Афганистане. Пакистан по-прежнему готов оказать помощь Афганистану в преодолении экономических и гуманитарных проблем. Пакистанские власти полагают, что они лучше, чем любой другой региональный или вне-региональный игрок, могут убедить афганских талибов принять изменившиеся международные реалии. Поэтому и дипломатическое наступление Пакистана направлено на то, чтобы убедить Запад в том, что стимулы, а не давление, способны изменить поведение талибов. С учетом новой реальности в Афганистане Исламабад призывает внешних игроков разработать дорожную карту, которая приведет со временем к дипломатическому признанию афганского правительства.

Окимбеков У. В. (ИВ РАН) в своем докладе «Роль пуштунского фактора в развитии афгано-пакистанских отношений» отметил, что пуштуны являются самым многочисленным этносом не только в Афганистане, но и в приграничных пакистанских районах. Они играют важную роль как внутри Афганистана, так и в развитии отношений с соседним Пакистаном. Талибы, состоящие главным образом из пуштунов, на сегодня являются самой сплоченной, активной, энергичной политической группировкой Афганистана, вооруженной религиозной идеологией. В отличие от других — прежних и ныне действующих — афганских сил оппозиции, партий и движений их влияние распространяется не только внутри страны, но и за ее пределами, прежде всего в зоне проживания пуштунов Пакистана. Талибан по своей сути представляет собой военно-политическое движение со смесью религиозных и националистических взглядов, поэтому в зависимости от ситуации использует религиозные или национальные лозунги для решения поставленных задач.

Принимая все эти обстоятельства, докладчик сделал заключение, что вероятность возникновения конфликта в пуштунских ареалах Пакистана высока как никогда. Ситуация может стать более серьезной по мере укрепления власти талибов в Афганистане и улучшения материального положения пуштунов. Талибы проводят разного рода мероприятия, указывающие на поэтапную реализацию ими программ роста и усиления влияния пуштунов у себя в стране. Позже это может распространиться и на зону племен в Пакистане, что в итоге негативно скажется на отношениях между двумя государствами. Свою работу они могут осуществить в два этапа. На первом, который уже находится в процессе реализации, талибы активно занимаются улучшением материального положения и политического влияния пуштунов в самом Афганистане, в первую очередь путем возвращения в северные регионы не только беженцев и внутренне перемещенных лиц из числа пуштунов, но и возможного переселения туда новых желающих из южных регионов для освоения свободных земель. На втором этапе они обратят свое внимание на пуштунов пакистанской зоны племен.

У. В. Окимбеков далее поделился своим наблюдением, основанным на изучении исторического материала, о том, что пуштуны на протяжении XIX в. усиливали притеснение представителей других этносов в южных и восточных районах Афганистана. К концу того века они расширили сферу действия этой политики на северные области страны. Переселенческая политика продолжилась и в XX в., что в целом привело к ухудшению межэтнических отношений в северном Афганистане. Практика нахождения у власти последние полтора года талибов показывает, что они по существу проводят ту же политику. Талибы стараются заселять пуштунами северные районы. Сегодня появляется информация о выселении властями жителей населенных пунктов и передаче их земель пуштунам. Власти талибов на местах оправдывают это тем, что

эти земли раньше принадлежали пуштунам и лишь в последние десятилетия незаконно были отобраны у них.

Наряду с этим, отметил докладчик, в последнее время вкладываются бюджетные средства в реализацию крупных инфраструктурных проектов, позволяющих осваивать новые территории, например, плодородные земли бактрийской равнины, других мест. Строительство канала Куш-тепа на Аму-Дарье даст возможность обеспечить поливной водой 550 тыс. га земель, что создаст условия для новой волны пуштунизации севера.

Подобные действия талибов, подчеркнул докладчик, не ограничиваются территорией Афганистана. Сторонники талибов из числа афганских граждан активно участвуют в столкновениях и атаках на пакистанские силовые структуры. На границе в районе пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва боевики ТТП из числа афганцев часто пересекают границу, вступают в перестрелки с пакистанскими пограничниками. По имеющейся информации, каждые 4–5 из десяти членов ТТП являются выходцами из Афганистана. Только за последние три месяца в ходе проведенных пакистанскими вооруженными силами, полицией, а также контртеррористическим управлением операций был ликвидирован 51 афганский боевик. Такая ситуация имеет место не только в полосе племен, в частности в Вазиристане, но и в самой провинции Хайбер-Пахтунхва, а также и других более отдаленных от границы районах. В нападении, например, на полицейский участок в мегаполисе Карачи двое террористов были выходцами из Афганистана.

Заявления лидеров талибов, сделал вывод У. В. Окимбеков, говорят об их желании расширить географию распространения собственной идеологии, но в скором времени они могут задуматься и о расширении территории самого эмирата. Пакистан в этом плане выступает главным кандидатом, поскольку на его территории живет самая многочисленная часть пуштунов. Численность афганской армии, несмотря на отсутствие у талибов бюджетных ресурсов, увеличивается, что также косвенно говорит о подготовке движения к каким-то дальнейшим действиям. По сути они уже взяли власть в стране и обещали не вмешиваться в дела соседних государств. И это снимает вопрос о необходимости создания более мощной армии, так как для подавления небольших сил сопротивления у талибов достаточно имеющихся ресурсов. Накопленный ими за десятилетия силовой потенциал в значительной степени сохранился после прихода к власти, поэтому вполне возможно, что они предпримут попытки применить его в другом направлении.

Нессар О. М. (ИВ РАН), приступая к своему докладу «Динамика афгано-пакистанских отношений после установления режима талибов в Кабуле», напомнил участникам круглого стола о проведенном ранее Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН 28 февраля 2022 г. ситуационном анализе по итогам 6-месячного правления талибов. Уже тогда складывавшаяся ситуация свидетельствовала о появлении первых признаков ухудшения отношений между талибами и Пакистаном. На сегодняшний день отношения между Кабулом и Исламабадом продолжают ухудшаться, развиваясь не так, как ожидали того в Пакистане.

Говоря о том, что история имеет свойство повторяться, докладчик подчеркнул, что последний приход талибов к власти частично повторил динамику афгано-пакистанских связей после первого прихода талибов к власти (1996 г.). Тогда Пакистан рассчитывал, что талибы будут ставить религиозное единство выше этнонационального, и это поможет ослабить движение за Пуштунистан, которое могло бы объединить пуштунов, живущих по обе стороне «линии Дюранда».

Однако пакистанские власти просчитались. Талибы все больше отдалялись от пакистанцев, становясь все менее управляемыми. Важно, что талибы, являясь в подавляющем большинстве

пуштунами, несмотря на свой религиозный радикализм, не спешили отказываться от источника силы, в котором они видели пуштунскую идентичность. В этом вопросе они не шли на уступки. Так, талибы отказались признать «линию Дюранда». Тем не менее в 1990-е гг. у Исламабада было гораздо больше рычагов влияния на афганских талибов. В частности, режим талибов с севера фактически был изолирован, а экономическая зависимость от Пакистана была более заметной. Сейчас степень зависимости талибов от Пакистана по сравнению с первым периодом их правления, по мнению докладчика, заметно снизилась. Это позволяет им игнорировать ожидания Исламабада.

Характеризуя состояние сегодняшних афгано-пакистанских отношений, О. М. Нессар подчеркнул, что талибы не пошли навстречу Пакистану в вопросе разрыва связей с ТТП, преследуя цель создания государственного образования в Пакистане по образцу талибского Афганистана. Кроме того, талибы не стали силой, ориентированной исключительно на Пакистан. В частности, Индия отошла от многолетней политики, означавшей отсутствие официальных контактов с талибами. Кроме того, важным показателем негативного развития двухсторонних отношений являются дипломатические демарши. За время правления талибов по меньшей мере один раз пакистанский посол был вызван в МИД в знак протеста против, как сообщили талибы, обстрела приграничной афганской территории. Талибы неоднократно делали достаточно болезненные для Пакистана заявления. В декабре 2021 г. официальный представитель талибов Забиулла Муджахед заявил о том, что государственный строй Пакистана не является исламским. Судя по всему, заявление было согласовано с руководством движения. В январе нынешнего года в разгар противостояния правительства Пакистана и ТТП был опубликован фрагмент выступления духовного лидера талибов муллы Хайбатуллы, в котором тот назвал пакистанские законы неисламскими, потому что в Пакистане, как он отметил, сохранилась британская система. Данная апелляция ТТП к выступлению Ахундзады также свидетельствует о степени влияния ДТ на ТТП.

В развитии взаимоотношений между талибами и Исламабадом за истекшие 1,5 года нахождения их у власти О. М. Нессар выделил существующую напряженность в трех основных направлениях:

Во-первых, это несбывшиеся ожидания Исламабада по поводу эффективности афганских талибов как посредников с ТТП. В Исламабаде после прихода талибов к власти ожидало рассчитывать на урегулирование или смягчение проблем, связанных с деятельностью ТТП. Однако в реальности фиксируется рост активности пакистанских талибов. Пакистанское экспертное сообщество за год после прихода к власти талибов в Афганистане зафиксировало рекордный рост числа терактов на территории страны в полтора раза;

Во-вторых, это рост приграничной напряженности. Вооруженные конфликты между талибами и пограничными силами Пакистана на линии границы стали тенденцией;

В-третьих, это сохраняющаяся активность Индии в Афганистане, включая ее контакты с талибами. Талибы стремятся диверсифицировать внешние связи, что, по всей видимости, не исключает и отношений с Индией. Нью-Дели уже отправлял своих дипломатов в Кабул для переговоров о возможном возобновлении дипломатического присутствия. По сообщениям афганских СМИ, в Кабуле на постоянной основе находятся несколько дипломатов Индии.

Докладчиком было отмечено, что по состоянию на сегодняшний день фактически так и не решен ни один существенный вопрос, решение которого Исламабад ожидал от талибов. Более того, по некоторым направлениям наблюдается рост напряженности, в частности, в пакистано-афганском приграничье. При этом жесткую позицию в отношении Пакистана

заняли не все лидеры талибов. Особенно примечательны менее жесткие заявления и.о. министра обороны муллы Мохаммада Якуба (сына первого лидера талибов муллы Омара). Более лояльную к Пакистану позицию занимает и другой известный лидер талибов — и.о. министра внутренних дел Сираджуддин Хаккани. Тем не менее текущий курс, судя по всему, одобряется верховным лидером движения муллою Хайбатуллою Ахундом.

В заключение О. М. Нессаром был сделан вывод о том, что «Галибан» преодолевает зависимость от Исламабада. По всей видимости, можно говорить о повторении того, что происходило ранее со многими другими афганскими военно-политическими движениями: после прихода в Кабул они либо дистанцировались от Исламабада, либо вовсе брали на вооружение антипакистанскую риторику.

Мелехина Н. В. (ИВ РАН; МГИМО МИД РФ) в докладе «Политика правительства Ш. Шарифа в отношении Индии» отметила принципиальную неизменность курса нынешнего правительства Пакистана от политики предшествующих администраций. Он состоит в непризнании тех шагов, которые индийское правительство предприняло для решения кашмирской проблемы. Она напомнила, что в августе 2018 г., почти сразу после очередных выборов в парламент, кабинет Нарендра Моди принял решение преобразовать штат Джамму и Кашмир, особый статус которого существует с момента раздела колониальной Индии и возникновения проблемы с бывшим одноименным княжеством, на две союзные территории — Джамму и Кашмир и Ладакх. Смелый шаг правительства в Нью-Дели, утвержденный незамедлительно парламентом Индии, был, как отметила докладчик, неожиданностью для Пакистана. Создавшаяся в бывшем штате, особенно в долине Кашмира, острая обстановка, попытки различных политических сил в Индии оспорить решение Н. Моди дали возможность Исламабаду поднять на международном уровне вопрос о правомерности действий индийского правительства. Продолжая ту же линию, отметила Н. В. Мелёхина, кабинет Ш. Шарифа снизил тон конфронтации, понимая, что внутреннее положение в его стране не позволяет проведения твердой политики в отношении куда более сильного и успешно развивающегося соседа.

Макаревич Г. Г. (ИМЭМО РАН) в докладе «Индо-пакистанские отношения в 2022–2023 гг.: попытка отменить географию» подчеркнул разный подход Индии к двум своим соседям по континенту. В отношении КНР, соседа с востока, Нью-Дели проводит политику с учетом значимости и растущей роли Китая в мировых и региональных делах. При этом он не собирается уступать Пекину в вопросах, связанных с территориальными спорами и неурегулированной границей в Гималаях. Что касается Пакистана, соседа с запада, то Индия старается как бы «не замечать» его, давая понять, что этот ее сосед — страна неустроенная, раздираемая внутренними противоречиями, небольшая по сравнению с ней и не заслуживающая ее внимания. В этом и есть особенность индийской политики на «отмену географии», т.е. пренебрежение к Пакистану, что, по мнению докладчика, может привести в будущем к серьезным осложнениям.

Хайцева М. В. (ИВ РАН), раскрывая тему своего доклада «Политика кабинета Шехбаза Шарифа в отношении инфраструктурных проектов (КПЭК)», отметила, что действующий премьер-министр Пакистана Шехбаз Шариф и его правительство придают инфраструктурным проектам первостепенное значение. Так, за последний год было запущено и завершено несколько больших объектов в области транспортной и дорожной инфраструктуры: линия автобусного сообщения между Пешаваром и местечком Морр и международным аэропортом Нового Исламабада, проект эстакады на Равал-роуд, автобусное сообщение Green and Blue Metro в столице, автомагистраль Суккур-Хайдарабад (М-6), участок Кучлак-Хуздар автомагистрали Кветта-Карачи. Помимо этого, при участии Китая была открыта угольная электростанция в пустынном

регионе Тхар в Синде. Кроме того, Шехбаз Шариф инициировал ряд проектов для пакистанцев, проживающих за границей, которых он считает ценным активом, способным привлечь в страну инвестиции.

Докладчик подчеркнула особое внимание, которое правительство Ш. Шарифа в целом уделяет реализации инвестиционной программы Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭЖ). Премьер назвал его «высшим национальным приоритетом», примером «всеплодного стратегического партнерства» с Китаем. Сразу после того, как Шехбаз Шариф был объявлен новым премьер-министром Пакистана в апреле 2022 г., он заявил о своем намерении вдохнуть новую жизнь в КПЭЖ. Делегация китайского посольства была среди первых дипломатов, поздравивших его с избранием. Это связано с тем, что КПЭЖ был запущен в 2015 г. лично его братом Навазом Шарифом, когда тот был премьер-министром Пакистана, а Шехбаз занимал должность главного министра Пенджаба. Они оба активно ратовали за его осуществление.

М. В. Хайцева отметила, что, по мнению многих в Пакистане, Шехбаз «сыграл решающую роль в продвижении КПЭЖ вперед». Первые в Пакистане системы общественного транспорта были введены в эксплуатацию в Исламабаде, Мултани и родном городе Шарифов Лахоре. Его трудовая этика и сдача проектов раньше срока впечатлили китайскую сторону настолько, что его работу нередко называли «пенджабской скоростью».

После победы партии «Пакистан Техрик-е-Инсаф» («Движение за справедливость») на всеобщих выборах в августе 2018 г. министры кабинета Имран Хана начали активно обвинять Шехбазу в коррупции и получении взяток от китайских государственных предприятий, работающих над проектами КПЭЖ в провинции Пенджаб. Пекин был недоволен сложившейся ситуацией и отсутствием рвения со стороны администрации И. Хана. Несмотря на давление китайской стороны и пакистанского истеблишмента, как заявила докладчик, И. Хан и его правительство не проявляли энтузиазма по поводу КПЭЖ. Активность замедлилась до такой степени, что большинство незавершенных объектов сильно отстали от графика, а новые крупные проекты не запускались.

Хотя в период правления И. Хана в рамках КПЭЖ было создано три особые экономические зоны и проводились регулярные встречи на высшем уровне с китайским руководством, китайская сторона все громче стала жаловаться на бюрократическую волокиту, особенно препятствующую выплате сотен миллионов долларов, причитающихся государственным предприятиям, которые эксплуатируют электростанции, построенные во время правления Н. Шарифа. В итоге о новых проектах объявлено не было. И, несмотря на все усилия администрации И. Хана, Китай не выделил средства на капитальный ремонт разрушающейся сети железных дорог Пакистана стоимостью 6,8 млрд долл.

Став премьером Пакистана, Шехбаз Шариф назначил Ахсана Икбала министром планирования, реформ и специальных инициатив. Он занимал этот пост в 2015–2018 гг. и курировал реализацию первого этапа КПЭЖ от имени администрации Наваза Шарифа. На недавнем заседании 11-го Совместного комитета по сотрудничеству в рамках КПЭЖ в формате видеоконференции Ахсан Икбал выделил три основные задачи: возрождение КПЭЖ, включение новых проектов и продвижение сотрудничества «бизнеса с бизнесом», которое ранее основывалось на отношениях между правительствами. В своем выступлении он перечислил значительные достижения администрации Наваза Шарифа в рамках КПЭЖ, в частности, привлечение свыше 20 млрд долл. китайских инвестиций в Пакистан. Вместе с тем он обрушился с критикой на правительство Имран Хана, которое, по его мнению, из-за плохого управления и непонимания сути проекта фактически поставило под угрозу реализацию данной многомиллиардной

инициативы и подорвало доверие существующих и потенциальных китайских инвесторов. Он заявил о том, что управление таким сложным и стратегическим проектом, как КПЭК, требует не только хорошо скоординированного, зрелого и прозрачного подхода, но и административной преемственности и политической стабильности. И нынешнее правительство преисполнено решимости все это обеспечить.

Подводя итог сказанному, докладчик сделала вывод о том, что различные инфраструктурные проекты, столь важные для страны и населения, ожидаемо стали объектами внутриполитической борьбы. В то же время эта борьба имеет и определенное значение для внешнеполитического курса Пакистана, отражаясь на предпочтениях и приоритетах в этой области.

В заключительной части круглого стола состоялась общая дискуссия «Политическое положение в Пакистане на сегодняшний день и ближайшие перспективы», в ходе которой экспертами были озвучены возможные сценарии развития складывающейся сложной ситуации в стране, испытывающей одновременно глубокий экономический, политический и конституционный кризисы, а также влияние внешних факторов на внутреннее положение в государстве. Основным выводом, сделанным в ходе обсуждения, состоял в том, что проведение досрочных выборов в провинциях Панджаб и Хайбер-Пахтунхва вряд ли состоится. Обострение политической борьбы может привести к массовым выступлениям в поддержку Имран Хана и введению на некоторый период военного или полувоенного (военно-гражданского) правления. В случае если парламентские выборы состоятся, победа на них нынешней оппозиции в высшей степени вероятна.

РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ СВЯЗИ

© 2023

М. Т. Степанянц¹

Пакистанские философы инициировали общение с коллегами из СССР до двухстороннего мартовского соглашения 1961 г. по развитию двухсторонних экономических связей, за которым последовало развитие научно-технических и культурных контактов во 2-й половине 60-х гг. За два месяца до упомянутого соглашения Институтом философии АН СССР было получено приглашение принять участие в работе Пакистанского философского конгресса (11—14 января 1961, Карачи). Автору данной статьи посчастливилось быть членом делегации. Он делится своим личным опытом встреч с пакистанскими философами и интеллектуалами на Восьмом и Двенадцатом философских конгрессах (1965, Лахор), на праздновании 100-летнего юбилея знаменитого Восточного колледжа (Lahore Oriental College), на международных конференциях, конгрессах и форумах в Великобритании, Греции, Египте, Иране, Канаде, США, СССР... При этом выделены две фигуры: основатель Пакистанского философского конгресса, создатель всемирно известной многотомной энциклопедии исламской философии Мухаммад М. Шариф и сенатор Джавед Икбал, сын Мухаммада Икбала, получивший блестящее философское и правовое образование (Университет Кембриджа), член Верховного суда Пакистана, член Сената (Верхней палаты парламента Пакистана).

Особое место в статье уделено поэту-философу Мухаммаду Икбалу, который был и остается для пакистанцев «духовным отцом». Значимость его проекта реконструкции религиозной мысли ислама позволяет считать его самым просвещенным мыслителем XX века, влияние идей которого сохранится и будет возрастать в трансформирующемся мире в целом и мусульманском в особенности.

Ключевые слова: Пакистан, философия, конгресс, Россия, Мухаммад Икбал, реконструкция

Для цитирования: Степанянц М. Т. Российско-пакистанские философские связи. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 263–269. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-263-269

RUSSIA-PAKISTAN PHILOSOPHICAL RELATIONS

Marietta T. Stepanyants

Pakistan philosophers had initiated communication with the colleagues in the USSR before March 1961 agreement on the development of bilateral economic ties, followed by the development of scientific, technical and cultural ties in the 2nd half of the 60s. Two months before the above-mentioned March agreement, the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR received an invitation to participate in the work of the Pakistan Congress of Philosophy (January 11–14, 1961, Karachi). The author of this article was fortunate to be a member of the delegation. She shares her personal experience of meeting Pakistani philosophers

¹ Степанянц Мариэтта Тиграновна, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель наук РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва; marietta_35@mail.ru

Marietta T. Stepanyants, Doctor of Philosophy, Professor, Honoured Scholar of the Russian Federation, Principal Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow; marietta_35@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6176-5718

and intellectuals at the Eighth and Twelfth Philosophical Congresses (1965, Lahore), at the celebration of the 100th anniversary of the famous Lahore Oriental College, at international conferences, congresses and forums in Great Britain, Greece, Egypt, Iran, Canada. At the same time, two figures are singled out: the founder of the Pakistan Congress of Philosophy, the creator of the world-famous encyclopedia of Islamic philosophy - Muhammad M. Sharif and the son of Muhammad Iqbal Senator Javed Iqbal, who received a brilliant philosophical and legal education (University of Cambridge), a member of the Supreme Court of Pakistan, a member of the Senate (Upper House of Parliament of Pakistan).

A special place in the article is given to the poet-philosopher Muhammad Iqbal, who was and remains a “spiritual father” for Pakistanis. The significance of his project to reconstruct the religious thought of Islam allows us to consider him the most Enlightened Muslim thinker of the twentieth century, whose influence of ideas will continue and will increase in the transforming world in general and the Muslim world in particular.

Keywords: Pakistan, philosophy, congress, Russia, Muhammad Iqbal, reconstruction

For citation: Stepanyants M. T. Russia-Pakistan philosophical relations. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 3. Pp. 263–269. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-263-269

Установление дипломатических отношений — первый шаг, за которым следует развитие отношений во многих сферах общественной жизни, приоритетное место в которых занимают торговля, экономика и политика, вплоть до военного сотрудничества. Далее следуют наука, образование, культура. Далекое не всегда политики осознают значимость понимания общественного сознания, формируемого историческим опытом, традициями, культурой, религиозной верой, в деле успешного развития приоритетных практических сфер сотрудничества.

Первым после установления дипломатических отношений между СССР и Пакистаном в мае стало двухстороннее торговое соглашение (1956). Отправной точкой в развитии экономического сотрудничества явилось мартовское соглашение 1961 г., за которым последовало развитие научно-технических и культурных связей во 2-й половине 60-х гг. Удивительным образом пакистанские философы инициировали связь с коллегами в СССР раньше многих других. За два месяца до упомянутого выше мартовского соглашения Институтом философии АН СССР было получено приглашение принять участие в работе Пакистанского философского конгресса (11–14 января 1961, Карачи). Поразительно и то, что советская бюрократия сработала исключительно быстро, дав разрешение ученым вылететь в срок. В состав делегации вошли заместитель директора Института философии Е. В. Шорохова, главный редактор журнала «Вопросы философии» В. С. Семенов и один из самых молодых сотрудников Института. Им оказалась в силу счастливых обстоятельств я, выпускница восточного факультета университета, получившая в 1959 г. направление на работу в Институт философии. Объяснялось это тем, что шла подготовка пятитомной истории философии, и ИФ РАН требовались сотрудники, владеющие восточными языками, я же владела языком урду. Поездка в Пакистан была для меня невероятной удачей, воистину судьбоносной.

Шесть лет университетского образования позволили не только овладеть языком урду, но и дали знания по истории и культуре Индии в целом и индийских мусульман в частности. Благодаря замечательному преподавателю, индийскому мусульманину Зое Ансари я увлекалась переводами, некоторые из которых были опубликованы. Более того, мой магистерский диплом был посвящен творчеству Саадата Хасан Манто — выдающегося мастера короткого рассказа, которого сравнивали с Чеховым на языке урду. Но все это были книжные знания, несравнимые с пребыванием в стране, народ которой исповедовал ислам и говорил на урду.

Нашей делегации посчастливилось участвовать в работе Пакистанского философского конгресса, руководимого его основателем и пожизненным президентом Мухаммад М. Шарифом (1893–1965), признанным авторитетом среди мусульманских философов Индии и Пакистана. Примечательно, что именно он был президентом Индийского философского конгресса до образования Пакистана.

Мухаммад Шариф получил начальное и среднее образование в Англо-восточном колледже Алигарха и в Алигархском мусульманском университете. После присвоения степени бакалавра по философии продолжил учебу в Великобритании, где в Университете Кембриджа получил степень магистра, а затем защитил докторскую диссертацию под научным руководством известного английского философа Джорджа Эдварда Мура, который вместе с Берtrandом Расселом, Людвигом Витгенштейном был одним из основателей аналитической традиции философии. По возвращении на родину М. Шариф заведовал кафедрой философии Алигархского мусульманского университета. В 1945 г. стал директором Института исламской культуры (Лахор). До конца жизни оставался членом Совета по исламской идеологии и профессором *Islamiyah College*. Самый прославленный его труд — фундаментальная двухтомная «История мусульманской философии», в которой он выступил в качестве разработчика концепции, составителя и автора многих статей [Sharif, 1963–1966].

Благодаря профессору М. Шарифу нашей делегации было уделено большое внимание. Несмотря на мой возраст и то, что я была лишь начинающим научным сотрудником, меня окружили заботой и оказали бесценную поддержку в занятиях по изучению пакистанской философии. Видимо, сыграла роль эмоциональная реакция пакистанцев на то, что я общалась с ними и выступила с докладом на урау.

Профессор Шариф подарил собственные монографические труды, на которые и по сей день я ссылаюсь в своих книгах и статьях. Особенно часты ссылки на онтологическую концепцию «диалектической монадологии», в основу которой им положены атомистические построения *калама* [Sharif, 1952]. Вслед за приверженцами *калама* — *мутакаллимами* — М. Шариф утверждал, что вся Вселенная и каждое тело в ней состоят из мельчайших неделимых частиц, которые он именуется монадами. Монады — один из трех типов бытия. Первый — конечное Бытие (Бог). Второй — духовные сущности (монады). Третий — пространственно-временной мир ощущений. Все в мире, начиная с электрона и кончая человеком, представляет собой духовные монады, порождаемые Богом. Поскольку Он имманентен каждой из них, монады вечны, неделимы и невидимы. Низшие монады пользуются меньшей свободой, чем высшие. Божественная свобода — источник одновременно детерминированности и свободы монад. Монадология Шарифа во многом напоминает теорию монад Лейбница, однако он отрицал принцип непроницаемости монад, утверждая их взаимодействие и даже взаимопроникновение. Шариф «дополняет» также принципы Лейбница диалектикой, утверждая, что монады по своей природе диалектичны, процесс развития в них протекает по триадам: движение «я» через «не-я» или, скорее, «еще не-я» к синтезу обеих в более развитое «я». Построения М. Шарифа интересны тем, что в них онтологическая схема исламской схоластики выражена в западных философских терминах и понятиях. Это позволяет представить мусульманскую традицию как вполне вписывающуюся в то, что принято считать мировыми философскими стандартами. Еще более существенным является «диалектическое» переосмысление мутакаллимовской атомистики, подводящее идейное обоснование под процесс развития во всех его проявлениях — природных и общественных. Это не следует называть синтезом. Скорее это было стремлением «перевода» философских идей собственной традиции на «язык» западной философии с целью презентации

мусульманских традиций доступными внешнему миру средствами, не ограниченными культурно-цивилизационными рамками, тем самым способствуя складыванию некоего общего языка, необходимого для взаимопонимания. С другой стороны, использование различных философских языков оказывалось благотворным не только для более полного выражения, но и для раскрытия различных культурных опытов, тем самым стимулируя в конечном счете процесс философствования как таковой.

В целом мне подарили два больших ящика книг и журналов, включая комплекты *Pakistan Philosophical Journal* и *Iqbal Review*. Этот книжный «клад» позволил мне подготовить и защитить в 1963 г. диссертацию, на основе которой в 1967 г. была опубликована монография по философии в Пакистане, вскоре переведенная на английский язык и опубликованная в Пакистане [Степанянц, 1967; Stepanyants, 1972].

Публикация неожиданно привлекла внимание за рубежом (в Англии и Германии) еще до того, как ее издали в Пакистане [Hubert, 1967; Braker, 1969] до наступления происшедших в стране политико-идеологических перемен, поскольку рецензенты обратили внимание на отличие моего отношения к исламу по сравнению с ранее доминирующим в трудах известного советского атеиста Л. И. Климовича.

Наиболее важными для меня были две рецензии в газете «Пакистан Таймс». Автор первой — профессор К. А. Кадира (который после смерти М. М. Шарифа стал президентом Пакистанского философского конгресса) — в частности, писал: «Эта замечательная маленькая книга написана с пониманием и добрым чувством. Она полна мудрости и должна быть прочитана всеми, кто интересуется современными проблемами Пакистана» [Qadir, 1972]. Журналист-обозреватель под псевдонимом «ZENO» счел уместным отметить: «Эта небольшая книга, объемом всего в 150 страниц, содержит гораздо больше интеллектуального мяса, чем многие толстые тома, написанные на ту же тему отечественными и иностранными авторами» [Zeno, 1972].

Упомянутые рецензии поддерживали меня в решимости не поддаваться критике со стороны некоторых отечественных коллег, которые утверждали, что моя работа вызовет «антисоветские протесты» (по этому поводу даже был написан донос директору издательства «Восточная литература» Олегу Дрейеру).

М. М. Шариф умер в 1965 г., а потому наша вторая встреча с ним не могла состояться, когда я вторично принимала участие в работе Пакистанского философского конгресса (12-й сессии) в Лахоре. Наконец, в 1973 г. мне удалось побывать в Пакистане в связи с празднованием столетия прославленного *Lahore Oriental College*, выпускником которого был Мухаммад Икбал. Впоследствии личная жизнь сложилась таким образом, что больше посетить Пакистан не удалось, но это не помешало мне практически все последующие годы продолжать писать об Алламе Мухаммаде Икбале, которого я ценю как самого просвещенного мусульманского мыслителя XX в.

Об этом я говорила в докладах и выступлениях не только на научных конференциях в СССР, но и на сессиях Всемирного философского конгресса (Великобритания, Турция, Греция, Корея, Китай), а также на «Конгрессах философов Востока и Запада» (США, Гонолулу), на международных конференциях в Египте, Индии, Иране, Канаде, Марокко, Турции, США. Публиковала статьи о философских взглядах Икбала в российских энциклопедиях; включала разделы о мировоззрении Икбала в различные учебные пособия, в университетский учебник-антологию по восточным философиям (три издания на русском языке, одно — на английском) [Степанянц, 1997, 2002, 2011]. Главное же, что удалось подготовить и опубликовать 2 издания

академического перевода знаменитых лекций М. Икбала «Реконструкция религиозной мысли в исламе» [Степанянц, 2002, 2020].

Благодаря философскому наследию Мухаммада Икбала мне посчастливилось встретиться за пределами Пакистана с рядом видных пакистанских интеллектуалов. Прежде всего я имею в виду Хафиза Малика, профессора истории и политических наук университета Виллановы (Пенсильвания). Как ответственный редактор 7-го тома «Икбал» в серии «Studies in Oriental Culture» Columbia University, он пригласил меня принять участие в подготовке указанного тома. В 1971 г. по счастливой случайности я оказалась в Нью-Йорке в составе делегации советских женщин. Хафиз воспользовался возможностью встретиться (до этого мы только переписывались) и специально приехал из Виллановы, чтобы вручить только что опубликованный том с моим участием [Stepanyants, 1971, p. 301–310]. Эта встреча положила начало нашей многолетней переписке и еще нескольким встречам.

В январе 1995 г. на Гавайях в Гонолулу проходила VII Конференция философов Востока и Запада» (East-West Philosophers' Conference). КФВЗ положили начало институциональному оформлению мирового дискурса по сравнительной философии. Конференции всегда проводятся Гавайским университетом и отличаются высочайшим профессиональным уровнем приглашенных участников. Мне выпала честь в течение пяти лет заниматься подготовкой конференции в качестве ее директора, а затем выполнять роль президента высокого форума. В качестве пленарных докладчиков приглашались преимущественно представители западной, китайской, индийской и японской философских традиций. Используя свое право руководителя Программного Совета, я решила обеспечить участие интеллектуалов до этого игнорируемого мусульманского мира, пригласив в качестве пленарных докладчиков специалистов из Египта, Иордании, Пакистана и Ирана. Тема конференции «Справедливость и демократия: кросс-культурные перспективы» сказалась на выборе наиболее удачного пакистанского участника — наилучшим мог быть Джавед Икбал, сын всемирно известного поэта и философа Мухаммада Икбала, имеющий блестящее философское и правовое образование (Университет Кембриджа), многолетнюю адвокатскую и судейскую практику в Верховном суде Пакистана и, наконец, — парламентский опыт как избранный член Сената (Верхней палаты парламента Пакистана).

Выступление Джаведа Икбала стало одним из лучших, поэтому было включено в сборник избранных текстов VII Конференции [Iqbal J., 1997, p. 241–256]. Я считаю, что успех был обусловлен тем, что он опроверг два распространенных стереотипа.

Первый касается правовой системы ислама, которая якобы принципиально несовместима с демократией. Джавед Икбал отмечал ошибочность этой точки зрения, ссылаясь на то, что пророк Мухаммед «как глава нового государства, не был обязан советоваться с другими. Но он советовался со своими сподвижниками по всем вопросам, кроме тех, которые касались откровения, в соответствии с повелением, адресованным ему в Коране, о том, что он должен советоваться с ними в делах и, приняв решение, он должен уповать на Бога (сура 3:159) [Iqbal J., 1997, p. 241].

Повеление Пророка было призвано подчеркнуть важность «консультаций» (*шур*) с мусульманами в управлении общественными делами. Сообщается, что Пророк сказал: «Разхождения во мнениях в моей общине являются проявлением Божественного Милосердия» и «Моя община никогда не примет ошибки» [Iqbal J., 1997, p. 241]. Пророк всегда советовался с группой видных членов общины по вопросам ведения общественных дел. Это был консультативный орган, и впоследствии этой практике последовали его преемники, праведные халифы (632 г.н.э.— 661 г.н.э.).

Второй стереотип, опровергнутый Джаведом Икбалом, заключается в том, что справедливость достижима только западной демократической системой. Полагаю, что тема конференции была задумана как демонстрация обоснованности притязаний западного мира на исключительное обладание практикой демократического государственного устройства. Однако, в отличие от американских и европейских участников, представители Индии, Китая, Кореи, СССР и стран мусульманского мира аргументировали возможность и, более того, необходимость демократической правовой системы, учитывающей исторический опыт и культурно-религиозные традиции.

В связи с этим Джавед Икбал напомнил, что «Мухаммад Икбал был единственным мыслителем, который использовал выражение «духовная демократия» для определения исламского государства. Однако если государство является неотъемлемой частью ислама, концепция Аллама Икбала, по крайней мере в политическом смысле, была отходом от общепринятого мнения. Но следует понимать, что традиционная литература об исламском политическом устройстве была составлена в то время, когда мир ислама был затронут абсолютной, или, скорее, извращенной монархией и когда, по словам Икбала, политические идеалы ислама были «репаганизированы» [Iqbal J., 1997, p. 243].

* * *

Пакистан для меня всегда олицетворял Аллама Мухаммад Икбал. Это объясняет, почему в течение 60 лет академической карьеры я сохраняла интерес к написанию статей о его философии. Имея в виду будущие поколения, я назвала недавнюю статью [Степанянц, 2022, с. 13–25], используя самооценку Икбала в широко известной его поэме «Тайны самости», —

«Я голос поэта завтрашнего дня».

Молодым поколениям адресован первый на русском языке учебник по восточным философиям для студентов университетов, в котором к лекционному курсу приложена антология избранных источников, переведенных на русский язык, включая заключительную лекцию из «Реконструкции религиозной мысли в исламе» Мухаммад Икбала [Степанянц, 1997, 2002, 2011].

Источники и литература/ Sources and References

Икбал М. *Реконструкция религиозной мысли в исламе* [Iqbal M. *Rekonstrukcija religioznoj mysli v islame* (in Russian)]. Пер. с англ., предисл. и коммент. Степанянц М. М.: «Восточная литература», 2002; М.: ООО «Садра», 2020.

Степанянц М. *Философия и социология в Пакистане. Очерки*. [Stepanyants M. *Filosofiya i sociologiya v Pakistane. Oчерki* (in Russian)]. Москва: «Наука», 1967; Pakistan: Philosophy and Sociology. Lahore: People's Publishing House, 1972.

Степанянц М. *Восточная философия. Вводный курс и избранные тексты* [Stepanyants M. *Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs i izbrannye teksty* (in Russian)]. М.: «Восточная литература», 1997; 2002.

Степанянц М. *Восточные философии. Учебник для вузов* [Stepanyants M. *Vostochnye filosofii. Uchebnyk dlya vuzov* (in Russian)]. М.: «Академический проект», 2011.

Степанянц М. Мухаммад Икбал. «Голос поэта завтрашнего дня» / *Мухаммад Икбал. Развитие метафизики в Персии: к истории мусульманской философии* [Muhammad Iqbal. *Razvitiye metafiziki v Persii: k istorii musul'manskoj filosofii* (in Russian)]. Под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Московский исламский ин-тут; Санкт-Петербургский гос. ун-т. Серия «Возрождение и обновление». Мыслители XIX века. Книга девятая. М.: ИД «Медина», 2022. С. 13–25.

Braker H. Kommunismus und Islam. Religionsdiskussion und Islam in der Sowjetunion. *Kommunismus und Weltreligionen Asiens. Zur Religions — und Asienpolitik der Sowjetunion*, Bd. 1, 1. Tübingen, Mohr, 1969.

Iqbal J. Democracy and Justice: Islam' Political Message Restated / *Justice and Democracy: Cross-Cultural Perspectives*. Eds. Ron Bontekoe and Marietta Stepaniants. University of Hawaii Press. Honolulu, 1997. Pp. 241–256.

Hubert E. Recent Soviet Writing on Pakistan. *Central Asian Review*. L., 1967. Vol. XV. No. 2. Pp. 148–156.

Qadir C. Contemporary Pakistan Philosophy. *The Pakistan Times*, Lahore. 24.12.1972.

Sharif M. (Ed.) *A History of Muslim Philosophy*. Vol. I–II. Wiesbaden, 1963–1966; *A History of Muslim Philosophy*. Vol. 1–8. Al-Islam, org.

Sharif M. Dialectical Monadism. *The Contemporary Indian Philosophy*. L., 1952.

Stepanyants M. Demise of Fatalism / *Iqbal. Poet-Philosopher of Pakistan*. Ed. Hafeez Malik. N.Y.-London: Columbia University Press, 1971. Pp. 301–310.

Stepanyants M. *Introduction to Eastern Thought*. Walnut Creek-Lanham-New York-Oxford: AltaMira Press. A Division of Rowman & Littlefield Publishers, INC., 2002.

Zeno. As Others See Us. *The Pakistan Times*. 13.10.1972.

БУДДИЙСКИЙ ВЕКТОР ИНДИИ

© 2023

Б. У. Китинов¹

С начала нового века Индия выделяет фактор буддизма для формирования нового имиджа успешного государства, прежде всего в своей внешней политике. Это прослеживается в ряде мероприятий, но особенно проявилось в первой трети 2023 г. в рамках года председательства Индии в двух международно значимых объединениях (G20 и ШОС), когда в разных частях Индии состоялся ряд важных мероприятий по буддийской теме: в частности, в марте прошли 7-я международная конференция «Дхарма-Дхамма» и международная конференция «Разделяемое буддийское наследие», в апреле — Глобальный буддийский саммит. Эти и другие мероприятия посетили руководители государства, главы и видные представители сангхи, включая Далай-ламу, известные ученые и практики.

Конференции призваны не только прославить общее буддийское наследие целого ряда стран Азии, но также укрепить существующие связи и отношения между сангхами, народами и государствами. По мнению организаторов этих мероприятий, буддизм с его уникальным видением вечной гармонии оказал безусловное воздействие на культуру и быт всех народов этого региона, и вот уже более двух с половиной тысячелетий учение Будды объединяет их всех. Общая цель этих конференций — возобновление транскультурных контактов и общей истории между народами, развитие буддизма и использование его потенциала в решении насущных проблем.

Высокий уровень организации и проведения этих международных событий свидетельствует о пристальном внимании руководства Индии к роли буддийской составной в ее политике в условиях современных перемен. По мнению автора статьи, выступившего с докладами на двух конференциях, России также следует использовать свое богатое буддийское наследие для оптимизации отношений со странами Востока.

Ключевые слова: буддизм, Индия, Дхарма-Дхамма, Глобальный буддийский саммит, Д. Мурму, Н. Модди, Далай-лама

Для цитирования: Китинов Б. У. Буддийский вектор Индии. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 270–278. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-270-278

BUDDHIST VECTOR OF INDIA

Baatr U. Kitinov

Since the beginning of the new century, India has been emphasizing the role and importance of Buddhism for the formation of a new image of a successful state, primarily in its foreign policy. This is traced in a number of events, and it was especially evident in the first third of 2023, during the year of India's presidencies in two internationally significant organizations (G20 and SCO), when a number of important academic events on the Buddhist issue took place in different parts of India: in particular, the 7th International Conference

¹ Китинов Баатр Учасвич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; kitinov@mail.ru

Baatr U. Kitinov, D. Litt. (History), Leading Research Fellow of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; kitinov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4031-5667

'Dharma-Dhamma' and the International conference 'Shared Buddhist Heritage' were held in March, and in April — the Global Buddhist Summit took place. These and other events were attended by leaders of India, heads, and prominent representatives of the sangha, including H.H. the Dalai Lama, the well-known scientists and practitioners.

The conferences were designed not only to glorify the common Buddhist heritage of a number of Asian countries, but also to strengthen the existing ties and relationships between sanghas, peoples and states. According to the organizers of these events, Buddhism, with its unique vision of eternal harmony, had an unconditional impact on the culture and life of all the peoples of this region, and for more than two and a half millennia, the teachings of the Buddha have united them all. The common goal of these conferences is the renewal of transcultural contacts and common history between peoples, the development of Buddhism and the use of its potential in resolving of the urgent problems.

The high level of organization of these international events testifies to the special attention of the Indian leadership to the role of the Buddhist component in its policy in the conditions of modern changes. According to the author, who made presentations at two conferences, Russia should also use its rich Buddhist heritage to optimize relations with the countries of the East.

Keywords: Buddhism, India, Dharma-Dhamma, Global Buddhist Summit, D. Murmu, N. Modi, Dalai-Lama

For citation: Kitinov B. U. Buddhist vector of India. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 3. Pp. 270–278. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-270-278

Начало 2023 г. стало важным периодом в развитии Индией буддийского направления в своей международной деятельности. С одной стороны, это связано с тем, что в этом году Индия председательствует в G20 (декабрь 2022 — ноябрь 2023), когда страна в рамках мероприятий саммита «двадцатки» наметила провести более 200 встреч в разных точках своей территории для демонстрации богатейшего культурного, исторического и природного наследия республики. В частности, это будут такие знаковые места Индии, как Качский Ранн (штат Гуджарат), Силигури (штат Западная Бенгалия), Шринагар (союзная территория Джамму и Кашмир) и др., крупнейшие и важнейшие города: Нью-Дели, Мумбаи, Агра, Варанаси и др. Как утверждает премьер-министр Н. Модии, «наши приоритеты будут сосредоточены на исцелении нашей «Одной Земли», на создании гармонии внутри нашей «одной семьи» и на придании надежды на наше «одно будущее». Собственно, так обозначена тема председательства Индии: «Одна Земля, одна семья, одно будущее». Также Индия председательствует в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС, сентябрь 2022 — сентябрь 2023) и тоже использует этот период для укрепления своих позиций в сфере буддизма.

Есть и другая сторона активизации Индии в буддийской сфере — это продолжение тех шагов и действий, которые предпринимаются ею еще с нулевых годов.

В частности, в середине июня 2007 г. министр иностранных дел Индии Пранаб Мукерджи в связи с инициативой по воссозданию древнего буддийского университета в Наланде (традиций Наланды) поддержал идею создания в Сингапуре Группы наставников по Наланде во главе с нобелевским лауреатом А. Сенем и министром иностранных дел Сингапура Джорджем Йео. В конце ноября 2011 г. в Нью-Дели при поддержке правительства Индии прошел первый Глобальный буддийский конгресс, где приняли участие около 900 экспертов и буддийских наставников из 46 стран. К участникам форума обратились Далай-лама и глава школы Кармапа Кагью Утген Тинле Дордже. Среди принятых решений — создание в ближайшее время нового международного объединения буддистов со штаб-квартирой в Нью-Дели; таким образом появилась Международная буддийская конфедерация (МБК).

В июне 2012 г. глава МИД Индии Е. Ахмед на первой конференции «Диалог Индия — Центральная Азия» подчеркнул значение индийской цивилизации и особенно буддизма в становлении и развитии отношений между Индией и народами Центральной Азии: «Культурное наследие Индии глубоко укоренилось в прошлом Евразии. Индийские торговцы и путешественники активно перемещались по Великому шелковому пути, а буддизм процветал на просторах обширной евразийской степи» [Keynote].

В конце ноября 2014 г. состоялась конференция «Буддизм возвращается в великий разговор Индии», организованная Индийским институтом буддийских исследований (г. Пуна) и Оксфордским университетом.

16 мая 2015 г. в Улан-Батор впервые с официальным государственным визитом прибыл премьер Индии Нарендра Моди. Он назвал Монголию «духовным соседом» и отметил, что и индийцы, и монголы разделяют общие демократические ценности и общую веру — буддизм, в котором эти ценности находят отражение [PM Modi].

17–19 марта 2017 г. в Раджгире, штат Бихар, была организована Международная конференция «Буддизм для двадцать первого века — перспективы и ответы на глобальные проблемы», которую посетили одновременно два президента страны — действовавший президент Индии Пранаб Мукерджи и бывший президент Индии Рам Натх Ковинд. Всего было более 400 ученых и видных делегатов из разных концов мира, включая высших руководителей различных буддийских сообществ и общин (сангхи). Обсуждались взгляды буддистов на такие вопросы, как экологическая устойчивость, социальная и экономическая справедливость, этика и ценности, образование, межрелигиозное взаимопонимание и гендерное равенство.

В списке мероприятий, организованных Индией в рамках ШОС, проводятся встречи, связанные с буддийской темой. Так, в середине марта 2023 г. в Нью-Дели состоялась международная конференция «Разделяемое буддийское наследие», сфокусированная на цивилизационной связи Индии со странами ШОС. Сессию посетили министр культуры и туризма Шри Г. К. Редди, государственный министр культуры и иностранных дел Минакаши Лекхи, государственный министр культуры и парламентских дел Араджун Рам Мегвал, генеральный директор Международной буддийской конфедерации Абхиджит Гальдер, а также делегаты из Китая, Пакистана, России, Бахрейна, Мьянмы, ОАЭ. Министр Минакаши Лекхи заявила, что Индия несет ответственность за продвижение «ценностей буддизма» во всем мире: «Буддизм является общим наследием между многими странами и Индией. Он — проявление чистоты индийской идеологии, материализма и одновременно ценностной системы и является подарком Индии миру. Мы все — часть одной-единственной цивилизации, так же как и буддизм и учения Господа Будды». Обращаясь к участникам, министр Араджун Рам Мегвал сказал, что учение Будды о самореализации и самоанализе очень актуально и для XXI века. Министр предложил странам ШОС заняться программами и проектами по общему буддийскому наследию, которое связывает их всех вместе [Attendees].

В целом в последние годы Индия укрепляет связи в культурной, политической, экономической, социальной сферах с такими странами, как Монголия, Бутан, Вьетнам, другими государствами, принадлежащими к буддийской цивилизации. По мнению индийских ученых, государству следует акцентировать свои цивилизационные возможности, благодаря которым его авторитет и влияние признавались в разные периоды истории. Как утверждает политолог Раджи Мохан, «Будда уже давно занял видное место в международных делах Индии» [Mohan], и наследие буддизма окажет позитивное воздействие на отношения, в частности, с Китаем, с которым Индия благодаря учению Будды давно связана.

7-я МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДХАРМА-ДХАММА»

С 3 по 5 марта 2023 г. в г. Бхопал (штат Мадхья-Прадеш) состоялась 7-я международная конференция «Дхарма-Дхамма» по теме «Восточный гуманизм для новой эры». Предыдущие конференции также проводились в знаковых местах: в ноябре 2021 г. 6-я прошла в Наланде (штат Бихар) и была посвящена роли духовной традиции в преодолении проблем постковидного мира; 5-я — в июле 2019 г. в Раджгире (штат Бихар) и была посвящена духовным традициям индуизма и буддизма; 1-я — в сентябре 2012 г. в Университете буддийско-индийских исследований Санчи (штат Мадхья-Прадеш).

Лейтмотив этих конференций — указать на уникальную природу гуманизма, развившегося в индийской цивилизации, ориентированного не на отдельного человека, но на все человечество. Фундамент — в духовных учениях, в дхарме (в целом все учения Индии, в т. ч. буддизм) и дхамме (буддизм), которые объявляют весь окружающий мир и пребывающее в нем божественным. Большой акцент должен быть сделан на сострадании, мудрости, понимании человеком своей ответственности за современность и будущее.

7-я конференция «Дхарма-Дхамма» прошла в «Кушабхау Такре Холл» при совместной организации Индийским фондом (известная независимая исследовательская организация Индии) и Университетом буддийско-индийских исследований Санчи. В конференции приняли участие около 300 ученых из 15 стран, всего было сделано около 150 докладов и выступлений.

В первый день работы конференции на ней присутствовала и выступила с речью президент Индии Драупади Мурму, также конференцию почтили своим присутствием Мангубхай Патель, губернатор штата Мадхья-Прадеш, и Шиврадж Сингх Чоухан, главный министр этого же штата.

Драупади Мурму сказала, что прогресс людей и общества в духе дружбы, сострадания и ненасилия, без привязанностей и ненависти, был и остается основным посланием восточного гуманизма. Как основу для взаимодействия и взаимопонимания она приводила древнеиндийскую концепцию «Васудхайва Кутумбакам» (составлена из слов: васудха — земля, эка — один, кутумбах — семья), суть которой состоит в идее земли как одной семьи. «Понимать причину человеческого страдания и показывать путь, как избежать такого страдания, — такова характеристика восточного гуманизма, который стал еще более важным в наши дни. Согласно нашей традиции Дхарма-Дхамма, молитвы за благополучие всех всегда были частью нашей жизни. В этом сущность восточного гуманизма», — заявила президент Индии.

Согласно Свами Говинда Дев Гири Махарадж из «Шри Рам Джанбабхуми Тирх Кшетра траст», Васудхайва Кутумбакам имеет и иное измерение: это Индия является той землей, которая объединяет в одну семью весь мир. Интересная информация была у Шиврадж Сингх Чоухана, главного министра штата, что в наше время буквально в каждой индийской деревне дети растут на ценностях Дхармы, желая добра и мира всем живым существам. Также он высказался о значении открытия Университета буддийско-индийских исследований Санчи: «Здесь создаются возможности изучения индийского знания и буддийской философии. Основная мысль восточного гуманизма — одно и то же сознание присутствует повсеместно и во всех живых существах, вся планета — это одна семья». О значении древней мудрости Индии в деле разрешения современных проблем говорил Мангубхай Патель, губернатор штата.

Также выступили Нираджа Гупта, вице-канцлер Университета Санчи, Рам Мадхав, член Управляющего совета Индийского фонда, Угьен Дорджи, министр внутренних дел и культуры Королевства Бутан, Видура Викрамаяка, министр по делам религии и культуры Шри-Ланки,

Тьокорда Ока Артха Ардана Сукавати, вице-губернатор Бали (Индонезия), и Уша Тхакур, министр культуры штата Мадхья-Прадеш, Индия.

Угьен Дорджи выделил основные идеи буддизма: терпение, сострадание, эмпатия и др. как сущностные для нашего времени. По словам Видура Викраманаяки, следует отказаться от «измов» (социализм, капитализм и др.) и вернуться к истинам мысли и разума. Всеми миру следует стремиться к единству, и начать процесс можно с Азии: «Нет ничего невозможного!», — уверен он. Рам Мадхав заметил, что все религии — это философии, а последняя — не только размышления, но и практический опыт. Тьокорда Ока Артха Ардана Сукавати привел интересные данные: если во всей Индонезии всего около 2% индусов, то в Бали их 87%. Он сказал, что нам следует ревитализировать ценности религии, традиций и культур для восстановления гармонии между человеком и Богом, человеком и природой.

На пленарных и параллельных заседаниях обсуждались вопросы о роли восточной гуманистической мысли в формировании пути мира и гармонии для преодоления современных проблем и вызовов и продвижения вперед.

Так, Ами Упадхьяйя, вице-канцлер Открытого университета Амбедкара, сказала, что восточный гуманизм — это «быть» (being), а не «становиться» (become): каждый человек — это уже Бог, нам, в общем, не нужно преобразовываться, важно относиться к другим как к совершенным. Но, поскольку все и всё взаимосвязаны, и есть сторонние факторы, то, например, если каждый нечестен, то и я тоже. Следовательно, в нас есть как достоинства, так и недостатки. В завершение она процитировала шахиншаха Хосрова: «Когда я вижу другого, то я вижу себя».

Запомнилось выступление геше Нгаванга Самтена, вице-канцлера Института высших тибетских исследований в Сарнатхе. Он отметил, что материальный мир Запада действительно фантастичен в плане налаженных коммуникаций, надежной связи и т. п. Но и Восток в лице Индии обладает тем, что может предложить в понятиях Я и Ты, Мы и Они и т. д. Важно не только знание, но и духовность, которая должна проявляться в повседневности. Он предлагает понятие инклюзивного подхода, который позволит Западу и Востоку действовать совместно, и в этой части он отметил существенный вклад Далай-ламы. Завершил он выступление призывом развивать позитивные эмоции.

Гиривар Мисра из Центра Махатмы Ганди (штат Махараштра) призвал соотносить слово Дхарма не только с религией. По его мнению, дхарма — это любовь к другим, поэтому будет более верно понимать учение М. Ганди не как ненасилие, а как любовь к врагу. Дхарма связывает всех нас, наподобие значения слова «юкта», которое часто встречается в Бхагаваттите и имеет смысл «быть связанным» (с кем-то).

Были заслушаны выступления и российских участников. Известный тибетолог к. и. н. А. А. Терентьев (Санкт-Петербург) предложил обсудить проблемы насилия в учении буддизма. Надо заметить, что Терентьевым была поднята крайне интересная тема, по которой имеется не так много работ; в частности, это статья Р. Турмана «Тибет и монастырская армия мира» (1992), сборники «Буддизм и политика» (1999), «Буддизм и насилие» (2006) и еще ряд изданий.

Мною в выступлении был отмечен факт присутствия буддизма на территории России еще с VIII в. (государство Бохай на Дальнем Востоке, китайский буддизм), распространение китайско-тибетского буддизма в том же регионе в начале XV в. и тибетского буддизма с конца XVI в. в связи с перекочевкой западно-монгольского народа ойратов в регионы Южной Сибири. Отдельно выделено наличие нескольких волн в распространении буддизма в Каспийском регионе: около V в. (индийский буддизм), XIII в. (тибетский буддизм с преобладанием школы Кагью),

первая треть XVII в. (школа Гелук, существует до сих пор). Также было уделено внимание распространению буддизма в таких регионах России, как Бурятия, Тува и Алтай.

Соответственно, диссонансом прозвучало выступление представителя Буддийской традиционной сангхи России по Забайкальскому краю дид-хамбо ламы Цырена, заявившего, что Россия — это одно из самых молодых «буддийских» государств, поскольку, по его мнению, буддизм существует в нашей стране всего около трех веков. Впрочем, эта оценка неудивительна, т. к. история буддизма в России у него свелась к буддизму в Бурятии, чему он и посвятил большую часть своего выступления. Отметив буддизм в Калмыкии, он далее кратко упомянул его наличие в Туве, Хакасии и на Алтае. В завершение Цырен-лама сказал, что, в отличие от Р. Киплинга, сомневавшегося во встрече Востока и Запада, он считает, что эта встреча не только не невозможна, но и неизбежна.

Конференция подчеркнула объединенную волю обеих традиций (дхармы и дхаммы) исцелить духовную, социальную, ментальную и экономическую составные общества ради создания нового мирового порядка, более устойчивого к неисследованным вызовам.

ГЛОБАЛЬНЫЙ БУДДИЙСКИЙ САММИТ

20–21 апреля 2023 г. в Нью-Дели в гостинице «Ашюк» состоялся Первый Глобальный буддийский саммит, на который прибыло более 170 делегатов из более чем 30 стран, где представлен буддизм, всего же участников было около 700 чел. Основная цель форума изложена в его тематике: «Ответы на современные вызовы: от философии к практике».

В материалах к саммиту отмечается значение события, которое произошло в конце ноября 2011 г., когда в Нью-Дели состоялся Глобальный буддийский конгресс, на котором было принято решение создать Международную буддийскую конфедерацию (МБК) с целью продвижения Коллективной Мудрости, Объединенного Голоса Буддизма в глобальном дискурсе и реагировать на глобальные вызовы. Среди заявленных задач — обеспечение общей платформы для всех буддийских традиций, чтобы служить человечеству более инклюзивным и более эффективным образом; выявление возможностей и способностей буддизма решать самые насущные проблемы современного мира (экономическое неравенство, множественные формы насилия, ухудшение состояния окружающей среды, разногласия и др.); установление более тесных отношений между различными буддийскими традициями и общинами путем обмена знаниями и мудростью, создания единого голоса против насилия, несправедливости и социальной розни; обнаружение сфер и полей, где учения Будды выходят за рамки традиционной религии, чтобы творчески взаимодействовать с различными философиями и науками.

Глобальный буддийский саммит стал продолжением этого диалога и поиска буддийского ответа на беспрецедентный кризис, с которым сталкивается весь наш мир. Недавняя пандемия Covid, климатический кризис, конфликты, терроризм, религиозная и идеологическая нетерпимость, деградация моральных и этических ценностей, истощение ресурсов, вымирание видов животных и растений, экономическое неравенство и другие критические проблемы преследуют человечество и угрожают самому выживанию планеты. Кроме таких институтов, как страны и общества, люди как сообщество индивидов также сталкиваются с многочисленными формами стресса, влияющими на здоровье, благополучие и отношения в семье. Налицо серьезное системное расстройство, которое необходимо решать на фундаментальном уровне. Буддийское учение и этическое видение могут многое предложить для облегчения этого кризиса, если их применять разумно.

Все религиозные традиции мира верят в мир и гармонию и учат принципам и ценностям, способствующим облегчению страданий людей, но ирония истории состоит в том, что многие из нынешних конфликтов уходят корнями в религиозные, сектантские и идеологические разногласия. Буддисты должны взять на себя ответственность, деятельно способствуя устранению причин конфликта, содействуя большему пониманию и диалогу, а также находя решения для продвижения вперед. Цель саммита глав сангхи — отвечая на вызовы современности, при участии высокопоставленных членов религиозной иерархии сангхи из разных стран и традиций, вместе с учеными и специалистами обсудить пути продвижения вперед по этим вопросам глобального значения, отмечается в материалах.

Следовало обсудить, как фундаментальные ценности Дхармы Будды могут вдохновлять и направлять в современных условиях, которые стимулируют разные, порой противоречивые процессы: технологический прогресс и потребительство, борьбу с опустошением планеты и быстрым разочарованием общества и др. Важнейший аспект — это послание Будды о Мире, Сострадании и Гармонии с основной целью поиска всеобщего мира и гармонии, основанных на Дхарме, ради блага Общества.

На конференции действовали две отдельные параллельные сессии: сессия сангхи и академическая сессия. Было немало интересных выступлений, и поэтому я выделяю лишь несколько, в первую очередь премьер-министра Индии Нарендра Моди в первый день и Его Святейшества Далай-ламы во второй.

Свое выступление премьер-министр Н. Моди начал с приветствия всех присутствовавших на саммите, напомнив, что гости, как говорят в Индии, — это отражение пожеланий богов. Сказав, что Будда — это высокий уровень духовной реализации, а буддийское сознание бесконечно, Н. Моди отметил, что на саммит прибыли представители многих стран мира, что отражает слова Будды, что все человечество должно объединиться. «В мире более 1 млрд буддистов, и я горжусь тем, что моя родина связана с буддизмом», — сказал Н. Моди. Индия отмечает 75-летие своей независимости с множеством планов, и один из основных источников ее успехов — это учение Будды. Вот почему важно не только учение, но также практика и реализация. За последнее десятилетие Индия сделала немало для поддержки и распространения учения Будды, в том числе и совместно с другими странами, например, с Непалом, с которым есть совместные проекты по развитию центров буддизма.

Индия всегда относится с состраданием к стране, где имеется насилие, и в этом смысле можно сказать, что Международная буддийская конфедерация — это прежде всего чувства. У нас у всех — одно чувство, одно сердце, и мы помним, что Дхарма выступает за мир во всем мире. Поэтому есть луч надежды; путь от проблемы к ее решению — это путь Будды. Нам вместе надо думать, как бороться с бедностью, с нехваткой ресурсов, за спокойный мир. Этот путь должен стать приоритетом для всех стран: следует думать не только о себе, но и о других странах, подчеркнул Н. Моди.

Сейчас напряженное время с массой проблем: это и экология, и исчезновение животных, и другое. Но, как уже было сказано, в мире более 1 млрд человек верят в Будду, т. е. такая огромная масса людей верит в лучшее, и в этом заключается главная сила нашей планеты. «Дхарма — это направление для всего мира», — сказал Н. Моди. Не существует проблем, которые уже не были бы обсуждены и разрешены в философии буддизма. Например, взять войны: Будда говорил, что кто бы в результате ни выиграл или проиграл — в итоге страдают все. Бхагаван Будда говорил: все сангхи, объединяйтесь, будьте сами себе светильниками. Буддийский путь — это путь будущего, устойчивости. И в Индии начали выработать новый подход:

находить решение в самой окружающей среде — это тоже взято из учения буддизма. Нам всем следует помнить важный посыл учения Будды — всегда идти вперед, и я уверен: мы вместе на этом пути, — заявил премьер-министр. В завершение своего выступления Н. Моди еще раз поблагодарил всех присутствовавших за участие в двухдневном саммите.

Следует отметить, что индийский премьер-министр цитировал Будду как на пали, так и на санскрите, при этом говорил на английском, иногда переходя на хинди.

Значимым выступлением во второй день саммита была речь Его Святейшества Далай-ламы, которую предварил досточтимый Дхаммапийя, генеральный секретарь ВБК. Он сказал: мы, буддийские монахи, носим в целом одну и ту же одежду, и хотя представляем разные школы, у нас у всех один учитель. Учение Будды — о мире и гармонии, а перед нами — вызовы, региональные и глобальные. Можем ли мы что-то сделать совместно, и если да, то как? При чем надо понимать, что наша практика и прочее — это вторичное, хотя, практикуя, тем самым и мы сохраняем окружающий мир, общаемся с людьми. Нужна философия инклюзивности, считает монах Дхаммапийя. Что следует развивать — так это лучшие практики человеческой цивилизации, а не споры о том, какая нация или страна лучше. Он призвал объединиться за мир, гармонию, за защиту природы и безмолвных, за дхармическое устойчивое развитие. Также он призвал к распространению, развитию и защите буддийской дхармы.

Известный тибетолог Р. Турман, перед своим выступлением поднесший хадак Далай-ламе, отметил, что надо обучать людей способности изменять свой разум, соответственно, прежде необходимо изменять отношение к самому состоянию разума. Определенную группу обучают убивать — и они становятся солдатами. Но их же можно обучать и мирному разрешению вопросов. Страной, которая может послужить примером для остальных, он назвал Индию. В Индии есть традиция Наланды, которая сохранилась в Тибете. Дхармакирти, Нагараджуна и другие мыслители писали научные работы, сопоставимые с работами, например, по физике, биологии, т. е. это не религиозные работы. Следовательно, дхарма — это скорее биологическое понятие, нежели религиозное.

Его Святейшество Далай-лама высказал признательность Будде Шакьямуни, открывшему закон зависимого возникновения, поскольку действительно все в мире взаимосвязано, нет ничего независимого. Следующий момент — это происхождение, каким образом в результате такого взаимозависимого возникновения появляется все сущее. Мы не можем заключить, что ничего не появляется по причине такого взаимозависимого развития, поскольку все возникает благодаря упомянутому закону взаимной зависимости, и в этом — истина этого закона. Поэтому, чтобы избежать непонимания и неведения, следует понять, что все в природе является взаимозависимым. Также Далай-лама отметил основную мысль работ Чандракирти — она заключается в сострадании. Это — корень в тибетском буддизме. Основа буддизма — разум, сострадание и мудрость.

Темы, связанные с состраданием, разрабатывались Арьядевой: как понимать мир, какой он есть в реальности. Поскольку все есть шуньята, то наше восприятие мира не отражает реальность. Истинную природу реального постигает чистый разум, а это уже и есть нирвана. Развитие, достижение чистого разума возможно через культивирование сострадания. Как говорил Чандракирти, развитие разума идет через понимание реальности. Сострадание проявляется естественным образом, если развивать мудрость, понимание пустотности (все сущее бессамотно).

Развитие мудрости и *боджичитты* (безусловная воля к Просветлению) — это более важно, чем поклонение божествам, через этот этап проходят все — например, говорит Далай-лама, он в детстве поклонялся Бхайраве. Вообще же развитие сострадания и других позитивных качеств

и эмоций положительно повлияет на нашу повседневную жизнь, а практикующие достигнут более высокого уровня реализации.

Часть религиозных традиций — это ритуалы. Но в основном отмечается звучание музыкальных инструментов, в то время как для практики это не существенно. Внутреннее развитие, сфокусированное на сострадании, — вот что увеличивает наш потенциал, храбрость. Тем самым наше сознание получит защиту от негативного влияния на нас современной ситуации. Мы должны преобразовать перемены в возможности — такое случится при развитии сознания, нацеленного на *бодхицитту*.

«Я родился на востоке Тибета и в школе не обучался», — сказал Далай-лама. В малом возрасте он оказался в большом мире Центрального Тибета и обрел храбрость лишь через чтение книг. Буддийские работы дают основу для изменения разума к пониманию окружающего мира. Богатство наших книг — не только для буддистов, но и для других верующих, уверен он.

Россия была представлена группой из нескольких человек, в т. ч. учеными, а также духовными лицами из Калмыкии и Бурятии. Темой моего выступления было «Буддийское паломничество в России», оно вызвало живой интерес к ситуации с буддизмом в современной России. Однако нам следует поставить вопрос гораздо шире — насколько буддизм, имеющий более чем 1200-летнюю историю существования и развития в нашей стране, способен не только сохраниться, но и оказать необходимое воздействие на ее развитие? Эта первая мировая религия оказала безусловно положительное воздействие на российскую культуру и цивилизацию.

Россия является одной из немногих стран мира, у которых конфессиональные аспекты внутренней жизни тесно связаны с внешними обстоятельствами, т. е. религиозный аспект русской цивилизации взаимодействует с религиями, входящими в пласты иных цивилизаций. Буддизм — один из наиболее характерных подобных примеров. Эта религия и в целом буддийская цивилизация имеют большой потенциал оптимизировать взаимодействие нашей страны с Востоком в контексте формирования новых дискурсов в современный турбулентный период мировой истории.

Литература/ References

Электронные ресурсы / Electronic sources

Attendees Praise India's Role in Buddhist History at «Shared Buddhist Heritage» Conference <https://www.buddhistdoor.net/news/attendees-praise-indias-role-in-buddhist-history-at-shared-buddhist-heritage-conference/> (дата обращения: 30.04.2023).

Mohan C. R. Central Asian Games. *The Indian Express*. August 14, 2007. URL: <http://www.indianexpress.com/story/210341.html> (дата обращения: 5.11.2012).

Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue. June 12, 2012. URL: <http://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/Keynote+address+by+MOS+Shri+E+Ahamed+at+First+IndiaCentral+Asia+Dialogue> (дата обращения: 28.11.2015).

PM Modi visits Mongolia <https://www.narendramodi.in/pm-modi-s-visit-to-mongolia-108469> (дата обращения: 30.04.2023).

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МОНГОЛЬСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И МОНГОЛО-РОССИЙСКИЙ ДОГОВОР 1912 ГОДА»

© 2023

С. А. Кузьмин¹

В 2022 г. исполнилось 110 лет Русско-Монгольскому соглашению (или договору) 1912 г. – первому международному договору в новой истории независимой Монголии. Данным соглашением Россия официально признала Монголию и ее правительство, признала государственность Монголии. Это соглашение положило начало дипломатическим отношениям новой Монголии и России. В связи с данным соглашением в г. Улан-Батор, Монголия, прошла международная конференция, посвященная этому событию. Приводятся краткие сведения о прошедшей конференции.

Ключевые слова: Монголия, независимость, конференции, Русско-Монгольское соглашение 1912 г.

Для цитирования: Кузьмин С. А. Международная конференция «Ионгольская независимость и Монголо-Российский договор 1912 года». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 279–281. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-279-281

INTERNATIONAL CONFERENCE “MONGOLIAN INDEPENDENCE AND THE MONGOL–RUSSIAN TREATY OF 1912”

Sergius L. Kuzmin

In 2022, the 110th anniversary of the Russo-Mongolian Agreement (or Treaty) of 1912, the first international treaty in the new history of independent Mongolia, was celebrated. By this Agreement, Russia officially recognized Mongolia and its government, and recognized the statehood of Mongolia. This Agreement marked the beginning of diplomatic relations between the new Mongolia and Russia. In connection with this Agreement, International Conference dedicated to this event was held in Ulaanbaatar, Mongolia. Brief information about this Conference is provided.

Keywords: Mongolia, independence, conferences, Russian-Mongolian Agreement of 1912

For citation: Kuzmin S.L. International Conference “Mongolian Independence and the Mongol–Russian Treaty of 1912”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 279–281. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-279-281

3 ноября (21 октября по старому стилю) 1912 г. в столице Монголии Нийслэл-хурэ (Урге) было подписано Русско-Монгольское соглашение (в монгольском тексте — договор), имевшее фундаментальное значение для государственностроительства новой Монголии, провозгласившей свою независимость от империи Цин и Китая в 1911 г.

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, D. Sc. (Hist.), Ph.D. (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

Соглашение 1912 г. было подписано полномочными представителями Монголии и России по уполномочению монархов обоих государств — Николая II и Богдо-хана Джебцзундамбахутухты VIII. Это было первое международное соглашение, заключенное Монголией после провозглашения ею независимости. Данным соглашением Россия официально признала Монголию и ее правительство, признала государственность Монголии. Соглашение положило начало дипломатическим отношениям новой Монголии и России.

В 2022 г. 110-летний юбилей этого соглашения получил резонанс не только в СМИ, но и также в политических и научных кругах. Были проведены две международные конференции в столицах обеих стран — в Москве 21 октября и Улан-Баторе 3 ноября. Конференция в Москве была проведена Институтом востоковедения РАН. Сведения о ней есть на Интернет-сайте ИВ РАН, материалы опубликованы (Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1 (23)).

Международная конференция в Улан-Баторе «Монгольская независимость и Монголо-Российский договор 1912 года» («Монголын тусгаар тогтнол ба Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ») была проведена Институтом международных исследований Монгольской Академии наук. В ней приняли участие около 26 представителей исследовательского и профессорско-преподавательского состава академических организаций, учебных институтов и университетов Монголии, России, Японии, Германии, Италии и Швейцарии.

На открытии конференции зачитали приветственные послания директор Института международных исследований Монгольской АН Д. Золбоо, а также племянник подписавшего соглашение с российской стороны дипломата И. Я. Коростовца — доктор Карло Гастони, ныне проживающий в Италии.

На заседаниях сделано 16 докладов. В них были рассмотрены цель заключения соглашения и его роль в формировании политических, экономических и культурных взаимоотношений Монголии и России, международно-правовые аспекты заключения данного соглашения, его роль в становлении независимости и государственности Монголии в новое и новейшее время, роль российских военных в становлении независимости Монголии, геополитические условия заключения данного соглашения, исследование протокола, приложенного к данному соглашению, российско-монгольские отношения в переписке востоковедов А. М. Позднеева и Д. М. Позднеева, алтай-урянхайский вопрос в связи с данным соглашением, роль российского дипломата И. Я. Коростовца в его выработке и подписании, формирование и обучение монгольских войск российскими инструкторами, вопрос о Внутренней Монголии в связи с подписанием данного соглашения, использование современной правовой терминологии при подготовке и подписании соглашения 1912 г., его освещение в первых монгольских газетах, освещение данного соглашения в сообщениях монголоведов Цыбена Жамцарано и Магсара-Хурца.

Конференция позволила ввести в научный оборот ряд исторических документов из архивов Монголии, России и других стран. Доклады и прошедшие дискуссии на конференции показали растущий интерес к данному историческому событию не только в Монголии и России, но и среди монголоведов и специалистов по международным отношениям других государств. Обсуждался вопрос о регулярном проведении конференций по данной тематике.

По докладам конференции Институт международных исследований Монгольской АН издал одноименный сборник статей (Улаанбаатар, 2023, 216 с., отв. ред. О. Батсайхан, тексты на монгольском, русском и английском языках). Ниже приводится содержание; в квадратных скобках дан русский перевод заголовков монгольских статей.

Содержание: [Предисловие на монг. яз., приветствия Д. Золбоо на монг. яз. и К. Гастони на англ. яз.]; Батсайхан О. 1912 оны Монгол–Оросын найрамдлын гэрээний Монголын түүхэнд гүйцэтгэсэн үүрэг, учир холбогдол [Роль Монголо-Русского договора о дружбе в монгольской истории]; Nakami T. Historical Position and Meaning of the 1912 Russo-Mongol Agreement; Kuzmin S. L. International status of Mongolia before and after the Russo-Mongolian agreement of 1912; Баркманн У. Б. 1912 оны Орос-Монголын хэлэлцээр байгуулагдахад нөлөөлсөн геополитикийн ерөнхий нөхцөл [Общая геополитическая ситуация, влиявшая на заключение Русско-Монгольского соглашения 1912 г.]; Tachibana M. Re-examination of the Protocol Annexed to the Russo-Mongolian Agreement of 1912 Focusing on Negotiation Process and Subsequent Discussion; Кузьмин Ю. В. Национальная независимость Монголии в 1911 году и роль российских военных: историография проблемы; Полянская О. Н. Российско-монгольские отношения в конце XIX — начале XX в. по материалам востоковедов братьев А. М. и Д. М. Позднеевых; Гантулга Ц. Алтай, Тагнын хязгаарын асуудал ба 1912 оны гэрээ [Вопрос об Алтай-Тувинском крае и соглашение 1912 года]; Rudi F. Ivan Jakovlevič Korostovec. The diplomat, the man in the memories of his daughter Olga; Өлзийхуяг Б., Орхончимэг Х. 1912 оны Орос Монголын гэрээнд тусгагдсан цэрэг байгуулах асуудал ба монгол цэргүүдийг сургасан тухайд [Вопрос о создании монгольских войск, отраженный в Русско-Монгольском договоре 1912 года, и обучение монгольских солдат]; Ахагвадорж Б. 1912 оны Орос Монголын найрамдалын гэрээ ба Өвөр Монгол [Русско-Монгольский договор о дружбе 1912 года и Внутренняя Монголия]; Одмандах М. Монголын анхны сонин ба Найрамдлын гэрээ бичиг [Первые монгольские газеты и Договор о дружбе]; Зүмбэр О. 1912 оны Орос-Монголын гэрээ ба Богд Хаант Монгол Улсын үеийн орчин үеийн нэр томъёо [Русско-Монгольский договор 1912 года и перевод на современные термины терминологии Богдоханской Монголии]; Zolboo S. The Russian-Mongolian Agreement of 1912 in the Accounts of Tseveen Jamsrano and Magsar Khurts; [Приложения на монгольском языке: Подписанный властью Богдо-хана Монголо-Русский договор о дружбе (на монгольском языке); Подписанный властью Богдо-хана Монголо-Русский договор о дружбе (на русском языке); из книги: Коростовец И. Я., 2009. Девять месяцев в Монголии (август 1912 — май 1913 года). Дневник уполномоченного представителя России в Монголии].

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-282-289

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ: XV КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ (КАЭР)

© 2023

И. В. Масюкова¹

В настоящей статье представлен обзор XV Конгресса антропологов и этнологов России (КАЭР), который состоялся 26–30 июня 2023 г. в Санкт-Петербурге. Во время работы конгресса было обсуждено более 800 докладов отечественных и зарубежных ученых, представленных на более чем 60 секциях и круглых столах. В его работе участвовал директор Института востоковедения РАН А. А. Аликберов и сотрудники института. Конгресс — уникальный масштабный научный форум, который проходит раз в два года. Он был посвящен комплексному анализу основных направлений развития современной антропологии и этнологии. В рамках конгресса состоялся съезд Ассоциации антропологов и этнологов России (ААЭР). Проведение следующего, XVI, КАЭР намечено на 2025 г. в Перми.

Ключевые слова: антропология, этнология, XV КАЭР, 800 докладов, ИВ РАН, съезд ААЭР

Для цитирования: Масюкова И.В. Новые вызовы, новые горизонты: XV Конгресс антропологов и этнологов России (КАЭР). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 282–289. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-282-289

NEW CHALLENGES, NEW HORIZONS: THE XVTH CONGRESS OF ANTHROPOLOGISTS AND ETHNOLOGISTS OF RUSSIA (CAER)

Irina V. Masyukova

The article presents the overview of the XVth Congress of Anthropologists and Ethnologists (CAER) held on July 26–30, 2023 in Saint-Petersburg. During the Congress more than 800 reports were discussed by domestic and foreign scientists at more than 60 sessions and round tables. Director of the Institute of Oriental Studies A. K. Alikberov and the researchers of the Institute took part in it. The Congress is the unique large-scale scientific forum, which takes place once in two years. It was devoted to the complex analysis of the main trends of development of modern Anthropology and Ethnology. In the framework of Congress the conference of Association of Anthropologists and Ethnologists of Russia (AAER) took place. The next XVIth CAER is scheduled for 2025 in Perm.

Keywords: Anthropology, Ethnology, XV CAER, 800 reports, IO RAS conference AAER

For citation: Masyukova I. V. New challenges, new horizons: the XVth Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia (CAER).. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 282–289. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-282-289

¹ Масюкова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; i-masyukova@yandex.ru

Irina V. Masyukova, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; i-masyukova@yandex.ru
ORCID: 0000-002-9646-6336

XV Конгресс антропологов и этнологов России (КАЭР) проходил с 26 по 30 июня 2023 г. в г. Санкт-Петербург. Его организаторы — Ассоциация антропологов и этнологов России (ААЭР), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера, МАЭ РАН), Санкт-Петербургский государственный университет и Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Мероприятие, приуроченное к 300-летию РАН и Санкт-Петербургского государственного университета, прошло при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, Федерального Агентства по делам национальностей и Фонда «История Отечества». Конгресс — масштабный научный форум, объединяющий ведущих российских антропологов, этнологов, специалистов в области межнациональных отношений и многих исследователей различных гуманитарных направлений. Он регулярно проводится с 1995 г. один раз в два года в ведущих научных центрах России.

Для участия в работе XV КАЭР было представлено 897 докладов (803 — очный формат) на 54 тематических секциях, 7 — на круглых столах, 1 — на воркшопе. Более 100 исследователей представляли Абхазию, Южную Осетию, Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию, Молдову, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Эстонию; были также ученые из Италии, Китая, Нигерии, Польши, Сербии, США, Танзании, Швейцарии.

Конгресс после перерыва (из-за пандемии) прошел в обновленном формате. Его задача заключалась в обсуждении наибольшего количества разнообразных тем, основных направлений и достижений в области отечественной и мировой антропологии и этнологии. По мнению академика РАН, президента Ассоциации антропологов и этнологов России, научного руководителя Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН **Валерия Александровича Тишкова**, «Новшество XV Конгресса в том, что мы отказались от приоритетной темы. И это себя оправдало. Программа была адекватной, получился обзор всей панорамы нашей науки. В центре — российская тематика, и внутри много о регионах. Что важно: нужно блюсти дисциплинарные границы антропологии и этнологии».

Председатель Организационного комитета XV КАЭР, директор МАЭ (Кунсткамера) РАН, член-корреспондент РАН **Андрей Владимирович Головнёв**, подводя итоги конгресса, подчеркнул: «Конгресс состоялся. Все выглядело, звучало и происходило достойно. Коллеги делились находками, открытиями и обменивались мнениями. В будущем мы как организаторы хотели бы видеть эти материалы опубликованными, например, на площадках МАЭ РАН, в журналах «Этнография» и «Кунсткамера». Это одна из возможностей превратить наш конгресс в нон-стоп научную дискуссию. А саму Ассоциацию хотелось бы видеть центром компетенций, признанным экспертным сообществом, способным влиять и на реальную политику, и на научную политику в России».

С этой позицией согласен и директор ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН д. и. н. **Дмитрий Анатольевич Функ**: «Этот конгресс заслуживает самой позитивной оценки. Мы собрались, и мы общаемся. За 4 года, очевидно, накопился голод по живому общению. И лично меня впечатлила синергия разных институций, когда организаторами конгресса выступили и научный центр в лице МАЭ РАН, и университет в лице СПбГУ. Плодотворная практика, которую стоит продолжать».

Открытие конгресса и пленарное заседание состоялись 26 июня 2023 г. в Таврическом дворце — историческом здании, где работали Государственные думы Российской империи, что подчеркивало значимость и статусный уровень события. Приветствия участникам

конгресса направили министр науки и высшего образования РФ **В. Н. Фальков**, президент РАН **Г. Я. Красников** и другие официальные лица. В их посланиях к конгрессу была отмечена важность антропологических и особенно этнологических исследований для нашей многонациональной страны.

Среди пленарных докладов были выступления как российских, так и зарубежных ведущих специалистов — организаторов науки, руководителей научных центров и университетов. Ректор Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), член-корреспондент РАН **Н. М. Кропачев**, обсуждая проблему подготовки молодых специалистов в области этнографии и антропологии, выступил с инициативой создания внутри СПбГУ нового института путем объединения кафедр, занимающихся на разных факультетах вопросами социологии, этнологии и антропологии. Среди зарубежных ученых на пленарном заседании выступили представители Казахстана, США и Китая. В докладе вице-президента Китайской ассоциации этнологии, представлявшей Центральный университет национальностей, специалиста по национальным проблемам Китая госпожи **Дин Хун** на тему «*Академические связи между Китаем и Россией в развитии этнологии*» был сделан акцент на влиянии российско-советской этнографической школы на китайских ученых. Госпожа Дин Хун подчеркнула, что «...Китай — многонациональная страна, так же как и Россия, поэтому нам важно учиться друг у друга в вопросах этнологии».

С 27 по 29 июня в здании СПбГУ проходили заседания более 60 секций и круглых столов, на которых ученые со всей страны, из ближнего и дальнего зарубежья выступили и обсудили в очном формате более 800 докладов. Впечатляет не только масштабное число участников конгресса, но и его «география». Помимо ученых из Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА), Музея антропологии и этнологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Санкт-Петербургского государственного университета — организаторов и участников конгресса, в его работе приняли участие исследователи и специалисты из профильных региональных академических институтов РАН, научно-исследовательских центров и университетов всей страны — от Карелии до Дальнего Востока и от Севера до Кавказа.

В работе конгресса приняли активное участие сотрудники Института востоковедения РАН: директор Института востоковедения РАН, д. и. н. Аликберов А. К., заведующий Центром изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья к. и. н. Бобровников В. О.; сотрудники Центра: к. э. н., с. н. с. Космарская Н. П.; к. и. н, с. н. с. Сызранов А. В.; к. и. н., с. н. с. Савин И. С.; к. полит. н., н. с. Рогозина С. А.; м. н. с. Сафонова Н. В.; а также д. и. н., в. н. с. Анайбан З. В. (Отдел истории стран Востока); д. и. н., в. н. с. Носенко-Штейн Е. Э. (Отдел изучения Израиля и еврейских общин); к. и. н., с. н. с. Масюкова И. В. (Отдел изучения Израиля и еврейских общин).

Трое участников конгресса: Аликберов А. К., Рогозина С. А., Носенко-Штейн Е. Э., помимо выступлений на секциях, были их соруководителями. Савин И. С. и Носенко-Штейн Е. Э. выступили с двумя докладами на разных секциях (как позволял регламент конгресса).

По мнению директора ИВ РАН **Аликберова А. К.**, значение конгресса состоит в том, что не так много существует площадок, которые предлагают такой формат, привлекая лучшие научные силы, многих ведущих специалистов. «Меня конгресс привлек именно тем, — подчеркнул Аликберов А. К., комментируя итоги конгресса, — что он позволяет объединить усилия ученых различных направлений в рамках одного мероприятия. В центре антропологии находится изучение человека — это важно и для востоковедения. Востоковедение не должно быть изолировано, это — комплексная наука. Конгресс позволяет апробировать новые идеи». Общение специалистов проходило и на секциях, и в кулуарах. На секции «Комплексность и многомерный

подход в изучении этнической истории» (руководители — Аликберов А. К., ИВ РАН, Салмин А. К., МАЭ РАН, СПб.) директор ИВ РАН **Аликберов А. К.** выступил с докладом на тему «*О концепции фундаментальных измерений истории и культуры: можно ли измерить феномены этнической культуры с учетом их исторической динамики?*» В работе секции и проходивших дискуссиях активное участие принял **Савин И. С.** (ИВ РАН) с докладом «*Исследование индексации социальных изменений культуры: предварительные итоги пилотной фазы*», а также **Таймасов Л. А.** (Чувашский госуниверситет, Чебоксары) с докладом о религиозном факторе в этнической истории чувашей, **Химасов О. Р.** (Институт языка, литературы и искусства АН Республики Татарстан, Казань) — о языковой и этнической идентичности волго-уральских и сибирских татар и другие. На секции обсуждались вопросы многомерности и многомерного подхода в исследовании культуросложных обществ. По мнению выступавших, для понимания культуросложных обществ должен быть и сложный инструментарий; востоковедные исследования связаны с исследованиями и изучением языка, культуры, истории и т. д. По словам Аликберова А. К., говоря о востоковедении, необходимо понимать, что «...преследуя свои цели, мы сохраняем комплексность своей науки, не отгораживаясь от других направлений».

Огромная «палитра» тематических секций дает представление о масштабности разносторонних исследований в области антропологии и этнологии. В интервью накануне конгресса академик В. А. Тишков подчеркнул, что «... антропология — это наука не только физическая, биологическая и социокультурная. Даже по программе видно, что мы рассматриваем не только проблемы этничности и этнографии».

Тематика секций продемонстрировала «панораму» исследовательских направлений, их сложность и многогранность: проблемы идентичности в различных аспектах; многомерный подход в изучении этнической истории; проблемы межэтнических отношений в различных регионах страны; этнокультурное наследие народов России и мира; исследования в области политической, медицинской и юридической антропологии, а также вопросы киберислама. Проблемы этнологии; новые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья и многие другие были в центре внимания участников конгресса.

В огромном тематическом многообразии по замыслу организаторов самыми важными оказались исследования по России и ее регионам. Одна из таких секций была посвящена проблемам кавказского региона: «Институциональные, исторические и культурные формирования общероссийской идентичности в полиэтнических районах» (руководители — Авксентьев В. А., ЮНЦ РАН; Аствацатурова М. А., Пятигорский государственный университет). Участники заслушали доклады, посвященные проблемам межконфессионального диалога, политике идентичности на Северном Кавказе, вопросам коллективной памяти в постконфликтной Чечне, конструированию идентичности в системе школьного образования, а также женской религиозной активности и многие другие.

Зарубежная страноведческая проблематика и проблемы Востока в контексте антропологических и этнологических исследований также нашли отражение на секции ««Особые миры» Индии и российская этнография: контакты и контексты» (руководители — Рыжакова С. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Альбедиль М. Ф., Музей антропологии и этнологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, СПб.) и на круглом столе, в центре внимания которого находились проблемы субсахарской Африки, — «Исследования российских антропологов в субсахарской Африке и африканских диаспорах в XXI в.» (руководители — Бутовская М. Л., Институт этнологии и антропологии РАН, Бондаренко Д. М., Институт Африки РАН).

На секции «Мир ислама в исторических источниках» (руководители — Резван Е. А., Музей антропологии и этнографии РАН, СПб.; Колесников А. А., Санкт-Петербургский государственный университет; Резван М. Е., Музей антропологии и этнографии РАН, СПб.) обсуждались проблемы источниковедения, современные и традиционные методы исследования разнообразных источников, раскрывающие уникальный мир ислама. Среди источников — Кораны Узбекистана, петербургская копия Корана Османа, рукопись Крузенштерна — памятник малайской, мусульманской культуры и многое другое. Сотрудники ИВ РАН активно участвовали в работе секции. **Бобровников В. О.** (ИВ РАН) в соавторстве с **Дмитриевым Р. А.** (Российский этнографический музей, СПб.) представили доклад на тему «*Ислам в Ахтынском краеведческом музее: траектории вещей, текстов и людей*». Его коллега **Сызранов А. В.** (ИВ РАН) подготовил сообщение «*Источники по изучению ислама на Нижней Волге*». Изучая проблемы ислама в этом регионе в течение ряда лет, на основе результатов историко-архивных и этнографических исследований автор всесторонне раскрыл содержание выбранной темы.

В разнообразной тематической «мозаике» конгресса организаторы стремились сочетать все направления исследований — как традиционные, так и современные, связанные с IT-технологиями. Исследователи **Рогозина С. А.** (ИВ РАН) и **Хабибуллина З. Р.** (ИЭИ, Уфа) и как руководители секции «Киберислам: трансформация традиций в условиях цифровизации религии», и как докладчики сумели показать развитие нового научного направления IT-исследований, связанного с проблемами мусульманского мира, адаптирующегося к новым условиям и реальностям цифрового пространства. В ходе выступлений и дискуссий на секции обсуждались доклады **Белоруссовой С. Ю.** (МАЭ (Кунсткамера) РАН, СПб.) «*Религия в виртуальном пространстве: методы и перспективы изучения*»; **Юнусовой А. Б.** (Уфимский университет науки и технологий, Уфа) «*Кибер-портрет российского муфтия. Медиаметрический анализ*»; **Рогозиной С. А.** (ИВ РАН) «*Мусульманские соцсети в современной России: картографирование и постановка проблемы*»; **Хабибуллиной З. Р.** «*Тарикат хакканийи в социальной сети «ВКонтакте»: анализ киберактивности*».

Тема виртуального ислама и сопредельных исследований продолжилась на секции «Трансформация идентичности в виртуальном пространстве: киберэтничность и веб-религиозность» (руководители — Белоруссова С. Ю., МАЭ, Кунсткамера, РАН, СПб., Хохолькова Н. Е., Институт Африки РАН). **Хабибуллина З. Р.** (ИЭИ, Уфа) в своем докладе «*Виртуальный ислам в академических исследованиях на постсоветском пространстве*» обобщила и проанализировала весь накопленный потенциал изучения этой проблемы. В ряде докладов и дискуссий обсуждались вопросы киберэтничности и киберактивности в виртуальном пространстве представителей различных национальностей. Так, **Тания Ш. Ш.** (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», СПб.) представила доклад «*Виртуальная этничность и сетевые практики абхазов: аналитический обзор*»; **Айба Т. Г.** (МАЭ Кунсткамера РАН) — доклад «*Стамбульский абхазский культурный центр в киберпространстве, религиозно-праздничные практики*».

Одна из многочисленных секций — «Историческая память в антропологии и устной истории» (руководители — Щеглова Т. К., Алтайский государственный университет, Барнаул; Корусенко С. Н., Институт археологии и этнологии СО РАН, Омск) раскрыла широкий тематический диапазон докладов с богатым исследовательским материалом. Участники секции обсудили проблемы создания воинских мемориалов в Китае и Японии после русско-японской войны (вопрос о политкультурном влиянии); вопросы исторической памяти русских и китайских харбинцев в устной истории; драматические события Второй мировой войны — память о Холокосте и этническую идентичность в семьях советских евреев и другие.

Актуален, на наш взгляд, доклад **Чубуковой Д. Г.** (Институт этнологии и антропологии РАН) «*Крым как поле памяти в исторической политике и культурной памяти России и Украины: борьба нарративов*».

На секции «Евреи советского и постсоветского пространства в современном мире: миграции, диаспоры, транснациональные связи» (руководители — Емельяненко Т. Г., Российский этнографический музей СПб.; Кузнецова Р. Ш., Кубанский государственный университет, Краснодар) в центре внимания находились теоретические проблемы миграции евреев из СССР и постсоветских стран; особенности и проблемы еврейских общин в России и странах ближнего и дальнего зарубежья. В докладе д. и. н., в. н. с. **Носенко-Штейн Е. Э.** (ИВ РАН) «*Русскоязычные евреи в современном мире: диаспора или транснациональное сообщество?*» был проанализирован широкий круг теоретических проблем, затронуты вопросы этноса. Автор рассмотрела ситуацию с советскими евреями, их отношение к иудаизму; остановилась на положении русскоязычных евреев в Израиле, изменивших социокультурный облик страны. По ее мнению, в современном Израиле сформировалось транснациональное русскоязычное сообщество со своими особенностями. С. н. с., к. и. н. **Масюкова И. В.** (ИВ РАН) посвятила свой доклад «*Негалахические русскоязычные евреи в Израиле: проблемы адаптации (постсоветский период)*» проблемам негалахических евреев в условиях усиления крайне правых и ультраортодоксальных сил в израильском обществе. Нерешенность многочисленных проблем негалахических евреев (прохождение гиора, вопросы оформления семейно-брачных отношений, проблемы захоронений и др.), по мнению автора, постоянно усиливает напряжение и конфликты между светским и религиозным Израилем.

Тематика секционных докладов была также посвящена историческим, этнографическим, социально-культурным, демографическим, лингвистическим и другим проблемам евреев России. Петербургские коллеги — к. и. н. **Корочкина В. А.** (СПбГУ), д. ф. н. **Беркович Н. А.** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, СПб.) уделили внимание еврейскому этносу, его ветхозаветным смыслам в контексте этнодемографических трансформаций; к. и. н. **Зеленина Г. С.** (ИСАА МГУ) проанализировала отчеты западных еврейских активистов о поездках в СССР в 1970–1980-е гг.; **Козлова И. В.** (РАНХ и ГС при Президенте РФ) поделилась впечатлениями о полевых исследованиях, посвященных еврейским коммеморативным практикам в ряде городов РФ. Большое внимание на секции было уделено современному положению еврейских общин в различных регионах России. Автор доклада «*Евреи Донского края: геодемографическая и воспроизводственная динамика (XIX — начало XXI в.)*» д. и. н. **Суций С. Я.** (ИОНЦ РАН, Ростов-на-Дону) на обширном статистическом материале показал основные тенденции развития геодемографической ситуации в регионе в течение двух столетий. Тема горских евреев убедительно прозвучала в нескольких докладах: **Колесов В. И.** (Краснодар) наглядно продемонстрировал, как из локальных сельских общин горские евреи превратились в транснациональную группу (XIX–XXI вв.); **Дрейер А. М.** (РГГУ) поделился впечатлениями об истории изучения горских евреев во время российско-израильской экспедиции 1994 г.; эту тему продолжила д. и. н. **Кузнецова Р. Ш.** (Кубанский государственный университет, Краснодар) с докладом на тему «*Этнография горских евреев Азербайджана и Дагестана (по материалам экспедиции 1994 г.)*».

Теме горских евреев посвятила два доклада **Агабабян А. Г.** (Краснодар): для секции «Кавказ: повседневность и конфликт в динамике культурной традиции (XIX–XXI вв.)» — «*Современное состояние горско-еврейской общины г. Пятигорска (по материалам полевых исследований 2022–2023 гг.)*» и для секции по еврейским общинам — доклад о многоязычии у горские евреев Кавказа в постсоветскую эпоху. Известный специалист в области иудаики, историк, лингвист **Гаммал М. И.**

(ИСАА МГУ) рассмотрел фольклор крымских караимов с точки зрения иудаики. Большое внимание привлек доклад соруководителя секции д. и. н. **Емельяненко Т. Г.** (Российский этнографический музей, СПб.), посвященный бухарским евреям в Узбекистане в XXI в. Автор доклада, на протяжении многих лет комплексно изучая бухарских евреев, накопила большой этнографический материал по разным периодам истории бухарской общины как в Узбекистане, так и после эмиграции части общины в Израиль, США и другие страны.

Одна из целей конгресса заключалась в том, чтобы, исследуя все национальное богатство и многообразие российского общества, искать пути его дальнейшего развития и совершенствования, способствовать преодолению трудностей и предотвращению конфликтов. Участники обсудили актуальные проблемы и особенности развития межнациональных и этноконфессиональных отношений, проблемы мигрантов, национальную политику властей и многие другие. На секции «Этничность и власть в России: история и современность» (руководители — Зорин В. Ю., ИЭА РАН; Каменских М. С., Пермский федеральный исследовательский центр УО РАН, Пермь) в докладах и дискуссиях участников поднимались проблемы чеченского сепаратизма в начале XXI в.; государственности чувашского народа; формирования концепций российского патриотизма на присоединенных территориях ДНР и ЛНР и другие. В работе этой секции приняла активное участие специалист по межэтническим отношениям, социальным и культурным проблемам этнических групп **Анайбан З. В.** (ИВ РАН), выступившая с докладом «*Институты гражданского общества и их роль в гармонизации межэтнического взаимодействия (на примере Республики Хакасия)*».

Большой интерес вызвала секция по проблемам миграции — «Мигранты и принимающие общества: стратегии и практики взаимодействия и интеграции» (руководители — Мухаметшина Н. С., Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара; Нам И. В., Томский государственный университет, Томск). В ходе дискуссии раскрывались многосложные проблемы как самих мигрантов, так и их отношений в социуме принимающего общества. «География» тематических докладов весьма обширна: от адаптации китайских студентов в российском вузе до положения иностранных мигрантов в Марий Эл; от социально-психологических аспектов интеграции мигрантов из Закавказья и Центральной Азии в Самарской области — до особенностей проживания мигрантов в дальневосточных городах и т. д.

На примере своих регионов выступавшие анализировали трудности и успехи миграционной политики местных властей, поиск компромиссов между сторонами; новые адаптивные практики мигрантов, успехи и риски этнокультурных контактов. Известная исследователь к. э. н. **Космарская Н. П.** (ИВ РАН), специалист по этносоциальным и этнокультурным процессам в России и на постсоветском пространстве, выступила с докладом «*Контакты с мигрантами как фактор воздействия на уровень ксенофобии (социально-экономический аспект)*». Ее коллега **Сафонова Н. В.** (ИВ РАН) посвятила свое выступление зарубежной миграции и проблемам мусульманской общины во Франции: «*Исламизация vs интеграция: о роли этих процессов в мусульманской общине Франции*».

Среди всего разнообразия проблематики конгресса без внимания не остались жизненно важные проблемы здоровья россиян. Их обсуждали представители многих российских регионов на секции «Здоровьесбережение и здравоохранение в фокусе медицинской антропологии», а также на секции «Новые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: этнические, религиозные и социальные аспекты» (руководители — Носенко-Штейн Е. Э., ИВ РАН; Фролова А. В., Институт этнологии и антропологии РАН). На секции с докладами выступили сотрудники ИВ РАН: **Савин И. С.** — «*Цифровые технологии в жизни людей*

с особенностями развития в Казахстане» и соруководитель секции **Носенко-Штейн Е. Э.** — «*Как выйти за пределы гетто: сравнительный опыт России и Израиля*».

XV Конгресс продемонстрировал высокий научно-профессиональный уровень докладов и дискуссий, востребованность и потребность общества в актуальных исследованиях в области антропологии и этнологии, поиск путей решения проблем, мешающих гармоничному развитию многонациональной страны.

Во время форума всем желающим была предоставлена возможность ознакомиться с новыми публикациями — книгами, профильными журналами, обменяться с коллегами новой информацией, принять участие в насыщенной культурной программе. Гостеприимство и доброжелательность организаторов сопутствовали успеху конгресса, в рамках которого состоялся очередная съезд Ассоциации антропологов и этнологов России (ААЭР), который подвел итоги конгресса, единогласно переизбрал президентом Ассоциации научного руководителя ИЭА РАН академика Тишкова В. А. и утвердив проведение в 2025 г. в Перми следующего, XVI, Конгресса антропологов и этнологов России.

Литература/References

Электронные ресурсы/Electronic sources:

В Таврическом дворце идет XV Конгресс антропологов и этнологов России. URL: <https://News.kmnsouyz.ru> (дата обращения: 10.07.2023).

Конгресс антропологов и этнологов пройдет в Петербурге. Научная жизнь. 04.06.2023, URL: <https://scientificrussia.ru> (дата обращения: 13.07.2023).

Ученые ЮНЦ (Южного научного центра) РАН выступили с докладами на XV КАЭР. URL: <https://www.ssc-ras.ru> (дата обращения: 11.07.2023).

Итоги XV Конгресса антропологов и этнологов. Центр медиакоммуникаций МАЭ РАН. URL: <https://new.ras.ru> (дата обращения: 15.07.2023).

В Санкт-Петербурге стартовал XV Конгресс антропологов и этнологов России. URL: <https://historyrussia.org> (дата обращения: 17.07.2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-290-295

**ЛУЧШИЙ СРЕДИ ПЕРВЫХ.
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю. А. РУБИНЧИКА**

© 2023

М. С. Каменева¹

Статья посвящена знаменательной дате — столетию со дня рождения видного российского ираниста, специалиста в области иранского языкознания, прежде всего в изучении современного персидского языка Юрия Ароновича Рубинчика. Имя Юрия Ароновича широко известно не только в РФ — его хорошо знают как в бывших республиках СССР, для которых он подготовил достойные кадры иранистов, так и во многих странах мира, прежде всего в Иране. В статье анализируется вклад этого известного ученого в развитие персидского языкознания — его грамматики, лексики, фразеологии, лексикографии. Особенно подчеркивается значение его работы как составителя и руководителя авторского коллектива Персидско-русского словаря в двух томах, который в течение нескольких десятилетий оставался уникальным и чрезвычайно востребованным двуязычным словарем в РФ. Он выдержал несколько переизданий и был высоко оценен в Иране. Автор статьи также отмечает участие Ю. А. Рубинчика в изучении социолингвистических проблем современного персидского языка, причем как до исламской революции в Иране, так и в Исламской Республике Иран, что получило отражение в ряде его научных работ, где эти проблемы рассматриваются в контексте иранского политического дискурса. Заслуги Юрия Ароновича, научная деятельность которого была преимущественно связана с Институтом востоковедения, неоднократно отмечались наградами разного достоинства. Иранское государство также высоко оценило вклад видного российского ученого в изучение Ирана, наградив его в том числе престижной международной премией имени Фараби.

Ключевые слова: Рубинчик, Институт востоковедения, иранское языкознание, персидский язык, Иран

Для цитирования: Каменева М.С., Лучший среди первых. К 100-летию со дня рождения Ю. А. Рубинчика. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 290–295. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-290-295

**THE BEST OF THE FIRST. ON THE OCCASION OF THE 100TH
ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF YU.A. RUBINCHIK**

Marina S. Kameneva

The article marks a significant date — the 100th anniversary of the birth of Yuri Aronovich Rubinchik, a prominent Russian specialist in Iranian studies, an expert in the field of Persian linguistics. The name of Yu. A. Rubinchik is widely known not only in the Russian Federation, he is also renowned both in the former republics of the USSR, for which he trained qualified specialists in Iranian studies, and in many countries of

¹ Каменева Марина Самуиловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; kamenevamarina@mail.ru

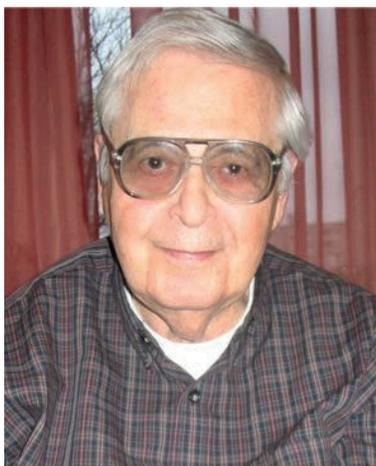
Marina S. Kameneva. PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kamenevamarina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3680-0301

the world, primarily in Iran. The article analyzes the contribution of this famous scientist to the development of Persian linguistics — grammar, vocabulary, phraseology, lexicography. There is particularly emphasized the importance of his work as a compiler and head of the collaborative writing team of the Persian-Russian Dictionary in two volumes, which for several decades remained a unique and extremely popular bilingual dictionary in the Russian Federation. It was republished several times and was highly acclaimed in Iran. The author of the article also notes the participation of Yu. A. Rubinchik in the study of sociolinguistic problems of the modern Persian language, both before the Iranian revolution and in the Islamic Republic of Iran; it was reflected in a number of his scientific works, where these problems are considered in the context of Iranian political discourse. Yu. A. Rubinchik, whose scientific activity was mainly associated with the Institute of Oriental Studies, received many awards. Iran also highly appreciated the contribution of the prominent Russian scientist to the study of the state, by giving him, among other things, the prestigious Farabi International Award.

Keywords: Rubinchik, Institute of Oriental Studies, Persian linguistics, the Persian language, Iran

For citation: Kameneva M. S., The Best of the First. On the Occasion of the 100th Anniversary of the Birth of Yu. A. Rubinchik. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 3. Pp. 290–295. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-290-295

В 2023 г. исполняется 100 лет со дня рождения видного российского ученого-ираниста, известного специалиста в области иранского языкознания, доктора филологических наук Ю. А. Рубинчика. Юрий Аронович родился в Москве в 1923 г. После окончания школы в 1941 г. был призван в армию, принимал участие в обороне Москвы, участвовал в знаменитом параде Победы в 1945 г. на Красной площади. Был рекомендован к поступлению в Московский институт востоковедения, который впоследствии вошел в состав Военного института иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА). Именно в этом высшем учебном заведении Ю. А. Рубинчик получил востоковедное образование. Известно, что ВИИЯ КА в разное время воспитал целую плеяду прекрасных специалистов в области востоковедных истории, языкознания, литературоведения [Милибанда, 2008, с. 273–274].

После окончания ВИИЯ КА 10 лет он посвятил практической деятельности в качестве преподавателя института, а затем перешел на работу в Институт востоковедения АН СССР, с которым будет связана вся его дальнейшая научная жизнь. Уже работая в Институте, он параллельно с успешными научными исследованиями в разные годы вел активную педагогическую деятельность в ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова и МГЛУ. Как прекрасный ученый и педагог

он подготовил более 20 кандидатов наук, которые работают не только во всех уголках бывшего Советского Союза, но и за рубежом. Среди его учеников числятся многие ныне активно работающие иранисты.

Имя Юрия Ароновича Рубинчика занимает особое место среди ученых-иранистов России. Он автор 8 монографий, более 130 научных статей по широкому спектру проблем современного персидского языкознания, руководитель авторского коллектива и ответственный редактор двухтомного Персидско-русского словаря, который был отмечен премиями как в России, так и в Иране. Надо сказать, что современниками Юрия Ароновича были многие известные ученые, которые внесли значительный вклад в развитие иранистики, но он всегда был одним из первых среди них.

Ю. А. Рубинчик сделал очень много не только для развития персидского языкознания в России, но и для его становления и развития в независимых государствах Центрально-азиатского региона, где еще с советского времени его ученики преподают в вузах этих теперь самостоятельных государств и развивают иранистику в их академических центрах. С работами Ю. А. Рубинчика и его научными взглядами хорошо знакомы в Израиле, где уделяется большое внимание иранистике и где также работают в этой области его ученики. Наконец, в самом Иране его научные труды получили высокую оценку научной общественности. Он сотрудничал со многими известными иранскими специалистами-лингвистами своего времени, одним из которых был Парвиз Нател Ханляри. Он также поддерживал научные контакты с известными европейскими иранистами, как, например, с французским ученым Жильбером Лазаром.

Нет ни одной области в персидском языкознании, которая не получила бы отражение в научных исследованиях Ю. А. Рубинчика. Его перу принадлежат основополагающие труды по грамматике, лексикологии и лексикографии, фразеологии персидского языка.

В работе «Основы фразеологии персидского языка», написанной на основе докторской диссертации и опубликованной в 1981 г., автор дает полную картину структуры и особенностей функционирования фразеологических единиц в персидском языке, анализирует практически все разновидности фразеологических единиц как с точки зрения их компонентов, синтаксических связей между этими компонентами, так и поиска вариантов их перевода на русский язык. Автор подчеркивает, что представляет синхронное описание персидских фразеологических единиц и не затрагивает проблемы исторической фразеологии. Выводы и основные теоретические положения монографии базируются на исследовании большого фактического языкового материала, собранного к тому периоду автором, но получившего лишь частичное отражение в книге в виде иллюстративного материала. Значение этого капитального труда не раз отмечалось еще при жизни автора, поскольку в современном персидском языке фразеологизмы широко представлены и играют важную роль в процессе коммуникации [Рубинчик, 1981].

Не менее серьезным научным исследованием Ю. А. Рубинчика является «Грамматика современного персидского литературного языка», вышедшая в 2001 г. Написание такой грамматики диктовалось как необходимостью дальнейшего, более глубокого изучения грамматического строя персидского языка, так и повышением уровня его преподавания в учебных заведениях России. Эту монографию с полным основанием можно считать уникальным, новаторским исследованием, не имеющим аналогов как в отечественной, так и в зарубежной иранистике. Работу отличает полнота включенного материала, новый подход к решению многих вопросов частей речи и их грамматических категорий, синтаксиса простого и сложного предложений, большая системность изложения фонетики и фонологии, морфологии и синтаксиса, а также выделение морфонологии впервые как самостоятельного раздела [Рубинчик, 2001]. Грамматика получила

очень высокую оценку в Иране, она была переведена на персидский язык, и ее автору руководством страны была присуждена международная премия имени Фараби. Эта премия чрезвычайно престижна в ИРИ, она ориентирована на достижения в области гуманитарных наук и исламских исследований. Премия имени Фараби была учреждена в Иране в 2007 г., а уже в 2009 г. ее был удостоен Ю. А. Рубинчик за свой капитальный научный труд. Таким образом, он занял заслуженное место среди первых ее лауреатов — иранских ученых и представителей иностранной науки из Италии, США, Ливана и других стран. Вручение премии и сопровождающей ее Почетной грамоты президента Ирана состоялось при жизни Юрия Ароновича в Москве во время торжественного заседания с участием иранистической общественности столицы, посла ИРИ в РФ Сеида Махмуда Саджади, главы Культурного представительства А. Эбрахими Торкамана, сотрудников иранских дипломатических ведомств, а также представителей иранских СМИ.

В 1970 г. после проведения на базе Института востоковедения АН СССР первой конференции, посвященной анализу языковой ситуации и языковой политики в странах зарубежного Востока, которая способствовала научному оформлению востоковедной социолингвистики в России, Ю. А. Рубинчик активно включился в исследования в этом направлении. Он написал немало работ, посвященных языковой политике иранского руководства, развитию лексики персидского языка, деятельности академий персидского языка, анализируя при этом как период в истории Ирана до исламской революции, так и после нее. Одной из его основополагающих работ (в соавторстве) в этой области стала публикация в 1986 г. в справочнике «Зарубежный Восток: языковая ситуация и языковая политика» раздела, посвященного Ирану, где с позиции появления на карте мира Исламской Республики Иран были описаны особенности языковой ситуации в этой полиэтнической стране и основные направления проводимой стоящим у власти шиитским духовенством языковой политики. Именно на анализ языковой политики в ИРИ было направлено основное внимание исследователей, поскольку в этой сфере были сосредоточены принципиальные инновации. В разделе представлен сжатый экскурс в изучаемый вопрос для Ирана периода правления шаха Мохаммада Реза Пехлеви и показаны изменения в языковой политике, характерные для нового периода в развитии страны, — юридическое закрепление главенствующего положения персидского языка в Конституции ИРИ, усиление роли арабского языка в жизни иранского общества, как следствие — возобновление процесса арабизации персидского языка, попытки разрешения национально-языкового вопроса и, наконец, стремление к уменьшению роли западной культуры в целом и западноевропейских языков в частности в стране [Зарубежный Восток, 1986, с. 189–198]. Эта публикация инициировала дальнейшие исследования Ю. А. Рубинчика в области персидской социолингвистики, что вылилось в написание ряда статей по этому научному направлению [Рубинчик, 1983, с. 126–139; 1991, с. 150–162; 1998, с. 53–59; 1999, с. 173–180].

В 1991 г. вышла из печати еще одна основополагающая работа Ю. А. Рубинчика — «Лексикография персидского языка», которую сам автор охарактеризовал как первую попытку осветить состояние этого направления в персидском языкознании и теоретически осмыслить и обобщить опыт работы по составлению различных типов словарей персидского языка [Рубинчик, 1991]. За плечами Ю. А. Рубинчика уже был большой опыт в этой области как составителя, редактора и руководителя авторского коллектива, написавшего «Персидско-русский словарь» в 2-х томах, а также автора «Грамматического очерка персидского языка», сопровождающего его [Рубинчик, 1970]. Словарь был издан в СССР в 1970 г., в дальнейшем несколько раз переиздан как в нашей стране (1983, 1985), так и в Иране (1985), впоследствии став библиографической редкостью. Его выход в свет стало событием в среде иранистов, получивших прекрасный

подарок для реализации их научной деятельности. В своих воспоминаниях о непростом для всех авторов (все уже были известные иранисты со своими научными амбициями и собственными взглядами и подходами к лексикографической работе) словаря времени работы над ним Юрий Аронович рассказывал, как сумел объединить их и создать коллектив единомышленников. Надо сказать, что этому словарю у нас в стране, на всем постсоветском пространстве, а также в Иране долгое время не было достойных конкурентов в течение практически 50 лет, хотя было очевидно, что новый словарь необходим, так как персидский язык, в первую очередь его лексика, постоянно меняется, и это требует словарной фиксации. И, используя свой личный опыт при создании двухтомного персидско-русского словаря, Ю. А. Рубинчик в «Лексикографии персидского языка» стремился к решению теоретических проблем, возникающих перед составителями переводных и толковых словарей персидского языка. Как первая работа в области персидской лексикографии она, по мнению автора, не претендует на полный охват всех вопросов в этой области, а ставит и решает наиболее важные для практики создания словарей вопросы.

Изданный к 80-летию Ю. А. Рубинчика в 2003 г. сборник статей «Восточное языкознание» — это дань его заслугам в развитии российской иранистики. Авторами статей являются ведущие ученые-востоковеды, прежде всего иранисты, исследования которых объединены общей тематикой — анализом актуальных проблем лексики, грамматики, фразеологии, составления словарей, получивших отражение в работах юбиляра [Восточное языкознание, 2003].

Хотелось бы также остановиться на удивительном таланте Ю. А. Рубинчика, исследователя-новатора, способного не только лично плодотворно разрабатывать актуальные научные направления, но и выбирать и подсказывать своим ученикам (а нередко и исследовать вместе с ними) те темы для их научных работ, новизна которых сохраняется по сей день. Надо сказать, что таких тем было предложено им немало. Они охватывают разные области изучения современного персидского языка. Можно сказать, что Ю. А. Рубинчик сумел воплотить в работах своих учеников те научные замыслы, на которые у него самого не хватало времени и исследовательских сил.

Под руководством Ю. А. Рубинчика, прекрасного ученого-ираниста и педагога, подготовили свои кандидатские диссертации многие известные специалисты по иранской филологии — А. И. Арсланбеков, А. Керимова, А. А. Веретенников, В. И. Месамед, М. С. Каменева, С. В. Мухлынина, С. Э. Талыбова и другие. Он был очень требователен к своим ученикам, что помогло большинству из них успешно завершить под его руководством обучение в аспирантуре и плодотворно работать в научных и практических организациях как в нашей стране, так и за ее пределами.

4 февраля 2013 г. в Институте востоковедения РАН состоялось научное заседание, посвященное памяти Ю. А. Рубинчика, скончавшегося 16 декабря 2012 г. на девяностом году жизни. Оно было организовано Институтом востоковедения совместно с Культурным представительством при Посольстве ИРИ в РФ. В заседании приняли участие коллеги Ю. А. Рубинчика по Институту востоковедения, а также по другим научным и практическим организациям, его друзья-сокурсники по Военному институту иностранных языков Красной армии и представители иранской стороны.

Перед началом заседания был показан небольшой фильм, посвященный Ю. А. Рубинчику и подготовленный на основе архивных документов и фотографий его семьи. Все выступавшие отмечали большой вклад Ю. А. Рубинчика в российскую иранистику, его активную научную деятельность, проявлявшуюся в участии в многочисленных публикациях, различного уровня

конференциях, высокую требовательность к себе и своим ученикам, тщательность и доскональность исследований, абсолютную научную честность.

В заключение хотелось бы отметить, что персидский язык, научному изучению и описанию которого посвятил свою жизнь Ю. А. Рубинчик, всегда был и остается в центре внимания руководства Ирана. Он является важным компонентом его политической доктрины. И сохранение персидского языка, его изучение и пропаганда — это одно из приоритетных направлений культурной политики в стране, что постоянно подчеркивается представителями иранского политического истеблишмента. Думается, что такое бережное отношение к персидскому языку в современном Иране является ярким подтверждением важности работы, проводимой Ю. А. Рубинчиком, его коллегами и учениками по его изучению и пропаганде в нашей стране.

Литература / References:

Восточное языкознание. К 80-летию Ю. А. Рубинчика. М.: Восточная литература, 2003 [*Oriental linguistics. On the Occasion of the 80th Anniversary of the Birth of Yu. A. Rubinchik.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003 (in Russian)].

Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. Справочник. М.: Наука, 1986 [*The Foreign East. Linguistic Situation and Language Policies.* Reference Book. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Милибанд С. Д. *Востоковеды России.* Библиографический словарь. В двух томах. Т. 2. М.: Восточная литература, 2008 [Miliband S. D. *Orientalists of Russia.* In two volumes. Volume 2. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008 (in Russian)].

Персидско-русский словарь. В двух томах. М.: Русский язык, 1970 [*Persian-Russian dictionary.* In two volumes. Moscow: Russkiy Yazyk, 1970 (in Russian)].

Рубинчик Ю. А. *Основы фразеологии персидского языка.* М.: Наука, 1981 [Rubinchik Yu. A. *Fundamentals of Persian Phraseology.* Moscow: Nauka, 1981 (in Russian)].

Рубинчик Ю. А. *Некоторые особенности формирования и развития лексики современного персидского языка (период до революции 1979 г.)* // Развитие языков в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1983 [Rubinchik Yu. A. *Some Features of the Formation and Development of Modern Persian Language Vocabulary before the 1979 Revolution.* Development of the Languages in the Foreign East Countries. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Рубинчик Ю. А. *Лексикология персидского языка.* М.: Наука, 1991 [Rubinchik Yu. A. *Persian Lexicology.* Moscow: Nauka, 1991 (in Russian)].

Рубинчик Ю. А. *Развитие языка и вопросы иноязычного влияния на языковую систему (арабизмы и европеизмы в персидском языке)* // Лексические заимствования в языках зарубежного Востока. Социолингвистический аспект. М.: Наука, 1991 [Rubinchik Yu. A. *Language Development and Foreign Language Influence on the Language System (Arabic and European Borrowings in Persian).* Lexical Borrowings in the Languages of Foreign East Countries. Sociolinguistic aspect. Moscow: Nauka, 1991 (in Russian)].

Рубинчик Ю. А. *Некоторые особенности развития персидского языка после исламской революции* // Иран: эволюция исламского правления. М.: ИВ РАН, 1998 [Rubinchik Yu. A. *Some Features of the Persian Language Development after the Islamic Revolution.* Iran: the Evolution of Islamic Regime. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 1998 (in Russian)].

Рубинчик Ю. А. *Некоторые проблемы совершенствования персидского языка в конце XX в.* // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. М.: ИВ РАН, 1999 [Rubinchik Yu. A. *Some Problems of the Persian Language Improvement in the late XXth Century.* The Iranian Revolution: Past, Present, Future. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 1999 (in Russian)].

Рубинчик Ю. А. *Грамматика современного персидского литературного языка.* М.: Восточная литература, 2001 [Rubinchik Yu. A. *Grammar of Modern Literary Persian.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001 (in Russian)].

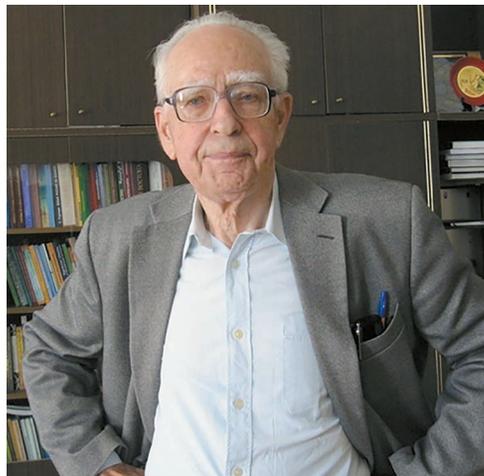
ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

© 2023

Т. Н. Загородникова¹

MY TEACHER: IN MEMORIAM

Tatiana N. Zagorodnikova

Не стало Леонида Борисовича Алаева.

В это трудно поверить, потому что для меня, как и для многих, Институт востоковедения в значительной степени ассоциировался с этим человеком. Даже когда его не было в институте, как в последнее время из-за ковида или плохого самочувствия, или ранее, когда он был главным редактором журнала «Восток», который территориально и административно относился к Институту Африки, все равно его присутствие ощущалось. К Леониду Борисовичу можно было обратиться с любым вопросом и найти если не развернутый ответ, то рекомендации по его поиску. К нему обращались и индологи, и неиндологи, зная его широкий кругозор и глубокие знания по, казалось бы, далеким от его непосредственных профессиональных интересов вопросам. Это был человек не только не боявшийся обсуждений и дискуссий, но сам их вызывавший. Одна из его последних книг [Алаев, 2021] начинается Введением, где он приглашает

¹ Загородникова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tnzag@mail.ru
Tatiana N. Zagorodnikova, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tnzag@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7210-834X

своих читателей на дискуссию с надеждой, что это продвинет наше понимание истории Востока и Индии в частности.

Когда-то давно, как он сам рассказывал, он дал себе слово читать все, что ему давали на прочтение, интересно это или нет, хорошо написано или надо продираться сквозь плохо сформулированный текст и выводы. Отсюда его кругозор в востоковедении и знание последних достижений и открытий в этой науке. Отсюда и то уважение, которое питали к нему многие востоковеды, прикоснувшиеся к этой массе знаний.

Основной темой его исследования на протяжении всего его научного бытия была сельская община — сначала Южной Индии, а потом Индии в целом со всеми территориальными особенностями и различиями в историческом развитии этого института. Он считал, что понимание возникновения, развития и современной жизни общины, функционирования ее институтов даст ключ к пониманию Индии в целом, ее истории, культуры, общественной жизни и т. д. Сколько статей было им написано на этом долгом, более чем 60-летнем, пути! И в каждой статье он исследовал какую-то одну сторону общины, собирая таким образом исторический пазл. Мне кажется, что последнюю часть этого пазла он нашел совсем недавно: в 2019 г. в сборнике нашего Центра «Индия: история и историография» вышла его большая статья «Загадка системы джаджмани в марксистской историографии» [Алаев, 2019]. Вкратце: считалось, что включение некоторых ремесленников в состав общины и их содержание за счет общины было следствием неполного отделения ремесла от земледелия, обеспечивавшего экономическую замкнутость общины. Тогда зачем прачка и цирюльник входили в общину? Они не играют роли в ее экономике. Леонид Борисович доказал, что «набор общинных служащих был продиктован кастовыми правилами ритуального осквернения и не имел целью достижение самообеспеченности общины» [Алаев, 2019, с. 20]. Пазл сложился.

Не следует думать, что Леонид Борисович занимался сельской общиной и только. Круг его научных интересов был очень широк. Это была эпиграфика, историография, общая теория истории и многое другое, плюс редактирование чужих монографий, написание отзывов на рукописи, оппонирование диссертаций, рецензирование, преподавание и т. д. и т. п. Мне посчастливилось работать с ним над публикацией травелога по Индии князя А. Д. Салтыкова [Салтыков, 1985] и мемориального тома, посвященного столетию К. А. Антоновой [В России..., 2010]. Проф. Ю. Н. Тихонов из Липецка вспоминал, что именно Леонид Борисович поддерживал его начинания по публикации документов НКВД и Коминтерна по Индии и Афганистану, а потом напечатал рецензию в «Востоке» [Советская Россия, 2018]. Этот перечень можно продолжать и продолжать.

У него было мало учеников — всего 5 кандидатов наук и 2 доктора наук, но огромное количество историков считают себя его учениками, потому что он прочитал их работы, сделал замечания, дал вектор нового поиска. Это не считая тех, кто, просто читая его монографии, брал его методологию и применял ее в своих работах. Это не считая студентов. Он долгое время преподавал в МГИМО, в ИСАА МГУ, вел ряд спецкурсов для аспирантов ИВ РАН. В наше время, когда после завершения обучения выпускник часто вынужден работать не по полученной, а часто и любимой, специальности, его лекции помнят за логичность и четкость изложения, за обилие исторических анекдотов, которые и прекрасно запоминаются, и помогают запомнить контекст. Это не значит, что он не был строгим и требовательным, но запомнились его доброжелательность, всегдашнее стремление найти в любой, даже самой слабой, работе что-то новое и интересное.

Его будут помнить немногочисленные в силу преклонного возраста друзья по неизменным атрибутам советского времени: походам на овощную базу и на майские и октябрьские демонстрации; по праздничным капустникам, где он был автором и исполнителем; по шахматным турнирам.

Индологам запомнились его выступления на многочисленных конференциях и съездах. Он был непререкаемым авторитетом в своей области, его доклады всегда опирались на солидную источниковедческую базу. Хотя многим и не нравилось то, что он «залезал» не на свою территорию — высказывался по современным проблемам Индии, или культурологии, или международным отношениям, но к его суждениям в конце концов прислушивались, потому что часто такой подход немного «со стороны» оказывался оригинальным и продуктивным.

Он всегда очень активно участвовал в жизни Института: был членом Ученого совета ИВ РАН, сопредседателем Общества востоковедов РАН, еще раньше — членом месткома, лектором общества «Знание» и т. д. и до последних дней живо интересовался происходящим вокруг.

Его будет помнить и любить семья: жена, дочь и сыновья, внуки и правнуки. Он успел подержать на руках и прожить больше года со своим правнуком Леней, его особой гордостью и, по его собственным словам, его продолжением.

С уходом Л. Б. Алаева в отечественной индологии ушла целая эпоха.

Литература

Алаев Л. Б. Рец. на: Советская Россия в борьбе за «Афганский коридор» (1919–1925). Сборник документов. Сост. и автор предисл. Ю. Н. Тихонов. М.: Квадрига, 2017. *Восток*. 2018. № 3. С. 196–198.

Алаев Л. Б. Загадка системы джаджмани в марксистской историографии. Индия: история и историография. *Труды ИВ РАН*. Вып. 24. М., 2019. С. 20–47.

Алаев Л. Б. *Индийская цивилизация: Опыт понимания*. М.: URSS, 2021.

«В России надо жить долго...» Памяти К. А. Антоновой (1910–2008). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2010.

Салтыков А. Д. *Письма об Индии*. М.: ГРВА, 1985.

Подписано в печать 21.08.2023. Формат 60x84/8
Бумага офсетная 80 г/м².
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 34,88. Уч.-изд. л. 22,1.
Заказ №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
тел. (495) 651-84-56